Е. В. Гутнова

Возникновение английского парламента

Е. В. ГУТНОВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

(Из истории английского общества
и государства XIII века)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ответственный редактор
академик С. Д. Сказкин

ВВЕДЕНИЕ

Проблема возникновения в Англии парламента и феодальной монархии с сословным представительством крайне запутана и усложнена в буржуазной историографии. Это объясняется тем, что она связана с вопросом о государстве, который, по словам В. И. Ленина, уступая в этом только политической экономии, «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос» [1].

Научная историография по так называемой конституционной истории Англии, опирающаяся на анализ первоисточников и дающая систематическое изложение политической истории Англии XIII—XIV вв., возникла только в начале XIX в. [2].

В XIX в., когда буржуазный парламентаризм в Англии переживал свой наивысший расцвет, в западноевропейской историографии прочно утвердилась национально-либеральная, или вигская, точка зрения. Все крупнейшие английские медиевисты этого периода (Галлам [3], Пэльгрев [4], Фримен [5], затем

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 435.

[2] Интересно, однако, что основные точки зрения, сложившиеся в буржуазной историографии по этому вопросу и до сих пор определяющие ее лицо, зародились еще в XVII в., в ходе политической борьбы между защитниками неограниченной королевской власти и сторонниками ее парламентского ограничения (накануне революции 1640—1660 гг.), а затем — между тори и вигами (конец XVII, а также XVIII в.).

Уже в это время вигские политики и публицисты представляли историю средневековой Англии как постепенное развитие парламентских свобод, рассматривая под этим углом зрения все ее важнейшие события; их оппоненты торийской ориентации, напротив, изображали ее, как победоносное развитие сильной королевской власти, выдвигая на первый план те факты и события, которые, по их мнению, доказывали такой ход истории.

[3] H. Hallam. A View of the State of Europe during the middle ages, vol. 1—2. London, 1818.

[4] F. Palgrave. The rise and progress of the English Commonwealth. London, 1832.

[5] P. Freeman. The growth of the English constitution from the earliest times. London, 1872.

Стеббс[6], Грин[7] и многие другие) усиленно старались подкрепить ее материалом источников и широко использовали свои исторические концепции для прославления политического строя буржуазной Англии[8].

Свое яркое и законченное выражение вигская концепция нашла в работе епископа В. Стеббса, трехтомной «Конституционной истории Англии с древнейших времен до конца XV в.», которая впервые вышла в свет в середине 70-х гг.[9] прошлого столетия. Поэтому для характеристики всего вигского направления в целом мы ограничимся изложением основных положений, выдвинутых Стеббсом[10].

Построенная на обширном материале источников, затрагивающая все основные вопросы так называемой конституционной истории средневековой Англии, которые до сих пор актуальны в буржуазной историографии, работа Стеббса неизменно оказывала большое влияние на всех историков, занимавшихся этими сюжетами. До сих пор как сторонники, так и противники вигской концепции неизменно начинают свои исследования по истории XIII в., отправляясь от работы Стеббса, критикуя его или соглашаясь с ним.

Первым и важнейшим источником развития английского средневекового государства и общества Стеббс считал «германские основы» — общественные отношения древних германцев, которые, по его мнению, положили начало общественному развитию не только англичан, но и других народов Западной Европы. Главным достоинством политического строя древних германцев Стеббс считал наличие у них монархии, ограниченной национальным советом и местными «народными» учреждениями. Преимущество же англосаксов перед другими гер-

---

[6] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. 1—3. Oxford, ed. 1-e, 1874—1878; 2-e, 1891.

[7] См. Д. Р. Грин. Краткая история английского народа, перевод с английского, т. 1—3. М., 1897.

[8] Эту вигскую точку зрения, хотя и с некоторыми вариантами, усвоили также и многие крупные медиевисты других стран (Ф. Гизо, О. Тьерри и их единомышленники — во Франции, Ф. Гнейст — в Германии, М. М. Ковалевский, Д. М. Петрушевский — в России).

[9] Любопытно при этом, что сам Стеббс не был вигом и принадлежал к партии тори. Это указывает, с одной стороны, на широкое распространение и господствующее положение вигской концепции в историографии XIX в., с другой — на незначительность расхождений между тори и либералами в наиболее существенных вопросах политики. Известно, что либерализм английской буржуазии в XIX в. носил явно консервативную окраску, а английские консерваторы этого времени преклонялись перед буржуазным парламентаризмом едва ли меньше, чем либералы.

[10] Подробное изложение взглядов других историков вигской школы имеется в моей статье «Проблема происхождения и ранней истории английского парламента (XIII—XIV вв.) в буржуазной историографии». Журн. «Вопросы истории», 1948, № 11.

манскими народами заключалось, по его мнению, в том, что в Англии эти учреждения не были уничтожены развитием феодализма ни до, ни после нормандского завоевания. В противоположность крайним германистам, таким, как Тьерри и Фримен, Стеббс, однако, придавал прогрессивное значение и нормандскому завоеванию, которое, по его мнению, внесло организующее начало в англосаксонское царство «народной свободы» и местных учреждений. Завоевание, как он утверждал, привело к слиянию «лучше консолидированной нормандской государственности» с лучше организованной «английской системой провинциального управления», то есть объединило «сильнейшие элементы обеих систем». На этой двойной основе развивалось английское государство в XI—XIII вв. В нем все время боролась «народная свобода» англосаксонского происхождения с «административным давлением» нормандских порядков, шла борьба между «народом» и королями за свободу и ограничение тирании последних. Наиболее яркими проявлениями этого были борьба за Великую хартию вольностей и так называемая баронская война конца 50-х—60-х гг. XIII в. В правление Эдуарда I между этими двумя силами установилось равновесие, выражением которого было создание «ограниченной монархии» [11]. Главным органом этой новой формы государства Стеббс, как и все вигские историки, считал парламент, история возникновения и развития которого стояла в центре всей его работы.

В трактовке этого учреждения у Стеббса заметно некоторое противоречие. С одной стороны, он правильно подчеркивал, что парламент представлял собой разновидность сословно-представительного собрания. Он даже правильно объяснял почти одновременное возникновение таких собраний во многих странах Европы ростом богатства и влияния городов [12] и указывал, что сословное представительство в основе своей было классовым представительством [13]. Но в то же время Стеббс видел исключительность английского парламента в том, что он был не только сословным представительством, но и центром объединения старинных местных учреждений англосаксонского происхождения [14]. Так как эти учреждения носили, по мнению Стеббса, «народный характер», то и парламент он считал народным представительством [15]. Придавая парла-

---

[11] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II. Oxford, 1875, p. 161.
[12] Ibidem, p. 160.
[13] Ibidem, pp. 158, 159, 163.
[14] Ibidem, pp. 161—162.
[15] Ibidem, p. 166.

менту большое самостоятельное политическое значение с первых десятилетий его существования, Стеббс утверждал, что строй ограниченной монархии, возникшей благодаря наличию парламента, являлся выражением гармонии интересов короля и «народа» [16].

В концепции Стеббса, как в капле воды, отразились все слабые стороны вигских построений вообще. В ее основе лежало идеалистическое понимание государства как силы, стоящей над обществом и развивающейся по своим присущим ей законам, независимо от изменений, происходящих в обществе. Отсюда история английского средневекового государства изображалась Стеббсом как развитие принципа народной свободы, якобы заложенного с незапамятных времен в англосаксонских учреждениях [17]. Поэтому в центре исследования Стеббса, как и других историков вигской школы, находится формальная история учреждений от уитенагемота до парламента, а не изменения в экономической и социальной жизни общества, определявшие эволюцию этих учреждений. Концепция Стеббса, как и вигские построения вообще, объясняет особенности политического развития средневековой Англии исключительными национальными качествами англосаксов и отчасти норманнов. Главными среди этих качеств, по мнению Стеббса, являлись исконная любовь англосаксов к свободе и склонность к мирному эволюционному развитию [18], которые обеспечили сохранение у них народных учреждений, побуждали их потомков в течение многих поколений вести борьбу с тиранией королей и привели их к «ограниченной монархии».

Для Стеббса, как и для всех его предшественников, характерно неправильное употребление понятия «народ», которое позволяет ему обходить молчанием то обстоятельство, что народ в подлинном смысле этого слова — и прежде всего крестьянские массы — не принимал участия в борьбе за «свободу» и что достигнутая в этой борьбе «свобода» носила узкосословный характер и была свободной для немногих. Употребляя слово «народ», Стеббс фактически имеет в виду лишь так называемые средние слои: рыцарство, горожан, зажиточных фригольдеров. Эта подстановка одного понятия под другое позволяет Стеббсу игнорировать в своей работе

---

[16] Ibidem, p. 292.

[17] Галлам таким руководящим принципом английской истории считал принцип ограниченной монархии, Гизо — принцип разделения властей, Гнейст — развитие местного самоуправления.

[18] Идея национальной исключительности англичан, и именно в этом отношении, свойственна всем историкам вигской школы, особенно же Фримену, у которого она носит ярко выраженную националистическую окраску.

подлинно народную классовую борьбу крестьянства как фактор, воздействовавший на политическую эволюцию Англии. Вся концепция Стеббса носит явно апологетический характер. Ее политическая цель, как и цель вигской концепции в целом, заключалась в том, чтобы доказать средствами исторической науки непревзойденные качества политического строя викторианской Англии, его древние исторические традиции, исключительные свойства англичан как носителей этой традиционной «свободы».

Осуществляя эту цель, вигская концепция на всем протяжении своего существования служила сначала утверждению, а затем укреплению политического господства английской буржуазии. В 70-е и 80-е гг. она являлась также средством идеологической борьбы с более радикальными демократическими течениями, в частности с политическим рабочим движением, которые объявлялись противными духу древней «английской свободы». Расцвет вигской концепции в этот период, как и ранее в Англии и в других странах, был связан с увлечением парламентаризмом в широких кругах либеральной буржуазии, со стремлением выдать его за «единственно-нормальный, единственно-законный способ ведения государственных дел вообще» [19], с нежеланием буржуазной историографии признавать классовую борьбу и классовый характер современного парламентаризма. «Буржуазия всеми силами, — писал В. И. Ленин в 1906 г. применительно к России, — всяческими способами и по всяческим поводам старается надеть шоры на глаза рабочих, чтобы они не видели, каким образом парламентаризм является орудием буржуазного угнетения, чтобы они не сознавали исторически-условного значения парламентаризма» [20].

Эти слова могут быть в полной мере отнесены к английской либеральной буржуазии второй половины XIX в. и к ее идеологам — вигским историкам.

Утверждая превосходство английского политического строя в настоящем и прошлом над политическим строем других стран Европы, вигская концепция истории средневековой Англии помогала буржуазным политическим деятелям сеять в народе, и в частности в английском рабочем классе, конституционные иллюзии, отвлекать его от революционной борьбы, внушать ему надежды на конституционное разрешение всех противоречий капиталистического общества. Таким образом, за либеральной фразеологией вигской исторической концепции скрывалась консервативная антидемократическая сущ-

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 248.
[20] Там же.

ность вигизма, которая делала основные положения этой концепции вполне приемлемыми для таких консервативных политиков, как Гизо, Гнейст, да и сам Стеббс[21].

Но при всех слабых сторонах вигской концепции работа Стеббса обладает рядом положительных качеств, особенно заметных при сопоставлении с работами более позднего времени. Ее отличает широта постановки проблем и то, что она базируется на критическом исследовании весьма широкого круга источников. Сочетание этих двух качеств способствовало тому, что Стеббс под давлением самого материала, в поисках его объяснения, иногда обращался к изучению социальных и экономических отношений, намечая точки соприкосновения между ними и политическим развитием средневековой Англии. Благодаря этому он сумел поставить ряд интересных частных вопросов истории средневековой Англии и правильно решить некоторые из них. Ему принадлежит та заслуга, что он первый попытался, хотя и недостаточно последовательно, поставить парламент в ряд сословно-представительных собраний, особенно подчеркнул мысль, высказанную, правда, до него[22], об особой роли в политическом развитии Англии XII—XIII вв. различий между баронством и рыцарством[23]. Как и другие историки вигской школы, Стеббс справедливо указывал на близость некоторых интересов английского рыцарства с интересами горожан и на значительную роль свободного крестьянства в развитии средневековой Англии, хотя ошибочно отождествлял эту особую прослойку населения со всей массой английского народа.

И все же в целом вопрос о социальных причинах возникновения парламента и вообще английской сословной монархии остался неразрешенным в работе Стеббса и в трудах историков его школы.

На рубеже XIX и XX вв. в буржуазной историографии по конституционной истории Англии как в западноевропейских странах, так и в США возникло новое направление, которое до настоящего времени пользуется там значительным влиянием. Представителей этого направления в первую очередь объединяло их критическое отношение к концепции Стеббса, которую они считали устаревшей и не отвечающей требова-

---

[21] О консервативной сущности английского вигизма очень хорошо сказал Н. Г. Чернышевский в связи с критикой работы Маколея, заметив, что быть вигом это значит «быть прогрессивным в мелочах и быть консервативным во всем важном» (Н. Г. Чернышевский. Собр. соч., т. VI. М., 1931, стр. 386).

[22] Эту мысль высказывали раньше Стеббса уже Галлам, Пэльгрев, Гизо и Гнейст.

[23] W. Stubbs. Op. cit., vol. II, pp. 184—185.

ниям современной им науки. Поэтому в дальнейшем для удобства мы условно будем называть это новое направление «критическим», хотя критика вигской теории в работах его представителей носила весьма поверхностный и однобокий характер (см. ниже). Форма, характер и направление этой критики во многом определялись тем, что «критическое» направление возникло и развивалось в условиях общего кризиса буржуазной историографии, который начался в связи с переходом Европы и Америки к империализму и продолжается до сих пор. В развитии «критического» направления в области конституционной истории Англии в той или иной мере отразились все наиболее характерные черты буржуазной историографии эпохи империализма: стремление уничтожить или подорвать даже буржуазные исторические теории, сложившиеся в XIX в., увлечение монографической разработкой отдельных частных проблем в ущерб созданию более широких обобщающих трудов, крайнее пристрастие к чисто юридическому анализу и почти полное исключение вопросов экономической и социальной истории из исследований, посвященных истории государства и права[24].

Критика концепции Стеббса его противниками шла по двум основным направлениям. С одной стороны, критиковались методические приемы Стеббса: схематизм его широких обобщений при отсутствии равноценных исследований по всем частным вопросам, связанным с общей проблемой. С другой стороны, и это самое главное, Стеббса и вообще вигских историков упрекали в историческом романтизме, в том, что о прошлом они судили с точки зрения «достижений» викторианской эпохи, в смысле успехов парламентаризма, изучая в прошлом лишь то, что подготовляло эти успехи, и игнорируя то, что не подтверждало вигские политические доктрины. Нельзя не согласиться со справедливостью этих критических замечаний, которые как будто бы открывали более правильный путь к изучению политической истории средневековой Англии.

Однако представители нового направления, весьма сильные в критике старых теорий и в анализе источников, были в большинстве случаев очень слабы в синтезе. Чаще всего они ограничивались исследованием частных вопросов и избегали

[24] Развитие этих тенденций было связано с общим кризисом буржуазной исторической методологии, который выразился в переходе многих буржуазных историков в этот период на риккертианские позиции и в их отказе от признания объективного характера и познаваемости общих исторических закономерностей. Если в основном эта смена методологических установок имела в виду борьбу с марксистским пониманием истории, то попутно она неизбежно угрожала и буржуазным концепциям, сложившимся в век господства либерального позитивизма.

построения широких обобщающих концепций. Созданная их коллективными усилиями новая концепция конституционной истории Англии носит гораздо менее стройный и законченный характер, чем вигская концепция, и в значительной мере строится на механическом противопоставлении ей. С точки зрения своего положительного содержания эта новая концепция может удовлетворить нас еще менее, чем старая.

Родоначальником «критического» направления в историографии интересующего нас вопроса, как и многих других проблем истории Англии, был известный английский историк Ф. В. Мэтланд, первый выступивший против вигских построений в конце 80-х и в 90-х гг. XIX в.

Он указал на то, что английский парламент резко изменялся на различных стадиях своего существования и что нельзя проводить прямую линию от англосаксонского уитенагемота к парламенту XIII в., а тем более к парламенту XVI в. Развенчивая излюбленное вигское представление о парламенте как органе народной свободы, Мэтланд справедливо указал на его феодальное происхождение, видя в нем не столько результат эволюции свободных англосаксонских учреждений, сколько результат договорных отношений и феодального поземельного права, окончательно сложившегося в Англии после нормандского завоевания. В связи с этим Мэтланд особенно подчеркивал созидательную роль королевской власти в истории средневековой Англии и положительное значение нормандского завоевания, способствовавшего ее укреплению. В английских королях XI—XIII вв. он видел важнейшую политическую силу, способствовавшую складыванию в Англии «правового государства», обуздавшего феодальную анархию и произвол [25]. Королевской власти Мэтланд отводил решающую роль и в создании парламента, так как участие в парламенте баронов, а первоначально также рыцарей и горожан определялось, по его мнению, их отношениями к королю как к верховному собственнику земли [26]. Парламент, полагал Мэтланд, созывался исключительно в интересах короля и по его почину, а ядром его в первый период существования являлся узкий королевский совет, составлявший «сердце и сущность каждого парламента» [27]. Участие в парламенте представителей городов и графств было для них, по мнению Мэтланда, не правом,

[25] F. W. Maitland. The constitutional history of England. Cambridge, 1908. (Курс лекций, читанный Мэтландом впервые в 1886 г., но опубликованный только в 1908 г.), pp. 1—164.

[26] Ibidem, pp. 79, 86, 87, 155, 163.

[27] Memoranda de parliamento (издание документации, связанной с парламентом февраля — марта 1305 г.). Roll Series, vol. 98, Introduction. London, 1893.

а феодальной повинностью; собрания графств, где они выбирались, были не органами местного самоуправления, но узкими административными собраниями, посещение которых было неприятной обязанностью для свободных жителей графств [28]. Таким образом, Мэтланд по существу развенчивал концепцию Стеббса, лишал средневековый парламент его ореола и, напротив, поднимал историческую роль королевской власти, которая недооценивалась вигскими историками. У Мэтланда сразу же нашлись единомышленники и последователи и в других странах. Немецкий исследователь Л. Рис пришел к близким выводам, занимаясь изучением одного частного вопроса — «избирательного права» в средневековой Англии. Он также утверждал, что своим происхождением английский парламент обязан исключительно инициативе короля, послушным орудием которого он являлся [29]. Аналогичную точку зрения на происхождение и природу парламента как чисто административного учреждения высказал французский историк Д. Паске в своем исследовании, посвященном происхождению английской палаты общин [30].

Наиболее ярко и последовательно эту точку зрения, так же как и критические замечания по адресу Стеббса, выразил уже в XX в. английский историк Поллард в своей большой работе «Эволюция парламента», посвященной истории этого учреждения с XIII до начала XX в. Поллард гораздо резче и откровеннее, чем Мэтланд, критиковал вигскую концепцию истории парламента. Он называл «мифами» ряд важнейших положений Стеббса и его последователей. Основные положения Полларда повторяют выводы Мэтланда, только в более резкой форме [31]. При этом он делает из этих положений гораздо более определенные общие выводы как в методологическом, так и в политическом отношении. Так, отрицая выборный характер депутатов от графств и городов, Поллард прямо говорит, что они назначались шерифами [32]. А из этого он делает еще более далеко идущий вывод о том, что различное положение баронов, рыцарей графств и горожан в парламенте определялось не различиями в их социальном и сословном положении, но исключительно волей и приказом ко-

---

[28] The Suitors of the County Court. «English historical review» (далее сокращенно — E. H. R.), vol. XI, 1888.

[29] L. Riess. Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter. Leipzig, 1885, S. 2.

[30] D. Pasquet. Essai sur les origines de la Chambre de la Communes. Paris, 1914, pp. 1—16, 28, 178—225, 261—267.

[31] A. F. Pollard. The evolution of Parliament. London, 1920, pp. 36, 39, 47—55, 59, 154.

[32] Ibidem, p. 154.

роля[33]. Опираясь на эти совершенно необоснованные утверждения, Поллард развивает теорию, согласно которой парламент с самого начала своей истории был не сословным, а общенациональным собранием. При этом он ссылался на то, что в английском парламенте не было «трех отдельно заседавших сословий», наличие которых, как пытается убедить читателей Поллард, является обязательным признаком сословно-представительного собрания[34]. С помощью этой теории Поллард далее пытается доказать, что в Англии на всем протяжении ее истории не было и не могло быть классового представительства, а следовательно не было и классовых противоречий. «Едва ли будет слишком сильно сказать, — пишет он, — что парламент был очень далек от системы трех сословий. Система сословий построена на принципе не национального, но классового представительства, она предполагает, что нация не едина, но разделена на три сословия, каждое с независимой волей и каждое обладает правом накладывать вето на национальный прогресс»[35]. Поэтому, по мнению Полларда, система трех сословий неизбежно приводит к революционным потрясениям, которые были обычны во Франции. Англия же благодаря наличию парламента счастливо избегала этой судьбы вплоть до XVII в., так как, по словам Полларда, «освященная веками истина, что в единстве сила, нигде не доказывалась в таких различных аспектах, как в истории английского парламента. Он воплощал в себе национальное единство права с политикой, класса с классом, провинции с провинцией»[36].

Так Поллард, развенчав миф о парламенте как органе «народной свободы», заменил его другим мифом о парламенте как органе классовой гармонии нации под главенством короля.

Наиболее значительными представителями «критического» направления, кроме упомянутых выше, можно считать французского историка Пти-Дютайи, давшего развернутую критику всех важнейших положений Стеббса[37]; американского историка Балдуина, который, исследуя историю узкого королевского совета (consil) в XIII—XIV вв., пытался представить новые аргументы в доказательство того, что королевский

---

[33] Ibidem, pp. 75—77.

[34] Поллард здесь, очевидно, совершенно сознательно игнорирует тот общеизвестный факт, что количество сословий или сословных групп и их распределение по палатам было весьма различно в разных сословных собраниях.

[35] A. F. Pollard. Op. cit., p. 77.

[36] Ibidem, p. 148.

[37] Ch. Petit Dutailly. Studies and notes supplementary to Stubbs Constitutional history of England, vol. 1—3. Manchester, 1908—1929.

совет являлся центром парламента [38], и американского же исследователя Макильвейна, который еще в 1910 г. выдвинул теорию о том, что средневековый английский парламент был по преимуществу судебным органом, «высшим судом парламента» [39]. Суть этой теории, которая оказала и продолжает оказывать большое воздействие на современных последователей «критической» школы, сводится к тому, что парламент рассматривается, прежде всего, как королевский совет, который мог заседать в узком составе, в более расширенном — в присутствии прелатов и баронов — или в еще более широком — с представительством от общин, но всегда сохранял свою сущность королевского совета, главную роль в котором играли королевские чиновники, большей частью эксперты-законоведы. Главным в парламенте был не его представительный характер, но именно то, что он был высшим государственным советом под главенством короля [40]. Признавая многообразие функций парламента, которые все более усложнялись от XIII к XVI в., Макильвейн, однако, считает, что вплоть до XVII в. парламент не столько создавал новые законы, сколько разъяснял и осуществлял старые, сложившиеся в процессе закрепления правовой традиции [41].

Законодательство и рассмотрение петиций в средневековом парламенте он также расценивал как своего рода судебную процедуру, так как парламентские статуты XIII—XV вв. и ответы на петиции были, с его точки зрения, не чем иным, как судебными решениями, принятыми королевским советом в парламенте по тем или иным конкретным жалобам [42]. По мнению Макильвейна, именно судебные функции парламента являлись источником некоторых ограничений, налагаемых им на королевскую власть, ибо, согласно средневековым концепциям «конституционализма», право, как порождение традиции, рассматривалось в качестве единственной преграды для королевского произвола [43].

Выше мы уже отметили справедливость тех критических замечаний, которые были сделаны представителями «критического» направления по адресу вигской школы. Их заслуга состоит в том, что они призывали к бо́льшему историзму в оцен-

---

[38] J. W. Baldwin. The Kings council in England during the Middle ages. Oxford, 1913.

[39] Ch. H. Mcjlvain. The High court of parliament and its supremacy. New Haven, 1910.

[40] Ibidem, pp. 24—25.

[41] Ibidem, pp. 109, 110, 119.

[42] Ibidem, pp. 257—327.

[43] Ch. H. Mcjlvain. Op. cit., pp. 42—57; см. также другую более новую работу того же автора: Constitutionalism ancient and modern. Itacta, New York, 1940, pp. 69—91.

ке парламента, ратовали против его романтической идеализации, что они справедливо обратили внимание на прогрессивную роль королевской власти в деле централизации страны и проследили основные проявления этого процесса в области развития учреждений. Их призыв к тщательному изучению всех деталей политической истории средневековой Англии, несомненно, способствовал появлению обширной монографической литературы по вопросам права, администрации, финансов, налогов, организации военных сил и др., которая очень облегчает изучение английского средневекового государства. Но вместе с тем, заменив старую концепцию новой, историки «критического» направления также не смогли поставить проблему английской сословной монархии на сколько-нибудь реальную основу.

На место идеализации парламента как органа «народоправства» и изображения политической борьбы XIII—XIV вв. как борьбы «нации» за свободу они поставили по сути дела идеализацию королевской власти как надклассового органа мира и порядка, как защитницы «народа» против феодалов. Ей они приписывали создание в Англии XIII—XIV вв. нефеодального «правового государства». Если вигские историки рассматривали историю возникновения парламента в основном как эволюцию учреждений, то их оппоненты еще больше грешили в этом отношении, так как они полностью исключили из своих исследований анализ социальной действительности, которая вызывала к жизни появление того или иного учреждения и определяла его развитие. Они, правда, говорили о феодальной природе парламента, но поскольку они сводили понятие феодализма или к поземельному феодальному праву, как Мэтланд, или к системе ленных отношений, или к политической децентрализации, то их ссылки на феодальное происхождение парламента отнюдь не вскрывали социальной и классовой природы и корней этого учреждения. А так как они при этом полностью отрицали активность каких-либо социальных сил в создании парламента и тем более влияние классовой борьбы на политическое развитие страны, то в конечном итоге они также сводили всю конституционную историю Англии к истории учреждений, с той лишь разницей, что сосредоточивали свое внимание не на развитии парламента, а на развитии органов королевской власти. Стоя на позициях идеализма, критики вигской концепции могли создать лишь аналогичную ей идеалистическую концепцию, хотя и несколько иного толка. Вот почему, как мы заметили выше, их критика была неглубокой и односторонней. Ведь она не затрагивала основного порока вигской концепции, — того, что в ней недостаточное внимание уделялось экономической и социальной истории.

Но иначе и быть не могло, ибо сами представители «критического» направления, как и большинство буржуазных историков за последние 50 лет, все больше и больше замыкались в рамки чисто юридического анализа, предоставляя изучение социально-экономических вопросов специалистам по экономической истории. В этом смысле сравнение работ историков «критического» направления с работами Стеббса и его школы оказывается не в пользу первых. Характерно, например, что с легкой руки Полларда почти все представители «критического» направления не считают возможным рассматривать парламент как сословно-представительное собрание даже с теми оговорками, которые делал Стеббс. Тем самым они совершенно отрывают это учреждение от той социальной почвы, на которой оно выросло, и вообще снимают проблему сословной монархии как особой формы государства.

Таким образом, в конечном итоге главное различие между вигской школой и «критическим» направлением сводится к различию в политической окраске созданных ими концепций. Спор между ними в новой форме и с новыми аргументами как будто возрождает старый спор, восходящий к концу XVII—XVIII вв., между торийскими и вигскими публицистами об истоках происхождения английского буржуазного государства и, в частности, парламента. Возрождение консервативной точки зрения на историю средневекового английского государства на рубеже XIX—XX вв., по-видимому, косвенно отразило известное разочарование в буржуазной демократии старого типа и стремление к усилению исполнительной власти, которое охватило некоторые круги буржуазии и буржуазной интеллигенции в период перехода к империализму [44].

* *
*

Русская буржуазная историография XIX и начала XX в. в важнейших вопросах истории средневекового английского государства в целом стояла на позициях, близких к позициям вигской школы. Для всех ее представителей политический строй современной им Англии, английская буржуазная конституционная монархия представлялись своего рода политическим идеалом — «господством права», как называл ее

[44] Впрочем, это различие в политической окраске едва ли стоит преувеличивать. Как правило, и это особенно наглядно видно на примере Полларда, представители «критического» направления в Англии и Америке не нарушали традиций, сложившихся в историографии по так называемой конституционной истории Англии, стараясь в меру своих сил также поддерживать в народных массах уверенность в исключительных якобы качествах политического строя буржуазной Англии и древности его исторических традиций.

П. Г. Виноградов [45]. Одним из главных достоинств этой политической системы они, подобно английским либералам XIX в., считали якобы мирный, эволюционный характер ее исторического развития, о котором они мечтали и для царской России.

Однако при всем том русскую буржуазную историографию в XIX и начале XX в. в этом, как и во многих других вопросах, отличали значительно бóльшая трезвость и реалистичность в оценке политического строя средневековой Англии и свобода от националистических предубеждений, владевших как вигскими историками, так и их оппонентами.

Т. Н. Грановский в своих публичных лекциях по сравнительной истории Англии и Франции, читанных в 1845/46 г., высоко оценивал Великую хартию вольностей, считая ее основой, на которой развивались впоследствии все английские учреждения, документом, обеспечившим защиту прав «народа» [46]. Он восхищался позицией английской феодальной аристократии в событиях 1215 г., ошибочно приписывая ей сознательную защиту интересов «каждого англичанина» [47].

Однако, отдавая дань этим либеральным предрассудкам, Т. Н. Грановский в то же время предостерегал своих слушателей от чрезмерной модернизации и идеализации политического строя средневековой Англии, свойственных западноевропейским историкам. Указывая на то, что к концу XV в. английский «народ» приобрел некоторые права по отношению к королю, Т. Н. Грановский, однако, замечает: «Но здесь не должно слишком себя обманывать, в государственных учреждениях Англии XV в. не должно искать, как это делают некоторые английские историки, оправдания теорий, возникающих в наше время» [48]. И далее Грановский справедливо указывает на то, что английские короли XIV и XV вв. постоянно обходили парламент в вопросах налогообложения, законодательства, а королевские суды и администрация постоянно нарушали личные права граждан, зафиксированные в Великой хартии вольностей [49].

Позднее М. М. Ковалевский, много занимавшийся социальной и политической историей средневековой Англии, подверг некоторые положения вигской теории более серьезной и принципиальной критике, чем это делали впоследствии историки «критического» направления, в специальной рецензии на работу Стеббса, а затем в своей докторской диссертации

---

[45] См. П. Г. Виноградов. Господство права. М., 1911, оттиск.
[46] Г. И. М., ф. 345, ед. хр. 19, л. 133.
[47] Там же, л. 134.
[48] Там же, ед. хр. 21, л. 102.
[49] Там же, лл. 102—103. Все архивные материалы, упомянутые и цитированные выше, любезно предоставлены нам С. А. Асиновской.

«Общественный строй Англии в конце средних веков»[50]. М. М. Ковалевский попытался подойти к истории английского средневекового государства несколько по-иному, чем его зарубежные коллеги. В упомянутой выше рецензии, признавая ряд достоинств «Конституционной истории» Стеббса, М. М. Ковалевский в то же время нащупал самое слабое место его концепции, решительно упрекая английского историка в том, что он уделяет недостаточно внимания социальному развитию средневековой Англии, в частности истории рыцарства, городов и особенно крестьянства и борьбе последнего против крепостного гнета[51].

Призывая к изучению политической истории в тесной связи с историей социальных отношений и социальной борьбы[52], М. М. Ковалевский, казалось бы, наметил путь правильного подхода к теме. Он пытался в других своих работах дать новую концепцию эволюции английского феодального государства и высказал при этом ряд весьма правильных мыслей. Четко отделяя сословную монархию от абсолютизма, с одной стороны, и более ранних форм государства — с другой, он тем самым отводил ей определенные хронологические рамки[53]. М. М. Ковалевский правильно подчеркивал феодальную природу сословно-представительных собраний и то обстоятельство, что крепостное крестьянство и городской рабочий люд не были представлены в этих собраниях и, в частности, в парламенте[54].

Приступая к написанию своей работы «Общественный строй Англии в конце средних веков», М. М. Ковалевский, по его словам, стремился установить зависимость между социальным и политическим строем средневековой Англии и «восполнить тем заметный пробел в английской историографии»[55]. Он попытался достичь этого, производя интересный, хотя и весьма неточный подсчет распределения земельной собственности и движимости между различными сословиями и сословными группами в Англии конца XIV—XV вв., считая, что экономическое могущество в конечном счете определяло и распределение власти в стране.

---

[50] См. М. М. Ковалевский. Английская конституция и ее историк. М., 1880; Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.

[51] См. М. М. Ковалевский. Английская конституция и ее историк. М., 1880, стр. 15.

[52] Там же.

[53] Там же, стр. 15, а также М. М. Ковалевский. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. II. М., 1906, стр. 192—194.

[54] Там же, стр. 197.

[55] М. М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880, стр. 396.

Однако, исходя из этой в общем правильной посылки, М. М. Ковалевский, оставаясь на почве идеалистической позитивистской методологии, в своем конкретном анализе подменил вопрос о распределении земельной собственности между сословиями вопросом о распределении формального титула собственности, который в Англии уже в XIII в. часто являлся фикцией в силу интенсивного процесса субинфеодализации. Он ошибочно полагал, что действительными собственниками земли в средневековой Англии были только король и его непосредственные держатели — представители феодальной аристократии. Всех же остальных владельцев и держателей земли — рыцарей, горожан, фригольдеров и вилланов — он в равной степени считал лишь держателями от короля и магнатов [56]. Экономическая поземельная связь последних с держателями всех рангов, по мнению М. М. Ковалевского, побуждала баронов в борьбе с королем, а затем и в парламенте защищать не только свои интересы, но также интересы рыцарства, горожан, фригольдеров, а порой даже вилланов [57]. Он считал возможным говорить, например, о «солидарности интересов помещиков и поселенных на их землях свободных и крепостных крестьян» [58]. Так, хотя и несколько иным путем, М. М. Ковалевский пришел к традиционной либеральной точке зрения, согласно которой бароны вели борьбу с королем в интересах всех слоев населения, а возникший в этой борьбе парламент, несмотря на его аристократический состав, также защищал интересы всего народа.

Попытку выйти за пределы традиционной либеральной концепции в вопросе об английской сословной монархии сделал другой русский историк, Н. И. Кареев, в своем популярном очерке «Поместье-государство и сословная монархия средних веков» (1909). Не занимаясь специально исследованием этой проблемы, Кареев обобщил в этом очерке новейшие выводы буржуазной историографии своего времени и сделал из них некоторые интересные заключения. В частности, он — один из немногих буржуазных историков — дал в общем правильную оценку социальной природы английского парламента и сословно-представительных собраний вообще, а также и сословной монархии в целом: «На сословную монархию, какие бы формы она ни принимала, — пишет он, — мы имеем право смотреть, как на своеобразную организацию политического

[56] См. М. М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков, стр. 35, 38.

[57] См. М. М. Ковалевский. Английская конституция и ее историк, стр. 7; От прямого народоправства, стр. 196.

[58] М. М. Ковалевский. Общественный строй Англии в конце средних веков, стр. 96.

господства владельческих классов»[59]. В частности, Кареев, как и Ковалевский, подчеркивал, что все учреждения сословной монархии защищали в основном интересы помещиков и были неблагоприятны интересам народных масс[60]. Он не делал в этом отношении исключений и для сословных собраний, указывая, что народные массы не были в них представлены[61]. В частности, Кареев подчеркивал, что и английская палата общин в средние века ни в коем случае не может считаться народным представительством[62].

Однако эти правильные положения носят в очерке Кареева чисто декларативный характер и, кроме того, переплетаются с другими утверждениями, которые воспроизводят традиционные либеральные представления. Так, Кареев повторяет утверждение вигских историков о том, что английский парламент XX в. есть продукт непрерывного развития средневековых отношений[63]; говорит о «народном» характере местных учреждений средневековой Англии, на которых базировалась палата общин[64], то есть постоянно отступает от классовой характеристики сословной монархии, данной им же самим.

Что касается третьего крупного русского историка, занимавшегося интересующим нас вопросом, Д. М. Петрушевского, то в его работах мы не находим ни критики вигской концепции, ни существенных отклонений от нее. В своих работах «Очерки из истории английского государства и общества»[65] и «Великая хартия и конституционная борьба в Англии XIII века»[66] Петрушевский даже не ставит вопроса о классовой природе английской сословной монархии, королевской власти и парламента. Напротив, он рассматривает развитие английского государства в XII—XIII вв. как процесс постепенного формирования «правового государства», которое он противопоставляет феодализму — миру политической анархии и насилия[67]. В этом «правовом государстве» Д. М. Петрушевский видит начало английского буржуазного парламентариз-

---

[59] Н. И. Кареев. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. М., 1909, стр. 304.
[60] Там же, стр. 312—315.
[61] Там же, стр. 199—200.
[62] Там же, стр. 269.
[63] Там же, стр. 248.
[64] Там же, стр. 252.
[65] Д. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. Первое изд. — М., 1903; последнее — М., 1937.
[66] Д. Петрушевский. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в Англии XIII в. М., 1918.
[67] См. Д. М. Петрушевский. Очерки. М., 1937, стр. 42, 92, 119, 193, 194, 195.

ма. Парламент XIII—XIV вв., по его мнению, — представительство от всех слоев свободного населения, в том числе и свободного крестьянства. Большой знаток аграрной истории Англии, Д. М. Петрушевский в своих работах по конституционной истории Англии XIII—XIV вв. ни словом не обмолвился о вилланах, о их месте в складывавшемся «правовом» государстве, о классовой борьбе вилланства и ее влиянии на политическое развитие страны. Это игнорирование крестьянского вопроса, очевидно, связано с тем, что XIII в. в истории Англии Петрушевский считал периодом классовой гармонии [68], а феодализм понимал как систему чисто политических отношений — систему «соподчиненных, тяглых сословий» [69].

При всем том рассматриваемые работы Петрушевского отличаются тонкостью конкретного анализа источников, который иногда, вопреки общей концепции автора, приводит его к интересным частным выводам. Петрушевский правильно вскрывает социальную подоплеку политической борьбы, происходившей в Англии XIII в., с точки зрения противоречий внутри феодального класса. В частности, он хорошо прослеживает на материале источников рост политического влияния рыцарства на протяжении XIII в.

В общем, несмотря на отдельные ценные критические замечания по адресу «вигской» концепции, русские буржуазные исследователи не подорвали ее основ, так как, стоя на тех же методологических позициях, что и их зарубежные коллеги, они не могли дать принципиально нового решения проблемы происхождения сословной монархии в Англии.

* *
*

В современной зарубежной историографии продолжаются старые споры между последователями школы Стеббса и ее критиками. Представители этих направлений фигурируют под новыми названиями—«корпоратистов» и «парламентистов» [70], но сущность их разногласий очень мало изменилась с начала

---

[68] Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1914, гл. III.

[69] Д. М. Петрушевский. Очерки. М., 1937, стр. 5—6.

[70] Под этими названиями они фигурируют в обзоре новейшей литературы по истории представительных учреждений в Европе, доложенном в 1955 г. на X Международном конгрессе историков в Риме (см. H. Cam, A. Marongiu, G. Stökl. Recent works and present viewes on the origin and development of representative assemblies, in Relazioni de Comitato internationale di Scienze Storiche X Congresso internationale di Scienze storiche vol. I. Roma, 1955). Эти названия «корпоратистов» и «парламентистов» относятся авторами доклада не только к историкам английского парламента, но и ко всем исследователям истории представительных учреждений вообще.

XX в. «Корпоратисты», следуя традиции Стеббса, считают парламент сословно-представительным собранием и связывают его изучение, в какой-то мере, хотя и не всегда последовательно, с исследованием социальных и сословных отношений средневековой Англии. «Парламентисты» же видят в парламенте лишь некоторое расширение королевского совета, который, по их мнению, составлял всегда, вплоть до XVII в., его центр и сущность, и, недооценивая политическую роль сословий в парламенте, сосредоточивают свое внимание на развитии идей и институтов, почти не связывая их историю с жизнью современного им общества [71]. Вплоть до конца 30-х гг. господствующее положение в литературе вопроса занимали «парламентисты». Среди них, кроме уже упоминавшегося и ныне здравствующего проф. Макильвейна, наиболее известны английские исследователи медиевисты Г. Ричардсон, Г. Сейлс и М. Поуик — авторы ряда интересных работ по разным вопросам истории английского средневекового государства и истории парламента [72] — и американские историки Плэкнет [73], Г. Хаскинс [74].

Основные положения современных последователей «критического» направления — «парламентистов» наиболее ясно и кратко изложены в лекциях Хаскинса, опубликованных в 1948 г. под названием «Рост английского представительного правления». Эти лекции подводят итог исследованиям не только самого автора, но, как нам кажется, и всех его современных единомышленников.

В общем Хаскинс повторяет и развивает уже известные нам положения Мэтланда, Полларда, Макильвейна [75].

Интересно, однако, что Хаскинс во многих случаях пытается примирить эти ортодоксальные положения «критического» направления с отдельными положениями критикуемой им виг-

[71] Более подробную характеристику обоих этих направлений в целом см. в моей рецензии на доклад Кэм, Маронжу и Штёкля, помещенной в Сб. «Средние века». М., 1956, № 8, стр. 405—415.

[72] H. G. Richardson. The origin of parliament. Transaction of historical Society (далее — T. H. S.), 4th Ser. 1928; The commons and medievel politics, ibidem, 1947. H. G. Richardson and G. O. Sayles. Early records of the english parliament. Bulletin of institute of historical rescerch (далее B. I. H. R.), No. 15, 17, 18, 1928/29; The King's ministers in parliament 1272—1377. E. H. R., XLVI, 1931. G. O. Sayles. The Medieval foundation of England. 2 ed. London, 1952, pp. 448—465. Для нашей темы наиболее интересны новые работы Поуика: The King Henry III and lord Edward; The Community of the Realm, vol. I—II. Oxford, 1947; The 13 century (1216—1307). Oxford, 1953.

[73] J. Plucknett. The English government at work 1326—1336, vol. I, London, 1940, pp. 82—128. Глава о парламенте в коллективном труде.

[74] G. L. Haskins. The growth of English representative government. Philadelphia, Univ. press, 1948.

[75] Ibidem, pp. 21—23, 24—27, 31—42, 89—158.

ской теории. Это порождает ряд противоречий в его концепции. Так, он вынужден признать, что уже в XIII, а тем более в XIV в. парламенту, кроме судебных, были присущи важные финансовые и законодательные функции, хотя всячески и старается умалить значение этих последних [76]. Он вынужден также признать, что представители от общин во многом определяли структуру парламента уже в XIII и XIV вв [77].

Правда, он всячески старается доказать, что приглашение их в парламент определялось исключительно волей короля и базировалось на существовании в Англии со времени нормандского завоевания «принудительного самоуправления», воспитывавшего административные и политические навыки у жителей городов и графств. Но в конечном итоге он вынужден признать, что приглашение этих социальных элементов в парламент было следствием их возросшего экономического значения и возросшей финансовой нужды короны [78].

Резко критикуя вигские теории «демократического» происхождения парламента, в котором он видит создание «короля-автократа», стремившегося усилить свою власть [79], Хаскинс в то же время не устает восхвалять парламент как место, куда мог обратиться за помощью любой бедняк наряду с самым могущественным бароном [80].

Характерно также и то, что, отступая от «парламентистской» традиции, Хаскинс в отдельных местах пытается выйти за рамки чистой истории идей и институтов, связывая возникновение парламента с феодализмом, а развитие представительной системы — с усилением экономического влияния горожан и рыцарства [81].

Впрочем, Хаскинс по существу не может отрешиться от «парламентистских» методов исследования. Дело в том, что под феодальной системой он понимает лишь вассальные договорные отношения с их принципом «совета и согласия». Он решительно протестует против классового определения феодализма как системы эксплуатации крестьянства в пользу феодалов, называя это определение ошибочным [82]. Для него феодализм — это «система бесчисленных, взаимно обеспеченных выгод и обязательств в отношениях между лордом и вассалом, с самого начала требовавшая взаимного согласия» [83]. Естественно, что при таком ошибочном и идеализированном по-

[76] Ibidem, pp. 94, 95, 96, 104, 105.
[77] Ibidem, pp. 20, 67—69, 76, 108.
[78] Ibidem, pp. 45—57.
[79] Ibidem, p. 24.
[80] Ibidem, p. 102.
[81] Ibidem, pp. 67—69, 76.
[82] Ibidem, p. 24.
[83] Ibidem, p. 25.

нимании феодализма Хаскинс не может вскрыть действительную феодальную сущность средневекового парламента, сводя все его развитие к постепенному расширению принципа «согласия». По этой же причине он рассматривает окончательное оформление в Англии парламентарной монархии в конце XIV в. как отражение падения феодализма и как начало нового современного государства [84].

Не менее характерна для современного «критического» направления объемистая работа Поуика «Король Генрих III и господин Эдуард. Община королевства в XIII в.» [85]. Ее автор так же, как и Хаскинс, пытается выйти за рамки чистого «парламентизма» и претендует, как он пишет в предисловии, на изучение «социальной истории» в связи с политической [86].

Однако ближайшее знакомство с книгой разочаровывает. В ней собран большой и свежий фактический материал источников по некоторым вопросам английской истории XIII в. Однако в ней очень мало собственно социальной истории в нашем понимании этого термина. Большинство ее глав посвящено истории королевской администрации, королевского совета, отношений королевской власти с папством, внешней политике Генриха III. Последние несколько глав посвящены так называемой баронской войне, но и здесь главное внимание уделяется описанию хода событий и лишь вскользь упоминается об участии различных социальных слоев в этой политической борьбе. Основная идея книги — восхваление организующей и централизующей роли королевской власти в лице Генриха III, особенно же будущего Эдуарда I. Поуик как будто бы поставил своей целью реабилитировать Генриха III от обвинений в ошибках его политики, обычных в историографии прошлого. Что же касается Эдуарда I, то эпилог книги представляет собой просто панегирик этому королю [87]. Если оставить в стороне этот элемент восхваления личностей, то нельзя не признать, что Поуику отчасти удалось показать, как независимо от личных качеств Генриха III в течение его долгого царствования шло дальнейшее укрепление государственной централизации, и что нельзя рассматривать этот период как время ослабления центральной власти. В этом выводе Поуика есть доля истины. Но поскольку он не ставит вопроса о классовой природе королевской власти и о классовой и социальной борьбе, происходившей в это время в стране, то он дает лишь одностороннее, а потому неверное представление о раз-

[84] Ibidem, pp. 74—75.
[85] M. Powicke. The King Henry III and the lord Edward. The Community of the realm., vol. 1—2. London, 1947.
[86] Ibidem, vol. 1, Introduction, p. V.
[87] Ibidem, vol. 11, pp. 701—702.

витии английского общества и государства в XIII в., сводя его к отвлеченному процессу централизации.

Даже в период господства «парламентистских» тенденций некоторые крупные историки в Англии и США сохраняли верность основным положениям концепции Стеббса, хотя и старались дополнить ее некоторыми результатами новейших исследований. Этой позиции придерживались такие крупные историки, как Адамс [88], Тоут [89], отчасти Джолиф [90].

С середины же 30-х гг. в английской и американской историографии все больше распространяется тенденция к реабилитации Стеббса, которая особенно усилилась в послевоенные годы. За последнее время появился ряд статей, открыто защищающих концепцию Стеббса [91]. Как видно из высказываний некоторых историков, одной из причин появления этого течения в современной историографии является разочарование в методах исследования «критического» направления, представители которого, особенно в последние 20—30 лет, обнаружили неспособность к созданию всеобъемлющей стройной концепции конституционной истории Англии, равноценной концепции Стеббса, на которую они так долго нападали.

Уилкинсон, профессор университета в Торонто, автор ряда работ по конституционной истории Англии, сравнивая историков вигской школы с современными историками, пишет: «Мы гораздо беднее потому, что мы утратили широту подхода викторианских историков, тогда как нельзя с уверенностью сказать, что мы соответственно выиграли в точности наших знаний». И далее, указывая на то, что большинство современных историков английской конституционной истории «искали убежища в частных строго ограниченных исследованиях, питая иллюзию, что в них, по крайней мере, можно достичь известной точности» [92], Уилкинсон уныло констатирует: «Воздержи-

---

[88] J. B. Adams. The Origin of the english constitution. New Haven, 1912; J. B. Adams. Constitutional history of England. New Haven, 1920.

[89] T. F. Tout. History of England from the accession of Henry III to the death of Edward III (The political history of England. Ed. W. Hunt and Pool, vol. III.). London, 1905; T. F. Tout. Edward the first. London, 1896; T. F. Tout. Chapters in the administrative history of medieval England, vol. 1—2. Manchester, 1920—1929.

[90] Y. E. A. Joliffe. The constitutional history of England from the english settlement to 1485. London, 1937.

[91] H. Cam. Stubbs seventy years after. Cambr. hist. Journal 1948; J. G. Edwards. W. Stubbs. London, 1952; B. Wilkinson. English politics and politicians of the 13 century, Speculum Jan., 1955. В своем обзоре новейшей литературы по интересующему нас вопросу американский историк Хойт прямо говорит о появлении в современной историографии «неостеббсианцев». (Speculum April., 1954, part 2).

[92] B. Wilkinson. English politics and politicans of the 13 century (Speculum, January 1955, p. 38).

ваясь от обобщений, мы отнюдь не избавились от ошибочных мнений и предположений, мы только облегчили себе возможность замалчивать их» [93].

Современных защитников Стеббса привлекает к нему не только обобщающий характер его концепции, недоступный для его критиков, но и лежащая в основе этой концепции политическая идея. Тот же Уилкинсон в цитированной выше статье пишет, что главные достоинства концепции Стеббса, с его точки зрения, заключаются в том, что Стеббс признавал важное значение в политической жизни Англии XIII—XIV вв. «идей и идеалов», и в том, что он рассматривал конституционную историю Англии под углом зрения непрерывного развития «политической свободы». Другой известный английский историк, Эдвардс, в специальной статье, посвященной оценке научного наследия Стеббса, не только восхваляет всеобъемлющий, с его точки зрения, характер стеббсовской концепции, но и пытается защитить все ее основные положения, в свое время подвергавшиеся нападкам со стороны историков «критического» направления [94]. С поисками древних исторических традиций «политической свободы», то есть, иначе говоря, современной буржуазной демократии, связано, очевидно, и общее значительное оживление интереса к истории средневековых представительных учреждений в новейшей буржуазной историографии, что имеет определенное политическое значение.

В современном капиталистическом мире, в котором непрерывно происходит обострение классовой борьбы, а классовый характер буржуазных демократий становится все более очевидным для широких народных масс, буржуазия не меньше, а, скорее, больше, чем в конце прошлого столетия, нуждается в таких исторических концепциях, которые помогали бы укреплению ее политического господства, освящая современный парламентаризм древней традицией, связывая его происхождение с «исконным» духом политической свободы. Для этой цели стройная обобщающая концепция Стеббса подходит больше, чем скепсис его противников.

Из современных последователей Стеббса наибольшего внимания заслуживают известный английский медиевист мисс Элен Кэм — в настоящее время председатель комиссии по истории представительных учреждений при Международном комитете историков — и уже упоминавшийся профессор университета в Торонто Б. Уилкинсон. Их объединяет не только общность концепции, но и то, что они, в отличие от многих других «корпоратистов», не уклоняются от более или менее широких обобщений.

[93] Ibidem, pp. 38—39.
[94] J. G. Edwards. William Stubbs. London, 1952, pp. 13—18.

Э. Кэм, стоя в целом на традиционных позициях вигской школы, вносит в них некоторые коррективы, учитывая результаты новых своих и чужих исследований. Во-первых, она, видимо, под влиянием «критического» направления значительно сильнее, чем вигские историки, акцентирует организующую прогрессивную роль королевской власти, особенно политики Эдуарда I, и в частности в развитии парламента [95]. Во-вторых, в процессе формирования этого учреждения Кэм особенно важное место отводит общинным корпорациям различного типа, начиная от сельских и городских общин и кончая более широкими корпорациями — общинами графств — и более узкими — цехами, гильдиями и т. д. Вся жизнь средневековой Англии, независимо от политики королей и политических смут XII—XIII вв., по ее мнению, была проникнута этими общинными распорядками, которые составляли глубокую основу всего органического развития английского общества [96]. В этих общинах происходило постепенное политическое воспитание «нации», подготовившее переход от господства феодальных договорных отношений к господству «отношений, связывающих людей общей профессией или общими интересами» [97]. Заслугой королевской власти в конце XIII в. было то, что она поняла значение общинных организаций для Англии. Эдуард I сделал руководящим принципом своего правления концепцию государства, как общины [98]. Эти новые отношения, по мнению Кэм, и послужили основой представительного парламента и прежде всего палаты общин. Таким образом, Кэм по существу также связывает возникновение этого учреждения с новыми, уже нефеодальными отношениями, хотя начало его возводит к принципу феодального договора [99]. Интересно, что «корпоратистские» тенденции этой концепции по существу не имеют ничего общего с подлинным социальным анализом причин происхождения и природы парламента.

Рассматривая всякую «общинную организацию» как территориальное или профессиональное единство, Кэм не уделяет достаточного внимания анализу социальной структуры этих общин, всего английского феодального общества в целом и самого парламента. Политическое развитие Англии XII—XIV вв. рассматривается ею в конечном итоге также как результат развития отвлеченных политических принципов.

[95] H. Cam. England before Elizabeth. London, 1950, pp. 68—74, 106—113.

[96] Ibidem, pp. 114—122; см. также статьи Кэм: From witness of the shire to full parliament, in T. H. S., 1944; Medieval representation in theory and praxis, in «Speculum», April 1954, part II.

[97] H. Cam. England before Elizabeth, p. 107.

[98] Ibidem, p. 107.

[99] Ibidem, pp. 107—108.

Б. Уилкинсон в своих многочисленных работах по конституционной истории Англии, опубликованных за последние 20 лет [100], выступает как откровенный последователь Стеббса, хотя кое в чем корректирует старую концепцию и порой облекает ее основные положения в новые термины.

Главным достижением политического развития Англии в XIII—XIV вв. Уилкинсон считает образование предпосылок для создания «ограниченной монархии», которая окончательно сложилась только к 1399 г.[101]. Сущность этой новой политической системы заключалась, по его мнению, в создании «нового сотрудничества между королем и его подданными» или «соучастия» (partnership) короля и его подданных в управлении страной [102]. Такая политическая система опиралась на древние политические традиции Англии, согласно которым «управление страной рассматривалось, как акт сотрудничества (cooperation) между монархом и народом» [103].

До начала XIII в. это сотрудничество только намечалось в виде взаимозависимости между центральным аппаратом и местным самоуправлением [104]. Однако полное и последовательное осуществление этого сотрудничества в XIII в. потребовало трансформации всей политической системы; выражением этой трансформации и было появление нового учреждения — «парламента» [105], который стал главным орудием гармонии между королем и народом. Исходя из такого понимания парламента, Уилкинсон решительно расходится в его оценке с историками «критического» направления, восстанавливая в правах взгляд Стеббса на парламент как на «политическое собрание», а не только судебно-административный орган короны и справедливо подчеркивая различие между парламентом и королевским советом, их разное происхождение, и борьбу, которая между ними происходила [106]. Уилкинсон возрождает концепцию Стеббса и в том смысле, что он рассматривает создание парламента и «сотрудничество между ко-

---

[100] Его основные работы: Studies in the english Constitutional history of the 13th and 14th centuries. Manchester, 1937; The political revolution of the thirteenth and fourteenth centuries in England. Speculum, October 1949; The Constitutional history of medieval England 1216—1399, vol. 1. London, New York—Toronto, 1948; vol. 11, 1952; English politics and politicians of the 13 and 14 centuries. Speculum, January, 1955.

[101] Speculum, January, 1955, p. 41.

[102] Speculum, October, 1949, p. 503.

[103] B. Wilkinson. The Constitutional history of England, vol. 1, p. 8.

[104] Ibidem, p. 9.

[105] Speculum, January, 1955, p. 41.

[106] См. B. Wilkinson. Studies in the Constitutional history of the thirteenth and fourteen Centuries, pp. 14, 15; The Consitutional history of England, vol. 1, p. 11.

ролем и народом» как результат политической борьбы [107], даже как результат «политической революции» XIII—XIV вв. [108]. В основе этой «революции» лежала борьба за верховную власть (суверенитет) в стране между королем и его узким советом, с одной стороны, и баронами — с другой [109]. Бароны, которых для этого периода Уилкинсон считает выразителями интересов «народа», претендовали на то, чтобы совет магнатов участвовал в решении всех дел, касающихся государства (negotia regni), тогда как в компентенции королевского совета они соглашались оставить лишь вопросы, касающиеся лично короля (negotia regis) [110]. Решительная схватка произошла во время «баронской войны» 1258—1267 гг., результатом которой явилась победа королевской власти. Последняя, однако, вынуждена была учесть уроки этой борьбы, признав «согласие» подданных обязательным для решения важнейших вопросов политики и тем самым став на путь «сотрудничества» с народом. Первым этапом этого сотрудничества было правление Эдуарда I, которого Уилкинсон в полном соответствии с буржуазной историографической тенденцией не устает восхвалять [111].

Главное расхождение Уилкинсона со Стеббсом, которое сближает его с представителями «критического» направления, заключается в его отношении к роли королевской власти. Он упрекает своего учителя в недооценке прогрессивного характера королевской политики в XII—XIII вв., который он сам постоянно подчеркивает. В частности, Уилкинсон справедливо отмечает, что, хотя парламент с самого начала был самостоятельным учреждением, его возникновение не ослабило, а усилило королевскую власть, подняло ее престиж. Из этого основного вытекает и другое более частное расхождение Уилкинсона со Стеббсом. В противоположность последнему Уилкинсон с некоторым осуждением относится к баронским выступлениям против Генриха III и, в частности, к деятельности Симона де Монфора. При этом характерно, что он осуждает, вовсе не узкосословный олигархический характер баронских требований 1258 г. и политических установлений Симона де Монфора, но «неконституционные» методы, которыми они действовали, их «революционные» выступления против монархии, которая, по его убеждению, больше соответствовала средневековой политической традиции, чем эк-

[107] См. B. Wilkinson. The constitutional hictory of England, vol. I, pp. 9—67 (Introduction).
[108] Speculum, October, 1949, p. 502.
[109] Ibidem.
[110] B. Wilkinson. The constitutional history of England, vol. 1, pp. 13—15.
[111] Ibidem, pp. 36, 38, etc.

сперименты Оксфордских провизий и диктатуры Симона де Монфора. В этом нарушении английских исконных политических традиций, а отнюдь не в оторванности баронов и в том числе Симона де Монфора от интересов широких слоев общества, Уилкинсон видит причину его поражения [112]. И хотя он всячески подчеркивает личное бескорыстие и идеализм Симона, его сочувствие все же оказывается на стороне «монархической традиции», которая должна была в конечном итоге привести к созданию «ограниченной» монархии только путем постепенной мирной эволюции [113]. Таким образом, эволюционистские тенденции, стремление затушевать бурные социальные конфликты, в ходе которых рождался английский парламент, присущи Уилкинсону не в меньшей, а в большей степени, чем Стеббсу.

Вообще следует заметить, что в целом общая концепция Уилкинсона воспроизводит многие слабые стороны старой вигской концепции, но далеко не все ее достоинства. Сохранив ее апологетический характер по отношению к английскому средневековому государству, Уилкинсон почти полностью отказался от тех элементов социального анализа, которые были характерны для Стеббса и его школы. Для Уилкинсона все политическое развитие Англии в XIII—XIV вв. есть постепенное развитие и усовершенствование принципа средневековой ограниченной монархии — принципа «согласия», происходившее как бы независимо от социальной эволюции общества [114]. Не удивительно поэтому, что Уилкинсон также не может вскрыть истинную феодальную природу парламента. В этом вопросе у него имеются явные противоречия. С одной стороны, он постоянно подчеркивает, что английское государство при Эдуарде I строилось на основе феодальной монархической традиции, которой этот король никогда и ни в чем не пытался нарушать; высмеивает тех историков, которые считают, что этот король вел «антифеодальную» политику, справедливо замечая, что в Англии «феодализм в целом дожил до Елизаветы, хотя отдельные его черты отмирали одни раньше, другие позже» [115]. Но в то же время он постоянно подчеркивает, что конец XIII и XIV в. был периодом, когда закладывались основы «современного национального госу-

[112] Ibidem, pp. 33—36.

[113] Ibidem, pp. 35—36.

[114] Эта идеалистическая концепция нашла еще более яркое отражение в книге М. Кларк «Средневековое представительство и принцип согласия в Англии и Ирландии» (Medieval representation and consent in England and Ireland. London, 1936), которая сводит весь вопрос о возникновении в Англии парламента к развитию принципа «согласия» со времен Римской империи до XIII в.

[115] B. Wilkinson. The constitutional history of England, vol. 1, p. 40.

дарства»[116]. Тем самым Уилкинсон присоединяется к бесчисленному сонму историков как «корпоратистского», так и «парламентистского» направления, считающих английское средневековое государство прообразом современных буржуазных конституционных монархий.

Итак, мы могли убедиться в том, что обобщающие концепции современных историков как «парламентистского», так и «корпоратистского» направления вносят мало подлинно нового по сравнению с концепциями, созданными буржуазной историографией на рубеже XIX и XX вв. Об этом говорит и содержание упоминавшегося выше обзорного доклада по историографии интересующего нас вопроса, сделанного на X Международном конгрессе историков в Риме. В качестве главных проблем, занимающих в настоящее время исследователей так называемой конституционной истории Англии, авторы этого доклада называют вопросы, которые дебатируются в буржуазной историографии еще со времени Мэтланда — вопрос о значении слова «парламент» в XIII в. или о значении понятия «община королевства», вопрос о политических функциях парламента[117]. Как видно из того же доклада, все эти вопросы в наши дни решаются в том же формально-юридическом плане, как 40—50 лет назад. Характерно, что большинство современных буржуазных историков не считает средневековый английский парламент сословно-представительным собранием. Не удивительно, что на этом старом протоптанном пути успехи буржуазной историографии за последние полстолетия более чем скромны.

Это вынуждены признать и некоторые из ее представителей. Мы уже приводили мнение на этот счет Уилкинсона. Не менее ясно высказался недавно по этому поводу американский историк Хойт, заметивший, что «спустя 80 лет после того, как Стеббс торжественно положил начало современному исследованию английской средневековой конституционной истории, следует признать, что история парламента остается не написанной»[118].

В этом же духе подвел итоги буржуазной историографии по этому вопросу американский историк Плэкнет, сказав: «Ни один из английских институтов не изучался с таким большим рвением и со столь малыми определенными результатами, как парламент»[119].

---

[116] Ibidem, pp. 38—39, 43, 44, 45, 46.

[117] Relazioni, vol. 1, pp. 10, 38, 42—45.

[118] H. Hoyt. Recent publications in the United States and Canade in the history of representatives institutions before the french revolution (Speculum, April 1954, part 2, p. 358).

[119] Цит. по указанной выше статье Хойта, стр. 358.

Это не значит, конечно, что буржуазная историография за этот период не имеет никаких достижений. Значительный научный интерес представляют многочисленные монографические исследования, посвященные отдельным вопросам политической и особенно социальной истории Англии XII—XIV вв. Невозможно здесь перечислить все исследования такого рода, обычно базирующиеся на свежем материале первоисточников и зачастую весьма интересно решающие ту или иную частную проблему. Многие из этих монографий были использованы нами при написании этой книги, о чем в соответствующих местах имеются ссылки. Наиболее плодотворно в последние 20—30 лет в английской историографии разрабатывается вопрос о социальной и политической роли рыцарства в жизни Англии XIII—XIV вв. [120], вопросы, связанные с личным и социальным составом городских представителей в парламенте [121], с социальным статусом баронов и парламентских аббатов [122].

Однако интересный материал, содержащийся в такого рода монографиях, в значительной мере остается необобщенным. Те историки, которые претендуют на создание общих концепций, как было отмечено выше, очень мало используют выводы этих монографий, как правило, не выходя из области чисто политической истории, истории права и учреждений. Авторы же этих интересных монографий избегают делать из своих наблюдений какие-либо общие выводы, ограничиваясь лишь констатацией новых, обнаруженных ими фактов. Очевидно, именно этот все углубляющийся разрыв между конкретными исследованиями по социальной истории средневековой Англии и общими трудами по политической истории этого периода, ощущаемый даже самими буржуазными исследователями, и вызывает неудовлетворение некоторых из них.

---

[120] См. E. F. Jacob. Studies in the period of baronial reform and rebellion 1258—1268. Oxford, 1925; R. F. Treharne. Knights in the period of reform and rebellion 1258—1268. B. IH. R. No. 62, 1946, p. 1—12; J. G. Edwards. The personel of the commons in parliament under Edward I and Edward II. Essays in Medieval history presented to T. F. Tout. Manchester, 1925; G. T. Lapsley, Crown, Community and parliament in the latter Middle ages. Oxford, 1951 (Очерк «Buzonez» и очерк, посвященный рассмотрению состава представителей от графств в парламентах периода правления Эдуарда II).

[121] M. Mckizack. The parliamentary represantation of the English boroughs during the Middle ages. London, 1936.

[122] Например, такие работы, как: I. J. Sanders. Feudal military Service in England. London, 1956; I. E. A. Joliffe. Angevin Kingship. London, 1955; S. Wood. English monasteries and their patrons in 13-th century. London, 1956; A. M. Reich. The parliamentary abbots to 1470. Losangelos, 1941, in University of California Publications on history, vol. 17, No. 4.

Общие итоги развития буржуазной историографии по истории парламента тем более не могут удовлетворить советских исследователей. Идеалистическая методология, классовая ограниченность и политическая тенденциозность, в равной мере свойственные представителям обоих главных направлений буржуазной историографии по данному вопросу, ставили и ставят предел ее исследовательским возможностям, которые строго ограничены кругом определенных проблем. Буржуазной историографией достаточно изучена с формальной стороны история английских средневековых учреждений, особенно парламента, все детали структуры и организации последнего, его права и обязанности по отношению к королю. С такой же формальной стороны выяснены особенности английского права, налоговая система, военная организация, механизм местного управления, взаимоотношения между церковью и государством. Кое-что сделано буржуазными исследователями в области изучения социального состава парламента, в частности представительства от общин; выяснены структурные отличия парламента от других сословных собраний; прослежен процесс централизации государственного аппарата в XII—XIII вв. В работах буржуазных исследователей можно найти обширный и часто свежий фактический материал, почерпнутый из архивных источников, а также отдельные интересные выводы по частным вопросам.

Но вопросы, связанные с социальными предпосылками и социальной природой английского парламента и английской «сословной монархии», которые представляются нам наиболее существенными в истории английского средневекового государства, всегда оставались и остаются за пределами интересов буржуазных историков. И это вполне естественно: не желая видеть классовую эксплуататорскую сущность феодального английского государства средних веков, стремясь изобразить его как основу буржуазной конституционной монархии, современные буржуазные историки так же, как и их предшественники в XIX в., предпочитают оставаться в своих исследованиях на почве чистой истории идей или в лучшем случае учреждений, не вдаваясь в более глубокий социальный анализ проблем, связанных с историей развития английской «сословной монархии» и парламента.

* *
*

История английского феодального государства в XIII в. и, в частности, парламента, советскими медиевистами специально не исследовалась. Однако ими немало сделано в области изучения экономической и социальной истории средневековой

Англии, что значительно облегчило нашу работу над этой книгой [123]. Особенно ценными с этой точки зрения являются многочисленные труды Е. А. Косминского и, прежде всего, его «Исследования по аграрной истории Англии III в.» (Москва, 1947 г.). В этой работе Е. А. Косминский впервые в историографии пытается перекинуть мост от аграрной к политической истории Англии, уделяя значительное внимание анализу социальных отношений, развивавшихся на базе аграрной эволюции страны и определявших, как в ряде мест показывает автор, и ее политическое развитие.

Не говоря уже о том, что книга Е. А. Косминского содержит чрезвычайно ценные данные и новые выводы по всем основным вопросам аграрных отношений Англии XIII в., выводы, на которые мы постоянно опирались в нашей работе, она дает очень много нового и в анализе расстановки социальных сил, сложившейся в Англии XIII в., без учета которой невозможно изучение политической истории. Так, Е. А. Косминский впервые обнаружил экономические основы резких различий в социальном и политическом положении крупных и мелких феодалов, различий, которые во многом определили специфику политической эволюции феодальной Англии [124]; он впервые обратил также внимание на социальную неоднородность свободного крестьянства в Англии изучаемого периода и близость свободной крестьянской верхушки к мелким феодалам-вотчинникам, объяснив, таким образом, особенностями аграрного развития Англии специфический незамкнутый характер английского рыцарства как особой сословной группы [125]. Эти и многие другие положения Е. А. Косминского, глубоко и убедительно аргументированные в его книге, во многих случаях являлись отправными моментами для нашего исследования, как это отмечается на многих страницах последнего.

Вопросов истории государства и права Е. А. Косминский в своих исследованиях касается по большей части лишь мимоходом, без специальной развернутой аргументации. Но и по этим вопросам он высказывает ряд интересных и плодотворных гипотез, которые отчасти натолкнули автора настоящей работы на изучение избранной темы с целью более углубленного и специального ее исследования. Наибольший интерес в

---

[123] В этом кратком обзоре рассматриваются лишь печатные работы, посвященные этим темам. Имеющиеся по этим и смежным вопросам еще не опубликованные кандидатские диссертации упоминаются и рассматриваются нами в ходе нашего исследования.

[124] См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947, гл. VI.

[125] См. Е. А. Косминский. Указ. соч., гл. V, стр. 301—318; гл. VI.

этой связи представляет мысль Е. А. Косминского о том, что процесс централизации английского феодального государства совершался за счет крепостного крестьянства — вилланов — и диктовался в значительной мере потребностью феодалов обеспечить себе повиновение и возможность максимальной эксплуатации вилланов при помощи централизованного государства [126].

Ряд проблем социальной истории Англии, затрагиваемых в нашей работе, в последние годы подвергся специальному исследованию в нескольких статьях М. А. Барга. Продолжая линию, намеченную трудами Е. А. Косминского, М. А. Барг ставит эти проблемы в связи с анализом аграрной эволюции Англии XI—XIII вв., на основе широкого сопоставления данных Книги страшного суда и Сотенных свитков 1279 г. Интересно, что по ряду вопросов выводы М. А. Барга перекликаются с выводами нашей работы, к которым мы пришли на основе изучения совершенно других источников, преимущественно источников по истории государства и права Англии XII—XIII вв. Примером может служить вопрос об эволюции светского вотчинного землевладения в направлении укрепления мелковотчинного (рыцарского) землевладения [127], вопрос о социальной неоднородности свободного крестьянства [128] или вопрос о позиции королевских судов по отношению к вилланам старинного домена короны [129].

В то же время по некоторым вопросам, и в первую очередь по вопросу о роли феодального государства в процессе отмеченной выше эволюции светского землевладения [130], между автором настоящей работы и М. А. Баргом имеются некоторые расхождения, которые отмечены нами в соответствующих разделах работы.

Ценный материал по истории огораживаний XIII в. мы почерпнули в статье К. Д. Авдеевой, посвященной специально этому вопросу [131]. При изучении экономической истории английских городов, которая очень слабо освещена в буржуазной историографии, значительную помощь оказали нам статьи

---

[126] Там же, стр. 401—403, 408.

[127] См. М. А. Барг. Эволюция феодального землевладения в Англии в XI—XIII вв. «Вопросы истории», 1953, № 11.

[128] См. М. А. Барг. Фригольд центральной Англии в XII—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. IX. М., 1957.

[129] См. М. А. Барг. Вилланы «старинного домена». Сб. «Средние века», вып. XI. М., 1958.

[130] Этот вопрос рассматривается М. А. Баргом в статье «О некоторых факторах разложения светского вотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв.». Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.

[131] См. К. Д. Авдеева. Огораживания общинных земель в Англии XIII в. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955.

А. Я. Левицкого, содержащие интересный живой материал по ранней истории городов Англии (XI—XII вв.) [132].

При всем значении перечисленных выше советских работ для нашего исследования они отнюдь не решают проблему политической эволюции Англии XII—XIII вв., которая в целом и в частностях все еще остается недостаточно изученной в советской историографии.

А между тем необходимость разрешения этой проблемы на основе марксистско-ленинской методологии уже давно назрела как с точки зрения борьбы с извращениями буржуазной историографии в этом вопросе, так и с точки зрения тех задач, которые стоят перед советской медиевистикой в деле изучения общей проблемы феодального государства в целом.

* *
*

Наша работа представляет опыт исследования истории возникновения английского парламента и «сословной монархии» преимущественно в социальном аспекте. Поскольку всякое государство есть политическая надстройка, которая порождается экономическим базисом общества и отражает происходящие в нем изменения [133], главной задачей этой работы является выяснение связи и взаимодействия между политической надстройкой и экономическим базисом английского феодального общества в XIII в., что с нашей точки зрения составляет главный интерес истории всякого государства.

Из этой основной задачи вытекают и все остальные более частные проблемы нашего исследования.

Исходя из известного марксистского положения о том, что «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [134] и что оно является обычно органом политического господства самого могущественного, экономически господствующего класса в данном обществе [135], мы считаем одной из важных задач нашей работы исследование конкретных проявлений феодальной природы английского государства XIII в. (как королевской власти, так и парламента)

---

[132] См. А. Я. Левицкий. Проблема раннего феодального города в Англии и Книга страшного суда. Сб. «Средние века», вып. III. М., 1951; Ремесленные гильдии в Англии в ранний период их истории. Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.

[133] См. К. Маркс. Предисловие к «Критике политической экономии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 322.

[134] В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 441.

[135] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 303.

во всех направлениях его деятельности. Хотя теоретически для каждого историка-марксиста должно быть ясно, что это государство было феодальным, но конкретный анализ политики королевской власти и парламента с этой точки зрения представляется особенно необходимым в связи с той идеализацией политики английского средневекового государства, которую мы встречаем, как правило, в буржуазной историографии прошлого и настоящего.

Не менее важен и другой вопрос, который также обычно обходится молчанием в буржуазной литературе. Это вопрос о том, каким образом классовые противоречия и классовая борьба воздействовали на ход эволюции английского феодального государства в XIII в. Ставя этот важный вопрос, автор исходит из того, что между обострением классовых противоречий и изменением форм феодального государства в процессе развития феодального общества существует определенная связь. Наличие такой связи во всяком классовом обществе подчеркивал еще Ф. Энгельс, заметив, что «публичная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее» [136]. Эту связь отмечал и В. И. Ленин, когда писал: «Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство» [137]. Правда, проследить воздействие все обострявшихся в Англии XIII в. классовых противоречий, в частности антифеодальной борьбы крестьянства, на становление и развитие английской «сословной монархии» особенно трудно, ибо оно обычно проявлялось в завуалированной, опосредствованной форме и, как правило, не находило адекватного отражения в источниках. Однако там, где это в какой-либо степени возможно, мы старались проследить эту взаимосвязь между классовой борьбой и политической эволюцией средневековой Англии XIII в. на всех ее основных этапах.

Из всего сказанного выше о задачах нашей работы очевидно, что центр тяжести исследования переносится нами из области формальной истории учреждений и права, которая достаточно полно освещена в буржуазной историографии, в область живой социально-экономической действительности Англии XIII в. Это, однако, вовсе не значит, что автор считает возможным полностью игнорировать политическую и правовую сторону вопроса. Ведь признание классовой природы

[136] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. М., 1952, стр. 303.
[137] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 440.

всякого государства вовсе не означает отрицания его специфического надстроечного характера. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что государство нельзя прямо отождествлять с господствующим классом данного общества, ибо оно является аппаратом общественной власти, выделившимся из общества и стоящим над ним [138]. По словам В. И. Ленина, государство «всегда было известным аппаратом, который выделился из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем... или главным образом тем, чтобы управлять» [139].

Подходя к проблеме с этой точки зрения, мы не можем полностью отказаться от исследования форм эволюции английского феодального государства и его органов в интересующий нас период. Вопросы эти, однако, рассматриваются нами главным образом с точки зрения основной тенденции в развитии английского феодального государства, каковой для XII—XIII вв. мы считаем процесс государственной централизации, диктовавшийся всем ходом экономического и социального развития страны и обострением классовой борьбы в этот период. При этом автор, не углубляясь в детали организации и структуры государственных учреждений XIII в., старался сосредоточить свое внимание на тех сторонах политического развития страны, которые особенно рельефно отражали этот процесс государственной централизации.

В Англии, как и во многих других странах Европы, процесс этот привел на определенном этапе (XIII—XIV в.) к складыванию «сословной монархии». Естественно, что эта новая политическая форма находится в центре нашего внимания. Естественно также, что самый термин «сословная монархия», введенный в употребление буржуазными историками XIX в., трактуется нами в значении, принятом советскими медиевистами, совершенно отличном от его трактовки в буржуазной историографии прошлого и настоящего.

Буржуазные исследователи понимали и понимают под «сословной монархией», как правило, «ограниченную монархию», в которой осуществляется гармония интересов короля и «народа» или «союз» между королем и основными сословиями феодального общества, то есть государство, стоящее вне классов или над классами этого общества.

Советские историки обозначают этим термином одну из форм классового феодального государства, существовавшую во многих странах Европы в период развитого феодализма (XII—XV вв. — для стран Западной Европы). Эта политическая форма характеризуется, как известно, сочетанием значи-

[138] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи... К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 302.
[139] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 440.

тельной степени государственной централизации (по сравнению с более ранним периодом) и относительно сильной королевской власти с наличием сословно-представительных собраний.

Уже самый факт возможности столь различного толкования этого термина свидетельствует о его неточности, а потому и неправильности. Он как бы подчеркивает всесословный характер государственной власти в изучаемый период и тем самым облегчает буржуазным ученым задачу апологии английского средневекового государства.

Наше исследование, одной из главных задач которого является изучение конкретных проявлений эксплуататорской феодальной природы так называемой сословной монархии в Англии, дает, как нам кажется, основания поставить вопрос о замене этого неудачного термина более точным. Мы считаем более правильным определить эту специфическую форму феодального государства как «феодальную монархию с сословным представительством».

Поскольку сословно-представительные собрания составляли наиболее характерную особенность этой политической формы, то именно парламенту уделяется наибольшее место в нашей книге, как видно уже из ее названия. Однако изучение истории парламента не является для автора самоцелью. Парламент рассматривается нами лишь как своего рода фокус социальных и политических отношений XIII в., ибо в его развитии, составе, структуре и во всей его деятельности отразилось то соотношение социальных сил, которое сложилось в Англии ко второй половине XIII в. и на которое опиралась новая феодальная монархия с сословным представительством [140]. Поэтому в главах книги, посвященных непосредственно парламенту, наибольшее место отводится не организации и процедуре, но анализу социального состава, политических и социальных функций этого учреждения.

Наша книга, как показывает ее название, посвящена самому раннему периоду существования парламента и его предыстории. Она охватывает далеко не всю историю средневекового парламента, но лишь столетний период — от начала XIII до начала XIV в. [141]. Выбор этих хронологических рамок определяется рядом причин.

---

[140] Мы полагаем, что к средневековому английскому парламенту вполне применимы замечательные слова, сказанные В. И. Лениным по поводу роли английского парламента в начале XX в.: «Действительное классовое господство лежало и лежит *вне* парламента» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 207 [подчеркнуто В. И. Лениным]).

[141] Лишь в отдельных главах привлекается материал второй половины XII и конца XIV в.

Во-первых тем, что это был период становления парламента, когда, с одной стороны, еще очень рельефно выступала его живая связь с социальными конфликтами, вызвавшими его к жизни, с другой — уже складывались основные характерные черты средневекового парламента как специфического и вполне самостоятельного учреждения. Поэтому, хотя эти черты были в конце XIII в. выражены слабее, чем в XIV в., именно здесь, на наш взгляд, следует искать решения спорных в литературе вопросов о происхождении парламента, о его политических функциях и общем характере его деятельности. Изучение этих первых десятилетий существования парламента представляет тем больший интерес, что именно этот этап его истории вызывал наибольшие споры в историографии вопроса и поставлял аргументацию как апологетам парламента, так и апологетам королевской власти, в частности Эдуарда I — этого первого «конституционного» монарха, как его часто называют в буржуазной литературе.

Во-вторых, обращение к этому периоду объясняется тем, что, как это ни странно, он менее всего изучен с точки зрения повседневной практической деятельности парламента, особенно по сравнению с XIV в. В монографическом плане эта конкретно-историческая сторона вопроса почти не исследовалась [142], а в общих работах освещается очень бегло, хотя в них постоянно подчеркивается «конституционное» значение этого периода.

Наконец, в-третьих, для XIII в. мы располагаем наиболее богатым материалом источников и, что особенно важно, не только по истории собственно парламента, но и по всем важнейшим вопросам социальных и политических отношений этого периода.

Акцент на социальные проблемы, который мы делаем в работе, потребовал привлечения таких источников, которые совсем не использовались или мало использовались буржуазными исследователями так называемой конституционной истории Англии. Но даже и те источники, которые детально изучались ими, нам приходилось часто анализировать под другим углом зрения, чем это делалось раньше.

Подробная характеристика всех использованных в книге источников потребовала бы целого дополнительного тома. Да в ней и нет особенной нужды, так как автор, не имея возможности в период работы над книгой использовать рукописные материалы, хранящиеся в английских архивах, работал исключительно над весьма многочисленными публикациями XIX и XX вв. Эти публикации, которые в целом дают очень

[142] Этому периоду специально посвящена лишь одна упомянутая выше монография D. Pasquet. Essai sur les origines de la Chambre de la Communs. Paris, 1914.

обширный и разнообразный материал по интересующим нас вопросам, как правило, уже описаны в литературе и довольно широко известны в кругах советских медиевистов и особенно историков Англии. Поэтому мы ограничимся здесь лишь самой общей характеристикой использованных источников[143]. Их можно разделить на следующие группы:

1. Документы, имеющие непосредственное отношение к истории парламента,— приглашения в парламент, распоряжения об избрании депутатов от графств и городов, распоряжения о порядке сборов парламентских налогов, собранные в известном издании «Парламентские приказы»[144], парламентские петиции и судебные иски, подававшиеся во время сессий парламента и советов магнатов на имя короля и его совета, собранные в многотомном издании «Парламентских свитков» и в дополнениях к нему, опубликованных в 30-х гг. XX в.[145]. Мы обратились к этим публикациям не только для выяснения организации и политической роли парламента, для чего они обычно использовались в историографии, но также для анализа социального состава и социальной направленности всей деятельности ранних парламентов.

2. Законодательные памятники XII и XIII вв.: ассизы Генриха II, Великая хартия вольностей, постановления эпохи так называемой баронской войны, статуты времени правления Эдуарда I[146]. Эти источники тоже ранее уже использовались для освещения истории Англии XIII в., но крайне неравномерно. Основной интерес буржуазных историков сосредоточивался вокруг Великой хартии и других оппозиционных документов этого периода.

Мы старались внимательно исследовать все эти законодательные памятники, особенно статуты Эдуарда I, не только с точки зрения развития права и учреждений, но с точки зрения выяснения соотношения социальных сил в стране и особенно социальной направленности политики королевской власти в этот период.

---

[143] Там, где более подробная характеристика отдельных источников оказалась все же необходима, она дается в соответствующих местах при анализе этих источников.

[144] Parliamentary writs and writs of military summons ed. Palgrave, vol. I—II. London, 1827—1834 (далее сокращенно — P. W.).

[145] Rotuli parliamentorum, ut et petitiones et placita in parliamento 1278—1503, vol. 1. London, 1832 (далее сокращенно — R. P.). Ratuli parliamentorum Angliae hactenus inediti 1279—1373. London, 1935 (Camd. Society. 3 ser. vol. 51).

[146] Большинство этих документов опубликовано в издании Statutes of the Realm Rec. Comm, vol. 1. London, 1810 (далее сокращенно — Statutes). Некоторыми из них мы пользовались в популярном издании Стеббса. Select charters and other illustrations of english constitutional history... Oxford, 1874.

3. Различные королевские распоряжения (главным образом Генриха III и Эдуарда I, отчасти Джона) по вопросам внутренней и внешней политики, собранные в разных публикациях[147]. Документы этого типа, хотя иногда и использовались в буржуазной историографии по политической истории Англии, но лишь по отдельным поводам — в связи с необходимостью выяснить какой-либо частный вопрос или ход каких-либо конкретных событий. Мы же использовали этот интереснейший, хотя и очень разбросанный материал (его приходилось вылавливать по крупицам) для освещения многих вопросов социальной и политической истории Англии XIII в., особенно для выяснения взаимоотношений между феодальным государством и основными социальными слоями общества.

4. Протоколы королевских и сеньериальных судов, в том числе и манориальных курий, в различных публикациях[148]. Источники этого рода широко использовались историками права, а в последнее время также исследователями аграрной истории Англии. Мы использовали их несколько иначе: во-первых, для общей характеристики социальных отношений Англии XIII в. (положения разных социальных групп, классовой борьбы в деревне и городах, столкновений внутри класса феодалов и т. д.), во-вторых, для выяснения политики королевской власти и ее судебных органов по отношению к различным слоям общества. В качестве вспомогательного материала для этой же последней цели мы использовали юридические трактаты XIII в.[149].

5. Правительственные расследования разного рода: Сотенные свитки, расследования quo warranto, расследование о феодах (Testa de Nevill), регистр посмертных расследований,

[147] Rotuli literarum clausarum in turri Londoniensis asservati 1204—1227, ed by D. Hardy, vol. I. London, 1833, vol. II, 1844; Close rolls of the reign of Henry III, vol. 1—14. London, 1902—1938; Calendar of the Close Rolls of Edward I, vol. I—V. London, 1900—1902; Calendarium Rotulorum patentium. London, 1802; Calendar of the patent rolls of the reign of Henry III. London, 1901—1919; Calendar of the patent rolls of the reign of Edward I. London, 1898; Rotuli de liberate ac de misis et praestitis regnante Johanne. ed. by Th. D. Hardy. London, 1844; Foedera conventiones, litterae et cujuscunque generis Acta publica, ed. Rymer, vol. 1, part II. London, 1816 (далее сокращенно — Foedera).

[148] Placitorum in domo capitulare Westmonasteriensi asservatorum Abbreviatio. London, 1811 (далее сокращенно — Pl. Abbr.). Year books of the reign of King Edward I, vol. 1—3. London, 1863—1866 (R. S. No. 31); Select bills in eyre 1292—1333. London, 1914 (Selden Society Publications, vol. 30); Select cases concerning the law merchant, a. d. 1270—1638, vol. 1—2. London, 1908; Select pleas on manorial and other seignorial courts ed. by F. W. Maitlend, vol. I. London, 1889 (Selden Society) publications, vol. 2; Bracton's note book ed. by F. M. Maitlend vol. 1—3. London, 1887.

[149] H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae ed. Travers Tviss, vol. I—VI. London, 1878—1883 (R. S. No. 70); Fleta seu commentarius juris Anglicani. London, 1735.

церковная таксация папы Николая IV и другие [150]. Эти источники, которые ранее совсем не использовались для изучения истории парламента, дали нам весьма ценный материал как для общей характеристики экономического и социального строя Англии XIII в., так и для выяснения социального состава парламента (в сочетании с парламентскими документами) и общей политики феодального государства.

6. Городские документы: городские хартии и некоторые, доступные в Москве, публикации городских архивов [151]. Источники этого рода послужили нам главным образом для характеристики экономической и социальной жизни в городах, происходившей там социальной борьбы, взаимоотношений между королевской властью и городами, для определения социального состава городских представителей в парламенте. Следует, однако, заметить, что количество публикаций городских архивов, имеющихся в Москве, для XIII в. очень невелико, что весьма затрудняло нашу работу.

7. То же относится к другому виду источников — налоговым спискам XIII в., которые представляют ценнейший источник для выяснения социальной роли парламента и вообще феодального государства в изучаемый период, но в Москве представлены лишь случайными отдельными публикациями.

8. Хроники второй половины XIII в. и начала XIV в. Мы использовали все сколько-нибудь значительные и достоверные хроники этого периода, достаточно известные и описанные в литературе [152]. При тщательном сопоставлении их с документальными материалами и между собой обычно нетрудно отделить зерно истины от вымысла в изложении хронистов. В хрониках мы почерпнули интересные подробности политических конфликтов XIII — начала XIV в., в отдельных случаях упоминания о классовой борьбе, особенно о социальной борьбе

[150] Rotuli hundredorum, vol. 1. London, 1812, vol. II, 1818 (далее сокращенно — R. H.). Placita de quo warranto. London, 1818 (далее сокращенно — P. Q. W.). Testa de Nevill sive Liber feodorum temp. Henr. III et Edwardi I. London, 1807; Calendar of inquisitiones post mortem, vol. 1—6. London, 1898—1913; Calendarium inquistionum post mortem sive escatorum, vol. 1. London, 1806; A Lincolnshire assize rolls for 1298. Lincolnshire Societv, vol. 36. London, 1944; Taxatio ecclesiastica Angliae et Walliae auctoritate papae Nicholai IV circa a. d. 1291. Rec. Com. London, 1802.

[151] British borough charters 1042—1216. Cambidge, 1913; British borough charters 1216—1307 . Cambridge, 1923 (далее сокращенно — B. B. Ch). Munimenta Cildhallae Londoniensis (Roll. Series, 12), vol. 1 — Liber Albus part 1—2. London, 1859—1862; vol. II — Liber custumarum part 1—2. London, 1860; Memorials of London and London life in the XIII—XIV b. London, 1868; Records of the borough of Leichester 1103—1603, ed. M. Bateson, vol. 1. Cambridge, 1899; Cambridge borough documents ed. M. Palmer. Cambridge, 1931; M. Batson. Cambridge gild records. London, 1903.

[152] Большинство использованных нами хроник опубликовано в издании Roll Series.

в городах, а также некоторые данные об общественной атмосфере и настроениях различных социальных групп Англии изучаемого периода.

9. В качестве дополнительных источников мы привлекли также анонимный трактат «О порядке ведения парламента» (Modus tenendi parliamentum) [153], написанный, согласно новейшим данным, в 20-е гг. XIV в., проливающий свет на некоторые вопросы организации и процедуры парламента [154], а также политические песни и поэмы конца XIII — начала XIV в.[155].

Последний «литературный» источник помог выяснению общественного мнения эпохи, взглядов различных социальных слоев на свое положение в обществе и на политику правительства. Многие из этих песен особенно ценны тем, что выражают симпатии и чаяния угнетенных слоев населения, в частности крестьянства, с устным народным творчеством которого они, очевидно, тесно связаны. Так как настроения крестьянства, как правило, не отражены ни в официальных документах, ни в хрониках, то такого рода «литературные» источники были нам необходимы.

Совокупность данных, собранных из этих источников, часто с трудом и по мелочам, несмотря на некоторые пробелы в материале, неизбежные при отсутствии в нашем распоряжении архивных документов, позволяет нарисовать общую картину тех социальных и политических изменений, которые характеризовали развитие Англии в XIII в., в период складывания там феодальной монархии с сословным представительством.

---

[153] Мы пользовались текстом этого трактата в издании Стеббса: Select Charters and other illustrations fo english constitutional history. Oxford, 1874.

[154] Большинство историков XIX в., датируя этот трактат серединой или концом XIV в., считало его малодостоверным источником по истории парламента, так как нарисованная им картина парламентских порядков резко расходилась с официальными данными о парламентах этого более позднего периода. Однако в последнее время некоторые английские историки убедительно доказали, что трактат был написан не позднее 1325 г. и что описываемые им парламентские обычаи во многом совпадают с тем, что мы знаем о самом раннем периоде существования парламента, хотя кое в чем и расходятся с этими сведениями (W. A. Morris. The dete of the Modus tenendi parliamentum. E. H. R., No. 195, July 1934, p. 415; M. V. Clarke. The medieval representation and consent. London, 1936, p. 152). Поэтому хотя трактат этот был написан, видимо, с полемической целью и выражал скорее политические пожелания автора, чем реально существующие порядки, но несомненно исходил во многом из уже сложившихся к началу XIV в. парламентских порядков и обычаев, а поэтому может рассматриваться как один из дополнительных источников по ранней истории этого учреждения.

[155] В издании The political Songs of England from the reign of John to that of Edward II, ed. Th. Wright. London, 1839.

ГЛАВА I

РОСТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ АНГЛИИ В XII—XIII ВЕКАХ

Основным содержанием политической эволюции феодальной Англии с середины XII до начала XIV в. был процесс государственной централизации страны, который диктовался всем ходом ее экономического и социального развития в этот период [1].

Одной из главных предпосылок этого процесса являлись заметные успехи в развитии производительных сил, которые были достигнуты феодальной Англией как в сельском хозяйстве, так и в ремесле на протяжении второй половины XII и в XIII в. Эти успехи проявились в усовершенствовании методов земледелия, в быстром развитии скотоводства и, в частности, овцеводства, в общем повышении урожайности, в дальнейшем углублении разделения труда между ремеслом и земледелием, в быстром росте городов, развитии горного дела и металлургического производства. Следствием общего подъема английской экономики в конце XII и в XIII в. было сравнительно быстрое развитие внутреннего рынка, которое стимулировалось также заметными успехами внешней торговли, главным образом экспорта шерсти и зерна. Все эти сдвиги в развитии производительных сил носили прогрессивный характер и знаменовали собой новый более высокий этап развития английского феодального общества.

[1] Подробный очерк экономической и социальной жизни Англии этого периода, основанный на данных источников и новейшей литературы, содержится в статье автора «Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XIII в.» (Сборник «Средние века», вып. IX. М., 1957). В данной работе автор счел возможным ограничиться кратким изложением основных положений вышеупомянутой статьи.

Естественно, что они не могли не оказывать влияния и на политическую жизнь страны. Уже само по себе развитие внутреннего рынка, как указывал В. И. Ленин, применительно к истории России XVII в., являлось важнейшим условием экономического и политического объединения отдельных областей, земель и княжеств в единое феодальное государство[2]. Такую же роль этот экономический фактор играл в политической консолидации средневековой Англии XII—XIII вв., способствуя укреплению политического единства страны под властью главы феодального государства — короля. Воздействуя на самые различные стороны общественной жизни феодальной Англии этого периода, развитие товарно-денежных отношений и внутреннего рынка постепенно изменяло соотношение социальных сил в стране в пользу усиления централизованного феодального государства. В этом направлении действовали в первую очередь те изменения, которые произошли к середине XIII в. в отношениях между основными антагонистическими классами английского общества того времени — феодалами и крестьянством.

Развитие товарно-денежных отношений влияло на хозяйственный строй английской деревни и на положение крестьянства в двух направлениях. С одной стороны, оно приводило к коммутации ренты, расслоению крестьянства, личному освобождению отслаивающейся крестьянской верхушки, к развитию крестьянской аренды и частичному применению наемного труда в его феодальной форме — то есть подготовляло некоторые условия для развития капиталистического производства в будущем. С другой стороны, то же развитие товарно-денежных отношений, порождая у феодалов жажду все больших доходов, в других случаях приводило к росту феодальной ренты, к восстановлению барщин там, где ранее они были коммутированы, к попыткам закрепощения лично свободных или промежуточных групп крестьянства (так называемая феодальная реакция), к огораживаниям общинных земель — то есть к усилению феодальной эксплуатации, к временному укреплению феодального строя и позиций класса феодалов.

Эти противоречивые, на первый взгляд, тенденции отражали двойственную роль товарного производства в феодальном обществе. В XIII и даже в первой половине XIV в. вопрос о том, какая из этих тенденций победит, еще далеко не был решен. За исключением небольшой сравнительно группы зажиточного крестьянства, основная масса крестьян — средние и малоземельные вилланы, а также свободная крестьянская беднота — скорее страдала от развития товарно-денежных от-

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137.

ношений. Следствием этого явилось с начала XIII в. значительное обострение классовых противоречий и классовой борьбы в английской деревне. Классовая борьба крестьянства, принимавшая различные формы — побеги, уклонение от выполнения повинностей, попытки крестьян судебным путем доказать свой свободный статус и право свободного распоряжения землей, наконец, вооруженные выступления крестьян против повышения рент и огораживаний — оказывала постоянное и все возраставшее воздействие на общественные и политические отношения в стране. Именно воздействие этого фактора являлось, как нам кажется, одним из главных стимулов, толкавших феодалов, особенно средних и мелких, на поддержку процесса государственной централизации. Аппарат внеэкономического принуждения, которым располагали отдельные феодалы, в этих новых условиях не всегда мог обеспечить им безусловное повиновение крестьян. И они вынуждены были искать у центрального правительства более действенной помощи не только в подавлении открытых крестьянских выступлений, но и в деле создания новых правовых норм, законов и судебных учреждений, которые обеспечивали бы им возможность максимальной эксплуатации крестьян в новых экономических условиях.

Такое же действие оказывало наличие в Англии относительно широкого слоя лично-свободного крестьянства, низшие и средние слои которого, как и вилланы, являлись объектом феодальной эксплуатации. По отношению к ним манориальные и иммунитетные средства внеэкономического принуждения вообще были недостаточны. Организация их эксплуатации требовала более централизованных средств.

Усиление стремления к поддержке центральной власти в среде класса феодалов стимулировалось и другими причинами. Сильная центральная власть была нужна феодалам для успешного осуществления экспансии в Уэльс, Ирландию и Шотландию; эта экспансия заметно активизировалась со второй половины XII в. Многие феодалы были в XIII в. заинтересованы в известной централизации государства еще и потому, что в поисках новых источников дохода они стали регулярно обращаться к торговле сельскохозяйственными продуктами и оказались таким образом втянутыми в развитие внутреннего рынка. Однако различные группировки господствующего класса были заинтересованы в процессе государственной централизации далеко не в равной степени. Более всего в нем нуждались мелкие и средние феодалы, преимущественно арьер-вассалы короны, которых в исторической литературе обычно называют собирательным именем «рыцарство». Напротив, крупные духовные и светские феодалы, как правило, непосред-

ственные держатели короны — «бароны», были менее заинтересованы в централизации страны и не всегда последовательно ее поддерживали.

Различия в политической позиции этих двух групп класса феодалов в XIII в. определялись и размерами их земельных владений и доходов, и их различным положением в феодальной иерархии, и степенью их политической самостоятельности (эти различия сказывались уже в XI и XII вв.), и особенностями хозяйственной организации крупного и мелкого феодального землевладения. В силу размеров и структурных особенностей мелких вотчин, из которых обычно складывались рыцарские владения, мелкие и средние феодалы раньше и быстрее втягивались в развитие товарно-денежных отношений. В их доходах торговля должна была играть гораздо большую роль, чем в хозяйстве крупных феодалов, которые могли обходиться и без нее, так как имели много других феодальных источников дохода: доходы от иммунитетов, от организуемых ими военных предприятий, от эксплуатации принадлежавших им городов и т. д.

Но еще более важно то, что регулярные рыночные связи поразному влияли на хозяйство рыцарей и баронов. У первых они легче подрывали основы крепостничества и барщинной системы, приводили к быстрому развитию денежной ренты, домениального хозяйства с частичным применением наемного труда, или к развитию аренды на домене. В крупных же феодальных вотчинах, из которых обычно складывались владения баронов, они чаще приводили к укреплению барщинной системы и крепостничества, в целом не нарушая натурально-хозяйственной основы производства. В силу всех этих причин крупные феодалы были менее, чем мелкие и средние, заинтересованы в усилении центральной власти, неохотно отказывались в ее пользу от своей политической самостоятельности и обычно весьма широких иммунитетных привилегий и часто поднимали против короля мятежи. В экономической и политической жизни страны они в общем занимали реакционные позиции. Мелкие же и средние феодалы, напротив, являлись, как правило, последовательными сторонниками сильной королевской власти. С конца XII в. их количество все время увеличивалось в результате субинфеодации и дробления крупных земельных комплексов — бароний — на мелкие вотчины, а также за счет концентрации мелких участков фригольда в руках разбогатевших свободных крестьян, которые превращались в мелких вотчинников и часто даже приобретали рыцарское звание. К концу XIII в. средние и мелкопоместные феодалы составляли уже не менее 3/4 всего господствующего класса Англии. Рост этого слоя феодалов и его экономического значения укреплял

и расширял опору центральной власти внутри господствующего класса и содействовал успеху процесса государственной централизации.

Такое же действие оказывал и другой фактор социально-экономической жизни Англии изучаемого периода — рост городов, особенно бурно протекавший в XII и XIII вв. К концу XIII в., по нашим данным, в Англии насчитывалось по меньшей мере 278 городов, тогда как по Книге страшного суда в конце XII в. их было всего 80[3]. Значительно возросло к этому времени и богатство городов, поборы с которых в XIII в. начинают играть все большую роль в бюджете феодального государства. Горожане в Англии, как и во многих других странах средневековой Европы, выступали, как правило, в качестве союзников королевской власти в ее политических столкновениях с крупными феодалами.

Все города Англии, независимо от того, принадлежали ли они королю или другим крупным феодалам, были заинтересованы в централизации страны прежде всего с экономической точки зрения, так как только сильная центральная власть была способна защитить их от насилий и грабежей феодалов, от иностранных пиратов, от неисправных должников, среди которых преобладали феодалы, обеспечить единство мер, весов, монеты в стране. Но не менее важную роль в этом вопросе играли также социальные и политические интересы городов. Горожане сеньериальных городов страдали от повседневной феодальной эксплуатации и в XII и XIII вв. вели упорную борьбу со своими сеньорами за облегчение этой эксплуатации. Эти социальные столкновения выливались обычно в борьбу за городское самоуправление, которая была характерна для Англии, как и для других стран Европы этого периода, хотя и имела здесь некоторые своеобразия. В этой борьбе с сеньерами города и горожане оказывались политическими союзниками королей, которые также были заинтересованы в ослаблении политического влияния крупных феодалов и поэтому поддерживали стремление сеньериальных городов освободиться от их власти. Наконец, тенденция наиболее влиятельных городов Англии к поддержке процесса государственной централизации в XIII в. определялась также довольно значительным расслоением и обострением социальных противоречий в среде горожан—между купеческой верхушкой, с одной стороны, и ремесленной массой — с другой. Социальные конфликты такого рода, принимавшие в разных городах различные формы за-

---

[3] К 1307 г. в Англии было 192 города, имеющих хартии. К ним надо добавить еще 86 городов, хартии которых нам неизвестны, но которые хотя бы по одному разу вызывались в парламент.

ставляли городскую верхушку искать у королей поддержки против низших и средних слоев городского населения и еще больше стремиться к укреплению центральной власти в стране.

Общая заинтересованность рыцарей и горожан в экономическом и политическом объединении страны привела к складыванию в Англии своеобразного политического союза между ними. К этому союзу примыкала обычно также верхушка свободного крестьянства, служившая как бы резервом пополнения рыцарского слоя. Все эти социальные группы обычно выступали единым фронтом как в столкновениях с феодальной аристократией, так и в оппозиционных выступлениях против королевской власти, когда их союз с ней временно нарушался.

К Англии конца XII и особенно XIII в. в полной мере относятся слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов»[4]. Здесь, впрочем, в отличие от других стран средневековой Европы, и в частности Франции, имелись специфические особенности, ускорявшие процесс государственной централизации. Сословие горожан и мелкие феодалы —арьервассалы во многих странах являлись опорой центральной королевской власти в ее борьбе с крупными феодалами; обострение классовой борьбы, имевшее место во многих странах Западной Европы в XIII—XIV вв., повсюду заставляло господствующий класс сплачиваться вокруг своего главы — короля. Но в Англии, кроме этих общих причин, в пользу усиления центральной власти действовали дополнительные стимулы: наличие в стране значительной прослойки свободного крестьянства, которая все время росла в XII—XIII вв.; резкие различия между баронством и рыцарством, которые определялись не только их различным положением в феодальной иерархии, но и их различной ролью в экономической жизни страны; близость некоторых экономических интересов рыцарства с интересами горожан — преимущественно городской верхушки, и зажиточного свободного крестьянства, в частности их общая заинтересованность в экономическом, а следовательно, и политическом объединении страны.

Все эти факторы вместе создавали в Англии конца XII и начала XIII в. благоприятную обстановку для укрепления центральной власти. Несмотря на сопротивление, силы притяжения к центру в целом преобладали здесь над силами отталкивания, и процесс централизации государства в XII—XIII вв. совершался в Англии легче и быстрее, чем в других странах Европы того времени.

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

Каковы были конкретные проявления этого процесса? Обширная литература по политической и административной истории Англии весьма подробно освещает развитие отдельных учреждений, взаимоотношения между ними, а также историю права и судопроизводства. Но, выдвигая на первый план описание деталей и отдельные вопросы, буржуазные исследования не дают отчетливого представления об общем ходе политической эволюции Англии в XII—XIII вв. В этом отношении характерна новая работа Дж. Джолифа «Королевская власть при Анжуйской династии», в которой вся проблема усиления королевской власти в Англии конца XII — начала XIII в. сведена к росту злоупотреблений феодальными правами, которые практиковались английскими королями этого периода по отношению к их непосредственным вассалам — баронам Англии [5].

Между тем для нашего исследования наиболее важно установить именно общие линии процесса государственной централизации в изучаемый период.

За исходный момент этого процесса мы возьмем вторую половину XII в., когда английское феодальное государство сделало первый шаг по пути к монархии с сословным представительством, и проследим этот процесс до конца XIII в., когда в основных чертах завершилось складывание этой новой политической формы.

Английское феодальное государство с момента норманского завоевания (1066 г.) и до второй половины XII в., хотя и отличалось бóльшей централизацией, чем другие государства того времени, носило по преимуществу сеньериальный характер. Король опирался в своей политике прежде всего на свой авторитет верховного сюзерена всех феодалов и крупнейшего землевладельца страны, располагавшего широкими судебными и фискальными правами по отношению к своим вассалам. В первые десятилетия после завоевания его авторитет усиливался тем, что нормандские бароны перед лицом враждебного англосаксонского населения вынуждены были теснее сплачиваться вокруг короля как своего военного вождя в подавлении движений местного населения.

Только со второй половины XII в. в связи с экономической и социальной эволюцией английского общества власть короля все более и более приобретает характер общественной власти, создает постепенно выделившийся из общества аппарат управления, начинает влиять на развитие права.

Усиление королевской власти и изменение ее характера прежде всего сказались в области юрисдикции, этого важнейшего атрибута феодальной собственности и власти в средние

[5] J. E. A. Joliffe. Angevin Kingship. London, 1955.

века. Уже реформы Генриха II внесли в организацию суда и судопроизводства ряд существенных изменений. Они расширили пределы королевской юрисдикции за счет сеньериальной, включив в компетенцию королевских судов все уголовные преступления и подавляющее большинство гражданских исков, связанных с землей, которые прежде разбирались в сеньериальных куриях. Уделом последних, за исключением особо привилегированных иммунитетов, оставались иски «о праве собственности» на землю, если истец не переносил их в королевский суд при помощи приказа «о праве»[6], иски о мелком воровстве, драках, невыполнении договоров, а также вилланские иски всех видов (вилланы в качестве крепостных не имели права обращаться в королевские суды).

Реформы Генриха II нанесли решающий удар так называемой сакрально-формалистической системе судопроизводства, господствовавшей до них во всех сеньериальных и местных судах. Широкое распространение получил «инквизиционный процесс» — процесс расследования через присяжных, применявшийся прежде королевской курией только в исках, затрагивавших интересы короны. Теперь он был распространен на все разнообразные иски, входившие в компетенцию королевских судов. Введение инквизиционного процесса не только было прогрессивным само по себе, так как открывало возможность для более делового и объективного решения уголовных и гражданских исков, но имело большое значение для дальнейшего расширения компетенции королевских судов. Все, кто имел право и средства для перенесения своих дел в королевский суд, старались воспользоваться этим правом, чтобы избежать таких сомнительных средств установления истины, как ордалия или судебный поединок, которые попрежнему сохранялись в сеньериальных судах.

Наконец, судебные реформы второй половины XII в. сделали первый шаг, хотя и довольно осторожный, по пути ограничения иммунитетных прав крупных феодалов в тех областях суда и административного управления, которые еще сохранялись за ними. Кларендонская ассиза разрешила шерифам свободный доступ в феодальные курии для проверки «свободного поручительства» (ст. 9)[7] и на территории любого иммунитета для поимки лиц, обвиненных в уголовных преступлениях (ст. 11)[8]. В то же время юрисдикция феодальных курий по искам о «праве собственности» на землю значительно ограничивалась правом королевского вмешательства в их дея-

[6] Великая ассиза, § 7, 10, 12. Памятники истории Англии, стр. 52—54.
[7] Select charters, p. 144.
[8] Ibidem.

тельность при помощи «приказа о праве» («breve de recto») и приказа «praecipe quod reddat»[9].

Общим следствием всех этих реформ была значительная концентрация юрисдикции в руках центрального правительства и ослабление сеньериальной юрисдикции. Эта новая система судопроизводства быстро привилась и пустила в Англии прочные корни. К началу XIII в. ордалии и судебные поединки, хотя их никто формально не отменял, постепенно отмирают не только в королевских, но даже в сеньериальных судах и судах сотен и графств. Напротив, расследование через присяжных становится самым распространенным методом судопроизводства не только в королевских центральных и местных судах, но и во многих иммунитетных и городских куриях. Анализ иммунитетных хартий и привилегий XIII в. показывает, что лишь очень немногие феодалы в это время сохранили право суда по делам, подсудным короне,— placita coronae[10]. Последующее законодательство XIII в. и практика королевских судов развивали и усовершенствовали систему судопроизводства, созданную реформами Генриха II. В конце XIII в., на основе успехов королевской юрисдикции, стало возможно и более определенное решение вопроса о взаимоотношении королевских и сеньериальных судов. Новый удар по сеньериальной юрисдикции был нанесен Мальборосским статутом 1267 г., который запретил лордам принуждать своих свободных держателей являться в их курии, если на это не было специального документа (ст. 9); рассматривать апелляции по решениям курий их вассалов (ст. 20); насильственно принуждать своих свободных держателей судиться в своих куриях по земельным искам без королевского приказа (ст. 22)[11]. Кроме того, статут разрешил шерифам въезжать на территорию иммунитета не только для поимки уголовных преступников, но и для освобождения задержанного там скота, конфискованного лордом-иммунистом у держателей в порядке меры принуждения (ст. 21)[12].

I Вестминстерский статут, подтвердив эти постановления Кларендонской ассизы и Мальборосского статута, кроме того, запретил магнатам (des hauz houmes) расширять свою

[9] Приказ «о праве», покупавшийся истцом в королевской курии, предписывал сеньеру немедленно рассмотреть иск под угрозой его изъятия в королевский суд. Приказ же «praecipe quod reddat» предписывал сеньеру вернуть истцу спорное держание или явиться в королевский суд для дачи объяснений.

[10] По данным Сотенных свитков 1274 г. таким правом пользовался всего 31 феодал из общего количества фигурирующих там 1987 лордов, владеющих иммунитетами.

[11] Statutes of the Realm. London, 1810, vol. 1, pp. 21—22, 24.

[12] Ibidem, p. 24.

юрисдикцию путем привлечения в свои суды лиц, случайно проезжающих по их территории, за правонарушения, совершенные ими вне этой территории (ст. 35)[13].

II Вестминстерский статут 1285 г. еще больше расширил права шерифов за счет лордов-иммунистов, разрешив им вступать на территорию иммунитета для выполнения любых приказов короля, если лорд или его подручные хотя бы один раз не выполнили королевский приказ (ст. 39)[14].

Этим фактически сводилась на нет иммунитетная привилегия, известная под названием returnus brevium[15].

Значение феодальных иммунитетов было особенно сильно подорвано Глостерским статутом 1278 г., который объявил проверку иммунитетных привилегий всех английских феодалов судебным путем. Согласно этому статуту, все лорды-иммунисты должны были предъявить на суде законные основания своих прав — хартии или другие документы — и отстоять их в суде против короля. Эта проверка, хотя и не привела к изъятию всех необоснованных иммунитетов, но утвердила верховенство короля, власть которого считалась источником всякой юрисдикции, над лордами-иммунистами и подчинила деятельность всех сеньериальных судов и администрации правовым и процессуальным нормам, принятым в королевских судах[16].

Таким образом, к концу XIII в. судебная власть в Англии была в значительной степени сконцентрирована в руках короля или находилась под постоянным контролем его аппарата.

Об усилении влияния королевской власти свидетельствуют успехи, достигнутые к этому времени в развитии общегосударственной более или менее унифицированной системы права. Расширение королевской юрисдикции было невозможно без такой унификации. Поскольку все королевские суды в центре и на местах после реформ Генриха II пользовались одной и той же процедурой и разбирали одни и те же типы дел, они неизбежно должны были действовать на основе одинаковых правовых норм, подчиняясь единым указаниям из центра. Это нашло свое выражение в системе так называемых первоначальных приказов (breve originale), исходивших из королевской канцелярии. Без такого приказа ни один королевский

[13] Вестминстерские статуты (перевод с латинского и старофранцузского Е. В. Гутновой). М., 1949, стр. 27.

[14] Там же, стр. 82.

[15] Феодал, владевший такой привилегией, имел право сам при помощи своих министериалов выполнять на иммунитетной территории королевские приказы и не впускать туда королевских чиновников.

[16] Об этой проверке подробнее см. мою статью «Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I» (Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 6. М., 1947).

суд не мог начинать разбор дела. В королевской канцелярии (Chancery) хранились образцы таких приказов и по мере надобности создавались новые. Здесь, таким образом, осуществлялся надзор за деятельностью всех королевских судов, которые могли действовать только в согласии с точно установленными процессуальными нормами. От формы «первоначального приказа» зависел и способ разбирательства и характер решения каждого дела. Система приказов являлась также действенным средством контроля над деятельностью и сеньериальных судов. Те из них, которые обладали юрисдикцией собрания графства или правом placita coronae, а также обычные курии для свободных, не могли принимать исков по земельным делам без соответствующего приказа из королевской канцелярии[17]. Исключение составляли лишь несколько (6—7 по всей Англии) особо привилегированных иммунитетных курий, владельцы которых держали собственную канцелярию и имели право издавать свои «первоначальные приказы»[18].

Деятельность канцелярии, постепенно вырабатывавшей формы приказов, которые действовали на территории почти всей страны, а также деятельность королевских судов, практически применявших эти приказы, способствовали развитию общегосударственного права, которое в Англии получило название «общего права». Оно формировалось в период с середины XII по конец XIII в. Первую попытку обобщения норм действующего в королевских судах права мы находим в трактате Гленвилля — «О законах Англии», написанном около 1189 г. Итог успехов, достигнутых «общим правом» к середине XIII в., был подведен Брактоном в его известном трактате «О законах и обычаях Англии», написанном, по-видимому, в конце 50-х гг. XIII в.

Английское средневековое право было общегосударственным, действительно «общим правом» прежде всего в территориальном отношении. Уже в середине XIII в. оно действовало почти на всей территории Англии. Даже те иммунитеты, которые располагали своими канцеляриями и издавали свои приказы, вынуждены были приноравливаться на практике

[17] Например, курия архиепископа Йоркского в его манорах Beverly (Йоркшир) и Hexeldesham (Нортумберлэнд) — Placita de quo warranto. London, 1818, pp. 221, 591; курия аббата Сент-Олбанского (Герефордшир) — Ibidem, p. 288; курия Гильберта Умфраунвилля (Сев. Нортумберлэнд) — Ibidem, стр. 593; курии эрла Корнуольского в некоторых его владениях — Ibidem, pp. 212, 213; курия эрла Глостерского в Торнбридже (Кент) — Ibidem, pp. 332—337.

[18] Свою канцелярию с правом выдачи первоначальных приказов в XIII в. имели только епископ Даремский (Placita de quo warranto, p. 604); лорды Уэльсской марки в Пемброке, Гламоргане, Эли, Кексхоле (W. Holdsworth. History of English Law, vol. 1, p. 51); эрл Честерский (Ibidem, vol. 1, p. 55).

к его нормам и придерживаться принятой в королевских судах процедуры. Феодалы, располагавшие правом сотенной юрисдикции или проверки свободного поручительства, должны были во всем следовать примеру сотенного суда, возглавлявшегося бейлифом, а лорды, пользовавшиеся правом суда по делам, подсудным шерифу в собрании графства, должны были во всем следовать процедуре последнего [19]. Только манориальные суды, ведавшие вилланскими исками в XIII и даже XIV вв., оставались на почве местного обычного права, вели судебные разбирательства по «обычаям манора»[20]. В 1284 г. после завоевания Уэльса общее право было официально введено и там [21]. Это обстоятельство способствовало тому, что постепенно действию общего права были подчинены также Уэльсские марки, где до этого времени господствовали свои «обычаи марки», представлявшие смесь уэльсского и английского обычного права.

Но английское средневековое право было «общим» и в другом отношении — в том смысле, что оно, в отличие от феодальных местных обычаев в Англии и на континенте, не знало никаких различий и правовых привилегий внутри свободной части населения страны.

Барон, рыцарь и любой свободный держатель формально, согласно этому праву, находились в совершенно одинаковом правовом положении. Оно являлось само своего рода привилегией всех свободных людей в отличие от крепостных. В этих двух отношениях общее право противостояло местным обычаям как прогрессивная правовая система, нивелирующая местные и сословные различия внутри свободных слоев населения королевства. Это унифицированное общегосударственное право сложилось в Англии значительно раньше, чем в других странах средневековой Европы, и в XIII в. составляло ее большое своеобразие по сравнению с ними [22].

---

[19] Такие требования к феодалам-иммунистам постоянно предъявлялись на процессах quo warranto. См. Placita de quo warranto, passim.

[20] Впрочем, и здесь, как показал Д. М. Петрушевский (в «Восстании Уота Тайлера», гл. III), в конце XIII — начале XIV в. делались попытки использовать формы исков, аналогичные тем, которые применялись в королевских судах, и расследования через присяжных, во всяком случае в исках о земельных держаниях.

[21] Statutes, vol. 1, p. 55 (Уэльсский статут).

[22] Подчеркивая прогрессивность «общего» общегосударственного права по сравнению с местными обычаями, мы не должны, однако, забывать, что обе эти системы имели между собой много общего. Во-первых, и общее и обычное право выросли на феодальной почве и служили общей цели — укреплению феодального способа производства, только разными средствами. Во-вторых, общее право в значительной мере само выросло из тех же местных обычаев, с которыми оно впоследствии боролось. (Продолжение сноски см. на след. стр.)

Воздействие королевской власти на формирование общего права до середины XIII в. происходило не столько законодательным путем, сколько при помощи деятельности королевских судей и юристов, практически осуществлявших юрисдикцию в королевских судах. Будучи верными слугами королевской власти и проводниками ее централизаторской политики, они интерпретировали обычное право в интересах короля и всячески стремились к его унификации.

При этом они широко пользовались терминологией и образцами римского права, в духе которого они пытались интерпретировать традиционное в своей основе феодальное право Англии XII—XIII вв. Обращение английских юристов этого периода к римскому праву с его хорошо разработанной аргументацией в пользу сильной ничем не ограниченной королевской власти само по себе отражало процесс унификации права и рост влияния королевской власти[23].

С середины XIII в. королевская власть начинает воздействовать на формирование общего права уже не только путем практической деятельности своих судов, но и путем общегосударственного законодательства, которое стало возможным только на известном уровне развития общего права, когда местные обычаи настолько нивелировались, что допускали регулирование из одного центра. И действительно, до второй половины XIII в. общегосударственное законодательство в Англии развивалось очень медленно и преимущественно под воздействием острых политических кризисов. За очень немногим исключением, общегосударственные законы первой половины XIII в. носили экстраординарный характер. Инициатива их издания исходила обычно не от правительства, но от оппозиционных коалиций. Такова Великая хартия вольностей

Обычноправовая основа английского общего права особенно наглядно проявилась в его прецедентном характере. До начала активного общегосударственного законодательства в конце XIII в., которое застало общее право в основных чертах сложившимся, оно развивалось преимущественно эмпирическим путем, обобщая практику центральных и местных королевских судов.

Известно, что Брактон всю свою аргументацию строит на прецедентах, собранных им в его «Записных книжках». Прецедент — постоянный аргумент в протоколах королевских судов, особенно же в year books. Отсюда неписаный характер английского права, который особенно подчеркивается юристами XIII в. (H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae Roll. Series, No. 70, vol. 1, London, 1878, p. 2; Fleta seu commentarius juris Anglicani noncupatus sub Edwardo rege primo etc. London, 1735, p. 2).

[23] В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о степени воздействия римского права на развитие английского общего права, к тому же достаточно полно разработанного в буржуазной историографии. Более глубоких причин рецепции римского права в английском праве XIII в. мы коснемся далее в связи с анализом социальной политики английского феодального государства этого периода.

1215 г., ее многочисленные подтверждения в начале XIII в., Оксфордские провизии 1258 г., Вестминстерские провизии 1259 г., «Форма управления королем и королевством», изданная Симоном де Монфором в 1264 г. Все эти постановления носили декларативный характер и именно в силу этого, как правило, очень плохо соблюдались [24].

В первой половине XIII в. по инициативе короля был издан всего один статут — Мертонский 1236 г. Но во второй половине XIII в. начинается период оживленной законодательной деятельности центрального правительства, которая охватывает самые различные области внутренней политики. В 1267 г. Генрих III, по собственному почину, переиздает в виде Мальборосского статута почти без всяких изменений Вестминстерские провизии 1259 г. За 35 лет правления Эдуарда I было издано 31 постановление разного рода [25]. Некоторые, наиболее пространные из них, были посвящены устранению противоречий между существующими нормами общего права, их уточнению и дополнению, упорядочению судебной процедуры, борьбе с злоупотреблениями судей и других чиновников (I Вестминстерский статут 1275 г.; статут de Bigamis 1276 г.; статут de Rageman 1276 г.; статут о коронерах 1276 г.; Уэльский статут 1284 г.; II Вестминстерский статут 1285 г.; статут о явке свидетелей 1292 г.; об опустошениях 1292 г.; «о защите прав» 1292 г.; об ассизных судьях 1293 г.; о лицах, которых следует включить в жюри и ассизы, о разрушении тюрем 1295 г.; статут Articuli super carta 1300 г.). Другие статуты специально касались ограничения иммунитетных прав феодалов (Глостерский статут 1278 г. и два статута quo warranto 1290 г.) и отношений короны с церковью (статут о мертвой руке 1279 г. и разъяснение к нему 1292 г.; статут «circumspecte agatis» 1285 г.; de consultatione, Карлейльский статут 1307 г.). Винчестерский статут 1285 г. регулировал вопрос организации военных сил и безопасности дорог; статут quia

[24] Характерно, что ассизы Генриха II по своей форме не представляли собой общегосударственных постановлений. Они были изданы в виде инструкции разъездным судьям, т. е. в порядке частного распоряжения короля своему аппарату. Правда, по сути дела они должны были произвести переворот в судебном деле в масштабе всей страны. Но, очевидно, Генрих II предпочитал совершать этот «переворот» потихоньку, без широковещательных заявлений, опасаясь феодальной оппозиции.

[25] См. Statutes, vol. I (статуты времени правления Эдуарда I). Вплоть до конца XIII в. в Англии не существовало точного формального разграничения между статутами и ордонансами, которое определилось только в XIV в. в связи с развитием парламентского законодательства. Под именем статутов в XIII в. часто фигурируют самые незначительные административные постановления, хотя, как правило, уже в этот период это название обычно относится к более важным и бо́льшим по объему постановлениям.

emptores 1290 г. — вопросы, связанные с субинфеодацией. Статуты «о купцах» 1283 и 1285 гг., а также Carta mercatoria 1303 г. касались внешней торговли и кредита; статут «о фальшивой монете» 1299 г. упорядочивал монетное обращение. Наконец, статут «Подтверждение хартии» 1297 г. и Подтверждение лесной хартии Генриха III того же года представляли собой соглашение между королем и различными группировками господствующего класса, завершившее конфликт 1297 г. Столь быстрое и заметное расширение роли центрального правительства в законодательной области отразилось и в юридической теории конца XIII в. Согласно Брактону, «силу закона имеет то, что по праву определено и одобрено авторитетом короля или государя, по совету и с согласия магнатов и по общей воле государства»[26].

Трактат «Fleta» выражается еще более определенно. Заметив, что законом является то, что угодно государю, автор трактата затем разъясняет это положение в том смысле, что законами считаются те постановления, «которые издаются после уточнения всяких сомнений в (королевском) совете по совету лучших людей (procerum) с согласия или по предложению короля»[27].

Таким образом, оба автора, хотя и по-разному, определяют круг лиц, участвующих в издании и одобрении законов, но само понятие закона связывают с общегосударственным постановлением, исходящим от центрального правительства во главе с королем.

Широкий размах общегосударственного законодательства во второй половине XIII в., конечно, нельзя объяснить личной склонностью к законодательству и строгому порядку Эдуарда I, стяжавшего себе в английской буржуазной историографии громкое прозвище «английского Юстиниана». Законодательная активность этого короля вызывалась прежде всего изменениями, происходившими в XIII в. в экономической жизни английского феодального общества, которые требовали изменений и в его правовой надстройке. Сложившиеся в предшествующий период прецедентным путем нормы общего права часто противоречили друг другу и, что гораздо важнее, отставали от новых явлений экономической и социальной жизни, мешая их дальнейшему развитию. Например, до 1283 г. в английском

[26] Bracton. Op. cit., R. S. № 70, vol. I, p. 2. «...cum legis vigorem habeat quicquid de consilio et de consensu magnatum et reipublicae communi sponsioni auctoritate regis sive principis praecedente juste fuerit definitum et approbatum».

[27] Fleta, p. 2. «...cum hoc ipsum lex sit, quod principi placet legis habet vigorem, eas scilicet, quas super dubiis in consilio deffiniendis procerum quidem consilio ut principis auctoritate accordante vel antecedente constat esse promulgatas».

общем праве отсутствовали сколько-нибудь действенные и быстрые средства для взыскания долгов с должников, необходимые для нормального развития торговли и кредита. Они были созданы только статутом этого года[28] «о купцах». Много неясностей и противоречий накопилось в общем праве по вопросу о субинфеодации и об отношениях между держателями низших ступеней, промежуточными и главными лордами феодов, во взаимоотношениях между королем и церковными землевладельцами, между светскими и духовными феодалами, между королевской властью и римской курией. Многие нормы общего права и судебной процедуры к концу XIII в. безнадежно устарели и требовали своего упрощения и уточнения. Наконец, усиление феодальной эксплуатации в связи с развитием товарно-денежных отношений в деревне требовало новых, более гибких и удобных судебных средств против крепостного, а отчасти свободного крестьянства, окончательного юридического закрепления бесправного и приниженного положения вилланов в стране. Все это требовало повседневного вмешательства со стороны правительства. В этом смысле активное законодательство конца XIII в., действие которого распространялось на всю территорию страны, на все классы общества и охватывало все основные стороны королевской политики, отражало факт усиления королевской власти и расширения ее политического влияния. В то же время оно немало способствовало дальнейшей унификации судопроизводства и общего права, частью которого оно само становилось, а также постепенному, последовательному подчинению всех сторон экономической и социальной жизни государственному регулированию.

Концентрация власти в руках центрального правительства за счет власти отдельных крупных феодалов сказалась также и на организации военных сил страны. Атрибутом феодальной собственности являлась не только судебная власть, но и военная власть феодала[29]. Не располагая военной властью над своими подданными, то есть не имея своих военных сил, феодал так же не мог осуществлять внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству, как он не мог этого сделать при отсутствии у него судебной власти. Ведь, как указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, «иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»[30]. Но в то же время военная власть отдельных феодалов, так же как право более

[28] Statutes, vol. I, pp. 53—55.
[29] См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 339.
[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 23.

или менее широкой юрисдикции, являлась в их руках важным средством утверждения их политической самостоятельности по отношению к главе феодального класса — королю. Естественно поэтому, что действительное усиление королевской власти и рост ее политического авторитета с необходимостью требовали постепенной концентрации военной власти в стране в руках короля с тем, чтобы он не зависел от военной помощи своих постоянно бунтовавших вассалов. В Англии изучаемого периода можно отчетливо проследить и эту сторону процесса государственной централизации.

До второй половины XII в. основную часть военных сил, которыми располагала королевская власть, составляло типичное феодальное ополчение, оформившееся в Англии в связи с окончательным складыванием здесь военно-ленной системы отношений после нормандского завоевания. Это ополчение состояло из феодальных землевладельцев всех рангов, которые независимо от того, чьими они были держателями, обязаны были нести военную службу, так называемую обязательную службу (servitium debitum) только в пользу короля [31]. Несмотря на эту последнюю особенность английской военно-ленной системы, она в сущности представляла собой лишь разновидность системы «вооруженных дружин».

Такая организация военных сил, всецело основанная на феодальном ополчении, с точки зрения королевской власти имела ряд существенных недостатков: во-первых, феодальное ополчение было сравнительно малочисленно. В 1166 г. число лиц, обязанных королю личной военной службой по servitium debitum, составляло всего около 6400 человек [32]. Во-вторых, в соответствии с общепринятым феодальным обычаем того времени участники этого ополчения обязаны были служить королю только 40 дней в году [33] и после окончания этого срока могли без всякого предупреждения покинуть короля даже в самый опасный момент. По обычаю они также не были обязаны нести военную службу за пределами страны [34] и часто, когда это было им невыгодно, отказывались сопровождать короля в далеких походах. В-третьих, феодальное войско вообще отличалось плохой организацией и дисциплиной. В XII и даже XIII в. обычным явлением была неявка того

---

[31] Этот порядок, как известно, был установлен еще при Вильгельме I, который впервые в 1085 г. в Сольсбери потребовал от всех военных держателей страны присяги на верность королю.

[32] J. E. Morris. The Welsh wars of Edward 1. Oxford, 1901.

[33] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. 1. Oxford, 1891, p. 469.

[34] Ibidem.

или иного феодала в королевскую армию и даже «отъезд» к противнику, чаще всего французскому королю [35].

Но главным недостатком феодального ополчения с точки зрения королевской власти, усугублявшим и все указанные слабые стороны его, было то, что решающую роль в нем играли крупнейшие феодалы Англии, непосредственные держатели короля — светские и духовные бароны. Они возглавляли отряды своих вассалов-рыцарей и следили за тем, чтобы те аккуратно отправляли свою servitium debitum в пользу короля.

При таких обстоятельствах основная часть феодальной армии находилась под контролем крупных феодалов-баронов. Другими словами, слабость феодального ополчения в военном отношении своей оборотной стороной имела военную самостоятельность феодалов, а следовательно их политическую независимость от короля.

Решающая роль крупных феодалов в армии не только крайне ослабляла ее перед лицом внешнего врага, но и делала ее совершенно непригодной для подавления феодальных мятежей.

С середины XII в. в связи с активизацией английской феодальной экспансии в Уэльсе, Ирландии, Шотландии и обострением англо-французских отношений, а также в связи с участившимися в этот период феодальными мятежами слабые стороны феодального ополчения становятся особенно очевидными [36].

Начало реорганизации военных сил королевства, как известно, было положено так называемой военной реформой Генриха II. Реформа эта свелась к следующему: во-первых, Генрих II начал широко использовать наемное рыцарское ополчение, черпая средства на его содержание у самих феодалов, обязанных ему военной службой, взимая с них при каждом очередном военном конфликте «щитовые деньги». Эта мера, как известно, открывала путь к постепенной замене

---

[35] Rotuli de Liberate ac de misis et praestitis. London, 1844, pp. 36, 41, 45, 74, 76 и др., где указано, что земли таких «отъехавших» вассалов в Англии конфискованы и передаются другим феодалам.

[36] В период с 1164—1165 гг. по 1307 г. военные столкновения с Уэльсом происходили 15 раз — 1164, 1186—1187, 1208—1209, 1211, 1213, 1228, 1231, 1241, 1243, 1246, 1255, 1257, 1277, 1282, 1294—1295 гг. В течение этого же периода постоянно происходили военные действия в Ирландии.

Военные столкновения с Шотландией имели место в 1209, 1244, а затем в 1296, 1297—1298 и 1303—1307 гг.

Войны с Францией велись сначала в форме скрытой борьбы Генриха II с его непокорными сыновьями, которых постоянно поддерживали французские короли. Затем с начала XIII в. обе страны переходят уже к открытым войнам, которые имели место в 1202—1204, 1206, 1214, 1216—1217 гг. (на территории Англии), в 1225—1226, 1230, 1241—1242, 1252—1253, 1293—1303 гг.

феодального ополчения наемными отрядами и нарушала монополию магнатов в военных силах страны.

При королях Джоне и Генрихе III широкое применение наемных отрядов в сражениях и для гарнизонной службы становится обычным явлением. Однако наемные отряды также имели свои недостатки: набранные из иностранцев — французов, фламандцев, уэльсцев — наемные воины были равнодушны к судьбе военных действий, в случае задержки оплаты могли немедленно покинуть поле боя, внося дезорганизацию в армию. Наконец, они обычно вызывали ненависть местного населения, смотревшего на них как на насильников и грабителей. К тому же не всегда в нужный момент можно было найти достаточное количество наемных воинов различного рода войск. Поэтому, не довольствуясь этими нововведениями в организации военных сил, Генрих II попытался использовать в своих интересах старое народное ополчение свободных жителей графств, к середине XII в. почти утратившее свое значение. Изданная им в 1181 г. с этой целью ассиза о вооружении, как известно, обязывала всех лично свободных людей страны приобрести к определенному сроку оружие, качество и количество которого устанавливалось ассизой, в зависимости от имущественного положения по следующим категориям: рыцарь, или держатель рыцарского феода, а также держатель земли с годовым доходом в 16 марок, или лица, движимость которых оценивалась в 16 м., должны были иметь коня, панцирь, шлем, щит и копье. Лица, земельный доход или движимость которых оценивалась в 10 м., должны были приобрести кольчугу, железный шишак и копье. Все горожане и прочие свободные люди — фуфайку, железный шишак и копье [37]. Все лица, которых ассиза обязывала иметь оружие, должны были принести королю присягу в том, что «будут хранить это оружие для службы ему, согласно его повелению и для соблюдения верности государю-королю и его королевству»[38].

Таким образом, ассиза объявляла военнообязанными в пользу короля не только военных держателей земли, но и всех свободных людей, как крестьян, так и городских жителей [39]. Ассиза чрезвычайно расширяла контингент военнообязанных, а потенциально и обычный контингент военных сил короля.

---

[37] См. текст ассизы о вооружении: Памятники истории Англии, стр. 78—79. Подробный разбор ассизы дан в работе Д. М. Петрушевского «Очерки из истории английского государства и общества в средние века». М., 1937, стр. 119—120.

[38] Там же.

[39] Что участие в ополчении не было обязательно связано с наличием у человека земельного владения, ясно видно из того, что критерием для установления имущественных групп ассиза берет наряду с земельным доходом оценку движимости.

Главное же — она значительно уменьшала его зависимость в военном отношении от феодального ополчения, то есть в сущности от крупных феодалов страны. По идее в любой момент король мог созвать под свои знамена всех свободных жителей страны, то есть несколько десятков тысяч человек — армию, во много раз превосходящую обычное феодальное ополчение. Эта мера, значительно укреплявшая военную власть короля в стране, была возможна в Англии XII в. не только в силу относительной централизации страны, достигнутой уже к этому времени, но и в силу ее специфической социальной структуры — наличия здесь довольно широкого и все время возраставшего слоя свободного крестьянства, которое вместе с городами могло доставить королю значительные контингенты ополченцев нового типа.

В 1252 г. Генрих III издал приказ относительно соблюдения ассизы о вооружении, который устанавливал несколько иные нормы вооружения для различных имущественных групп населения. В отличие от ассизы этот приказ разделил все население страны не на 3, а на 6 имущественных групп. Лица, имевшие годовой земельный доход в 15 ф. или движимость на 60 марок, обязывались иметь кольчугу или панцирь, шлем, меч, нож и коня; имевшие земельный доход в 10 ф. или движимость, оцененную в 40 м., — один нагрудник, железный шлем, меч и нож; владельцы земли, приносившей доход в 100 ш. (5 ф.), или движимости на сумму в 20 м. должны были иметь камзол, шлем, меч и нож, а владельцы земли с доходом от 40 до 100 ш. (от 2 до 5 ф.) или движимости на сумму в 9 м. — меч, лук со стрелами и нож. Лица, доход которых от земли не превышал 40 ш. или движимость которых оценивалась в размере от 40 ш. до 9 м., могли ограничиться копьем, фуфайкой и «другим мелким оружием». Наконец, вообще все люди, живущие вне лесов, которые могли иметь лук и стрелы, должны были иметь их, а все живущие в лесах — лук и дротики [40]. Очевидно, Генрих III стремился сделать военнообязанными все категории населения, вплоть до самых малоимущих. Держатели земли с доходом ниже 40 ш. могли быть только мелкими держателями крестьянского типа. Такое стремление заметно также в том, что, вопреки ассизе 1181 г., устранявшей от участия в ополчении вилланов, приказ Генриха III предписывал им также принести присягу об оружии соответственно их имущественному положению [41].

Это распоряжение почти без всяких изменений было повторено в 1285 г. Уинчестерским статутом Эдуарда I. Разли-

[40] Select charters. Oxford, 1874, pp. 371—372.
[41] Ibidem, p. 371.

чие между этими постановлениями состояло лишь в том, что в Уинчестерском статуте вовсе не было упоминаний о вилланах. В статуте просто говорилось, что соответствующее его имуществу оружие должен иметь «каждый мужчина в возрасте от 15 до 60 лет». Кроме того, имущественный ценз по шкале движимых имуществ был несколько снижен: земельному доходу в 15 ф. соответствовала движимость в 40 (а не в 60 м.), земельному доходу в 10 ф.— движимость в 20 (а не в 40 м.). Лица, имеющие движимость ниже 20 м., без дальнейших подразделений, должны иметь только меч, нож и мелкое оружие [42].

Ассиза о вооружении и аналогичные ей постановления 1252 и 1285 гг. рассматриваются некоторыми исследователями как меры, имевшие целью восстановить старый англосаксонский фирд [43]. В действительности созданное ими «народное ополчение» по сути дела имело очень мало общего с древним англосаксонским ополчением, во всяком случае в XIII в. Данные о комплектовании английских военных сил, которыми мы располагаем для второй половины XIII в., проливают свет на специфические особенности этого «народного ополчения».

Последняя треть XIII в. была временем частых и иногда довольно длительных войн. Она началась войной с Уэльсом 1277 г., целью которой было принудить Левеллина, уэльсского князя, к принесению оммажа Эдуарду I. В 1282—1283 гг. в результате восстания уэльсцев под руководством Левеллина началась новая война, закончившаяся присоединением Уэльса. В 1287 г. и затем в 1294 г. в Уэльсе вновь вспыхивали восстания, которые англичане подавляли силой оружия. В 1293 г. началась война между Англией и Францией, продолжавшаяся до конца 1297 г. В 1296 г. разразилось восстание в Шотландии, которая с 1291 г. находилась под сюзеренитетом английского короля. Едва подавленное Эдуардом I, это восстание в 1297 г. вспыхнуло вновь и привело к войне, которая с короткими перерывами продолжалась до 1303 г., когда Эдуард I оккупировал страну. В 1305 г. ордонанс о Шотландии полностью подчинил ее Англии, но через несколько месяцев шотландцы восстали вновь под руководством Роберта Брюса, и началась новая война, в разгар которой Эдуард I умер.

В течение этих войн Эдуард I предпринимал 13 военных походов, но ни разу не прибегал к созыву всенародного ополчения. Вооруженное свободное население, созданное ассизой 1181 г. и ее последующими подтверждениями и дополнениями, использовалось иным способом.

---

[42] Statutes, vol. 1, pp. 97—98.

[43] Р. Гнейст. История английских государственных учреждений. М., 1885, стр. 142—143; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1936, стр. 92.

Во всех военных кампаниях Эдуарда I, в бо́льших или меньших количествах, участвовали отряды пеших воинов (pedites), особую часть которых составляли лучники (archers) и арбалетчики (ballistarii). По далеко не полным данным, в 1277 г. количество этих пеших воинов составило 15 690 чел.[44], в 1283 г. — 5 000 чел.[45], в 1296 г. — 35 000 чел.[46], в 1297 г. — 29 400 чел.[47], в 1298 г.— 12 500 чел.[48], в 1299 г.— 22 000 чел.[49], в 1301 г. — 12 000 чел.[50], в 1303 г. — 9 500 чел.[51], в 1305—1306 гг. — 3 750 чел.[52]. Набор их осуществлялся специально назначенными комиссарами, посылавшимися в графства, обычно лежавшие близко к зоне военных действий, но иногда он производился во многих или почти во всех графствах Англии[53]. Набор производился по определенной разверстке, намеченной для каждого графства. Набранные пехотинцы объединялись по 100 человек под командой конных «сотников» или констеблей и входили в состав военных сил графства, подчиняющихся шерифу[54].

Эти отряды мало напоминали старый фирд. Во-первых, это новое ополчение не было поголовным. В его состав, по-видимому, не входили вилланы. Основную массу этих «пехотинцев» составляли свободные крестьяне. Но это «ополчение» включало в себя далеко не всех свободных держателей. Обычная разверстка для каждого графства была значительно меньше общего количества его свободных жителей. Во-вторых, эти пешие отряды, в отличие от англосаксонского фирда, несли военную службу за плату, хотя экипировались за свой счет, а расходы по их мобилизации несла община графства[55]. Рядовые пешие воины получали 2 пенса в день, командиры двадцаток, на которые делились сотни,— по 4 п., констебли, возглавлявшие сотни, — по 1 ш. в день[56]. На особом положении находились лучники, составлявшие как бы привилегированную часть пехоты, оплачивавшуюся выше: рядовые полу-

---

[44] J. E. Morris. Op. cit., p. 132.

[45] «Parliamentary writs and writs of military summons», ed. Palgrave. Rec. Com. London, 1827, vol. 1, pp. 247, 248.

[46] Ibidem, p. 270.

[47] Ibidem, pp. 304, 308.

[48] Ibidem, p. 325.

[49] Ibidem, p. 326.

[50] Ibidem.

[51] Ibidem, pp. 370—371.

[52] Ibidem, p. 378.

[53] Данные об этих наборах за разные годы имеются в «Parliamentary writs», vol. 1, pp. 247—248; 256; 269—270; 284; 285—294; 304; 308« 326« 365.

[54] J. E. Morris. Op. cit., p. 92.

[55] Ibidem, p. 92.

writs», vol. 1, pp. 247—248; 256; 269—270; 284; 285—294; 304; 308; 326; 335.

[56] Jbidem, p. 93.

чали по 3—4 п. в день, а начальники двадцаток — по 6 п. в день [57].

Контингенты пеших воинов, набиравшихся таким образом, по существу представляли собой наемные отряды, содержавшиеся на счет правительства, но отнюдь не народное ополчение, каким был англосаксонский фирд.

В отличие от наемников более раннего периода, эти воины были местного британского происхождения — англичане, а после завоевания Уэльса (1283 г.) и уэльсцы [58], иногда жители северной Ирландии [59]. С конца XIII в. англичане и уэльсцы почти полностью вытесняют иноземных наемников из армии, даже среди лучников, военная профессия которых требовала особого опыта и тренировки. Такой характер использования вооруженных контингентов, созданных ассизой о вооружении, позволяет думать, что целью этого и последующих аналогичных постановлений было вовсе не возрождение фирда, но создание постоянного арсенала наемничества в самой Англии.

Создание такой системы всеобщего вооружения свободных жителей являлось важным шагом по пути укрепления военной власти короля и его независимости по отношению к крупным феодалам страны. Опираясь на нее, английское феодальное государство к концу XIII в. добилось значительного ограничения роли феодального ополчения в организации военных сил страны. Фактически количество конных воинов, выставлявшихся по servitium debitum, в конце XIII в. не превышало 700—750 человек. По данным маршальских свитков 1277 г., общее количество таких воинов, явившихся на войну с Уэльсом, было всего 529 человек, по данным маршальского свитка 1282 г. — 741 человек [60]. А между тем в конце XIII в. формально считалось, что servitium debitum составляет около 7900 рыцарей [61].

Такое резкое сокращение военного феодального ополчения было не только в интересах короля, но и в интересах самих крупных феодалов — его непосредственных вассалов. По мере того как в XII—XIII вв. происходило дробление коронных фьефов в процессе субинфеодации, им все труднее и труднее

---

[57] Ibidem, p. 88.

[58] P. W., vol. 1, pp. 247, 264, 308, 325.

[59] Ibidem, pp. 269, 284.

[60] Ibidem, pp. 228—243. В это число входили как непосредственные вассалы короля, главным образом прелаты и бароны, которых обычно вызывалось не более 200 человек, так и их рыцари, выставлявшиеся этими прелатами и баронами в качестве своей военной свиты, которая для большинства из них в XIII в. была очень невелика — 3—4 рыцаря. Даже крупнейшие феодалы Англии должны были выставлять всего по 15, 10, 8 рыцарей (см. Morris. Op. cit., pp. 60—64, tabl. a, b, c).

[61] J. E. Morris. Op. cit., pp. 36—44.

становилось выполнять servitium debitum, установленную в конце XI — начале XII в. Военная служба становилась для них все более обременительной еще и потому, что стоимость военного рыцарского снаряжения со второй половины XII по конец XIII в. возросла примерно в 3 раза — с 8 пенсов до 2 шиллингов [62]. Поэтому бароны уже в конце XII и особенно в XIII в. охотно шли на уплату щитовых денег, которые часто оказывались для них более выгодными, чем содержание военных отрядов по servitium debitum. Часто они, даже будучи вызваны на военную службу, предпочитали заключать с королем денежные соглашения и уплачивать большие суммы денег — файны, чтобы освободиться от явки на войну [63]. Таким образом, в этом вопросе интересы короля и феодалов сходились, хотя отказ последних от несения военной повинности в дальнейшем угрожал им постепенным падением их военной самостоятельности и политического влияния в стране. Взамен старого феодального ополчения английское правительство в конце XIII в. все чаще прибегает к созыву через шерифов конного рыцарского ополчения графств, которое состояло из лиц, имеющих право на получение рыцарского звания, но не всегда имевших это звание, т. е. из феодальных землевладельцев с годовым земельным доходом в 20 или 40 фунтов. Это новое ополчение отличалось от старого, во-первых, тем, что участие в нем определялось не военным характером держания, но его доходностью, во-вторых, тем, что ополчение графств являлось на войну под командой шерифов, а не под командой своих сеньеров. Поэтому, хотя эти ополченцы несли службу за свой счет, не получая платы, они были ближе к системе, созданной ассизой о вооружении, чем к старому феодальному ополчению. Доставляемый ими контингент конных воинов составлял от 2500 до 3000 человек и в конце XIII в. в 3—4 раза превышал численность феодального ополчения, приглашавшегося королем для выполнения servitium debitum [64].

---

[62] Ibidem.

[63] P. W., vol., pp. 228—243. Резкое сокращение военной квоты баронов от XI к концу XIII в. подтверждается новым исследованием И. Сандерса, основанным на большом материале архивных документов. J. J. Sanders. Feudal military Service in England. London, 1956, pp. 50—58, 59—67.

[64] «Parlamentary writs» сохранили нам сведения о таких наборах только для 1297 г., когда он составил 919 человек, и для 1300 г., когда он дал 801 чел. В обоих случаях сохранились сведения о размерах набора примерно в третьей части всех графств Англии. Исходя из этого, можно считать, что ополчение со всех графств могло составить в 1297 г. около 2800 человек, в 1300 г. — около 2400 человек (P. W., pp. 283—301, 320—341). Примерно к такому же выводу пришел Моррис, вычисливший количество конных рыцарей, участвовавших в наиболее известных сражениях конца XIII и начала XIVв. (J. E. Morris. Op. cit., pp. 81—82).

Другим источником пополнения кавалерии в конце XIII в., как и в более ранний период, являлись наемные рыцари и легко вооруженные конные воины (servientes), которые теперь, однако, вербовались в основном из местного населения. Чаще всего они набирались из числа участников феодального ополчения, отслуживших обязательный сорокадневный срок и оставшихся в армии за плату [65].

Эти конные наемные отряды действовали уже не как военные дружины крупных феодалов, но как часть королевского войска, оплачиваемая королем и потому зависимая от него. Самый факт такого найма феодальных ополченцев на королевскую службу свидетельствует уже о начале разложения старого феодального ополчения. Об этом же свидетельствует его сравнительно небольшой удельный вес в английских военных силах конца XIII в., особенно по отношению к пешему ополчению, которое обычно во много раз превышало как количество конных воинов вообще, так и количество участников феодального ополчения в особенности [66].

Новое соотношение конницы и пехоты в английских военных силах, приведшее в XIV в. к существенному изменению тактики английской армии [67] и обеспечившее ей блестящие победы первых лет Столетней войны, было естественным следствием падения феодального ополчения и создания наемной армии уже в XIII в. Ф. Энгельс указывал, что одновременно с развитием наемничества в средневековой Европе XIV—XV вв.

---

[65] В 1277 г. в уэльсской кампании на таких условиях воевали 205 рыцарей и servientes (J. E. Morris. Op. cit., pp. 118—133); в 1282 г. король попросил остаться в армии на таких условиях 39 рыцарей (P. W., vol. I, p. 244). В 1295 г. было нанято 202 рыцаря из числа отправлявших свою военную повинность (Ibidem, vol. I, pp. 275—277), а в 1297 г. — около 600 конных воинов (Ibidem, vol. I, pp. 284—291). В 1301 г. за плату воевали 970 конных ополченцев, приглашенных через шерифов графств (Ibidem, vol. I, pp. 349—356).

[66] В 1283 г. в войне с Уэльсом королевское войско насчитывало всего 114 лично приглашенных и 5000 пеших солдат. В 1287 г. в Уэльсе на 7420 пеших солдат приходилось всего 116 лично приглашенных. В 1295 г. на войну с Францией в Гаскони было предложено собрать 35 000 пехотинцев и вовсе не были приглашены бароны. В 1297 г. для похода во Фландрию и Францию было мобилизовано 6600 пехотинцев, 919 конных ополченцев в графствах, а затем в декабре еще 29 400 пеших воинов, тогда как за весь год в разное время на личную службу было приглашено всего 343 барона с их servitium debitum. В 1298 г. для похода в Шотландию было набрано 12 500 пеших воинов и вызвано всего 195 баронов, в 1301 г. — 12 000 человек пехоты, 970 наемных рыцарей и всего 114 баронов, в 1303 г. — 9500 человек пехоты и 134 лично приглашенных (P. W., vol. I, pp. 245—247, 250—252, 269—270, 280—301, 302—304, 360, 366—371).

[67] См. Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии национальных государств. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 160.

«создавалось основное условие для пригодной к войне пехоты в лице горожан и свободных крестьян, там, где последние еще имелись или стали вновь появляться» [68]. В Англии, где свободное крестьянство сохранилось с дофеодальных времен и значительно выросло в течение XIII в., переход к наемничеству и рост значения пехоты наметились несколько раньше, чем в других странах Западной Европы,— с середины XIII в.

Итак, к концу XIII в. основным ядром английской армии являлось уже не феодальное ополчение, возглавлявшееся крупнейшими феодалами страны — непосредственными держателями короны, но наемные пешие и конные отряды и рыцарские ополчения графств, подчиненные через констеблей и шерифов только королю. Такая организация армии сосредоточивала в руках правительства военные силы, значительно превышавшие силы отдельных, даже очень крупных феодалов, и обеспечивала ему почти полную независимость от последних в военном деле.

Не имея своей прочной финансовой базы, королевская власть, конечно, была бы не в состоянии реализовать достигнутые ею успехи в области юрисдикции и организации военных сил. Поэтому третьим проявлением процесса государственной централизации в Англии XII—XIII вв., и не менее важным, чем первые два, было постепенное расширение финансовой базы центрального правительства и концентрация в его руках все большей и большей доли доходов населения страны.

К сожалению, мы были лишены возможности проследить развитие этого процесса по данным наиболее ценных источников по этому вопросу — Казначейских свитков (Pipe rolls) и свитков доходов королевского двора (Wardrob rolls). Нам пришлось черпать информацию по этому вопросу из случайных и побочных источников, какими для данной цели являются «Диалог о Казначействе», Сотенные свитки 1274 г., инструкции о сборе налогов на движимость, отдельные королевские распоряжения. Но так как невозможно анализировать изменения в финансовом управлении феодальной Англии, не учитывая данных Pipe rolls и Wardrob rolls, нам пришлось воспользоваться цифровыми данными, которые добыл английский историк Рамзей, исследуя эти источники. Результаты исследования Рамзея сведены в его книге «Доходы королей Англии» [69], в которой дается подробное описание доходов короны по годам с указанием различных источников доходов, однако без каких-

---

[68] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии национальных государств. Крестьянская война в Германии, стр. 160.

[69] J. H. Ramsay. The revenues of the Kings of England, vol. I, II, Oxford, 1925.

либо обобщений по данному вопросу. Цифровой материал Рамзея не может претендовать на точность, как и все цифровые данные, относящиеся к изучаемому периоду. Но так как других столь же полных исследований по этому вопросу пока нет, нам пришлось обратиться к этим данным, которые мы используем в дальнейшем лишь как некоторую иллюстрацию общих тенденций развития финансовой системы английского феодального государства в XIII в. Само собой понятно, что эти цифры ни в коем случае нельзя считать точным отражением доходного бюджета короны в изучаемый период. Для расходной части бюджета казны мы не располагаем даже и столь несовершенными данными, но лишь отдельными отрывочными сведениями.

Финансовые возможности, которыми располагали короли нормандской династии, были весьма скромны, но они более или менее соответствовали всей социальной и политической организации страны. Ни королевская администрация, в этот период сравнительно немногочисленная, ни армия, в основном экипировавшаяся и содержавшаяся на счет составлявших ее феодальных ополченцев, не требовали слишком больших расходов. Эти расходы, так же как и расходы на содержание короля, его семьи, свиты, двора в большей своей части покрывались за счет весьма значительных в XI—XII вв. доходов от домениальных земель и всякого рода феодальных доходов короны от ее непосредственных вассалов — от опеки и права выдачи замуж и женитьбы наследников, от рельефов, от конфискации выморочных фьефов, от юрисдикции королевской курии, от лесных заповедников. С начала XII в. к этим доходам прибавляется еще фирма с городов, а также доходы от вакантных епископских кафедр. Эти, так сказать, личные феодальные доходы короля как собственника земли и сеньера своих непосредственных вассалов составляли подавляющее большинство всех государственных доходов [70]. Единственный общегосударственный налог этого периода — датские деньги. Он, правда, взимался поголовно со всех жителей страны, имевших земельное держание, а следовательно, со всех, включая вилланов и горожан. Но это был экстраординарный налог, ко-

---

[70] По приблизительным подсчетам Рамзея, средний годовой доход Вильгельма I достигал всего 20 000 ф., из которых домениальные земли приносили ему около 12 034 ф. в год, т. е. более половины — 60%. В остальных 40%, очевидно, львиную долю занимали феодальные поборы короны (J. Ramsay. Op. cit., vol. 1, pp. 1—3). По его же подсчетам, в доходах Генриха I за 1131 г., которые, по данным Pipe rolls, составили 26 671 ф., доходы от доменов, городов и графств составили 11 082 ф., а доходы от феодальных поборов, юрисдикции и лесных заповедников — 10 055, т. е. вместе более 80% (Ibidem, p. 60).

торый, по словам Фиц-Ниля, автора «Диалога о Казначействе», «редко взимался во времена его (то есть Вильгельма I. — *Е. Г.*) правления и при его преемниках — только тогда, когда иноземные народы начинали или намеревались начать войну»[71]. Размеры этого налога с гайды менялись от случая к случаю, но обычно в XII в. доход от него был не очень велик. В 1131 г., например, сбор датских денег дал Генриху I всего 2498 ф., что составило около 9% общего дохода этого года[72].

К концу XII в. стало обнаруживаться некоторое несоответствие между доходами короны и растущими потребностями центрального правительства. Оно вызывалось рядом причин и прежде всего ростом административных и особенно военных расходов правительства в связи с нововведениями Генриха II.

Стоимость содержания конных воинов все время росла. В конце XII в. она поднялась до 1 ш. в день (с 8 п. в конце XI в.). В то же время увеличивалось и количество используемых в войнах пеших и конных наемников и росла стоимость военных кампаний[73]. С другой стороны, по мере развития в стране городов, торговли росли и личные потребности королей и их приближенных. Стремление к роскоши, строительство новых храмов и дворцов, обширные конюшни, соколиные охоты, всякого рода пожалования деньгами и вещами родственникам и придворным — все это требовало огромных средств. А между тем королевский домен, составлявший до середины XII в. главный источник коронных доходов, с этого времени начал молниеносно таять.

По данным Сотенных свитков 1274 г. можно произвести следующие подсчеты: с момента составления Книги страшного суда на территории, охваченной расследованием 1274 г., английскими королями было отчуждено 345 маноров из числа коронных земель (старинного домена и других). Из них только 35 до начала правления Генриха II; Генрих II роздал 31 манор, Джон — 44 манора, Генрих III—117. Для 118 маноров и вилл Сотенные свитки не указывают даты отчуждения. Во всяком случае ясно, что массовое отчуждение коронных

---

[71] Select charters. Oxford, 1874, p. 203.

[72] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 60.

[73] На войну с Уэльсом в 1164—1165 гг. было потрачено 3 604 ф. 4 ш. 8 п. (J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 85), тогда как щитовые деньги, собранные в этом году, дали всего 1763 ф. (Ibidem). Во время войны с Филиппом II в 1194—1196 гг. во Франции было 1500 одних только уэльсских пеших воинов, каждый из которых получал 2 п. в день, а каждый двадцатый из них — магистр — по 6 п. в день (Ibidem, p. 221). Ежедневное содержание только этой части войск должно было обходиться в 13 ф. 16 ш. Во время очередной войны с Францией 1224—1226 гг. только в период с 15 июня 1225 по август 1226 г. на солдат и различные военные нужды было истрачено 36 000 ф. (Ibidem, p. 279).

земель началось со второй половины XII в. и в основном закончилось к концу XIII в.[74]. К этому времени, по данным тех же Сотенных свитков 1274 г., в руках Эдуарда I на охваченной расследованием территории, если не считать инкорпорированных городов, лежавших на землях королевского домена, находилось всего 20 маноров[75], включая земли, временно используемые королем по праву опеки или конфискованные в качестве выморочных ленов.

В то же время уже в начале XIII в. начали падать доходы короны, связанные с ее феодальными и сеньериальными правами. Этому способствовали, с одной стороны, происходивший с конца XII в. бурный процесс субинфеодации, благодаря которому король постепенно терял свою долю ренты с части субинфеодированных держаний, с другой стороны, упорная борьба английских баронов против произвольных рельефов, злоупотреблений правами опеки и другими сеньериальными правами короны. Сопротивление баронов несомненно затрудняло повышение этих феодальных платежей.

Все эти обстоятельства потребовали реорганизации государственных финансов с тем, чтобы перенести центр тяжести доходов короны с домена и феодальных поборов на различные виды налогов с населения. Эта реорганизация была начата Генрихом II. Продолжая собирать экстраординарный поземельный налог — датские деньги (он собирал их всего 2 раза — в 1155/56 г. и в 1162/63 г.), этот король, как уже отмечалось, стал впервые широко практиковать взимание щитовых денег. Он собирал этот побор 8 раз в размере от одной до двух марок с рыцарского феода. Этот платеж, практически распространявшийся и на массу крестьян — свободных и крепостных — держателей баронов и рыцарей, обязанных военной службой[76], был чем-то средним между феодальным побором и общегосударственным налогом. Обычно доход от щитовых денег колебался от 1000 до 2500 ф.[77]. Не довольствуясь этим, Генрих II превратил в более или менее регулярный побор феодальное вспомоществование, взимавшееся с королевских городов и населения доменов, которое с этого времени получило название тальи (tallagium). Талья была собрана им 7 раз,

---

[74] R. H., passim. Среди вопросов расследования 1274 г. имелся специальный вопрос о том, «сколько маноров и какие король держит в своих руках в каждом графстве как из старинного домена короля, так из числа конфискованных или купленных», а также «какие маноры были прежде в руках короля и кто их держит теперь и на каких основаниях и с какого времени и кем они были отчуждены» (Ibidem, p. 1). Ответы на эти вопросы и дают материалы для приведенных выше подсчетов.

[75] Ibidem, passim.

[76] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 195.

[77] Ibidem, p. 195.

причем размер ее колебался от 1500 ф. до 8267 ф., но обычно не превышал 2000 ф. Этот налог также не носил еще общего государственного характера, так как он падал только на горожан и крестьянское население королевских доменов. Наконец, Генрих II поставил, так сказать, на широкую ногу эксплуатацию доходов вакантных епископских кафедр, которые он сознательно подолгу не замещал [78]. За 36 лет своего правления Генрих II 17 раз облагал страну различными поборами сверх того, что он извлекал доходы обычными способами — в виде рельефов, фирм, судебных сборов и т. д.

При всем том, однако, средний годовой доход казны в этот период ненамного превышал доходы первой половины XII в. и составлял, по данным Рамзея, всего 27 000 ф. в год. Очевидно, новые поборы лишь возмещали потери от старых.

Преемники Генриха II в основном следовали его методам обложения, центр тяжести которого вплоть до середины XIII в. составляли щитовые деньги и талья, дававшие львиную долю доходов казны [79]. В правление Джона платежные силы населения были напряжены до предела. За 17 лет своего правления Джон облагал своих подданных 20 раз — 11 раз собирал щитовые деньги (причем в повышенном размере — от 2-х до 3-х м. с феода), 5 раз собирал талью (в размере от 2000 ф. до 10 000 ф.) и 1 раз погайдовый сбор или carucagium (поземельный экстраординарный налог, с 1163 г. заменивший датские деньги). Не довольствуясь этим, он впервые ввел налоги на движимое имущество и собирал их 3 раза — $^1/_7$ с имущества баронов (1202—1203), $^1/_{15}$ с купеческого имущества (1203—1204) и $^1/_{13}$ с движимости всех сельских жителей, включая крестьян (1206—1207) [80]. Это не мешало Джону, как и его предшественникам, изыскивать дополнительные финансовые ресурсы путем злоупотребления своими сеньериальными правами по отношению к его непосредственным вассалам [81]. В результате всего этого финансового нажима средний годовой доход короны за эти 17 лет [82], по подсчетам Рамзея, подскочил до 40 000 ф.

---

[78] За время с 1160 по 1189 г., за исключением короткого периода с 1173 по 1181 г., ежегодный доход от таких кафедр был не ниже 2000 ф., а в некоторые годы достигал 4000 (1184—1185 гг.) и даже 6000 ф. (1171—1172 гг.).

[79] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. 1, pp. 182—362.

[80] Нижеприведенные нами цифровые данные и факты, иллюстрирующие характер и темпы изменения финансовой системы английского феодального государства в XII—XIII вв. основываются на цифровых данных Рамзея о ежегодных доходах казны.

[81] Все эти злоупотребления достаточно ясно сформулированы в первых 10 статьях Великой хартии вольностей.

[82] С 1199 по 1216 г.

Генрих III 10 раз собирал щитовые деньги в том же размере, что и Джон, и 12 раз талью, нередко достигавшую огромных размеров — 6000, один раз даже 14 766 ф. [83]. Три раза при нем был собран погайдовый сбор (1217, 1220, 1224) и три раза феодальное вспомоществование — на выдачу замуж сестры (1265), дочери (1245) и на посвящение в рыцари старшего сына (1254). Наконец, он, расширяя практику Джона, 5 раз собирал налог с движимого имущества [84]. Таким образом, за 56 лет своего правления Генрих III облагал страну 33 раза. Однако средние годовые доходы казны в этот период не превышали 35 000 ф. [85]. Это снижение следует, очевидно, отнести за счет последних лет правления Генриха III, когда баронская оппозиция и последовавшая за ней гражданская война на несколько лет сократили вымогательства короны.

Но дело не только в этом. По-видимому, господствовавшая с середины XII до середины XIII в. система обложения, опиравшаяся в основном на щитовые деньги и талью, не могла дать такого быстрого и регулярного роста налоговых поступлений, к которым стремилось правительство. Во-первых, как уже отмечалось, оба эти налога не носили общегосударственного характера. Если в свое время их введение означало большое расширение финансовой базы короны в смысле регулярного привлечения к налогообложению более широких кругов населения, то к середине XIII в. они оказывались уже недостаточно эффективными. Единственным общегосударственным всесословным налогом оставался по-прежнему поземельный налог — погайдовый сбор. Но он сохранял свой традиционный экстраординарный характер и сравнительно небольшой размер — 2 ш. с гайды или карукаты, а поэтому его удельный вес в бюджете был очень невелик.

И здесь мы подходим ко второй причине, по которой налоговая система, господствовавшая в стране к середине XIII в., не удовлетворяла центральное правительство. Не только погайдовый сбор, но и щитовые деньги, а отчасти и талья взимались с определенной единицы земли — гайды, феода, виргаты. Это обстоятельство, во-первых, затрудняло повышение размеров этих традиционных поборов, которое было бы слишком очевидным для всех налогоплательщиков и могло бы вызвать всеобщее сопротивление. Во-вторых, и это самое главное, поземельное обложение не затрагивало значительной доли накоплений всех подлежащих ему слоев населения. XIII в. в Англии — время быстрого развития городов, торговли, ското-

---

[83] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 364.
[84] Ibidem, vol. I, p. 363.
[85] Ibidem.

водства, в частности овцеводства, время значительной концентрации движимых имуществ в деньгах и товарах не только в городах, но также и в деревне, в руках крупных феодалов, рыцарства, а отчасти и верхушки крестьянства. А налоговая система феодального государства была построена так, что она не давала правительству возможности наложить руку на эти дополнительные доходы населения. Оно должно было довольствоваться лишь обложением их земледельческих доходов, да и то лишь на издавна установленном уровне. Потребность же в увеличении налогов у правительства была очень велика с начала XIII в. и все более возрастала от десятилетия к десятилетию.

Причины были все те же, но чем дальше, тем больше они сказывались. В частности, к середине XIII в. значительно возросли военные расходы короны в связи с дальнейшим повышением стоимости конных воинов (до 2 ш.) и завершением реорганизации армии с преобладанием наемников. Так, например, военная уэльсская кампания 1282—1283 гг. обошлась, по подсчетам Морриса, в 98 421 ф., тогда как все доходы казны за этот период составили всего 98 106 ф.[86]. Даже кратковременный поход 1288 г. против уэльсцев, восставших под руководством Мередита, потребовал расхода в 10 606 ф. [87]. Каких же расходов требовали военные действия Генриха III и Эдуарда I во Франции и Шотландии, Сицилийская авантюра первого и крестовый поход второго (1271—1272)! А ведь военные расходы это лишь одна, хотя и очень важная, статья расходного бюджета короны, о котором мы, к сожалению, не имеем точных сведений. Недаром при наличии столь значительных налоговых поступлений и Генрих III и Эдуард I постоянно прибегали к займам у итальянских купцов, у наиболее богатых городов, у церкви [88].

Постоянная нужда в деньгах, таким образом, толкала феодальное государство на новое изменение в системе государственных налогов, которое выразилось в постепенном укреплении и расширении обложения движимых имуществ. Если до середины XIII в. налоги на движимость собирались сравнительно редко (до 1272 г. всего 8 раз), то с этого времени они приобрели регулярный характер и до 1307 г. собирались 9 раз.

---

[86] J. E. Morris. Op. cit., pp. 196—197.

[87] Ibidem, pp. 218—219.

[88] В 1240—1241 гг. Генрих III занял 5000 ф. у гасконских купцов, в 1232 г. он же занял 1200 м. у флорентийских купцов под 10% в месяц. В 1266 г. он взял в долг 1500 ф. у луккских купцов. В том же году он сдал на откуп итальянским купцам сбор всех экспортных и импортных таможенных пошлин, получив с них 4000 ф. вперед (J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, pp. 360—361).

Талья же в этот период собиралась всего 2 раза, щитовые деньги — 3 раза, aid pour fille marier — 1 раз, а погайдовый сбор вообще прекратил свое существование.

За первые 72 года XIII в. общая сумма, поступившая от налогов на движимость, составила всего 190 518 ф., а за последующие 35 лет более чем вдвое — 463 860 ф.[89]. Налоги на движимость, во-первых, позволили привлечь к регулярному обложению все слои населения и прежде всего крестьянство, которое до этого платило лишь нерегулярный погайдовый сбор и неофициально щитовые деньги; во-вторых, сделать объектом обложения не только земледельческие, но и все прочие доходы населения и в первую очередь доходы от ремесла и торговли. Этот новый налог, как явствует из правительственных инструкций о сборе налогов, взимался с эрлов, баронов, рыцарей, свободных крестьян, горожан, вилланов, а также архиепископов, епископов, приоров и прочих клириков [90]. Инструкция 1302 г. о сборе $^1/_{15}$ прямо указывает, что «все светские имущества, как духовных лиц, так и мирян и всех людей в нашем королевстве, к какому бы состоянию они ни принадлежали, подлежат оценке в виду сбора налога — $^1/_{15}$, который должен быть с них собран» [91]. Согласно королевскому приказу 1237 г. оценщикам имущества предписывалось учесть следующие объекты: «зерно, плуги, овец, коров, свиней, коз, рабочих лошадей и прочий скот и добро» [92]. Оценке подлежали также деньги, драгоценности, одежда, посуда, мебель, обнаруженные в домах всех жителей королевства, за исключением феодалов, которые пользовались значительными льготами по обложению. Облагались инструменты и товары ремесленников и торговцев.

Таким образом, налоги на движимость как бы приводили государственное обложение в соответствие с возросшими к середине XIII в. доходами всех слоев населения. Не удивительно, что поступления от каждого такого налога во много раз превосходили обычные поступления от щитовых денег или тальи. Когда в 1206—1207 гг. Джон взыскал $^1/_{13}$ с движимости клириков и мирян, он получил сразу 57 000 ф., то есть более $^1/_3$ всех налоговых поступлений за 17 лет царствования [93]. Такую же сумму Генрих III в 1225 г. получил от сбора

---

[89] По данным Рамзея.

[90] Select charters. Oxford, 1874, pp. 355, 360.

[91] «Sed omnia bona temporalitatis tam ecclesiaticorum, quam laicorum quorumcunque personarum de regno nostro cujuscunque conditionis existentes ratione ejusdem quintamdecimam taxentur et colligatur». (P. W., vol. I, p. 110).

[92] Select charters, p. 366.

[93] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 261.

$^1/_{15}$ [94]. Во всяком случае, каждый налог на движимость, как правило, приносил казне не менее 30—40 тысяч ф. дохода, тогда как щитовые деньги и талья на протяжении XIII в. редко давали при очередном сборе более 2500—3000 ф.

Новая форма налога была удобна еще и тем, что размеры его не были стабильны. Правительство в зависимости от своих потребностей в данный момент могло взыскать его в размере $^1/_7$, или $^1/_{15}$, или $^1/_{30}$, и против таких повышений и понижений трудно было возражать, так как здесь, в отличие от поземельных поборов, не было прочно сложившейся традиции. Пользуясь этим, правительство, особенно в конце XIII в., все время повышало долю обложения.

Введение регулярного обложения движимости было, по-видимому, одной из причин значительного повышения доходов короны в правление Эдуарда I. Несмотря на то, что он облагал страну налогами всего 15 раз за 35 лет, среднегодовой размер государственных доходов поднялся в этот период до 57 000 ф. Это повышение отчасти [95] шло за счет резкого увеличения налогов на движимость. Доля последних в налоговых поступлениях поднялась с 56% (в период до 1272 г.) до 97,5%. Соответственно этому значительно поднялась доля налоговых поступлений в общих доходах короны [96].

Наконец, в налогах на движимость феодальное государство нашло наиболее унифицированную и поэтому удобную форму обложения, которая создавала непосредственные финансовые отношения со всеми слоями населения и позволяла королевским сборщикам без всяких посредников, в лице лорда манора или городского муниципалитета, проводить оценку имущества и сбор налогов. Централизация, достигнутая к концу XIII в. английским феодальным государством в области суда и военного дела, требовала такой же централизации в области финансов, выражением чего и явилась эта новая форма налогов.

Изменения в финансовой системе английского феодального государства не исчерпывались только введением налогов на движимость. Они выразились также в стремлении правительства привлечь к содержанию феодального государства церковь как корпорацию, до того времени не подлежавшую ре-

---

[94] Ibidem, p. 363.

[95] Отчасти столь резкий подъем объясняется также введением регулярного таможенного обложения после 1275 г. и обложения церкви (см. ниже).

[96] С 12 до 27%.

гулярному светскому обложению [97]. Хотя и не без борьбы, Эдуард I сумел в течение своего правления выкачать из церковников немалую сумму в 234 740 ф. [98]. На этот же период падают настойчивые попытки правительства унифицировать таможенное обложение экспорта и импорта, которые привели к огромному увеличению этой статьи дохода. Эдуард I собрал в виде таможенных пошлин с населения за 35 лет своего правления около 490 000 ф. [99], то есть несколько больше, чем он получил с налогов на движимость.

Благодаря всем этим изменениям ко второй половине XIII в. состав доходной части государственного бюджета совершенно изменился по сравнению с концом XI — началом XII в. При первых нормандских королях, как было отмечено выше, львиную долю доходов казны составляли личные феодальные доходы короля. При Эдуарде I, по данным Рамзея, общий доход короны за 35 лет, достигший суммы 1 731 565 ф., составлялся из следующих статей: доходы от налогов — 27% (из которых 26% падали на обложение движимости), доходы от таможенных пошлин — 27%, доходы от обложения церкви — 13,5%. Всего налоговые поступления, таким образом, составляли 67% доходов короны [100], тогда как наследственные феодальные доходы, включая доходы от доменов, лесных заповедников, рельефов, права опеки и т. п., составляли самое большее 33% общей суммы дохода. По всей вероятности, они были еще меньше, так как в состав этих 33% включались еще талья, взимавшаяся с евреев, доходы от Ирландии, от монетной реформы, а также от крестоносной десятины, которую Эдуард I, с согласия папы, взимал в свою пользу [101].

Таким образом, к концу XIII в. государственный бюджет в основном базировался на различных налоговых поступлениях, главными из которых были налоги на движимость. Это изменение в системе организации государственных финансов имело своим последствием, во-первых, значительный рост доходов

---

[97] Налоги на движимость взимались не со всех имуществ духовенства, но только с тех, которые находились в светских владениях церкви — в церковных баронии, которые держались за военную службу, а также в приобретенных духовными лицами светских ленах и свободных держаниях (temporalia). Земли, принадлежавшие церкви как корпорации — земли епископатов, монастырей, пребенды церквей, держания в свободной милостыне (так наз. spiritualia) — не подлежали этому общему обложению.

[98] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. II, p. 85.

[99] Ibidem, pp. 82—83.

[100] Подсчеты произведены нами на основании данных Рамзея о ежегодных доходах короны, полученных из Pipe rolls и Pell rolls Эдуарда I. Цит. соч., т. II, стр. 81—85.

[101] Эдуард I за 35 лет своего правления с согласия папы изъял из крестоносной десятины, собираемой церковью, 160 000 ф., хотя так и не отправился в крестовый поход (J. H. Ramsay. Op. cit., vol. II, p. 86).

казны; во-вторых, концентрацию в руках центрального правительства всех нитей финансового управления; в-третьих, сделало короля менее зависимым от феодальных платежей его непосредственных вассалов.

Все рассмотренные нами нововведения в области суда, военной организации и финансов в свою очередь требовали и реорганизации государственного аппарата, его расширения и усложнения.

В XI и первой половине XII в., когда задачи центрального управления сводились в основном к управлению королевскими доменами и регулированию отношений короля с его вассалами, главным и единственным органом центрального аппарата являлась королевская курия (curia regis), состав и функции которой были крайне неопределенны.

Курия действовала и как высший королевский суд, заседающий в присутствии короля, и как главный орган административного, в том числе финансового, управления. Но уже при Генрихе II внутри курии обособляются главные правительственные ведомства: Палата шахматной доски во главе с казначеем — центр финансового управления, ведавший также администрацией и имевший некоторые судебные функции (по делам, связанным с интересами короны); высший суд короля во главе с юстициарием; управление хозяйством королевского двора (Household), в задачи которого входило обеспечение короля и его дворцового хозяйства всем необходимым. В конце XII в. все эти ведомства окончательно разделились и превратились в самостоятельные учреждения. Название «курии» сохранилось за высшим королевским судом. В то же время дальнейшая дифференциация функций продолжалась и внутри каждого из этих учреждений.

В самом конце XII в. внутри курии как судебного органа обособился суд «общих тяжеб», который мог заседать без участия короля и поэтому не должен был следовать за королем по стране (Великая хартия вольностей определила постоянное местопребывание этого суда в Вестминстере). Наряду с ним продолжал существовать верховный суд, заседавший в присутствии короля (coram rege), сначала сохранявший название курии. С 1224 г. эти два суда окончательно разделились [102], а несколько позднее суд «coram rege» получил новое название Суда королевской скамьи.

Такой же процесс дальнейшей дифференциации функций происходил внутри Палаты шахматной доски. С середины XII в. в ней постепенно выделяется ведомство канцлера, хранителя королевской печати, который вел письменное оформле-

[102] С 1224 г. в этом суде велись особые протоколы.

ние всех правительственных документов. С развитием центральных судов и общего права к канцлеру и его аппарату перешла вся работа по оформлению судебных приказов. С середины XIII в. ведомство канцлера окончательно выделилось в самостоятельное учреждение — Канцелярию (Chancery), которое в дальнейшем приобрело некоторые судебные функции по делам, для решения которых «общее право» и королевские суды не выработали еще специальных средств.

С середины XII до середины XIII в. значительно расширились и усложнились функции управления королевского двора, что привело к постепенному обособлению отдельных ведомств внутри этого аппарата. Так возникло управление снабжением двора продуктами (хлебом, мясом, вином), управление конюшнями во главе с маршалом [103], Малое казначейство короля (Camera, Chamber) во главе с камерарием, которое первоначально должно было заботиться об удовлетворении личных потребностей короля, а затем постепенно превратилось в дополнительный орган финансового управления. «Камера» наряду с Палатой шахматной доски ведала сбором королевских поборов, особенно недоимок с шерифов и других должностных лиц, а также с лесных заповедников, земель, находившихся под опекой короля, вакантных епископских должностей и т. д. [104]. С конца XII в. из этого Малого казначейства выделилось особое Управление королевским гардеробом (Wardrob), которое постепенно к середине XIII в. превратилось в склад снаряжения, одежды и утвари — своего рода сокровищницу королевского двора. В это время «гардероб» начинает соперничать с «камерой» во взимании различных платежей, следуемых лично королю, и постепенно заменяет ее в этом деле [105].

Все центральные органы суда и администрации осуществляли контроль над местным управлением при помощи системы разъездных судов, которая прочно утвердилась в Англии со времени Генриха II. Судебные объезды с этого времени превратились как бы в выездные сессии центральных судов. В XII и первой половине XIII в. разъездные суды действовали главным образом в виде «общих объездов» (General eyre), которые производились в каждом графстве раз в 7 лет. Компетенция этих выездных сессий была очень широка: они разбирали все иски, подсудные короне или затрагивающие ее материальные интересы, производили арест преступников, «освобождение тюрем», а также вели расследование по опре-

---

[103] J. E. A. Joliffe. Angevin Kingship. London, 1955, pp. 189—209.
[104] Ibidem, pp. 226—256.
[105] Ibidem, pp. 256—276.

деленному опросному листу, большинство пунктов которого касалось нарушений прав короны и злоупотреблений местных судов и чиновников [106], и налагали штрафы на лиц, виновных в этих злоупотреблениях. С начала XIII в. стали практиковаться объезды, имевшие более ограниченные цели: расследования о нарушении прав короны и злоупотреблениях чиновников [107] или о владельческих правах и доходах феодалов [108]. В то же время стали специализироваться и судебные функции разъездных судов. Со второй половины XIII в. стали практиковаться судебные объезды специально для разбора дел по земельным искам (по владельческим ассизам) — ассизные суды. Вся страна в 1276 г. была поделена на несколько областей, к каждой из которых были прикреплены по 2 судьи [109]. В 1285 г. было постановлено, что ассизные судьи должны посещать каждое графство не реже чем три раза в год [110]. В 1293 г. ассизным судьям было предписано заседать во вверенных им графствах непрерывно в определенные установленные дни [111].

В это же время начинают действовать специальные разъездные комиссии по «освобождению тюрем» [112]. С начала XIV в. специализируются также выездные сессии по уголовным делам: так называемые комиссии, разбирающие дела о нарушителях мира (trailbastons) [113], и судебные комиссии для разбора различных уголовных дел (так называемые комиссии oir et terminer) [114].

Развитие системы разъездных судов и специализация их функций укрепляли связь центрального судебно-административного аппарата с провинцией и еще более усиливали политическую позицию королевской власти в стране и ее контроль за местным управлением.

Это местное управление отличалось в Англии известным своеобразием, так как представляло собой сочетание деятельности местной королевской администрации и собраний сотен и графств, представлявших собой пережиток местных народных собраний дофеодального периода.

Главными представителями королевской администрации

---

[106] H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae, vol. I. London, 1879, pp. 188—194.
[107] Например, расследование 1274 г. R. H., vol. I—II.
[108] Например, расследование 1279 г. R. H., vol. II.
[109] Statutes, vol. I, p. 44, Statute of Rageman.
[110] Вестминстерские статуты. Юриздат, 1948, стр. 71, ст. 30.
[111] Statutes, vol. I, p. 129.
[112] Ibidem.
[113] R. P., vol. I, p. 178.
[114] Ibidem.

в графствах со времени нормандского завоевания, как известно, были шерифы.

С начала XII по конец XIII в. их роль в жизни графств возрастала, но вместе с тем они все более и более подчинялись центральному правительству. Из представителей местной знати, которыми шерифы часто являлись до середины XII в., они уже при Генрихе II превратились в легко сменяемых чиновников короля, подотчетных Палате шахматной доски. Уже в это время, а особенно в XIII в. должность шерифа обычно исполнялась малозначительными людьми, мелкими и средними феодалами, часто субдержателями графств — вальвасорами или рыцарями, иногда — бывшими служащими ведомства королевского двора и других органов центрального аппарата [115]. За исключением коротких периодов, когда они выбирались в собраниях графств, шерифы обычно назначались центральным правительством.

Будучи во всем зависим от центрального правительства, шериф концентрировал в своих руках все нити управления графством. Он собирал все местные платежи, судебные штрафы, королевские долги и недоимки по налогам, щитовые деньги, талью, рельефы, отчитываясь в этих поступлениях перед Палатой шахматной доски. Шериф являлся главой всей местной юрисдикции, осуществляемой в судах сотен и графств [116], возглавлял отряды пеших и конных воинов, навербованных в графстве согласно ассизе о вооружении.

В своей судебной и административной деятельности шериф был тесно связан с собраниями сотен и графств, которые пережили нормандское завоевание и просуществовали до конца средних веков. Такая удивительная их живучесть объяснялась, очевидно, тем, что в Англии и после 1066 г. сохранился сравнительно большой и все время возраставший в XII—XIII вв. слой свободного крестьянства, который и составлял базу для существования этих учреждений. Два столетия господства феодализма в Англии значительно видоизменили эти архаические учреждения, а процесс государственной централизации отразился на них, превратив их постепенно в послушное орудие центрального правительства. Английские короли не только не пытались уничтожить эти учреждения, но, напротив, с начала XII в. всячески стремились их возродить и укрепить их роль на местах, подчинив эти собрания влиянию шерифа и через него центральному правительству. Уже Генрих I распорядился, чтобы собрания сотен и графств

---

[115] J. E. A. Joliffe. Op. cit., pp. 277—278.

[116] Подобные сведения об обязанностях шерифа содержатся в Уэльском статуте 1284 г. Statutes, vol. I, pp. 56—58.

собирались в тех же местах и в том же составе, как до нормандского завоевания [117]. Генрих II, изъяв из судебной компетенции собраний графств большинство наиболее важных исков, в то же время укрепил их значение, поскольку именно здесь назначались присяжные для расследования всех дел, подсудных короне, а также «обвинительные присяжные» для общих расследований во время судебных объездов [118].

В XIII в. собрания графств стали центром судебной и административной деятельности шерифа, собрания сотен — его помощников — бейлифов. В собрании графства шериф осуществлял свою юрисдикцию, ограничивавшуюся судом по мелким правонарушениям [119], делал всякого рода публичные объявления. Здесь же в его присутствии совершались всякие сделки, с конца XIII в. производились выборы некоторых местных должностных лиц—коронеров, сборщиков налогов,— а в отдельные периоды самих шерифов. Два раза в год шериф совершал судебный объезд (turnus vicecomitis), во время которого специальные комиссии присяжных в каждой сотне сообщали ему обо всех правонарушениях, совершенных в графстве [120].

Такую же роль выполнял в собрании сотни бейлиф, судебные функции которого были еще более ограниченны. По аналогии с шерифом бейлиф два раза в год объезжал деревню за деревней, проводил в сотне проверку «свободного поручительства» и при этом собирал сведения обо всех совершенных в сотне правонарушениях [121].

Таким образом, роль собраний сотен и графств в местном управлении в XIII в. была довольно значительна, но отнюдь не самостоятельна. Эти собрания были тесно связаны с повседневной деятельностью королевской администрации, и в них, конечно, нельзя видеть прямое продолжение тех собраний свободного населения сотен и графств, которые существовали в Англии до нормандского завоевания. Они в значительной мере изменили свой состав [122] и утратили свою самостоятельность.

---

[117] Select charters. Oxford, 1874, p. 104.

[118] 1 и 8 статьи Кларендонской ассизы. Памятники истории Англии, стр. 56, 58.

[119] Уэльсский статут. Statutes, vol. I, pp. 56—58, 66.

[120] Ibidem, p. 57.

[121] Проверка «свободного поручительства» заключалась в проверке состава десятков, на которые делилось все сельское население Англии и которые были ответственны за поведение каждого члена десятка. Но попутно бейлиф обычно путем расследования через присяжных выяснял, какие в сотне совершены правонарушения, наиболее мелкие из которых он тут же разбирал в суде сотни.

[122] Состав собраний сотен и графств подробно рассматривается в гл. VI.

Среди участников собраний графств в XIII в. выделяется постоянная «инициативная группа» наиболее влиятельных и богатых людей — buzones [123]. Все свои важнейшие полномочия собрание графств могло осуществлять только под руководством представителя королевской администрации — шерифа. При всем этом ни собрания графств, ни собрания сотен даже в XIII в. нельзя считать чисто бюрократическими учреждениями. Они были довольно многочисленны по составу и в какой-то мере выражали общественное мнение и настроения если не всей массы свободных держателей графства, то во всяком случае их наиболее зажиточной части — мелких феодалов и верхушки свободного крестьянства [124]. Именно поэтому они играли большую роль в укреплении влияния центрального аппарата на местах, поддерживая силой своего авторитета деятельность шерифов. Их судебные и административные полномочия в конце XIII в. рассматривались как критерий для соответствующих полномочий сеньериальных судов [125].

Военные ополчения графства, возглавляемые шерифом, постоянно использовались в конце XIII в. для приведения к покорности крупных феодалов и их чиновников, не желавших подчиняться шерифу и решениям королевских судов [126]. Выбираемые на этих собраниях сборщики налогов имели доступ на все иммунитетные территории.

Тесную связь с собраниями графств и сотен осуществляли в своей повседневной деятельности и другие представители королевской администрации на местах: коронеры, чиновники, ведавшие конфискацией выморочных ленов (исчиторы), констебли, комиссары правительства, производившие в графствах расследования. Одним словом, эти местные собрания, покрывавшие густой сетью всю провинциальную Англию, являлись опорными пунктами центрального правительства против оппозиции крупных феодалов на местах. Очевидно, именно эту цель преследовали английские короли XII и XIII вв., всячески укрепляя и развивая эту, казалось бы, архаическую систему местного самоуправления.

Ее развитие, унификация и подчинение влиянию центрального правительства через его представителей на местах также было одним из проявлений процесса государственной централизации Англии в XII—XIII вв.

---

[123] H. Bracton. Op. cit., vol. II, p. 236.
[124] См. ниже, гл. VI.
[125] P. Q. W., passim.
[126] I Вестминстерский статут, ст. 9 и 17. Вестминстерские статуты. Юриздат, 1948, стр. 13 и 18.

Весь этот уже довольно сложный в конце XIII в. государственный аппарат требовал координации и организации его деятельности из единого центра в соответствии с волей короля. Именно поэтому на протяжении XIII в. происходит постепенное развитие нового исполнительного органа — Королевского совета. Это учреждение своими корнями также уходит в королевскую курию. В центре курии уже в XII и в начале XIII в. существовала негласная рабочая группа ближайших советников короля. На них, в отличие от крупнейших вассалов короны, входивших официально также в состав королевской курии, лежали все практические дела, связанные с управлением страной [127]. На протяжении XIII в. происходит официальное оформление этой группы в самостоятельное учреждение, в котором концентрируется вся исполнительная власть. В то же время совещательные функции крупных феодалов теперь все более и более переходят к так называемому великому совету (magnum consilium) — собранию наиболее влиятельных непосредственных держателей короны, которое собирается два-три раза в год [128].

Уже Генрих III стремился практически ограничить состав постоянного королевского совета лишь небольшим кругом лично угодных и необходимых ему советников и избавиться от постоянного участия в нем слишком влиятельных и враждебных ему магнатов.

В 1223 г. он получил от папы буллу о признании его совершеннолетним, из которой следовало, как сообщает Матвей Парижский, что «отныне король будет решать государственные дела по совету своих приближенных» [129]. И действительно, в 1227 г., объявив на совете в Оксфорде себя совершеннолетним, Генрих III освободился от контроля своих регентов — представителей баронской верхушки [130]. В 1233 г., когда, по сообщению того же автора, Генрих III устранил из своего совета всех англичан и вместо них пополнил его иностранцами [131], он, очевидно, также имел в виду заменить широкий состав курии узким советом своих приближенных.

В 1248 г. бароны обвиняли Генриха III в том, что он по своей воле выбирает себе советников «таких, которые выполняют любое его желание, даже достойное его собственного

---

[127] J. E. A. Joliffe. Op. cit., pp. 167—188.

[128] Подробнее об этом см. гл. VII наст. работы.

[129] Matthei Parisiensis. Chronica majora, Roll. Series, No. 57, vol. III. London, 1878, p. 79. **«quod ex tunc negotia regni idem rex principaliter cum suorum domesticorum consilio ordinaret»** (подчеркнуто мной. — *Е. Г.*).

[130] Ibidem, vol. III, p. 122.

[131] Ibidem, p. 240. «...omnes naturales curiae sue ministros a suis removit officiis et pictavenses extraneos in eorum ministeriis subrogavit».

сожаления»[132]. Ясно, что здесь также подразумевались личные советники короля.

Несмотря на настойчивые попытки магнатов на протяжении всего XIII в. воспрепятствовать созданию такого узкого королевского совета[133], он приобретал все более и более осязательные черты. Не случайно на протяжении всего XIII в., вплоть до конца правления Эдуарда I, его называли не только «постоянным советом» (continuum concilium), но также «тайным советом» (secretum consilium) или «Советом приближенных» (famaliare consilium)[134]. О сравнительно узком составе этого совета говорят настойчивые попытки короны связать всех его членов особой присягой королю: первая из этих попыток имела место в 1237 г., вторая — в 1257 г.[135]. В 1307 г., по-видимому, принесение присяги членами королевского совета было уже обязательным. В этом году на парламенте в Карлейле такую присягу принес Radulf Baldok, епископ Лондонский, «которого король пожелал иметь своим советником» (quem rex vult esse de consilio regis), а также Джон, епископ Норичский, тоже избранный королем для участия в совете[136]. В это время уже существовал установленный текст присяги, согласно которому двое новоявленных советников приносили свою присягу (secundum articulos sacramenti)[137].

Текст состоял из 9 статей, смысл которых заключался в том, чтобы подчеркнуть полную и неограниченную преданность каждого советника королю. Советник должен был поклясться, что будет давать королю хорошие и лойяльные советы в соответствии со своими знаниями и возможностями (ст. 1) и что все его советы и помощь будут направлены на поддержание, охрану и защиту прав короля и короны всюду, где это будет возможно, без какого-либо ущерба и несправедливости (ст. 4). Советник обязывался немедленно сообщить королю, если он узнает, что какие-либо предметы, относящиеся к короне или к правам короля, незаконно отчуждены или похищены (ст. 5), и всячески способствовать увеличению доходов короны (ст. 6). Более того, он обязывался не делать и не советовать ничего такого, от чего король мог бы лишиться чего-либо, относящегося к короне, если ему не будет предло-

---

[132] Matthei Parisiensis. Chronica majora. London, 1880, vol. I, p. 7: «...tales qui suam qualemounque, dummodo sibi quaestuosam sequuntur voluntatem».

[133] Consilium regis.

[134] См. Р. Гнейст. Цит. соч., стр. 356, примечание.

[135] J. F. Baldwine. Antiquities of the King's Council. E. H. R., vol. 21, 1906.

[136] R. P., vol. I, p. 219.

[137] Ibidem, pp. 218—219.

жено сделать это (очевидно, самим королем. — *Е. Г.*) (ст. 7) [138].

Особого внимания заслуживают статьи 2, 3 и 9. Первые две подчеркивают секретный характер заседаний совета, запрещая советнику кого-либо информировать о том, что он советовал королю, или о том, что говорилось в совете [139]. Статья 9 запрещает советникам устанавливать какие-либо личные вассальные связи с каким-либо сеньером без разрешения короля. Она гласит: «Если Вы связали себя личными отношениями с каким-либо сеньером или с кем-либо другим и благодаря этим отношениям Вы не можете исполнять или соблюдать все вышеуказанные обязательства, не нарушив этих отношений, Вы обязаны об этом сообщить королю. И отныне без разрешения короля Вы не будете никому приносить клятву верности» [140].

Только одна 8 статья присяги была связана с обязательством советника хорошо соблюдать свои функции по отношению к подданным короля. Советник должен был поклясться, что он будет беспристрастен в своих решениях и не будет отказывать в правах никому «из-за любви или ненависти, из-за расположения или нерасположения», независимо от их положения и сословия, и ничего не будет брать за то, чтобы совершить несправедливость и нарушить право. Он обязывался также при вынесении решений никого не подстрекать к нарушению права ради чьего-либо высокого положения, бедности или богатства [141].

За исключением этой последней статьи, весь текст присяги касался личных отношений между королем и его советниками, что подчеркивает узкий конфиденциальный характер этого учреждения как собрания личных советников короля. Как справедливо замечает Балдуин, едва ли магнаты королевства могли связывать себя подобной клятвой, лишавшей их всякой свободы политических действий, тем более, что текст присяги 1307 г. в основных чертах уже существовал в 1257 г., то есть тогда, когда бароны далеко еще не были склонны к такой

---

[138] Ibidem.

[139] Ibidem. «Que bien et loiaument son conseile celerez» ... «Et que vous ne encuserez autre de chose quil dirra au conseil».

[140] Ibidem, p. 219.

[141] Ibidem. «Et qui vous ne lerrez pur nulli pur amour ne pour haour, pur bon gre ne pur movais gre, que vous ne facez faire a chescun de quel estat ou condicion quil soi, droiture et reson selonc votre poair e a vostre escient et que nulli rien ne prendrez par tort faire, de droit, ne delear. E qe in jugement et a droiture faire la on vous ferrez assignez vous ne espernirez nulli pur hontesee, pur poverte ne pur richesse de droit ne soit fait...».

покорности [142]. Очевидно, такую клятву приносили лишь чиновные члены совета, составлявшие его постоянную рабочую группу, — канцлер, казначей, судьи, наиболее приближенные клерки короля. Что касается эрлов и баронов, назначавшихся королем в состав совета, то они, по-видимому, заседали в нем непостоянно, по личным приглашениям короля, как явствует из приведенных выше примеров. Совет же заседал постоянно в сравнительно узком составе — не более 20—30 человек — для решения текущих повседневных дел — судебных, финансовых, военных. Только наиболее важные спорные вопросы выносились на рассмотрение расширенного королевского совета, совета магнатов, а впоследствии парламента.

В конце XIII в., в правление Эдуарда I, постоянный королевский совет выступает как высший контролирующий и корректирующий орган центрального государственного аппарата. Ему принадлежит в значительной мере законодательная инициатива, фактически решение основных вопросов внешней политики. В то же время постоянный королевский совет играет большую роль в разборе петиций, подаваемых на имя короля, главные из которых решаются в совете. Наконец, королевский совет становится фактически к этому времени высшей судебной инстанцией в стране. К нему восходят апелляции от всех обычных королевских судов, в его компетенцию входят все дела, касающиеся интересов короля, в частности тяжелые государственные преступления. Совет выступает как арбитр в спорах между крупнейшими феодалами страны, неразрешенных в судах общего права. Экстраординарный характер этого суда определяется тем, что к концу XIII в. он становится единственным судом (если не считать парламента), заседающим в присутствии и при участии короля (coram rege), так как Суд королевской скамьи фактически к этому времени утрачивает эту привилегию. Именно поэтому апелляции на решения этого суда также поступают в королевский совет.

Таким образом, королевский совет становится тем центром, из которого глава феодального государства руководит своим достаточно сложным и разветвленным аппаратом.

Рост и централизация государственного аппарата сопровождались ростом бюрократии. Судьи центральных и разъездных королевских судов, клерки канцелярии, Палаты шах-

[142] Разница заключается в том, что в тексте присяги 1257 г. имеется дополнительный пункт, указывающий, что советник, нарушивший присягу, теряет свои земли и ренту, а если у него их нет, должен быть наказан по воле короля (J. F. Baldwin. Antiquities of the King's Council (E. H. R., vol. 21, 1906); F. M. Powicke. King Henry III and the lord Edward, vol. I. Oxford, 1947, pp. 337—338).

матной доски, управления королевского двора, высшие должностные лица, заседавшие в королевском совете, различные должностные лица местной администрации составляли к концу XIII в. довольно многочисленный слой чиновников, живших своей службой королю.

Как показывают новейшие исследования, чиновничий слой в подавляющем большинстве пополнялся и в XII и в XIII вв. за счет рыцарей и вообще мелких феодалов, небогатых клириков, королевских министериалов, обычно начинавших свою карьеру в ведомстве королевского двора [143]. Будучи людьми среднего достатка, эти должностные лица видели в королевской службе возможность приобрести земли и деньги в качестве награды за свои старания или при помощи взяток и других вымогательств с населения. Из их среды и выходили королевские юристы, знатоки и творцы общего права в середине XII в., такие, как Фиц Ниль, важный чиновник Казначейства, или Ранульф Гленвиль — юстициарий, позднее Брактон — один из судей Королевской скамьи. Своей практической деятельностью в качестве судей и своими теориями неограниченной королевской власти [144] они немало помогали укреплению авторитета центрального правительства в стране.

Итак, во всех областях государственного управления феодальной Англии в период с середины XII до конца XIII в. заметно значительное укрепление центральной власти. Централизация феодального государства в форме усиления королевской власти и ее аппарата составляет основную тенденцию политического развития Англии этого периода.

Но что это была за централизация, на какой она происходила основе, в чем заключалась суть тех изменений в политической надстройке, которые происходили в изучаемый период?

Единодушно признавая факт усиления королевской власти с конца XII до конца XIII в., буржуазные историки, однако, расходятся в оценке сущности этого процесса. Вигские историки XIX в. утверждали, что власть английских королей в этот период носила тиранический характер, но что одновременно с ростом этой тирании в обществе росли средства и силы ее ограничения в виде общего права и общинных учреждений в городах и графствах, которые в конце концов обузда-

---

[143] T. F. Tout. Chapters in the administrative history of medieval England, vol. 1—2. Manchester, 1920—1929; J. E. Jolliffe. Op. cit.

[144] Имеется в виду прежде всего теория неограниченной королевской власти фиц Ниля и Гленвиля, которые мы не можем здесь рассматривать, так как весьма интересный и самостоятельный вопрос о сущности этих теорий и их связях с реальной действительностью находится за пределами нашего исследования.

ли ее. Историки «критического» направления, напротив, подчеркивали главным образом благотворное воздействие усиления королевской власти на развитие страны, приписывая самим королям создание такой политической системы, которая привела к их добровольному самоограничению в середине XIII в. Разновидностью этой точки зрения является концепция Адамса, согласно которой власть английских королей в XI—XIII вв. носила характер абсолютной монархии до тех пор, пока она не была ограничена парламентом [145].

Уже упоминавшийся Джолиф и ряд других английских и американских историков рассматривают усиление королевской власти в Англии XI—XIII вв. как результат ничем неограниченного в этот период роста сеньериальной власти короля как феодального лорда и крупнейшего землевладельца страны. При этом на первый план в исследовании этого вопроса выдвигаются не развитие общего права, королевских судов и центрального аппарата как институтов общественной власти, но расширение феодальной юрисдикции короля, его насилия и произвол по отношению к его вассалам. В связи с этим основное внимание сосредоточивается на развитии аппарата ведомства королевского двора (Household), которое изображается как центр всего управления страной [146]. Сторонники этой концепции, которую мы условно назовем «сеньериальной», справедливо критикуют историков как вигского, так и «критического» направления за необоснованную идеализацию политического строя XII—XIII вв. Однако сами они дают крайне одностороннюю, а потому неправильную трактовку вопроса.

Конечно, английское феодальное государство XII—XIII вв. никак не может быть названо абсолютной монархией. Однако не потому, что, как утверждает, например Джолиф [147], неограниченная власть короля не имела еще в то время никаких «законных» обоснований. Дело в том, что в Англии этого периода вообще не могла возникнуть эта форма государства. Ведь абсолютная монархия предполагает наличие определенного уровня в развитии хозяйственной и социальной жизни общества, при котором зарождаются капиталистические отношения. Между тем в Англии XII в. и даже XIII в.

---

[145] G. B. Adams. The origin of English constitution. New-Heaven, 1912.

[146] Наиболее отчетливо эта идея выражена в упоминавшейся работе Джолифа «Angevin Kingship», см. особенно стр. 23, 24, 33, 34, 50—82, 104—108 и главы VII—VIII. Эта же тенденция в оценке характера королевской власти заметна в последних работах Поуика, посвященных Англии XIII в., и в книге Краймса (S. B. Chrimes. An introduction to the administrative history of Medieval England. Oxford, 1952).

[147] J. E. A. Joliffe. Op. cit., p. 33.

развитие внутреннего рынка совершалось еще на базе не капиталистического, а мелкотоварного производства. Поэтому развитие товарно-денежных отношений ограничивалось господством феодального строя в деревне и в городе, обслуживало этот строй и даже к началу XIV в. не привело к созданию единого национального рынка. Крупнейшие феодалы страны еще обладали большим экономическим весом и ревниво оберегали свои политические привилегии, где только возможно препятствуя усилению королевской власти. Под покровом относительно централизованного английского феодального государства таились еще значительные, хотя и подавленные центробежные силы, главными носителями которых являлись эти крупные феодалы. Вплоть до конца XIII в. в стране сохранялось большое количество иммунитетов, которые, несмотря на все ограничения, налагаемые на них из центра, немало препятствовали унификации судебного и административного управления [148].

При всех изменениях, происшедших к концу XIII в. в организации армии, крупные феодалы все же продолжали играть в ней весьма значительную роль, если не количественно, то по своему личному влиянию и военному опыту. Они стояли во главе военных отрядов и целых армий, располагали своей личной военной свитой, которую они приводили с собой в армию, содержали на свой счет и которая всецело подчинялась им, но не королю [149]. Крупные феодалы и класс феодалов

[148] По данным Сотенных свитков 1274 г., в Англии в это время было 1987 лордов-иммунистов, располагавших обычно средней и низшей юрисдикцией. 398 из них имели право проверять, вместо бейлифов сотен, свободное поручительство, 272 — пользовались правом returnus brevium, 31 человек имел право разбирать дела, подсудные короне (подробная характеристика английских иммунитетов XIII в. имеется в моей статье «К вопросу об иммунитете в Англии XIII в.» — Сб. «Средние века», вып. III, 1951). Кроме того, из 628 сотен Англии 358 находились в руках частных лиц со всеми вытекающими из этого последствиями в отношении суда и администрации (H. M. Cam. Studies in the Hundred Rolls. Oxford, 1921, p. 137). Ясно, что эта сеть иммунитетов, при всей их ограниченности, препятствовала расширению влияния короны на местах и свидетельствовала о незавершенности процесса государственной централизации.

[149] Эти военные свиты магнатов обычно значительно превышали то количество воинов, которое они обязаны были выставить в войско короля. Так, эрл Глостерский, обязанный выставить 10 рыцарей, привел с собой на войну в Шотландии в 1298 г. 46 человек; эрл Линкольнский вместо 7 рыцарей в 1277 г. имел 30 воинов, а в 1928 г.— 14. Эрл Уорвик, квота которого равнялась 6 рыцарям, в 1294 г. в Уэльсе имел 21, в 1297 г. во Фландрии — 27, в 1298 г. в Шотландии — 25 рыцарей (Morris. Op. cit., p. 60). Их примеру следовали и простые бароны, которые, будучи обязаны выставлять по 2—3 рыцаря, часто приводили с собой от 10 до 35 воинов (Ibidem, pp. 63—64). Эти феодальные свиты, зародыш так называемых ливрей XV в., составляли оплот феодальной вольницы уже в XIII в. И хотя, с одной стороны, они увеличивали военные силы короля, прибавляя к ней значительное коли-

в целом все еще доставляли королям немалую часть их доходов и в качестве плательщиков общегосударственных налогов, и в качестве коронных вассалов, обязанных платить своему сеньеру рельефы, феодальные вспомоществования, щитовые деньги и т. п.

При таких условиях едва ли можно говорить о неограниченной королевской власти не только в смысле законченного и утвержденного законом абсолютизма, но и в смысле ничем не ограниченной сеньериальной власти короля в понимании Джолифа. Он прав, указывая на то, что королевская власть в XI—XII вв. не знала никаких законных ограничений, но ведь она, как он сам отмечает, не имела также никаких законных обоснований. Значит, практически полнота королевской власти определялась реальным соотношеним социальных сил в стране в каждом конкретном случае. Если король имел много денег, военных сил и пользовался поддержкой большей части свободного населения, он мог безнаказанно нарушать феодальный обычай и не признавать никаких ограничений. Но если его вассалы-бароны объединялись, особенно если им удавалось привлечь на свою сторону часть свободного населения, и поднимали против него восстание, он вынужден был отступать перед феодальным обычаем и их военной силой. Так было во время многочисленных мятежей XII в. [150], так бывало даже и в XIII в. Едва ли эту весьма неустойчивую политическую ситуацию можно рассматривать как господство ничем неограниченной, хотя бы и сеньериальной власти короля.

Но можно ли вообще назвать эту королевскую власть в конце XII—XIII в. чисто сеньериальной, то есть по сути дела вотчинной, как это делает Джолиф? Конечно, в этот период она не всегда была отделима от власти феодального землевладельца и сеньера своих вассалов. Но сеньериальная сторона королевской власти уже в конце XII, а тем более в XIII в. не являлась ее главной и наиболее существенной стороной, хотя бы по одному тому, что она проявлялась в этот период преимущественно в сфере отношений короля с его

чество (до 1000) конных воинов и притом бесплатных, с другой стороны, угрожали дезорганизацией армии, давая материальную основу для самовольства магнатов.

[150] В 1772—1773 гг. — восстание сыновей Генриха II во Франции; в 1174 г.— восстание эрла Лейстерского в Англии; в 1220 г.— мятеж графа Омейл в Линкольншире; в 1222 г.— восстание Уильяма де Бретейль в Бедфорде; в 1231—1233 гг.— восстание Ричарда Маршалла в Уэльсской марке — таковы лишь самые крупные из этих баронских восстаний (см. W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. I, Oxford, 1891, pp. 514, 517; vol. II, Oxford, 1875, pp. 35, 48—49; J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, pp. 113, 116, 272, 277, 288).

непосредственными вассалами, количество которых было сравнительно невелико. Чем дальше, тем больше английским королям и в судебном, и в финансовом, и в военном отношении приходилось иметь дело с гораздо более многочисленными рыцарями и свободными держателями, по большей части арьервассалами короны, а также с городами, требовавшими совершенно иных взаимоотношений. Чтобы установить непосредственные связи с этими слоями населения, нужны были новые, более гибкие, менее грубые средства, которые базировались бы на более высоком праве, чем обычные сеньериальные права. Для этого английские короли должны были вырвать всю эту массу «свободных людей» из-под власти сеньериальных прав, превратив их в «подданных короля». Поэтому в борьбе с крупными феодалами за политическое влияние в стране королевская власть все более и более обособлялась от власти феодального сеньера, все более и более приобретала характер общественной власти, силы, отчуждающей себя от общества и ставящей себя над ним.

Прослеженная выше эволюция права, юрисдикции, финансов, военной организации, государственного аппарата состояла именно во все большем и большем отделении власти короля и его аппарата от сеньериальной и вотчинной основы. Даже то обстоятельство, что в XII—XIII вв. усиливается самостоятельная роль ведомства королевского двора и происходит его обособление от других органов управления, свидетельствует скорее об отделении сеньериальных функций от общегосударственных, чем о концентрации всех функций управления в органах сеньериальной власти. Конечно, ни в XII, ни в XIII в. это обособление не было завершено. Традиции сеньериального управления в политической жизни Англии этого периода далеко не были преодолены. Но не они составляли силу королевской власти. Они составляли скорее ее слабость, так как делали ее уязвимой со стороны крупнейших вассалов короля, мешали ее укреплению и расширению ее политического влияния. Эти сеньериальные элементы, пусть еще очень сильные и в XIII в., принадлежали прошлому, ибо основная тенденция политического развития шла в противоположном направлении, медленно, но верно ослабляя и отодвигая их на задний план. И эта тенденция определялась не произволом королей, но объективными причинами и прежде всего усложнением общественной жизни и ее противоречий, которые требовали новых, более всеохватывающих и гибких методов политического управления, чем могла дать чисто сеньериальная власть короля. Так, постепенно зарождалась и развивалась новая форма феодального государства, которая в условиях Англии XIII в. могла принять только форму монархии с сословным пред-

ставительством. Только эта форма феодального государства могла обеспечить сочетание значительной степени централизации с сохранением политического влияния за основными группами класса феодалов, сочетание, которое наиболее полно соответствовало общему уровню экономического и социального развития страны.

Процесс централизации государства в Англии, как и повсюду в Европе, носил прогрессивный характер. При этом и королевская власть в качестве главного выразителя этого процесса также выполняла в целом прогрессивную роль: «была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»[151].

С другой стороны, при оценке исторической роли английской так называемой сословной монархии нужно иметь в виду, что при всей ее прогрессивности, как более централизованной формы государства, она оставалась органом и орудием политического господства класса феодалов.

Как сочетались эти две стороны в политике английских королей конца XII и особенно XIII в., можно установить только путем анализа взаимоотношений королевской власти с различными классами и социальными слоями феодальной Англии. Такой анализ поможет также выяснить, как и почему процесс государственной централизации страны привел к возникновению парламента.

---

[151] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн. Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 158.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КРЕСТЬЯНСТВУ В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Вопрос о том, как процесс государственной централизации Англии сказывался на основных социальных группах английского общества, специально не рассматривался в буржуазной историографии. Стоя на точке зрения надклассовости всякого государства, буржуазные историки и не могли интересоваться этим вопросом. Усиление центральной власти, по мнению большинства из них, совершалось в интересах всего общества так же, как тяжелые последствия этого процесса одинаково ложились на все слои населения. Такая точка зрения была в одинаковой мере присуща как представителям вигской школы, так и их критикам. И те и другие считали, что борьба английских королей в XI—XIII вв. против крупных феодалов велась в интересах «народа» или «нации». Разница заключается лишь в том, что вигские историки при этом подчеркивали все же «тиранический» характер королевской власти конца XII — начала XIII в., вызывавший время от времени оппозиционные выступления «народа» [1], историки же «критического» направления, напротив, видели в королевской власти на всем протяжении изучаемого периода главную созидательную силу английской конституционной монархии, а в ее политике — непрерывную борьбу с феодализмом, за создание «правового государства» в интересах «народа» [2].

---

[1] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. I. London, 1891, p. 366; Р. Гнейст. История государственных учреждений Англии. М., 1885, стр. 256, 276.

[2] G. B. Adams. The origin and growth of english constitution. New-Haven, 1912, p. 148; F. Maitland. The constitutional history of England. Cambridge, 1908, p. 164; A. F. Pollard. The evolution of parliament. London, 1920, pp. 6, 8—11.

При этом под «народом» или «нацией» и те и другие понимали вовсе не крестьянство, тем более не вилланов, а все свободное население Англии, за исключением крупных феодалов. Естественно, что такой подход к проблеме, характерный и для большинства современных буржуазных историков, занимающихся конституционной историей Англии, исключает из их поля зрения самый вопрос о взаимоотношениях королевской власти с крестьянством, особенно крепостным. Характерно, что такой бесспорный знаток английского общего права и аграрной истории средневековой Англии, как Ф. Мэтланд, в своей «Конституционной истории Англии» совершенно отвлекается от факта бесправия вилланов, зафиксированного в общем праве и легшего в основу всей практики королевских судов [3]. Так же поступает и Д. М. Петрушевский, автор одной из лучших буржуазных работ по истории английского средневекового крестьянства — книги «Восстание Уота Тайлера», когда он в своих трудах по конституционной истории Англии настойчиво подчеркивает «антифеодальный» характер политики английских королей XII—XIII вв. [4].

И это вполне понятно, так как признать классовый характер королевской политики по отношению к крепостному крестьянству и его полное бесправие в английском «правовом государстве» XIII в.— это значит разрушить миф об исконности «английской свободы», о древности английских демократических традиций, о созидательной политике королей в интересах «народа», миф, на котором зиждется вся буржуазная историография так называемой конституционной истории Англии.

Очевидно, по той же причине этого вопроса избегают касаться и специалисты по аграрной истории Англии. Насколько подробно и внимательно они рассматривают внутривотчинный аспект вилланства, настолько же тщательно они избегают вопроса о месте крепостного крестьянства в политической системе английского феодального государства.

Исключение представляет, пожалуй, один П. Г. Виноградов, который в свое время рискнул коснуться этого больного вопроса, но отнюдь не для того, чтобы разрушить традиционную трактовку роли королевской власти как фактора «антифеодальной политики». Напротив, Виноградов попытался подкрепить эту точку зрения новыми аргументами. Признавая и показывая на большом количестве примеров бесправие английского вилланства в XIII в., П. Г. Виноградов в своей ра-

---

[3] F. Maitland. The constitutional history of England, passim.

[4] Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр. 92, 195.

боте «Вилланство в Англии» в то же время пытается доказать, что английское средневековое государство смягчало на практике суровые нормы общего права и юридической теории вилланства. Он объясняет это тем, что «государство предъявляло права на всех своих граждан» и в лице короля «было заинтересовано в благополучии подданных, на плечах которых покоилась структура всего королевства» [5].

Не повезло в буржуазной историографии и свободному крестьянству, хотя именно наличие в Англии XI—XIII вв. этого социального слоя является одним из краеугольных камней в здании английской буржуазной конституционной истории.

То, что в Англии этого периода сохранялось и росло количественно свободное крестьянство, юридически ничем не отличавшееся от свободных держателей, вообще и в том числе от феодалов, издавна служило, прямо или косвенно, важнейшим аргументом как в пользу концепции «народной свободы», так и в пользу теории «антифеодальной» «народной» политики английских королей.

Однако буржуазные историки избегают конкретного анализа взаимоотношений между королевской властью и свободным крестьянством, обычно подменяя его совсем другими вопросами: о юридической природе свободного держания, правовом статусе свободных держателей и об их защите в общем праве и законодательстве. При этом, не делая никакого различия между свободными держателями-феодалами и массой свободного крестьянства, буржуазные исследователи совершенно извращают характер королевской политики по отношению к последнему, так как ошибочно отождествляют все мероприятия королевской власти в защиту «свободного держания» с защитой интересов свободного крестьянства. Впрочем, такой подход к вопросу с их стороны вполне закономерен. Исследование реальных отношений, скрывавшихся под вывеской государственной защиты «свободного держания», как мы покажем ниже, неизбежно приводит к краху обоих традиционных концепций конституционной истории средневековой Англии, как вигской, так и «критической».

Марксистский подход к истории всякого государства, напротив, в первую очередь требует изучения его политики по отношению к эксплуатируемым массам. Поскольку феодальное государство во всех его формах есть аппарат для поддержания господства феодалов над крепостным крестьянством, то классовая сущность всякого феодального государства ярче всего обнаруживается в его политике по отношению к крестьянству и в той позиции, которую оно занимает в основном

[5] P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892, p. 135.

классовом антагонизме феодальной эпохи. Не случайно поэтому именно историк-марксист Е. А. Косминский впервые обратил внимание на эту сторону процесса централизации Англии в XII—XIII вв. Изучая аграрную историю Англии, он впервые в историографии попытался установить связь между ростом феодальной эксплуатации крестьянства в XII—XIII вв. и укреплением центральной власти в стране. Он указал на то, что «стремление феодальных лордов извлекать как можно больше доходов из своих вотчин заставило их крепче сплотиться и укрепить государство как орудие классового господства», а также на то, что в Англии XII—XIII вв. «каждый новый шаг в укреплении государственного и правового порядка означал новый этап в ухудшении положения вилланов» [6].

Для нашего исследования выяснение конкретного характера политики королевской власти по отношению к крестьянству является центральной проблемой. Не решив ее, мы не можем дать правильной оценки последствиям процесса государственной централизации и обнаружить глубокие социальные причины возникновения парламента. Потому что, хотя теоретически для историка-марксиста очевидно, что английское феодальное государство XIII в. действовало как сила, враждебная крестьянству, но конкретные проявления этой враждебности, присущие именно данному государству, далеко невыяснены и требуют специального изучения.

Поскольку до возникновения парламента, а отчасти и в первые десятилетия его существования, верховная власть в стране концентрировалась в руках короля и его аппарата, в центре нашего внимания будет стоять именно политика королевской власти по отношению к крепостному и свободному крестьянству [7].

Но именно эта сторона королевской политики особенно трудно уловима. Ведь в феодальном обществе **«все, что не входит в феодальную иерархию, так сказать, не существует; вся масса крестьян, народа, даже не упоминается в феодальном праве»**[8]. А это значит, что в источниках по истории феодального права и государства лишь с большим трудом можно находить данные, и при том часто довольно отрывочные, по интересующему нас вопросу. Англия в этом отношении не была исключением. Правда, часть класса непосредственных производителей — свободное крестьянство — пользовалась там, во всяком случае формально, защитой общего

[6] Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947, стр. 401.

[7] Вопрос о политике парламента по отношению к этим группам крестьянства рассматривается нами отдельно в гл. VIII.

[8] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X, стр. 280.

права, что облегчает анализ королевской политики в отношении этой группы крестьянства. Но, во-первых, именно эта часть крестьянства составляла его меньшинство, во-вторых, как мы покажем ниже, нормы общего права и королевского законодательства не всегда являлись правильным отражением действительных взаимоотношений между правительством и массами свободного крестьянства.

При всех этих трудностях, однако, можно выяснить основные тенденции политики феодального государства в крестьянском вопросе, если привлечь широкий круг источников и сопоставить между собой их весьма разнообразные данные.

Главные из этих источников следующие: законодательные акты XIII в. [9]; протоколы различных королевских судов [10]; личные королевские письма и распоряжения (Patent rolls и Close rolls), которые направлялись различным должностным лицам в ответ на петиции и жалобы, подаваемые на имя короля [11]; материалы административного расследования 1274—1275 гг. (Rotuli hundredorum 1274) [12], королевские приказы о назначении в графства сборщиков налогов и инструкции относительно раскладки и сбора налогов [13]; наконец, нам пришлось также привлечь трактат Г. Брактона «De legibus et consuetudinibus Angliae», в котором нашла свое наиболее яркое выражение юридическая теория вилланства, окончательно сложившаяся к середине XIII в. [14].

Каждый из этих источников, взятый в отдельности, не может дать полного представления о политике королевской власти по отношению к крестьянству. Но будучи использованными все вместе и в сопоставлении друг с другом, они в целом дают довольно большой материал по интересующему нас вопросу.

Законодательные памятники рисуют общее направление королевской политики XII—XIII вв. Главным недостатком этих источников для нашей цели является то, что, уделяя довольно много места свободному крестьянству, они почти не содержат упоминаний о вилланах. Об отношении законодательства к последним часто приходится судить лишь по кос-

---

[9] Statutes of the Realm, vol. I. London, 1810.

[10] См. ниже.

[11] Close rolls of the reign of Henry III (1227—1272), vol. 1—14. London, 1902—1938; Rotule literarum clausarum, vol. 1—2 (1204—1227). London, 1833, 1844; Calendar of the Close Rolls of Edward I (1272—1288), vol. 1—5. London, 1900—1902.

[12] R. H., vol. I—II.

[13] В издании Parliametary writs and writs of military summons. Record commission, vol. I—II. London, 1827—1834.

[14] H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae. Roll. Series No 70, vol. I—VI. London, 1878—1883.

венным данным. Кроме того, как и вообще все законодательные памятники, английские правительственные постановления XII—XIII вв. несколько статичны, пользуются порой застывшей устаревшей терминологией, а иногда обнаруживают явное отставание от жизни.

Судебные протоколы, административные расследования и королевские распоряжения рисуют факты повседневной жизни, показывая, как реализовались на практике юридические теории и законодательство в отношении крестьянства. Поэтому они содержат гораздо более живой, богатый и разнообразный материал, чем статуты.

Это прежде всего относится к судебным протоколам. В качестве источников для нашей цели все они, при их отмеченных выше достоинствах, имеют тот общий недостаток, что, как правило, не указывают социальный статус истцов и ответчиков в протоколируемых процессах. Его удается установить, и притом не всегда, лишь по случайным и косвенным данным. Нами использованы преимущественно четыре группы судебных протоколов, каждая из которых имеет свои особенности:

1) Протоколы, содержащиеся в известном издании Placitorum Abbreviatio [15], которое представляет собой собрание сокращенных извлечений из протоколов различных центральных и разъездных королевских судов XIII—XIV вв. Эта публикация дает довольно полную картину деятельности королевских судов с точки зрения характера разбиравшихся в них дел. Но протоколы, содержащиеся в Placitorum Abbreviatio, отличаются крайней лаконичностью. В них обычно отсутствует аргументация сторон и запись судебного решения, что затрудняет их использование для целей нашего исследования.

2) «Годичные книги» (Year books) последних лет правления Эдуарда I [16] — записи судебных разбирательств, ведшиеся с конца XIII в. студентами, проходившими в королевских судах своеобразную «судебную практику». Эти записи очень пространны и отличаются, напротив, тщательным протоколированием прений сторон. Однако они имеют тот недостаток, что отражают лишь те разбирательства, которые были наиболее интересны для студентов в качестве судебных казусов. Другими словами, подбор протоколов в «Годичных книгах» носит выборочный и притом субъективный характер. Субъективный подход составителей «Годичных книг» — начинающих юристов к протоколированию судебных процессов

[15] Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum abbreviatio temporibus regum Ricardi I, Henrici III, Edwardi I, Edwardi II. London, 1811.

[16] Year books of the reign of King Edward the First. Roll Series, No. 31. vol. I, II, III. London, 1863—1866.

проявился и в том, что, как заметил еще П. Г. Виноградов, «Годичные книги» сосредоточивают основное внимание «на доводах сторон, замечаниях судей и, относясь равнодушно к внешней рамке дел, опускают и искажают имена, передают фактический материал лишь в набросках и пренебрегают решением, поскольку оно касается фактической стороны дела». Все это несколько затрудняет использование этого интереснейшего источника.

3) Третья группа использованных нами судебных документов — жалобы, подававшиеся во время судебных объездов (bills of eyrs), интересны тем, что, в отличие от обычных исковых заявлений, исходили главным образом от мелкого люда, бедноты, так как они подавались без покупки королевского приказа о начале иска и были более доступны малоимущим людям. Эти жалобы содержат очень яркий материал о повседневной жизни провинциальной Англии XIII в., дают обычно подробное описание обстоятельств дела, сделанное истцом, но очень скупо излагают ход процесса и не всегда сообщают, чем он закончился [17].

4) Наконец, мы пользовались так называемыми «Записными книжками» Брактона [18]. Как известно, этот любопытный источник представляет собой собрание протоколов, скопированных, по выбору и указанию Брактона, из официальных протоколов различных королевских судов первой половины XIII в. [19]. «Записные книжки» служили Брактону подготовительным материалом при написании его знаменитого трактата, и естественно, что выбранные им для этой цели протоколы отличаются большой подробностью, тщательно фиксируют все обстоятельства дела, доводы сторон и решение суда. Однако, с другой стороны, материал, собранный Брактоном, так же как материал «Годичных книг», носит выборочный характер, так как содержит лишь примеры различных судебных казусов, интересовавших Брактона, как юриста. По этим записям трудно судить, какого рода иски, в частности между феодалами и крестьянами, были наиболее обычными, какие из зафиксированных здесь тяжб были исключением, случайностью.

Королевские личные письма и распоряжения по общим и, в частности, финансовым вопросам, дополняют материал судебных протоколов и законодательства и отчетливо выяв-

[17] Select bills in Eyre 1292—1333. Selden Society publication, vol. 30. London, 1914.

[18] Bracton's Note book edited by F. W. Maitland, vol. I, II, III. London, 1887.

[19] Подробную характеристику этого источника см. во введении Мэтланда к публикации «Bracton's Note book», vol. I.

ляют основные линии политики правительства по отношению к крестьянству. К сожалению, однако, здесь, как и в законодательстве, сравнительно мало материала, касающегося специально вилланов.

Материалы административного расследования 1274—1275 гг., известные под названием Сотенных свитков 1274 г., достаточно хорошо изучены и не нуждаются в специальной источниковедческой характеристике [20]. В данной главе мы использовали в основном материалы этого расследования, касающиеся произвола и коррупции королевского чиновного аппарата на местах.

Знаменитый юридический трактат Брактона по своему характеру значительно отличается от всех остальных перечисленных нами выше источников. Его никак нельзя отнести к официальной документации, тем более в нем нельзя видеть юридическую систему, официально санкционированную королевской властью и ее аппаратом. Да и по своему содержанию теория вилланства Брактона далеко не охватывает всех вопросов вилланской политики феодального государства XIII в., так как в основном трактует лишь взаимоотношения между вилланами и их лордами. Все это может поставить под сомнение правомерность использования трактата Брактона для нашей цели. Решение этого вопроса всецело зависит от общей оценки юридической теории вилланства и ее взаимоотношений с реальной действительностью Англии XIII в.

Большинство буржуазных исследователей склонялось к мнению, что эта теория представляла собой развитие определенных юридических принципов, большей частью заимствованных из римского права и мало связанных с реальными отношениями действительности XIII в., а потому часто противоречивших ей [21]. По мнению Д. М. Петрушевского, теория вилланства даже представляла ход социального развития страны в «совершенно извращенном виде» [22].

При такой постановке вопроса теория вилланства Брактона, конечно, не может рассматриваться как источник по истории вилланства и его взаимоотношений с феодальным государством. Однако мы придерживаемся в этом вопросе другой

---

[20] Их подробному анализу посвящены две работы Э. Кэм (H. Cam. Studies in the hundred rolls. Oxford, 1921; The hundred and the hundred rolls. London, 1930). Краткая характеристика этого источника имеется также в неоднократно цитированном выше исследовании Е. А. Косминского, стр. 53—54.

[21] P. Vinogradoff. Collected papers, vol. I, pp. 125, 126.

[22] Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1914. стр. 266.

точки зрения, наиболее отчетливо выраженной советским историком Е. А. Косминским. Его точка зрения сводится к тому, что юридическая доктрина вилланства вообще и у Брактона в частности хотя и не всегда точно отражала действительное положение вилланов в английском феодальном обществе, но являлась выражением вполне реального стремления феодалов XIII в. усилить нажим на крепостное крестьянство. Именно это стремление, а не только слепая приверженность к римской традиции, побуждало юристов XIII в. искать образцов в римском праве. Провозглашение виллана рабом, а его имущества собственностью его лорда должно было облегчить феодалам максимальную эксплуатацию крепостных крестьян в новых экономических условиях. По словам Е. А. Косминского, «прямолинейное приложение к феодальной действительности римских понятий собственности и рабства было в действительности борьбой господствующего класса за повышение феодальной эксплуатации, за повышение феодальной ренты» [23]. Поэтому при всей своей внешней отвлеченности теория вилланства XIII в. не оставалась только теорией. Она опиралась на авторитет королевских судов, на всю мощь феодального государства [24].

В нашу задачу не входит всесторонний анализ юридической теории вилланства. Эта тема еще ждет своего исследователя-марксиста, который рассмотрит этот вопрос во всех деталях. Однако изучение разнообразных источников XIII в. убеждает нас в правоте Е. А. Косминского. Все эти источники показывают, что юридическая теория вилланства развивалась одновременно и в тесном взаимодействии с общим правом и королевским судебным аппаратом. Она основывалась на практике королевских судов, впитывала в себя нормы общего права и, наоборот, воздействовала на деятельность судей, на представления общего права и законодательства по этому вопросу [25]. Более того, она росла и развивалась вместе с ростом централизации, так же как и общее право. Ибо только в централизованном государстве с его системой судов и общегосударственным правом было возможно развитие такой всеобъемлющей, всесторонне разработанной теории вилланства. Поэтому в известном смысле эта теория может рассматриваться как своего рода параллель общего права и практики королевских судов, как выражение, хотя и недоста-

---

[23] Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 408.

[24] Там же.

[25] Сам Брактон, будучи долгое время судьей Суда королевской скамьи, все основные положения своего трактата, в частности, в вопросе о вилланах, аргументировал, как известно, прецедентами из судебной практики.

точно точное и полное, отношения феодального государства к вилланской проблеме [26].

Конечно, было бы предпочтительнее для нашей цели использовать более прямые данные законодательства и «общего права». Однако, как уже было отмечено, в законодательстве XIII в. почти отсутствуют упоминания о вилланах. Трактовка же вилланской проблемы в прецедентном «общем праве» может быть вскрыта только на материале судебных протоколов, который, как мы видели, носит сугубо фрагментарный, отрывочный характер. Более или менее систематическое изложение основных принципов «общего права» в вилланском вопросе мы можем обнаружить только в трактате Брактона. Вот почему нам пришлось привлечь к нашему исследованию и этот источник, который мы используем, учитывая отмеченные выше его недостатки и постоянно проверяя его данные с помощью материалов других источников.

§ 1. Позиция законодательства, общего права и королевских судов по отношению к вилланству и классовой борьбе в деревне в XIII веке

В английском законодательстве этого периода почти совершенно отсутствуют упоминания о вилланах. Прямые упоминания о них мы находим только в ст. 20 Великой хартии вольностей и в ст. 6 I Вестминстерского статута, причем обе они трактуют один и тот же вопрос о запрещении штрафовать вилланов за счет их плуговой запряжки (wainagium). Очевидно, во всех других отношениях вопрос о положении вилланов в системе английского феодального государства и права был настолько ясен, что не требовал дополнительного регулирования в законодательстве.

Однако уже одно это умолчание о вилланах очень красноречиво. Исключая из-под действия общегосударственных законов все, что относилось к имущественным интересам вилланства, к их правам и обязанностям, королевская власть со времен Генриха II как бы подчеркивала свое нежелание вмешиваться во взаимоотношения между феодалом и вилланом, предоставляя им самим решать возникавшие между ними спорные вопросы. Если в судебных ассизах Генриха II, обеспечивших защиту свободного держания в королевских судах, ни слова не говорилось о вилланах, само собой понятно, что последние ставились вне защиты этих судов и об-

[26] Ниже мы покажем поразительные совпадения в трактовке взаимоотношений между вилланами и феодалами в практике королевских судов и в юридической теории вилланства Брактона.

щего права. Если в ассизе о вооружении 1181 г. к несению военной службы обязывались только **свободные люди** [27], то ясно, что вилланы были лишены права иметь у себя вооружение и служить в королевском войске. Более того, это молчаливое, но весьма последовательное исключение вилланов из всех привилегий общего права означало фактически законодательное закрепление их полного бесправия в феодальной Англии. В этом смысле судебные и военные реформы Генриха II, при всей их несомненной политической прогрессивности, резко разграничив крепостных от свободных людей, дали первое общегосударственное правовое основание для усиленного феодального нажима на крестьянство, в котором так заинтересован был господствующий класс Англии в XII—XIII вв [28].

Лишая вилланов своей защиты, стоя формально на позициях «невмешательства» во взаимоотношения между ними и феодалами, государство действовало в интересах последних, предоставляя им возможность осуществлять феодальную эксплуатацию вилланов в той форме и степени, в какой это было для них возможно и выгодно. Этот принцип «невмешательства», лежавший в основе всего королевского законодательства XII, а затем XIII в., получил в общем праве название «исключения вилланства» (exceptio villenagii). В широком смысле слова «исключение вилланства» означало исключение вилланов из-под действия общего права вообще. Этим принципом руководствовалось общее право, законодательство и королевские суды в решении всех классовых конфликтов, возникавших в XIII в. между феодалами и крепостными крестьянами.

XIII столетие в истории Англии характеризовалось значительным обострением классовой борьбы, которая принимала самые различные формы [29]. Под влиянием развития товарно-денежных отношений все более углублялось свойственное феодальному строю противоречие между монопольной собственностью класса феодалов на землю и личной трудовой собственностью крестьян, и прежде всего вилланов, на их хозяйство и орудия труда. На этой почве уже в XIII в. учащаются столкновения из-за владельческих прав вилланов на их наследственные наделы, которые часто решительно оспаривались собственниками земли — их лордами. В этих случаях

---

[27] «Et praecipit rex quod nullus recepietur ad sacramentum armorum nisi liber homo». Select charters. Oxford, 1874, p. 156.

[28] Эта сторона реформы Генриха II впервые была подмечена советским историком Е. А. Косминским в его «Исследовании по аграрной истории Англии XIII в.», стр. 402.

[29] См. стр. 46, а также стр. 312—316.

общее право и королевские суды широко пользовались принципом exceptio villenagii, который в более узком и специальном смысле означал непризнание за вилланом защищаемых законом прав на его земельное держание как против своего, так и против всякого другого лорда.

Впервые прокламированный еще в судебных реформах Генриха II, этот принцип был подробно аргументирован Брактоном в тех разделах его трактата, где речь идет о праве тяжущихся сторон отводить иски в процессах по так называемым владельческим ассизам (о смерти предшественника, о новом захвате и др.). Во всех этих случаях в качестве основного повода для отвода иска Брактон указывает вилланское состояние истца [30]. При этом он исходит из того, что виллан не может иметь никакого имущества, в том числе и земельного, которое не было бы собственностью лорда [31]. Этот же принцип лежал в основе всего законодательства XIII в., которое тщательно оговаривает, что все его постановления, регулирующие судебную процедуру по земельным искам, относятся только к свободным держателям и свободному держанию.

Принцип exceptio villenagii далеко не являлся фикцией. Он находил широкое и повседневное применение в практике королевских судов и определял их линию по отношению к держательским правам вилланов. В тех весьма немногих случаях, когда виллан апеллировал в королевский суд с жалобой на захват земли со стороны своего лорда, его иск немедленно аннулировался, если лорду удавалось доказать, что истец является вилланом. Последний при этом штрафовался за ложную жалобу [32].

Часто вилланский статут истца доказывался весьма косвенными данными. Так, в 1220 г. некий Гуго де Гундевиль привлек к суду Хамелина сына Радульфа для ответа, «почему он возбудил ассизу о новом захвате против него — своего господина в отношении держания в Pinpre, хотя он является его вилланом и признал себя вилланом его отца в царствование короля Джона в присутствии разъездных судей». Хамелин отрицал свой вилланский статус и то, что он признал себя

---

[30] «...praeterquam contra verum dominum sub cujus fuerint potestate quia contra ipsum non tenet assisa novae disseisinae, nec mortis antecessoris, quia licet servus sub potestate constitutus, prima facie habeat querelem, vel actionem, dominus contra eum habet competentem **exceptionem servitutis** et servus nullam replicationem». (Bracton. De legibus, vol. I, p. 196). То же самое в отношении ассизы о смерти предшественника, ср. Bracton, De legibus... vol. IV, p. 276.

[31] Ср. Bracton, ibidem, vol. I, p. 196.

[32] Pl. Abbr., p. 117; Bracton's Note book, vol. II, p. 279, No 334; Ibidem, vol. II, pp. 55—56; Ibidem, vol. III, pp. 46—48, 51, 364—365, 664, 665.

вилланом в суде. Но так как в протоколах первого разбирательства было записано, что он в иске с третьим лицом признал себя держателем in villenagio, суд в 1221 г. безоговорочно признал его виллаином и аннулировал возбужденный им иск о новом захвате [33].

В другом случае (1225 г.) королевский суд признал незаконным притязания истца на ассизу о новом захвате только на том основании, что он купил свое держание у виллана и, таким образом, вступил во владение через посредство виллана [34]. Незначительное количество тяжб такого рода с участием вилланов свидетельствует о том, что последние, как правило, даже не обращались в королевские суды. Сюда, очевидно, попадали иски лишь тех вилланов, которые имели сколько-нибудь веские основания претендовать на статус лично свободных. Практически лорд, если хотел, мог безнаказанно лишить виллана его держания, и это отнюдь не считалось незаконным, согласно общему праву. Так, в 1268 г. крестьяне-держатели Джекоба де Пэйнтон пожаловались в королевский суд, что, хотя они являются свободными сокменами и всегда несли лишь определенные повинности, лорд «выгнал их с их держаний» (de terris suis ejecit) и, требуя с них бóльших повинностей, чем следует, «не разрешает им выделять вдовью часть из их земель для своих жен, или дарить или продавать свои земли». Ответчик утверждал, что истцы являются вилланами. Дело было решено в пользу лорда — иск вилланов аннулирован, и тем самым было санкционировано право лорда распоряжаться их держаниями [35].

Таким же образом был отведен иск держателей Рожера Биго в маноре Alvergate, которые обвиняли своего лорда в разрушении их домов. Здесь основанием для отвода иска послужило то, что статус сокменов, на который претендовали крестьяне, еще ими не доказан, и поэтому граф не обязан им отвечать по суду [36]. Другими словами, суд признал право лорда разрушать жилища и усадьбы своих держателей — вилланов.

Не менее характерно в этом отношении решение суда по иску вилланов Петера де Невилля (манор Wytecock), разбиравшемуся в 1267 г. Истцы жаловались, что «Петер, утверждая, что держатели господина короля в этом маноре являются вилланами, а не сокменами господина короля, выгнал их из домов и незаконно задерживает их имущество к их большому ущербу, которого господин король не должен и не может тер-

[33] Bracton's Note book, vol. III, p. 364.
[34] Ibidem, vol. II, pp. 546—547.
[35] Pl. Abbr., p. 177.
[36] Ibidem, p. 270.

петь»[37]. Иск вилланов был признан неосновательным, и они были оштрафованы за ложную жалобу.

Таким образом, на практике феодал мог беспрепятственно лишить виллана его держания, если это было ему почему-либо нужно, не опасаясь никаких санкций общего права и королевских судов[38].

Проявлением активной защиты феодальной земельной собственности со стороны королевской власти, общего права и судов являлась позиция, занятая ими по вопросу об общинных угодьях, которые с начала XIII в. являлись одним из главных объектов классовых конфликтов в английской деревне. Феодалы вели активное наступление на общинные земли, которое означало значительное сокращение общинных прав крестьянства и прежде всего вилланства. Вилланы упорно сопротивлялись этому наступлению.

Феодальное государство и общее право активно содействовали стремлению феодалов к захвату общинных земель, утверждая их феодальное право собственности на эти земли в ущерб общинным правам вилланов. Характерно, что до начала XIII в. этот вопрос об общинных угодьях не ставился ни в общем праве, ни в законодательстве и решался, очевидно, по «обычаю манора» на местах. Однако в XIII в. государство уже не могло оставаться в этом вопросе целиком на позициях невмешательства ввиду тех острых классовых столкновений в деревне, которые все чаще и чаще стали происходить на этой почве. Оно начинает все более активно поддерживать феодалов в этом вопросе, утверждая в законодательстве и в общем праве их исключительное право собственности на эти земли в ущерб законным правам вилланов.

В английском общем праве в конце XII и в первой половине XIII в. вопрос об общинных правах крестьян-держателей и лорда манора не нашел единого определенного решения. Даже Брактон, с одной стороны, рассматривает «общинные права» земельных держателей как «сервитут», то есть как право пользоваться чужой землей по условиям основного земельного держания — пахотного надела[39], с другой стороны, признает

---

[37] Ibidem, p. 161.

[38] В XIII в. сгон вилланов с земли был сравнительно редким явлением. Но отнюдь не потому, что общее право защищало земельные права вилланов. В период преобладания на вилланских держаниях отработочной ренты феодалы, как правило, сами не были заинтересованы в том, чтобы сгонять их с земли и лишать тем свое хозяйство основной рабочей силы. Эта мера чаще всего практиковалась в качестве средства нажима на крестьян, отказывавшихся платить повышенную ренту и т. п.

[39] H. Bracton. De legibus.., vol. I, p. 84; vol. III, pp. 372, 374, 484, 488, 492, 494, 570; vol. IV, pp. 358—359.

возможность нераздельного владения землей (пастбищами, лесами, недрами и т. д.) [40] и допускает существование такого коллективного совладения на основании «соседства» или давности владения [41]. Тем самым он одновременно признает право собственности лорда на общинные угодья и право общины совладельцев на эти же земли. Это противоречие, очевидно, отражает противоречие самой жизни и ту борьбу, которая на протяжении XIII в. шла вокруг общинных угодий. Ведь не только в теории, но и в реальной действительности лорды маноров претендовали на исключительное право собственности на общинные земли, а крестьянские общины, опираясь на обычай общины, права соседства и давность владения, отстаивали свои права на свободное пользование общинными землями. И Брактон вынужден был в какой-то мере признать эти права.

Однако это вовсе не значит, что общее право защищало общинные права вилланов.Брактон настойчиво подчеркивает принадлежность общинных прав исключительно фригольду. Всюду, где он говорит об общинных правах и об их защите в суде, он обязательно связывает их с фригольдом [42] и подчеркивает, что иски о нарушении общинных прав должны рассматриваться, как иски о свободных держаниях [43].

Что касается вилланов, то о них вообще не упоминается в разделах трактата, посвященных вопросу об общинных угодьях. Из этого, очевидно, следует, что юридическая теория не признавала за ними никаких общинных прав и что на них не распространялись оговорки насчет прав соседей и права давности пользования. Здесь, как и во всех вопросах, связанных с земельными владениями вилланов, царил принцип exceptio villenagii. Тот же принцип определял тенденцию и королевского законодательства в этом вопросе.

Вопрос об огораживаниях общинных земель дважды в течение XIII в. был предметом государственного регулирования — в 1236 г. в Мертонском статуте, и в 1285 г. — в 46 ст. II Вестминстерского статута. И в том и в другом случае государство регулировало только отношения между феодалами-огораживателями и их свободными держателями — рыцарями и простыми фригольдерами, за которыми оба статута в полном соответствии с юридической доктриной признавали право иметь столько пастбищ, «сколько полагается при их держаниях» [44]. Это видно как из мотивировки издания обоих ста-

---

[40] Ibidem, vol. III, p. 372.
[41] Ibidem, pp. 366, 374, 486.
[42] Ibidem, pp. 486, 576; vol. IV, pp. 358—359.
[43] Ibidem, p. 386.
[44] Мертонский статут, ст. IV. Statutus, vol. I, p. 2.

тутов[45], так и из того, что потерпевшие от огораживаний держатели могли защищать свои права по ассизе о новом захвате, которая, как известно, была применима только в исках о свободных держаниях[46]. О правах вилланов на общинные земли оба статута даже не упоминают. Зато 46 ст. II Вестминстерского статута возлагает ответственность за возможное разрушение изгородей и рвов на огороженных участках на жителей соседних деревень, очевидно вилланов, признавая тем самым факт сопротивления огораживаниям с их стороны[47].

Таким образом, феодальное государство, по мере распространения огораживаний все больше и больше утверждало право на них за лордами-захватчиками. При этом, если статуты в какой-то мере защищали общинные права свободных держателей, они совершенно игнорировали права вилланов, фактически предоставляя лордам самим решать вопрос о том, оставить или не оставить им общинные угодья.

Правительственные постановления XIII в. об огораживаниях особенно интересны тем, что они представляют разительный пример враждебности феодального государства по отношению к вилланам, хотя и скрытой под маской «невмешательства». Оба эти постановления по сути дела базируются на принципе exceptio villenagii и стоят на почве невмешательства в вопросе о пользовании общинными угодьями. Но за этим умолчанием о правах вилланов скрывается санкция на сокра-

---

[45] «Многие магнаты Англии, сдавшие в своих больших манорах мелкие держания в феод своим **рыцарям и свободным держателям** жаловались, что они не могут извлекать выгод из остальных частей своих маноров, как-то: из пустошей, лесов и пастбищ, — в то время, как у тех, кто получил землю в феод, имеются достаточных размеров пастбища и т. д.» (Мертонский статут, Statutus, vol. I, p. 2. Подчеркнуто нами. — *Е. Г.*). Во II Вестминстерском статуте регулируются отношения между лордами-огораживателями и их соседями, т. е., очевидно, также свободными держателями или даже другими феодалами (II Вестминстерский статут. Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 89).

[46] «...в виду этого постановлено и соизволено, чтобы всякий раз, когда такие держатели феодов возбудят ассизу о новом захвате по поводу нарушения своих общинных прав на пастбищах и т. д...» (Мертонский статут — Statutes, vol. I, p. 2). «Не следует впредь возбуждать ассизу **о новом захвате** общинного пастбища против тех, кто построит ветряную мельницу, овчарню, коровник, расширит усадьбу или двор». (II Вестминстерский статут. Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 89. Подчеркнуто нами — *Е. Г.*).

[47] «И если случится, что кто-нибудь, имеющий право производить улучшения, построит изгородь или ров, а кто-нибудь ночью или в др. время, которое им покажется удобным для скрытия их преступления, уничтожит эту изгородь или ров и нельзя будет выяснить, с помощью вердикта ассизы или присяжных, кто это сделал, и жители **соседних деревень** не захотят указать виновных в этом поступке, то ближайшие деревни будут принуждены восстановить ров или изгородь за свой счет и заплатить издержки». (Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 89. Подчеркнуто нами. — *Е. Г.*).

щение фонда общинных земель, используемых вилланами, то есть мера, прямо враждебная последним.

Юридическая теория и законодательство в этом вопросе также не были фикцией. Мы покажем ниже, что королевские суды не разбирали вилланских исков против огораживателей, а в случаях классовых столкновений на этой почве неизменно становились на сторону лордов-огораживателей в полном соответствии с Мертонским и II Вестминстерским статутами.

Феодальное государство защищало не только монополию феодальной собственности на землю, но и собственность феодалов на личность непосредственных производителей. В XIII в. на почве общего обострения классовых противоречий в английской деревне усиливается борьба вилланов за личное освобождение. Вилланы стремятся освободиться от личной крепостной зависимости; феодалы, особенно крупные, в своем стремлении повысить ренты и в частности барщину, напротив, стараются укрепить свою власть над крепостными крестьянами, возвратить в манор беглых и ушедших на заработки вилланов, усилить зависимость промежуточных групп крестьянства, иногда — закрепостить живущих на их земле мелких фригольдеров.

Позиция феодального государства в этом вопросе также была достаточно ясна и недвусмысленна. Правда, в законодательстве XII—XIII вв. вопрос о личном статусе вилланов даже не ставился, но зато юридическая теория решала его весьма «радикально», приравнивая виллана к рабу и пользуясь для его обозначения термином «servus» [48].

Брактон указывает, что люди делятся на свободных и рабов, и что каждый человек является или свободным или рабом [49]. При этом он постоянно подчеркивает именно личный специфически рабский характер зависимости виллана от его господина, в частности то, что наличие у человека вилланского держания отнюдь не делает его вилланом [50]. Согласно Брактону главным источником рабства является происхождение от несвободных родителей (или одного из них) [51], или официальное признание самим человеком своего вилланского статуса в королевском суде [52]. Лорд теряет свои права на личность раба-виллана только в случае его отпуска на волю или в случае его естественной смерти [53].

---

[48] H. Bracton. De legibus, vol. I, pp. 28—32, 35, 42.
[49] Ibidem, p. 28.
[50] «...quia ei cui liber est villenagium vel servitium nihil detrahit libertatis» (Ibidem). Аналогичное утверждение см. ibidem, vol. III, pp. 284, 300.
[51] Ibidem vol. I, pp. 30—32.
[52] Ibidem, pp. 30—32.
[53] Ibidem, p. 42.

Как известно, однако, это декларативное приравнивание виллана к римскому рабу и у Брактона и у других юристов XIII в. обставлялось некоторыми оговорками. Первая из них касалась прав лорда распоряжаться личностью своего виллана. Согласно Брактону, некогда господин мог распоряжаться свободно жизнью и смертью своих рабов [54], и поэтому даже состояние рабства приравнивалось к гражданской смерти. Но теперь эта власть «ограничена гражданским правом, так что жизнь и члены (рабов. — *Е. Г.*) находятся во власти короля, и если кто убьет своего раба, наказывается не меньше, чем если убьет чужого раба, и в этом отношении закон против них» [55]. Отсюда, по мнению Брактона, вытекает право виллана (не вяжущееся с его рабским положением) лично возбуждать иск в королевском суде против лиц, причинивших ему увечья или побои, и даже против своего лорда в случае, если дело идет о жизни виллана или грабеже его имущества [56]. Виллан может возбудить против своего лорда также иск по обвинению в измене по отношению к королю [57]. Однако в других отношениях Брактон допускает свободное распоряжение личностью виллана со стороны лорда, под властью которого он находится. Виллан считается находящимся под властью лорда (sub potestate dominorum) как тогда, когда живет в его маноре, так и в тех случаях, если он живет в другом месте в качестве ремесленника, торговца, наемника (mercenarius) или странствует по стране, но время от времени возвращается в манор и платит поголовный налог (chevagium) [58]. Но даже в случае прекращения уплаты этого налога и отказа возвращаться в манор, когда виллан считается «беглым» (fugitivus), лорд сохраняет свои права над ним, если он немедленно начал его преследовать и не прекращает своих преследований до его поимки. Никто не должен чинить ему препятствий в этом преследовании, и он может в этом случае захватить виллана, где бы он ни нашел его, и насильно вернуть в свой манор.

Аппарат феодального английского государства издавна стоял на страже интересов феодального класса и в этом вопросе. Уже в Кларендонской ассизе Генриха II (1166) имеются статьи, направленные против «бродяг» (vaivus, vagus). 15 ст. этой ассизы запрещает горожанам давать убежище в городе таким «бродягам» более чем на одну ночь [59]; ст. 16 предписывает после указанного срока арестовывать таких

[54] Ibidem, p. 42.
[55] Ibidem.
[56] Ibidem, vol. II, p. 547.
[57] Ibidem.
[58] Ibidem, p. 48.
[59] Select charters. Oxford, 1874, p. 145.

«бродяг» и держать до тех пор, пока не явится их господин, чтобы взять их на поруки [60]. Под этими «бродягами», очевидно, нужно подразумевать в первую очередь крепостных, бежавших в города и скрывавшихся там от преследований своих лордов. Королевская власть в данном случае под видом борьбы с уголовными преступниками пыталась обеспечить феодалам возможность скорейшей поимки беглых вилланов.

Такую же функцию защиты прав собственности феодала на личность его вилланов и в XII и в XIII вв. в значительной мере выполняла так называемая система свободного поручительства, усиленно насаждавшаяся и укреплявшаяся центральным правительством. Вполне допуская дофеодальное происхождение этой системы круговой поруки, как одной из общественных организаций свободной общины, на котором настаивает П. Г. Виноградов, мы не можем согласиться с ним в оценке ее роли в XIII в. как признака «полноправия» вилланства [61]. Разделение всего сельского населения и в том числе вилланов на десятки, связанные круговой порукой, все члены которых должны были отвечать друг за друга, формально служило для борьбы с уголовными преступлениями. На деле же для вилланов эта система означала контроль за их пребыванием в маноре и еще более затрудняла уход из него. Если при проверке десятков свободного поручительства, проводившейся бейлифом сотни или самим феодалом, обнаруживалось отсутствие того или иного члена десятка — виллана, — немедленно принимались меры к его возвращению в манор. Наличием этой установленной государством системы пользовались сплошь и рядом манориальные курии для возврата в манор вилланов, ушедших на заработки в города или другие маноры [62].

В этом же направлении действовали и могли использоваться в интересах феодалов правительственные постановления об объявлении вне закона лиц, скрывавшихся от судебных разбирательств. Наиболее известен из них «Ордонанс о дубинщиках», 1305 (Ordinatio de trailbaston) [63], как бы изгонявший из общества таких беглецов и толкавший их на путь разбоев и грабежей. Хотя это и подобные ему постановления имели в виду не только вилланов, но и лично свободных людей, но естественно предположить, что они служили также одним из

---

[60] Ibidem.

[61] P. Vinogradoff. Villainage in England. Oxford, 1892, p. 66.

[62] Select pleas in manorial and other seignorial courts. Selden society, vol. 2. London, 1889, passim.

[63] R. P., vol. I, p. 178. Под «дубинщиками» ордонанс понимает всяких «нарушителей закона», главным образом грабителей.

средств сыска беглых вилланов, скрывавшихся в лесах или в других манорах.

Так, защищая интересы феодалов, государство под флагом охраны мира и порядка в стране боролось с побегами крепостных крестьян, открывавшими им один из путей к освобождению.

Практика королевских судов опиралась в вопросе о статусе вилланов на основные положения юридической доктрины XIII в. Прежде всего королевские суды являлись именно той инстанцией, которая в соответствии с теорией Брактона утверждала и санкционировала факты закрепощения крестьянства. И в Pl. Abbreviatio, и в Year books, и в «Записных книжках» Брактона в большом количестве встречаются случаи, когда люди являются в курию и признают свою личную вилланскую зависимость от того или иного лорда [64]. Очевидно такого рода признания были результатом предварительного судебного или административного нажима на виллана. Во многих случаях эти признания носили массовый характер. Так, в 1288 г. все держания в маноре Hemelhempshed в Хертфордшире были признаны в суде вилланскими [65]. В 1285 г. вилланами аббата Уолтхемского признали себя многие держатели (diversi homines) манора Massing (в Эссексе) [66]. В 1289 г. в манорах Уэстбертон Бэри в Сессексе одновременно признали себя вилланами аббата Фискампо 8 держателей [67], в маноре этого же аббата Стэннинг (Сессекс) в 1287 г. признали себя его вилланами 31 держатель [68], в его маноре Эклесден также поступило еще несколько крестьян [69].

Что означало на практике признание себя вилланом в королевском суде очень ясно выразил судья Брамптон, когда сказал лорду, выигравшему подобное спорное дело: «Возьми его за шиворот, как своего виллана, и владей им и всем его потомством» [70].

Еще резче тенденция «к рабству», но отнюдь не к «свободе», выступает в исках о статусе, которые, как правило, предшествовали вышеупомянутым признаниям вилланского статуса. Обыкновенно такие тяжбы возникали как дополнительные иски (иски de libertato probando или de nativo) в связи с тяжбами о земельных держаниях или о размерах повинностей.

---

[64] Pl. Abbr., pp. 188, 207, 214, 215, 217, 218, 220, 229, 265, 280, 282. Year books, vol. I. London, 1863, p. 200. Bracton's Note book, vol. II, pp. 284—285, 455, vol. III, pp. 75, 625.

[65] Pl. Abbr., p. 215.

[66] Ibidem, p. 207.

[67] Ibidem, pp. 218, 220.

[68] Ibidem, p. 214.

[69] Ibidem.

[70] Year books, vol. I, p. 200.

Для того, чтобы отстоять свое право на держание или на определенность повинностей, крестьянин должен был доказать, что он лично свободен. Напротив, лорд, отнявший у виллана его держание или повысивший повинности, должен был для оправдания своих действий доказать обратное. Следует заметить, что специальные тяжбы такого рода в королевских судах были довольно редким явлением [71]. Ни в Pl. Abbr., ни в Year books времени правления Эдуарда I такие случаи нам не встретились. Они довольно часто встречаются лишь в «Записных книжках» Брактона. Небольшое количество подобных исков в практике королевских судов очевидно объяснялось тем, что они попадали сюда лишь в тех случаях, когда манориальные курии не могли их разрешить в удовлетворительном для лорда плане и требовалось вмешательство королевского суда. Это вмешательство в большинстве случаев оказывалось не в пользу вилланов. Из 13 тяжб такого рода, приведенных в «Записных книжках» Брактона, 9 решено в пользу лордов [72], по двум решение неизвестно [73], и только в одном случае крестьянин был признан лично свободным [74].

Обращает на себя внимание также и то, что в тех случаях, когда у суда не было прямых указаний на вилланский статус крестьянина (наличия родственников-вилланов), судьи искали аргумента в пользу вилланского статуса в характере повинностей крестьянина, в том, например, что он выполнял барщину, платил меркет, гериет, талью, хотя такого рода повинности не всегда были обязательно связаны с его личной несвободой. На этом было основано признание несвободы вилланов Генри де ла Мар в маноре Shepperugge (1237) [75], а также вилланский статус крестьянина Вильяма сына Андрея в его тяжбе с Аббатом де Белло (Battle Abbay, manor Crounsmarch) [76].

В соответствии с юридической теорией XIII в. королевские суды действовали и в тяжбах о личной неприкосновенности вилланов. В рассмотренных нами судебных протоколах ни разу не встречались теоретически допускавшиеся Брактоном иски вилланов против их лордов по поводу избиения или истязания. Возможно, конечно, что такого рода иски тонули в массе уго-

---

[71] Мы имеем в виду тяжбы, где вопрос о статусе решался особо, вне связи с вопросом о повинностях или характере держательских прав крестьянина.

[72] Bracton's Note book, vol. II, pp. 62—63, 233, 284—285; vol. III, pp. 47—48, 244—245, 625, 630, 664—665.

[73] Ibidem, vol. II, pp. 62—63, 80.

[74] Ibidem, vol. III, pp. 180—181.

[75] Ibidem, No. 1894.

[76] Ibidem, p. 244—245.

ловных процессов, в которых обычно не указан статус тяжущихся. Однако, скорее можно предположить, что на практике такие иски были редким явлением и что судиться с лордом из-за побоев для виллана было сложнее и дороже, чем молча проглотить обиду. В других отношениях личность виллана находилась в полном распоряжении его лорда. Лорд мог его беспрепятственно продать и купить (с землей и без земли) [77], мог свободно его арестовать, заковать в цепи и т. д. только потому, что он являлся его вилланом.

В протоколах различных королевских судов, хотя и довольно редко, встречаются иски вилланов против лордов по обвинению в незаконном аресте. Все эти иски неизменно решались в пользу лорда. Достаточно было последнему заявить, что истец является его вилланом и особенно прибавить, что он бунтовщик (rebellis), чтобы суд беспрекословно оправдал феодала и оштрафовал виллана — за ложную жалобу (pro falso clamore) [78]. Особенно интересен в этом отношении судебный процесс, происходивший на сессии разъездного суда в Шропшире и Стафордшире в конце XIII в. между аббатом де Хэлс (Hales) и несколькими его вилланами, обвинявшими аббата и его администрацию в захвате их движимого имущества и в том, что их незаконно арестовали и держали в тюрьме две недели. Что касается захвата имущества вилланов, то аббат сослался на невыполнение ими обычных повинностей, вопреки ранее состоявшемуся решению королевского суда. Что же касается ареста, то аббат просто заявил, «что так как указанные Джон и другие — его вилланы — не повиновались ему (fuerunt rebelles), то он их схватил и арестовал (inceppavit), как это он имел право сделать в отношении своих вилланов, но

---

[77] В 1237 г. феодал Роберт Дейн в своем маноре в Дербишире подарил своему сыну Самсону 13 вилланов с землей и движимостью. В 1287 г. феодал Генрих Диммок передал по хартии некоему Уилл. Берефорду 1 виргату земли и усадьбу в маноре Уэствитенхаме в Беркшире вместе с вилланом Джоном Гавин, который держал ранее эту усадьбу. (Pl. Abbr., p. 213). В 1324 г. в графстве Дербишир Рожер Vensley подарил Рожеру, своему сыну, манор Вэнсли «с нативами, их движимостью и семьями». Сплошь и рядом вилланы в этом графстве дарились и продавались без земли, что особенно подчеркивает их бесправие. В начале XIV в. в этом графстве, таким образом, было продано трое вилланов (The Victoria history of the counties of England, Derbyshire, vol. II, p. 166). Аналогичный случай имел место в курии аббата Шефтсбери в середине XIII в.: аббат продал одного из своих вилланов со всей его семьей и движимостью (Ibidem, Dorchestershire, vol. II, p. 230). В Уорвикшире в это же время Петер де Уолвертон продал одного из своих крепостных с его движимостью (Ibidem, Warwickhire, vol. II, p. 143).

[78] Pl. Abbr., pp. 246, 282; Year books, vol. I, p. 541; Bracton's Note book, vol. III, pp. 72—75.

что он не заковывал их в цепи и не лил на них воду»[79]. Жюри, вероятно подкупленное, подтвердило эти объяснения аббата. Он был оправдан, а вилланы оштрафованы. В 1302 г. присяжные признали законным арест аббатом де Бекк Джона де Брехюлль только на том основании, что он — «виллан аббата, подлежащий уплате тальи по воле лорда» и был арестован и закован в цепи за неповиновение лорду[80].

Таким образом, королевские суды в соответствии с основными положениями юридической теории вилланства защищали права феодалов на личность их вилланов и способствовали укреплению личной зависимости последних. Буржуазные историки склонны видеть одно из главных внутренних противоречий юридической теории вилланства и ее несоответствие реальной действительности в том, что вилланы приравнивались ею к рабам, но вместе с тем защищались законом от убийства и побоев со стороны феодала[81].

Однако в данном вопросе эта противоречивость носила часто внешний терминологический характер. Охрана английским общим правом жизни и членов виллана, зафиксированная и в самой теории вилланства, противоречила только названию «раб», которым пользовались юристы XIII в. в своих трактатах для обозначения крепостных. Однако она не только не противоречила его действительному положению основного производителя в феодальном обществе, но с предельной ясностью выражала сущность феодальной эксплуатации, в основе которой наряду с собственностью феодала на землю лежала также его **неполная** собственность на работника производства — крепостного, **которого феодал уже не мог убить,** но которого он мог продать и купить[82]. По этой же причине правовая защита жизни вилланов в английском общем праве ни в коем случае не может расцениваться, как тенденция к защите и освобождению крестьянства со стороны феодального государства. Фиксация подобного ограничения феодального произвола по отношению к виллану с необходимостью вытека-

---

[79] Bills of Eyrs, ed. Bolland, Selden Society, vol. 30. London, 1914, p. 26, No. 40. «Et abbas quo ad praedictum imprisonamantum dicit quod quia praedictos Johannes et alii, qui sunt villani sui, fuerunt rebelles, cepit ipse praedictos Johanem et alios et inceppavit sicut ei bene licuit tamquam villanos suos, set quod ipsos in ferro non imprisonavit, nec aquam super ipsos fudit...».

[80] Pl. Abbr. p. 246.

[81] F. Pollock and F. Maitland. History of English law. London, 1898, vol. I, pp. 415, 416, 420, 429 431; P. Vinogradoff Villainage in England. 1892, p. 74; Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1914, стр. 126.

[82] См. И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1952, стр. 595.

ла из самого феодального способа производства и, может быть ущемляя власть отдельных помещиков, была в интересах класса феодалов в целом и входила в прямую задачу феодального государства.

Теперь попытаемся выяснить позицию общего права и королевских судов в вопросе о гарантиях движимого имущества крепостных-вилланов. Развитие товарно-денежных отношений и денежной ренты в XIII в. открывало возможности для образования накоплений в крестьянском хозяйстве. В связи с этим у вилланов растет стремление отстоять свое право собственности на движимость, оградить ее от притязаний феодалов, получить какие-то гарантии того, чтобы имущество, созданное тяжелым трудом, не отнималось бы у него по первому капризу его лорда. С другой стороны, феодалы настаивают на том, что движимость вилланов является их полной собственностью, которой, в случае необходимости, они могут распоряжаться по своему усмотрению. На этой почве в XIII в. также происходят постоянные столкновения между феодалами и вилланами, иногда разбиравшиеся в королевских судах.

Как же они разрешались в общем праве и в судебных процессах?

У Брактона мы находим довольно неопределенный ответ на этот вопрос. Перечисляя случаи, когда виллан имеет право иска против своего лорда, он, кроме убийства и членовредительства со стороны последнего, указывает, что вилланы имеют право взбуждать иск против своего лорда «из-за причиненной им невыносимой несправедливости», так, если лорд настолько разорит их, что они не могут сохранить неприкосновенным свой основной инвентарь (плуговую запряжку — wainagium) [83]. Однако тут же, точно испугавшись, Брактон делает оговорку о том, что это последнее правило о wainagium'е относится только к вилланам старинного домена короны. В отношении же прочих дело обстоит иначе, «так как, когда лорду будет угодно, он может отнять у своего виллана его плуговую запряжку и все его имущество» [84]. Далее Брактон снова подчеркивает, что все имущество, приобретенное вилланом, становится собственностью его господина. Таким образом, юридическая теория вилланства как будто отрицает за вилланом, если не считать привилегированных вилланов старинного домена, право на движимую собственность. Но вместе с тем Брактон все же допускает какие-то права виллана на движимость. Так, в другом месте своего трактата он уже без всяких

[83] H. Bracton. De legibus.., vol. I, p. 42, «...vel proptaer intollerabilem injuriam, ut si eos distruant quod salvum non possit eis esse waynagium suum».

[84] Ibidem.

упоминаний о вилланах старинного домена указывает, что виллан имеет право иска против лорда «в случае жестокой несправедливости, когда дело идет о жизни или членах или **грабеже** (roberia)»[85]. Под «грабежом» со стороны лорда, очевидно, можно подразумевать только захват им движимости виллана. Более того, в вышецитированном месте о wainagium'е Брактон, признав право лорда на захват имущества виллана, добавляет: «Государству, однако, выгодно, чтобы никто не злоупотреблял своей собственностью»[86], как будто намекая на то, что государство в какой-то мере заинтересовано в охране имущественных прав вилланов.

Действительно, в отличие от всех других вопросов, связанных с правовым положением вилланов, вопрос о wainagium'е два раза фигурирует в законодательстве. 20 ст. Великой хартии вольностей[87] и вслед за ней 6 ст. I Вестминстерского статута[88] почти в одинаковых выражениях запрещают королю и его чиновникам отнимать у вилланов их плуговую запряжку в счет штрафов за правонарушения. Однако внимательный анализ этих постановлений показывает, что они вовсе не защищали движимое имущество виллана от посягательств его лорда. Оба они совершенно недвусмысленно обращены против вымогательств государства по отношению к вилланам. Смысл их поэтому заключается вовсе не в защите интересов виллана, а в том, что они представляют своего рода соглашение между феодалами и королем по вопросу о разделе феодальной ренты вилланов. Ст. 20 Великой хартии вольностей, затем воспроизведенная в 6 ст. I Вестминстерского статута, являлась уступкой короля мятежным баронам, но отнюдь не ограничением прав последних в отношении движимой собственности вилланов. Таких формальных ограничений мы не находим ни в законодательстве XIII в., ни в практике королевских судов.

Напротив, в тех случаях, когда в королевских судах (а это было очень редко) рассматривался вопрос о захвате движимости вилланов их лордом, суд всегда исходил из того положения, что движимость виллана принадлежит его лорду. Особенно наглядно это сказывалось в вопросе о праве лорда захватывать упряжной и всякий другой скот виллана в порядке принудительной меры за неуплату повинностей или неявку в курию. Нам достаточно хорошо известны такие факты. То, что

---

[85] Ibidem, vol. I, p. 547.

[86] Ibidem, p. 42.

[87] «et villanus eodem amercietur salvo waynagio suo si insiderit in misericordiam nostram». (Великая хартия вольностей. Памятники истории Англии, стр. 105).

[88] Почти дословное повторение, см. Вестминстерские статуты. М., 1948, стр 12.

они редко фигурируют на страницах протоколов королевских судов, свидетельствует, конечно, не о том, что их не было, но скорее о том, что виллан не мог рассчитывать в этом случае на защиту общего права. Даже те ограничения в захвате wainagium'a, которые были установлены Великой хартией вольностей и I Вестминстерским статутом, были крайне условные и на практике сплошь и рядом нарушались.

В PI. Abbreviatio мы встречаем ряд интересных записей, очевидно, решений по искам вилланов или их лордов против королевских чиновников по поводу захвата плуговой запряжки вилланов. Так, на сессии разъездного суда в Уорвикшире в конце XIII в. по такому иску было принято следующее решение: «Захват скота для плуговой запряжки должен считаться правильным и справедливым, так как вышеуказанный Джон не имел другого скота, кроме скота для плуговой запряжки, и указанный Роберт (бейлиф короля. — *Е. Г.*) не совершил ничего противозаконного и не нарушил мир» [89]. Такое же разрешение вопроса о wainagium'е дается в ст. 12 статута Articuli super Carta (1300), которая гласит: «...отныне король желает, чтобы такого рода аресты на имущество за его долги не налагались бы на скот для плуговой запряжки (per best de caruc), **если человек может представить другое имущество**» [90]. Если, таким образом, вопреки статуту 1275 г., допускался захват плуговой запряжки виллана со стороны государства, то тем более этот статут никак не мог связать феодала [91].

В случаях захвата лордом всякого другого имущества вилланов королевские суды немедленно выносили решения в пользу феодала. Так, в вышеприведенном случае тяжбы между аббатом де Хэлс и его вилланами лорд при помощи вооруженного нападения захватил у виллана Джона, сына Уолтера, кобылу с жеребенком, пшеницу, овес, бобы, медные и деревянные сосуды, дрова, — всего имущества на сумму 10 ф. В королевском суде этот захват был признан законным только на том основании, что этот виллан не выполнял сле-

---

[89] Pl. Abbr., p. 281. «Districtio averiorum de caruca allocatur esse bona racionabilis et justa pro eo quod praedictus Johannes **non habuit averia nisi tantummodo de caruca** sua, nec idem Robertus aliquid facit contra statutum nec contra pacem. Idem Robertus sine die» (подчеркнуто нами. — *Е. Г.*); см. также Pl. Abbr., p. 295.

[90] Statutes, vol. I, p. 139 (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*). Здесь речь идет не только о вилланах, но и о свободных людях.

[91] В доказательство того, что закон защищал права виллана на плуговую запряжку, П. Г. Виноградов ссылается на иски наследников против их опекунов по обвинению последних в том, что они в период опеки разоряли вилланов манора, отнимая у них плуговую запряжку. Но смысл этих исков, конечно, не в защите имущественных прав вилланов, а в защите интересов их лордов, против временных держателей-опекунов (см. P. Vinogradoff. Villainage in England, p. 75).

дуемых повинностей, как заявил аббат [92]. Разъездной суд в Корнуоле в 1302—1303 гг. принципиально признал законным захват госпожей Мод Хейвис трех быков и двух баранов у вилланки Исмей. Спор возник лишь о том, можно ли ее считать вилланкой или нет, так как она 30 лет была замужем за свободным человеком и только после его смерти вернулась в манор [93].

В 1259 г. в королевский суд подал жалобу Ричард Вольф, обвинявший своего лорда Симона Дрепера в том, что он ворвался к нему в дом и захватил его скот «как свою собственность». Ответчик заявил, что Ричард является его вилланом, которого вместе с землей ему подарил аббат Дерфордский, и что он захватил скот с целью принудить Ричарда к выполнению повинностей. Ричард же утверждал, что он свободный человек и не обязан нести требуемые с него повинности. Присяжные заявили, что Ричард всегда был вилланом, Симон Дрепер на этом основании был оправдан, а истец оштрафован за ложную жалобу [94].

Отсутствие правовой защиты движимого имущества вилланов очень ясно видно из того, что в тех случаях, когда в королевском суде иск решался в пользу крестьянина, у которого лорд отнял имущество, такие решения обязательно мотивировались тем, что потерпевший лично свободный человек, хотя бы он держал вилланскую землю [95]. Лорд же захват имущества держателя обычно мотивировал тем, что потерпевший является его вилланом (est villanus suus) и считал этот аргумент вполне достаточным.

О том, что с точки зрения общего права лорд мог свободно распоряжаться движимостью виллана, свидетельствуют также многочисленные факты ограничения торговли вилланов и широкое распространение права крупных феодалов получать движимое имущество своих вилланов, приговоренных королевским судом к смерти или к тюремному заключению за уголовные преступления. Это право являлось составным элементом иммунитетной привилегии, известной под названием «catalla felonum» [96].

[92] Bills of eyr, p. 24, No. 40.

[93] Year books, vol. I, pp. 164—168.

[94] Pl. Abbr., p. 147.

[95] Ibidem, p. 270.— иск Радульфа Хэрварда; ibidem, p. 272 — иск Роберта де Фонте; ibidem, p. 243 — иск Джона, сына Роберта Бэси. Bracton's Note book, vol. II, p. 531.

[96] Например, в 1226 г. разъездной суд осудил на смерть за тяжелые уголовные преступления нескольких вилланов епископа Линкольнского. При этом шериф Нортгемптоншира получил приказ немедленно передать имущество этих вилланов их лорду-епископу (Rotuli literarum clausarum, vol. II, London 1844, p. 116); Привилегия catalla felonum постоянно встречается на страницах Placita de quo warranto.

В буржуазной историографии широко распространено мнение, согласно которому государство при помощи общего права и королевских судов в какой-то мере защищало права вилланов на их движимое имущество. Это мнение опирается на пресловутое правило о wainagium'e, которое рассматривалось еще П. Г. Виноградовым, как проявление тенденции со стороны государства к облегчению гнета, лежавшего на вилланах. «Это упоминание о wainagium'e, — пишет он, — само по себе замечательно и важно и каково бы ни было его первоначальное происхождение, оно указывает на гражданское состояние, которое не вполне совпадает с тенденцией феодального права» [97].

Приведенные выше факты свидетельствуют о необоснованности этой точки зрения. Во-первых, правило о wainagium'e касалось не движимого имущества вилланов вообще, но только одной его части. Вся прочая движимость виллана никак не гарантировалась общим правом и никогда не защищалась королевскими судами. Во-вторых, постановления о неприкосновенности плуговой запряжки постоянно нарушались на практике, а в 1300 г. были снабжены такой оговоркой, которая фактически сводила их на нет (см. выше). Наконец, и это самое главное, «защиту» плуговой запряжки виллана приходится рассматривать не как защиту интересов вилланов, но как отражение борьбы, происходившей внутри класса феодалов за преимущественное право эксплуатации непосредственных производителей и за раздел их ренты. Лорды старались оградить своих вилланов от чрезмерных правительственных штрафов, чтобы расширить границы их эксплуатации в свою пользу; государство, в свою очередь, старалось оградить вилланов от полного разорения со стороны их лордов, чтобы сохранить контингент налогоплательщиков. При этом и государство и феодалы исходили из того реального факта, что без своего основного инвентаря виллан не сможет выполнять лежащие на нем повинности и платежи ни в пользу лорда, ни в пользу государства. В этом смысле правило о wainagium'e в интерпретации как юридической теории вилланства, так и законодательства XIII в. несомненно отражало специфические отношения собственности, лежащие в основе феодальных производственных отношений, — существование при феодализме наряду с феодальной собственностью единоличной собственности крестьянина на его орудия производства и его частное хозяйство, основанное на личном труде.

Поэтому это ограничение права собственности лордов на движимость их вилланов, вопреки мнению Виноградова,

---

[97] P. Vinogradoff. Op. cit., p. 76.

вполне укладывалось в тенденции феодального права. Ведь оно отражало в правовой надстройке одно из существенных отношений феодального базиса, от которого зависела судьба феодального строя и самого господствующего класса.

Однако это отражение отношений базиса в правовой надстройке было весьма неполным и неадекватным, ибо феодальное право по самой своей природе не могло санкционировать какие-либо серьезные ограничения права собственности лорда на движимость его крепостных. Так же как за лордом сохранялось право на арест его виллана, так за ним должно было сохраняться право на захват движимости виллана на случай, если в этом возникала необходимость. В реальной действительности феодал мог не пользоваться этим правом, и тогда виллан фактически являлся собственником своей движимости. Но если лорд выдвигал претензии на это имущество виллана и даже на его плуговую запряжку, то попытки виллана оспорить эти претензии в королевском суде неизменно терпели поражение. В полном соответствии с юридической теорией вилланства, часто в обход правила о wianagium'e, общее право и королевские суды склонялись в пользу лорда. Они также мало защищали движимую собственность виллана, как и его владельческие права на землю.

Так, во всех основных повседневных конфликтах, возникавших между феодалами и вилланами на почве феодальной эксплуатации, феодальное государство при помощи своих судов, опираясь на общее право и законодательство, действовало в интересах господствующего класса как сила, враждебная крепостному крестьянству.

Особенно же ярко эта враждебность обнаруживалась в случае наиболее острых классовых конфликтов, характерных для XIII в., возникавших на почве борьбы за ренту и общинные угодья между феодалами и вилланами [98]. После издания Мертонского (1236), а затем и II Вестминстерского статутов (1285) вилланы не имели никаких шансов добиться защиты своих прав на общинные угодья против лордов-огораживателей законным путем — через суд. Право такого иска сохранялось только за свободными держателями. Для вилланов оставался лишь путь прямого, иногда вооруженного, сопротивления огораживателям.

Сопротивление выражалось в разрушениях изгородей и

---

[98] Подробный анализ общего характера и различных форм классовой борьбы, происходившей в английской деревне XIII в., дан автором в статье «Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII—XIII вв. «Сб. «Средние века», вып. IX, М., 1957.

рвов, которыми лорды окружали огороженные участки, в массовом выпасе крестьянского скота, потраве посевов и покосе травы на этих участках, в порубке леса и порче фруктовых деревьев, посаженных на огороженных землях, в разрушении стен, загораживающих общинные дороги. Совершая подобные «правонарушения», крестьяне, как явствует из их обычных объяснений на суде, считали, что они опираются на «обычай манора», обвиняя огораживателей в его нарушении.

Только по данным Placitorum abbreviatio, для времени правления Эдуарда I можно насчитать до 60 судебных тяжб в связи с подобными правонарушениями [99]. По данным ряда других источников, их можно насчитать значительно больше — 116 [100]. В действительности такие проявления открытой классовой борьбы в конце XIII в. были еще более многочисленными, так как далеко не всегда они являлись предметом судебных разбирательств и попали в дошедшие до нас протоколы. Довольно часто вторжения крестьян на огороженные участки были связаны с вооруженными нападениями, обычно в них участвовало по нескольку десятков человек, а иногда и более сотни [101].

Характерно, что королевские суды в обход принципа exceptio villenagii принимали и разбирали такого рода иски, возбужденные против вилланов, отказываясь тем самым от позиции «невмешательства», занятой ими в других вопросах (см. выше). Это лишь отчасти можно объяснить тем, что наряду с вилланами против актов огораживания боролись и свободные крестьяне — члены взбунтовавшейся общины. Главная же причина этого «отступления» королевских судов от принципа «исключения вилланства» заключалась в том, что подобные иски попадали в королевский суд обычно после длительной борьбы в маноре, когда становилось очевидным бессилие манориальной курии справиться с мятежными крестьянами. Разрушения изгородей и рвов представляли собой открытые антифеодальные выступления крестьян. Судебные дела по поводу этих выступлений возбуждались, как правило, не вилланами, а пострадавшим феодалом.

Это вполне понятно. В вопросах об общинных угодьях именно лорды являлись наступающей стороной. Они рассчи-

---

[99] Pl. Abbr., pp. 147—261, passim.

[100] См. К. Авдеева. Огораживания общинных земель в Англии XIII в. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955 стр. 149.

[101] Pl. Abbr., p. 286 — дело держателей манора Somerdeby, возбужденное Джоном Татесхалем; p. 201 — иск Г. де Брез и Уилльяма Мэгг, против правонарушения крестьян; p. 196 — иск Джона де Ласи; p. 267 — иск Роберта де Тонк; ibidem, p. 248 — иск Томаса де Гардинг; ibidem, p. 196 — иск Ильи Геннигесбурга; ibidem — иск наследников Бенедикта Блекенхам и др.

тывали на поддержку феодального государства там, где они были не в состоянии сами отстоять свои захваты. Напротив, крестьяне, особенно же вилланы, являлись обороняющейся стороной, они защищали свои исконные обычные права, как умели, не рассчитывая на помощь королевских судов, и являлись туда только в качестве обвиняемых и «правонарушителей».

В королевских судах, как в последней инстанции споры об общинных угодьях, иногда длившиеся по нескольку лет, чаще всего решались в пользу феодалов. К сожалению, по состоянию судебных протоколов, мы не всегда можем установить исход такого рода тяжб. Из 60 подобных исков, фигурирующих в Pl. Abbr. правления Эдуарда I, известен исход только 22 дел; из них 12 были выиграны лордами, 3 — закончились соглашениями, 7 — решены в пользу крестьян-ответчиков. По данным, собранным К. Авдеевой, из 116 исков такого рода удалось установить исход 35; из них 24 были решены в пользу лордов, 3 — закончились соглашениями, 8 — были выиграны держателями [102].

При этом надо иметь в виду, что сравнительно высокий процент тяжб, выигранных крестьянами, отчасти объясняется тем, что в разрушениях изгородей и потравах участвовали иногда вместе с вилланами свободные крестьяне, входившие в общину [103]. Нередки были также и случаи, когда в подобных насильственных актах участвовали даже лорды, недовольные тем, что соседний феодал произвел огораживания, и претендовавшие на совладение спорной землей [104]. Эти привходящие

---

[102] К. Д. Авдеева. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии XIII века. Канд. дисс. Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена, 1951, стр. 46—56.

[103] Е. В. Гутнова. Экономические и социальные предпосылки государственной централизации Англии. Сб. «Средние века», вып. IX, М., 1957.

[104] Например Pl. Abbr., p. 241 — иск Джона де Бек против приора Тэтбери и 60 его держателей; ibidem, p. 246 — участие в разрушении изгороди аббата Mire Valle и приора Окбэрнского; ibidem, p. 193 — участие приора Таунтон в потраве произведенной 30 его держателями и др.

В этом нет ничего удивительного, так как борьба за землю, и в частности за общинные угодья, в XIII в. шла и внутри феодального класса. Для защиты своих прав отдельные феодалы использовали недовольство своих вилланов и даже руководили их выступлениями против соседних лордов. Но было бы неверно считать на этом основании все подобные столкновения из-за общинных земель внутриклассовыми и не имеющими ничего общего с классовой борьбой. Внутриклассовые столкновения по этому поводу, как правило, все же решались не путем потрав и других насильственных мер, но путем судебных тяжб между феодалами. В основе же отмеченного стихийного сопротивления огораживаниям лежал классовый конфликт, все более обострявшийся по мере того, как огораживания становились более частым явлением.

обстоятельства вынуждали суды действовать осторожно, не нарушая прав, гарантированных свободным держателям статутами 1236 и 1285 гг.

И тем не менее все же в большинстве случаев королевские суды оправдывали расчеты феодалов-огораживателей и поддерживали их право собственности на бывшие общинные земли против прав вилланов, опиравшихся на «обычай манора».

Такую же враждебную по отношению к крестьянству позицию феодальное государство занимало и в другом наиболее животрепещущем вопросе классовой борьбы этого периода — в борьбе за ренту, которая красной нитью проходит через весь XIII в. Попытки феодалов повысить ренту различных категорий крестьянства, вызывали с их стороны решительный отпор, находивший в XIII в. свое наиболее яркое выражение в попытках вилланов судебным путем отстоять свои права на фиксированную обычаем ренту. В этих своих попытках крестьяне опирались не только на обычное право, но и на некоторую неясность и отдельные двусмысленные положения юридической теории вилланства и общего права, которые формально давали некоторым группам вилланства легальные средства защиты против повышения лордами их обычных повинностей.

Юридическая теория вилланства, а вслед за ней и общее право, насколько его можно проследить в деятельности королевских судов, различало несколько видов вилланства.

Брактон различает «полное», или «чистое» вилланство (purum villenagium), отличительной чертой которого является полная неопределенность повинностей, обложение держателя произвольной тальей, уплата им меркета [105], и вилланство «не столь полное» (Est etiam villenagium non ita purum). К нему относятся вилланы, или свободные держатели вилланских наделов, которые держат землю по соглашению с лордом, и, в отличие от «чистых» вилланов, держат землю за определенные повинности (pro certis servitiis et consuetudinibus). Эти вилланы в случае сгона их с земли или произвольного повышения лордом повинностей имели право на иск о «соглашении» (de conventionie). К этой же категории неполного вилланства относятся, согласно Брактону, и вилланы старинного домена короны, которые хотя и являются вилланами, но пользуются рядом привилегий: 1) их нельзя лишить наделов до тех пор, пока они хотят и могут выполнять лежащие на них повинности; 2) хотя они несут вилланские повинности, но эти повинности определены и точно установлены.

---

[105] H. Bracton. De legibus.., vol. I, p. 206; vol. III, pp. 376—382.

Таких вилланов Брактон называет вилланами-сокменами [106]. Эта категория вилланов могла жаловаться в королевские суды на произвольные действия своих лордов. В случае сгона с земли они могли возбуждать иск на основе малого приказа о праве (parvum breve de recto). В случае же повышения лордом повинностей вилланы-сокмены также могли обращаться в королевский суд, возбуждая иск на основе приказа «monstraverunt». В то же время Брактон решительно подчеркивает различие между вилланами-сокменами и «свободными сокменами», также держателями старинного домена, которые являются лично свободными людьми [107].

Наконец на землях старинного домена могут быть еще вилланы — новые переселенцы, adventitii, которые не родились здесь и не происходят от местных жителей с древних времен, а поэтому не пользуются привилегиями вилланов-сокменов [108]. Если же они держат по договору, то могут судиться со своим лордом только по иску de conventione.

В наши задачи не входит специальное рассмотрение причин возникновения и длительного существования в средневековой Англии этой любопытной привилегии. Отметим только крайнюю неопределенность самого понятия «старинного домена» и в юридической теории вилланства и в других источниках XIII в., вызывавшую постоянные споры в буржуазной историографии. Советский историк М. А. Барг в своем исследовании, специально посвященном вилланам старинного домена, очень ясно показал, что ни в юридической теории, ни в судебной практике XIII в. не было точного критерия для определения маноров «старинного домена». Как правило, к нему относились маноры, зафиксированные в Книге страшного суда под именем terra regis, независимо от того, когда они попали в руки короля. Но, с другой стороны, в Сотенных свитках, например, часто под именем «старинного домена» фигурируют земли, не находившиеся в 1086 г. в руках короля, но принадлежавшие королям до 1066 г. или приобретенные ими позднее. Советский исследователь показывает, что «старинный домен» короны в отдельных случаях мог появляться и исчезать в зависимости от того, какими привилегиями король наделял тот или иной манор, взятый им в свои руки уже после 1086 г., или от того, на каких условиях он отчуждал в феод земли «старинного домена» после 1086 г. [109]. Но как бы ни было неясно понятие «старинного домена» в XIII в.,

[106] Ibidem, vol. I, p. 206; vol. III, p. 378.
[107] Ibidem, vol. I, p. 206.
[108] Ibidem, vol. III, p. 380.
[109] М. А. Барг. Вилланы старинного домена. Сб. «Средние века», вып. XI. М., 1958, стр. 30—35.

все же очевидно, что к нему принадлежало значительное число маноров. Большинство их в XIII в. находилось уже в руках других лордов, но сохраняло свой привилегированный статус [110].

Ясно также, что фиксация этой привилегии в общем праве страны создавала формально некоторые легальные возможности для вилланов противодействовать произвольному повышению повинностей и рент, обычному в XIII в. Этой возможностью нередко пытались пользоваться не только вилланы-сокмены, но и вилланы непривилегированных маноров, наивно надеясь обмануть суд утверждением, что они являются привилегированными вилланами. Подавляющее большинство жалоб на повышение рент и восстановление барщин в XIII в. попадало в королевские суды на основании этой привилегии «старинного домена». Ссылка на эту привилегию была для вилланов почти единственным способом добиться разбирательства своего спора с феодалом о повинностях в королевском суде.

Иски отдельных вилланов или крестьянских общин, которые не имели никаких оснований причислять себя к держателям старинного домена, по вопросу о повышении повинностей представлены в наших источниках лишь несколькими случайными протоколами [111]. Как правило, королевские суды в соответствии с принципом exceptio villenagii не принимали подобных исков, предпочитая не вмешиваться в столкновения, происходившие на этой почве между лордами и их вилланами. В этом отношении особенно характерно решение королевского суда в 1237 г. по иску держателей приора de St. Swithini против их лорда. Держатели жаловались на приора, что он требует с них бóльшие повинности, чем они несли при его предшественниках. Сенешал приора, явившись в суд, заявил, что земля эта никогда не была старинным доменом, что повинности, взимаемые с вилланов, соответствуют рентали, составленной между 1130 и 1171 гг. и что затем фирмарии, в руках которых находился манор, произвольно сократили размеры повинностей. Истцы не могли отрицать того, что являются вилланами. На этом основании суд вынес следую-

---

[110] Что привилегии старинного домена распространялись и на отчужденные королем маноры из «terra regis» 1086 г. отметил еще П. Г. Виноградов (Villainage in England, pp. 124, 125).

[111] Pl. Abbr., p. 147 — иск Ричарда де Веси против Симона Дрэпера; Pl. Abbr., p. 215 — иск держателей манора de Hemelhamsted; Ibidem, p. 237 — иск держателей манора Ringeshusseburn против аббатиссы Torent; ibidem, p. 188 — вердикт по иску держателей манора Tychefeud против аббатиссы de Tychefeud: ibidem, p. 553 — prior de Timemuth, против его виллана Rad. de Witoleyne; Bracton's note book, vol. II, p. 703. Ibidem, vol. II, p. 603.

щее решение: «Так как вышеуказанные люди признали себя вилланами, согласно тому, что было сказано выше, и так как они не могли этого отрицать, то им было указано, чтобы они выполняли в пользу указанного приора и конвента службы и повинности, которые они обычно выполняли»[112]. Но самое интересное — это заключительные слова постановления, разъясняющие его смысл: **«И господин король не желает вмешиваться** в это дело, так как они никогда не были его держателями или держателями его предшественников»[113].

Таков же был обычный исход тяжб, истцами в которых выступали «чистые вилланы», — такие иски просто прекращались в соответствии с принципом «исключения вилланства».

И все же королевским судам иногда приходилось нарушать это правило. Во-первых, они вынуждены были вмешиваться в споры о повинностях между феодалами и даже непривилегированными вилланами, когда в качестве истцов выступали лорды. А такие случаи были довольно обычным явлением[114].

Если вилланов толкала в королевский суд неясная и иллюзорная надежда получить там защиту от наступления лорда на их доходы, которая, как правило, не оправдывалась, то лорды в вопросе о размерах повинностей, как и в спорах об общинных угодьях, обращались в королевские суды, когда манориальная курия оказывалась бессильной перед единодушным сопротивлением всех или значительной части вилланов манора. Естественно, что при таких обстоятельствах королевские суды и общее право не могли занимать позицию невмешательства и вынуждены были принимать к производству такие иски, хотя в них в качестве ответчиков выступали вилланы. Решения по ним обычно принимались в пользу лорда.

Во-вторых, королевские суды вынуждены были разбирать тяжбы о повинностях, возникавшие между вилланами и феодалами в тех случаях, когда иски исходили от вилланов-сокменов старинного домена, которым нельзя было просто отказать в иске на основании принципа exceptio villenagio. Для этого надо было предварительно доказать, что их претензии на привилегированный статус необоснованны. Так как в подавляющем большинстве тяжбы о повинностях были связаны с претензиями вилланов-сокменов, то враждебная позиция

---

[112] Bracton's Note book, vol. III, pp. 250—251.

[113] Ibidem: «Et dominus rex non **vult se de eis intromittere** ex quo nunquam fuerunt in manu sua nec antecessorum suorum» (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*).

[114] Ibidem, p. 509; ibidem, p. 553 — иск приора Тайнмауз; ibidem, vol. II, p. 603 — иск феодала Симона де Тофт.

общего права и королевских судов в этом вопросе особенно отчетливо выступает в процессах этого рода.

В наших источниках (главным образом в Pl. Abbr. периода правления Генриха III и Эдуарда I) мы обнаружили 45 таких исков, как правило, возбужденных держателями, а не лордами. Из них 34 иска были выиграны феодалами, в 3 исках дело было закончено соглашениями, и только в 2 исках суд стал на сторону держателей. В 6 остальных случаях решения неизвестны.

Если прибавить к этому, что соглашения, как правило, имели в виду более интересы лорда, чем держателей, то позиция королевских судов в этом вопросе будет совершенно ясной. Главный и наиболее простой аргумент, который использовался королевскими судами против претензий вилланов-сокменов в этих исках, — это то, что данный манор, по сведениям Книги страшного суда, не является старинным доменом короны [115]. Однако далеко не всегда проверка этого обстоятельства производилась достаточно объективно, и ссылки на Книгу страшного суда были справедливы. А так как само понятие старинного домена в XIII в., как уже отмечалось, было довольно неопределенно, то было не так уж трудно, используя неопытность и безграмотность вилланов и взяточничество в судебном аппарате, фальсифицировать данные Книги страшного суда. Е. А. Косминский впервые обратил внимание на то, что в решениях королевских судов встречаются случаи такой откровенной фальсификации [116]. Вслед за ним М. А. Барг на большом количестве примеров показал, что сплошь и рядом суд, ссылаясь на Книгу страшного суда, отказывался признать старинным доменом короны тот или иной манор, тогда как в действительности в Книге страшного суда этот манор фигурирует как «terra regis» или «terra regis Willelmi» [117].

Впрочем, на Книгу страшного суда при вынесении приговора королевские суды предпочитали ссылаться больше в тех случаях, когда ее свидетельства можно было использовать против вилланов. Но если эти свидетельства могли быть, напротив, истолкованы в пользу вилланов, судьи старались прибегать к другой процедуре доказательств права лорда на повышение повинностей. Характерно, что в исках вилланов

[115] Pl. Abbr., p. 228 (manor Drayton); Pl. Abbr., p. 207 (manor Massing); Pl. Abbr., p. 199 (manor Doneham); Pl. Abbr., p. 198 (manor Cholinton); Ibidem (manor Lengare Staninges, Stinenton); Pl. Abbr., p. 201 (manor Coton); Pl. Abbr., p. 197 (manor Bleybury); Pl. Abbr., p. 194 (manor Kingescleindon); Pl. Abbr., p. 188 (manor Hermodesworth); Pl. Abbr., p. 189 (manor Boycot).

[116] См. Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 415.

[117] М. А. Барг. Виллаты старинного домена. Сб. «Средние века», вып. XI. М., 1958, стр. 39—42.

тех маноров, которые в Domesday фигурируют в качестве terra regis, при вынесении приговоров в пользу лордов мы часто вовсе не находим ссылок на этот источник [118]. В таких случаях суды пользовались всяким удобным поводом, чтобы отвести иск крестьян, не входя в рассмотрение дела по существу. Для этого они часто использовали неявку истцов-вилланов в суд, которая автоматически влекла за собой решение дела в пользу лорда и штраф вилланов «за ложную жалобу» [119]. В некоторых случаях вилланы отказывались от иска в виду безнадежности дела или отсутствия средств. Но иногда такой отказ был следствием прямого нажима со стороны лорда или поддерживающих его судей [120]. Не менее удобным поводом для отвода иска являлось какое-либо нарушение процессуальных норм, вполне естественное со стороны малоопытных в судебных делах вилланов, например, если вилланы-сокмены, вместо «малого приказа о праве», воспользовались для возбуждения иска простым приказом о праве и т. п. В таком случае дело также без всяких проволочек решалось в пользу феодала, а истцы штрафовались [121].

Если феодал предъявлял хартию, которая в какой-либо мере могла поставить под сомнение привилегированный статус манора, то этой хартии немедленно отдавалось предпочтение перед свидетельством Книги страшного суда, хотя это последнее в данном вопросе было более достоверно. Например, при разборе тяжбы держателей манора Bleibure (Беркшир) с их лордом аббатом в королевском суде в 1280 г. притязания истцов на статус вилланов-сокменов были отвергнуты на том основании, что аббат предъявил хартию королевы Матильды, по которой ему даровался этот манор [122]. Между тем в Книге страшного суда Bleibure числится как «terra

---

[118] Манор Ewell (гр-во Сэрри) — Pl. Abbr., p. 35; манор Halverget (Норфольк) — Pl. Abbr., pp. 195, 231, 270; манор Stiventon (Беркшир) — Pl. Abbr., p. 198—199; манор Hurst (Беркшир) — Pl. Abbr., p. 200; манор Leghton (Бердфордшир) — ibidem, p. 283; манор Suttanthon (Девоншир) — ibidem, p. 210; манор Bleybury — ibidem, p. 197 и ряд др.

[119] Иск держателей манора Suthwalsham против Джона Фастольфа (Pl. Abbr., p. 346); держателей манора Clendon против их лорда (Pl. Abbr., p. 270) и держателей манора Wedon Beck против приора Окбернского (Pl. Abbr., p. 293); держателей приора Мертонского в маноре Shelford (Pl. Abbr., p. 325); держателей манора Hayling против Джона Ботилье (Pl. Abbr., pp. 325—1316).

[120] См. Р. Хилтон. Крестьянские движения в Англии до 1381 г. Сб. «Средние века», вып. VII. М., 1955.

[121] Pl. Abbr., p. 283 (Генрих Чайльд против аббатиссы de Fonte); Pl. Abbr., p. 211 (Держатели манора Leyttonor против аббатиссы St. Ebrulphi); Pl. Abbr., p. 283 (Держатели манора Leghton в Бедфордшире).

[122] Ibidem, p. 197.

regis» и факт дарения этой земли аббату сам по себе никак не мог опровергнуть то, что она принадлежит к старинному домену короны [123].

В случае отсутствия таких формальных поводов суд хватался за малейшую возможность обойти закон по существу. Если ответчик-лорд не мог доказать, что данный манор не является старинным доменом, то на помощь ему часто приходили присяжные, которые, по указанию суда, должны были ответить не на вопрос о том, является ли манор старинным доменом, но на совсем другой вопрос, — взимает ли лорд со своих держателей больше повинностей, чем принято по обычаю? Или — являются ли эти держатели вилланами, вилланами-сокменами или свободными? Так, подменяя один вопрос другим и отдавая его на решение часто специально подобранных комиссий присяжных, феодал с помощью королевского суда добивался нужного ему вердикта и выигрывал дело против своих держателей [124]. В этом отношении особенно интересно долго тянувшееся дело держателей манора Tavistok в Девоншире против трех последовательно сменявшихся лордов (Генриха де Траси, Уильяма Мартейн и Гальфрида де Каунвилль) по вопросу о повышении их повинностей. Хотя П. Г. Виноградов [125], а затем и Е. А. Косминский [126], уже обратили внимание на этот любопытный процесс, мы все же позволим себе напомнить его содержание.

Первый процесс был выигран Генрихом де Траси, очевидно, еще в царствование Генриха III [127]. Однако держатели в 1279 г. возбудили новый иск против его наследника Уильяма Мартейн и вновь его проиграли, так как были признаны вилланами, не имеющими права претендовать на определенные повинности [128]. Новая неудача не обескуражила крестьян. В том же 1279 г. они подали жалобу Эдуарду I, обвиняя суд в том, что он допустил ошибку, и требуя восстановления справедливости. Король приказал, «чтобы ошибка была исправлена, так как эти люди жалуются королю, что с ними было поступлено несправедливо, потому что они принадлежат к старинному домену короны и должны иметь определенный

---

[123] Domesday book, vol. I, p. 566.

[124] Pl. Abbr., pp. 198, 199, 205 (держатели манора Stiventon против аббата de Beck), Pl. Abbr., p. 195 (держатели манора Halvergate против графа Норфокского Рожера Биго).

[125] P. Vinogradoff. Op. cit., pp. 119—120.

[126] См. Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 414.

[127] Точная дата иска нам не известна, так как протокол дела отсутствует в Placitorum Abbreviatio.

[128] Pl. Abbr., p. 197.

статус, то есть выполнять за свои держания определенные повинности и службы» [129].

Таким образом, по приказу короля суд состоялся в третий раз. Адвокат крестьян на суде привел точные данные из Книги страшного суда, доказывающие, что манор является старинным доменом короны и утверждал, что прежний суд, признав их вилланами, совершил ошибку. И все же, несмотря на специальный приказ короля и на неопровержимое свидетельство Книги страшного суда, суд в третий раз постановил: «Пусть указанные люди держат указанные держания в указанном маноре за вилланские повинности (per servilia servicia), если они желают (держать их. — *Е. Г.*), хотя это не должно затрагивать их личного статуса. И отныне они не могут претендовать на какую-либо определенность своего положения и штрафуются за ложную жалобу» [130]. Мотивом для этого решения послужило то, что в Книге страшного суда «нет никакого упоминания о сокменах, а только о вилланах и сервах, а также было выяснено через расследование, что многие из них являются новыми поселенцами (adventitii), которым их держания переданы, чтобы держать по воле своих лордов, из чего следует, что первый процесс велся правильно» [131].

Это решение знаменательно, во-первых, тем, что оно точно воспроизводит аргументацию лорда-ответчика, выдвинутую им на процессе, то есть полностью солидаризируется с ним; во-вторых, тем, что вопрос о привилегиях старинного домена в нем подчеркнуто ставится в зависимость исключительно от личного статуса держателей. Если Брактон считает вилланами-сокменами всех вилланов старых поселенцев старинного домена (см. выше), то это решение пытается отделить вилланов от вилланов-сокменов даже и на этой привилегированной территории. Если Брактон считает, что новые поселенцы, хотя и не пользуются привилегией вилланов-сокменов, но имеют право на иск de conventione, то данное решение прямо и безоговорочно зачисляет их в число держателей «по воле лорда». Виноградов недоумевает по поводу этого решения, противоречащего, по его мнению, принципам общего права.

---

[129] Ibidem.

[130] «Quod praedicti homines tenent tenementa praedicta in praedicto manorio per servilia servicia si voluerint salvo statu corporum suorum. Et quod de cetero non possunt clamare aliquid certum statum et sunt in misericordia pro falso clamore». Ibidem, pp. 270—271.

[131] Ibidem. «...quod non sit aliqua mencio de sokemennos set tantummodo de villanis et servis et eciam comperto per inquisitionem quod multi eorum sunt adventitii, quibus tenementa sua tradita fuerunt ad voluntatem dominorum suorum, quibus videtur per supradictas rationes quod primus processus bonus est».

Однако он тут же замечает: «Я не могу себе представить, что решение Хангхема (судья в этом процессе. — *Е. Г.*) было вызвано стремлением поддержать лорда манора или преднамеренным желанием сократить права старинного домена до возможно узких пределов»[132]. Мы полагаем, напротив, что королевский суд в данном случае преследовал обе эти цели, которые, по нашему представлению, были теснейшим образом связаны друг с другом. Интерпретируя общее право к выгоде данного лорда в этом процессе, суд создавал в то же время новый прецедент, который в дальнейшем мог позволить еще более ограничить сферу действия привилегии старинного домена и тем самым закрыть для значительной части вилланов-сокменов последнюю возможность отстаивать в королевском суде свои интересы против усиливавшейся феодальной эксплуатации. Согласно этому прецеденту, вилланы в такого рода исках должны были доказать не только, что манор является старинным доменом, но (что было гораздо труднее) также, что их предки были исконными жителями манора и что в Книге страшного суда они были записаны как вилланы-сокмены. Учитывая неясность терминологии Книги страшного суда, а также то, что многие лично свободные люди (не говоря уже о вилланах-сокменах) были записаны в ней как вилланы, можно с уверенностью сказать, что такие требования со стороны судов были рассчитаны специально на то, чтобы отвергать претензии вилланов. О том, что это решение не было случайным, как полагает Виноградов, что оно выражало общую тенденцию королевских судов в этом вопросе, говорит ничтожное количество тяжб подобного рода, решенных в пользу вилланов старинного домена на всем протяжении XIII в. (см. выше).

Таким образом, даже привилегии вилланов старинного домена, зафиксированные общим правом и признанные юридической теорией вилланства, на практике в большинстве случаев оказывались фикцией и при помощи всевозможных ухищрений со стороны судей сводились на нет. Лишь при исключительно благоприятном стечении обстоятельств — точности формулировок Книги страшного суда и их совпадении с последующими записями о положении вилланов в данном маноре, настойчивости вилланов, ловкости и опытности их адвоката и т. д. — вилланы старинного домена могли добиться защиты своих прав в королевском суде, и при том обычно вопреки стараниям судей.

Подведем некоторые итоги.

1. Рассмотренные нами факты ясно показывают, что «об-

[132] P. Vinogradoff. Op. cit., p. 120.

щее право», законодательство и вся практическая деятельность королевских судов в Англии XIII в. служили тому, чтобы держать крепостное крестьянство в повиновении феодалов и обеспечивать последним возможность его максимальной эксплуатации в условиях все более обострявшейся в этот период классовой борьбы, особенно в связи с явлениями так называемой феодальной реакции.

2. Враждебность всех законов, создаваемых феодальным государством, и судебного аппарата по отношению к вилланам могла выступать и в скрытой форме «невмешательства» в конфликты, возникавшие между вилланами и их лордами, и в форме открытого вмешательства, когда в нем нуждались феодалы. Принцип exceptio villenagii — символ этого «невмешательства» — никогда не нарушался в пользу вилланов, но сплошь и рядом нарушался в интересах феодалов. Но даже в тех случаях, когда он оставался в силе, этот принцип по существу был выражением неизменной враждебности феодального государства и права по отношению к самой многочисленной части населения страны — крепостному крестьянству.

3. Проделанный анализ позволяет сделать еще один вывод, который подтверждает принятую нами оценку значения юридической теории вилланства Брактона для социальной действительности и политики английского государства XIII в. Сопоставление ее основных положений с законодательством и практической деятельностью королевских судов показывает, что во всех случаях, когда речь шла о разрешении классовых конфликтов между вилланами и феодалами, максимы юридической теории имели весьма реальное практическое значение. Законодательство и решения королевских судов в вопросе о владельческих правах вилланов на землю исходили из того же принципа exceptio villenagii, который лежал в основе юридической теории вилланства; в вопросе о личной неприкосновенности крепостного они, так же как и юридическая теория, фактически брали под защиту только его жизнь, но неизменно оправдывали полную свободу феодала распоряжаться его личностью во всех других отношениях. В решении вопроса о правах вилланов на их движимое имущество королевское законодательство и суды в известном смысле были даже более ригористичны, чем юридическая теория. Они не только признавали за феодалами теоретическое право на захват имущества вилланов, если это им почему-то было нужно, но в случае необходимости даже переступали правило о wainagium'е, разрешая не только феодалу, но и государству захват плуговой запряжки, если у виллана не было другой движимости. Точно также королевские суды сплошь и рядом нарушали в пользу феодалов ограничения эксплуатации вил-

ланов, сформулированные в юридической теории вилланства в виде привилегии вилланов старинного домена.

Все это показывает весьма большое практическое значение юридической теории вилланства, ее тесную связь с живой действительностью.

Конечно, юридическая теория не во всем точно отражала эту действительность. Но несоответствие между ними сводилось главным образом не к существу, а к форме и выражалось в том, что социальная действительность Англии XIII в. не соответствовала римской терминологии — представлению о виллане, как о рабе, не имеющем никакой собственности. И сам Брактон, чувствуя это несоответствие, пытался корректировать принятые им представления римского права, подчеркивая защищенность жизни виллана и его права на часть движимости (wainagium). Отсюда и пресловутые противоречия самой теории Брактона, которые являлись по существу отражением отмеченного выше несоответствия между реально существующими феодальными отношениями и стремлением юридической теории выразить эти отношения в формулах римского рабовладельческого права.

При этом нужно иметь в виду, что, как это было отмечено выше, само это несоответствие не было случайностью. Обращение Брактона и других юристов XIII в. к римской терминологии также являлось несколько своеобразным отражением процессов, происходивших в жизни. Как справедливо указывал Е. А. Косминский (см. выше), римская терминология теории вилланства должна была санкционировать усиление феодальной эксплуатации крестьянства, к которой стремились английские феодалы в XIII в. Она создавала как бы идеальные юридические формы для усиленного нажима на крестьянство, указывала направление, в котором этот нажим должен был осуществляться.

Однако эти «идеальные» юридические нормы, конечно, не могли в чистом виде реализоваться на практике, ибо известные границы усилению эксплуатации ставил сам феодальный способ производства, при котором непосредственный производитель мог эксплуатироваться только как крепостной, но не как раб. Они оставались только идеалом, к которому стремились феодалы в своих самых сладких мечтах. Но вместе с тем, когда эти юридические нормы, хотя бы частично, использовались королевским судом, они могли служить одним из средств осуществления максимально возможной в условиях феодального строя эксплуатации вилланства. Вот почему юридическая теория Брактона по видимости носила отвлеченный характер, а по существу была теснейшим образом связана с реальной действительностью. И если она не во всем точно отражала

фактическое положение английских вилланов XIII в., то она достаточно отчетливо показывает весьма реальную в этот период тенденцию феодалов максимально повысить норму эксплуатации крестьянства.

Поэтому то обстоятельство, что королевские суды, а иногда и законодательство XIII в., решали важнейшие проблемы вилланского существования в духе основных положений юридической теории, само по себе подтверждает наш первый вывод о том, что королевская власть и ее судебный аппарат в XIII в. активно поддерживали класс феодалов в его наступлении на интересы крепостного крестьянства.

4. Наконец, позиция занятая по отношению к вилланам общим правом и судебным аппаратом королевской власти достаточно ясно говорит о том, что процесс государственной централизации не улучшал, а ухудшал правовое положение вилланства, во всяком случае по отношению к представителям класса феодалов. Общегосударственное право, разветвленная система королевских судов и администрации, активное законодательство, которое росло и совершенствовалось в процессе централизации феодальной Англии, поскольку дело касалось вилланства, служили укреплению его бесправия, создавали новые средства внеэкономического принуждения, отнюдь не отменяя старых, сосредоточенных в руках отдельных лордов и в их манориальных куриях. Кроме старых местных сетей, опутывавших вилланов, сетей, которые в XIII в. то там, то здесь прорывались под напором классовой борьбы, процесс централизации создавал новые, более прочные, более всеохватывающие, подстерегавшие крепостного крестьянина при малейшей попытке неподчинения власти лорда.

§ 2. Процесс государственной централизации и «полноправие» вилланов в XII—XIII веках

Но, может быть, процесс государственной централизации, происходивший в Англии в XIII в., укрепляя бесправие вилланов, по отношению к их лордам, в какой-то мере содействовал постепенному освобождению крестьянства, как сословия и общей эволюции от «рабства к свободе»? Именно такую роль приписывает английскому феодальному государству XIII в. П. Г. Виноградов. Указывая, что в XIII в. «волна начинает высоко вздыматься в направлении свободы», он замечает, что, помимо морального и идейного прогресса и роста гуманных представлений, это движение в сторону свободы определялось тем, что право развивалось в этом направлении, благодаря развитию государства, «которое предъявляло тре-

бования ко всем гражданам...»[133]. В другом месте Виноградов прямо говорит, что личное освобождение вилланов в значительной мере «зависело от усиления государства»[134]. Помимо правила о wainagium'е и сохранения в Англии XIII в. привилегии вилланов старинного домена, Виноградов видит одно из проявлений «освободительной миссии» английского феодального государства в том, что оно обеспечивало равенство вилланов со свободными в уголовном праве[135].

Другие буржуазные исследователи в качестве проявлений этой тенденции к «свободе» со стороны феодального государства выдвигают попытки последнего привлечь вилланов к несению военной службы и особенно то обстоятельство, что в Англии XIII—XIV вв. вилланы подлежали общегосударственному обложению наряду со всеми свободными жителями страны[136]. Подобные представления, опирающиеся на идею надклассовости государства, издавна служат идеализации английского средневекового государства, якобы защищавшего и развивавшего дальше древние традиции «английской свободы». Мы уже видели, что ни правило о wainagium'е, ни привилегии вилланов старинного домена не могут рассматриваться как средство защиты вилланов и как проявление их полноправия в феодальном обществе. Нам остается теперь выяснить, как обстояло дело с другими проявлениями вилланского «полноправия», на которое ссылаются буржуазные исследователи.

Английское общее право со времени ассиз Генриха II действительно признавало равноправие вилланов со свободными в уголовных процессах[137]. Здесь принцип exceptio villenagii переставал действовать, и никакие различия в статусе не имели значения. Законодательство XIII в. и юридическая теория вилланства признавали за вилланами право на уголовный иск в королевском суде даже против своего лорда.

Эта специфика английского общего права, как было отмечено, отчасти являлась отражением в правовой надстройке необходимости защиты личности виллана в интересах самого существования феодального строя. Но сама фиксация этого

---

[133] P. Vinogradoff. Villainage in England, p. 131.

[134] Ibidem, p. 134.

[135] Ibidem.

[136] См., напр. H. Cox. Ancient parliamentary election. London, 1868. В наше время, хотя и в завуалированном виде, эту же точку зрения выдвигает американский историк J. F. Willard (Parliamentary taxes on personal prosperity in 1290—1334) — Cambr. Massach., 1934.

[137] См. ст. ст. 1, 2, 3, 8, 10 Кларендонской ассизы. Select Charters, Oxford, 1874, pp. 143—144, а также ст. 36 Великой хартии вольностей, которая устанавливала, что впредь судебные приказы по уголовным искам должны выдаваться бесплатно (ibidem, p. 301).

ограничения прав лорда на личность виллана была возможна только в условиях относительной государственной централизации. Поэтому, прежде всего, равноправие виллanов в уголовном процессе было следствием относительно ранней государственной централизации Англии и отражало победу королевской власти над политическими притязаниями феодальной аристократии, победу центрального судебного аппарата над иммунитетными судами. Эта особенность английского права поэтому интересна главным образом именно с точки зрения политических столкновений внутри господствующего класса, той борьбы за власть, политическое влияние и доходы, которая происходила в Англии на протяжении всего XII и XIII вв. Конечно, она создавала известные преимущества и для английского вилланства, обеспечивая ему более беспристрастное и обоснованное решение уголовных дел, чем могли дать сеньериальные суды, часто служившие орудием прямого нажима лорда на подвластное население. Но каково бы ни было равноправие вилланов в уголовном праве, оно ничего не меняло в их основных взаимоотношениях с их лордами и не могло защитить их от повседневного произвола последних. Более того, в некоторых отношениях привилегия королевской уголовной юрисдикции была связана для вилланов с дополнительными тяготами. Это, в частности, относится к их обязанности участвовать в десятках свободного поручительства, которые, как мы уже заметили, служили одним из средств для укрепления власти лорда над вилланами.

Наконец, королевская уголовная юрисдикция нередко использовалась как орудие борьбы с выступлениями вилланов против их лордов, которые, особенно в случае применения оружия, квалифицировались, как уголовные преступления. Ряд правительственных постановлений XII и XIII вв., направленных на борьбу с уголовными преступлениями, как мы уже заметили, часто использовался на практике для борьбы с вилланскими побегами (ст. 15 и 16 Кларендонской ассизы) и с беглыми крестьянами, скрывавшимися в лесах от преследований со стороны носителей королевского «правосудия» (ордонанс о «дубинщиках» 1305 г.).

Второй признак тенденции к освобождению вилланов, которую якобы проявляло английское феодальное государство, — привлечение вилланов к несению государственной военной службы — вообще сомнителен.

Ассиза о вооружении 1181 г. определенно исключала вилланов из числа лиц, обязанных приносить присягу о вооружении [138]. В XIII в., правда, мы встречаем два упоминания

[138] Select charters, p. 156. Цит. выше, стр. 63.

о привлечении к военной службе вилланов: приказ о сборе $^1/_{15}$ в 1225 г., согласно которому из оценки вилланского имущества в числе прочих предметов исключалось также оружие [139], и рассмотренный нами выше приказ о вооружении 1252 г. Генриха III, согласно которому к несению военной службы предлагалось привлечь «горожан (cives, burgenses), свободных держателей, **вилланов** и прочих, в возрасте от 15 до 60 лет» [140].

Однако уже в Винчестерском статуте 1285 г. мы вновь не встречаем никаких упоминаний специально о вилланах. Нигде не говорится о вилланах и в различных военных распоряжениях Генриха III и Эдуарда I, в частности в приказах о наборе пеших воинов и даже вспомогательных отрядов лесорубов, землекопов и строителей. Это позволяет предположить, что попытки Генриха III привлечь к несению военной службы вилланов оказались безуспешными. Хотя мы не располагаем никакими другими данными по этому вопросу, однако можно дать и предположительное объяснение этому факту. Скорее всего эти попытки натолкнулись на сопротивление феодалов, с одной стороны, не желавших давать оружия в руки вилланов [141], а с другой стороны, недовольных отвлечением вилланов на длительный срок от их работы в маноре, что могло подорвать хозяйство лорда.

В целом вопрос о привлечении вилланов к военной службе неясен. Но если даже предположить, что приказ Генриха III от 1252 г. был реализован на практике, то едва ли это привлечение вилланов к несению военной службы можно рассматривать как признак их полноправия или равноправия со свободными людьми. Обязанность иметь вооружение и служить в королевском войске являлась бы для вилланов, несомненно, тяжелым дополнительным бременем. Затраты на вооружение и на длительные походы, отрывавшие их от хозяйства, должны были бы еще более подорвать их материальное благосостояние.

Таким же дополнительным бременем, и при том очень тяжелым для вилланов, было привлечение их наряду со свободным крестьянством и другими категориями населения к общегосударственному обложению.

---

[139] Select charters, p. 356.

[140] «...cives, burgenses, libere tenentes, villanos et alios aetatis quindecim annorum usque ad aetatem sexaginata annorum...». Select charters, p. 371.

[141] Это косвенно подтверждается и тем, что приказы с упоминанием о военной службе вилланов относятся только к периоду до гражданской войны 1258—1265 гг. Весьма возможно, что крестьянские выступления этого периода, испугавшие представителей господствующего класса, побудили Эдуарда I отказаться от этой практики.

В этом вопросе, как и в отношении уголовной юрисдикции, вилланы в Англии XII—XIII вв. действительно находились в одинаковом положении со свободным крестьянством. И это составляет также одну из специфических особенностей политического развития Англии и положения английских вилланов в этот период. Вилланы издавна подлежали уплате датских денег, как об этом свидетельствует известный трактат XII в. Dialogus de Scaccario, согласно которому от уплаты датских денег в эпоху написания трактата освобождались только бароны Палаты шахматной доски и шерифы графств [142].

Обложению подлежали и земли, занятые вилланами, об этом свидетельствует тот факт, что автор трактата включает в понятие домена не только собственно барскую землю, но и землю, находящуюся в пользовании вилланов [143]. Когда «датские деньги» после 1163 г. уступили место новому поземельному налогу — погайдовому сбору (hidagium или carucagium), вилланы стали платить и этот налог.

Вилланы часто платили также щитовые деньги (scutagium), хотя формально это был преимущественно налог с военных держателей короны [144].

Кроме этих общегосударственных налогов, вилланы, как и свободные держатели, платили некоторые поборы местного значения — пошлину за проверку свободного поручительства, подмогу шерифу, платежи сотне и графству, murdrum [145] и т. д. Вилланы и свободные держатели королевских доменов, кроме того, участвовали в уплате тальи (tallagium).

Переход от поземельного обложения к обложению движимых имуществ, наметившийся к середине XIII в., не освободил вилланов от уплаты государственных налогов [146].

Примерно одинаковы были всегда и размеры обложения виллана и свободного крестьянина. В период поземельного обложения, когда налог брался с гайды, на виргату или полувиргату земли падало одинаковое количество денег независимо от того, находилась ли она в руках свободного держателя или виллана. С появлением налогов на движимость и развитием парламентского обложения, главными его объ-

---

[142] Select charters, p. 203.

[143] Ibidem, pp. 203—204.

[144] О том, как феодалы перекладывали этот налог на своих свободных крестьян и вилланов, см. гл. IV.

[145] Murdrum — штраф, налагавшийся разъездными судьями на сотню или деревню, на территории которых было обнаружено мертвое тело, если жители этого округа не могли указать виновных.

[146] Об этом говорят приказы о сборе налогов 1225 и 1234 гг., где вилланы перечислены среди лиц, подлежащих обложению (W. Stubbs. Select charters, pp. 356, 360).

ектами стали зерно, плуги, рабочий скот, овцы, свиньи и другое движимое имущество, которое оценщики могли обнаружить «в поле или дома или где-нибудь еще»[147] у каждого крестьянина, независимо от того, был ли он вилланом или свободным.

Мы видели, что процесс государственной централизации в XII—XIII вв. сопровождался неуклонным ростом налогов как в смысле увеличения количества налогов, так и в смысле повышения их размера, особенно же в смысле расширения объектов обложения[148]. Если этот рост налогов болезненно ощущался всеми слоями населения, то особенно тяжело он ложился на плечи крестьянства. Правда, формально, и при поземельном обложении и при обложении движимости размер налогов устанавливался общий для всех сельских жителей — определенная сумма с гайды, или определенный процент от наличной движимости[149]. Более того, в первое время при сборе налогов на движимость ($^1/_{15}$—1225 г., $^1/_{30}$—1237 г., $^1/_{30}$—1283 г.) крестьяне, как вилланы, так и свободные, пользовались почти такими же льготами по обложению, как и представители класса феодалов. Из оценки их имущества исключались многие предметы: оружие, рабочие инструменты, заготовленная пища и корм для скота[150], но на практике рост налогов значительно тяжелее ложился на крестьянство, чем на представителей класса феодалов. Во-первых, потому, что рост претензий феодального государства на долю в избыточном продукте крестьянского хозяйства происходил одновременно с ростом «ненасытной жажды прибавочного труда» у феодалов, которая покрывалась за счет повышения феодальной ренты и вообще усиленного нажима на крестьянство. Поэтому, рост налогового гнета объективно означал для массы крестьянства еще большее усиление феодальной эксплуатации. То, что государственные налоги поступали в распоряжение центральной власти, а не отдельных феодалов, с точки зрения крестьянства не имело особого значения. И в том, и в другом случае, в обычной, или централизованной форме, он отдавал господствующему классу бóльшую часть своего избыточного продукта. Другими словами, рост государственного обложения для крестьянства означал неуклонный рост размеров его прибавочного труда или феодальной ренты за счёт увеличения централизованной ренты и сокращения чистого

---

[147] «...qu'il averunt au chaump ou meson ou alleurs». (P. W., vol. I, pp. 54, 179, 195).

[148] См. гл. I.

[149] Города и жители королевских доменов облагались значительно тяжелее.

[150] Подробнее об этом см. в гл. VIII.

дохода от ведения крестьянского хозяйства, а следовательно, уменьшались и возможности дальнейшего развития и укрепления крестьянского хозяйства.

Во-вторых, рост государственного обложения был особенно тяжел для крестьянства еще и потому, что оно фактически оплачивало за свой счет и те налоги, которые взимались с феодального класса. Ведь поборы, взимаемые с феодалов, представляли собой не что иное, как превращенную форму феодальной ренты, ибо все имущество феодалов, подлежавшее обложению, являлось в основном результатом прибавочного труда эксплуатируемых крестьян. Таким образом, фактически господствующий класс свою долю государственных налогов в значительной части перекладывал на плечи крестьянства.

Наконец, рост государственных налогов был особенно тяжел для крестьянства еще и потому, что оно вынуждено было отдавать значительную долю своего труда на содержание и укрепление государственного аппарата, главной целью существования которого была организация централизованного насилия по отношению к тому же крестьянству.

При таких условиях подчинение вилланов уголовной юрисдикции короля, привлечение их к общегосударственному обложению, как и отмеченные выше попытки привлечь их к несению военной службы в пользу феодального государства, никак не могут рассматриваться как проявление тенденций к «освобождению» крестьянства. Виноградов, безусловно, прав, когда он замечает, что по мере усиления феодального государства, оно стремилось предъявить требования ко всем гражданам, независимо от их личного статуса. Однако он глубоко ошибается, видя в этих требованиях признак равноправия всех слоев населения перед законом. Коренная ошибка его и многих других буржуазных исследователей в оценке этой стороны королевской политики заключается в том, что они выдвигают на первый план в политической истории XII—XIII вв. борьбу за власть, доходы и политическое влияние между крупными феодалами и королем, изображая ее как борьбу надклассового государства против феодалов. При этом, не признавая феодальной природы этого государства, они не понимают и того, что главной его целью была защита интересов класса феодалов в целом, и что отстаивая свое право эксплуатировать вилланов в свою пользу через голову их феодалов, королевская власть отнюдь не препятствовала последним усиленно эксплуатировать тех же вилланов и даже активно помогала им в этом.

Если бы возраставшие требования государства по отношению к вилланам ослабляли бы их эксплуатацию со сторо-

ны отдельных лордов, то в такой политике государства можно было видеть объективную тенденцию к освобождению крепостного крестьянства к превращению его в свободное сословие. Но такая тенденция отчасти наметилась в Англии только с конца XIV в. и в XV в., когда рост централизованной эксплуатации крестьянства сопровождался массовым личным освобождением вилланов и стабилизацией феодальной ренты.

В этих новых условиях, когда масса крестьян постепенно превращалась в мелких свободных собственников, их равноправие со свободными в уголовных процессах и их участие в уплате государственных налогов в какой-то мере служило свидетельством их постепенного движения к сословному полноправию [151]. В XIII же веке, когда над вилланами тяготел гнет феодального произвола, власть лорда и манориальной курии, и возрастали размеры феодальной ренты, все отмеченные выше специфические особенности их правового положения отнюдь не делали их «полноправными» людьми. Это «полноправие» оборачивалось для них лишь новыми тяготами, не давая им никакой реальной защиты. Специфика правового статуса английских вилланов свидетельствовала не о тенденции к их освобождению со стороны королевской власти, но лишь о значительной силе центрального правительства, которое в длительной борьбе с крупными феодалами постепенно добилось возможности непосредственно эксплуатировать в свою пользу даже лично зависимых крестьян-вилланов и сумело отчасти подчинить их своей юрисдикции. Центр тяжести этой проблемы лежит, таким образом, больше в сфере тех отношений, которые складывались между феодальным государством и различными группами класса феодалов, чем в сфере взаимоотношений между королевской властью и крепостным крестьянством.

§ 3. Позиция законодательства, общего права и королевских судов по отношению к свободному крестьянству

Позиция общего права и политика английских королей по отношению к свободному крестьянству была гораздо более

[151] Впрочем, даже и в этот период личное освобождение крестьян нельзя рассматривать как результат политики государства и прокламированных им с конца XII в. принципов «равноправия» вилланов в деле налогообложения и уголовной юрисдикции. Государство в этот период лишь не препятствовало тем изменениям в положении крестьянства, которые вызывались всем ходом экономического развития страны и невыгодностью для большей части феодалов подневольного труда вилланов. При этом, приспособляясь к этим изменениям, оно под напором тех же феодалов искало новых путей усиления эксплуатации крестьянства в форме повышения государственных налогов.

сложной, чем в отношении вилланства. Это объяснялось сложным и противоречивым положением свободного крестьянства в феодальной Англии. То, что в Англии даже после норманского завоевания сохранились значительные кадры свободного крестьянства, и то, что в XII—XIII вв. этот слой населения все время возрастал количественно, не могло не оказать влияния на политику королевской власти и на формирование общегосударственного права. Свободное крестьянство в силу особенностей своего социального положения в период с XI по XIII в. неизменно являлось политическим союзником королевской власти. Стремясь привлечь на свою сторону в борьбе с крупными феодалами этот слой населения, обеспечить себе независимую от феодального ополчения наемную армию и судебно-административный аппарат на местах, королевская власть в XII—XIII вв. проводила, во всяком случае формально, политику защиты свободного крестьянства от земельных захватов и насилий крупных феодалов. Это нашло отражение в общем праве и законодательстве XII—XIII вв. Проводя резкую грань между крепостными и свободными людьми, реформы Генриха II ясно и недвусмысленно причислили лично свободных крестьян ко второй категории, приравняв их по правовому их положению к представителям класса феодалов. С этого времени общее право и законодательство формально ставило свободное крестьянское держание под защиту закона и королевских судов, так же как земельные владения феодалов. Ассизы Генриха II, открывая всем свободным держателям независимо от их сословного положения доступ в королевские суды и право пользоваться расследованием через присяжных по Великой ассизе и владельческим ассизам, положили начало тому сближению в правовом отношении между свободным крестьянством и мелкими феодалами, которое было одной из особенностей социально-политического развития Англии.

Юридическим выражением этого своеобразия английского феодального права и являлись привилегии свободного держания, формально не делавшие различия между всеми категориями свободных держателей, и, в частности, между крестьянами и мелкими феодалами. Совместное участие этих двух социальных слоев в оппозиционных выступлениях в 1215 и 1258—1265 гг. еще более усилило эти тенденции в законодательстве. Во-первых, потому, что политические требования, выдвигавшиеся оппозицией, в какой-то мере отражали интересы свободного крестьянства. Во-вторых, потому, что Иоанн Безземельный и Генрих III, делая уступки коалиции своих противников и в 1215 и в 1258 — 1259 гг., охотно шли навстречу требованиям рыцарства и свободного крестьянства, рассчитывая найти в этих социальных слоях опору против олигархи-

ческих стремлений баронства. Это, в частности, особенно наглядно видно из того факта, что в 1267 г. Генрих III почти без изменений переиздал под названием Мальборосского статута латинскую часть [152] Вестминстерских провизий — документ, отражавший, прежде всего, интересы рыцарства и верхушки свободного крестьянства, изданный в самый разгар политической борьбы 50-х гг. [153]. В законодательстве конца XIII в. эта линия королевской политики также прослеживается достаточно ясно.

Продолжая традицию ассиз Генриха II, оно брало под свою защиту земельные права свободного крестьянства, так же, как и мелкого рыцарства, разрабатывая и уточняя нормы общего права в этом вопросе в интересах этих слоев населения. Так, 16 ст. Мальборосского статута устанавливала порядок возвращения земли малолетнего наследника, захваченной опекуном по ассизе о смерти предшественника [154]. Ст. 17 того же статута защищала права держателей сокажа [155], находящихся под опекой, от разорения их владений опекунами [156]. Поскольку в качестве опекунов свободных держателей выступали обычно их лорды, эти меры были явно направлены против интересов этих последних. Более полную защиту (по сравнению с ранним периодом) земельных прав свободных держателей вообще и свободного крестьянства в частности прокламировал ряд статей I Вестминстерского статута 1275 г. Ст. 40 обеспечила процедуру вызова гарантов [157] в исках о свободном держании, облегчая истцу-держателю доказательство его владельческих прав против своего или чужого лорда. Ст.ст. 42, 43, 44, 45 устанавливали порядок представления оправдания неявки в суд. Эти статьи были особенно важны для мелких свободных держателей, так как феодалы часто ускользали от их исков при помощи повторных неуважительных неявок в суд. Ст. 47 того же статута гарантировала истцу по ассизе о новом захвате, в случае смерти ответчика, немедленное вступление во владение спорным имуществом, невзирая на наслед-

---

[152] Подробнее об этом см. в гл. V.

[153] Текстуальные совпадения имеются между ст. ст. 9 и 12 Мальборосского статута и ст. ст. 1—3 Вестминстерских провизий, между ст. 15 статута и ст. 11 провизий. Ст. 16 статута соответствует 9 и 10 ст. ст. провизий; ст. 18 статута точно повторяет ст. 12 провизий. Ст. 22 статута воспроизводит ст. 18 провизий (см. Statutes, vol. 1, pp. 21—24, ср. с текстом Вестминстерских провизий, опубликованным в изд. «Памятники истории Англии». М., 1936, стр. 168—178).

[154] Statutes, vol. 1, p. 23.

[155] Ibidem.

[156] Ibidem, p. 24.

[157] Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 31.

ников ответчика [158]. Так как в большинстве случаев захватчиком являлся более крупный землевладелец, то статья эта также была к выгоде всякого свободного держателя, в том числе и крестьянина.

Такой же смысл имела и ст. 6 II Вестминстерского статута, устанавливающая имущественную ответственность гарантов в земельных исках за сознательную затяжку процесса в пользу ответчика [159]. Интересы свободных держателей, несомненно, имела в виду и ст. 10 этого статута, устанавливавшая точные сроки подачи исков на сессии разъездных судов, так как влиятельные землевладельцы графств с помощью взяток, даваемых шерифу, часто возбуждали земельные иски против более мелких держателей после установленного срока, тем самым застигая своих противников врасплох [160]; к выгоде свободных держателей, в том числе и крестьян, была и 30 ст. II Вестминстерского статута, устанавливающая порядок организации судебных сессий для разбора исков по владельческим ассизам в графствах. Благодаря этому постановлению иски по земельным делам передавались в компетенцию особых выездных ассизных судей (отличных от обычных разъездных судей), что, несомненно, должно было ускорить и упорядочить разбор этих исков. Защиту интересов мелких свободных держателей имел отчасти в виду также любопытный статут 1292 г. «О гарантах», который запрещал непосредственным держателям короля, то есть магнатам Англии, выставлять в качестве гарантов в Суде королевской скамьи в тяжбах о свободном держании «всяких плутов, неизвестных лиц и чужеземцев... предки которых не имели никакого права собственности на держание, о котором они свидетельствуют» [161]. В качестве одного из оснований для этого запрещения указывалось то, что, выставляя таких ложных гарантов, эти магнаты могут защищать свои права с помощью своих слуг, «что крайне затруднительно и опасно для бедных истцов в их тяжбах против магнатов и богатых людей, которые стараются защищать свои права с помощью вышеуказанного обмана...» [162].

Защита земельных прав свободных держателей утверждалась королевским законодательством и в вопросе о пользовании общинными угодьями. Мы уже отмечали, что и 6 ст.

---

[158] Там же, стр. 34—35.
[159] Там же, стр. 51—52.
[160] Там же, стр. 58—59.
[161] Statutes, vol. 1, p. 108.
[162] Ibidem, p. 109. «...se defendent per corpus servientis provisi et conducti per ipsos per baronia tenentes» «...quod durus est et exemplum pernicosem tempori futuri pro pauperibus petentibus versus magnates et divites, qui se per maliciam praedictam defendere voluerunt».

Мертонского статута и 46 ст. II Вестминстерского статута, разрешая феодалам производить огораживания, исходили из того, что при этом свободным держателям лорда-огораживателя (Мертонский статут) и соседям — держателям соседних лордов (II Вестминстерский статут),— в отличие от вилланов (см. выше), должно быть обеспечено достаточное пастбище с достаточным к нему подходом и выходом [163].

Законодательство XIII в. ограждало движимое имущество свободных держателей и их личность от посягательств крупных феодалов, как их лордов, так и посторонних. Ст. 15 Мальборосского статута запрещала феодалам налагать арест на имущество их свободных держателей, находившихся за пределами владений (феода) их лордов [164]. Особенно интересна в этом отношении 17 ст. I Вестминстерского статута 1275 г., установившая новую процедуру для возвращения держателю скота, захваченного у него и угнанного лордом в порядке наложения ареста на имущество.

Согласно этому новому постановлению, в случае, если захватчик не возвращал скот потерпевшему после представления им поручительства, шериф имел право въехать с вооруженным отрядом на землю захватчика и силой освободить скот. В случае, если захватчик окажет сопротивление, его замок или крепость, в которой находится угнанный скот, подлежали конфискации. Истец должен был получить двойное возмещение убытков [165]. Для того чтобы оценить истинное значение этой статьи, нужно только представить себе роль такого рода захватов скота в жизни английской деревни. Скот обычно захватывался в качестве меры принуждения у держателей (вилланов и свободных), не уплативших свои ренты или не выполнивших повинности. Эта мера применялась также в отношении лиц, которых надо было принудить к явке в суд и, в частности, в феодальную курию, и вообще являлась наиболее распространенной в XII в. мерой принуждения. Нередко угон скота практиковался просто как средство нажима на мелких свободных держателей, с целью принудить их к какой-либо невыгодной сделке. Обычно это средство давления применялось по отношению к сравнительно мелким землевладельцам, не имевшим достаточных средств для защиты своего имущества.

Угон скота, особенно во время полевых работ, был настоящим бедствием для мелкого держателя и нередко грозил ему разорением, если скот задерживался позже законного срока—

---

[163] Вестминстерские статуты, стр. 88—89.
[164] Statutes, vol. 1, p. 23.
[165] Вестминстерские статуты, стр. 18.

представления поручителей в том, что потерпевший выполнит свои обязательства по отношению к лорду. Ясно, что рассматриваемое постановление очень облегчало положение свободного крестьянства в таких случаях.

Защиту личных и имущественных прав мелких феодалов и массы свободных держателей имела в виду, очевидно, и ст. 12 I Вестминстерского статута, запрещавшая судьям принимать обвинения от лиц, не имеющих имущества, которым они могут отвечать в случае ложного иска. Постановление мотивировалось тем, что «многие люди по злому умыслу, желая причинить вред другим, возбуждают ложные обвинения в убийстве и других тяжких уголовных преступлениях с помощью обвинителей» [166]. Очевидно, эти обвинители, не имеющие никакого имущества, нанимались богатыми людьми, чтобы теснить менее влиятельных свободных держателей.

Аналогичную цель преследовал также и королевский ордонанс «О заговорщиках» (de conspiratoribus), изданный в 1306 г. В нем давалось точное определение тех лиц, которых можно обвинить и наказывать как «заговорщиков». Под это определение подводились все лица, вступающие друг с другом в тайные соглашения о взаимной помощи и поддержке в ложных исках, возбужденных кем-либо из них с целью обогащения; лица, заставляющие малолетних (очевидно, своих подопечных) возбуждать ложные обвинения в тяжелых уголовных преступлениях, а также «те, кто платят людям данной местности одеждой и деньгами за то, чтобы они поддерживали их коварные предприятия и скрывали правду»; наконец, «бейлифы больших лордов, которые своей властью разбирают в своем суде дела, не касающиеся поместья или их лорда» [167].

Из этого определения «заговорщиков» ясно, что статут имел в виду махинации наиболее влиятельных крупных землевладельцев графств, или зависевших от них лиц, использовавших свое влияние для притеснения путем всякого рода ложных обвинений мелких свободных держателей графств, и в том числе, несомненно, свободных крестьян.

В законодательстве английских королей XIII в. нашли отражение и некоторые политические интересы свободного крестьянства — во всяком случае его высших слоев, близкие политическим интересам рыцарства. Так, в их интересах, несомненно, были те меры по ограничению иммунитетных прав крупных феодалов, которые со времени Генриха II последовательно проводились центральным правительством.

Хотя такого рода постановления имели в виду в первую

---

[166] Там же, стр. 60.
[167] Statutes, vol. I, p. 145.

очередь интересы короны и права ее судебных органов, и хотя на практике борьба с иммунитетами велась очень осторожно, но все же эти ограничения судебной власти лордов-иммунистов, расширяя сферу влияния центральной власти, попутно имели своей целью воспрепятствовать произволу магнатов по отношению к мелким феодалам и свободным держателям и, в частности, к свободным крестьянам.

Уже реформы Генриха II, во всяком случае формально, значительно ослабили узы судебной зависимости и свободных держателей и мелких феодалов от их лордов, разрешив им непосредственно обращаться в королевский суд по гражданским и уголовным искам. Постановления второй половины XIII в. пошли в этом направлении еще значительно дальше. Прямым и весьма сильным ослаблением судебной власти феодалов по отношению к их свободным держателям всех рангов были постановления Мальборосского статута (повторявшие 1, 2, 3 и 18 ст.ст. Вестминстерских провизий), освобождавшие свободных держателей от обязательства посещать курии своих лордов, если эта обязанность не была специально оговорена в условиях держания (ст.ст. 9, 20, 21, 22 этого статута) [168].

В этом же направлении действовали и другие антииммунитетные постановления I и II Вестминстерских статутов и прежде всего Глостерского статута 1278 г., содержание и социальный смысл которых мы рассмотрим далее, в главе IV.

Наконец, в интересах массы свободных держателей, так же как мелких феодалов и горожан, были многочисленные, хотя и весьма непоследовательные и малоэффективные попытки центрального правительства, зафиксированные в законодательстве, умерить стяжательство и самоуправство местной королевской администрации — шерифов, бейлифов, коронеров и др. Первые постановления такого рода принимались правительством под давлением оппозиции в 1215, 1258, 1259 гг. [169]. И это обстоятельство также подчеркивает, что они были направлены на защиту мелких феодалов и массы свободных держателей [170].

---

[168] Statutes, vol. I, pp. 21—24.

[169] К ним относятся ст. ст. 13, 14, 16, 17, 18, 19, 21, 22 петиции баронов 1258 г., ряд статей Оксфордских провизий, регулирующих положение высших должностных лиц королевства: верховного судьи, казначея, канцлера, судей и бейлифов короля, шерифов, исчиторов; ст. ст. 5, 13, 21, 22 Вестминстерских провизий.

[170] Такого рода постановления имели в виду в первую очередь интересы свободных держателей графств. Ясно, что, издавая их, правительство меньше всего имело в виду защиту интересов вилланов, которые были лишены прав апеллировать в королевские суды на произвольные действия местной администрации или бороться с ней каким-либо иным

И после конца политических волнений середины XIII в. в законодательстве время от времени проскальзывают аналогичные постановления, направленные против произвольного повышения штрафов, налагаемых шерифами на графства за различные правонарушения, и против взяточничества и прочих вымогательств королевских чиновников, чинимых по отношению к свободным жителям графства [171].

Равноправие свободного крестьянства с феодалами-рыцарями утверждалось законодательством XIII в. не только в судебном, но и в военном отношении. И ассиза о вооружении, и приказ Генриха III от 1252 г. об оружии, и Винчестерский статут 1285 г. устанавливали градации среди свободных держателей и рыцарей в отношении несения военной службы только по их имущественному положению, но отнюдь не по характеру держания или знатности происхождения.

Согласно приказу 1252 г., например, обязанность иметь вооружение, соответствующее их доходам, распространялась одинаково и на мелкого крестьянина с доходом менее 40 ш. в год, и на зажиточного крестьянина с доходом от 40 ш. до 5 ф., и на свободных держателей, приближавшихся к мелким вотчинникам и рыцарям, с доходом выше 15 ф., которые должны были иметь рыцарское вооружение. Даже самые бедные люди, доходы которых были ниже доходов всех указанных выше категорий, обязывались иметь луки и стрелы вне леса и лук и дротик на терррритории лесных заповедников. Разница заключалась лишь в том, что более богатые обязывались приобрести и иметь более дорогое оружие, а люди победнее — более дешевое, по соответствующей шкале.

Таким образом, с формальной стороны все свободное население страны, включая и крестьянство, было поставлено в одинаковое положение с рыцарством в отношении военной службы в пользу государства.

Это видимое «равенство» перед законом свободного крестьянства со всеми категориями «свободных держателей», в

способом. С другой стороны, баронская верхушка и большинство городов были в известной мере ограждены от этих произвольных действий своими иммунитетными правами, в частности правом returnus brevium, которое закрывало шерифам и другим должностным лицам въезд на иммунитетную территорию. Кроме того, крупные светские и духовные феодалы всегда располагали достаточными средствами и военными силами, чтобы дать отпор зарвавшимся королевским чиновникам, а поэтому для них эти постановления были далеко не столь важны. Напротив, администрация графства предпочитала обогащаться за счет менее влиятельных и более беззащитных мелких рыцарей и держателей крестьянского типа.

[171] I Вестминстерский статут, ст. ст. 3, 18, 19, 24, 26, 28, 30, 32 (Вестминстерские статуты. Юриздат, М., 1948); II Вестминстерский статут, ст. ст. 13, 37, 42, 43 (там же).

том числе и феодалов, и являлось в устах некоторых буржуазных историков одним из главных аргументов в пользу их мнения о том, что королевская власть в Англии XII—XIII вв. защищала народ от притеснений могущественных феодалов.

Однако более глубокое изучение тех же статутов XIII в. показывает сомнительность этих утверждений. В некоторых статутах мы встречаем постановления, явно противоречащие интересам свободного крестьянства.

В том самом Глостерском статуте 1278 г., который был так решительно направлен против иммунитетных прав феодалов, мы находим одно любопытное постановление, по-видимому, враждебное мелким свободным арендаторам-крестьянам. Согласно этому постановлению, если кто-либо сдаст свою землю другому на условии уплаты $^1/_4$ или более дохода с земли и арендатор в течение двух лет не будет возделывать ее и платить арендную плату, то сдавший землю или его наследник через два года после прекращения платежей может возбудить иск о возвращении земли, переданной на таких условиях из домена [172].

Статут, очевидно, имел в виду не виллана, а свободного человека, так как для того, чтобы прогнать виллана, не надо было возбуждать иска. Но это и не богатый фригольдер или рыцарь, а мелкий крестьянин, как об этом свидетельствует высокая арендная плата. Однако арендатор на домене — это фигура, не очень характерная для XIII в. Он находился, так сказать, в исключительном положении, и тенденция законодательства по отношению к нему еще не характерна для политики по отношению к свободному крестьянству вообще. Но вот II Вестминстерский статут через 7 лет распространяет это постановление на всех свободных держателей вообще. Ст. 21 этого статута, напомнив о Глостерском статуте, добавляет: «Точно так же решено, что, если кто-нибудь в течение двух лет не выполняет службы и обычные повинности, которые он обещал выполнять в пользу своего лорда, то лорд имеет также право на иск о возвращении земли» [173]. Статья эта прямо и недвусмысленно направлена против свободных крестьян-недоимщиков, то есть против, вероятно, наиболее бедных и стесненных в материальном отношении фригольдеров.

Противоречит представлению о защите свободного крестьянства в статутах Эдуарда I и статья 2 II Вестминстерского статута. Она незаметно сводит на нет ряд предшествующих постановлений, ограничивающих права крупных феодалов в отношении захватов скота их свободных держателей, о чем

[172] Statutes, vol. 1, p. 48.
[173] Вестминстерские статуты, стр. 64.

говорилось выше в связи с Мальборосским и I Вестминстерским статутами. Не отменяя формально этих постановлений, новый статут разрешает лорду, захватчику скота, возбуждать встречный иск против держателя, оспаривающего право лорда налагать арест, с тем, чтобы удержать у себя захваченный скот. Любопытно, как при этом статут объясняет, почему, вопреки общему праву, лорду-ответчику разрешается подавать встречный иск: «Потому что, хотя кажется с первого взгляда, что держатель является истцом, а лорд ответчиком, тем не менее, учитывая, что лорд наложил арест и подал в суд по поводу недоимок по службам и повинностям, он в действительности сам является скорее истцом, чем ответчиком» [174].

Таким образом, статут отдает полное предпочтение феодальным правам лорда на взыскание недоимок перед правом свободного держателя на его движимое имущество.

Эти отдельные противоречия в законодательстве XIII в. наводят на мысль, что уже не так безоговорочно и не во всех случаях оно становилось на защиту свободного крестьянства. При этом особенно характерно то, что отмеченные выше «коррективы» касаются не общих вопросов права, а самых конкретных хозяйственных интересов держательской массы, связанных с уплатой повинностей, недоимками, крайне стеснительной для крестьянства практикой захвата скота. Источником этих противоречий, как нам представляется, было различное отношение законодательства, и вообще феодального государства, к различным группам свободного крестьянства. В среде английского свободного крестьянства в XII в. наблюдалось довольно резкое расслоение. Большинство этого слоя составляли мелкие и мельчайшие держатели наделов до 8 акров [175]. Естественно, что, несмотря на формальную общность правового положения всех свободных крестьян, эти мелкие держатели отличались по своему имущественному положению и социальному весу от полнонадельных свободных виргатариев, а тем более крупных фригольдеров, примыкавших к низшим слоям мелких вотчинников.

Нетрудно заметить, что все отмеченные выше ограничения в защите свободного держания касались в основном низших и средних слоев фригольдеров.

В качестве недоимщиков, у которых могла быть отнята их земля, или захвачен их скот, выступали, конечно, не рыцари, не мелкие вотчинники и даже не зажиточные крестьяне. Это были, как правило, крестьяне-середняки или бедняки, специ-

---

[174] Там же, стр. 40—41.
[175] См. Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 279, 286.

фические крестьянские интересы которых не находили реальной защиты в королевском законодательстве. Очевидно, такая реальная и полноценная защита обеспечивалась наряду с рыцарством лишь фригольдерской верхушке, непосредственно к нему примыкавшей.

То, что социальное расслоение в среде свободного крестьянства уже в XIII в. играло немалую роль в политической линии феодального государства, подтверждается и другими фактами из области организации местного судебного и административного управления в графствах. Известно, что после реформ Генриха II широкое распространение в Англии инквизиционного процесса сопровождалось привлечением к участию в судебных разбирательствах в качестве присяжных наряду с рыцарями и других свободных держателей. Однако, несмотря на формальное равенство всех свободных людей перед законом, правительство тщательно следило за тем, чтобы местная администрация и судебные органы пополнялись только за счет наиболее богатых и влиятельных фригольдеров графства. Уже в ассизах Генриха II настойчиво подчеркивалось, что в присяжные должны назначаться не вообще свободные люди, но только наиболее «полноправные» — legales или legaliores homines [176], очевидно, — более влиятельные и зажиточные.

В XIII в. стремление ограничить круг свободных держателей, принимающих участие в органах местного самоуправления, более зажиточными людьми становится еще очевиднее. Ст. 38 II Вестминстерского статута открыто установила имущественный ценз для лиц, назначаемых в ассизы и жюри. Помимо стариков и больных, статут запрещал шерифам назначать в ассизы лиц, имеющих годовой земельный доход менее 20 ш., если расследование производится внутри графства, и лиц, имеющих годовой земельный доход менее 40 ш., если расследование должно производиться вне графства [177]. Еще далее в этом направлении шел статут 1293 г. «О лицах, которых можно включать в жюри и ассизы», согласно которому в ассизы, действующие внутри графства разрешалось включать лишь лиц с годовым земельным доходом не менее 40 ш., а в комиссии, действующие вне графства, лиц с доходом не менее 100 ш., то есть 5 ф. [178].

---

[176] Assize of Clarendon. Select charters. Oxford, 1874, p. 143, ст. 1; Assize of Northamton (ibidem, pp. 151, 152), ст. 1, 3, 4.
[177] Вестминстерские статуты, стр. 79—80.
[178] Statutes, vol. 1, p. 113.

Издание обоих статутов внешне мотивировалось интересами менее зажиточных фригольдеров [179].

Однако каковы бы ни были субъективные цели этих статутов, объективно они устраняли от участия в судебных разбирательствах на местах, выражаясь их терминологией, всех «бедных людей» и людей «скромного достатка». О том, что такая политика правительства диктовалась отнюдь не только желанием оградить от разорения эти низшие слои свободных держателей, но и стремлением устранить их от участия в судопроизводстве, говорит один из пунктов статута 1293 г., обвиняющий шерифов и бейлифов сотен в том, что до издания статута они незаконно освобождали от ассиз наиболее подходящих людей (magis sufficientes), **с помощью которых истина дела могла быть лучше установлена** [180]. Под этими «подходящими» людьми следует понимать скорее всего именно наиболее состоятельных.

Очевидно, само правительство было заинтересовано в том, чтобы судебные и другие расследования в графствах, на которых базировалась вся система местного управления, проводились наиболее богатыми и влиятельными в данной местности фригольдерами.

Попытаемся уточнить эту грань, отделявшую «наиболее подходящих» фригольдеров от «бедных людей» или людей «скромного достатка», фигурирующих в рассмотренных нами статутах. Трудно точно установить, каким размерам держания соответствовали установленные ими минимальные доходы. Е. А. Косминский считает среднюю доходность виргаты в 20 ш.[181]. Мы полагаем, однако, что эта цифра слишком занижена, так как известны случаи, когда только одна рента виргатария-виллана составляла 20 ш. А ведь даже у виллана, не говоря уже о свободном держателе, должны были быть доходы сверх того, что он отдавал в форме ренты. С другой стороны, буржуазные исследователи — Роджерс, Грас, Гранат, Беннет,— несомненно, преувеличивают бюджет свободного виргатария, исчисляя его чистый годовой доход не ниже 4-х ф., то есть 80 ш. Действительный доход фригольдера-виргатария, вероятно, колебался между 20 и 40 ш.

---

[179] Статут 1285 г. во вступлении указывал, что до сих пор «жюри и ассизы отнимали много времени у **бедных людей** (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*), тогда как богатые оставались дома благодаря взяткам» (Вестминстерские статуты, стр. 79—80). Статут 1293 г., как сообщает вступление к нему, был издан в ответ «на постоянные жалобы **людей скромного достатка**» (mediocris populi)», так как существовавшая до этого практика назначения в ассизы приводит к обеднению и даже полному разорению многих». Statutes, vol. I, p. 113 (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*).

[180] Ibidem.

[181] См. Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 324.

Следовательно, статут 1285 г. исключает участие в ассизах во всяком случае всех фригольдеров с держаниями ниже полувиргаты, которых он определял как «бедных людей», а статут 1293 г. распространил это исключение (для ассиз, разбиравшихся внутри графства) на фригольдеров с держаниями ниже виргаты, которых он назвал людьми «скромного достатка». В ассизы, разбиравшиеся вне графства, допускались лишь сравнительно зажиточные люди, составлявшие верхний слой свободного крестьянства, примыкавший к рыцарству [182]. Такие же цензовые ограничения, хотя и не оговоренные специально статутом, практиковались в собраниях графств, в которых регулярно участвовали, как правило, свободные держатели, держания которых были не менее виргаты [183].

Вполне понятно, что феодальное государство не могло доверить местное управление с его жюри и ассизами, с его собраниями графств представителям эксплуатируемого, угнетенного, хотя и лично свободного крестьянства. Только самый верхний его слой, для которого был открыт путь к вступлению в рыцарское сословие, представители которого в качестве присяжных и других подручных шерифа были не прочь поживиться за счет своих соседей — бедняков, был достаточно прочной опорой существующего строя. На него и опиралось английское феодальное государство, устраняя от участия в политической жизни страны и местном управлении основную массу свободного крестьянства. Но этот привилегированный слой фригольдеров — держателей виргаты и более виргаты — составлял незначительный процент всего свободного крестьянства. Напомним, что по подсчетам Е. А. Косминского фригольдерские держания размером в 1 виргату и выше составляли всего 23% всех свободных держаний по графствам, описанным в Сотенных свитках 1279 г. [184].

Следовательно, если руководствоваться цензом 1293 г., 77% всего английского свободного крестьянства, то есть все бедное и среднее крестьянство, не принадлежало к числу «полноправных» свободных держателей, на которых так щедро изливались «благодеяния» королевского законодательства.

Еще заметнее это сказывалось в практике королевских судов и других органов власти, которая еще более углубляла разрыв в фактическом положении различных категорий сво-

[182] То, что комиссии присяжных, как правило, составлялись из более зажиточных фригольдеров, подтверждается анализом социального состава присяжных в комиссиях расследования 1279 г., который был проведен Е. А. Косминским: из 179 обследованных им присяжных только 24 имели держания менее виргаты (Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 327—328).

[183] См. гл. VI.

[184] Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 279—280.

бодных держателей. Для реализации тех прав, которые формально принадлежали всякому свободному человеку в Англии XIII в., требовались часто такие условия, которые были недоступны для значительного большинства свободных держателей крестьянского типа.

Первым из этих условий была платность судопроизводства в королевских судах всех категорий, которая практически делала их недоступными для свободной крестьянской бедноты, а отчасти и среднего крестьянства. Для разных судов и разных исков эта плата была, вероятно, различна. За приказ о начале иска по ассизам (по Великой ассизе или по владельческим ассизам) истец должен был уплатить $^1/_2$ марки. Такая же сумма уплачивалась обычно за приказ «о праве» [185] и за расследование через присяжных [186]. Но это было только начало расходов по судебному процессу. На всех его ступенях истец должен был платить деньги за всякую мелочь: за услуги судейских чиновников, за каждую выписку из судебного решения, за каждую копию. Наконец, в случае проигрыша дела, на что бедняку всегда приходилось рассчитывать, он должен был уплатить еще судебные издержки, а иногда штраф за «ложную жалобу». Даже официальные расценки за все судебные услуги были довольно высоки [187]. Но эти официальные платежи составляли лишь незначительную часть издержек, связанных с ведением тяжбы. Во всех звеньях судебного аппарата в XIII и XIV вв. царило откровенное взяточничество, которое являлось немалым препятствием в осуществлении прав всякого свободного крестьянина [188].

Огромные затраты, необходимые для ведения дела в королевских судах, делали их недоступными для значительной части свободного крестьянства. Мелкие свободные крестьяне вынуждены были обращаться в более дешевые феодальные суды — в «свободную курию» лорда, а иногда и в манориальную курию, которая считалась судом для вилланов. Это на практике ставило их в положение, очень близкое к положению вилланов, ибо, обращаясь в сеньериальные суды, они фактически оказывались во власти внеэкономического принуждения со стороны своего лорда, который всегда мог воспользоваться своими юрисдикционными правами, чтобы теснить

---

[185] Year books. vol. I, Preface, p. XXVI.

[186] Pl. Abbr., p. 123 — иск Вильяма де Мельсхэм; p. 125 — иск Роберта де Фольвиль.

[187] См. 44 ст. II Вестминстерского статута. Вестминстерские статуты, стр. 86.

[188] См. ниже.

своих мелких свободных держателей, отнимать у них землю, захватывать скот, налагать высокие штрафы и т. д. [189].

Но даже в тех случаях, когда свободный крестьянин среднего достатка все же обращался в королевский суд, он не мог рассчитывать на защиту своих прав. Как показывает анализ судебных протоколов, общее право в большинстве случаев толковалось королевскими судьями не в пользу мелких свободных держателей. Прежде всего очень часто крестьянские иски в королевских судах не доводились до разбирательства, несмотря на очевидную необходимость судебного вмешательства. Это особенно наглядно видно на судьбе исковых жалоб, подававшихся в графствах разъездным судьям (bills of eyrs). Многие из этих жалоб исходили от представителей свободной бедноты. В bills of eyrs в графствах Шропшире и Стаффордшире конца XIII — начала XIV в. (1292—1333) нам встретилось 23 жалобы, подателями которых были мелкие свободные держатели. Из них только 4 разбирались на сессиях разъездных судов, остальные 19 даже не рассматривались [190]. Обычно причина этого явления нам неизвестна, так как на полях жалобы стоит просто трафаретная пометка: «non venit или «non prosecuta». Однако, как показывают отдельные случаи, где можно установить причину, обычно она заключалась в недостатке средств у истца для ведения иска по жалобе или в том, что он не отважился продолжать дело против более могущественного ответчика.

Например: Гуго сын Уильяма, жалуясь на Томаса, сына Томаса из Линтона, что тот незаконно отнял у его один акр земли и все имущество, находившееся в его доме, заканчивает свою жалобу следующим образом: «Я прошу Вас ради спасения Вашей души оказать мне помощь против него, потому, **что я столь беден, что не могу вести встречный иск**»[191]. Само собой понятно, что дело это не разбиралось.

По такой же, очевидно, причине отказался от своего иска и арендатор Томас Трик в маноре Ludlow, подавший жалобу на Гуго Дэнвилля, который отнял у него за неуплату долга его усадьбу и потребовал с него 24 ш. (вместо причитавшихся с Томаса 15 ш.). Хотя Томас затем отдал ему 24 ш., но так и не получил свою усадьбу обратно. Подав жалобу, Томас, однако, на разбирательство не явился и проиграл дело [192].

[189] При этом надо учесть, что в феодальных куриях еще в XIII в. не всегда было принято расследование через присяжных, гражданские иски часто решались судебным поединком, нельзя было применять и великую ассизу и так называемые владельческие ассизы, применявшиеся в королевском суде.

[190] Select bills in Eyre, Selden Society publ., vol. 30. London, 1914, passim.

[191] Ibidem, p. 47, № 72 (подчеркнуто нами. — *Е. Г.*).

[192] Ibidem, p. 15.

Очень характерно также дело Эдит, жены Ричарда из Дарлестона в Стафордшире, возбужденное ею на сессии 1293 г. Муж Эдит Ричард за 9 лет до этого вместе с ней арендовал у госпожи Амиссии, вдовы крупного землевладельца Генри де Вердун, полвиргаты пахотной земли с лугами и всем к ней относящимся на 20 лет и уплатил 7 марок вперед. Но когда через 9 лет после заключения этой сделки Ричард умер, «Амиция, когда он еще лежал в доме, явилась туда и выбросила Эдит и ее шестерых детей из дома и владений под тем предлогом, что ее муж умер, опечатала ее амбар, велела обмолотить весь хлеб, который там нашла, а именно 12 бушелей зерна, стоимостью в 12 ш., и приказала отвезти этот хлеб в свой манор» [193]. В день, назначенный для разбирательства, Эдит не явилась в суд, и дело было прекращено. На причины этой неявки проливает свет одна маленькая деталь жалобы. Изложив обстоятельства дела, Эдит прибавляет, что она уже имела ранее приказ о начале иска, но передала его шерифу, который скрыл его и не пустил в ход потому, что «указанная Амиция является сестрой сэра Рожера де Пенлесдон» (Penlesdon),— очевидно влиятельного человека в графстве [194]. Весьма вероятно, что шериф позаботился также о том, чтобы помешать Эдит вести дело и в разъездном суде.

Но даже в тех случаях, когда мелкий свободный крестьянин доводил дело до суда, оно обычно решалось не в его пользу. Сплошь и рядом земельные иски таких фригольдеров решались в пользу их обидчиков — их сеньеров или соседних феодалов, по каким-либо чисто формальным основаниям.

Так, мелкий свободный держатель Аллан Плотмен из Wolwerton'а пожаловался на то, что крупный и богатый землевладелец Рожер Лонгфилд отнял у него его усадьбу с четырьмя акрами земли, вывез у него все имущество на сумму в 10 ш., срубил его деревья и препятствует ему обрабатывать землю, задерживая под видом ареста на имущество его лопату [195]. Сам истец называет себя и свою мать «бедными людьми». Об этом же говорит и то, что в его хозяйстве заступ является важным орудием производства.

Вместо того, чтобы разобрать дело по существу, суд аннулировал иск на том основании, что ответчик Рожер Лонгфилд держит эту землю совместно со своей женой, которая не упомянута в исковой жалобе.

Безуспешно добивался своего права на держание в королевском суде Ричард Аттвуд «свободный сокмен короля», дер-

---

[193] Ibidem, p. 44, № 68.
[194] Ibidem, p. 45.
[195] Ibidem, p. 21, № 35.

жатель $^1/_2$ виргаты земли, у которого его лорд Вильям де ла Мар отнял в счет 60 ш. недоимки его движимое имущество, разрушил строения в его усадьбе — амбар, коровник, вывез к себе на двор все заготовленные строительные материалы и, наконец, отнял его землю, а самого Ричарда выгнал из деревни [196]. Все это произошло в 1283 г., а потерпевший еще в 1293 г., — через 10 лет — тщетно добивался правосудия в королевском суде.

Такую же картину фактической беззащитности земельных прав мелких свободных держателей рисуют и протоколы других королевских судов [197].

Характерно, что даже в исках об общинных правах, практически мелкие свободные держатели часто терпели поражение, несмотря на благоприятствующие как будто бы им постановления статутов — Мертонского и II Вестминстерского.

Обычной формой индивидуального протеста свободных держателей против огораживания являлись частные иски отдельных лиц против лордов, возбуждавшиеся в порядке ассизы о новом захвате. Истцами в этих исках, как правило, если не всегда, выступали более зажиточные свободные держатели, иногда такие иски возбуждались соседними лордами, нередко даже довольно крупными [198]. Основная масса свободных крестьян едва ли была в состоянии вести эти дорогостоящие и рискованные процессы. Как показано в диссертации советского исследователя К. Д. Авдеевой по истории ранних огораживаний в Англии в период с 1236 г. по 1272 г., значительную часть таких частных исков составляли именно тяжбы между феодалами, тогда как в последней трети XIII в. среди них значительно повысился процент исков свободных крестьян-держателей [199]. Этим, очевидно, объясняется то, что в решениях по этим искам против лордов-огораживателей в период до 1272 г. трудно вскрыть определенную тенденцию. За период с 1216 по 1272 г. нами была обнаружена в Pl. Abbr. 31 тяжба такого рода. Из них 20 решено в пользу истцов-держа-

---

[196] Ibidem, p. 65.

[197] См. Pl. Abbr., p. 148 — иск Ричарда Балскота против Джона Хертвилл; ibidem, p. 123 — иск Уильяма Мейсхэм против Ричарда Кузингтона и др.

[198] Например, в 1292 г. в королевском суде происходила тяжба о праве пользования 63 акрами пастбища между двумя крупными феодалами Гуго Паверел и Томасом де Санкто Омеро (Pl. Abbr., p. 229). В этом же году за право пользования общинным пастбищем в 200 акров судились также крупные феодалы Гальфрид де Ласи и Вильям Дуглас (Pl. Abbr., p. 227).

[199] К. Д. Авдеева. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии XIII века. Канд. дисс. Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена, 1951, стр. 232, 233.

телей, только 9 в пользу лордов-огораживателей и решение по 2 неизвестно. Совсем иную картину представляют результаты аналогичных дел в царствование Эдуарда I. Всего мы нашли для этого периода в использованных нами источниках 25 таких частных исков (20— в Pl. Abbr., 5— в Year books). Из них 16 было решено в пользу лордов-огораживателей, 5 — в пользу истцов — свободных держателей, в 4 случаях решение неизвестно.

Такое изменение в характере судебных решений едва ли было случайным. Помимо того что здесь могло иметь место изменение социального облика истцов-держателей, по сравнению с более ранним периодом, в этом изменении несомненно сыграли роль те уточнения, которые внесли в вопрос об огораживаниях сначала Мертонский, а затем II Вестминстерский статуты. До их издания королевские суды не имели прочной «законной» основы для отвода претензий свободных держателей лорда-огораживателя (которую им дал Мертонский статут) или его соседей (которая была установлена II Вестминстерским статутом) на общинные земли. В конце XIII в. судьи могли делать такие отводы на том основании, что у свободных держателей есть «достаточно» пастбищ и без особых колебаний принимать решения в пользу лордов-огораживателей.

Таким образом, издание Мертонского и II Вестминстерского статутов, несмотря на прокламированную ими защиту свободных держателей, в первую очередь имело целью закрепить и обосновать законом захваты общинных земель, производившиеся феодалами, отчасти также и за счет свободного крестьянства.

Классовая тенденция королевских судов, осуществлявших практическое применение этих статутов, становится особенно очевидной при рассмотрении тех судебных дел, истцами в которых несомненно являлись свободные держатели крестьянского типа. Здесь, как и в рассмотренных выше судебных делах другого рода, суды сплошь и рядом решали споры в пользу лордов-огораживателей по чисто формальным мотивам, не входя в сущность дела.

Обычно иск держателя отклонялся, согласно вердикту присяжных, которые свидетельствовали, что истец никогда не пользовался общинными правами на спорной земле [200].

Иногда ответчик-лорд и жюри ссылались на то, что оспариваемое общинное пастбище расположено не в той деревне,

---

[200] Pl. Abbr., p. 190 — дело крестьянина Вильяма Нэг против Лоры де Раннел — госпожа манора.

где находится свободное держание истца, на основании которого он требует себе общинных прав [201]. В большом ходу были также чисто формальные казуистические мотивы для отвода исков свободных держателей: неточная формулировка приказа, отсутствие в нем имени совладельца ответчика и т. д. [202].

В этом смысле очень характерно решение судьи Бервика в одном из таких исков; в котором держатель предъявил хартию на право пользования огороженным общинным пастбищем.

Судья, откровенно встав на сторону лорда-ответчика, выдвинул следующий аргумент против этой хартии. «Ваша хартия, — заявил он, — гласит — «Вы можете пользоваться общинными угодьями, как и все соседи», но прочие соседи пользуются общинными правами, как принадлежностью своих держаний, следовательно, он (истец. — *Е. Г.*) может пользоваться им только, как принадлежностью своего держания, а из этого следует, что по своей хартии он не может получить ничего сверх того, чем он пользовался раньше» [203].

Ассиза беспрекословно подтвердила это казуистическое утверждение, и держатель-истец проиграл дело.

Сплошь и рядом ответчики-лорды, а вслед за ними присяжные и судьи, принимая решение в пользу огораживателей, прямо или косвенно ссылались на Мертонский или II Вестминстерский статуты, аргументируя это решение тем, что истец-держатель имеет достаточно места для пастбища вне огороженной территории [204].

Такая позиция королевских судов, по сути дела враждебная стремлениям массы свободного крестьянства отстоять свои законные права на пользование общинными угодьями, заставляла свободных крестьян сплошь и рядом добиваться осуществления этих своих прав, вместе с вилланами, путем разрушения изгородей и рвов и насильственного захвата огороженных участков.

Не менее резко классовая тенденция в практике королевских судов проявлялась в исках свободных держателей против их лордов по вопросу о размере ренты. Здесь, как прави-

---

[201] Ibidem, p. 229.

[202] Year books, vol. III, p. 285 — иск держателя А против лорда, аббата Бульдевас; Pl. Abbr., p. 284 — иск держателя Гуго де Гонсеби против его лорда Роберта Пауэр.

[203] Ibidem, p. 435.

[204] Pl. Abbr., p. 268 — иск держателя Генриха, сына Роберта против лорда Вильяма, сына Адама; ibidem, p. 286 — иск Роберта N против его лорда; Year books, vol. III, pp. 121—123 — иск держателя А против его лорда-огораживателя Вильяма де Чендос.

ло, королевский суд также оказывался на стороне лорда [205].

В этом отношении для позиции королевских судов характерен такой случай.

В 1247 г. свободные держатели аббата Миравэл во главе с Рожером Седингтон пожаловались разъездному суду в Лейстершире на то, что аббат и его бейлифы захватили их скот с целью принудить их выполнять повинности, которые они по закону не должны выполнять (qui ei de jure non debent nec solent). Аббат, ничего не говоря о сути дела, просто заявил, что этот иск не может разбираться в суде, сославшись при этом на шерифа графства, который подтвердил, что текст приказа о начале иска, поданного ему, расходится с текстом приказа о начале иска, поданного разъездному суду. Этой чисто формальной придирки было достаточно, чтобы аббат был отпущен с миром (sine die), а его свободные держатели оштрафованы за ложную жалобу [206].

По вопросу об установлении правового статуса свободных крестьян королевские суды занимали двойственную позицию. В некоторых случаях по искам отдельных крестьян против попыток закрепощения со стороны их лордов суд становился на сторону крестьянина, признавал его свободным и даже выносил решение о компенсации ущерба, нанесенного ему в тот период, пока лорд обходился с ним, как с вилланом [207].

---

[205] Так, в 1289 г. крупный феодал Роберт Типетот был оправдан в королевском суде по иску своего свободного держателя Джона Хорслей, у которого он захватил скот за неуплату годовой ренты в размере 9 ш., в течение 2-х лет за $^1/_2$ виргаты в деревне Herley в Уорквикшире. Хотя истец утверждал, что его годовая рента составляет не 9, а всего 6 ш. 8 п., захват скота был признан законным, а истец оштрафован за ложный иск (Pl. Abbr., p. 220). В аналогичном иске между свободным держателем Робертом Басинтон и его лордом Робертом Пэрсел на сессии разъездного суда в Оксфордшире в 1231 г. суд фактически также стал на сторону лорда-ответчика, принудив свободного держателя к невыгодному для него соглашению. Лорд утверждал, что держатель за 2 виргаты своего свободного держания должен платить ему 7 ш., выполнять две осенние помочи и на рождество приносить 6 кур и 4 хлеба. Держатель считал себя обязанным платить лорду 6 ш. и 1 п. в качестве гайдагиума. Принудив держателя к соглашению, суд тем самым признал право лорда требовать от него дополнительные отработочные и натуральные повинности (ibidem, p. 117). К тому же истец за разрешение заключить соглашение (pro licencia concordandi) должен был заплатить 20 ш., т. е. свою ежегодную ренту почти в тройном размере (ibidem).

[206] Ibidem, p. 125.

[207] Ibidem, p. 293 — иск крестьянина Александра Тренч против его лорда Джона де Ботилье; Ibidem p. 267 — иск крестьянина Атте Кирк против его лорда; ibidem, p. 265 — иск аббата Messenden против крестьянки Агнессы Кинчесхэлл и др.

Однако количество таких решений было очень невелико [208]. В других же гораздо более многочисленных случаях королевские суды, как мы уже отмечали, являлись инстанцией, в которой крестьяне, претендовавшие на свободный статус, в конце концов признавали себя вилланами [209].

Решение в пользу той или иной стороны, вероятно, зависело каждый раз от индивидуальных условий: от зажиточности крестьянина-истца, а также от происхождения его «свободы». Более зажиточным фригольдерам, державшим земли по хартии и по обычаю манора, очевидно, легче было добиться в суде признания своей свободы. Иначе дело обстояло с **мелкими свободными крестьянами,** новыми поселенцами, арендаторами на домене и т. д., свободный статус которых установить было трудно и которых легче было подчинить власти лорда. Отрицательные решения, вероятно, обычно принимались и в отношении тех крестьян, которые, будучи переведены на денежную ренту и живя в городах и чужих местах, «забывали» о своем вилланском происхождении и претендовали на свободный статус.

Можно предположить, что королевские суды защищали от попыток закрепощения со стороны лордов только более зажиточные элементы свободного крестьянства, в поддержке которого в известной мере было заинтересовано само феодальное государство. Но они отнюдь не обеспечивали стабилизации свободного статуса мелких свободных держателей крестьянского типа, количество которых все время возрастало в XIII в.

Суммируя все вышесказанное относительно политики английского феодального государства и позиции общего права по отношению к свободному крестьянству, можно сделать некоторые общие выводы.

Эта политика значительно отличалась от политики в отношении вилланства тем, что общее право и королевское законодательство признавали формально за свободным крестьянином, как и за всяким свободным держателем, право апеллировать в королевский суд для защиты своего имущества и личной свободы. Однако практическая интерпретация этого правового и политического полноправия свободного крестьянства сводила его лишь к защите того зажиточного слоя свободных держателей, который по своим экономическим и социальным интересам был близок к мелким вотчинникам и составлял постоянный резерв их пополнения. Для большинства свободного крестьянства (многочисленной сво-

[208] За 35 лет правления Эдуарда I нам встретилось всего 5 таких случаев.

[209] См. выше.

бодной бедноты, а отчасти среднего крестьянства) защита личных и имущественных прав, прокламированная общим правом, на практике часто оставалась фикцией.

Положение этих категорий свободного крестьянства оказывалось немногим лучше, чем положение вилланов, и политика феодального государства по отношению к тем и другим часто оказывалась почти одинаковой. Известному стиранию граней между ними способствовало также и то, что возраставший с середины XII в. налоговый гнет одинаково тяжело ложился на свободных и крепостных крестьян, подвергая и тех и других дополнительной централизованной форме эксплуатации.

Таким образом, пресловутая привилегия свободного держания и защита королевской властью свободного крестьянства, на которых в значительной мере строится апология английской средневековой монархии в буржуазной историографии, в реальной действительности выглядела совсем иначе, чем это представляется некоторыми историками. На практике не всегда можно было провести четкую грань между виллано м и мелким свободным держателем [210], но вовсе не потому, что положение виллана заключало в себе черты некоторой свободы. Скорее, напротив, эта грань стиралась потому, что малоземельные свободные крестьяне, как мы видели, обычно не имели возможности воспользоваться привилегиями своего свободного статуса и попадали в положение, близкое к вилланам.

Ограниченность сферы действия на практике привилегии свободного держания, зафиксированной в английском общем праве, находит объяснение в социальной и сословной неоднородности того слоя населения феодальной Англии XIII в., который фигурирует в источниках этого времени под общим названием «свободных держателей». Заслуга открытия этой неоднородности свободных держателей принадлежит советским исследователям.

В противоположность буржуазным историкам, которые трактовали «свободных держателей» как недифференцированную массу, советский ученый Е. А. Косминский впервые заметил, во-первых, что под этим названием скрывались иногда светские и церковные феодалы, державшие в том или ином маноре мелкие свободные держания [211], во-вторых, что

[210] Обширный и интересный материал по этому вопросу имеется в работе H. Cam. «Pedigrees of villain and freemen in the thiretnth century» in; «Liberties and Communities in Medieval England». Cambridge, 1944

[211] Е. А. Косминский имел при этом в виду только внутривотчинный фригольд, не считая тех владельцев целых рыцарских феодов, маноров и других самостоятельных земельных комплексов, которые с точки зрения общего права также считались «свободными держаниями».

в среде свободных держателей-крестьян имело место значительное расслоение и преобладали средние и мелкие крестьяне [212]. Продолжая исследование проблемы фригольда XIII в. в этом же направлении, М. А. Барг еще более подчеркнул резкие различия в имущественном и сословном положении свободных держателей. По его подсчетам, в графствах центральной Англии, описанных в Сотенных свитках 1279 г., мелкий внутривотчинный фригольд в значительной части находился в руках светских феодалов (около 30%), церкви (от 26 до 40%) и торгово-ремесленных городских элементов (от 10 до 12%). Этот фригольд, находившийся в руках некрестьянских элементов, часто использовался как феодальная собственность путем эксплуатации вилланов, сидевших на этой земле [213].

М. А. Барг вслед за Е. А. Косминским констатировал также весьма значительное расслоение среди тех свободных держателей, которых можно определенно считать держателями крестьянского типа [214].

Как бы ни относиться к точности массовых подсчетов, произведенных М. А. Баргом [215], его выводы, как и выводы Е. А. Косминского, не оставляют сомнений в сложности и пестроте социального и сословного состава даже тех мелких свободных держателей, которые по внешней видимости их землевладения можно причислить к собственно крестьянам.

Поскольку в реальной жизни Англии XIII в. не было свободных держаний вообще, но были свободные держания феодалов, держания зажиточных, крепких крестьян, наконец, держания свободной крестьянской бедноты, то и феодальное государство не могло одинаково защищать права и интересы всех этих групп населения, скрывавшихся под общим названием «свободных держателей» вообще или даже «свободных крестьян» вообще.

«Привилегия свободного держания» на деле использовалась феодальным государством только для защиты мелкой феодальной собственности, а также землевладения крепкой

---

[212] См. Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 277—279.

[213] См. М. А. Барг. Фригольд центральной Англии. Сб. «Средние века», вып. IX. М., 1957, стр. 271—273, 276, 277.

[214] Там же, стр. 285, 286.

[215] Эти подсчеты М. А. Барга построены на основе весьма сложной идентификации имен всех свободных держателей, записанных в Сотенных свитках 1279 г., то есть нескольких десятков тысяч имен. Учитывая, что многие из них совпадают, и что в XIII в. у многих людей еще не было фамилий, такая идентификация чревата возможностью многочисленных ошибок и в ту и в другую сторону. Поэтому невозможно считать цифры Барга абсолютно точными. Они могут лишь проиллюстрировать некоторые тенденции в социальном и сословном распределении фригольда XIII в. и при том только в центральной Англии.

крестьянской верхушки, но отнюдь не для защиты широких масс свободного крестьянства. Вместе с тем объединение под общей рубрикой «свободных держателей» столь пестрых социальных элементов открывало английским королям широкие возможности для демагогических заигрываний со свободным крестьянством. Терминология «общего права», не делавшая различий между разными категориями свободных держателей, создавала в среде свободного крестьянства иллюзию равенства с феодалами, веру в короля как защитника крестьян и, проводя резкую грань между свободными и крепостными крестьянами, способствовала их разобщению и мешала их совместной борьбе с феодалами. Но когда бедный крестьянин-фригольдер пытался на основании привилегии свободного держания искать правосудия в королевском суде против притеснений своего или соседнего лорда, то она сплошь и рядом оказывалась фикцией.

§ 4. Судебно-административный аппарат феодального государства и крестьянство

На страже интересов феодалов в их столкновениях с вилланами и свободной крестьянской беднотой вместе с судебным аппаратом стояла также королевская администрация в центре и на местах.

Обычно лорд, выигравший дело против своих крестьян, тут же в суде получал приказ на имя шерифа графства, «чтобы тот разрешил ему принуждать своих вилланов к выполнению в его пользу должных повинностей и служб» [216].

Иногда же шериф получал гораздо более определенное распоряжение. Так, в заключении уже упоминавшейся тяжбы держателей манора Тависток, шерифу графства было прямо приказано «принуждать указанных держателей к выполнению в пользу указанного Гальфрида (лорда. — *Е. Г.*) обычные повинности и вилланские службы, всякий раз, как они будут этому сопротивляться (fuerint rebelles) и когда он от них этого потребует» [217].

Еще более решительный приказ получил шериф графства Ноттингем в связи с тяжбой держателей манора Coton с их лордом Рожером де Валлибус. Шерифу было приказано, «чтобы, если указанному Рожеру придется принуждать указанных держателей к выполнению этих повинностей, при помощи захвата скота или движимости, шериф ни в коем случае не освобождал бы (захваченное имущество. — *Е. Г.*) под предлогом какого-либо приказа, исходящего из королевской канцелярии,

[216] Напр., Pl. Abbr. (1279 г.), p. 270 — дело держателей манора Clendon против лорда.

[217] Ibidem, p. 271.

если в этом приказе ничего прямо не сказано о данном судебном решении» [218]. Такие же приказы нередко выдавались в суде для предъявления шерифу по поводу принуждения держателей к восстановлению изгороди или рва или с целью запретить им пользоваться теми или иными общинными угодьями [219].

Но классовая, враждебная крестьянству роль королевского судебно-административного аппарата не исчерпывалась теми мерами принуждения, которые вытекали из судебных постановлений или специальных королевских распоряжений. Может быть, в еще большей мере она проявлялась в тех бесконечных злоупотреблениях и насилиях, которые представители этого аппарата чинили по отношению к крестьянам, в интересах их лордов и соседей-феодалов, а также и с целью личного обогащения.

Хорошо известно, какие широкие размеры в XIII—XIV вв. приобрело взяточничество в среде судейских чиновников. В статутах XIII в. то и дело встречаются адресованные им запрещения брать взятки в какой бы то ни было форме или поддерживать в суде одну из тяжущихся сторон за денежное или земельное вознаграждение [220]. Известно также, что все эти постановления соблюдались очень плохо и что в 1289 г. Эдуард I вынужден был сместить за взяточничество двух судей Королевской скамьи из трех и четырех судей суда общих тяжб — из пяти. При этом король конфисковал у них огромные суммы денег, награбленных при помощи всевозможных взяток [221].

Столь же обычны в XIII в. были разнообразные злоупотребления местной администрации. Это можно видеть уже из опросных статей — capitula, легших в основу расследования 1274 г., результатом которого явились Сотенные свитки этого года. Присяжные должны были ответить на следующие вопросы: какие шерифы и бейлифы берут взятки за сокрытие и поддержку уголовных преступников (ст. 15) и за освобождение свободных жителей графств от участия в жюри и ассизах (ст. 16); кто из них незаконно штрафует лиц, назначенных сверх нормы в жюри и ассизы, с целью вымогать у них деньги

---

[218] Ibidem, p. 201. Аналогичные приказы находим в Rotuli literarum clausarum, vol. II. London, 1844, p. 189 — по делу Уильяма де Мандевилль; ibidem, p. 11 — по делу держателей Роберта де Арчер; а также в Calendar of close rolls of the reign of Edward I, vol. I. London, 1900, p. 302— по делу вилланов лорда Роберта Погейз.

[219] Ibidem, p. 213.

[220] Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 23, 24, 86.

[221] W. Holdsworth. A history of english law, vol. II. London, 1909, pp. 240—244.

(ст. 17); имеются ли в сотне должностные лица, которые, злоупотребляя своей властью, безосновательно обвиняют людей в тяжелых уголовных преступлениях, отнимая у них под этим предлогом земли и доходы (ст. 20). Расследование должно было указать на шерифов, которые, получая с населения королевские долги, не выдают расписок (ст. 22) и берут взятки за отсрочку в принятии рыцарского звания у тех, кто по своему имущественному положению обязан его принять (ст. 23), обнаружить шерифов и бейлифов, которые ложно обвиняют невинных людей с тем, чтобы вымогать с них деньги за снятие этих обвинений (ст. 26), всех чиновников, которые за взятки выпускают из тюрьмы заведомых убийц и грабителей (ст. 27) и вообще берут взятки и подарки (dona, lucra, munera) за выполнение своих прямых обязанностей (ст. 33) [222].

Уже один этот перечень наглядно показывает, какой изобретательностью отличались представители местной администрации в притеснении населения графств. Еще более яркий материал представляют ответы присяжных на эти вопросы, зафиксированные в Сотенных свитках 1274 г.

Присяжные сотни Weresle в Кембридшире свидетельствуют, что Роберт Эстрендж (Esternge), шериф графства, содержит некоего обвинителя (probatorem) и с его помощью обвиняет достойных людей, и даже когда показания присяжных оправдывают этих людей, указанный шериф тем не менее берет с них по полмарки [223]. Присяжные приводят 7 подобных случаев. Такие же обвинения по адресу шерифа повторяют и присяжные других сотен этого графства [224]. Вообще уголовная юрисдикция и связанные с ней полицейские меры служили неиссякаемым источником доходов для местных должностных лиц и средством для притеснения населения.

Шерифы и бейлифы широко пользовались с целью вымогательств ложными обвинениями невинных людей. Для своего обогащения они использовали также и настоящих уголовных преступников, иногда вступая с ними в сделки. Присяжные сотни Shyreyke в Йоркшире сообщают, что «Роберт Вилейн, когда он был бейлифом Bingeley, взял у некоего Блит'а (Blith), обвиненного присяжными (в уголовном преступлении. — *Е. Г.*), 10 ш. за снятие с него этого обвинения и, кроме того, захватил всю его землю в Ризефорде и держит ее до сих пор. Также присяжные говорят, что он брал деньги от многих людей за сокрытие их уголовных преступлений и принимал у себя многих преступников» [225].

---

[222] R. H., vol. I, p. 1—2.
[223] Ibidem, p. 50.
[224] Ibidem, p. 52.
[225] Ibidem, p. 106.

Покрывая уголовных преступников, шерифы и бейлифы часто подвергали преследованию пострадавших, принуждая их отказываться от своих уголовных исков. В этом отношении очень характерен случай, о котором сообщают присяжные сотни Staynleyf в Йоркшире: «Когда Гуго де Резингль возбудил обвинение против монахов и послушников монастыря de Salle в убийстве Вальтера, его брата, монахи так поладили с Генрихом де Нормантон (помощником шерифа), что тот должен был обвинить вышеупомянутого Гуго в разбое и арестовать его; узнав об этом, Гуго бежал из этих мест и не осмелился поддерживать в суде свое обвинение» [226].

Источником постоянных злоупотреблений и притеснений местного населения были широко практиковавшиеся в графствах захваты скота и инвентаря свободных держателей в порядке меры принуждения. Сотенные свитки очень ярко показывают, какое огромное значение они имели на практике. Присяжные сотен Harrig и Teigeburgg в Девоншире приводят несколько любопытных фактов такого рода. Так, в сотне Harrig шериф графства Рожер Придеус (Prideaus) приказал своим бейлифам захватить скот Генриха Кильдрингтона — 8 быков и 10 голов нерабочего скота — в деревне Colebrok весной 1272 г. и угнать его в манор, принадлежавший графу Корнуольскому. Когда пострадавший попросил у шерифа распоряжения отпустить скот, «согласно законам и обычаям Англии», то шериф отказался это сделать и задержал скот до тех пор, пока Генрих не уплатил ему 40 ш. без всякого судебного постановления [227]. И количество скота и сумма штрафа указывают на то, что потерпевший принадлежал к числу держателей крестьянского типа, хотя и сравнительно зажиточных. Однако шериф не успокоился на этом; в следующем 1274 г., как сообщают присяжные той же сотни, он снова приказал бейлифу графа Корнуольского Александру де Бренейз (Braneys) захватить скот Генриха. На этот раз были захвачены не только 8 быков, но и плуг вместе со стрекалом и железными частями и, кроме того, 16 голов нерабочего скота. Скот и плуг были снова угнаны во владения графа Корнуольского — в манор Braneys. Задержанный скот и инвентарь были использованы в маноре для работы. Бейлиф графа, пригнавший их сюда, «приказал пахать при помощи этих быков и плуга земли эрла Корнуольского ежедневно в течение шести недель с момента их захвата и без всякого судебного постановления». Генрих потребовал у шерифа возвращения скота, но тот ответил, «что он захватил этот скот не у Генриха,

[226] Ibidem, p. 111.
[227] Ibidem, p. 71.

а у аббата де Форд, от которого тот держит»[228]. Однако попытки аббата освободить скот также не увенчались успехом[229]. Не подействовал даже приказ короля, так как шериф отказался освободить скот «и воспрепятствовал королевскому бейлифу выполнить приказ господина короля, как полагается по закону». Как сообщают присяжные, он «до сих пор не желает отпустить скот по приказу господина короля, до сих пор его задерживает и выказывает этим свое пренебрежение к приказу господина короля»[230].

Этот пример характерен во многих отношениях. Он показывает, с одной стороны, как распри между феодалами, в данном случае между графом Корнуольским и аббатом де Фордом, отражались на хозяйстве держателя-крестьянина, с другой стороны, наглядно свидетельствует о том, что местные должностные лица короля всегда готовы были стать на защиту крупного землевладельца против крестьянина, особенно, если получали за это соответствующую мзду. Наконец, рассмотренный нами случай показывает, какими бедствиями грозил угон скота крестьянскому хозяйству. В течение шести недель, по-видимому в самую рабочую пору, Генрих Кильдрингтон был лишен своего плуга и упряжки, которые в это время эксплуатировались в маноре графа Корнуольского.

Преследования шерифа и его подручных могли довести крестьянина и до еще худших последствий, если у него не было возможности регулярно откупаться от них взятками. В этом отношении характерна судьба свободного держателя Генриха де Бикель, о которой сообщают присяжные сотни Teygeburgg графства Девоншир. В 1273 г. уже известный нам Рожер Придеус без всяких оснований захватил скот Генриха и задерживал его до тех пор, пока тот не уплатил ему 1 м. Затем он наложил на имущество Генриха арест на сумму в 10 ш. также без всяких к тому оснований. После этого по распоряжению шерифа его клерк «явился в загон для скота указанного Генриха после полуночи в день св. Петра в оковах и там захватил четырех быков стоимостью 40 ш. и одну корову стоимостью в 7 ш. и угнал их»[231]. В следующем, 1274 г. в день св. Лаврентия шериф вместе с его помощниками «выгнали из дома и лишили владения Теобальда Бушель и Генриха Бикель и Матильду, его жену, опекунов этого Теобальда по

---

[228] Ibidem, p. 71.

[229] Ibidem.

[230] Ibidem. «...Sed dictus Rogerus adhuc ea pro precepto domini Regis deliberare noluit et adhuc ea detinuit et mandatum domini Regi de toto contempserit».

[231] Ibidem, p. 82.

его свободному держанию в Bardle, а указанных Генриха и Матильду лишили их права пользоваться ее вдовьей частью. Кроме того, они захватили их имущество и скот на сумму в 10 ф.» [232].

Очевидно, шериф в данном случае хотел захватить землю Генриха, пользуясь тем, что он не является ее собственником, а владеет ею лишь как опекун своего пасынка и совладетель вдовьей части своей жены. Все предшествующие притеснения Генриха [233], вероятно, преследовали эту конечную цель — лишить его этого держания.

Представители местной королевской администрации отлично сочетали во всех своих проделках личные выгоды с выгодами крупных землевладельцев графств, которых они за большие деньги поддерживали в их тяжбах с более мелкими свободными держателями. Перед лицом этого союза бессильны были все строгие процессуальные нормы и расследования через присяжных, составлявшие основу английского судопроизводства со времен Генриха II. Шериф, на обязанности которого лежало составление жюри и ассиз, мог подбирать присяжных так, чтобы обеспечить нужное ему решение. Если же он опасался своеволия присяжных, то он практиковал методы более прямого воздействия. Например, помощник шерифа Йоркшира Генрих Нормантон просто взял и арестовал 12 присяжных, участвовавших в разбирательстве иска о новом захвате между Рожером, сыном Томаса, и Вильямом де Уат, очевидно, боясь, что их вердикт будет не в пользу последнего [234].

О том, что подавляющее большинство «блюстителей мира и порядка» на местах вело себя именно так, как показывают приведенные выше примеры, свидетельствуют и другие лаконические, но полные глубокой значимости сообщения присяжных во время расследования 1274 г. Присяжные сотни Bedburnestock в Бедфордшире «говорят, что все бейлифы во времена всех шерифов брали от людей взятки за освобождение от участия в ассизах» [235]. На вопрос о шерифах, берущих взятки, присяжные ваппентека Aynesty в Йоркшире меланхолически сообщают: «...все единодушно так делали до сих пор, но что и сколько брали — не знают» [236]. Им вторят присяжные ваппентека Osgotecross того же графства: «Господин шериф Козил (Cousil) и Генрих де Киркеби и все другие шерифы в течение 30 лет и до сих пор берут подарки за освобождение

[232] Ibidem.
[233] Ibidem, p. 82.
[234] Ibidem, p. 109.
[235] Ibidem, p. 3.
[236] Ibidem, p. 124.

от ассиз и жюри, но сколько берут — не знают»[237]. На этот же вопрос присяжные ваппентека Clarhou отвечают, что «все шерифы, бейлифы, коронеры так делали во все времена» [238].

Об одном из помощников коронера в графстве Йоркшир присяжные говорят, что «он творит многие притеснения, захваты, грабежи и несправедливости, превосходящие все, чему можно поверить» (ultra que credi potest) [239].

О другом, изложив ряд его проделок, присяжные замечают: «О нем говорят еще бесчисленное множество всяких удивительных вещей» (multa alia innumera et mirabilia dicuntur) [240].

Все эти злоупотребления местной администрации тяжело ложились не только на вилланов, но и на основную массу мелких свободных крестьян и, может быть, тяжелее на последних, чем на первых. От вымогательств и притеснений этих чиновных хищников вилланов иногда мог защитить авторитет и влияние их лорда, если это был крупный феодал, располагавший иммунитетными правами, ограждавшими его земли от вторжений шерифов, бейлифов и их подручных. Свободные же крестьяне находились обычно в полной власти этих должностных лиц и не могли от них ждать пощады. Эта сторона деятельности аппарата английского феодального государства обычно игнорировалась буржуазными исследователями. В большинстве случаев они предпочитают судить о судебно-административной системе феодальной Англии только по юридическим трактатам и правительственным постановлениям XIII в. [241]. Правда, в работах современной английской исследовательницы Э. Кэм немало красочных страниц посвящено описаниям бесчинств королевской администрации в графствах Англии [242]. Однако Кэм отнюдь не ставит эти явления в связь с общим характером английского феодального государства XIII—XIV вв., которое и в ее представлении остается идеальным государством «права и порядка». В злоупотреблениях королевских чиновников она видит лишь случайность, следствие их личных дурных качеств или отражение господствующей морали [243].

Между тем значение этих злоупотреблений не исчерпывается несоответствием между «хорошими законами» мудрых королей и их «дурным исполнением» со стороны нерадивых чиновников.

---

[237] Ibidem, p. 126.
[238] Ibidem, p. 116.
[239] Ibidem, p. 112.
[240] Ibidem, p. 100.
[241] См. работы Стеббса, Гнейста, Тоута, Голдсворта, Мэтланда и многих других.
[242] H. Cam. The Hunded and Hundred rolls. Oxford, 1921.
[243] H. Cam. The Studies in the Hundred rolls. Oxford, 1931.

Судебно-административная практика XIII в. со всеми ее вымогательствами, насилиями, издевательствами по отношению к крестьянству отражала враждебность всей политики феодального государства к этому основному эксплуатируемому классу общества. В законодательстве и общем праве эта враждебность открыто обнаруживалась только по отношению к вилланам, тогда как в отношении массы свободного крестьянства она прикрывалась защитой привилегированной фригольдерской верхушки. На практике же все органы феодального государства выступали как сила, враждебная широким массам не только вилланов, но и свободных крестьян. Эти вымогательства и насилия вовсе не были случайностью, следствием дурных моральных качеств отдельных представителей центральной и местной администрации, но с необходимостью вытекали из классовой природы этого государства, призванного защищать интересы эксплуататоров — феодалов против эксплуатируемых — крестьян.

Классовая природа английского государства, в частности, очень ярко проявлялась в том, что власть, особенно в местном управлении, в Англии XIII в. в значительной мере находилась в руках представителей класса феодалов, преимущественно мелких и средних вотчинников. Все эти шерифы, бейлифы, коронеры, исчиторы, виртуозные жульничества которых мы рассматривали выше, в основном были выходцами из рыцарей или не титулованных мелких вотчинников. Из них же вербовались судьи, клерки, адвокаты центральных и выездных королевских судов. Наконец, в качестве присяжных, как уже указывалось, действовали или те же рыцари, или представители фригольдерской верхушки — liberi et legales homines, часть которых постоянно вливалась в ряды мелких вотчинников. Представители этих социальных слоев английской деревни, естественно, не могли и не хотели выступать на защиту интересов широких масс крестьянства. Напротив, они обычно использовали свое пребывание в той или иной должности для личного обогащения, округления своих владений, усиления своего влияния. При таких условиях ни о каком правосудии для бедняка, даже лично свободного, не говоря о виллане, не могло быть и речи.

* *
*

Какую бы сторону взаимоотношений феодального государства с крестьянством мы не брали, всюду мы видим враждебность его политики по отношению как к крепостному, так и к широким массам свободного крестьянства.

Что касается политики английских королей XIII в. по отно-

шению к вилланству, то она является очень яркой иллюстрацией характеристики, которую В. И. Ленин дал феодальному, крепостническому государству вообще. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...» [244].

Естественно, что укрепление и усиление такого крепостнического государства, происходившее в Англии в XII—XIII вв., означало не облегчение, но в целом ухудшение положения вилланской массы.

Но усиление централизованного феодального государства не приносило сколько-нибудь заметного облегчения и широким массам свободного крестьянства. Теоретически это государство должно было облегчать положение свободного крестьянства, ограничивая произвол его лордов и могущественных соседей, но на практике все его органы интерпретировали нормы общего права к невыгоде широких слоев свободного крестьянства. Под прикрытием защиты «свободного держания» и свободного человека, прокламированной общим правом, в действительности скрывалась враждебность феодального государства к многочисленным мелким и средним свободным держателям. Феодальное государство, таким образом, обеспечивало феодальному классу возможность эксплуатации и этой части крестьянства. Пресловутая «защита народа» королевской властью выражалась лишь в защите личных и имущественных прав немногочисленного высшего слоя свободного крестьянства, в консервации и укреплении которого из политических соображений было заинтересовано центральное правительство и в XII и в XIII вв.

Наконец, и для крепостного и для свободного крестьянства рост государственной централизации в условиях XII—XIII вв. означал еще большее повышение общей нормы их эксплуатации в связи с ростом государственного обложения. Для них рост государственных налогов объективно означал повышение размеров централизованной феодальной ренты, тем более тяжелый, что он происходил одновременно с ростом феодальной ренты в пользу их лордов. Повышая размеры государственных налогов и привлекая к обложению даже вилланов, королевская власть перекладывала на плечи крестьянства содержание государственного аппарата, главной

[244] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 445.

задачей которого было «удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[245].

И английское крестьянство уже в XIII, а тем более в XIV в. осознавало это враждебное отношение феодального государства и, в общем, платило ему той же монетой. Здесь нужно сделать, правда, одну оговорку. Это недоверие к правительству со стороны широких масс крестьянства ни в XIII, ни даже в XIV в., как правило, не распространялось на личность короля. Как и в других странах средневековой Европы, в Англии в крестьянской среде были широко распространены так называемые царистские иллюзии — традиционное представление о королях, как о вождях и заступниках народа, которое было характерно вообще для крестьянской идеологии эпохи феодализма.

Даже в момент восстания Уота Тайлера, когда классовые противоречия в деревне достигли невиданной до тех пор остроты, основная масса повстанцев выступала с царистским лозунгом «За короля Ричарда и верные общины Англии» и наивно рассчитывала на помощь и защиту короля. Эти царистские иллюзии, выросшие на почве разобщенности, забитости и темноты крестьянских масс, усиленно культивировались английскими королями со времени нормандского завоевания [246].

Притупляя классовое самосознание и остроту классового сопротивления крестьянских масс эти иллюзии сослужили немалую службу английскому феодальному классу и государству как в XIII, так и в XIV в., облегчив им, в частности, подавление восстания 1381 г.

Большим мастером такой социальной демагогии был Эдуард I, никогда не упускавший случая заявить о своем беспристрастии к «бедным и богатым», «сильным и слабым», «большим и малым» [247].

---

[245] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 445.

[246] Тенденция к укреплению подобных иллюзий заметна уже в стремлении Вильгельма Завоевателя, а затем Генриха I выступать в качестве блюстителей мифических «законов короля Эдуарда», с которыми для англосаксонского населения страны и, в частности, для крестьянства связывалось представление о свободе «доброго старого времени». Она проявилась в демонстративной защите свободного держания и свободных держателей, прокламированной Генрихом II, которая получила дальнейшее развитие и закрепление в Великой хартии вольностей и Мальборосском статуте 1267 г. Этой цели служила, в частности, преамбула Мальборосского статута, утверждавшая, что «наилучшее исполнение королевских обязанностей» требует постоянного «поддержания справедливости в королевстве» (Statutes, vol. I, p. 19).

[247] Этому служили и его известная декларация о том, что «все, что касается всех должно быть одобрено всеми» (Памятники истории Англии, стр. 50—51), и его заявление в преамбуле Глостерского статута

Подобные заявления в основном имели в виду привлечение симпатий мелкого рыцарства, горожан, свободного крестьянства, но отчасти, видимо, были рассчитаны и на сочувствие крепостного крестьянства. Однако порождению и укреплению царистских иллюзий в среде вилланов гораздо больше содействовало то обстоятельство, что в XIII в. английские короли часто демонстративно вмешивались в столкновения вилланов с их лордами в защиту вилланов. Характерно, например, что на прямые, обращенные лично к ним жалобы вилланов ни Генрих III, ни Эдуард I никогда не отвечали прямым отказом. Напротив, их ответы на такие жалобы как будто бы имели в виду интересы вилланов-петиционеров. При чем это имело место не только тогда, когда жалоба исходила от держателей королевских маноров, страдавших от притеснений манориальной администрации или соседнего лорда [248], но и в тех случаях, когда спор возникал между виллланами и лордами прочих маноров. Нередко распоряжения короля в пользу вилланов как будто бы явно ущемляли интересы феодалов — их лордов. Так, в 1226 г. по жалобе держателей манора старинного домена de Cumenore Генрих III приказал лорду этого манора, аббату Абингдонскому, чтобы он не требовал со своих вилланов бóльших повинностей, чем они выполняли в то время, когда этот манор находился в руках предшественников короля [249]. Шерифу Беркшира, где находился манор, было приказано проследить за выполнением этого распоряжения [250]. В 1265 г. вилланы — сокмены манора Brampton пожаловались королю на своего лорда Генриха де Гастингс, обвиняя его в том, что он в течение многих лет принуждал их к несению повинностей, необычных в этом маноре. В ответ на эту жалобу Генрих III направил шерифу графства приказ следующего содержания: «...так как мы сочувствуем этим людям и их положению и желаем заслужить

о том, что «благо королевского звания требует наилучшего отправления справедливости в королевстве» (Statutes, vol. I, p. 45); и пожелание, выраженное в 1 ст. I Вестминстерского статута, «чтобы одинаковое право оказывалось всем, как богатым, так и бедным, не взирая на лица» (Вестминстерские статуты. М., 1848, стр. 7); и особенно преамбула «Ордонанса о лесах» 1306 г., в которой говорилось, что король неустанно занят тем, чтобы «уготовить радость покоя и облегчения для наших подданных», так как в этом заключается «покой самого короля» (Statutes, vol. I, pp. 147—148).

[248] Как лорд манора король в этих случаях был заинтересован, чтобы его вилланы не притеснялись сверх меры, чтобы они могли пользоваться нужными им общинными угодьями и т. д. Распоряжения такого рода, весьма многочисленные, содержатся в Rotuli literarum clausarum, vol. II. London, 1844, pp. 17, 46, 50, 51, 53, 59, 109, 130, 177, 193.

[249] Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 80.

[250] Ibidem.

милость (бога. — *Е. Г.*) своим состраданием, то мы приказываем Вам, чтобы Вы разрешили этим людям держать их земли и держания таким же образом и за те же повинности, как они держали раньше» [251].

В некоторых случаях король выступал на защиту общинных прав вилланов против их лордов. Так, в 1226 г. Генрих III приказал феодалу Ричарду де Мида, чтобы он беспрепятственно разрешил своим вилланам в маноре Hales, которые пожаловались на него, «мирно владеть их землями, хлебами, лугами и пастбищами, как они имели обыкновение владеть раньше, не лишая их всех этих прав» [252].

Король иногда считал возможным вмешиваться и в другие конфликты, возникавшие между лордами и их вилланами, в случае если вилланы обращались к нему с жалобой. В 1227 г. вилланы манора Bensinton в Оксфордшире пожаловались королю на то, что их лорд берет с них талью в бо́льшем размере, чем установлено обычаем. Генрих III приказал шерифу графства проникнуть в манор и проследить за тем, чтобы раскладки тальи производились в его присутствии и справедливо «(et in presentia sua dictum tallagium rationabiliter assideri faciet)» [253].

В других случаях Генрих III и Эдуард I, избегая давать прямой отрицательный ответ на жалобы вилланов, предпочитали, обходя вопрос по существу, отослать жалобщиков в обычные судебные инстанции, решение которых формально исходило не от короля. Это особенно наглядно заметно в ответах, которые король лично или через своего канцлера давал на так называемые парламентские петиции вилланов в конце XIII в. Хотя они назывались «парламентскими», но подавались на имя короля, никогда не обсуждались в парламенте и получали частные ответы от короля. Мы располагаем всего 5 такими петициями. Все они касаются или нарушений лордами общинных прав, или произвольного повышения ими вилланских повинностей. Ответы на эти петиции очень однотипны и очень характерны: «Пусть спорящие стороны явятся к канцлеру и Адам (управляющий лорда-ответчика.—*Е. Г.*) даст объяснение, почему он лишил их пастбища, и пусть им будет оказано правосудие», — гласит ответ короля на пети-

[251] Close rolls of the reign of Henry III. London, 1902—1938, vol. 13, p. 142.

[252] Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 121. «Ostenderunt nobis homines de Hales, quod occasione quereli, quam nobis fecerunt de Ric. de Mida de quidam pastura sua in Hales, quam non permisit eos habere sicut habere debent et consueverunt, idem Ricardus disseisivit eos de terris suis, bladis et pratis, unde mandavimus ei quod permittet eos in pace tenere terras suas, blada prata et pastura sic prius ea consueverunt tenere».

[253] Ibidem, p. 192.

цию вилланов Реджинальда де Аултон, поданную в 1290 г.[254]. «Пусть они представят в королевский суд (coram rege) протоколы прежнего разбирательства этого дела, и им будет оказано правосудие», — ответил Эдуард I на петицию держателей манора Stenlegh старинного домена короны в Ardern[255]. «Пусть канцлер вызовет судей и найдет средство помочь им»[256], или просто: «Пусть идут в канцлерский суд и купят себе приказ» (о начале иска. — *Е. Г.*)[257] — таковы были обычные ответы короля на аналогичные жалобы вилланов.

Выступая в роли «народных защитников», английские короли предоставляли роль угнетателей и притеснителей крестьянства судьям и закону, как бы снимая с себя ответственность за те несправедливости, которые суды творили по отношению к бесправным вилланам.

На деле эта «защита» в большинстве случаев оказывалась чистейшей фикцией. Ведь те учреждения, в которые король «милостиво» направлял петиции вилланов, не особенно блюли их интересы. Как только дело доходило до суда, судебная машина начинала работать независимо от королевских распоряжений в направлении, далеко не благоприятном для вилланов. Несмотря на «заступничество» короля, проиграли свою длительную тяжбу с лордом вилланы манора Дарнхел в Чешире[258] и вилланы манора Тависток[259]. Мы не знаем, чем кончились споры вилланов с их лордами во всех тех случаях королевского вмешательства, которые приведены выше. Однако нужно думать, что если они попадали потом в королевский суд, то решение их очень мало зависело от того или иного благожелательного распоряжения короля. Если королевские суды легко превращали в фикцию привилегию ста-

---

[254] R. P., vol. I, p. 60.

[255] Ibidem, p. 46.

[256] Ibidem, p. 60. Ответ на петицию держателей манора Crendon.

[257] Memoranda de parliamento Roll. Ser. № 98. London, 1893, p. 141. Ответ на петицию держателей манора Wyghtone.

[258] Стремление английских королей уклоняться от прямых отказов на жалобы вилланов ясно видно в длительной тяжбе крестьян манора Darnhale в Чешире с их лордом аббатом Vale Royal, происходившей в 30-х гг. XIV в. Эта тяжба подробно изложена в документах, помещенных в приложении к книге Коултона (G. Coulton. The Medieval village. Cambridge, 1925, pp. 131—136). В этой тяжбе, в которой крестьяне добивались признания за ними статуса свободных, интересно то, что истцы трижды проигрывали дело в суде, каждый раз обращались за помощью к королю Эдуарду III или к его жене королеве Филиппе, получая от них приказы сначала о пересмотре дела, а затем о том, чтобы аббат их не притеснял пока, несмотря на вмешательство короля, дело все-таки не было окончательно решено судом в пользу лорда.

[259] См. выше, стр. 132—133.

финного домена короны, то еще проще можно было обойти распоряжение короля, тем более, что он обычно не очень заботился об его соблюдении по существу. И все же в глазах вилланов король в противоположность его слугам и чиновникам оставался «заступником», что не мало способствовало укреплению в крестьянской среде «царистских иллюзий».

Однако этот ореол заступничества отнюдь не распространялся на феодальное государство в целом, на тот аппарат насилия и вымогательств, при помощи которого «добрые короли» проводили свою политику по отношению к крестьянству. При всей своей темноте и забитости крестьянские массы Англии уже в XIII в. отчетливо осознавали, что в лице этого аппарата они имеют не менее опасного врага и притеснителя, чем в лице отдельных лордов. В крестьянской среде постепенно созревала та жгучая ненависть к судьям, законоведам, налоговым сборщикам, шерифам, бейлифам и высшим сановникам королевства, которая с такой очевидностью проявилась в восстании Уота Тайлера, когда эти представители феодального государства подвергались таким же суровым репрессиям со стороны повстанцев, как и непосредственные угнетатели крестьян — их лорды. Еще в XIII в. имели место отдельные случаи, когда столкновения между феодалами и крестьянами перерастали в конфликты крестьянских общин с королевской администрацией, в частности с шерифами, бейлифами, сборщиками налогов. Например, бейлиф сотни, прибывший в манор Warsheel в Норфоке для того, чтобы принудить к покорности вилланов приора монастыря св. Стефана в этом маноре, был жестоко избит большой толпой вилланов [260]. В 1254 г. некий Джон сын Уольтера, по-видимому, королевский бейлиф или сборщик налогов, пытавшийся наложить арест за неуплату сумм, должных королю, на жителей деревни Kelyntoner в Линкольншире, был избит и ранен жителями этой деревни [261]. О каких «долгах» королю шла здесь речь, сказать трудно. Возможно, что бейлиф должен был собрать штраф, наложенный на общину. Но возможно также, что дело шло о сборе недоимки по какому-нибудь очередному налогу [262].

---

[260] Calendar of the Patent Rolls (1292—1301), p. 461.

[261] Pl. Abbr., p. 131 «...de placito quare ipsum Johanem, volentem distringere villata de Kelyntoner pro debito domini regis per praeceptum ipsius domini regis, verbereverunt, vulnereverunt etc. contra pacem».

[262] Возможность таких локальных актов сопротивления сбору налогов в XIII в. допускает даже американский историк Виллард, вообще не склонный считать налоговое бремя в XIII в. слишком тяжелым для крестьянства. (C. J. F. Willard. Parliamentary taxes on personal property. Cambridge — Massachusets, 1934, pp. 170—174).

Однако такие факты встречаются в источниках XIII в. сравнительно редко, скорее всего потому, что они неохотно фиксировались и лишь случайно попадали в официальные документы. Дополнительный материал, характеризующий весьма враждебное отношение крестьянства к феодальному государству и его представителям, дают сохранившиеся от XIII—XIV вв. памятники народного творчества и политическая поэзия этого периода. Не случайно во многих балладах о Робин Гуде главными противниками этого легендарного народного героя и его товарищей выставляются именно представители феодального государства — шерифы, лесничие, судьи. Прославляя борьбу с ними как один из главных подвигов «добрых разбойников», безымянные творцы этих народных баллад выразили в них ненависть и презрение английского крестьянства к феодальному государству и его представителям на местах. Даже в среде «привилегированного» свободного крестьянства королевские судьи и другие должностные лица вызывали ненависть, презрение и подвергались жестоким насмешкам. «Правосудие» королевских судов остроумно высмеивается в одном латинском стихотворении конца XIII — начала XIV в., которое называется «О продажности судей». Это стихотворение вышло, по-видимому, из-под пера какого-нибудь студента, мелкого клирика или судебного клерка, знавшего нравы королевских судов. Но кто бы ни был автором его, оно очень точно и наглядно передает взгляды бедняка (преимущественно свободного человека, ибо вилланы не вели частных дел в королевских судах) на королевские суды. Вот некоторые выдержки (переведенные нами в прозе) из этого стихотворения.

«Если ты подаешь иск о земельном держании, то к тебе является посланец, который ловко заводит речь, говоря: «Милый друг, ты хочешь судиться? Мы можем вместе с судьей разными способами помочь тебе, если ты хочешь выиграть тяжбу при его поддержке; дай мне половину и я охотно тебе помогу».

«У ног (судьи) сидят клерки, которые жадно открывают голодную пасть для подарков и взяток за правосудие, так что те, которые ничего им не дадут, будут долго ожидать (своей очереди), хотя они пришли раньше. Но если придет какой-нибудь знатный человек, красивый и любезный, в шлеме, украшенном золотом, то он уладит свое дело, не раскрывая рта».

«Если же туда придет бедная женщина, у которой нет подарков, незнатная и непривлекательная внешностью, то ей придется удалиться в свое убежище с разбитым сердцем, не закончив свое дело».

«В этой курии есть еще люди, объявляющие решения, которые называются «докладчики». Они хуже всех, так как берут обоими руками и обманывают тех, кого должны оберегать. А что сказать о привратниках, которые говорят бедным, явившимся в курию: «Бедняк, зачем ты трудишься и зря проводишь время? Коли ты не даешь денег, то напрасны все твои старания. Чего ты плачешь, несчастный? Если ты ничего не принесешь, то навсегда останешься за дверьми» [263].

Далее автор с таким же сарказмом обрушивается на шерифов, бейлифов и других представителей местной администрации, обличая их в стяжательстве и использовании своего служебного положения в целях личного обогащения:

«Кто может все поведать о шерифах,
о том как они жестоки по отношению к беднякам!

263

Si terram, vis rogare
Accedat ad te nuncius
Et loquitur discretius
Dicens: «Amice care,
Vis te placitare!

Sum cum justiciario
Qui te modo vario
Possum adjuvare
Si vis impetrare

Per suum subsidium.
Da michi dimidiam,
Et te volo juvare.
Ad pedes sedent clerici
Que velum famelici.

Sunt donis inhiantes
Et pro lege dantes,

Quod hii qui nihil dederint
Quam vis cito venerint
Erunt expectantes.

Sed si quidem nobilis
Pulcher vel amabilis,

Cum capite cornuto
Auro circumvoluto,
Accedat ad judicium
Haec expedit negotium
Ore suo muto.

Si pauper muliercula
Non habens munuscula
Forma neque genus
Quam non pinguit Venus.

Infecto negotio
Suo pergit hospitio
Dolendo corde tenus.

Sunt quidem ad hanc curiam
Qui expriment judcium
Docuntur relatores, caeteris pejores
Utraque mane capiunt
Et sic eos decipiunt
Quorum sunt tutores.
Et quid janitores
Qui dicunt pauperibus

«Pauper, cur labores?
Cur facis hic mores?
Nisi des pecuniam
Quique ad hanc curiam
In vanem labores.
Quid miser ergo ploras
Si nihil attuleris
Stabis omnino fores».

The Political songs of England from the reign of John to that of Edward II. Edited and translated by Thom. Wright. London, 1839, pp. 226—227.

Того, кто не может ничего дать, они тягают туда и сюда, назначают в жюри и ассизы и принуждают быть присяжным. И он не осмеливается роптать, так как если он будет роптать и сейчас же не ублаготворит (шерифа. — *Е. Г.*), ему придется солоно» [264].

И далее: «Я хочу высмеять их (шерифов. — *Е. Г.*) помощников, которые до вступления в должность бедны и ничего не имеют, но едва они получают должность бейлифа, как начинают гордиться, у них удлиняются зубы и вытягиваются шеи. Они начинают приобретать земли, покупать дома и выгодные ренты. Накапливая богатства, они свысока смотрят на бедных людей и создают новые порядки, притеснительные для своих соседей...» [265].

Острой ненавистью к представителям судебной власти и королевской администрации проникнута «Песня объявленного вне закона», прямо призывающая к расправе с судьями и законоведами, издавшими ордонанс о «дубинщиках» (см. выше гл. II) [266].

Такую же страстную враждебность к королевским чиновникам, судьям и всему государственному аппарату обнаруживает другое стихотворение, записанное в самом начале XIV в. [267], и при том, что особенно важно отметить, на английском языке. Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что эта «Современная песня» вышла из среды самых широких крестьянских масс, которые в повседневной жизни пользовались преимущественно английским языком, и что она в какой-то мере отражает взгляды на существующий строй и вилланства. Характерно, что поэма не касается вопроса о земельных тяжбах, которых вилланы не могли вести

---

[264]

«De vicecomitibus
Quam duri sunt pauperibus
quis potes enarrare?
Qui nihil potes dare
Huc et illuc trahitur,
Et in assisis ponitur
Et cogitur jurare
Non ausus murmurare.
Quod si murmuraverit
Ni statim satisfacerit
Est totum salsum mare»
(Ibidem, p. 228)

[265]

Clericos irredeo
Suos, quos prius video
Satis, indegentes
Et quasi nil habentes,
Quando ballivam cepiunt
Qua capta mox superbiunt
Et crescent sibi dentes
Collaque errigentes,
Incipiunt perpropere
Terras et domos emere
Et redditus placentes:
Humnosque colligentes,
Pauperes despiciunt
Et novas leges faciunt
Vicinos opprimentes»
(Ibidem, pp. 229—300)

[266] The Political songs of England.., p. 230.

[267] Издатель Th. Wright относит его написание ко времени около 1308 г.

в королевских судах, но главным образом обвиняет судей в попустительстве всякого рода уголовным преступникам, против которых вилланы могли возбуждать иски в судах общего права. «Чиновники короля, — читаем мы в этой поэме, — которые должны наблюдать за правом и законом и за улучшением всех дел в стране, развращены — они берут взятки от воров и получают имущество убитых, они не беспокоятся о преступлениях и допускают всякие правонарушения» [268].

Для иллюстрации этого утверждения автор песни приводит любопытную притчу, очевидно, имевшую хождение в народе, о льве, лисице, волке и осле. До льва дошла жалоба, что лиса и волк притесняют народ и он вызвал их на суд. На суд был вызван и осел, хотя он ни в чем не был виноват. Лиса и волк, чтобы задобрить льва, принесли с собой много кур, гуся, барашка, козлят. Осел же, который питается только травой, не принес ничего. На суде лисица заявила, что она не убивает, но лишь покупает кур и гусей и платит за них очень дорого. Волк же, хотя и признался, что он охотится от зари до зари, но утверждал, что он не причиняет боли и вреда своим жертвам. Лев, соблазненный подарками, оправдал обоих, несмотря на явную неубедительность их доводов, но зато растерзал осла, который ему ничего не принес, на том основании, что осел питается травой и наносит этим ущерб обществу [269].

Эта народная горькая сатира на королевское правосудие интересна во многих отношениях. Под видом осла она, очевидно, выводит беззащитного бедного крестьянина, который является одновременно объектом притеснений феодалов и козлом отпущения за все их преступления в королевском суде. Под видом волка совершенно очевидно выведен феодал. Явившись в суд, он гордо заявляет: «Я произошел от великой расы — дай мне мир» (очевидно, намек на норманнов-завоевателей) и далее отстаивает законность своего права на насилия и убийство других зверей. Кто имеется в виду под именем лисицы — сказать трудно. Может быть, в ней можно видеть, по аналогии с известным романом о лисе, изворотливого горожанина, но, судя по тому, что она выступает здесь вместе с волком, который в романе о лисе является главным противником лисы, скорее можно предположить, что речь здесь идет о мелком феодальном хищнике, более ловком и изворотливом, чем откровенный насильник волк. В соответствии с канонами так называемого животного эпоса, бытовавшего в Европе в XII—XIII вв., во льве из приведенной притчи можно,

---

[268] The Political songs of England.., pp. 198—199.
[269] Ibidem, p. 199.

очевидно, видеть короля. В таком случае она может рассматриваться как одно из редких в XIII в. проявлений, если не открытой вражды, то во всяком случае явно критического отношения к королевскому правосудию. Легкомысленное доверие высокопоставленного судьи к лживым доводам преступников, его благосклонное отношение к их взяткам и, наконец, явная несправедливость к ни в чем неповинному бедняку, несомненно, противоречит представлению о короле как о носителе высшей справедливости. Но даже если эта народная притча имела в виду не лично короля, а собирательный образ королевских судей и судов, как можно предположить по ее общему контексту, и в этом случае она в какой-то мере дискредитирует королевское правосудие, отождествляя этот собирательный образ судейских чиновников со львом, обычно символизировавшим образ короля. Во всяком случае эта двусмысленная символика не служит к оправданию и превознесению королевской власти. Притча же совершенно отчетливо выражает мысль о том, что «блюстители правосудия» поддерживают сильных мира сего и делят с ними добро, награбленное у бедняков.

Скрытое недовольство королем сквозит и в «Песне землепашца» (конец XIII — начало XIV в.), отражавшей в основном чувства и жалобы задавленного нуждой английского вилланства. Автор песни, сетуя на свое тяжелое положение, между прочим, говорит: «Так мы жалуемся королю и получаем холодный ответ, мы надеемся получить свое, но всегда проигрываем» [270]. Главную причину своих бедствий наряду с притеснениями своего лорда, его бейлифа, лесничего и бидля землепашец видит в королевских поборах. По его словам, «каждый четвертый пенни должен идти королю» [271]. Для того чтобы «найти серебро для короля», он вынужден продавать свое зерно, иногда даже зерно, предназначенное для посева, и отдавать в счет недоимок свой скот [272].

Таким образом, даже царистские иллюзии, при всей их живучести, не могли воспрепятствовать возникновению в крестьянских массах резко враждебного отношения к феодальному государству и его чиновному аппарату, а в отдельных случаях даже осуждению короля.

По мере того как обострялись классовые противоречия и классовая борьба между крестьянством и феодалами, усиливавшееся, централизованное феодальное государство все более явно обнаруживало классовую, антикрестьянскую на-

[270] Ibidem, p. 149.
[271] Ibidem.
[272] Ibidem, p. 152.

правленность своей политики. А это в свою очередь вызывало дальнейшее расширение и углубление классовой борьбы крестьянства, в которой выступления, направленные против отдельных феодалов, начинали иногда сливаться с выступлениями против представителей феодального государства или во всяком случае угрожали такого рода возможностью.

Так, рост государственной централизации в Англии XIII в., во многих отношениях усугубляя тяжелое положение крепостного, а отчасти и свободного крестьянства, создавал в его среде новые основания для недовольства, которое особенно легко могло прорываться в моменты слабости центрального правительства и наиболее острых столкновений внутри господствующего класса.

ГЛАВА III

ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОРОДАМ И ГОРОДСКОМУ СОСЛОВИЮ В АНГЛИИ XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Для того чтобы выяснить социальные последствия процесса государственной централизации, необходимо также исследовать городскую политику королевской власти и ее аппарата, выяснить, как отражалось на городском сословии усиление центральной власти в стране.

Эта сторона политики английского феодального государства так же, как и его крестьянская политика, никогда специально не исследовалась как авторами работ по истории английских средневековых городов, так и исследователями конституционной истории Англии. Первые сосредоточивали свое внимание на внутригородской истории, не связывая ее с общими проблемами политического развития страны, вторые, исходя из теории надклассовости государства, рассматривали взаимоотношения королевской власти с городами в общем плане усиления королевской власти и ее борьбы с крупными феодалами.

Однако в этом вопросе все буржуазные исследователи молчаливо придерживались той общей схемы политического развития западноевропейских стран в средние века, которая вела свое происхождение с конца XVIII в. и нашла наиболее яркое выражение в работах О. Тьерри и Ф. Гизо. Согласно этой схеме, взаимоотношения между королевской властью и городами в Западной Европе XII—XIV вв. мыслились как отношения союза, который был направлен против феодальной аристократии и являлся основой централизации страны. Английские историки не придавали этому союзу столь большого значения,

как французские, поскольку в Англии королевская власть наряду с городами использовала для своего укрепления также мелких феодалов и верхушку свободного крестьянства. Однако и они молчаливо предполагали наличие такого союза между королевской властью и городами, не видя или не затрагивая других аспектов в их взаимоотношениях.

Что такой союз действительно существовал как во Франции, так и в Англии не подлежит сомнению. Он являлся, как отмечал Ф. Энгельс, одним из важнейших элементов политической жизни многих государств Западной Европы XII—XV вв. [1].

Но что это был за союз, каковы были его социальные или политические основы и его конкретные проявления, насколько он был прочен и постоянен? Все эти вопросы, которые даже не поставлены в буржуазной историографии, до сих пор недостаточно ясны.

Не занимались этими вопросами до сих пор и советские исследователи. А между тем без их решения нельзя выяснить ни классовые основы государственной централизации Англии в XIII в., ни предпосылки возникновения здесь новой формы феодального государства — феодальной монархии с сословным представительством. Исследование этих вопросов представляет значительные трудности главным образом в силу разнообразия и фрагментарности источников, которые к тому же далеко не одинаково отражают различные стороны городской политики центрального правительства.

Главными источниками для нашего исследования послужили: городские хартии XII—XIII вв., по которым можно проследить взаимоотношения королевской власти с отдельными городами [2], уже упоминавшиеся королевские распоряжения, так называемые открытые и секретные письма Генриха III и Эдуарда I [3], в которых отчасти отразились общие линии королевской политики по отношению к городскому сословию, отчасти ее отношение к отдельным городам, королевское законодательство XIII в.[4] и отчасти судебные протоколы королевских

---

[1] См. Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развития национальных государств. В кн. «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 156.

[2] BBCh., vol. 1—11. Cambridge, 1913—1923.

[3] Calendarium rotulorum patentium. London, 1802. Calendar of the patent rolls of the reign of Henry III and Edward I. London, 1901—1936. Rotuli literarum clausarum, vol. 1—11 (1224—1227). London, 1833—1844. Close rolls of the reign of Henry the III (1227—1272), vol. 1—14. London, 1902—1938 and Calender of close rolls of the reign of Edward I, vol. 1—V. London, 1900—1902.

[4] Statutes of the Realm, vol. 1. London, 1810.

судов[5]. В качестве дополнительных источников нами были привлечены некоторые правительственные расследования[6], а также парламентские петиции периода правления Эдуарда I и частично Эдуарда II[7].

Все эти разнохарактерные источники, за исключением только городских хартий и статутов, содержат очень скудный и случайный материал по интересующему нас вопросу. Правда, материалы, содержащиеся в королевских распоряжениях, судебных протоколах и правительственных расследованиях, знакомят нас с интересными, весьма колоритными подробностями городской жизни, но они носят отрывочный характер, и по ним трудно проследить полностью линию правительственной политики по отношению к городам. Более систематически она отражена в городских хартиях. Но этот источник имеет свои существенные недостатки: материал хартий очень статичен, он очень слабо и с большим опозданием отражает динамику развития взаимоотношений между центральным правительством и городами. Твердо установившаяся еще в XII в. терминология хартий часто скрывает изменения в этих взаимоотношениях, сглаживает их остроту. Что касается законодательства, то оно освещает лишь отдельные стороны городской политики королевской власти, которые по тем или иным причинам стали предметом общегосударственного регулирования, но совершенно оставляет в тени многие другие ее стороны.

Такой характер источников, которые к тому же относятся к разным периодам XIII в., не позволяет сколько-нибудь систематически проследить изменения в политике центрального правительства в отношении городов на протяжении этого столетия. Поэтому нам придется ограничиться лишь общим очерком основного направления этой политики за весь XIII и начало XIV в. в целом. Мы полагаем, однако, что такое вынужденное обобщение правомерно, поскольку общие принципы этой политики на протяжении XIII в. почти не изменялись, но лишь становились все более и более ярко выраженными.

Мы знаем, что горожане в Англии XII—XIII вв., как и во многих других странах Западной Европы, являлись одним из важных социальных факторов процесса государственной централизации и что королевская власть была заинтересована в укреплении и поддержании союза с городами, который значительно усиливал ее политические и финансовые позиции. Уже одно это обстоятельство кладет резкую грань между по-

[5] Pl. Abbr. Select cases of the Law merchant. Selden Society, No. 23, vol. I—II. London, 1908.

[6] R. H., vol. I. London, 1812.

[7] R. P., vol. I, Rotuli parliamentorum Angliae hactenus inediti 1279—1373. London, 1935.

литикой королевской власти в отношении городского сословия и ее политикой по отношению к крепостному крестьянству. Вместо открытой или скрытой враждебности, завуалированной видимостью невмешательства, мы сталкиваемся здесь не только с признанием гражданского полноправия горожан, но и с достаточно отчетливым стремлением защитить многие из их насущнейших экономических интересов. Это сближает городскую политику королевской власти с ее политикой по отношению к верхушке свободного крестьянства. Наиболее ярким конкретным проявлением этого союза королевской власти с городами было постоянное стремление королевской власти обеспечить развитие торговли, безопасность рынков, торговых путей, кредита, единство монетной системы, выгодные условия для торговли англичан за границей, а также для развития ремесленного производства в городах. Часть этих преимущественно городских интересов, например требование единства мер и весов, отразилась в 35 ст. Великой хартии вольностей [8]. Другие нашли отражение в правительственных распоряжениях и законах XIII в.

Единство мер и весов, а также качественная регламентация наиболее ходких товаров (хлеба, вина, сукон) [9] постоянно поддерживались центральным правительством на протяжении всего XIII в. Эти меры, с одной стороны, облегчали торговые связи между различными районами страны, с другой — обеспечивали монополию производства и торговли за определенным кругом лиц каждой местности. Такая монополия в первые два столетия существования городов была непременным условием развития городского товарного производства и обмена.

Королевская власть на протяжении XIII в. проявляла постоянную заботу о развитии горнорудной промышленности, в которой были весьма заинтересованы города, стараясь создать условия, наиболее удобные для ее процветания. В начале XIII в. король Джон, вопреки интересам феодалов, пошел ради этого даже на такую крайнюю меру, как гарантия личного ос-

---

[8] Select charters. Oxford, 1874, p. 301.

[9] Ассиза на хлеб и пиво впервые была издана в 1202 г. и точно разработана в 1216 г. С этого времени она неукоснительно соблюдалась не только в городах, но и в сельских местностях. Суконная ассиза впервые была издана в 1197 г. и затем постоянно подтверждалась. Для ее соблюдения был создан специальный персонал надсмотрщиков (anlager) на всех ярмарках и во всех городах страны. О подтверждениях и соблюдении этой ассизы см. Rot. lit. claus., vol. II, p. 76 (1225), ibidem, p. 135 (1226); Calendar of Close rolls of the reign of Edward I, vol. I, p. 502 (1278); Rotuli parliamentorum hactenus inediti, p. 1 (1279), ibidem, p. 13; Rotuli parliamentorum, vol. I, p. 292 (1315); постановление о размерах и качестве устедских тканей.

вобождения всем вилланам, желающим работать на оловянных копях Девоншира и Корнуола [10].

В XIII в. королевская власть санкционировала ряд существенных привилегий для рудокопов, занятых в разных отраслях горнорудной промышленности. Рудокопы оловянных копей Девоншира и Корнуола имели свой суд, изымавший их из-под действия феодальных и королевских судов, они имели право вести рудные разработки на всех тех землях, которые издавна использовались для этого, без согласия их владельцев [11]. Аналогичные привилегии в 1287 г. были закреплены правительством за рудокопами свинцовых копей Дербишира [12]. Привилегиями пользовались также и рудокопы в железных рудниках Динского леса в Глостершире [13], а также в Карлейле. Привилегии рудокопов в Карлейле, зафиксированные в 1290 г. в кодексе, утвержденном королем, разрешали им, в частности, рубить лес на любых участках, близких к разработкам, кому бы этот лес ни принадлежал. Собственнику же леса разрешалось рубить его только после того, как будут удовлетворены потребности в лесе рудокопов [14].

Поощрение развития городского ремесла и торговли можно видеть также и в том, что королевская власть в XII и особенно в XIII в. довольно щедро раздавала даже сравнительно мелким городам различные торговые привилегии: право держать городской рынок и получать с него доходы, частичное или полное освобождение горожан от пошлин на территории Англии, право иметь свою купеческую гильдию с вытекающей из него монополией производства и торговли в данном городе.

Правительство по мере своих финансовых возможностей старалось также упорядочить денежное обращение и монетную систему в стране. В связи с тем, что в конце XIII в. в Англии широкое распространение получила неполноценная, преимущественно иностранная монета, в обмен на которую из страны утекали более полновесные английские стерлинги, Эдуард I в 1299 г. издал специальный статут о «фальшивой монете». Статут запрещал ввоз в страну такой монеты и продажу в обмен на нее английских товаров. Вывоз английской монеты и слитков серебра и золота тоже запрещался. В портах были назначены особые лица для контроля за исполнением этих законов, а в Дувре — особый обменный стол для выезжающих и въез-

[10] The Victoria history of counties of England. Cornwall, vol. I, pp. 215—226.
[11] Ibidem, p. 226—227.
[12] Ibidem. Derbyshire, vol. II, p. 326.
[13] Ibidem. Glostershire, vol. II, p. 221.
[14] Ibidem. Cumberland, vol. II, p. 339.

жающих в страну [15]. Издавая этот статут, Эдуард I был, очевидно, обеспокоен не столько состоянием торговли в стране, сколько состоянием государственных финансов. Однако статут несомненно был полезен и выгоден прежде всего городскому населению.

В законодательстве конца XIII в. нашло отражение стремление правительства гарантировать кредитные операции, в чем также особенно были заинтересованы горожане. Наибольшее количество исков горожан в королевских судах было связано с долговыми обязательствами. Процедура по этим искам в первой половине XIII в. была очень сложна и дорога [16]. Этим, очевидно, было вызвано издание в 1283 г. «Статута о купцах» (de marcatoribus), иначе называемого статутом Acton Burnelle. Как это видно из его названия, он имел в виду не столько ростовщические, сколько кредитные операции, связанные с торговлей.

Согласно новому статуту, кредитор должен был заключать сделки в присутствии мэра города так, чтобы они были зафиксированы в городских протоколах, о чем он получал соответствующий документ. Если в назначенный срок долг не уплачивался, то кредитору достаточно было предъявить мэру города этот документ, чтобы тот, без всякого судебного разбирательства назначил продажу движимости должника на сумму долга или, в случае отсутствия покупателей, должен был передать кредитору имущество должника на эту сумму [17]. Если же у должника не окажется движимости, он должен быть арестован и находиться под арестом, пока не уплатит долг или не подпишет новое соглашение. Статут значительно упростил процедуру взимания долгов. Издание его прямо мотивировалось тем, что купцы сильно страдают от того, что в стране «не было быстро действующего закона, обеспечивающего им возвращение долга в назначенный день», и поэтому многие из них избегают приезжать в королевство. Статут распространялся, однако, не только на иностранцев, но и на английских купцов, как это явствует из его заключительной части, где оговаривается, что он распространяется на всех жителей королевства [18].

---

[15] Statutes, vol. 1, pp. 131—135.

[16] Истец должен был купить судебный приказ, представить поручителей в том, что будет вести дело, затем предъявить письменное обязательство должника вести, обычно длительный, процесс и только после этого он мог получить долг. Если же должник оспаривал это обязательство, надо было представить свидетелей, которые вместе с присяжными должны были установить его подлинность (подробное описание этой процедуры дано в Уэльсском статуте). Statutes. vol. 1, p. 61, стр. IX.

[17] Ibidem, pp. 53—54.

[18] Ibidem, pp. 98—100.

Однако в статуте 1283 г. не был предусмотрен порядок взыскания долгов с лиц, все имущество которых заключалось в земле, в частности с феодалов, которые весьма часто покупали товары в кредит и являлись должниками купцов. Их в основном имел в виду второй статут «О купцах», изданный в 1285 г. Согласно этому статуту, просрочивший уплату долга должник должен был подвергнуться аресту, а затем в течение 3-х месяцев продать свое имущество и уплатить долг. Если же он отказывался это сделать, то все его имущество, **включая землю,** передавалось кредитору и находилось у него до уплаты долга. При этом кредитор получал **всю** землю должника, которую тот имел в момент заключения сделки, даже в том случае, если часть земли была к этому времени отчуждена [19]. Оба статута, несомненно, были изданы к выгоде горожан и, преимущественно, городской купеческой верхушки.

Центральное правительство особенно в конце XIII в. заботилось также в какой-то мере и о защите торговых путей, без которых невозможно было успешное развитие торговли в стране.

Эту цель преследовали многочисленные постановления I и II Вестминстерских статутов, выгодные городскому сословию так же, как и всем жителям королевства. В этом же направлении шел Винчестерский статут 1285 г., издание которого мотивировалось ростом уголовных преступлений и массовым укрывательством преступников их земляками, жителями окрестных мест. Статут связывал круговой порукой в преследовании преступников всех жителей деревень, сотен, иммунитетных округов (ст. 2), предписывал окружать стенами все крупные поселения, в частности города, запирать на ночь ворота в городах и запрещал посторонним людям ночевать в городе или его пригородах. Горожанам было приказано охранять городские ворота в ночное время и не пускать чужих людей в город, а задерживать до установления их личности (ст. 4). Наконец, ст. 5 статута обязывала феодалов, по земле которых проходили «большие дороги, ведущие от одного рыночного местечка к другому», расширить эти дороги, срыть кусты и мелкие деревья, засыпать канавы на расстоянии 200 футов по обе стороны от дороги так, чтобы никто не мог спрятаться вблизи дороги для нападения из засады [20].

Центральное правительство Англии в какой-то мере защищало английских купцов и от притеснений, чинимых им в других странах. Если у английских купцов за рубежом отнимали их товары, то английский король принимал ответные меры в

---

[19] Ibidem.
[20] Ibidem, pp. 97—98.

Итоги борьбы городов Англии за
(по данным городских хартий, опубликованных

Время получения хартий	Принадлежность городов (королю или другим сеньерам)	Количество городов, получивших хартии	Количество городов,			
			право городского держания	право держать рынок	полная свобода от пошлин	частичная свобода от пошлин
Впервые получили хартии в XII в.	Королевск.	46	28	34	36	—
	Сеньериальные	33	21	19	—	16
Итого		79	49 (62%)	53 (64,5%)	36 (45,6%)	16 (20%)
Впервые получили хартии в XIII в.	Королевск.	54	33	42	66	—
	Сеньериальные	59	37	38	—	31
Итого		113	70 (62,8%)	80 (70,7%)	66 (58%)	31 (26,5%)
Получили дополнительные привилегии в XIII в.	Королевск.	14	1	4	—	—
	Сеньериальные	10	4	3	—	—
Итого		24 (из 79)	5	7	—	—
Всего к 1307 г. имели хартии из общего количества 278 городов		192* 69%	124 (64%)	140 (72%)	102 (53%)	47 (23%)

* В этот итог, естественно, не входят 24 города, получившие дополнительные привилегии в XIII в., так как они уже в XII в. имели хартии.

Таблица 1

муниципальные привилегии к 1307 г.
в издании British borough charters, vol. I и II).

получивших различные виды привилегий						Количество городов, имеющих 5 и более привилегий
право иметь купеческую гильдию	право фирмы	право иметь городской суд	огранич. адм. вмешательства центрального правительства	право returnus brevium	право избирать своих должностных лиц	
22 8	20 1	20 9	6 —	— —	8 7	26 5
30 (38%)	21 (26,5%)	29 (36%)	6 (7,5%)	— —	15 (19%)	31 (39%)
31 18	19 13	31 27	43 —	25 —	18 16	26 16
49 (44%)	32 (28%)	58 (51%)	43 (38%)	25 (22%)	34 (30%)	42 (37%)
6 3	12 3	1 5	— —	— —	7 4	
9	15	6	—	—	11	
89 (46%)	68 (35%)	93 (48%)	49 (23%)	25 (12%)	60 (31%)	73 (38%)

отношении купцов этой страны, находящихся в Англии [21]. Если они подвергались нападению со стороны французских и голландских пиратов, король обычно вступался за них. Известно, что одним из поводов к англо-французской войне 1294—1303 гг. послужило торговое соперничество между английскими и гасконскими купцами, с одной стороны, и французскими — с другой [22].

Наконец, вообще развитие и укрепление общего права, центрального государственного управления с его судебно-административной системой было на пользу городскому сословию Англии. Ему были в известной мере выгодны мероприятия правительства, направленные на ограничение политической власти крупных феодалов Англии, являвшихся сеньерами городов, на расширение судебной компетенции короны, на пресечение всевозможных злоупотреблений королевских чиновников. Теоретически личные и имущественные права горожан, как и всех свободных жителей королевства, находились под защитой общего права. Оно должно было гарантировать также и защиту свободного городского земельного держания — burgagium'a, как и всякого другого свободного держания.

Союз королевской власти с городами в XII и в XIII вв. выражался также в той позиции, которую она занимала по отношению к борьбе городов за их муниципальные привилегии. Поскольку приобретение муниципальных привилегий в условиях господства феодального строя было непременным условием развития городского товарного производства, то помощь, которую оказывала королевская власть городам в получении этих привилегий, несомненно, имела для них огромное значение.

Центральное правительство в этом вопросе обычно шло навстречу городам, как тем, которые были расположены на землях королевского домена, так и тем, которые принадлежали отдельным сеньерам. Об этом мы прежде всего можем судить по характеру и количеству городских хартий, обеспечивавших городам относительную свободу от самых грубых форм феодальной эксплуатации, поскольку эти хартии даровались королем или скреплялись его согласием, если дело шло о хартиях, даровавшихся сеньериальным городам.

---

[21] В 1265 г. был дан приказ конфисковать на этом основании товары гасконских купцов в Бристоле (Close Rolls of the reign of Henry III, vol. 13, p. 64). В 1305 г. в Линне, Гулле и на ярмарке св. Ботульфа были конфискованы все товары норвежских купцов за обиду, причиненную в Норвергии одному купцу из Норича (Memorenda de parliamento R. S., 98, p. 102); аналогичный случай (ibidem, p. 104).

[22] T. F. Tout. History of England from the accession of Henry III to the death of Edward III. London, 1905, p. 186.

Данные хартийного материала, подводящие итоги борьбы английских городов за получение привилегий, сведены нами в прилагаемую таблицу 1 (см. стр. 194—195) [23].

Таблица показывает нарастание борьбы городов за привилегии и все большее распространение этих последних от XII к XIII в. Если в XII в. впервые получили хартии только 79 городов, то в XIII в. впервые было инкорпорировано 113 городов. Кроме того, 24 города из инкорпорированных в XII в. добились в XIII в. значительного расширения своих привилегий. Интенсивность инкорпорации городов значительно увеличилась также и от начала к концу XIII в. По данным хартий, которые не нашли отражения в настоящей таблице, в правление Иоанна Безземельного городам было дано 67 хартий, в правление Генриха III — 194 хартии (из них 55 хартий — городам, прежде их не имевшим).

Эдуард I дал городам всего 110 хартий (из них 38 — городам, прежде не имевшим хартий). Показательны также изменения в удельном весе различных привилегий от XII к XIII в.

Основные виды городских привилегий в Англии XII—XIII вв. сводились к следующим. 1. Привилегия городского держания (burgagium), приравнивавшая горожан как держателей земли к держателям сокажа, то есть освобождавшая их от отработочных повинностей, дававшая им свободу распоряжаться своими наделами и пользоваться городскими сервитутами бесплатно или за небольшую плату. 2. Привилегия «городской свободы», превращавшая в лично-свободного человека всякого, кто прожил в городе определенный срок (обычно — год и день) и получил право городского гражданства. 3. Различные торговые привилегии: право горожан держать свой рынок и самим собирать на нем пошлины в свою пользу, иногда деля доходы с сеньером, право монополии производства определенных товаров в городе и торговли на городском рынке. Наиболее полно эта монополия выражалась в праве некоторых городов иметь свою «купеческую гильдию» (gilda mercatoria). К торговым привилегиям относилось также право беспошлинной торговли в пределах всего королевства или какой-нибудь

[23] Таблица эта составлена по данным хартий, опубликованных в издании British borough charters, vol. 1 и II. Города, получившие в XIII в. дополнительные привилегии, но имевшие хартии уже в XII в., не включены в общий итог городов, имевших хартии к 1307 г. В таблице не учитывается привилегия «вольного города» (liber burgus), если в хартии не указывается точный характер дарованных городу привилегий, так как этот термин крайне неопределенен и допускает самые различные толкования, и значение его до сих пор точно не установлено в литературе (См. F. Pollock and F. Maitland. History of english law. Cambridge, 1898, vol. 1, pp. 634—635; Ch. Gross. Gild Merchant. Oxford, 1890, vol. 1, pp. 5, 6; J. Tait. Medieval English borough. Manchester, 1936, pp. 201—206).

его части. 4. Право фирмы (firma burgi) — право городского самообложения, освобождавшее город от вмешательства сеньера и его администрации в городские финансы, за определенный ежегодный взнос в казначейство. 5. Судебные привилегии: право иметь свой суд с компетенцией феодального суда «свободной курии», освобождение от участия в суде сотни или графства, право судиться только в пределах города. 6. Административные привилегии — запрещение сеньериальным или королевским чиновникам, в частности шерифам, вмешиваться в те или иные отрасли городского управления (non intromittere) или вообще вступать на территорию городского иммунитета (returnus brevium). 7. Привилегии, связанные с самоуправлением городов: право иметь своих выборных должностных лиц — мэров, бейлифов, коронеров, а также выборный городской совет.

Передача городу той или иной привилегии оформлялась особой королевской хартией, которая жаловала горожанам одну или сразу несколько привилегий. Город, располагавший всеми или некоторыми из вышеперечисленных привилегий, считался «вольным городом» (liber burgus) и именовался так в официальной документации.

Неравноценность всех этих привилегий с точки зрения экономической и политической самостоятельности городов совершенно очевидна. Такие привилегии, как право городского держания, право городской свободы, право держать свой рынок и даже освобождение от пошлин на всей или части территории страны, избавляли город лишь от самых грубых форм феодальной эксплуатации, но отнюдь не от постоянного сеньериального контроля и вмешательства. Между тем право иметь свою купеческую гильдию, особенно же право фирмы, право административного иммунитета и право выбирать своих должностных лиц, иметь свой суд и городской совет означали приобретение горожанами некоторой политической автономии по отношению к сеньеру и превращали город в самоуправляющуюся общину. Количество городов, получивших более широкие привилегии, возросло в XIII в. по сравнению с XII в.

Если процент городов, получивших право городского держания в XII и XIII вв., остался неизменным (62%), то в XIII в. несколько возрос процент городов, получивших право держать рынок (с 64,5 до 70,7%), освобождение от пошлин (с 45 до 58%), право иметь купеческую гильдию (с 38 до 44%), право фирмы (с 26 до 28%), право иметь свой суд (с 36 до 51%). Если в XII в. только 7,5% городов, имевших хартии, пользовались частичными освобождениями от административного вмешательства, то в XIII в. это право, включая и право returnus brevium, получили 60% городов, инкорпорированных в XIII в.

Наконец, право выбирать своих должностных лиц в XII в. получили всего 19%, а в XIII в. — 30% инкорпорированных городов [24]. Эту же тенденцию к расширению городских вольностей показывают и некоторые изменения в характере городских хартий.

В XII в. хартии, как правило, передавали городу 1—2 привилегии, и даже самые крупные города лишь постепенно расширяли свои права путем получения нескольких разных по содержанию хартий. В XIII в., напротив, преобладают комплексные пожалования нескольких привилегий сразу в одной хартии.

Все эти данные свидетельствуют не только о повышении активности английских городов в их борьбе с феодальной эксплуатацией, но и о благожелательной в целом позиции королевской власти в отношении приобретения городами привилегий.

По данным хартий, мы в праве заключить, что рост государственной централизации в Англии XIII в. в целом не препятствовал развитию муниципальных вольностей, а в известной мере даже стимулировал его, поскольку короли обычно охотно давали привилегии своим городам и выступали в качестве посредников в столкновениях других сеньеров с их городами. Это вполне понятно, так как не только города были заинтересованы в союзе с королем, но и король был заинтересован в союзе с городами. Этот союз укреплял позиции центрального правительства в борьбе с политическим сепаратизмом феодалов и расширял его финансовую базу, без которой невозможно было создание прочного судебно-административного аппарата и военных сил короны.

Однако далеко не все отношения между центральным правительством и городским сословием укладывались в понятие «союза». В Англии, как и на континенте Европы, союз между городами и королевской властью часто «нарушался в результате конфликтов,— ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении...» [25]. В дальнейшем же, как замечает Ф. Энгельс, когда этот союз помог королевской власти одержать окончательную политическую победу над крупными феодалами, она «в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника» [26]. Последнее замечание

[24] При этом надо иметь в виду, что поскольку общее количество городов значительно увеличилось в XIII в. по сравнению с XII, то даже при неизменном проценте городов, получивших ту или иную привилегию, на самом деле общее число таких городов было значительно больше, чем в XII в.

[25] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии национальных государств. В кн. «Крестьянская война в Германии», стр. 158.

[26] Там же.

Энгельса, очевидно, указывает на то, что союз этот основывался не на прочной общности классовых интересов между главой феодального государства и городским сословием, но на временном совпадении политических целей и на материальной заинтересованности королевской власти в процветании городов. В Англии, где процесс государственной централизации начался несколько раньше, чем во Франции, «порабощение» и «ограбление» городов исподволь началось уже в конце XII и продолжалось в XIII в.

Это сложное, на первый взгляд, противоречивое отношение королевской власти к городскому сословию вытекало из социальной природы феодального государства, главной функцией которого всегда являлась защита интересов класса феодалов, но отнюдь не городского сословия. Двойственное отношение королевской власти к городам отчетливо проявилось в своеобразном характере городских привилегий в Англии XIII — начала XIV в.

Если проанализировать нижнюю горизонтальную графу помещенной выше таблицы, то сразу бросится в глаза скромный характер привилегий подавляющего большинства английских городов. Правда, к этому времени уже 69% всех английских городов, известных нам в XIII в., имели те или иные хартии, но лишь немногие из них пользовались сколько-нибудь широкими правами самоуправления и вообще значительной самостоятельностью по отношению к центральной власти или к своим сеньерам. Характерно, что наиболее распространенными даже в XIII в. были такие узкие и частные привилегии, как право городского держания, которым к 1307 г. пользовалось 64% всех имевших хартии городов[27], право иметь свой рынок (72% городов), частичное или полное освобождение от пошлин (77% городов). Уже право «купеческой гильдии» было гораздо более редким (им пользовалось всего 46% городов), так же как и право иметь свой городской суд (48% городов). Еще реже встречались право фирмы (35% городов), право returnus brevium, которым пользовалось всего 12% городов. Сравнительно редким было также право городов иметь своих выборных должностных лиц (31% городов). Городские советы имелись к этому времени только в 14 городах[28].

Анализ состава городов, пользующихся различными видами привилегий, показывает, что правом фирмы, судебно-адми-

---

[27] Все приведенные ниже цифры указывают процент городов, пользовавшихся отдельными привилегиями по отношению не ко всем 278 городам Англии конца XIII — начала XIV в., но лишь по отношению к 192 городам, имевшим к 1307 г. какие-либо хартии. Естественно, что по отношению к общему количеству городов эти проценты были значительно ниже.

[28] J. Tait. Op. cit., pp. 266—281.

нистративными привилегиями и правами самоуправления пользовались лишь наиболее крупные, экономически развитые города, преимущественно лежавшие на землях королевского домена. Что касается подавляющего большинства более мелких городов, как королевских, так и сеньериальных, то они получали на протяжении XIII в., как правило, только торговые и аграрные привилегии. Многие мелкие города, так называемые рыночные местечки (villa mercatoria) — 86 таких поселений, — так и не получили вплоть до 1307 г., а многие и в дальнейшем, вообще никаких хартий.

Такое соотношение в распространенности разных видов привилегий говорит о том, что английские короли, хотя и содействовали развитию городских вольностей, но действовали в этом вопросе с большой осторожностью, избегая давать городам слишком широкие привилегии, ставившие их вне политического контроля центрального правительства. Они постоянно старались подчеркнуть политическую несамостоятельность даже тех городов, которые формально пользовались широкими правами самоуправления.

Самые широкие привилегии не освобождали город от постоянного и повседневного контроля центрального правительства. Право фирмы не освобождало его от связей с казначейством, судебные привилегии городов обычно касались лишь низшей юрисдикции (не выше сотенной юрисдикции), не освобождая города от наездов разъездных судей и от поездок в королевские суды по гражданским и уголовным искам. Ни право фирмы, ни право returnus brevium не спасали город от периодических посещений сборщиков тальи или других государственных налогов, не входивших в состав фирмы. Наконец, выборные должностные лица — мэры и бейлифы городов — обычно утверждались в должности сеньером города, в королевских городах — королем.

Но самым ярким показателем ограниченности политических привилегий английских городов была их очевидная необеспеченность и беззащитность перед лицом королевского произвола. Город в любой момент по капризу короля мог потерять даже самые широкие свои привилегии и во всяком случае должен был беспрекословно терпеть самые грубые их нарушения. В 1226 г., например, Генрих III арестовал 15 наиболее именитых граждан Дунвича за то, что они доказывали претензии этого города на более широкие привилегии, которые он оспаривал[29]. В 1256 г. Генрих III лично приказал шерифу Бедфордшира нарушить право returnus brevium города Бедфорда по самому ничтожному поводу[30]. Город Колчестер, жители

[29] Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 161.
[30] Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, pp. 8—9.

которого имели по хартии право судиться только в пределах города, в течение всего XIII в. не могли на практике реализовать это право [31].

С необычайной легкостью короли Англии временно лишали города их привилегий по самым незначительным поводам: в 1305 г. Карлейль был взят в «руку короля» только потому, что его хартии сгорели во время пожара (хотя дубликаты должны были быть в казначействе) [32]. В 1257 г. город Вустер был подвергнут такому же наказанию за неправильный сбор пошлин на рынке [33]. Норич примерно в это же время был лишен городских вольностей из-за того, что в городе по неизвестной причине сгорела кафедральная церковь [34]. Винчестер в 1275 г. был взят в «руку короля из-за несогласий между его горожанами» [35].

Наиболее характерны в этом плане взаимоотношения короны с Лондоном, который пользовался максимумом политической независимости, возможным в Англии, и тем не менее то и дело попадал в «руку короля». Лондон был лишен своих прав самоуправления в 1248 г.[36], затем, получив эти права обратно, вновь лишился их 20 мая 1250 г.[37]. После падения диктатуры Симона де Монфора город с 1265 по 1269 гг. находился в «руке короля». Вернув свои вольности в 1269 г. ценой уплаты штрафа в 20 000 м. серебром, в 1287 г. Лондон снова впал в немилость и был лишен прав самоуправления в течение 12 лет — до 1298 г. [38]. Такая же тенденция обнаруживается и в отношениях между королевской властью и конфедерацией Пяти портов, города которой с 1278 г. пользовались формально широкой политической и судебной автономией. Они управлялись выборными бейлифами, а затем мэрами, имели свой иммунитетный суд в Шипвей, где они решали все споры, возникавшие на территории иммунитета. Этот суд являлся высшей судебной инстанцией для судов отдельных городов — членов конфедерации [39]. Однако малейшее сопротивление королю грозило городам конфедерации конфискацией их вольностей.

В 1281 г. Сэндвич, например, был временно лишен прав самоуправления, а мэр его был арестован за то, что город

---

[31] Pl. Abbr., pp. 201, 231.
[32] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98. London, 1893, p. 125.
[33] Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, p. 55.
[34] Callend. rotulorum patentium, p. 45.
[35] Ibidem, p. 45. Аналогичные случаи имели место в XIII в. в отношении Оксфорда в 1252 г. (Ibidem, p. 24), Соутгемптона в 1276 г. (Ibidem, p. 46), Йорка (Ibidem, p. 50) и многих других.
[36] Ibidem, p. 22.
[37] Ibidem, p. 23.
[38] Foedera, vol. I, pars II, p. 892.
[39] Montagu Burrows. Cinque ports. London, 1895, ch. IV.

претендовал на виллу Стонер, которую король считал своей. Пользуясь своей привилегией судиться в курии Шипвей, горожане отказались явиться для разбирательства этого дела в королевский суд в Вестминстере. Невзирая на эту привилегию, зафиксированную в данной им хартии, Эдуард I в королевском совете вынес решение, согласно которому эта привилегия не могла распространяться на тяжбы Пяти портов с королем, а горожан за неповиновение наказал конфискацией их привилегий [40].

Само собой понятно, что городские привилегии немедленно аннулировались в случае вооруженных столкновений между городами и их сеньерами, и прежде всего королем.

Подчиненное, подконтрольное положение английских городов, в том числе имеющих относительно широкие привилегии, было подчеркнуто Глостерским статутом 1278 г., согласно которому все городские иммунитеты наряду с иммунитетами крупных феодалов должны были подвергаться проверке в процессах quo warranto. Хотя эта проверка не имела целью ликвидировать городские иммунитеты, она, однако, должна была подчеркнуть полную зависимость от центрального правительства и несамостоятельность даже самых значительных городов.

Таким образом, политическое положение английских городов, даже самых крупных, нельзя приравнять к положению французских «коммун» или «имперских городов» Германии. Причина этого своеобразия политической жизни английских городов так же, как и некоторого своеобразия их борьбы с сеньерами [41], заключалась в наличии относительно сильной центральной власти в стране уже в ранний период. Городам королевского домена, а к ним принадлежали наиболее влиятельные города страны, определявшие общий исход борьбы городов с сеньерами, было трудно добиться полной самостоятельности от столь могущественного лорда, каким был сам король. С другой стороны, и сами короли, которые в Англии, помимо горожан, имели прочную опору в мелком рыцарстве и свободном крестьянстве и располагали сильным государственным аппаратом, могли не так уж считаться с городами и направлять развитие городских привилегий по выгодному для себя руслу, ставя их в определенные рамки в отношении правительства.

Ограниченный характер привилегий даже наиболее крупных королевских городов определялся и специфическими осо-

[40] Pl. Abbr., pp. 264, 273.

[41] Характеристика своеобразия этой борьбы в Англии дана автором в статье «Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII—XIII вв.». Сб. «Средние века», вып. IX, М., 1957, стр. 242—243.

бенностями их борьбы за городские вольности — тем, что они добивались получения привилегий не столько с оружием в руках, сколько путем «покупки» и ряда компромиссов со своим сеньером-королем.

Английские города, таким образом, всегда ощущали на себе тяжелую руку центрального правительства и являлись объектом вымогательств с его стороны. Зависимость городов от королевской власти очень ярко проявлялась в том, что вся ее городская политика была проникнута грубым и откровенным материальным расчетом. При пожаловании привилегий городам мелочно учитывались все выгоды и невыгоды, которые может принести королевской казне это пожалование. Каждая новая хартия и каждое последующее ее расширение дорогой ценой оплачивались городом, хотя, как мы видели, эти хартии ничем не гарантировались и могли быть отняты в любой момент. Возобновление хартии сплошь и рядом сопровождалось единовременным платежом и повышением суммы годовой фирмы [42]. Столь же дорого оплачивалась каждая новая хартия или привилегия [43].

Ричард и особенно Джон откровенно рассматривали раздачу городских привилегий, их конфискации и возврат городам, как важнейший источник государственных доходов. Такую же политику, хотя и не столь откровенно, проводили Генрих III и Эдуард I.

Неразрывную связь между пожалованием городских привилегий и доходами короны нетрудно проследить по многим источникам XIII в. Например, в 1290 г. жители (homines) города Эппльби просили Эдуарда I включить в их фирму доходы, получаемые королем с водяной мельницы в городе (20 м. в год), и разрешить им самим собирать пошлины на го-

[42] В 1166 г. Бедфорд заплатил 40 м. за хартию по образцу Оксфорда (British borough charters, vol. 1, p. LXXXIII); Лейстер в 1180 г.— 80 м. за право не платить murdrum (ibidem). Ньюкасл на Тайне в 1201 г. получил подтверждение хартии за 10 ф. повышения фирмы в год (ibidem, vol. 1, p. 227); Кембридж в 1207 г. за то же стал платить фирму на 20 ф. больше (ibidem, vol. 1, p. 221); Ноттингэм в 1284 г. за подтверждение своих старых привилегий поднял фирму на 8 ф. (Ibidem, vol. II, p. 310). И такие факты были обычным явлением. В XII и XIII вв. фирма под разными предлогами была повышена для города Андовера (1213), Вустера (1188), Глостера (1194), Скарбороу (1201), Ипсвич (1207), Карлейля (1121), Дерби (1254), Бассингесток (1228), Гетингдон (1205). По данным Медокса, в первые годы правления Джона за возобновление и расширение своих хартий Лондон уплатил 3000 м., Линкольн — 350, Беверли — 500, Кембридж — 250, Оксфорд — 200, Дэнвич — 100 и т. п. (British borough charters, vol. 1, introd., p. LXXXIV.

[43] Линн в 1258 г. уплатил 2 м. золотом за новую хартию (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, p. 275), Скорборо в 1257 г. — 60 м. за то же (ibidem, pp. 23—24), Вустер в 1259 г. за право returnus brevium и ряд судебных привилегий уплатил 135 м. (ibidem, p. 358).

родском рынке, обещая за это платить королю повышенную фирму (20 ф. вместо 20 м.). Эдуард I, воздержавшись от немедленного ответа, «приказал казначею выяснить, какие выгоды король может от этого иметь или к чьему ущербу или невыгоде (может послужить это изменение.—*Е. Г.*). И когда король будет об этом извещен, он даст ответ»[44].

В 1321 г. по просьбе горожан Гримсби был закрыт королем «нелегальный рынок», возникший в окрестностях этого города, на том основании, что из-за этого «господин король теряет свои пошлины и другие доходы, которые он обычно имел от этой виллы, к ущербу господина короля и убыткам горожан этой виллы»[45]. Такой же участи и по той же причине подвергся нелегальный рынок возле виллы Кокермауз по просьбе жителей этого города в 1307 г.[46]. В 1320 г. королевский совет разрешил жителям Виндзора брать пошлины со всех судов, проезжающих мимо города по реке, включая и корабли, принадлежащие королю, если они были нагружены товарами других лиц, «чтобы фирма короля с этого города не уменьшалась»[47].

Так в отношении городов, расположенных на землях королевского домена, политика английских королей определялась двумя основными принципами: с одной стороны, постоянным стремлением не выпускать города, даже имеющие хартии, из-под контроля центрального правительства, с другой стороны, стремлением использовать пожалования привилегий городам для пополнения королевской казны.

Двойственный характер городской политики феодального государства сказывался и на его позиции в столкновениях между крупными феодалами Англии и их городами. В целом, как было отмечено выше, королевская власть была благожелательно настроена по отношению к городам. Но наряду с этим, выступая арбитром в такого рода конфликтах, английские короли старались не ущемлять материальных интересов сеньеров. Даже желая поддержать город в его притязаниях, король всегда ограничивался лишь попытками склонить упорствующего сеньера к компромиссу. Такую позицию занимали короли в длительной борьбе между горожанами Линна и их сеньером, епископом Норичским, происходившей в XIII—XIV вв.[48], и в борьбе Рединга с его лордом аббатом, завершившейся в 1253 г. соглашением, заключенным при посредстве

[44] R. P., vol. 1, p. 51.
[45] Ibidem, p. 412.
[46] Ibidem, p. 197.
[47] Ibidem, p. 383.
[48] J. K. Green. Town life in the fifteenth century, vol. 1. London, 1894, pp. 282—294.

Генриха III[49]. В 1224 г., когда возникла острая борьба между городом Дэнстеблем и его сеньером приором Дэнстеблским, Генрих III приложил немало усилий, правда тщетных, чтобы склонить обе стороны к соглашению[50].

Но если сеньер города упорствовал в своей неуступчивости и дело доходило до вооруженных столкновений, английские короли предпочитали выступать на стороне феодала, помогая ему в подавлении выступления горожан. Такое вмешательство короля на стороне сеньеров имело место во многих городских столкновениях периода гражданской войны 1258—1265 гг.

Явно враждебную позицию по отношению к горожанам занял Генрих III в 1254 г. в конфликте между горожанами Фаверсхэма и их лордом аббатом. Аббат, не желая считаться с хартией горожан, требовал, чтобы они посещали его курию, судились в ней по ассизе хлеба и пива, пасли его свиней, запрещал им выбирать своих должностных лиц, претендуя на право назначать их от себя, и вообще хотел низвести город фактически до положения обычного манора[51]. В результате тяжбы, происходившей между городом и аббатом в королевском суде, король приказал шерифу Кента восстановить аббата во всех его правах: «...а если найдутся бунтовщики из вышеуказанных людей, которые всего этого не пожелают выполнять в пользу этого аббата без промедления и противоречия, то наложить арест на их земли и движимость, находящиеся как внутри, так и вне его (шерифа.— *Е. Г.)* округа, несмотря ни на какие привилегии, до тех пор, пока они во всем не удовлетворят требования аббата»[52].

Центральное правительство дважды оказывало своими вооруженными силами поддержку аббатству св. Эдмунда в борьбе с горожанами Эдмундсберри во время гражданской войны 1263—1265 гг. и в 1327 г.[53].

Столь же осторожен был король в столкновениях, происходивших между городами и феодалами, если последние не являлись их сеньерами. Такие конфликты по поводу иммунитетных прав, рынков или насилий, чинимых феодалами по отношению к горожанам, были довольно обычным явлением в Англии XIII в. Наиболее острые и длительные из них, которые не могли быть решены на местах, обычно поступали на рас-

[49] Ibidem, vol. 1, pp. 300—301.

[50] Annales Dunstabliae. R. S., No. 36, vol. III. London, 1866, pp. 119—122.

[51] Pl. Abbr., p. 140.

[52] Ibidem. Такую же осторожность и нерешительность проявил Эдуард I в конфликте между горожанами Кентерберии и архиепископом Кентерберийским (R. P., vol. 1, p. 69), Йорком и эрлом Корнуольским (Pl. Abbr., p. 228) в столкновении горожан Линкольна с епископами Линкольнским и Карлейльским (Memoranda de Parliamento, p. 306).

[53] J. K. Green. Op. cit., vol. 1, pp. 296—298.

смотрение короля, его совета или королевских судов. Из 26 таких разбирательств, встретившихся нам в источниках XIII в., только 10 было решено в пользу городов, а остальные 16 в пользу их лордов или оставались нерешенными ввиду бесконечных затяжек и отсрочек. Чем крупнее и влиятельнее был феодал, тем осторожнее королевский аппарат подходил к решению этих споров, стараясь не выносить решений, невыгодных феодалам [54].

В таком равнодушии короля к интересам городов в конфликтах, в которых, казалось бы, ему выгоднее было поддерживать их, очевидно проявлялась классовая природа королевской власти. Не желая обострять отношений с верхушкой класса феодалов из-за мелких городов, или в тех случаях, когда эти конфликты принимали очень острый характер, король предпочитал поддерживать феодалов даже в ущерб городам. Ведь около 100 крупнейших феодалов Англии являлись сеньерами городов. Затрагивать их материальные интересы значило обострять отношения с феодальной аристократией в целом. Поэтому, когда в дело не вмешивались материальные интересы короны, король предпочитал этого не делать.

Иначе обстояло дело, когда король оказывался заинтересованной стороной в конфликте между городом и феодалом, когда нарушение городских привилегий феодалом ущемляло одновременно экономические или политические права короны. В этом случае победа в таком столкновении обычно оставалась за городом, особенно тогда, когда город мог соответствующим образом «отблагодарить» короля [55].

---

[54] Характерный пример в этом отношении представляет длительный конфликт между горожанами Бристоля и феодалами Томасом и Маврикием де Беркль, владевшими землями около города и во многих местах Глостершира. Не являясь сеньерами Бристоля, они терроризовали своими насилиями и разбоями всю округу, препятствовали торговле горожан, требуя, чтобы бристольцы судились в их курии в пригороде Бристоля, хотя город имел свой городской суд. Вместо того чтобы немедленно помочь бристольцам в этом конфликте, Эдуард I ограничился тем, что для расследования этого дела назначил комиссию, предоставив ей для работы весьма длительный срок, в течение которого братья де Беркль могли продолжать свои бесчинства (Memoranda de Parliamento, p. 135).

[55] Так, Фаверсхем, признанный в 1254 г. бесправным манором аббата, в 1302 г. за 500 м. получил от Эдуарда I привилегии, которыми пользовались «бароны» Пяти портов (Pl. Abbr., p. 145). Дважды в 1290 и 1292 гг. королевский суд решил в пользу Ньюкасла на Тайне тяжбу горожан с приором Тайнмауз из-за монополии торговли в устье реки Тайна. Горожане обвиняли приора в том, что он устроил там незаконный рынок, на котором останавливаются для торговли купцы, раньше прибывавшие в Ньюкасл (R. P., vol. 1, pp. 26—29). Судебное решение 1292 г., как гласит его текст, было принято «в пользу короля и горожан» и на том основании, что «королю принадлежит весь морской порт от моря до моря, называемого Hiduvindstrom и никто не может разгружать или нагружать в этом порту корабли без согласия короля или его бейлифов» (Pl. Abbr., p. 228).

Таким образом, классовый характер городской политики королевской власти заметен уже в ее отношении к борьбе городов с сеньерами. Уже эта сторона королевской политики показывает своеобразие и неравноправный характер «союза королевской власти с бюргерством», в котором с самого начала таились возможности конфликтов.

Но и во всех других вопросах короли шли навстречу сословным интересам горожан только до тех пор, пока эти интересы не приходили в столкновение с выгодами класса феодалов и государственной казны. Это, в частности, наглядно видно на внешнеторговой политике английских королей в XIII в. Дело в том, что городское сословие Англии, и в частности купечество, в XIII в. стремилось ограничить доступ иностранных купцов — своих конкурентов — в Англию, а английские короли, напротив, всячески поощряли и развивали торговлю иностранцев в стране. Причина этого конфликта лежала в сфере социальных противоречий между городским сословием и классом феодалов, интересы которого в этом вопросе совершенно откровенно отстаивал король.

Горожане, хотя и были заинтересованы в некотором развитии торговли с иностранцами, вместе с тем стремились к ее ограничению. Английские купцы опасались конкуренции иностранных купцов. Они готовы были терпеть их присутствие в течение нескольких недель в портовых городах с тем, чтобы, скупив у них вина, сукна и другие импортные товары, затем перепродавать их втридорога. Но они были против свободного допуска иностранных купцов на внутренний рынок страны, где их присутствие угрожало снижением цен на импортные товары и, следовательно, убытками для английских купцов. Последние не были заинтересованы также и в широком проникновении иностранцев в английскую деревню в качестве скупщиков сельскохозяйственных товаров (шерсти, зерна). Массовое проникновение иностранцев в глубь страны угрожало английским городским купцам повышением цен на сельскохозяйственные продукты и вытеснением их с местного рынка.

Конкуренция иностранных купцов была невыгодна и массе ремесленного населения городов, которое мало покупало импортные предметы роскоши и потому ничего не выигрывало от непосредственного общения с иностранцами. Зато массовый ввоз иностранных товаров, в частности сукон, полотен, кожаных изделий, создавал для них невыгодную конкуренцию, особенно ввиду лучшего качества этих товаров, и снижал цены на отечественные товары.

Напротив, феодалы и как продавцы, и как покупатели были заинтересованы в свободном допуске иностранных купцов в страну. Те из них, которые вели регулярную торговлю продук-

тами своего хозяйства, были заинтересованы в том, чтобы сбывать эти товары непосредственно иностранным купцам или их агентам в деревне, так как это сберегало расходы на транспортировку, облегчало сбыт этих товаров, повышало спрос, а следовательно, и цены на них. Английские бароны, рыцарство, а особенно монастыри, охотно брали у иностранных купцов под будущие товары авансы, которых им не могли давать обладавшие меньшими оборотными средствами английские купцы. В то же время и те феодалы, которые мало или вовсе ничего не продавали, также были заинтересованы в свободной торговле иностранцев, так как они являлись главными потребителями импортных товаров — тонких сукон, заморских вин, пряностей, дорогого оружия, шелка, парчи, мехов и т. п. Свободный доступ иностранцев в страну означал бóльшее предложение этих товаров, а поэтому и понижение цен на них.

Уже в XII в. многие города стремились ограничить доступ иностранных купцов на территорию городской округи. Горожане Бристоля, например, в 1188 г. добились от короля хартии, запрещавшей иностранцам покупать зерно, кожу, шерсть у негорожан, покупать сукно в розницу, оставаться в городе более 40 дней, сходить с кораблей и жить на городских квартирах[56]. Аналогичные условия для торговли иностранцев с начала XIII в. существовали также в Лондоне[57], Ипсвиче, Уотерфорде и некоторых других городах[58]. В период гражданской войны 1258—1265 гг. городское купечество попыталось использовать сложившуюся политическую ситуацию, чтобы добиться общегосударственного урегулирования этого вопроса. Очевидно, под его давлением Оксфордский парламент 1258 г. запретил вывоз английской шерсти и предписал всем жителям королевства носить одежду из грубых неотделанных английских сукон[59]. Во второй половине XIII в. купцы Линкольна настойчиво добивались у Генриха III запрещения иностранцам скупать непосредственно или через цистерцианские монастыри шерсть в Линкольншире[60].

Смысл этой позиции городов ясно вскрывает петиция лондонцев, поданная в 1290 г. Эдуарду I, в которой они жаловались, что «иностранные купцы господствуют в городах и обогащаются на торговле, а горожане, которые когда приходится несут все тяготы (городские платежи.— *Е. Г.*), разоряются:

---

[56] G. Schanz. English Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, vol. 1, Absch. 11. Leipzig, 1881, S. 381.
[57] Ibidem, S. 384.
[58] E. Lipson. The economic history of England, vol. 1, p. 519.
[59] Hist. Anglicana scriptores quinque (ed. 1677), II кр. 580; Chronicon Walteri de Hemingburgh (ed. 1848), vol. 1, p. 306.
[60] R. P., vol. 1. p. 156.

раньше они (иностранцы.— *Е. Г.*) обычно оставались в городе не более 40 дней, в течение которых продавали свои товары жителям королевства, которые жили барышами от этой торговли. А теперь иностранцы сами увозят этот барыш»[61].

В противовес этим выступлениям горожан в пользу монополии английских купцов, феодалы на протяжении XIII в. пытались отстоять полную, ничем не ограниченную свободу торговли иностранцев. Это нашло отражение в 41 ст. Великой хартии вольностей, которая, очевидно, вопреки интересам английского купечества и вообще горожан, разрешила иностранным купцам «свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию и пребывать и ездить по Англии как на суше, так и на воде для того, чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные, пошлины»[62].

Королевская власть на протяжении всего XIII и начала XIV в. всецело поддерживала позицию феодалов в этом вопросе, выступая в пользу свободного доступа иностранных купцов в Англию. Это видно уже из того, с какой щедростью английские короли раздавали привилегии иностранным купцам, не считаясь с хартиями и вольностями отдельных городов[63].

Эдуард I, еще будучи наследником престола, в 1266 г. официально объявил себя «покровителем иностранных купцов»[64] и никогда не отказывался от этой позиции. Характерна, в частности, позиция Эдуарда I в длительном конфликте, разыгравшемся в 1292 — 1293 гг. между лондонцами и гасконскими виноторговцами в Лондоне. Гасконцы пожаловались в 1292 г. в королевский совет на то, что жители Лондона препятствуют им свободно торговать в столице вином. Король попросил лон-

---

[61] Ibidem, p. 55. «Item petunt quod rex apponit remedium de eo, quod alienigenae mercatores dominentur et ditentur, de mercandisis in civitate et cives depauperentur, qui onera sustinent quotiens necesse est: non enim consueverunt morari ultra quadraginta dies infra quos solebant vendere aliis de regno, qui de lucro vivebant. Et nunc extranei illud lucrum asportaverunt».

[62] Select charters, p. 301.

[63] В 1235 г. право свободной торговли по всей Англии получили ганзейцы. В 1257 г. эта привилегия была распространена на все северонемецкие города. В 1266 г. ганзейские города во главе с Гамбургом получили право иметь в Англии свою особую ганзу с отделениями по всей территории страны (E. Lipson. Economic history of England, vol. 1. London, 1945, p. 536). В 1267 г. право свободной торговли в Англии получили испанские купцы (Schanz. Op. cit., vol. 1, S. 269). Во второй половине XIII в. широкими торговыми привилегиями в Англии пользовались скандинавские, северофранцузские и итальянские купцы (ibidem, SS. 5—7, 112—114, 249, 292, 293).

[64] E. Lipson. Op. cit., vol. 1, p. 520.

донцев отложить применение санкций против гасконцев до ближайшего парламента, обещав решить там этот вопрос. Представители Лондона — 6 зажиточных горожан, вызванные по этому поводу на королевский совет,— вынуждены были на это согласиться, хотя сначала заявили, что «это дело касается всей общины города, а их здесь присутствует всего 6 или 8, поэтому они сами в отсутствие общины не могут и не хотят вмешиваться в это дело» [65]. Через год, на пасху 1293 г., совет магнатов, добившись согласия присутствовавших там представителей лондонской городской верхушки (шерифа, олдерменов и также «многих других из наиболее опытных и значительных граждан»), навязал лондонцам соглашение с гасконцами, по которому последним разрешалась полная и неограниченная свобода торговли [66].

В 1298 г., когда после долгого перерыва было восстановлено лондонское самоуправление, лондонцы попытались отменить это постановление. Ввиду войны с Францией, которая шла в это время, им это удалось. Но в 1302 г. Эдуард I вновь безоговорочно восстановил привилегии гасконцев в Лондоне [67].

Если даже Лондон не смог добиться ограничения торговли иностранцев, то ясно, что это было не по плечу другим, менее крупным и политически влиятельным городам.

Но Эдуард I не довольствовался этими частными мерами. Он постарался закрепить свободу торговли иностранных купцов и в законодательстве. Так появилась на свет «Купеческая хартия» (Charta mercatoria) 1303 г., издание которой никак нельзя считать случайностью в политике английского феодального государства. Эта хартия представляла «хартию вольностей», данную иностранным купцам, которая явно и недвусмысленно была направлена против интересов английского купечества и вообще городского сословия.

Содержание «Купеческой хартии» в основном сводилось к следующему: иностранные купцы всех национальностей могли свободно, под покровительством короля, разъезжать по стране со своими товарами, не платя никаких местных пошлин, перевозить по стране и вывозить за ее пределы все товары (кроме вина), привезенные в Англию или купленные там, и жить во всех городах и рыночных местечках страны. Если у них возникали какие-либо споры по заключенным ими контрактам, то они должны были решаться в результате расследования по обычаям ярмарок и городов, где эти контракты были заключены. Иностранцам гарантировалось, что ни при

---

[65] R. P., vol. 1, p. 87.
[66] Ibidem.
[67] G. Schanz. Op. cit., vol. 1, S. 391.

каких обстоятельствах их товары не будут подвергаться захватам и наложению арестов без их согласия, иначе как на условии немедленной оплаты этих товаров по рыночной цене. Бейлифы городов и рыночных местечек обязывались немедленно оказывать судебную защиту иностранным купцам под угрозой королевского наказания в случае задержки. Ассизы, назначенные для расследования исков иностранцев, должны были составляться таким образом, чтобы половину их составляли жители того города, где происходил суд, а половину соотечественники иностранного купца, дело которого разбиралось. Хартия подтверждала единство мер и весов по всей стране и точно устанавливала качество весов и способ пользования ими в городах, во избежание обманов и обвесов иностранных купцов [68]. Хартия распространялась на купцов всех стран, «как бы они ни назывались, купцы которых пребывают в наше королевство Англию и ведут там свои дела» [69]. Купеческая хартия ставила иностранных купцов в привилегированное положение по сравнению с английским купечеством, особенно в отношении королевских захватов и призов, от которых не было освобождено английское купечество, и быстрой судебной защиты, которая очень редко осуществлялась по отношению к англичанам.

Причины столь явного пренебрежения к интересам английского купечества и вообще бюргерства во всех вышеперечисленных мероприятиях короны прежде всего заключались в том, что английские короли призваны были охранять и защищать интересы класса феодалов и не могли нарушать их в столь важном вопросе. Это с предельной ясностью выразил Эдуард I еще в 1290 г. На вышеприведенную петицию лондонских купцов об ограничении торговли иностранцев в столице, он ответил так: «Король находит, что иностранные купцы **удобны и полезны магнатам** и не имеет намерения их изгонять» [70]. Эта же мысль, несомненно, лежала в основе «Купеческой хартии».

Но, помимо этой основной причины, была и другая — те огромные выгоды, которые корона могла извлечь из торговли иностранцев в виде экспортных и импортных пошлин. С иностранцев легче было получить повышенные пошлины, чем с

[68] Charta mercatoria, латинский текст, опубликованный в книге H. Hall. A history of custom revenue in England. London, 1892, part 1, Appendix, pp. 202—208.

[69] Ibidem, pp. 202—203. «...et omnium aliarum terrarum et locorum extraneorum quocunque nomine censeantur, revenientium in regnum nostrum Angliae et ibidem conversancium».

[70] R. P., vol. I, p. 55 «...quod mercatores extrenei sunt **idonei et utili magnatibus**, et non habet consilium eos expellendi» (подчеркнуто нами.— *Е. Г.*).

англичан, так как, приезжая в страну на недолгий срок и извлекая из нее большие барыши, они охотнее шли на повышенные платежи, чем английские купцы, отягощенные еще дополнительными государственными налогами и поборами и пытавшиеся опираться в вопросах обложения на обычай, защиты которого были лишены иностранцы. В развитии иностранной торговли английские короли, и в том числе Эдуард I, видели дополнительный и бесконтрольный источник доходов, которым они постоянно пользовались.

Классовый характер королевской политики по отношению к городам и ее сугубо корыстный утилитарный подход к общесословным интересам горожан особенно рельефно выступает в финансовой политике королевской власти. Финансовый вопрос был едва ли не самым главным во взаимоотношениях между королевской властью и городами, определявшим характер союза, существовавшего между ними.

Как центры ремесла и торговли, английские города уже в XIII в. становятся важнейшими в стране центрами накопления и наиболее удобным объектом для выкачивания средств в пользу короны. Крестьянство в массе своей не имело свободных денежных средств. Феодалы, если и имели их, то или спускали их очень быстро на приобретение предметов роскоши, или превращали их в мертвые сокровища, трудно поддававшиеся изъятию. В городах, напротив, всегда имелось сравнительно много оборотных денег, которые легче было изъять под каким-нибудь предлогом, чем в деревне. И чем быстрее росли доходы и накопления в городах, тем больше возрастали аппетиты короны и ее стремление получать в свою пользу все бóльшую часть этих накоплений.

Финансовая эксплуатация городов в XII и XIII вв. осуществлялась в разных формах. Доходы короны от городов складывались:

1) из городских фирм и городских платежей за вновь приобретенные привилегии, а также рент, рыночных и судебных доходов в тех городах, которые не пользовались правом фирмы;

2) из штрафов, взимавшихся с городов за различные правонарушения в пользу короля;

3) из произвольных поборов в пользу короны;

4) из налогов на движимость, которые начинают распространяться на города еще до начала городского представительства в парламенте — с начала XIII в.;

5) из призов, захватов, закупок в кредит в пользу короля, иногда без всякой оплаты, а с 1275 г. также из регулярных пошлин на ввоз и вывоз, в основном падавших на городское население.

Фирма в городах, пользовавшихся этим правом, представляла собой реализацию в новом виде той феодальной эксплуатации, которую сеньер города, в том числе король, осуществлял по отношению к городу. Фирма как бы поглощала феодальные платежи горожан — ренту за держание, судебные штрафы, рыночные сборы и т. д.

К феодальным платежам можно отнести также единовременные платежи за пожалование тех или иных привилегий, которые даровались городу уже после получения им права фирмы. Эти «феодальные доходы» с городов в то же время являлись платой за те привилегии, которые город получал от своего сеньера-короля. Мы видели, что последний всегда старался продать эти привилегии подороже. Такую же общую тенденцию можно отметить в отношении городских фирм, которые заметно возросли в XIII в., во всяком случае во многих городах. Всюду, где это было возможно, правительство в XIII в. старалось повысить городскую фирму.

По самым минимальным подсчетам фирма королевских городов к концу XIII в. составляла не менее 3600 ф. в год, а на самом деле была, вероятно, значительно больше[71]. Даже в таком преуменьшенном размере она составляла около 10% среднегодовых доходов короны в правление Генриха III (35 000 ф. в год)[72]. Вероятно, не меньшие суммы поступали с городов, которые не пользовались правом фирмы и составляли бóльшую часть всех английских городских поселений.

Но фирма не удовлетворяла корону. Она не поспевала за ростом городских накоплений. Ее было трудно повышать, так как она была установлена обычаем и зафиксирована в хартиях. А так как для большинства городов эта фиксация была произведена еще в конце XII — начале XIII в., то в конце XIII — начале XIV в. фирма часто не соответствовала платежным возможностям городов. Поэтому с начала XIII в. увеличиваются произвольные взимания и штрафы с городов по отдельным поводам, представлявшие также форму феодальной эксплуатации городов, так как они вытекали из судебного и политического верховенства их сеньера-короля. Размеры этих штрафов иногда были поистине огромны. Так, в 1269—1272 гг. Лондон уплатил королю 20 000 м. в качестве штрафа

[71] Эту цифру мы получили, сложив общую сумму фирм, поступивших от 68 городов, имевших право фирмы, сведения о которых содержатся в хартиях. Однако эти данные относятся к разным годам XIII в., причем некоторые — к его началу. Возможно поэтому, что фирмы многих городов повысились к концу XIII в., хотя это и не нашло отражения в хартиях. Фирмы остальных городов нам не известны. Поэтому приведенная общая сумма фирм, очевидно, много ниже их действительной суммы.

[72] J. H. Ramsay. A history of the revenues of the Kings of England, vol. 1, Oxford, 1925, p. 359.

за поддержку, оказанную Симону де Монфору в 1258—1265 гг.[73]. В 1298 г. Лондон вновь уплатил 10 000 ф. за восстановление его в правах самостоятельного управления[74]. Бристоль за длительное неподчинение королю в 1316 г. уплатил штраф в размере 4000 м.[75].

Но главным методом эксплуатации городов в XIII в. было не повышение фирмы и даже не эти экстраординарные поборы, а произвольные налоги и, прежде всего, талья (tallagium). Это был также типичный феодальный побор, вытекавший из права собственности сеньера города на землю, на которой был расположен город. Это очень ясно видно из того, что он распространялся не только на города, но и на другие домениальные владения короля, а также из того, что он носил то же название, что и произвольный побор лордов с их крепостных крестьян (tallagium). Феодальный характер тальи особенно подчеркивается тем, что не только король, но и прочие феодальные сеньеры взимали ее со своих городов. Обычно, когда король собирал талью со своих доменов, он разрешал феодалам собирать ее в том же размере со своих[76].

В силу своего специфически феодального и произвольного характера побор этот был особенно ненавистен городам. Король, а следовательно, и другие феодалы могли собирать его в какие угодно сроки, в каком угодно размере[77]. О ненависти горожан к талье свидетельствует, например, упорная борьба жителей города Дэнстебл против их лорда приора Дэнстеблского, разыгравшаяся в 1229 г. Вопрос о талье был главным предметом спора. Горожане категорически отказывались платить этот с их точки зрения вилланский побор и всячески сопротивлялись попыткам приора, поддерживаемого королем, собрать его. Горожане в ответ на требование приора об уплате тальи отказались платить ему десятину и давать обычные приношения за совершение церковных треб, публично объяви-

---

[73] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. 1, p. 34; R. H., vol. 1, p. 417.

[74] Calend. rotulorum patentium, p. 59.

[75] R. P., vol. 1, p. 362.

[76] В 1268—1269 гг. Генрих III специальными письмами разрешил собрать талью с их городов Ричарду Корноуольскому, приору Гентиндонскому, тамплиерам, Гальфриду де Лузиньяну, аббату Уолтамскому, Роберту Брус, аббату Мальмсбери, Уильяму де Валенс, аббату Рединг ском у, аббату Чиренчестерскому, аббату де Кливе, Джону де Бург и ряду других. (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 13, pp. 463, 476, 486; vol. 14, pp. 1, 2, 18, 33, 34, 64.) В 1305 г. Эдуард I, обложив свои домены тальей, разрешил всем феодалам-держателям старинного домена короны обложить свои (Memoranda de parliamento, p. 54).

[77] В Лейстере, например, в период с 1269 по 1320 г. талья под разными предлогами взималась эрлом Ланкастерским, сеньером города, 17 раз (Records of the borough of Leicester, ed. Bateson, vol. 1. Cambridge, 1889, passim).

ли в церкви о запрещении всем жителям города молоть хлеб на господской мельнице и захватили подводу приора, груженную зерном, очевидно, направлявшуюся на эту мельницу. Убедившись же в том, что приор не намерен отказаться от взимания тальи, дэнстеблцы пошли на такую крайнюю меру, как уход с территории города. «Они даже договорились с Уильямом Кантелюпо (Cantelupo) (очевидно, соседний феодал.—*Е. Г.*), чтобы он уступил им в поле, лежащем по соседству с бургом Дэнстебл, 40 акров, где они, перенеся туда свои лавки, могли бы поселиться, освободившись от уплаты тальи и пошлины»[78].

Эта крайняя мера, угрожавшая приору запустением города и полным падением доходов с него, заставила лорда пойти на уступки.

О крайне враждебном отношении городов к талье свидетельствует также интересная тяжба между городом Новый Сольсбери и его сеньером-епископом, происходившая в 1305 г. Епископ пожаловался королю, что горожане отказываются платить ему талью, когда король облагает этим налогом свои домены. Горожане, вызванные в суд, не отрицали этого, но сослались на хартию Генриха III, освободившую их от уплаты тальи на условии уплаты ежегодной фирмы «вместо всех повинностей и требований». Епископ, однако, утверждал, что за подтверждение этой хартии Эдуардом I горожане вновь обязались платить ему талью. Тогда Эдуард I предложил горожанам альтернативу — или пользоваться хартией и платить талью, «или навсегда отказаться от этих вольностей и привилегий, и никогда впредь не платить тальи или вспомоществования в пользу этой церкви и епископа»[79].

Жители Сольсбери немедленно отказались от своей хартии, чтобы только не платить тальи.

Однако индивидуальные попытки отдельных городов откупиться от тальи очень редко приводили к успеху. Здесь интересы горожан решительно сталкивались с интересами феодалов, тогда как, напротив, интересы феодалов и короля полностью совпадали. Даруя городам различные привилегии, король и не хотел и не решался пойти на отмену тальи ни в своих, ни в сеньериальных городах. Именно поэтому в течение всего XIII в. города предпринимали настойчивые попытки добиться отмены или, вернее, ограничения сбора тальи в обще-

[78] Annales Dunstabliae, RS, 36, vol. III, p. 122 «...Prolocuti fuerunt etiam cum Willelmo de Cantelupo, quod in campo vicino burgo de Dunstaple concederet eis quadraginta acras in quas tabernacula sua transferentes habitarent a tallagio et teoloneo quieti».

[79] R. P., vol. 1, p. 176. «...vel eisdem libertatibus et acquietantiis omnino renunciare voluerint et nunquam talliari nec auxilium dare ad opus dictae ecclesiae et episcopi».

государственном масштабе. Они включили это требование в ст. 32 баронских статей 1215 г.[80], а затем в так называемую латинскую версию Подтверждения хартии 1297 г.[81]. Но и в том, и другом случае при составлении окончательного текста Великой хартии вольностей и Подтверждения хартии 1297 г. этот пункт был исключен и произвольный характер тальи сохранен. Это ясно говорит, во-первых, о том, что короли, как Джон, так и Эдуард I, особенно ревниво оберегали эту свою прерогативу, во-вторых, о том, что в этом пункте они опирались на поддержку феодалов, и в том, и другом случае предавших своих временных союзников — горожан.

До последней трети XIII в. талья являлась одним из важнейших источников государственных доходов, составляя около 10% средних годовых доходов короля[82]. Произвольный характер тальи позволял варьировать размеры каждого очередного ее сбора с каждого города, в зависимости от потребностей короны и накоплений в городах. Зачастую талья для многих городов оказывалась значительно выше по размерам, чем их ежегодная фирма[83].

Таким образом, в вопросе о талье, как и в вопросе о торговле с иностранцами, королевская власть была совершенно солидарна с классом феодалов и, в частности, с феодальной аристократией, откровенно проводя классовую политику. В этом отношении рост государственного аппарата только усугублял рост и значение этого побора. Но талья также не исчерпывала всех платежных возможностей городов, и это становилось очевидным по мере роста их богатств. Талья плохо координировалась с ростом накоплений в городах, так как она устанавливалась на глазок. Ложась непосильным бременем на бедняков, она позволяла ускользать от нее более богатым. Поэтому правительство часто оказывалось не в состоянии собрать намеченную сумму. Так произвольный характер

---

[80] Ст. 32, запрещавшая королю взимать налоги без согласия общего совета королевства, была дополнена следующими словами: «Simili modo fiat de tallagiis et auxiliis de civitate Londonie et de aliis civitatibus que inde habent libertates» (Select charters. Oxford, 1874, p. 293).

[81] Ст. I Латинской версии гласит: «Nullum tallagium vel auxilium per nos vel haeredes nostros de cetero in regno nostro imponatur seu levetur, sine voluntate et assensu communi archiepiscoporum, episcoporum et aliorum praelatorum, comitum, baronum, militum, burgensium et aliorum liberorum hominum in regno nostro» (Select charters, p. 478).

[82] Считая в среднем размер годового дохода за период с 1199 по 1272 г. в 37 000 ф. ст. (по данным, приведенным у J. Ramsay. Op. cit., vol. 1, pp. 261, 363).

[83] При уплате тальи 1261 г. Глостер, Йорк, Линкольн, Герефорд, Винчестер, Скарборо, Гримсби, Норич уплатили суммы, значительно превышавшие их ежегодную фирму (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 11, p. 534).

гальи мстил за себя постоянными недоимками. Все эти неудобства тальи в конце концов привели к тому, что, формально не отказываясь от нее, английские короли в XIII в. начинают переносить основной упор городского обложения на налоги на движимость. В конце XIII в. еще до начала регулярного городского представительства в парламенте налоги этого рода становятся главной формой городского обложения (Эдуард I только 2 раза взыскал с городов талью — в 1288 и в 1304 гг.). Как уже было замечено, это изменение формы налогообложения было связано со стремлением правительства в более широком масштабе, чем это допускала старая налоговая система, привлечь к обложению доходы от товарного производства и торговли вообще и в городах в частности.

Вряд ли мы ошибемся, сказав, что рост городов и накоплений в городах в конце XII и в XIII в. был одной из главных причин этой налоговой реформы, которая должна была повысить и значительно повысила доходы короны от городов и роль этих доходов в ее общем бюджете. Начало развития обложения городской движимости относится еще к первым десятилетиям XIII в. В 1225 г. Генрих III обложил города наряду с сельскими местностями $^1/_{15}$. После 1275 г. до 1297 г. Эдуард I неоднократно практиковал обложение городов налогами на движимость. История этих налогов на движимость конца XIII — начала XIV в. тесно связана с развитием парламентского обложения и поэтому подробно рассматривается нами ниже, в главах, посвященных парламенту. Забегая вперед, можно здесь отметить, что, во-первых, до 1297 г. обложение городской движимости, несмотря на наличие парламента, носило произвольный характер; что, во-вторых, по сравнению с жителями сельских местностей горожане облагались в повышенном размере ($^1/_6$ их движимости вместо $^1/_{10}$, $^1/_5$ — вместо $^1/_8$); что, в-третьих, горожане, в отличие от феодалов, в конце XIII в. почти не пользовались льготами по обложению. Из оценки их имущества исключались только сравнительно дорогие предметы домашнего обихода, но все их основное имущество — инструменты, товары, сырье, деньги — безоговорочно подлежало обложению[84]. Эти особенности обложения городской движимости отчетливо показывают подчиненное, неравноправное положение городского сословия в феодальной Англии, а также и то, что королевская власть, несмотря на свой союз с городами, отнюдь не щадила их в финансовом вопросе.

Но обложение городов не исчерпывалось прямыми налогами. Важную и все возраставшую статью доходов короны, которая также в основном пополнялась за счет городского насе-

---

[84] Подробная аргументация этих выводов дана в гл. VIII.

ления, составляли косвенные налоги — преимущественно таможенные пошлины на ввоз и вывоз. Хотя косвенно все слои населения участвовали в уплате этих пошлин, так как наличие их повышало цены на внутреннем рынке, но непосредственным их плательщиком являлось в основном купечество английских городов, связанное с внешней торговлей. До 1275 г. таможенные пошлины собирались в портовых городах Англии в виде так называемых «захватов» (priese), при которых король мог брать у любого купца столько товаров и по той цене, которая была установлена обычаем, или совсем бесплатно [85]. Эта прерогатива короны издавна вызывала недовольство горожан. В 1266 г. такие «захваты» короны за год составили 4000 ф. [86]. В 1275 г. эти обычные захваты были заменены, с согласия парламента, единой пошлиной на экспортные товары, которая получила потом название «древней пошлины (antiqua custuma) и считалась законной и справедливой ($^1/_2$ м. за мешок шерсти или 300 овчин; 1 м. за 1 ласт кожи) [87]. Общая сумма таможенных поступлений в связи с этим возросла до 6000 ф. в год, а в 1278 г. составила уже 8800 ф. [88].

Дальнейшая история таможенного обложения и борьбы, которая происходила на этой почве между английским купечеством и королем, также относится уже к истории парламента и рассматривается нами ниже в связи с ним [89].

Важно здесь указать лишь на то, что и таможенное обложение в конце XIII—начале XIV в. в общем сохраняло свой произвольный характер (несмотря на попытки парламента ограничить короля в этом вопросе), что оно неуклонно возрастало от середины XIII в. к началу XIV в. В последние годы правления Эдуарда I общая сумма ежегодных доходов казны от экспортных и импортных пошлин достигала в среднем 20 000 ф., то есть с 1266 г. повысилась в 5 раз [90].

Таким образом, в вопросе о пошлинах королевская власть также очень мало считалась с интересами английского городского сословия и даже купечества, преследуя главным образом одну цель — повышение доходов короны [91].

---

[85] H. Hall. History of custom revenues of England. Part. II. London, 1892, pp. 60—64.

[86] J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 360.

[87] Ibidem, vol. II, p. 7.

[88] Ibidem.

[89] В гл. VIII.

[90] J. Ramsay. Op. cit., vol. II, p. 83.

[91] Произвольные повышения пошлин в XIII в. нельзя рассматривать и как запретительные тарифы, поощрявшие развитие промышленности в стране. Одинаково касаясь как импорта, так и экспорта, они ни в чем не создавали преимущества для английского ремесла и торговли и тяжело ложились на обороты и иностранных и особенно английских купцов.

Городские финансы эксплуатировались и другими способами. В частности, они использовались часто для краткосрочных и долгосрочных займов короне, которые далеко не всегда возвращались ее кредиторам. Города сплошь и рядом по приказу короля закупали за свой счет различные предметы, нужные королю, его двору или армии: сукно, фураж, вино, хлеб и т. д. [92].

Города, особенно в военное время, выполняли также многочисленные натуральные поставки, главным образом военным снаряжением, боеприпасами, одеждой и т. д. К каждому празднику (к рождеству, к пасхе и т. д.) определенные города должны были регулярно поставлять королевскому двору хлеб, рыбу и другие пищевые продукты [93]. Во время войны 1224—1227 гг. многие города систематически обязывались поставлять в армию веревки, лес для плотов, лопаты, пращи, осадные машины (баллисты, камнеметалки), кожу, железо, а также присылать мастеров — седельщиков, плотников и кузнецов — для обслуживания армии [94]. Поставки эти очень плохо оплачивались, а иногда и вовсе не оплачивались и поэтому вызывали большое недовольство городского населения.

Горожане несли на себе также известную долю и непосредственно военных тягот. Формально, согласно ассизе о вооружении 1181 г. (ст. ст. 3 и 6), подтвержденной приказом Генриха III от 1252 г., и Винчестерскому статуту 1285 г., горожане, как и все свободные жители Англии, обязывались иметь определенный вид вооружения, то есть в случае необходимости нести военную службу королю [95]. Практически же они привлекались к ней нерегулярно и, так сказать, в избирательном порядке. Ни личные приглашения, посылаемые королем, ни его приказы о наборе пеших воинов, не упоминают о горожанах [96]. Обычно наиболее значительные города обязаны были за свой счет выставлять во время войны вооруженный от-

---

[92] В 1225 г. Винчестер купил для короля 12 квартеров пшеницы (Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 35); в 1227 г. город Девизе купил для него 5 бочек вина за 20 ф. (ibidem, p. 167). В 1268 г. Йорк закупил для королевских нужд на Сент-Айвской ярмарке сукон на 130 ф. (Close rolls the reign of Henry III, vol. 13, p. 454). Незадолго до этого Йорк закупил у иностранных купцов различных товаров для королевского гардероба на 640 м. 66 ш. (ibidem, vol. 13, p. 1). В 1305 г. город Карлейль поставил в кредит королю солод и сено для его войска в Шотландии (Memoranda de parliamento, pp. 84—85). В 1305 г. Эдуард I вновь был должен Йорку 16 ф. за вино, купленное для двора (ibidem, p. 58).

[93] Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, pp. 48, 125, 130, 153.

[94] Rotuli literarum clausarum, vol. I, pp. 605, 606, 607, 610, 615, 613; vol. II, pp. 13, 96.

[95] Select charters. Oxford, 1874, pp. 154—155, 371—372, 472. Statutes, vol. 1, p. 370.

[96] P. W., vol. II, passim.

ряд определенного размера. Такие отряды использовались для гарнизонной службы в близлежащей крепости или отправлялись в действующую армию. Расходы городов на содержание таких отрядов были довольно значительны. Так, содержание отряда в 20 пеших воинов в течение 40 дней (обычные размеры отряда и срока службы) обходилось около 11 ф. (исходя из обычной оплаты пехотинцев в XIII в. — 3—3,5 п. в день) [97]. В таком же порядке портовые города должны были выставлять во время войны определенное, часто очень большое, количество военных кораблей с моряками [98]. Эта военно-морская повинность требовала от горожан больших дополнительных расходов. Так, например, в 1305 г. жители Дунвича просили зачесть им в счет их недоимок королю 1000 ф., истраченных ими на экипировку 10 кораблей, погибших в войне с Шотландией [99].

Таковы были разнообразные и в целом очень тяжелые поборы, ложившиеся на города. К сожалению, мы лишены возможности детально проследить рост городского обложения на протяжении XIII в. Однако он, несомненно, имел место почти во всех статьях доходов с городов. Выше мы уже указывали на рост фирмы и таможенного обложения от начала к концу XIII в. Повысились за этот период и размеры общегосударственных поборов — тальи и налогов на движимость, которые с начала XIII в. приобретают все более и более регулярный характер. Растут штрафы, натуральные поставки и прочие платежи с городов.

Рост государственной централизации, таким образом, сопровождался общим повышением поборов с городов и изобретением все новых и новых способов их обложения. В условиях господства феодальных производственных отношений рост обложения городов в пользу центрального правительства означал не что иное, как усиление феодальной эксплуатации городов, но только в новой централизованной форме. Это совершенно очевидно в отношении таких поборов, как фирма и талья, непосредственно вытекавших из феодального права собственности короны на территорию города. Понятно, что рост этих феодальных поборов означал усиление феодальной эксплуатации городов. Но и рост централизованного государственного обложения в виде налогов на движимость, кос-

---

[97] Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 93.

[98] В 1207 г. Ярмут должен был выставить 40 кораблей. В 1258 г. все портовые города сверх обычной нормы должны были выставить 200 кораблей (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, p. 297). В 1301 г. Эдуард I мобилизовал на войну с Шотландией 48 кораблей (Foedera, vol. 1, part. II, p. 928).

[99] Memoranda de parliamento, p. 137.

венных налогов, штрафов, поставок и прочих вымогательств может также рассматриваться как своеобразная форма эксплуатации городов и городского населения со стороны феодального государства.

В период господства феодальных производственных отношений городское товарное производство и обмен, обслуживавшие эти отношения, неизбежно должны были в той или иной форме эксплуатироваться господствующим классом. На ранней стадии существования городов эта эксплуатация, как мы видели, осуществлялась в прямой и открытой форме отдельными представителями феодального класса — сеньерами этих городов. По мере экономического усиления городов, которое сопровождалось их постепенным освобождением из-под власти сеньеров, последним становилось все труднее осуществлять эксплуатацию городского товарного производства и обмена в индивидуальном порядке. И эта функция все более и более стала переходить в руки «союзника» и «защитника» городов — королевской власти.

Короли легче, чем остальные феодалы, могли осуществлять ее при помощи своего аппарата, опираясь на свой авторитет и используя для вымогательств те подачки, которые они время от времени давали городам. На эту централизованную эксплуатацию переносится к концу XIII в. постепенно центр тяжести феодальной эксплуатации городского населения, которая, по выражению Ф. Энгельса, означала не что иное, как «ограбление» городов. Городам приходилось оплачивать, и притом непропорционально количеству городского населения в стране, растущие расходы централизованного феодального государства. Правда, это государство в какой-то мере обеспечивало некоторые условия, необходимые для успешного развития городского ремесла и внутреннего рынка в стране, но далеко не полно и часто принося интересы горожан в жертву интересам класса феодалов.

Другими словами, ту весьма скромную защиту, которую городское сословие получало от королевской власти, городам приходилось оплачивать часто слишком дорогой ценой.

До сих пор мы говорили о городском сословии в целом. Но с начала XIII в. в самом этом общественном слое наблюдалось заметное социальное расслоение и даже социальные противоречия [100]. Городская политика королевской власти по-разному отражалась на различных социальных слоях горожан. Если все они в целом подвергались эксплуатации со стороны

[100] Подробно вопрос о социальном расслоении в английских городах XIII в. рассматривается автором в статье «Экономические и социальные предпосылки централизации английского государства в XII—XIII вв.». Сб. «Средние века», вып. IX. М., 1957, стр. 246—251.

феодального государства, то выгоды, извлекавшиеся из союза городов с королевской властью, в основном использовались только представителями городской верхушки. Плодами городских привилегий пользовались обычно лишь наиболее зажиточные, купеческо-ростовщические элементы городского населения, захватывавшие в свои руки все органы городского управления. Из них выбирались мэры, бейлифы, олдермены, а впоследствии и городские советы инкорпорированных городов, сборщики налогов, члены городского суда и т. п. Они главным образом и пользовались монополией торговли в городе, освобождением от таможенных пошлин на территории королевства, оттесняя от пользования этими выгодами массу ремесленного населения городов, не говоря уже о нарождающемся плебействе. В их руки непосредственно поступали все доходы от городского рынка, от городского суда, судебные и административные штрафы — все те платежи, в счет которых уплачивалась фирма. Наконец, в их руках находилась раскладка всех городских налогов как взимаемых на городские нужды, так и на нужды центрального правительства (талья, частично налоги на движимость). Центральное правительство избегало вмешиваться во внутригородские социальные столкновения до тех пор, пока они не принимали вооруженного характера.

В подавляющем большинстве случаев иски и петиции «бедных горожан» против городских заправил, попадавшие в королевские суды или лично к королю, направлялись им в различные правительственные учреждения для расследования, что означало бесконечную затяжку дела и ставило его решение в зависимость от произвола королевских чиновников и судей. О том, что значила такая передача петиций по инстанциям, видно на судьбе петиции «бедных и среднего достатка» горожан Скарборо, в которой они жаловались на притеснения городских богатеев. Поданная в королевский суд в 1272 г. она оставалась нерешенной еще в 1281 г.[101]. Впрочем, отвечая на такого рода петиции, король, как и в отношении крестьянских жалоб, избегал прямых отказов «бедным горожанам», а иногда даже становился в позу «защитника угнетенных»[102]. Однако на практике, поскольку споры между «богатыми» и «бедными» горожанами решались в правительственных учреждениях, эффект такого рода личных пожеланий короля был в общем ничтожен.

Для политики королевской власти по отношению к низшим

---

[101] Madox. Firma burgi. London, 1726, p. 96.

[102] Например, ответ на жалобу бедных жителей Сендвича, обвинявших своих богатых сограждан в спекуляции пищевыми продуктами (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 10, p. 312).

и средним слоям городского населения характерно ее отношение к вновь возникавшим на протяжении XIII в. ремесленным цехам. Эти организации с момента своего возникновения объединяли городских производителей в противовес купеческой верхушке и вынуждены были вести борьбу за свое существование с купеческими гильдиями или муниципалитетами, во главе которых стояли наиболее богатые купцы и ростовщики. И в этой борьбе королевская власть в изучаемый период оказывалась обычно на стороне последних. Известно, что в 1202 г. по требованию лондонского муниципалитета за соответствующую большую мзду была закрыта по распоряжению короля Джона лондонская гильдия ткачей, существовавшая с 1131 г. [103]. Такая же участь в том же году постигла норичскую гильдию ткачей. В 1256 г. по просьбе норичского муниципалитета Генрих III при очередном подтверждении хартии Норича специально оговорил, что в городе запрещается создавать какие-либо гильдии, так как это может быть в ущерб городу [104]. Когда в 1290 г. гильдия ткачей Оксфорда обратилась к Эдуарду I с просьбой снизить ее ежегодную фирму, ввиду значительного сокращения числа членов цехов и их бедности, угрожая в противном случае вернуть королю его хартии и покинуть город, Эдуард I ответил: «Пусть платят фирму или уходят из города» (reddent firman vel recedent) [105].

Тем более решительно королевская власть выступала на стороне «богатых» горожан против «бедных» и «средних», когда дело доходило до вооруженных столкновений между ними. Так было во многих случаях во время «гражданской войны» 1263—1265 гг., когда король блокировался с олигархическими группировками в городах против низших слоев городского населения [106]. Но наиболее ярким примером в этом смысле является история внутренней борьбы, происходившей в городе Бристоле в 1312—1316 гг.

Борьба началась с того, что низшие и средние слои населения города выступили против 14 городских богатых граждан, державших в руках все городское управление и торговую монополию в порту и на рынке. Присланные в город для расследования этого спора королевские судьи были склонны решить его в пользу богачей. Но народ, сбежавшийся в ратушу по звону набата, прервал заседание суда, устроил свалку, в результате которой испуганные представители магистрата стали прыгать в окна ратуши. Этот взрыв народного недовольства

---

[103] BBCh., vol. 1, pp. 207, 208.
[104] Ibidem, vol. II, p. 283.
[105] R. P., vol. 1, p. 50.
[106] См. гл. V.

побудил 14 олигархов бежать из города и обратиться за помощью к королю. Эдуард II в 1313 г. лишил Бристоль его прав самоуправления и приказал констеблю бристольского замка Братолемью Бэдлисмер взять город в «свои руки». Однако горожане отказались признать это распоряжение. Они в течение трех лет отказывались платить королю обычные платежи, силой оружия не допускали в город королевских должностных лиц, выбирали своих мэров и бейлифов, которые не приносили присяги королю, и творили в городе суд, «узурпируя таким образом королевскую юрисдикцию». Дело дошло до того, что мятежные бристольцы арестовали должностных лиц короля, в том числе судей, присланных в город на сессию уголовного суда, укрепили город, выстроив против королевского замка форт, и блокировали обитателей замка не выпуская их в город для закупки съестных припасов [107]. Восстание бристольцев было ликвидировано только в 1316 г. в результате вооруженного вмешательства короля, направившего в Бристоль военные силы трех соседних графств, которые вместе с замковым гарнизоном подавили движение и восстановили власть городской олигархии. Городская община была присуждена к уплате штрафа в 4000 ф. [108].

К сожалению, наши сведения о характере королевской политики в отношении разных социальных групп городского населения исчерпываются приведенными выше скудными данными. Однако и они позволяют думать, что союз между королевской властью и городским сословием в основном определялся отношениями между центральным правительством и городской верхушкой, которая и извлекала из него наибольшие выгоды.

* *
*

Итак, политика королевской власти по отношению к городскому сословию была сложной и противоречивой. Будучи заинтересована в политической и материальной поддержке городов в своей борьбе за государственную централизацию, королевская власть по мере ее усиления старалась укреплять свой союз с ними, обеспечивая им самые необходимые экономические и политические условия для их существования и развития. Но, будучи представительницей классовых интересов феодалов, она не могла относиться к городскому сословию, как к равноправному партнеру в этом союзе. Да оно и не мог-

[107] R. P., vol. 1, pp. 359—362; J. K. Green. Op. cit., vol. II, pp. 266—268.
[108] R. P., vol. 1, p. 362.

ло быть таковым по самому своему положению носителя товарного производства в феодальном обществе.

Неравноправность городов в союзе с королевской властью выражалась, во-первых, в непоследовательности и неполноте защиты, которую они получали от центрального правительства в своих столкновениях, частных и общесословных с феодалами; во-вторых, и это самое важное, в том, что феодальное государство во всех своих отношениях с городами руководствовалось фискальными соображениями, стараясь при всех обстоятельствах выжать из городского населения максимальное количество доходов.

В этих тенденциях королевской политики по отношению к городам и в этом своеобразии сложившегося между ними союза проявлялась феодальная природа английского государства того времени. Наряду с удержанием эксплуатируемых в узде, одной из главных функций этого государства являлась организация эксплуатации всей экономики страны в интересах господствующего класса. Государство должно было не только помогать феодалам в эксплуатации крестьянства, но и организовать в масштабе всей страны эксплуатацию товарного производства и обмена, главным носителем которых было городское сословие. Чем больше росло экономическое и политическое значение английских городов, тем более важной становилась эта функция феодального государства, которое было призвано централизовать эту эксплуатацию и создать для ее организации методы более эффективные, чем те, которыми действовали сеньеры отдельных городов.

Конечно, в структуре феодального общества городское сословие не было столь беззащитно и бесправно, как основной эксплуатируемый класс — крестьянство. Оно было защищено от наиболее грубых форм внеэкономического принуждения и прямого феодального насилия. За ним, как и за свободным крестьянством, было признано определенное место в сословной и политической структуре английского феодального общества. Но при всем том городское сословие в целом все же оставалось в этом обществе «третьим» сословием, а его низшие слои подвергались особенно тяжелому, двойному гнету: и со стороны класса феодалов через феодальное государство, и со стороны городской купеческо-ростовщической верхушки.

Вот почему процесс государственной централизации Англии, которому горожане и в XII и в XIII вв. оказывали активную поддержку, хотя приносил им много выгод и способствовал политическому оформлению их в особое городское сословие, сопровождался для этого сословия новыми дополнительными тяготами, особенно в области фискальной. Эти новые трудности, возникавшие на пути развития городов, были глав-

ной причиной недовольства городского сословия и отдельных его групп некоторыми сторонами королевской политики.

Чаще всего это недовольство проявлялось в выступлениях горожан против все возраставшего бремени королевских поборов, которые в отдельные периоды угрожали нормальной хозяйственной жизни городов. Выступления отдельных городов и всего городского сословия в целом против ненавистной тальи проходят красной нитью через всю политическую историю XIII в. и особенно явно обнаруживаются в событиях 1215 и 1297 гг.[109]. Столь же решительно боролись горожане в этот период и против чрезмерных штрафов правительства, налагавшихся на отдельных горожан и целые городские общины, а также против возраставшего таможенного обложения, сначала в форме «захватов» и «призов», а затем — узаконенных экспортных и импортных пошлин. Постоянное недовольство горожан вызывало покровительство центрального правительства иностранным купцам в Англии, в угоду крупным феодалам и в личных интересах короля.

Но, помимо этих общих причин для недовольства, которые имелись у всех городов и способствовали выработке у горожан общесословных интересов, существовали и другие, связанные с местными экономическими и политическими условиями жизни и быта отдельных городов.

Феодальный характер городского цехового строя и городских привилегий[110], отражавший узость и ограниченность сферы товарного производства и обмена при феодализме, в свою очередь определял узость и ограниченность политического кругозора английского городского сословия в XIII и даже в XIV вв. Его главные интересы были связаны в этот период с

---

[109] В 1227 г. при сборе очередной тальи, например, правительству пришлось снизить размеры обложения для 46 городов, очевидно, потому, что сбор налога вызвал протесты многих городов (Rotuli literarum clausarum, vol. II, pp. 181—184).

[110] Феодальный характер городских привилегий выражался в том, что города политически оформлялись как феодальные корпорации, наделенные иммунитетными правами, которые отнюдь не нарушали общей системы политической надстройки феодализма. По своей форме городские привилегии были аналогичны иммунитетным привилегиям феодалов: городской суд пользовался теми же правами, что и курия для свободных в маноре или сотне; освобождение горожан от пошлин соответствовало аналогичной привилегии для подданных того или иного светского или церковного лорда; городская фирма очень напоминает систему откупов сотен, графств и отдельных маноров, широко применявшуюся в административной практике XIII в. Наиболее ярким примером чисто феодального характера городских привилегий является право returnus brevium, закрывавшее доступ на территорию города бейлифам или шерифу графства для выполнения королевских приказов и превращавшее город в настоящий иммунитетный округ.

борьбой за местные привилегии, в жертву которым иногда приносились даже его общеполитические интересы.

Складывающееся в XIII в. сословие горожан было разделено многочисленными перегородками и противоречиями, которые препятствовали его прочной консолидации и оформлению в его среде единой политической программы. Города делились на королевские и сеньериальные, имевшие хартии и не добившиеся их получения, на портовые города, связанные с внешней торговлей, и города внутренней Англии, связанные преимущественно с внутренним рынком. Все эти группы городов во многом имели различные, противоречившие друг другу интересы, нередко приводившие их к взаимным столкновениям. Споры между городами из-за рынка или из-за судебных прав на той или иной территории были в Англии XIII в. не менее обычны, чем аналогичные столкновения между феодалами или отдельными городами и феодалами [111].

В силу всех этих причин недовольство городов политикой королевской власти большей частью выливалось в локальные столкновения, связанные с борьбой за городские привилегии или с отдельными нарушениями этих привилегий королевскими должностными лицами. Такой характер носило столкновение короля с городом Сэндвичем в 1281 г. из-за судебных привилегий города, которые оспаривались королем. В 1283 г., например, жители Бристоля недвусмысленно выражали свое недовольство действиями королевских чиновников — судей, шерифа и бейлифов, которые притесняли их, по их словам, бесконечными вымогательствами [112].

Частым явлением в XIII в. были конфликты между горожанами и констеблями королевских замковых гарнизонов в этих городах. Во всех этих случаях такого рода конфликты можно рассматривать как продолжение борьбы королевских городов с их сеньером-королем.

Но иногда поводом для конфликтов между городами и королем было вмешательство короля или его должностных лиц в борьбу между городом и сеньером на стороне последнего. Так,

[111] В 1261 г. бейлифы Соутгемптона были привлечены в суд жителями Бристоля по обвинению в том, что они, вопреки хартии Бристоля, берут с бристольцев пошлины в своем городе (Pl. Abbr., p. 151). Незадолго до того их обвиняли в таком же правонарушении жители Мальборо (BBCh, vol. 11, p. 257). В 1285 г. жители Вустера были оштрафованы за то, что незаконно обложили пошлиной одного купца из города Шрусбери, пользовавшегося свободой от пошлин (Pl. Abbr., p. 207). В 1296 г. жители Линна жаловались на такие же правонарушения со стороны жителей Колчестера (Pl. Abbr., p. 238). В 1304 г. город Гримсби пытался подчинить своей власти городок Равенсфорд, претендовавший на право liber burgus (ibidem, p. 251). Такие же претензии в 1304 г. город Гастингс предъявил на город Павенси (R. P., vol. 1, p. 377).

[112] Rotuli parliamentorum hactenus inediti. London, 1935, p. 18.

в 1224 г. в упоминавшемся конфликте между жителями Дэнстебля и их лордом приором Дэнстебльским королевский бейлиф в соответствии с распоряжением короля попытался наложить арест на имущество горожан с целью принудить их к уплате тальи, из-за которой возник весь спор. В ответ на это «мужчины и женщины города восстали против него и воспрепятствовали ему производить наложение арестов на имущество» [113].

В некоторых случаях, как это видно из бристольских событий в 1313 — 1316 гг., острые конфликты между городами и центральным правительством могли возникать на почве поддержки, которую король обычно оказывал представителям городской верхушки во внутригородской борьбе.

Но при всей локальности такого рода конфликтов и отмеченной выше политической разобщенности городов, все же эти мелочные повседневные распри с правительством, так же как и более общие столкновения по финансовому вопросу, создавали почву для временных нарушений союза между городским сословием и королевской властью. В то же время в этих столкновениях постепенно складывалось и оформлялось общегосударственное сословие горожан, исподволь созревали их общесословные интересы, хотя часто и не вполне ими осознаваемые. Такие «нарушения» этого союза с королем не раз имели место на протяжении XIII в., особенно в те моменты, когда общая политическая ситуация в стране благоприятствовала выступлениям горожан против фискального гнета и административных злоупотреблений правительства. Будучи слишком слабыми и политически разобщенными, чтобы отстаивать в борьбе один на один с королем свои сословные интересы, горожане старались найти временных союзников в среде класса феодалов, хотя и ставили себе самостоятельные цели.

Выражая недовольство отдельными сторонами королевской политики, горожане отнюдь не выступали против процесса государственной централизации вообще. Напротив, они готовы были его активно поддерживать, стремясь лишь несколько снизить свои издержки на содержание все более усиливавшегося централизованного государства и несколько ограничить произвол центрального правительства и его агентов на местах. Некоторое ослабление феодальной эксплуатации городов, осуществляемой государством при сохранении выгод, которые им давала централизация этого государства, — такова была основная цель горожан в политических конфликтах XIII в.

[113] Annales Dunstabliae. R. S., 36, vol. III, p. 122. «... cum ballivus vicecomitis vellet pignore capere pro tallagio non soluto, tam masculi quam feminae de burgo insurrexerunt in eum, omnimodo districtionem fieri prohibentes».

ГЛАВА IV

ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К КЛАССУ ФЕОДАЛОВ В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Переходя к анализу политики английского государства XIII в. по отношению к классу феодалов, надо прежде всего заметить, что вопрос этот имеет две стороны. Первая из них касается взаимоотношений королевской власти с классом феодалов в целом; вторая — ее взаимоотношений с разными группами господствующего класса и ее позиции в происходившей в их среде внутриклассовой борьбе.

Буржуазная историография не знает такого разграничения. Поскольку ее представители касались этого вопроса, они, как правило, подменяли первую из отмеченных сторон второй. Не признавая классовой природы английского государства XII—XIII вв., они никогда не ставили вопроса о том, как оно защищало классовые интересы феодалов. Зато их внимание неизменно привлекала весьма шумная и широко отраженная в современных источниках борьба английских королей с крупными феодалами-баронами, которая часто заслоняла в их глазах более глубокие и важные процессы, происходившие в политической жизни английского общества XII—XIII вв. Эта борьба рассматривалась буржуазной историографией как борьба с феодализмом и феодалами вообще [1]. При этом историки «критического» направления со времени Ф. Мэтланда считали возможным прямо говорить об «антифеодальном» характере королевской политики.

Такое же сведение этой политики к вопросу о борьбе коро-

[1] Историки вигской школы выдвигали на первый план в этой борьбе личные эгоистические интересы королевской власти, историки «критического» направления — интересы государства или «нации». Но враждебный феодалам характер политики королей не вызывал сомнения ни у тех, ни у других. Что же касается взаимоотношений королей с основной частью класса феодалов — мелкими и средними феодалами рыцарского типа, — то эти отношения рассматривались обычно в ином плане — в плане защиты интересов «народа» или «нации», ибо этот слой феодалов неправомерно отождествлялся со всей массой свободных людей.

лей с баронством мы находим в уже упоминавшейся работе современного английского историка Джолифа. Пытаясь выяснить природу власти английских королей XII—начала XIII в., он оперирует исключительно фактами из области их столкновений с баронами на экономической и политической почве [2]. Хотя Джолиф воздерживается говорить об «антифеодальном» характере королевской политики, но весь приводимый им фактический материал наталкивает читателя на такой вывод.

Такая постановка вопроса у буржуазных исследователей вполне закономерна, поскольку они обычно (особенно представители «критического» направления) понимают феодализм лишь как политическую систему, которая характеризуется децентрализацией и господством ленных отношений. С их точки зрения процесс централизации поэтому означал ликвидацию феодализма, а следовательно, носил «антифеодальный» характер.

Мы не можем также согласиться с трактовкой этого вопроса в статье советского исследователя М. А. Барга «О некоторых факторах разложения светского вотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв.»[3]. Оставляя в стороне весьма спорное название этой статьи [4], заметим, что она служит доказательству весьма спорного тезиса, согласно которому «могущество королевской власти в Англии, совершенно несвойственное данной ступени феодальной эволюции и вытекавшее в значительной мере из специфических условий, возникших в результате завоевания, должно было в реальной действительности превратиться из фактора, стимулирующего процесс феодализации землевладения, в фактор его торможения и относительно быстрого разложения «изначальной» вотчинной его структуры» [5]. Эти слова можно понять толь-

[2] J. E. A. Joliffe. Angevin Kingship. London, 1955. Исключительно в этом плане он трактует вопрос о расширении королевской юрисдикции, факты королевского произвола и насилия и все политические акции короны (гл. II, III, IV, V).

[3] Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1957.

[4] Едва ли правомерно говорить о «разложении светской феодальной вотчины» применительно в XII—XIII вв. — периоду расцвета феодализма в Англии. Можно допустить, что в этот период происходило изменение структуры вотчины, ее внешней формы и т. д., но никак не «разложение» и «распад» вотчины как хозяйственной и социальной организации.

[5] Сб. «Средние века», вып. VIII, стр. 164. Нам представляется неверным и необоснованным утверждение М. А. Барга о том, что «могущество королевской власти» в Англии XII—XIII вв. определялось исключительно фактом нормандского завоевания. Сила королевской власти в Англии опиралась на определенное соотношение социальных сил, сложившееся отнюдь не только под влиянием нормандского завоевания (рост городов, свободного крестьянства). Поэтому же неверно говорить, что сила королевской власти в Англии этого времени была несвойственна ступени «феодальной эволюции».

ко в том смысле, что процесс государственной централизации Англии сопровождался непрерывным наступлением королевской власти на светское вотчинное землевладение, то есть на самые насущные интересы основной части класса феодалов. Но в таком случае эта политика должна была противоречить классовой природе феодального государства и его роли политической надстройки в феодальном обществе, которую М. А. Барг сам прокламирует в той же статье[6]. При всей активности ее воздействия на базис никакая политическая надстройка не может разлагать основу, на которой этот базис покоится.

Основной причиной противоречия, в которое попал советский исследователь в этом вопросе, является то, что он оказался в плену иллюзорных представлений, согласно которым отношения английских королей с их непосредственными вассалами принимаются за основную тенденцию их политики по отношению к феодалам вообще. Вся аргументация М. А. Барга сводится к тому, что он в изобилии приводит факты, свидетельствующие о разорении многих феодальных вотчин в XII—XIII вв. из-за того, что они были обязаны нести в пользу короны «военно-рыцарскую службу», часто уплачивать королю высокие рельефы, из-за длительных периодов королевской опеки, из-за земельных конфискаций в пользу короны, за уголовные и политические преступления феодалов[7].

Однако поскольку все эти факты относятся только к области взаимоотношений короны с ее непосредственными вассалами[8], то есть преимущественно баронами, составлявшими немногочисленную феодальную аристократию, постольку они не позволяют говорить о политике королей по отношению к светским феодальным вотчинам и вотчинникам вообще. Для

---

[6] Там же, стр. 163. М. А. Барг говорит, что королевская власть употребляла все средства для укрепления поземельного строя феодальных отношений. Остается, однако, неясным, как феодальное государство могло укреплять феодальный строй поземельных отношений, разлагая вотчину, которая, как известно, является основной организацией для осуществления феодальной эксплуатации.

[7] Близкую к этому точку зрения высказывает современный английский историк A. L. Poole в своей работе Obligations of society in the XII and XIII centuries. Oxford, 1946, pp. 35—57.

[8] Право требовать военную службу, рельефы, так же как право опеки, право выкупа за женитьбу наследников, конфискации выморочных леннов и земель тяжелых уголовных преступников были связаны с сеньериальными правами короля и поэтому касались только его непосредственных вассалов. Что касается земельных конфискаций политического характера, то они распространялись и на более широкие слои феодалов. Однако поскольку руководящую роль в политических антиправительственных выступлениях XII и даже XIII в. играли бароны, основная тяжесть таких конфискаций ложилась также преимущественно на них.

того чтобы правильно оценить эту политику, надо, с одной стороны, выяснить, как она воздействовала на среднее и мелковотчинное не баронское землевладение, а с другой стороны, обратить внимание на те экономические и политические выгоды, которые извлекал из нее класс феодалов в целом.

Вопрос, таким образом, требует гораздо более углубленного и разностороннего изучения, чем то, которому его подверг М. А. Барг. Мы начнем его с рассмотрения взаимоотношений королевской власти с классом феодалов в целом, поскольку они наиболее важны для выяснения классовой роли английского феодального государства в XIII в.

§ 1. Политика королевской власти и общеклассовые интересы феодалов

Мы уже видели, как феодальная сущность английского государства проявлялась в основном классовом противоречии английского феодального общества — между феодалами и крестьянами,— а также в противоречиях, возникавших в этот период между феодалами и городским сословием. В обоих случаях это государство обеспечивало всемерную защиту экономических интересов господствующего класса. Но не менее активно оно поддерживало интересы феодалов и в других отношениях. Это особенно ясно видно на финансовой политике правительства.

Формально в XII—XIII вв. феодалы Англии, как и другие слои населения, несли многочисленные и разнообразные финансовые обязательства перед короной. Непосредственные держатели короля обязаны были при вступлении в наследство платить рельефы и в неопределенные сроки феодальное вспомоществование (auxilium) своему сеньеру-королю [9]. Все лица, обязанные военно-рыцарской службой, которая в Англии выполнялась только в пользу короля, обязаны были выплачивать военный щитовой налог (scutagium) в тех случаях, когда король считал нужным собрать его вместо того, чтобы требовать личную военную службу или в качестве частичной замены последней. В таком же порядке полной или частичной замены натуральной гарнизонной службы со всех военных держателей взимались сторожевые деньги (ad wardum). Кроме того, наряду со всеми прочими жителями королевства все феодалы подлежали сначала общегосударственному поземель-

[9] Хотя формально феодальное вспомоществование, как и рельеф, собирались только с непосредственных держателей короны, фактически они обычно частично перекладывались и на арьервассалов.

ному налогу (датские деньги, погайдовый сбор), а затем с начала XIII в. — налогам на движимость.

Однако на практике все эти поборы далеко не были столь тяжелы, как это может показаться, и во всяком случае были значительно легче для феодалов, чем для представителей других социальных слоев.

Вопрос о тяжести рельефов, которые падали только на сравнительно немногочисленный слой держателей in capite, мы рассмотрим особо в связи с политикой королей по отношению к баронам, составлявшим подавляющее большинство непосредственных вассалов короля.

Что касается феодальных вспомоществований, то весьма частые и обременительные в конце XII в., они со времени Великой хартии вольностей постепенно утрачивают свое значение и произвольный характер [10]. К концу XIII в. этот побор перестал быть существенным бременем для феодалов. Другое дело — щитовые деньги. Мы уже отмечали, что со времени Генриха II и до конца правления Генриха III это был один из самых обычных феодальных поборов. Характерно при этом, что в противоположность феодальным вспомоществованиям, щитовые деньги, несмотря на запрещение ст. 12 Великой хартии взимать их без согласия общего совета королевства, на протяжении всего XIII в. взимались произвольно. Размеры щитового налога были непостоянны, но в общем имели тенденцию к повышению [11]. Было бы, однако, большой ошибкой считать, что этот довольно тяжелый и регулярный побор падал своей основной тяжестью на класс феодалов. Дело в том, что благодаря целому ряду ухищрений феодалы умудрялись перекладывать значительную часть этого военного, теоретически чисто феодального побора на свободное и крепостное крестьянство.

---

[10] Великая хартия ограничила право произвольного сбора таких вспомоществований тремя известными случаями (выкуп короля из плена, возведение в рыцари его старшего сына, выдача замуж старшей дочери), обусловив все прочие поборы такого рода санкцией «общего совета королевства» (Select charters. Oxford, 1874, pp. 298—299). Генрих III и Эдуард I даже в отношении трех перечисленных случаев предпочитали обычно заручиться согласием совета магнатов (J. Ramsay. Op. cit., vol. 1. Oxford, 1925, pp. 291, 302, 316); 36 ст. I Вестминстерского статута даже установила норму обложения таких вспомоществований — 20 ш. с рыцарского феода — и запрещала также требовать вспомоществование на выдачу замуж дочери (aide pour fille marier), если дочь не достигла 7 лет, и на возведение в рыцари старшего сына, если он не достиг 15 лет (Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 28).

[11] При Генрихе II, он, как правило, не превышал 1 ф. с рыцарского феода, а часто ограничивался 1 м. Джон, как правило, брал 2 м. с феода, а иногда даже 3 м., но всегда не меньше 1 ф. (J. Ramsay. Op. cit., vol. 1, p. 195). Такие же размеры обложения сохранялись при Генрихе III и Эдуарде I (J. Ramsay. Op. cit., vol. 1, p. 261).

Более того, нередко при сборе щитового налога феодалы, как крупные, так и мелкие, получали еще дополнительные доходы. Происходило это потому, что при уплате щитовых денег коронные вассалы имели право облагать этим побором своих вассалов — держателей второй, третьей и дальнейших ступеней. А так как в XIII в. количество таких арьервассалов было сплошь и рядом больше, чем количество феодов, записанных в казначействе за данным коронным вассалом, то он собирал с них значительно больше, чем отдавал королю. Так, эрл Норфокский должен был платить щитовые деньги за 60 рыцарских феодов, а на его земле было испомещено 162 рыцаря, следовательно, минимум 102 ф. он мог класть себе в карман после каждого сбора щитового налога[12]. Эрлы Глостерские обычно уплачивали щитовой налог за 200 феодов, а имели на своих землях 450 испомещенных рыцарей, с которых могли собирать этот налог[13].

То же относится и к другим коронным вассалам английского короля. Но от них не отставали и более мелкие феодалы. В Сотенных свитках 1279 г. имеется большой материал, не оставляющий никаких сомнений на этот счет. Приведем несколько примеров. В вилле Burton в сотне Bannbury в Оксфордшире Уильям Сэл (Sale), держатель $^1/_2$ феода, должен был платить щитовые деньги, когда они собираются в размере 20 ш. Все его 15 свободных держателей, самый крупный из которых держал $2^1/_2$ виргаты, помимо ренты, должны были платить щитовые деньги при сборе этого налога — всего 21 ш. 2 п. Они не только полностью покрывали долю налога своего лорда, но еще приносили ему каждый раз прибыль в 1 ш. 2 п.[14]. Рыцарь (dominus) Роберт Денвер в деревне Burton parvum той же сотни должен был за свои $^3/_4$ феода платить 30 ш. щитовых денег, а со своих 9 свободных держателей получал 24 ш., то есть $^4/_5$ своей квоты[15]. Такие случаи в большом количестве встречаются в описях различных графств и сотен[16].

К уплате щитовых денег феодалы сплошь и рядом привлекали также вилланов, хотя эти последние, по ассизе о вооруже-

---

[12] S. Painter. Studies in the history of the English feudal barony. Baltimore, 1943, p. 125.

[13] Ibidem, p. 127.

[14] R. H., vol. II, p. 706.

[15] Ibidem.

[16] Ibidem, p. 473 (Роберт де Бомейз), p. 616 (Рожер де Лорд), p. 681 (Ансельм де Гиз), p. 706 (Вильям Ультер), p. 708 (Симон де Крофт), p. 739 (наследники Вильгельма де Мандевиль), p. 741 (Ричард де Докаментон), p. 749 (Гальфрид де Лейкенор), p. 760 (Вильям де Вас), p. 765 (Томас де Парко), p. 589 (Гальфрид де Арсик), p. 685 (Вильям Грембод), p. 691 (Ричард Честертон).

нии 1181 г., были официально устранены от несения военной службы. В Сотенных свитках кое-где прямо указано, что за свой надел виллан, кроме прочих рент, должен уплачивать щитовые деньги в определенном размере. Например, в той же сотне Bannbury в деревне Shutterford «Матильда Гетескумб имеет в вилланстве 14 виргат. Каждая из них платит 2 ш. в год и выполняет барщины и другие повинности стоимостью в 5 ш., и (вилланы.—*Е. Г.*) ежегодно облагаются тальей, и каждая виргата дает 2 ш. щитовых денег, когда со щита взимается 40 ш.»[17]. В одной только сотне Bannbury в 8 манорах вилланы обязаны были уплачивать щитовые деньги, когда их лорд должен был их платить [18]. В других случаях опись указывает, что вилланы не дают щитовых денег (non dat scutagium или non dare consuevit) [19]. Эта оговорка также говорит о том, что сбор щитовых денег с крестьян был обычным явлением [20].

Приведенные выше факты очень знаменательны. Во-первых, они показывают несложную механику перекладывания доли государственных налогов, ложившихся на класс феодалов, на эксплуатируемое крестьянство. Если так обстояло со специфическим военным налогом, то тем легче было проделать эту операцию с другими правительственными поборами. Во-вторых, особенно важно отметить, что щитовой налог, являющийся заменой военной повинности, олицетворял как бы главнейшую обязанность класса феодалов в феодальном обществе, которая с точки зрения средневековых политических мыслителей, а впоследствии и буржуазных историков XIX в. оправдывала паразитическое существование этого класса, призванного якобы защищать «трудящихся» и «молящихся». На деле, однако, откупаясь от этой натуральной военной повинности деньгами, феодалы уплату этой денежной замены в значительной части возлагали на своих крестьян-держателей, еще более повышая их ренту и нередко извлекая из этой операции еще дополнительные средства.

Таким образом, тяжесть щитовых денег для класса феодалов в значительной мере была иллюзорной. Столь же иллюзорным было равенство феодалов с другими социальными слоями в отношении налогов на движимость, которые заняли

[17] Ibidem, vol. 11, p. 707. «... quelibet virgata terrae solvit 2 sol. annui redditus et facit operaciones et alia servicia per annum praecii 5 sol. et sunt talliandum per annum et qualibet virgata terrae dat 2 sol. seutagii quin scutum dat 40 sol.».

[18] Ibidem, vol. II. pp. 705, 706 (епископ Линкольнский и др.).

[19] Ibidem, p. 707 (Матильда де Гетескумб и приор Клетеркот), p. 708 (Роберт Уайтхэм), p. 708 (Роберт де Суаликлив), p. 709 (аббат Эйнесхэмский).

[20] При этом надо иметь в виду, что анкета расследования 1279 г. не содержала прямого вопроса об уплате вилланами щитовых денег. Поэтому такие случаи отмечались далеко не всеми присяжными.

господствующее положение в налогообложении во второй половине XIII в. Непропорциональность обложения движимости, имевшая в виду выгоды класса феодалов, совершенно очевидна. Как будет показано ниже (в гл. VIII), фактические условия обложения феодалов с самого возникновения налогов на движимость были значительно более выгодны, чем для крестьянства. Все наиболее ценные предметы накопления феодалов (деньги, драгоценности, столовое серебро, вооружение, посуда, одежда, верховые и упряжные лошади, предметы домашнего обихода, сено и зерно, закупленное для снабжения замков и ряд пищевых продуктов) исключались (см. ниже стр. 527—529) из оценки их имущества, тогда как льготы по обложению для крестьянства и горожан все время сокращались по мере распространения налогов на движимость. С другой стороны, феодалы пропорционально облагались значительно легче, чем жители городов, и в смысле процента обложения, который всегда был для них ниже, и в смысле объектов обложения [21].

Стремление центрального правительства максимально смягчить свой фискальный нажим для представителей господствующего класса проявлялось также в отношении городской тальи. Сохраняя за собой право на взимание произвольной тальи со своих городов, английские короли, как мы видели, решительно отстаивали и право на сбор тальи других сеньеров с их городов, идя в этом вопросе явно вразрез с настойчивым стремлением городов освободиться от этого ненавистного побора.

Но финансовая политика короны была благоприятна классу феодалов не только потому, что ставила его в более выгодные условия в отношении обложения. Социальные тенденции этой политики не менее ярко проявлялись и в расходовании государственных средств. Вопрос о том, на нужды какого класса шла главная часть этих средств, конечно, никогда не ставился буржуазными историками, которые считали, что расходы на армию, суд, администрацию производились английским государством в интересах «всего общества»,— на поддержание мира, порядка и безопасности.

В действительности же значительная часть средств, поступавших в казначейство, расходовалась в интересах класса феодалов или прямо на непосредственные нужды отдельных его представителей.

---

[21] Помимо этих официальных льгот феодалы имели ряд нигде не зафиксированных фактических преимуществ в обложении, которые мы подробнее рассмотрим ниже в связи с анализом социальной политики парламента.

Начнем с военно-административных расходов. Несомненно, что в английском феодальном государстве XIII в. эти «управленческие» расходы служили в первую очередь интересам господствующего феодального класса, так как все органы и учреждения центрального правительства, которые содержались за счет этих расходов, были призваны защищать главным образом права и привилегии класса феодалов.

Что касается судебно-административного и полицейского аппарата королевской власти, то мы уже знакомы с тем, как все его органы ревниво оберегали интересы феодалов в их взаимоотношениях с крестьянством [22]. В еще большей степени это относится к военным расходам английского феодального государства, которые в основном также шли на удовлетворение политических и материальных интересов господствующего класса страны. Ведь английская феодальная армия на протяжении всего XIII в. использовалась в основном для захватнических войн на континенте и особенно на Британских островах, эти войны велись правительством в значительной мере в интересах английского класса феодалов.

Вся история захватнических войн в Уэльсе, Ирландии и Шотландии XII и XIII вв. представляет собой историю захватов и конфискаций земли порабощаемых уэльсцев, ирландских племен и шотландцев и распределения этих земель и доходов среди английских феодалов-завоевателей. Эти военные захваты приносили английским феодалам немалые дополнительные доходы, вознаграждавшие их за те расходы, которые им приходилось нести на содержание армии [23].

Но класс феодалов принимал участие в расходовании государственных средств и гораздо более непосредственным образом. В отличие от крестьянства и горожан, которые отдавали государству больше, не получая от него никаких денежных вспомоществований, феодалы, платившие меньше всех, в то же время на протяжении всего XIII в. неизменно пользовались самыми широкими денежными и другими субсидиями со стороны государства. Из государственного казначейства «в атласные дырявые карманы» феодалов текли огромные средст-

---

[22] При этом значительная часть государственных расходов, шедших на содержание этого аппарата, попадала в руки представителей того же класса феодалов, особенно мелких и средних, из которых состоял в основном этот аппарат, в виде жалования, составлявшего для них немалый источник дополнительных доходов.

[23] Показателем этого является та популярность, которой пользовались среди феодалов в конце XII и в XIII в. войны в Уэльсе, Шотландии и Ирландии. За этот период ни разу английские короли не встречали со стороны феодалов отказа ни в военной, ни в денежной помощи, когда речь шла о военных кампаниях против этих государств.

ва. Столь широкое субсидирование феодалов за счет государственной казны не было результатом случайных прихотей отдельных королей. Оно вызывалось постоянной потребностью класса феодалов в земле и деньгах, которая все время возрастала на протяжении XIII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений. Рост городов и развитие внутреннего рынка и связанное с этим расширение потребностей феодалов создавали в их среде постоянную нужду в деньгах, которая в свою очередь вызывала у них «ненасытную жажду прибавочного труда».

Однако они далеко не всегда могли усиливать феодальную эксплуатацию ввиду упорного сопротивления крестьян. Доходность вотчины в XIII в. трудно было поднять и за счет расширения производства и усовершенствования техники, которые совершались очень медленно и не могли сразу дать больших результатов. Поэтому у многих даже крупных феодалов в XIII в. расходы превышали доходы, что заставляло их искать все новых и новых источников повышения последних. Если оставить в стороне войну и открытый грабеж, которым они тоже не брезговали, то основное средство для этого почти все феодалы в XIII в. видели в расширении земельных владений, так как земля оставалась для них все же главным и наиболее прочным источником обогащения.

Жажда новых земельных приобретений, лихорадка стяжательства в XIII в. свирепствовала среди всех слоев господствующего класса. У одних она вызывалась просто желанием увеличить свои денежные доходы. У других тем, что они, разоряясь и не будучи в состоянии свести концы с концами, продавали (иногда открыто, иногда под видом субинфеодации) или закладывали свои земли и поэтому стремились пополнить за счет новых пожалований и захватов свои земельные фонды. В то же время нужда в деньгах вызывала широкое распространение задолженности среди различных слоев класса феодалов. Графы и бароны Англии, епископы и монастыри, а также широкие слои мелких и средних феодалов в XIII в., по данным самых различных источников, задолжали большие суммы друг другу [24], королевской казне [25], итальянским и другим купцам за купленные у них товары и за авансы

---

[24] В 1275 г. 10 феодалов признали перед казначейством, что они должны одному из богатейших землевладельцев Англии, графу Корнуольскому, по 800 ф. Среди них такие крупные феодалы, как Гэмфри Богэн, Гильберт Пеш, Томас де Вердун и др. (Calendar of Close rolls of the reign of Edward I, vol. 1. London, 1900, pp. 238—239).

[25] По данным Close rolls, в 1275 г. Рожер Биго должен был королю 311 ф., аббатство Fontibus — 700 ф., Джон Гиффард — 1218 ф., Джон Уесейд — 1600 м. (Calendar of close rolls, vol. 1, pp. 197, 209, 220, 326).

под проданную за годы вперед шерсть[26], наконец, ростовщикам-евреям и кагорцам[27]. Положение многих из этих должников было очень затруднительным. Деньги у ростовщиков, особенно евреев, а также у купцов брались обычно под высокие проценты и под залог земли, которая вплоть до уплаты долга полностью или частично передавалась в пользование кредитора. Если же долг не выплачивался своевременно, то должник терял заложенную землю.

Таким образом, задолженность феодалов еще больше увеличивала в их среде потребность в земле и деньгах. Многие из них не могли выпутаться из своих финансовых затруднений без королевских субсидий. Другие, впрочем, даже и не имея подобных затруднений, просто стремились увеличить свои денежные доходы за счет королевских пожалований. Вот почему в этих условиях субсидирование феодалов в той или иной форме являлось закономерным проявлением классовой политики феодального государства и отвечало насущным интересам господствующего класса.

В течение XIII в. из казначейства в руки феодалов переходили большие суммы в виде единовременных пособий и ежегодных постоянных пенсий. Так, за один только 1200/1201 г. король Джон отдал 31 приказ о выплате денежных сумм в счет специальных ежегодных пенсий феодалам[28]. Согласно этим приказам, общая сумма таких ежегодных пенсий в этом году составляла 1500 ф. В действительности она была, вероятно, еще больше, так как многие документы, возможно, не сохранились. Но и эта сумма довольно значительна, если учесть, что сбор щитовых денег в этом году дал всего 3634 ф., а общая сумма доходов казны составляла всего 24 781 ф.[29]. Особенно щедр на такие пожалования был Генрих III. В 1237 г. он пожаловал французскому феодалу графу Овернскому (Alverne) ежегодную пожизненную пенсию в 200 м. (200 marcas annuas

[26] О задолженности светских и духовных феодалов итальянским и другим иностранным купцам в счет проданной шерсти см. в кн. E. Power. The wool trade in english medievel history. London, 1942, p. 43, а также в кн. N. Denholm-Young. Seignorial administration in England. London, 1937, pp. 64—66. Имеются и другие данные. В 1275 г. рыцарь Генри де Сомери должен был шартрскому купцу Джону Валет 50 ф. (Calendar of Close rolls of the reign of Edward I, vol. 1, p. 251); Гуго Турбервилль ему же должен был 566 м. под залог земли (ibidem, p. 252); Николай де Сергрэв должен был луккским купцам 1000 м. под залог его доходов и движимых имуществ (ibidem, p. 427). Осберт Гиффард должен был большую сумму флорентийским купцам; им же был должен Радульф Пипард (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 14, pp. 398, 416).

[27] Данные об этом приводятся ниже.

[28] Rotuli de liberate ac de misis et praestitis regnante Johanne. London, 1844 (passim).

[29] J. Ramsay. Op. cit., vol. 1, p. 234.

pro vita) [30]. Пенсию в 100 м. король пожаловал в 1242 г. графу du Gysneses [31], в 1246 г. своему родственнику, графу Савойскому, Генрих III установил ежегодную пенсию в 1000 ф.[32]. Сводные братья короля Гвидо и Гальфрид де Лузиньян ежегодно получали от него по 300 м.[33], а с 1253 г. Гальфрид де Лузиньян стал получать 400 м.[34].

Эдуард I был несколько более умерен в таких пожалованиях, но и он достаточно широко практиковал их. В 1274 г. он установил ежегодную пенсию Джону де Бург в 110 м. из фирмы города Лондона [35], ежегодную пенсию в 20 ф. вдове рыцаря Вильяма де Хастенет [36], пожертвовал 30 ф. единовременно аббатству Дарнхэл в Честере «для поддержки его и чтобы освободить аббатство от части лежащих на нем долгов» [37]. Такие пенсии и денежные субсидии получали не только представители феодальной аристократии и придворные, но сплошь и рядом более мелкие феодалы, личные слуги короля или рыцари, особенно отличившиеся на войне [38].

Еще более обычной и распространенной среди всех категорий феодалов была другая форма правительственного субсидирования — снятие долгов короны с отдельных задолжавших королю феодалов. В 1200/1201 г., например, король освободил от долгов 37 феодалов, задолжавших ему довольно крупные суммы [39]. Таким образом, снимались долги, взятые в свое время у короля, недоимки по налогам, в частности по щитовым деньгам, задолженность по штрафам и соглашениям, когда-либо заключенным с королем. Нередко таким образом с феодала снималась наложенная на него сумма очередного налога или плата за дарованные ему привилегии [40].

---

[30] Calend. rotulorum patentium, p. 17.
[31] Ibidem, p. 19.
[32] Ibidem, p. 21.
[33] Ibidem, pp. 22, 24.
[34] Ibidem, p. 26. Аналогичные пожалования см. ibidem, pp. 18, 20, 23, 25, 27, 31, 34, 38, 43.
[35] Calend. of close rolls of the reign of Edward I, vol. I, p. 69.
[36] Ibidem, p. 101.
[37] Ibidem, p. 40.
[38] Rotuli de liberate, passim.
[39] Ibidem, pp. 13—107.
[40] В 1203 г. и в следующие годы Роберт Мортимер был освобожден от уплаты щитового налога (Rotuli de liberate, p. 58), Аллан Бассет был освобожден от уплаты этого налога за все свои домены (ibidem, p. 61), также Гальфрид де Каумвиль (ibidem, p. 91), Джон Патесхюль получил все деньги, собранные с его людей в Stock в качестве тальи (ibidem, p. 88), также Ричард Мартин (ibidem, p. 89), Вильям сын Альбана был освобожден от 10 марок тальи, наложенных на его держателей (ibidem, p. 91), также Томас Мультон (ibidem, p. 91), Варин сын Варина (ibidem, p. 100) и графиня Пертская (ibidem, p. 92).

Столь же, если не более распространенной формой фактического субсидирования феодалов со стороны государства было снятие с них долгов, взятых ими у евреев-ростовщиков под залог земли.

Недовольство против ростовщиков-евреев, к помощи которых они сами постоянно прибегали, нуждаясь в деньгах, заставляло английских феодалов неоднократно требовать от правительства разного рода облегчений в отношении задолженности этим ростовщикам. Правительство, в общем, шло навстречу этим требованиям. 10 ст. Великой хартии запретила взимать проценты по долгу с несовершеннолетних наследников должников, ст. 11 установила такой порядок взаимания долгов с имущества умершего должника, при котором земля, выделенная во владение вдове (вдовья часть) и для содержания детей умершего, не подлежала взысканию долгов[41]. Однако это были только полумеры, не ликвидировавшие самой задолженности.

С целью освобождения представителей господствующего класса от опутывавшей их паутины долгов, правительство широко практиковало более радикальную меру: индивидуальное или массовое освобождение таких должников от долгов и возвращение им заложенных земель. Поскольку евреи-ростовщики в Англии считались личной собственностью короля и государственное казначейство через так называемое еврейское казначейство получало огромные выгоды от ростовщических операций евреев, взимая с последних огромные поборы в виде «еврейской тальи»[42], то такое снятие долгов, ущемляя интересы евреев-ростовщиков, отчасти затрагивало и доходы короны, то есть в какой-то мере означало переложение этих долгов на государственные финансы. Вот почему мы можем рассматривать такие акты правительства, как одну из скрытых форм субсидирования феодального класса. Они широко практиковались уже Джоном Безземельным, нередко освобождавшим феодалов-должников от весьма значительных долговых обязательств: Томас де Бурго в 1201 г., например, был освобожден от долга в 132 ф.[43], в 1203 г. Гальфрид де Сэй (Sey) — от долга в 250 м. и всех процентов по нему[44], Сахо де Куенси в том же году был освобожден от долга в 300 ф.[45]. Сняты были долги и со многих других феодалов[46]. Особенно широко практиковал

[41] Select charters. Oxford, 1874, p. 298.

[42] Генрих III в 1232—1233 гг. собрал с евреев 6666 ф. тальи, в 1236 г. — 8666 ф. в 1240 г. — 16 160 (вместе с тальей с доменов). (J. Ramsay. Op. cit., vol. I, p. 364).

[43] Rotuli de liberate, p. 24.

[44] Ibidem, p. 48.

[45] Ibidem, p. 38.

[46] Ibidem, pp. 34, 39, 42, 73, 80, 84.

такую ликвидацию долгов или отсрочку их от уплаты Генрих III. По далеко неполным данным «Секретных писем» (close rolls), только за 1264/65 г. было издано 45 королевских приказов подобного рода [47]. Подобные приказы часто встречаются в последующие годы правления Генриха III [48]. В отличие от пенсий, которые большей частью давались придворным, родственникам, фаворитам или личным слугам короля, такого рода благодеяния короны не были привилегией только придворной знати. Напротив, подавляющее большинство получивших такие освобождения, судя по их именам, принадлежали к рядовым представителям феодалов — рыцарству и примыкающим к нему группировкам господствующего класса. Не довольствуясь этими индивидуальными льготами, Генрих III в 1270 г., очевидно, желая снискать популярность в широких слоях феодального класса после недавних волнений гражданской войны, издал общее постановление о снятии всех долгов, взятых у ростовщиков-евреев под обеспечение земли. Согласно этому постановлению, «все долги, взятые у евреев под залог феодов, которые находились в день св. Гилярия 53-го года нашего царствования в руках евреев и не были ими переданы или проданы христианам, при том условии, что (эти сделки.— *Е. Г.)* были до вышеуказанного дня утверждены нами или зарегистрированы в нашем еврейском казначействе, навсегда прощаются христианам, заложившим эти феоды, или их наследникам, вместе с недоимками по этим долгам, и хартии на владение этими феодами, где бы они ни были обнаружены должны быть переданы христианам-владельцам этих феодов или их наследникам» [49]. Постановление оканчивалось категорическим запрещением ростовщикам-евреям давать деньги в долг под залог феодов [50], им запрещалось также продавать, а христианам покупать у них такие заложенные земли под страхом смерти и конфискации имущества [51]. Это постановление не только освобождало от долгов всех задолжавших феодалов, но как будто бы имело целью положить на будущее время конец долговым сделкам под залог земли. Это запрещение, однако, очевидно, не возымело должного эффекта. И после его издания Эдуард I постоянно снимал или отсрочивал долги феодалов ростовщикам-евреям. В одном только

---

[47] Close rolls of the reign of Henry III, vol. 13, pp. 6, 12, 13, 19, 20, 21, 22, 27, 29, 40, 145, 170, 171, 193, 194, 201, 203, 264, 274, 278, 279, 281, 294, 296, 309, 339, 342, 343, 350, 351, 403, 444, 471.

[48] Ibidem, vol. 14, pp. 202, 240, 214, 346.

[49] Ibidem, p. 268.

[50] «...Et quod nullus judeus a predicto die talita debita sic de feodis recipiat vel faciat...» (ibidem).

[51] Ibidem.

1274 г. он издал 15 соответствующих распоряжений, в основном касавшихся провинциальных нетитулованных феодалов [52].

Эти систематически повторяющиеся массовые снятия с феодалов долгов, взятых у ростовщиков, являлись для них весьма существенной финансовой поддержкой.

Королевская власть нередко помогала феодалам деньгами даже при отправлении ими основной их обязанности в пользу короля — военной повинности. Мы видали, что, несмотря на частичную коммутацию этой повинности и довольно широкое использование наемных отрядов, все же в течение всего XIII в. феодальное ополчение играло в организации военных сил страны еще значительную роль. Бароны должны были являться на войну с определенным числом рыцарей, составлявших их военную квоту. Все военные держатели, имеющие землю с доходом в 20 ф. и выше, от кого бы они ни держали, должны были являться для несения конной рыцарской службы под командой шерифов. Даже в годы, когда собирались щитовые деньги, часть военной службы обычно выполнялась феодалами лично. И вот при выполнении этой личной военной службы феодалы различных рангов постоянно пользовались денежными субсидиями и кредитом казначейства. Интересный, хотя и очень отрывочный материал по этому вопросу дают так называемые долговые свитки за 1210/11 г. — Rotuli de Prestito, — включенные в издание Rotuli de liberate. В них содержатся приказы короля о выдаче авансов и денежных сумм «под отчет» различным должностным и частным лицам, в том числе на военные расходы.

Некоторые из этих приказов, очевидно, относятся к оплате наемных отрядов, широко использовавшихся Джоном. Но многие из них недвусмысленно свидетельствуют об авансировании феодалов на предстоящие военные расходы. Так, в 1210/11 г. епископы Норичский и Винчестерский несколько раз получали из казначейства большие суммы денег на содержание своих рыцарей, находившихся на службе короля [53]. Причем в документах, оформлявших эту выдачу, всегда отмечалось, что эта сумма идет «за счет епископов» (super eundem episcoporum) [54]. В долговых свитках этого года фигурирует 10 больших денежных раздач, производившихся в разных частях Англии и Ирландии. В каждом случае приводится поименный

---

[52] Calend. of Close rolls of the reign of Edward I, vol. I, pp. 96, 97, 98, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 137, 140, 149. 20 лет спустя, в 1290 г., Эдуард I под давлением феодалов вынужден был вообще изгнать евреев из Англии. Но об этом эпизоде мы скажем несколько ниже в разделе о социальном назначении парламента.

[53] Rotuli de liberate, pp. 175, 178.

[54] Ibidem, p. 175

список лиц, получивших деньги. Общая сумма таких раздач за год составляет 1760 ф. Значительная часть воинов, получивших таким образом деньги, не может быть отнесена к числу наемных. Многие из них были рыцарями, отбывавшими личную феодальную военную повинность. Это видно из того, что против имен некоторых из них указывается имя их лорда, за которого они несут службу, и что выданные им деньги относятся за его счет. Например, «Трем рыцарям Роберта де Татесхал — 60 шиллингов на счет их господина (super dominum suum)» [55].

Очевидно, деньги давались заимообразно авансом с тем, чтобы сами рыцари или их лорды, если они несли службу в счет военной квоты последних, затем возмещали этот аванс. В некоторых случаях действительно на полях документа стоит пометка, что долг оплачен [56]. Иногда отмечается, какие суммы пойдут на покрытие этого долга. Например, граф Сольсберийский получил на содержание своих рыцарей 50 марок, причем в документе на выдачу этих денег было указано, что они даны ему в счет ежегодной пенсии, которую он должен получить ко дню св. Михаила [57]. В 1210/11 г. деньги в таком порядке авансирования феодальной военной службы получили 250 воинов.

Среди феодалов, получивших такие авансы, фигурируют как эрлы, бароны, епископы, обязанные содержать по нескольку рыцарей, так и мелкие рыцари, выполнявшие военную службу за себя лично или за своего отца или брата. Таких было подавляющее большинство. Авансы казначейства, очевидно, подолгу оставались неоплаченными, а иногда и вовсе не возвращались в казну. Это видно хотя бы из того, что в 1210/11 г. многие феодалы по нескольку раз получали такие авансы и на очень крупные суммы: епископ Норичский два раза — всего 140 ф. [58]; епископ Винчестерский — 30 м. и 25 ф. в четыре приема [59]; граф Альбиниако 11 ф. в два приема [60]; граф Уоррен — 80 м в три приема [61]; граф Феррерс — 20 м в два приема [62]. Едва ли 1210/11 г. составляет исключение, и хотя мы не располагаем подобными документами для других лет, можно предположить, что такие авансы были обычны на протяжении всего XIII в.

---

[55] Ibidem, p. 193.
[56] Ibidem, p. 223. Петр, сын Герберта, получил 20 ш. перед праздником вознесения и затем вернул их в Одихайме.
[57] Ibidem, p. 223.
[58] Ibidem, pp. 178, 188.
[59] Ibidem, pp. 177, 179, 188, 197.
[60] Ibidem, pp. 183, 219.
[61] Ibidem, pp. 207, 213, 228.
[62] Ibidem, pp. 223, 226.

Таким образом, центральное правительство всеми доступными ему средствами старалось затыкать бреши, возникавшие в бюджете феодалов в результате все возраставших расходов, дробления их владений, субинфеодации и массовой задолженности. Интересно при этом, что значительная часть правительственных субсидий шла фактически на оплату военной службы феодального класса, то есть того государственного «тягла», которое лежало на нем согласно буржуазным теориям, изображающим феодальное общество как «союз тяглых сословий». Оказывается, феодалы разными способами пытались уклоняться от выполнения этого «тягла», перекладывая его отчасти на своих крестьян-держателей в виде щитовых денег, отчасти стараясь восполнить свои расходы на военную службу вспомоществованиями, получаемыми от государства.

В свете приведенных фактов особенно заметна односторонность в оценке политики королевской власти по отношению к феодалам, допущенная в упомянутой выше статье М. А. Барга. Даже если согласиться с ним в том, что осуществление сеньериальных прав короля по отношению к его непосредственным вассалам серьезно подрывало хозяйство последних, то и тогда его тезис о разорении светского вотчинного землевладения королевской властью остается недоказанным. Во-первых, потому, что как уже было отмечено, бремя этих сеньериальных поборов падало лишь на небольшую сравнительно часть феодалов-держателей in capite; во-вторых, и это более существенно, потому, что, одной рукой обирая эту часть феодалов, то же самое правительство другой рукой щедро субсидировало их, а также и более широкие круги господствующего класса, спасая одних его представителей от разорения и способствуя обогащению других.

В сфере государственных финансов как бы совершался постоянный круговорот — перераспределение денег, поступавших в королевскую казну, между различными группами и представителями господствующего класса. По состоянию источников мы, к сожалению, не всегда можем установить соотношение между суммами, которые взимались с феодалов в виде различных поборов, и суммами, которые возвращались к ним в виде правительственных подачек. Однако приведенные факты позволяют предполагать, что едва ли первые превышали вторые. Поэтому если даже финансовая политика английских королей в конце XII — начале XIII в. ущемляла интересы отдельных групп феодалов, то корона в то же время оказывала постоянную и все возраставшую финансовую помощь господствующему классу в целом.

Короли принимали меры и к удовлетворению земельного голода в среде феодалов. Массовые земельные пожалования

в пользу феодалов не прекращались в течение всего XII и XIII вв. и достигли особенно большого размаха при Джоне и Генрихе III [63]. Фондом для таких пожалований являлись как старинный домен короны, почти растаявший, однако, к концу XIII в., так и выморочные и конфискованные земли, попадавшие в руки короны, а также земли, заложенные ростовщикам-евреям, переходившие при посредничестве короля из рук одних феодалов в руки других [64].

Среди получателей этих дарений фигурировали различные представители господствующего класса: крупнейшие монастыри и епископы, виднейшие эрлы и бароны Англии, — но наряду с ними также мало значительные лица: мелкие чиновники-клерки, военные слуги короля, принадлежавшие к слою рыцарства, люди, оказавшие королю те или иные личные услуги [65].

При этом король и казначейство не делали никаких различий между денежной пенсией и земельным пожалованием. Не располагая в тот или иной момент свободной землей для пожалования какому-либо феодалу, король сплошь и рядом временно давал ему ежегодную пенсию в размере доходов с предполагаемого земельного дарения до того момента, когда это дарение сможет быть реализовано на практике [66]. Бывали случаи, и довольно часто, когда лицам, которым была пожалована земля, приходилось по нескольку лет ждать ее получения. Эти случаи показывают, как быстро таяли земли, попадавшие тем или иным путем в руки короны, которая не успевала удовлетворить за счет этого фонда всех тех, кто ждал земельных пожалований.

---

[63] См. гл. I, стр. 71-72.

[64] Многочисленные факты королевских земельных пожалований встречаются в Rotuli de liberate (passim), Close rolls, где постоянно находим подзаголовки «terra data», а также в Rotuli Chartarum, доступных нам, к сожалению, только для времени короля Джона.

[65] Среди лиц, которым король Джон в 1204 г. пожаловал земли, наряду с епископом Норичским и графом Линкольнским фигурировали люди с явно небаронскими фамилиями, среди которых встречаются: рыцарь (miles) Бриан де Инсула (Rotuli de liberate, p. 36), клирик (clericus) Томас де Камера (ibidem, p. 39), военные слуги (socius) крупного феодала Вильяма де Моубрей, очевидно, мелкие рыцари Филипп, сын Джона, и Вильям де Бэси (ibidem, p. 45), личные наемные воины короля (servientes nostri), Гольфрид и Роберт Руф (ibidem, pp. 49, 55), королевский арбалетчик (ballistarius noster) Теобальд Фруссар (ibidem, p. 64) и др.

[66] Например: приказ казначейству выдать «delicto et fideli nostro Hugo de Fontibus 25 libros ... donec ei illos 25 libros in certo loco assigneverimus». (Rotuli de liberate, p. 18) или приказ дать Walos de Furchies «100 solidatas terrae in primis esceatis nostris ... et in predictas 100 solidos annuatim ad scaccarium habere faciatis quousque ei predictos 100 solidos terrae in esceatis nostris assignaveritis». (Rotuli de liberate, p. 21). Подобные случаи см. ibidem, pp. 13, 20, 26, 90 и др.

В то же время подобные факты убедительно показывают, что земельные конфискации, производившиеся короной, никак нельзя рассматривать только как средство разорения светского вотчинного землевладения, как это делает М. А. Барг. Если они имели целью наказать того или иного феодала, совершившего уголовное преступление или акт измены по отношению к королю, то они же в конечном итоге служили источником обогащения для других феодалов, которые давно уже ждали от короля земельного пожалования. Король и казначейство являлись скорее передаточной инстанцией, в которой происходило перераспределение земли внутри класса феодалов, чем заинтересованной стороной, использовавшей эти земельные конфискации в своих непосредственных выгодах. Конечно, при этом отдельные феодалы, а иногда и целые феодальные группы разорялись, зато другие обогащались. Однако это вовсе не значит, что эти земельные конфискации, как бы они ни были широки в отдельные периоды, разлагали светское феодальное землевладение, как таковое.

Таким образом, английское государство XIII в. не только служило феодалам как аппарат насилия, необходимый для того, чтобы держать эксплуатируемых в узде, но и всячески поддерживало их материально земельными пожалованиями и денежными субсидиями. Эти субсидии, так же как и расходы на содержание государственного аппарата, были настолько велики, что их едва ли могли покрыть налоги, собиравшиеся с самих феодалов. В своей значительной части эти расходы несомненно покрывались за счет налоговых поступлений с крестьянства и городов, выкачиваемых централизованным феодальным государством. Государство, таким образом, служило феодалам и как фискальный аппарат для выжимания из крестьян централизованной феодальной ренты в виде государственных налогов и для эксплуатации городского товарного производства и обмена и перекачивания извлеченных таким образом средств в карманы феодалов. Без этого фискального аппарата, который обирал трудящихся под флагом необходимых расходов на содержание государства, отдельные феодалы были бы бессильны извлечь из крестьянства и горожан те излишки, которые постепенно накапливались в их хозяйстве, вследствие закономерного развития производительных сил. Феодалам приходилось принимать участие в содержании своего государства и нести в его пользу некоторые повинности и налоги. Но эти расходы не только возмещались им в сфере политической тем, что централизованное феодальное государство укрепляло их власть над крестьянством, расширяло границы их владений и т. д.,

но отчасти компенсировались и тем, что оно отдавало в их руки часть централизованной феодальной ренты и государственных доходов от городского ремесла и торговли.

В качестве политической надстройки английского феодального общества английское государство этого периода активно содействовало дальнейшему укреплению и утверждению феодального базиса в новых экономических условиях, созданных развитием городов и внутреннего рынка. Эти новые условия в интересах самого же класса феодалов требовали централизации в руках феодального государства средств внеэкономического принуждения и создания сильного фискального аппарата для дополнительной централизованной эксплуатации крестьянства и городов.

Всемерно укрепляя феодальный строй, являвшийся, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «ассоциацией, направленной против порабощённого, производящего класса»[67], английское централизованное государство XIII в. во главе с королем никак не могло проводить «антифеодальную политику», которую часто приписывают ему буржуазные историки. Мы показали выше, что ни в одном из существенных мероприятий королевской власти XII—XIII вв. не было ничего антифеодального. Напротив, все они, в конечном итоге, прямо или косвенно защищали интересы феодалов. Вот почему, признавая общую прогрессивность процесса государственной централизации, приходится всегда иметь в виду, что поскольку руководителем этого процесса в Англии XII—XIII вв. выступала королевская власть — выразитель интересов феодалов,— этот процесс совершался с максимальной выгодой для господствующего класса в целом.

* *
*

Все вышесказанное отнюдь не исключает того, что в процессе государственной централизации политика английских королей в отдельных вопросах вызывала недовольство со стороны феодалов, и притом не только со стороны отдельных группировок (о чем мы скажем ниже), но и всего класса в целом. В такого рода частных и временных противоречиях нет ничего удивительного, тем более в них никак нельзя видеть каких-либо проявлений «нефеодальных» или «антифеодальных» тенденций королевской политики. Основу этих противоречий следует искать в специфике государства как политической надстройки, в том, что оно представляет собой

[67] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 23.

аппарат управления, группу людей, выделившихся из общества и «занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять»[68].

Составляя часть господствующего класса, эта группа людей, однако, не тождественна со всем этим классом, во-первых, потому, что она имеет свои особые задачи — управление сложным организмом государства, — осуществление которых, будучи в интересах господствующего класса в целом, может затрагивать выгоды отдельных его представителей[69]; во-вторых, потому, что сама эта группа состоит из живых людей, имеющих свои частные интересы, для осуществления которых они могут использовать авторитет государственной власти в ущерб интересам господствующего класса.

В политической жизни средневековой Англии наблюдались противоречия и того и другого типа. Первое из этих противоречий находило свое наиболее яркое выражение в том недовольстве, которое с конца XII в. все группировки класса феодалов неизменно обнаруживали по отношению к финансовой политике правительства. Проявления этого недовольства на протяжении XIII в. общеизвестны и не нуждаются в подробном описании[70]. Чем больше возрастало налоговое бремя в процессе централизации государства, тем постояннее и острее становилось это недовольство, хотя правительственные налоги шли на содержание государства, необходимого самим феодалам, а частично и на прямое субсидирование последних. Причины этих конфликтов по финансовому вопросу заключались в том, что государство

---

[68] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 440.

[69] Указывая, что «государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы»... (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 63). К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «Именно потому что индивиды преследуют *только* свой особый интерес, не совпадающий для них с их общим интересом — всеобщее же вообще является иллюзорной формой общности,— они считают этот общий интерес «чуждым», «независимым» от них, т. е. опять-таки особым и своеобразным «всеобщим» интересом, или же они сами должны двигаться в пределах этой разобщенности, что и происходит в демократии» (Там же, стр. 33).

[70] Достаточно напомнить, что одной из главных причин недовольства феодалов против короля Джона в 1215 г. были его финансовые вымогательства и особенно частые сборы щитовых денег и феодального вспомоществования (auxilium). В правление Генриха III столкновения на почве обложения, в том числе обложения движимости, между советом магнатов и королем имели место в 1237, 1244, 1248, 1253, 1257 гг. (Select charters. Oxford, 1874, pp. 326—331). «Баронская война» началась в 1258 г. с конфликта по финансовому вопросу. Да и после ее окончания и возникновения парламента налоговая политика короны вызывала время от времени резкие протесты со стороны разных слоев феодалов, как это было в 1295—1297 гг. и 1300—1301 гг.

стремилось привлечь к обложению все доходы феодалов по мере того, как они возрастали в связи с усилением эксплуатации крестьянства и интенсификацией вотчинного хозяйства [71], а феодалы, стремившиеся максимально увеличить в этот период свои доходы, напротив, хотели давать государству как можно меньше, а получать от него как можно больше, в виде всевозможных субсидий. По сути дела в этих конфликтах между королем и феодалами можно видеть одно из проявлений борьбы за раздел феодальной ренты, поскольку основные доходы феодалов всех рангов состояли из крестьянской ренты [72]. Такая борьба в процессе централизации государства была закономерна и отнюдь не носила антагонистического характера.

Дело в том, что хотя хроники и различные политические документы XIII в. содержат бесконечные жалобы на то, что королевские поборы разоряют феодалов, доводят их до нищеты, едва ли можно полностью доверять этим сведениям. Конечно, в отдельные моменты слишком частые и высокие налоги, может быть, и подрывали хозяйство отдельных феодалов или целых феодальных групп [73]. Однако, учитывая те льготы по обложению, которыми пользовались феодалы, а также те скидки долгов и недоимок, которые им постоянно делались, едва ли можно считать этот налоговой гнет столь разорительным для господствующего класса. Ведь нельзя забывать, что именно XIII в., когда раздавались эти постоянные жалобы на «разорение», был временем быстрого роста рыцарского слоя, который отнюдь не обнаруживал тенденции к упадку. Характерно также, что конфликты между королем и феодалами по финансовому вопросу всегда имели политическую подоплеку, то есть всегда были связаны с более общей оппозицией к правительству и с нежеланием оплачивать такую политику, которая была невыгодна большинству

[71] Это стало особенно заметно в связи с развитием обложения движимости.

[72] Повышение налогов затрагивало интересы феодалов не только потому, что отнимало у них непосредственно все большую часть ренты, получаемой с крестьян, но и потому, что в потенции оно могло помешать дальнейшему повышению феодальной ренты, так как крестьяне вынуждены были отдавать королю в виде налогов все большую часть своего прибавочного труда.

[73] Например, в период с 1198 по 1214 г., когда за 16 лет король Джон умудрился собрать 20 налогов, или в 1257 г., когда Генрих III потребовал от совета магнатов для проведения своей сицилийской авантюры единовременно 140 тыс. м., или в 1297 г., когда Эдуард I в течение одного года дважды пытался собрать налог на движимость, трижды производил массовые конфискации зерна в графствах без какой-либо оплаты, дважды конфисковал в графствах мясные продукты и один раз захватил всю шерсть, имеющуюся в стране, также без оплаты.

господствующего класса. Своими протестами против «чрезмерных» налогов феодалы пытались заставить королей отказаться от такой политики[74].

Решающую роль в такого рода конфликтах, на наш взгляд, играла не столько боязнь «разорения», сколько желание сократить свои расходы на государство и принудить короля вести нужную феодалам политику.

Другим, обычным для XIII в., поводом для недовольства со стороны всех феодалов была деятельность судебно-административного аппарата государства. Хотя этот аппарат всецело стоял на страже классовых интересов феодалов и в значительной своей части состоял из его представителей, все политические оппозиционные документы XIII в., в основном отражавшие интересы различных групп господствующего класса, полны жалобами на судей, шерифов, бейлифов, коронеров, констеблей и т. д.[75]. В основном это жалобы на взяточничество, всевозможные злоупотребления служебным положением, примеры которых мы видели в одной из предыдущих глав. Если такого рода действия в первую голову тяжело отражались на крестьянстве, то отчасти от них страдали и представители господствующего класса, особенно его низшие и средние слои. Используя свое пребывание в государственном аппарате для максимального и скорейшего своего обогащения, эти представители власти не гнушались при случае обобрать и своего брата-феодала, особенно, если это могло пройти безнаказанно.

Наконец, английские феодалы, от графов и баронов до мелких рыцарей, имели на протяжении всего XIII в. еще один, общий повод для недовольства королевской политикой — наличие в Англии со времени нормандского завоевания обширных королевских лесных заповедников — foresta.

---

[74] Вымогательства Джона особенно раздражали феодалов, потому что налоговые поступления расходовались на ненужную им войну во Франции, на уплату контрибуции папе, на иностранных наемников. Частые налоги Генриха III вызывали особенно сильное недовольство в связи с его политикой военных авантюр и покровительства иностранцам, в руки которых уходили огромные денежные средства и земли. Конфликт 1295—1297 гг. был несомненно связан с непопулярной в Англии войной против Франции. В этом отношении очень характерен ответ, данный в 1248 г. магнатами на просьбу Генриха III об очередной субсидии: «Они все единодушно решительно ответили, что никоим образом не желают более, чтобы их разоряли без пользы» (Matthei Parisiensis monachi St. Albani. Chronica majora. R. S., No. 57, vol. V, p. 21). Очевидно, их смущало не столько «разорение», сколько то, что они не видят в действиях короля никакой выгоды для себя.

[75] Например, «Баронские статьи» 1215 г., Великая хартия вольностей, «Петиция баронов в Оксфордском парламенте 1258 г.». Оксфордские провизии 1258 г., Вестминстерские провизии 1259 г. Об их содержании подробнее см. в гл. V.

В этом вопросе интересы всех группировок феодалов сталкивались не с государством как таковым и не с правительственным аппаратом, но с личными интересами короля, как феодального землевладельца. Лесные заповедники, с 1066 г. составлявшие значительную часть территории страны, в XII—XIII вв. не только не подвергались сокращению, как другие части королевского домена, но все более расширялись[76]. В их состав входили не только леса и парки, но также луга, пахотные земли, пастбища, принадлежавшие не только королю, но и крупным и мелким феодалам. А между тем эти земли были исключены из-под действия общего права и управлялись исключительно «по воле государя»[77], которая осуществлялась специальной «лесной администрацией» во главе с главным лесничьим и особой «лесной» судебной системой.

Лесные законы, впервые сформулированные в лесной ассизе Генриха II от 1184 г., карали смертной казнью и высокими штрафами малейшие правонарушения на территории заповедников[78]. Особенно стеснительны для феодалов, имевших там земли, были установленные ассизой ограничения их владельческих прав: им запрещалось дарить или продавать что-либо, если это вело «к разорению и опустошению леса, находившегося в пределах заповедного леса короля Генриха» (ст. 3). Владельцам лесов разрешалось только брать в лесу дрова для топлива, да и то под надзором королевского лесничего. «Рыцарям и другим» запрещалось истреблять свои леса, находившиеся на заповедной территории (ст. 5). Им запрещалось также пасти скот в своих лесах, прежде чем король не осуществит свое право выпаса в заповеднике (ст. 7). Даже при Генрихе III и Эдуарде I самые крупные феодалы Англии для того, чтобы огородить свой лес или расширить огороженное пространство, должны были получить разрешение короля[79]. Королевское разрешение приходилось получать и для строительства на территории заповед-

[76] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. I. Oxford, 1891, p. 435.

[77] Dialogus de Scaccario. Select charters. Oxford, 1874, p. 206.

[78] Лесная ассиза Генриха II, ст. 4, 12, 18 (Select charters. Oxford, 1874, pp. 157—159).

[79] Например: «Hug de Veer possit elargare parcum suum de Havingfild infra metas forestae de Essex de 11 acris terrae» (Calendarium rotulorum patentium, p. 60). «Walterus de Langton Coventriensi et Lichfieldiensi episcopus possit imparcare boscum de Tervyn in Comitatu Cestrie bosco de la Mare contuguum» (Ibidem, p. 60); или «Hug de Dispenser possit imparcare boscum de Fasterne infra forestam de Braden ad parco suo continguum» (ibidem), или «Quod Johanes de la Mare possit inclaudere 60 acras terrae gardino manerii sul de Bredwell continguae infra metas forestae Essex» (Calend. Rotulorum patentium, p. 57).

ника и даже на порубку деревьев и кустов в лесу феодала, если лес находился в пределах этой территории[80]. Естественно, что в XIII в., когда быстро рос спрос на землю и широкие размеры приняли «огораживания», подобные стеснения в распоряжении их землей особенно возмущали феодалов и вызывали их решительные протесты.

Борьба между феодалами и королем вокруг вопроса о заповедниках велась на протяжении всего XIII в. Она особенно обострялась в моменты политических кризисов 1215, 1258 и 1297 гг., и до конца столетия так и осталась нерешенной. Некоторое смягчение лесных законов в 47 и 48-й ст. ст. Великой хартии остались на бумаге[81]; столь же нереальной оказалась Лесная хартия, подписанная под давлением феодалов в 1217 г. Генрихом III, который никогда ее не соблюдал[82]. Лесной вопрос, несмотря на требования феодалов, не был решен ни Оксфордскими (1258), ни Вестминстерскими (1259) провизиями, сохранив всю свою остроту и в период возникновения парламента.

Таковы были наиболее постоянные и острые спорные вопросы во взаимоотношениях центрального правительства и лично короля со всей массой феодалов[83], время от времени нарушавшие их взаимное согласие, покоившееся на общности классовых интересов. Само собой понятно, что возникавшие на этой почве противоречия не выходили за рамки внутриклассовой борьбы.

§ 2. Роль феодального государства в борьбе за землю и доходы между крупными феодалами (баронством) и мелкими и средними (рыцарством)

Королевская политика по отношению к классу феодалов не может быть понята до конца без учета позиции центрального правительства по отношению к разным группам господствующего класса.

---

[80] Rotuli literarum clausarum, vol. II, pp. 52, 53, 54, 58, 60, 61 и др. Close rolls of the reign of Henry III, vol. 14, p. 495; ibidem, vol. 13, pp. 30, 31, 49, 50, 158, 159, 161, 162, 163, 164, 165 и др.

[81] Обещание сократить территорию заповедников за счет земель, присоединенных к ним Джоном и упразднить «дурные обычаи» в заповедниках.

[82] Лесная хартия должна была решительно изменить статус заповедников: исключить из них земли, присоединенные Ричардом и Джоном (ст. 1), разрешить землевладельцам свободно пасти скот на своей земле (ст. 9), делать заимки (ст. 12), строить мельницы, держать своих соколов и охотничьих собак (ст. 13). Хартия смягчала наказания за лесные правонарушения, заменив смертную казнь невысокими штрафами и арестом (ст. 10). (Select charters. Oxford, 1874, pp. 348—350).

[83] Других спорных вопросов более временного характера мы коснемся ниже.

Господствующий класс феодальной Англии не был однороден по своему составу. Он распадался на несколько групп, каждая из которых была связана общими интересами, не всегда совпадавшими с интересами других таких групп. Как и в других феодальных государствах того времени, здесь были феодалы духовные и светские, мелкие, средние и крупные. Между всеми этими группами, а также и внутри них — между отдельными представителями господствующего класса — и в XII и в XIII в. шла повседневная борьба за землю и доходы[84], составлявшая глубокую материальную основу той политической борьбы, шум которой наполняет историю Англии XIII столетия.

Первоначальным источником этой борьбы в Англии, как и повсюду, было стремление отдельных феодалов увеличить свои доходы и свое политическое влияние за счет других представителей своего класса. Обострению этой борьбы и вовлечению в нее широких слоев феодалов содействовала система ленных отношений и их крайняя запутанность в период развитого феодализма (XI—XV вв.)[85].

С развитием и укреплением феодального строя в XII в., по мере кристаллизации внутри господствующего класса основных группировок, эта «борьба всех против всех» постепенно принимала более организованную форму борьбы между основными феодальными группировками: между духовными и светскими феодалами, с одной стороны, и между крупными и мелкими (а также и средними) — с другой[86].

Хотя эта борьба носила внутриклассовый характер и не определяла развития английского феодального общества в целом, но она имела большое значение для эволюции феодального государства. Королевская власть должна была учитывать эту борьбу в своей политике, с одной стороны, ла-

---

[84] Эта борьба была вполне закономерным явлением в феодальном, как и во всяком другом классовом обществе, ибо «отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 54).

[85] Как указывал Ф. Энгельс: «Основное отношение всего феодального хозяйства — отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и поборы — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточный материал для споров, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для усобиц» (Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии национальных государств. В кн. «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 158).

[86] В число крупных феодалов входили, конечно, и крупные церковные феодалы — епископы, аббаты и приоры наиболее значительных монастырей. Естественно, что в борьбе крупного феодального землевладения с мелким они наряду со светскими баронами представляли интересы первого.

вируя между интересами борющихся группировок, с другой стороны, используя эту борьбу в интересах усиления центральной власти. Борющиеся феодальные группировки со своей стороны по-разному реагировали на процесс государственной централизации, что очень осложняло для центрального правительства проведение в жизнь «общих интересов» господствующего класса и порождало острые конфликты между королем и отдельными группами феодалов (помимо тех общих конфликтов, о которых было сказано выше).

Что касается борьбы между церковным и светским землевладением, которая лежала в основе частых и в XII и в XIII в. политических конфликтов между церковью и английским государством, то мы в настоящем исследовании не будем на ней подробно останавливаться. Дело в том, что эта борьба не оказала решающего влияния на ход политической эволюции Англии в XIII в., поскольку на этом этапе английской церкви удалось в значительной мере сохранить свою политическую автономию. Благодаря этому, она не принимала сколько-нибудь активного участия ни в общеполитической борьбе XIII в., ни в создании монархии с сословным представительством[87]. С другой стороны, взаимоотношения церкви и государства в Англии XII—XIII вв. представляют собой настолько большой и сложный и к тому же мало изученный вопрос, что он не может быть решен мимоходом и требует большого специального исследования, которое увело бы нас далеко в сторону от нашей основной цели. Заметим только, что в борьбе за землю и раздел феодальной ренты, которая в XIII в. происходила между светским и церковным землевладением, королевская власть во второй половине XIII в. довольно откровенно выступала в пользу первого[88]. Это объяснялось тем, что бурный рост церковного землевла-

---

[87] Мы имеем здесь в виду церковь как феодальную корпорацию. Что касается церковных феодалов, то в этой политической борьбе они принимали весьма активное участие и преимущественно в лагере крупных феодалов-баронов. Церковь же как феодальная корпорация скорее уклонялась от этой общеполитической борьбы, в которую так или иначе были вовлечены все слои английского общества, потому что ее главная политическая цель в XIII в. состояла именно в том, чтобы отстоять свое автономное положение в государстве и свою организационную связь с римской курией. Все конфликты между церковью и государством в XIII в. (да еще и в XII в.) происходили по этой линии.

[88] Это ясно показывает статут «о мертвой руке» 1279 г., запретивший отчуждение земель в пользу церкви под угрозой их конфискации непосредственным лордом дарителя (Statutes, vol. I, p. 51), а также 32 и 41 ст. ст. II Вестминстерского статута 1285 г., запретившие незаконные сделки с землей, в обход статута 1279 г. (ст. 32), и отчуждение земель, полученных монастырями в пользование от светских лордов, основателей и патронов

дения, происходивший в XII—XIII вв.[89], ущемлял интересы короля, как и других светских землевладельцев, так как, лишал его доли в разделе феодальной ренты, поступавшей с отчужденных в «мертвую руку» церкви земель в виде рельефов, платы за разрешение на женитьбу наследников, доходов от права опеки и права конфискации выморочных имуществ. С другой стороны, светские феодалы весьма сочувственно относились и к той политической борьбе, которую королевская власть вела в XIII в., особенно во второй его половине, с политической автономией церкви. Они поддерживали стремление Эдуарда I привлечь духовенство к государственному обложению, так как это сулило возможность сокращения обложения для светских феодалов.

Гораздо более важные последствия для политического развития Англии изучаемого периода имела борьба за землю и раздел ренты между крупными феодалами, которых возглавляли бароны, и мелкими и среднепоместными феодалами, обычно объединяемыми под именем рыцарей. Эта борьба достаточно острая и в XII в., особенно усилилась в XIII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений, мобилизацией земли и все более увеличивавшимися различиями в экономической роли баронства и рыцарства. Более гибкое экономически и жизнеспособное мелковотчинное и средневотчинное землевладение могло развиваться и укрепляться в основном за счет крупного баронского землевладения.

Формы этой борьбы внутри класса феодалов были весьма различны. Мы можем судить о них как по прямым, так и по некоторым косвенным данным.

О наличии такой борьбы говорит прежде всего огромное количество судебных исков о земле, наводнявших все инстанции королевских судов и многие сеньериальные суды (иски по приказу о «праве» разбирались и в сеньериальных судах)[90].

этих монастырей (Вестминстерские статуты. М., 1848, стр. 74, 83). Все эти постановления имели целью приостановить рост церковного землевладения и ограничить свободу церкви в распоряжении принадлежащей ей землей.

[89] Церковное землевладение в XII—XIII вв. росло как за счет королевских пожалований, так и за счет дарений светских лиц. По данным Сотенных свитков 1274 г., с конца XI в. по 1274 г. в пользу церкви было произведено более 500 отчуждений, которые по самым минимальным подсчетам (не всюду указаны точные размеры отчужденных земель) составили не менее 50 000 акров.

[90] Для того чтобы убедиться в этом, достаточно даже бегло просмотреть такие источники, как Curia regis rolls, Placitorum abbreviatio, Year books, Bracton's Note book, Bills of Eyre. Вопрос о земле, о земельных пожалованиях и спорах, возникавших по поводу земли, занимают большое место и в королевских распоряжениях XIII в. (так называемых Close rolls и Patent rolls).

Страсть английских феодалов к «сутяжничеству», отмечавшаяся некоторыми исследователями[91], очевидно, была следствием ожесточенной борьбы за землю в их среде. Судебным искам обычно предшествовало прямое насилие ответчика по отношению к истцу, чаще всего более крупного и влиятельного феодала по отношению к более мелкому и слабому: захват земли, права патроната, права опеки над малолетним наследником путем обмана или прямого насилия. Неслучайно один из главных владельческих исков, созданных судебными ассизами Генриха II, еще в XII в. носил название «ассизы **о новом захвате**». Косвенными свидетельствами этой борьбы являются вся система общего права и юридические трактаты XII—XIII вв., которые уделяют исключительно большое внимание регулированию поземельных отношений внутри господствующего класса и, в частности, защите владельческих прав феодалов против захватчиков их земель, доходов, рент и т. д.

Об ожесточенной борьбе за землю мы узнаем также из ст. 25 «Петиции баронов» 1258 г. Из нее видно, что многие магнаты и могущественные люди в королевстве (magnati, potentiores regni) часто брали (очевидно, скупали) у евреев-ростовщиков долговые обязательства мелких феодалов или земли, отданные ими в залог, и захватывали эти земли, отказываясь вернуть их собственникам, даже когда те хотели уплатить долг[92]. Зная, как велика была задолженность феодалов, особенно мелких и средних, нетрудно представить себе, как наживались магнаты Англии на бедствиях более мелких землевладельцев.

Борьба за землю между крупными и более мелкими феодалами проявлялась и в другой форме, — в столкновениях из-за раздела ренты между представителями феодальной иерархии, воздвигавшейся над каждым держанием. На известную долю в этой ренте претендовал не только феодал, непосредственно эксплуатировавший данное держание как свою феодальную собственность, но и все вышестоящие члены иерархии, вплоть до короля. Практически эта доля ренты выражалась в таких платежах, как рельефы, брачная подать, иногда щитовые деньги. Вышестоящие сеньеры претендова-

[91] G. M. Trevelyan. History of England. London, 1945, pp. 166, 199, 255, 256.

[92] «Item petunt remedium de hoc, quod Judaei aliquando debita sua et terras eis invadiatae (tradunt) magnatibus et potentioribus regni, qui terras minorum ingrediuntur ea occasione; et licet ipsi, qui debitum debent, parati sunt ad solvendum praedictum debitum cum usuris, ptaefati magnates negotium prorogant, ut praedictae terrae et tenementa aliquo modo sibi remanere possint, dicentes quod sine judaeo cui debebatur debitum, nihil possunt nec sciunt facere...» (Select charters. Oxford, 1874, pp. 385—386).

ли также на часть доходов от права опеки и выморочных держаний, от права на церковный патронат в данном маноре, а иногда на известную долю той военной повинности, которую держатель феода был обязан выполнять в пользу непосредственного или вышестоящего лорда. Многие из них требовали от своих арьервассалов обязательного посещения своих феодальных курий. За правильное поступление всех этих платежей и повинностей, источником которых в конечном итоге была феодальная рента, получаемая непосредственным владельцем земли от крестьян, шла постоянная борьба между крупными феодалами, стоявшими, как правило, на верхушке феодальной лестницы, и мелкими и средними феодалами, преимущественно субдержателями низших ступеней. Отголоски этой борьбы за ренту можно видеть в 1—6 статьях баронов 1215 г., которые требуют ограничения размера рельефов и вспомоществований, взимаемых не только с держателей in capite их сеньером-королем, но и сеньерами арьервассалов [93]; а также в 9, 10 и 12 ст. ст. Вестминстерских провизий, направленных против злоупотреблений сеньеров своим правом опеки по отношению к их несовершеннолетним вассалам [94].

Одним из наиболее ярких и обычных проявлений борьбы между выше и ниже стоящими феодалами и в XII и особенно в XIII в. была субинфеодация, которая часто использовалась мелкими и средними феодальными землевладельцами как способ уклонения от раздела получаемой ими феодальной ренты с вышестоящими сеньерами. Создавая новые промежуточные звенья в феодальной иерархии, субинфеодация на практике обычно приводила к тому, что вышестоящие сеньеры, отделенные от непосредственного владельца земли целой цепью промежуточных лордов, постепенно теряли фактически свое право собственности на субинфеодированное феодальное держание, а следовательно, и право получать с него свою долю ренты. Таким образом, в форме субинфеодации, под которой в XIII в. нередко скрывалась купля-продажа земли, совершалось перемещение земельной собственности от высших слоев господствующего класса к низшим. О широком распространении субинфеодации свидетельствуют некоторые данные Сотенных свитков 1274 г., которые содержат ответы присяжных на вопрос о том, какие держания, прежде находившиеся в руках непосредственных вассалов короля, теперь держатся от промежуточных лордов [95]. По этим данным, за 58 лет, с 1216 по 1274 г., по всем

[93] Ibidem, pp. 290—291.
[94] Ibidem, pp. 403—404.
[95] R. H., vol. 1, p. 1.

графствам Англии было субинфеодировано более чем 300 держаний. Эта цифра показывает лишь незначительную часть всех актов субинфеодации, совершенных за эти 58 лет, так как присяжные фиксировали лишь отчуждение земли коронными вассалами, тогда как нам известно из других источников, что в XIII в. широко субинфеодировали свои земли и держатели коронных вассалов. Если так легко и широко нарушались верховные права короны, то еще чаще и легче субинфеодация производилась за счет ее держателей in capite [96].

Характерно, что, как показывают те же Сотенные свитки 1274 г., при субинфеодации часто более крупные земельные комплексы — баронии и даже феоды — дробились на мелкие части. Это свидетельствует о том, что субинфеодация увеличивала именно количество мелких и средних вотчин за счет крупных [97].

Косвенное отражение борьбы за землю и ренту, происходившей в XIII в. в связи с явлениями субинфеодации, можно видеть в жалобах на ее последствия, которые встречаются в петициях и законодательстве XIII в. и которые, очевидно, исходили от представителей баронской верхушки. Впервые эти жалобы прозвучали в ст. 27 петиции баронов 1258 г., правда, применительно к частному случаю субинфеодации — к актам передачи земли в приданое (in maritagium). Такая передача земли принадлежала к так называемым условным дарениям (donum conditionalem), которые явились одним из распространенных видов субинфеодации. Наиболее обычным условием пожалования при таких дарениях, особенно в приданое,— было условие, что дар будет возвращен обратно в случае отсутствия прямого потомства у того, кому он был передан. На практике же лица, получившие землю на этих условиях, всячески уклонялись от их соблюдения, превращая «условное дарение» в обычный акт субинфеода-

---

[96] Значительные масштабы субинфеодации в XII—XIII вв. показал на более локальном материале Сотенных свитков 1279 г. также М. А. Барг в статье «Эволюция феодального земледелия в Англии в XI—XIII вв.» («Вопросы истории» № 11, 1954, стр. 102—103).

[97] В Линкольншире в ваппентеке (сотне) Flexwell феодал Адам Эверингсхэм субинфеодировал свое держание in capite 39 различным лицам, дав по 1—1½ рыцарского феода каждому (R. H., vol. 1, pp. 277—279); в том же графстве в ваппентеке Manlee Эрл Ранульф Честерский разделил деревню Hantbery, которую он держал от короля, на две части: одну часть он субинфеодировал Гуго Диспенсеру, вторая часть после его смерти была поделена между его сестрами, которые держат свои владения in capite (ibidem, vol. 1, p. 339); в Нортумберленде в округах Mitford и Fenton барон Рожер Бертрам субинфеодировал значительную часть своей земли 11 держателям — часть целыми манорами и виллами, а часть мелкими участками по 100 и даже 40 и 20 акров (Ibidem, vol. 11, p. 20).

ции. Ст. 27 петиции баронов требовала пресечения подобной практики в пользу вышестоящих сеньеров, которые обычно выступали как жалователи таких условных дарений. О том, что подобные жалобы со стороны магнатов Англии не прекращались и позднее, свидетельствует издание в 1285 г. специального постановления (1 ст. II Вестминстерского статута), направленного против злоупотреблений условными дареними [98], и в 1290 г. статута Quia emptores [99]. К этим статутам мы еще вернемся ниже, заметим пока лишь, что издание статута 1290 г. прямо мотивировалось теми неудобствами, которые терпят от субинфеодации преимущественно «магнаты» Англии [100].

Все отмеченные выше проявления борьбы за землю и ренту между крупными и мелкими и средними феодалами значительно обострились к середине XIII в. Об этом свидетельствует не только рост количества тяжб о земле в этот период и широкое распространение субинфеодации, но и большое количество вооруженных конфликтов на этой почве. С начала XIII в. частым поводом для таких конфликтов являлись споры об общинных угодьях, ставшие особенно актуальными в этот период в связи с тенденцией к расширению огораживаний. Если наиболее активными огораживателями, как показывает исследование К. Д. Авдеевой, в XIII в. являлись крупные светские и духовные феодалы, то участие в расхищении общинных земель принимали также и представители низших и средних слоев господствующего класса [101]. В то же время именно эти слои пытались противодействовать огораживаниям крупных лордов, считая что они ущемляют их интересы. Хотя обычно они пытались отстаивать свои права на огороженные участки судебным путем, опираясь на Мертонский и II Вестминстерский статуты, но нередко они, используя недовольство крестьян, возглавляли вооруженные нападения на огороженные территории, производили потравы, разрушения изгородей и т. д. [102].

---

[98] Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 37—39.

[99] Там же, стр. 93—94.

[100] После описания невыгодных последствий субинфеодации для «главных лордов» феодов (т. е. лордов, имеющих «титул собственности» на данное земельное владение) преамбула статута гласит: «...благодаря чему эти главные лорды часто теряли права на выморочные держания, на выдачу замуж наследниц и на опеку над землями и держаниями, входящими в их феоды; и это казалось этим магнатам и другим лордам весьма неудобным и тяжким и в этих случаях также было очевидно, что они лишаются своих наследственных владений — то господин король...» и т. д. (там же).

[101] К. Д. Авдеева. Огораживания общинных земель в Англии XIII в. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955, стр. 138—140.

[102] См. выше стр. 125.

В середине XIII в. особенно усиливаются вообще открытые вооруженные столкновения между феодалами из-за земли, пользования феодальными правами и т. д. В годы, предшествовавшие началу «баронской войны» (1258), и в течение всего периода политической смуты до 1267 г. включительно во всех графствах Англии открыто совершались разбойничьи наезды феодалов на земли соседних маноров, сопровождавшиеся грабежами, захватом земли, угоном скота и людей и прочими насильственными актами. В Placitorum abbreviatio за период с 1253 по 1267 г. содержится до 120 тяжб, связанных с такого рода насилиями и наездами на владения отдельных феодалов [103].

В период 1265—1267 гг. такие вооруженные столкновения стали настолько обычным явлением, что даже Мальборосский статут — первый статут, изданный после прекращения «баронской войны», констатировал, что в предшествующие годы «многие магнаты и другие считали для себя недостаточным искать своего права в королевской курии, как это следовало, но сами наносили обиды своим соседям и получали от них высокие выкупы по своей воле»[104]. Конечно, повседневное применение «кулачного права» в этот период облегчалось и даже стимулировалось общей политической неурядицей, но характерно, что подобного рода феодальные эксцессы в значительном количестве имели место еще в начале 50-х гг. задолго до общеполитических конфликтов. Это, между прочим, указывает и на то, что политические конфликты, в которых, как мы покажем ниже, немалую роль играли противоречия между крупными и мелкими феодалами, подготовлялись исподволь в сфере поземельных отношений, сложившихся внутри господствующего класса.

---

[103] Например, в 1253 г. уэльсский феодал Маддок, сын Вренока, ночью с вооруженными отрядами ворвался в манор Trewen Уильяма де Валенс в Герефордшире, избил его людей и увел 60 овец за то, что граф не уплатил 12 м., которые он должен был ему по заключенному между ними судебному соглашению (Pl. Abbr., London, 1811, p. 129). В том же графстве и в том же году феодал Уолтер де Кингестон со своими людьми ворвался на земли другого феодала Николая Еброу и вытоптал, а частично вывез его хлеб (ibidem, p. 131). В том же году в графстве Кембриджшир магистр ордена Госпитальеров из манора Sheneges ворвался в курию манора Grendon, которую держал другой феодал Генрих де Пуатевен и стал творить суд в этой курии от имени приора Госпитальеров Англии (ibidem, p. 134). в 1254 г. в графстве Беркшир Изабелла де Шэннингсхэлл и Симон де Клерк явились в курию феодала Уильяма Фалингхам и силой захватили там малолетнего наследника, находившегося под опекой владельца курии (ibidem, p. 134). Аналогичные случаи см. ibidem, pp. 129, 132, 139, 141, 151 (3 случая), 152 (3), 156 (5), 157 (5), 158 (7), 159 (4), 160 (4), 167 (4), 168 (3), 170 (9), 176 (2), 177 (2) и др.

[104] Statutes, vol. 1, p. 19.

К сожалению, краткие записи судебных протоколов по этим тяжбам не содержат никаких прямых указаний на то, крупные или более мелкие феодалы были виновниками или пострадавшими в этих феодальных эксцессах. В тревожные годы «баронской войны» такие вооруженные нападения на соседей, возможно, совершали не только магнаты, но и более мелкие феодалы, использовавшие общую политическую ситуацию для расширения своих земельных владений. Однако в обычное время главными виновниками подобных феодальных эксцессов чаще являлись более крупные феодалы, использовавшие свое материальное и военное превосходство над своими вассалами и менее влиятельными соседями. Борьба за землю между крупными и мелкими феодалами не прекратилась и с концом «баронской войны». Это видно хотя бы из того, что законодательство конца XIII в. также в основном было посвящено регулированию поземельных отношений внутри класса феодалов и, в частности, между крупными феодалами — главными лордами феодов и более мелкими — арьервассалами.

Борьба за землю и ренту в Англии XIII в., как мы уже заметили, создавала основу и для ожесточенной политической борьбы между основными группировками феодального класса (см. ниже), которая делала конфликты в его среде еще более острыми.

Позиция королевской власти перед этой борьбой внутри господствующего класса оказывалась очень сложной. Вынужденное учитывать в какой-то мере материальные интересы обоих борющихся группировок, центральное правительство должно было маневрировать между ними, идя на уступки то одним, то другим и постоянно оглядываясь на недовольных. Этот зигзагообразный характер политики центрального правительства еще более усугублялся тем, что короли участвовали сами в этой борьбе, в качестве лично заинтересованной стороны, как крупнейшие феодальные землевладельцы страны, также стремившиеся к расширению своих земель и доходов [105].

Все же в политике центрального правительства можно проследить некоторые общие тенденции, отражавшие объек-

---

[105] Это приводило к тому, что в отдельные периоды (особенно в правление Джона и Генриха III) на политику феодального государства сильно влияли личные материальные и политические интересы королей и окружавших их придворных клик. Интересы этих последних часто шли в разрез с интересами большинства феодального класса. В этих случаях центральное правительство переставало отвечать общим интересам феодалов, теряло способность маневрировать между отдельными его группировками и оказывалось в политической изоляции.

тивные закономерности развития английского феодального класса и государства. Эти общие тенденции сказывались более или менее отчетливо на протяжении всего XIII в., продолжая линию, наметившуюся в политике Генриха II, и особенно рельефно выступили во второй половине XIII в. Во всех основных проявлениях этой борьбы королевская власть иногда сознательно, иногда бессознательно оказывалась на стороне мелких и средних феодалов и действовала вопреки крупным. Это обусловливалось как экономическими, так и политическими причинами. Королям, со времени Генриха II и даже еще раньше, приходилось отстаивать экономические и политические интересы низших слоев господствующего класса, поскольку они составляли главную опору королевской власти, в его среде. С другой стороны, непосредственные столкновения из-за земли и ренты у короля как феодального сеньера возникали не с массой мелких и средних феодалов — преимущественно арьервассалов,— но с крупнейшими феодалами страны, его непосредственными держателями. Поэтому еще в XII в. законодательство английских королей, складывающееся общее право и королевские суды действовали в направлении защиты мелкого и среднепоместного феодального землевладения против крупного [106]. Даже в период правления Джона и Генриха III, когда не было издано никаких новых законов в поддержку мелкого и среднего землевладения, все же объективный ход развития английского феодального государства и права содействовал укреплению этого слоя феодалов. При Генрихе III, несмотря на союз с Римской курией, поддержку иностранных фаворитов и огромный рост налогов, что, казалось бы, должно было действовать во вред рыцарству, общее право развивалось и уточнялось в направлении, намеченном реформами Генриха II. Усовершенствовался судебный аппарат, в котором все большую и большую роль играли представители этих слоев населения, устанавлива-

[106] Уже Хартия вольностей Генриха I предписывала, чтобы бароны брали со своих вассалов только справедливый рельеф (ст. 2) и чтобы рыцари, обязанные за свои земли конной военной службой королю, освобождались от всех денежных взиманий в пользу своих сеньеров (ст. 11).

Судебные реформы Генриха II, укрепляя феодальное государство в интересах всего господствующего класса против широких крестьянских масс и прежде всего вилланов, в то же время определенно имели в виду охрану мелкого и среднего землевладения против крупных феодалов. К этому в конечном итоге сводилась, как мы показали, прокламированная Генрихом II защита всякого «свободного держания», которая на практике имела в виду защиту интересов рыцарства и примыкавшей к нему фригольдерской верхушки.

Неслучайно судебные решения по всем искам о владении землей после реформы Генриха II передавались в руки присяжных, состоявших из рыцарей и богатых фригольдеров.

лась судебная процедура, облегчавшая защиту «свободного держания» [107].

Несмотря на обиды и притеснения, которым мелкие и средние феодалы подвергались со стороны короля и его могущественных фаворитов, в толще общественной жизни страны, под защитой общего права и королевских судов продолжался процесс консолидации укрепления рыцарских слоев класса феодалов, которому объективно способствовала централизация феодального государства. В конце XIII в. эта тенденция к защите мелких и средних феодалов против крупных со стороны королевской власти снова становится совершенно очевидной. Ею проникнуто все законодательство Эдуарда I, дополнявшее и реформировавшее общее право в области гражданских и, в частности, земельных исков в пользу мелких и средних феодалов-арьервассалов и зажиточных фригольдеров, ограничивавшее права сеньеров на захват скота их держателей, право опеки и другие, сеньериальные права в отношении вассалов [108]. Все эти льготы для низших и средних слоев феодального класса создавали неудобства для крупных феодалов Англии. В частности, невыгодную для них позицию, вплоть до самого конца XIII в. (до конца 80-х — начала 90-х гг.) королевская власть занимала и в вопросе о субинфеодации, не принимая никаких мер против массового перемещения феодальной земельной собственности от крупных феодалов к мелким и средним.

Только в 1285 г. Эдуард I вынужден был отчасти пойти навстречу баронской верхушке в этом вопросе, хотя жалобы на последствия субинфеодации, как было отмечено, раздавались еще в 1258 г. Некоторой уступкой крупному землевладению, очевидно, являлась уже упоминавшаяся первая статья II Вестминстерского статута, известная под названием «de donis conditionalibus».

Статут категорически запрещал держателям условных дарений отчуждать их до совершеннолетия наследников, к которым они должны были перейти, согласно условиям пожалования, и подтвердил безусловное право дарителя — обычно крупного феодала — на возврат земли в случае несоблюдения условий дарения, в частности, отсутствия наследников

---

[107] Неслучайно именно в эти годы был написан трактат Брактона, представляющий собой наиболее полное и последовательное изложение системы общего права и судебной организации феодальной Англии.

[108] Большинство этих постановлений законодательства Эдуарда I рассмотрены нами в гл. II в связи с анализом политики правительства по отношению к свободному крестьянству. Мы отмечали там, что все эти постановления имели в виду в первую очередь именно интересы мелких и средних феодалов рыцарского типа.

у держателя. Незаконно отчужденные условные дарения должны были быть немедленно возвращены наследникам, а в случае их отсутствия — дарителям [109].

Однако последовавший за ним вскоре статут Quia emptores 1290 г., разрешавший вопрос о субинфеодации в более общем плане, хотя отчасти также шел навстречу интересам крупных феодалов, но в потенции представлял для них и некоторую угрозу. Согласно статуту, отныне земля могла передаваться держателям низших ступеней только при условии, чтобы новый ее владелец «держал эту землю или держание от главного лорда феода и за те же службы и повинности, за которые их прежде держал тот, кто дал их ему в феод» [110],— то есть на условии уже не субинфеодации, а субституции. Нет сомнения, что статут был продиктован стремлением магнатов Англии и самого короля отстоять свою долю феодальной ренты со всех земель, главными лордами [111] (верховными собственниками) которых они являлись, от посягательств нижестоящих феодалов — фактических владельцев этих земель. Однако нельзя упускать и другую сторону статута. Запретив субинфеодацию, он в то же время разрешал субституцию, то есть свободную продажу земли и держаний при условии превращения ее покупателей в непосредственных держателей главных лордов. Основная часть статута начинается с постановления о том, что «отныне каждому свободному человеку будет позволено по своему желанию продавать свою землю или держание или его часть...» [112].

Если, запрещая субинфеодацию, статут шел навстречу интересам магнатов, то, разрешая свободное отчуждение земли, он отвечал назревшим потребностям низших и средних слоев класса феодалов, заинтересованных в максимальной свободе распоряжения землей. Ведь субинфеодация была им нужна лишь как легальная возможность сделок с землей и часто была связана для них с большими дополнительными издержками. Куда выгоднее было просто покупать и продавать землю без всяких феодальных прикрытий. В этом смысле статут 1290 г. в потенции угрожал крупным феодалам расхищением их земельного фонда не меньше, а может быть и больше, чем субинфеодация. Но в данный момент он спасал их от непосредственной угрозы и поэтому вызывал их всемерную поддержку. Статут, впрочем, создавал для них

---

[109] Вестминстерские статуты, стр. 38—39.
[110] Там же, стр. 93.
[111] Там же.
[112] Там же.

угрозу на будущее и в другом отношении. Так как сам король являлся главным лордом многих феодов и многие бароны являлись на этих феодах его держателями, то запрещение субинфеодации для них означало невозможность испомещения на своих землях новых вассалов и должно было в дальнейшем привести к сокращению ступеней феодальной иерархии и к расширению слоя непосредственных держателей короны за счет мелких и средних феодалов небаронского происхождения. Тем самым в перспективе статут должен был привести к ослаблению социального и политического влияния магнатов и сокращению числа их вассалов и, наоборот, к усилению социальной опоры короля в средних и низших слоях господствующего класса [113].

Однако политика королевской власти способствовала объективно некоторому ослаблению крупного феодального землевладения в пользу мелкого и среднего не только своим законодательством и практикой общего права в королевских судах, но и другими средствами. Не последнее место среди них занимали те столкновения из-за земли и раздела ренты, в которых участвовал сам король как верховный собственник земли в стране и сеньер своих вассалов и которые были обычным явлением, не только в XII, но и в XIII в. Выше уже отмечалось, что эти конфликты, как правило, не затрагивали мелких феодалов, которые стояли слишком далеко от короля на феодальной лестнице, чтобы иметь основание для дележа с ним феодальной ренты. Напротив, в сфере повседневных отношений между королем и его непосредственными вассалами — баронами такие конфликты возникали постоянно и часто были чреваты для них весьма неприятными экономическими последствиями. Сталкиваясь со своим сеньером-королем, который использовал для давления на своих вассалов не только свои обычные сеньериальные права, но и весь авторитет общественной власти, бароны не были в состоянии противостоять ему один на один и вынуждены были поступаться в пользу своего сеньера многими материальными интересами.

Эта сторона королевской политики довольно хорошо освещена в литературе в отношении фактов [114], хотя трактовалась обычно неправильно — как проявление ее «нефеодальной»

---

[113] Оба рассмотренные нами статута представляют собой типичный пример той политики лавирования между интересами различных групп класса феодалов, которую вынуждены были вести английские короли в XIII в., особенно же Эдуард I, являвшийся большим мастером этой политики, для того, чтобы избегать острых столкновений внутри господствующего класса.

[114] См. выше, стр. 231—232.

или «антифеодальной» направленности. Если отвлечься от этой неправильной трактовки, то обильный и свежий фактический материал по этому вопросу можно найти, в частности, в упоминавшейся выше работе Джолифа, главным образом применительно к правлению короля Джона. Джолиф показывает, как этот король, нарушая феодальный обычай, ввел новую практику сбора рельефов с коронных вассалов, согласно которой сумма рельефа устанавливалась по соглашению с феодалом значительно выше «обычного» рельефа, а обеспечением его уплаты служила вся земля вассала, которая могла быть конфискована королем в случае невыполнения соглашения [115]. Такие же финансовые соглашения под залог всех земель феодала стали практиковаться в это время и в отношении осуществления других сеньериальных прав короля — права опеки, права женитьбы наследников и т. д.[116]. Конфискации земель часто подвергались вассалы короля, не желавшие выполнять военной службы, не говоря уже о тех, которые «отъехали» к врагам короля или являлись в данный момент его политическими противниками [117].

Интересный материал по этому же вопросу содержится в упомянутой выше статье М. А. Барга [118], если только рассматривать его правильно, то есть с точки зрения взаимоотношений короля с его непосредственными вассалами, а не с классом феодалов вообще. Автор приводит интересные примеры взимания произвольных рельефов с вассалов короны даже после 1215 г., а главное—показывает, что вследствие быстрой смены владельцев, рельеф, даже если он не выходил за рамки обычая, иногда падал на одну и ту же баронию сравнительно часто и оказывался довольно обременительным [119]. М. А. Барг указывает также на разорение баронских вотчин, находившихся в опеке короля, и на массовые конфискации XIII в., которые, как мы заметили выше, в основном обрушивались также на баронское землевладение [120]. Подобные действия королевской власти, диктовавшиеся в конечном итоге

---

[115] J. E. A. Joliffe. Angevin Kingship. London, 1955, pp. 78, 86.
[116] Ibidem, p. 85.
[117] Ibidem, pp. 61—76, 88—108.
[118] М. А. Барг. О некоторых факторах разложения светского вотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.
[119] Там же, стр. 166—167. В этой связи нужно, однако, отметить, что после издания Великой хартии, установившей точные размеры рельефа с баронии (100 ф.) и феода (100 ш.), жалобы на тяжесть этого побора со стороны вассалов короля прекратились, что, очевидно, свидетельствует о том, что решение этого спорного вопроса в общем их удовлетворило.
[120] Там же, стр. 170—174. М. А. Барг неправомерно считает эти конфискации средством разорения светского землевладения вообще.

стремлением королей урвать в свою пользу максимально возможную долю феодальной ренты, получаемой его вассалами, могли в какой-то мере подрывать их экономическое благополучие и объективно способствовать дроблению бароний и общему сокращению баронского землевладения в XII — XIII вв.

Даже Эдуард I, старавшийся внешне всегда действовать на «законном основании», ревниво следил за тем, чтобы его вассалы и другие крупные феодалы не расширяли своих земельных владений, и не превышали своих судебных и фискальных привилегий. После расследования 1274 г., которое имело целью выяснить различные виды нарушения прав короны со стороны феодалов [121], Эдуард I в течение многих лет возбуждал судебные иски против нарушителей, обычно крупных феодалов. В этих исках последние в сущности не имели законных возможностей защищаться против короля. Хотя внешне эти процессы велись со всем соблюдением процессуальных норм, но фактически решения по ним никогда не шли в разрез с волей короля [122]. Король мог иногда простить захват, совершенный его вассалом, и пойти с ним на мировую, но если захватчиком оказывался сам король, то борьба с ним в суде была бессмысленной.

Эта «сеньериальная» сторона королевской политики не только содействовала ослаблению баронского землевладения, но в известной мере использовалась мелкими и средними феодалами для своего обогащения. К ним попадала значительная часть тех земель, которые проходили через руки короля в процессе обычных и экстраординарных конфискаций. Анализ списков лиц, которым в XIII в. давались земельные пожалования, убеждает в том, что в большинстве случаев все же это были люди незнатные, неизвестных фамилий, отличившиеся на военной и гражданской службе короля и не связанные с баронской аристократией [123]. Мно-

---

[121] Статьи расследования касаются маноров, которые раньше находились в руках короны, а затем оказались в руках других феодалов (ст. 2), феодов, которые держались непосредственно от короля, а затем были субинфеодированы (ст. 8), служб и повинностей, должных королю, которые теперь не выполняются (ст. 7), захватов феодалами охотничьих заповедников (ст. 10) и других земель короля (ст. 13). R. H., vol. 1, p. I.

[122] Король, присутствие которого на таких процессах было обязательным, пользовался рядом привилегий: против его земельных прав ничего не значило право давности владения, его нельзя было привлекать в суд в качестве гаранта, с него нельзя было требовать возмещения за нанесенный ущерб. (L. Ehrlich. Proceedings against the crown. Oxford, 1921, p. 18).

[123] По данным таких источников, как Rotuli de liberate и Close rolls of the reign of Henry III, vol. 1—14.

гие из них впервые получали земельные пожалования[124]. Об этом же свидетельствует отмеченный, в частности, М. А. Баргом факт[125], что обычно при передаче конфискованных крупных земельных владений новым держателям, эти крупные комплексы дробились на части иногда довольно мелкие, что также укрепляло фонд мелкого и среднего феодального землевладения. На «бедствиях» баронов, таким образом, при посредстве центрального правительства обогащался и укреплялся слой мелких и средних феодалов, составлявший важную политическую опору королевской власти.

Таким образом, в экономической сфере — в сфере борьбы за землю и ренту — королевская власть в целом действовала в интересах рыцарской группировки феодалов, в ущерб баронской.

Но эта борьба за землю и ренту в среде класса феодалов, как и повсюду в феодальном обществе, была тесно связана с борьбой за власть, реальную основу которой она и составляла. Если борьба за землю и доходы между духовными и светскими феодалами в конечном итоге выливалась в XIII в. в политическую борьбу между церковью и государством, то борьба за землю и доходы между крупными, средними и мелкопоместными феодалами также имела свое политическое выражение. В то же время в политическую сферу неизбежно переносилась и борьба, происходившая на экономической почве между королем и его непосредственными вассалами. И это вполне естественно, так как именно в политической борьбе в конечном итоге решался вопрос и о распределении материальных благ между различными группами феодалов — земли и разных видов ренты. До середины XIII в., когда рыцарство впервые стало выступать со своей особой политической программой, отличной как от программы баронов, так и от программы короля, в политической жизни Англии на первом плане неизменно оказывалась борьба за власть и политическое влияние между королевской властью и крупнейшими феодалами страны — баронами.

Однако поскольку эта борьба объективно велась за усиление центральной государственной власти, в которой в этот период были крайне заинтересованы феодальные группировки, примыкавшие к рыцарству, то она отчасти являлась также отражением и тех конфликтов, которые в этот период имели место между крупными и мелкими феодалами.

Проявления борьбы за власть и политическое влияние

[124] Их имена отсутствуют в таких источниках, как Calendar of inquisitions post mortem или Testa de Nevill, содержащих опись основной массы феодальных держателей in capite и арьервассалов Англии XIII в.

[125] М. А. Барг. Указ. статья, стр. 172—173.

между королем и баронами были очень разнообразны. В центре ее стояли столкновения из-за юрисдикции. Как было отмечено, решающий удар по феодальным иммунитетам, которые являлись главным источником политического влияния крупных феодалов, а также приносили им значительные доходы, был нанесен законодательством Эдуарда I, в частности Глостерским статутом 1278 г. и последовавшими за ним расследованиями quo warranto.

В этих судебных расследованиях, проводившихся согласно статуту 1278 г., феодалы-иммунисты должны были доказать свои права и основания на владение теми или иными иммунитетами [126]. При этом представители короля в этих процессах исходили из юридической теории королевской власти, согласно которой всякая частная юрисдикция (кроме права держать манориальную курию или простую курию для свободных) могла быть лишь результатом королевского пожалования и должна была опираться на хартию. Право захвата или давности владения не признавалось ими законным основанием для пользования иммунитетом. Точное соблюдение этой юридической максимы должно было повлечь за собой конфискацию примерно половины всех иммунитетов, так как, по данным расследования 1274 г., не более половины феодалов-иммунистов пользовались своими правами по хартии королей [127].

Центральное правительство в XIII в., в частности, вело мелочную повседневную борьбу с попытками крупных феодалов расширить сферу своего политического влияния путем привлечения в свои феодальные курии свободных держателей и мелких феодалов, обязанных посещать собрания сотен и графств. Тем самым нарушалась система местного управления и подрывалось влияние правительства на местах. Такая узурпация прав короны, носившая на языке XIII в. название subtractio sectae hundredi et comitatus [128], решительно пресекалась правительством Эдуарда I. Он возбуждал против виновных в этом магнатов судебные иски в порядке разбирательств quo warranto [129].

---

[126] «...a mustrer quel manere de fraunchises ils claiment aver et parquel garaunt» (Глостерский статут, Statutes, vol. 1, pp. 45—46).

[127] Более подробное освещение взглядов сторонников юридической теории XIII в. по вопросу об иммунитетах и хода разбирательств quo warranto дано в моей статье «Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I» (Доклады и сообщения истфака МГУ, 1947, № 6).

[128] Большое количество такого рода случаев зафиксировано в Сотенных свитках 1274 г. (R. H., vol. 1, pp. 8, 13, 23, 195, 198, 236, 237, 239, 249, 266, 507, 516 и др.).

[129] Placita de que warranto. London, 1818, pp. 94, 176, 179, 193, 196, 293, 296, 305.

Правда, прокламированная Глостерским статутом конфискация всех «необоснованных» иммунитетов в конце концов так и не состоялась. Очевидно, под давлением недовольства магнатов [130] Эдуард I с целью их успокоения в 1290 г. счел нужным уточнить задачи расследований quo warranto новым статутом, который фактически признал право давности владения (со времени до начала правления Ричарда I) достаточным основанием для пользования иммунитетом при условии, если король (Эдуард I) заново подтвердит это право своей хартией до явки иммуниста на суд [131]. Последовавшее в том же году дополнительное разъяснение разрешало феодалам вообще не являться в суд, но просто запастись королевским подтверждением своих прав.

Едва ли, впрочем, целью короны при издании Глостерского статута была конфискация всех иммунитетов, не опирающихся на хартии [132]. Правительство стремилось лишь вернуть себе судебные и административные права, узурпированные в период смуты 50—60-х гг., и определить на будущее место сеньериальной юрисдикции в государственном управлении, утвердив верховенство над ней королевской власти, как единственного источника всякой юрисдикции. Глостерский статут был, по-видимому, сознательно сформулирован в весьма туманных выражениях, которые можно было истолковать в том смысле, что все иммунитеты, не опирающиеся на хартии, будут подвергнуты конфискациям [133]. Эти туманные формулировки имели целью побудить иммунистов позаботиться о новом утверждении их привилегий королем. И эта цель, несомненно, была достигнута, несмотря на уточнения

---

[130] У нас нет прямых свидетельств недовольства расследованиями quo warranto в среде магнатов, если не считать сообщения одной хроники о выступлении графа Уоррена на процессе по поводу его иммунитетных привилегий, достоверность которого оспаривается в литературе (см. G. T. Lapsley. Crown Community and parliament in latter middle ages. Oxford, 1951, pp. 34—64). Однако их постоянное уклонение от явки на процессы и весьма решительное оспаривание своих прав против прав короны свидетельствуют об известном, хотя бы пассивном недовольстве магнатов этими мероприятиями короны.

[131] Statutes, vol. 1, p. 107.

[132] Об этом свидетельствует то, что до 1290 г., по данным Placita de quo warranto, по 7 центральным и восточным графствам Англии из 429 процессов только 8% были решены в пользу короны, 11% — в пользу лордов, а 81% оставались нерешенными (подробнее об этом см. мою упомянутую выше статью).

[133] В действительности Глостерский статут в сущности не предусматривал никаких мер наказания для лордов, владевших иммунитетами без королевских хартий. Конфискация иммунитетов предусматривалась статутом только как временная мера для тех феодалов, которые уклонялись от явки в суд.

1290 г. После расследований quo warranto был прочно установлен принцип обязательности королевской хартии для пользования всяким иммунитетом, дальнейшие узурпации феодалами судебных и других прав прекратились, приостановлено было появление новых иммунитетов в сколько-нибудь широких масштабах, все иммунитеты были поставлены под строгий контроль центрального правительства и подчинены общим нормам права и судопроизводства, действовавшим в королевских судах.

Борьба за власть между центральным правительством и баронской верхушкой заметна и в той решительности, с которой короли пресекали малейшее проявление неуважения к авторитету центрального правительства и его органов со стороны крупных феодалов, привлекая их за это к своему суду [134].

Правительство во второй половине XIII в. вело упорную борьбу с феодальными усобицами и военной независимостью крупных феодалов. Оно тщательно следило за тем, чтобы они не строили замков без разрешения правительства [135], считая такого рода акты тяжелым правонарушением; категорически запрещало даже влиятельнейшим магнатам Англии укреплять свои владения [136]. Постоянные опасения того, что крупные феодалы страны могут начать междоусобицы, чреватые опасностями и для центрального правительства, побуждало последнее на протяжении XIII в. постоянно запрещать даже турниры, так как на них обычно съезжалось много вооруженных феодалов [137].

---

[134] В 1290 г. крупный феодал Бого де Клер судился в королевском совете за то, что нарушил мир короля, избив слугу архиепископа Кентерберийского, принесшего ему вызов на суд архиепископа (R. P., vol. 1, London, 1832, p. 24). В том же году приор собора троицы в Лондоне был оштрафован на 1000 ф. лишь за то, что оскорбил престиж короны, пригласив в суд архиепископа графа Эдмунда Корнуольского, в то время как тот, прибыв на совет магнатов, находился в здании Вестминстерского дворца, т. е. под особой защитой короля (ibidem, p. 17). В 1293 г. два крупных феодала братья де Парлс (Parles) были посажены в тюрьму только за то, что в присутствии многих магнатов, находясь в королевском дворце, оскорбили королевского судью Уильяма Берфорда, чем обнаружили «очевидное неуважение к господину королю» (ibidem, p. 95).

[135] О разрешениях на постройку замков, которые давались очень редко, см. Calendarium rotulorum patentium. London, 1802, pp. 25, 32, 43.

[136] Когда в 1270 г. правительству стало известно, что Гильберт де Клер укрепляет свой остров Портлэнд, ему было послано грозное письмо с предписанием разрушить уже построенные укрепления под угрозой конфискации его владений. (Close rolls of the reign of Henry III, vil. 14, p. 292.)

[137] Такие запрещения имели место в 1252, 1254, 1255, 1272, 1273 гг. Calendarium rotulorum patentium, pp. 24, 26, 27.

Военные столкновения между феодалами преследовались Эдуардом I особенно сурово. Это видно на примере длительного вооруженного конфликта, имевшего место в 1289—1290 гг. между эрлами Глостерским и Герефордским из-за земель Brecenouce в Уэльсской марке. Вина обоих магнатов, с точки зрения Эдуарда I, усугублялась еще тем, что они начали военные действия во время его поездки на континент и вопреки изданному королем перед отъездом запрещению всем феодалам собирать в его отсутствие военные отряды и нападать друг на друга. Оба эрла игнорировали это распоряжение так же, как и специально адресованное им письмо короля из Франции, призывавшее их прекратить войну до его возвращения[138], и продолжали взаимные военные действия. После возвращения Эдуарда I эрл Герефордский подал жалобу в суд на своего противника, обвиняя его в том, что он первый напал на его владения[139]. Эдуард I немедленно взял инициативу процесса в свои руки и обвинил обоих эрлов в нарушении королевского запрета, утверждая, что их поступки были следствием «невыполнения обоими эрлами (королевского постановления.— *Е. Г.*) или тайного сговора между ними»[140]. Процесс, таким образом, приобрел общегосударственное значение как своего рода демонстрация политического верховенства английского короля над магнатами. Король попытался в столь важном политическом вопросе опереться на авторитет пэров обоих виновников — феодалов Уэльсской марки. Поручив ведение дела суду из трех своих советников (епископа Илийского, Вильяма де Валенс и судьи Джона Метингама), король в качестве свидетелей и присяжных пригласил на суд 9 крупнейших феодалов марки и 24 рыцаря и свободных держателя этой области[141]. Однако лорды марки, очевидно, сочувствуя виновным и считая, что, вмешиваясь в это дело, король нарушает привилегии марки, уклонились от принесения присяги, заявив, что «они никогда не слышали, чтобы они сами или их предки когда-либо до сих пор принуждались к присяге в такого рода делах» и что «никогда подобные приказы королей не применялись в их области, и все дела, касающиеся марки, всегда решались согласно обычаям и порядкам марки»[142]. Больше того, они заявили, что это дело должно разбираться

---

[138] Foedera, vol. I, part. II, p. 710.

[139] R. P., vol. I, p. 70—77.

[140] Ibidem, p. 70 «...per non prosecutionem utriusque eorumden comitum, vel collusionem inter eos factam...».

[141] Ibidem.

[142] Ibidem, p. 71.

судом пэров провинившихся баронов, без которого король, по их мнению, не мог принять решения[143].

Эдуард I, однако, этим не смутился и приказал, несмотря на отказ магнатов, продолжать расследование через присяжных — рыцарей и свободных держателей обоих эрлов. Расследование подтвердило неоднократные вооруженные набеги людей графа Глостера на земли графа Герефордского, совершенные в 1289 г. и даже в 1290 г., уже после соответствующих специальных запрещений короля.

После ряда затяжек, вызванных тем, что эрл Глостерский оспаривал показания присяжных, в конце 1291 г. решением суда оба эрла были арестованы, а их иммунитетные привилегии в марке конфискованы.

Суд мотивировал столь строгое решение тем, что «все эти наглые и заранее подготовленные этим эрлом (Глостерским. — *Е. Г.*) и его людьми из Гламорганы (поступки. — *Е. Г.*) были совершены ими благодаря их уверенности в том, что при помощи привилегий марки они смогут избежать наказания и опасностей, которые по заслугам должны были их постигнуть, если бы они совершили подобные проступки, где-либо в нашем королевстве вне марки»[144]. Конфискация иммунитетов мотивировалась тем, что виновные «должны быть наказаны именно в отношении того, что побудило их к совершению столь безрассудной наглости», а арест тем, что «они оказали неуважение и неподчинение господину королю, вопреки его настойчивой просьбе»[145]. Характерно при этом, что конфискации иммунитетов и аресту были подвергнуты оба эрла, хотя эрл Герефордский и был признан оборонявшейся стороной. То, что он вступил в войну со своим обидчиком вместо того, чтобы искать защиты против него в королевском суде, было сочтено также нарушением королевского мира и королевских распоряжений.

Процесс весьма недвусмысленно продемонстрировал решимость правительства бороться с такими феодальными эксцессами, не считаясь с могуществом и политическим влиянием виновных[146].

---

[143] Ibidem. «...responderunt demum omnes singillatim, quod nihil inde facerunt sine consideratione parium suorum».

[144] Ibidem, p. 76 «...et etiam quia hec omnia audacias et praesumptuosius per ipsum comitem et homines suos de Morgannon fiebant, credentes, quod per libertatem suam Marchiae possent evadere a pena et periculo, que merito incurisse debuissent, si extra Marchiam alibi in regno talem excessum perpetrassent».

[145] Ibidem.

[146] Арестованные эрлы и их люди вскоре были выпущены на поруки, а совет магнатов, собравшийся весной 1292 г., постановил вернуть им их иммунитеты, но отнюдь не в порядке отмены принятого раньше судебного решения, а лишь ввиду их близких родственных связей с королем.

Все мероприятия короны, направленные на ограничение политического влияния баронства, несомненно были выгодны основной части господствующего класса и отвечали ее стремлениям, выраженным в ряде политических документов XIII в., исходивших от рыцарства.

Интересами этого слоя феодалов были продиктованы все наиболее прогрессивные статьи Великой хартии вольностей, усовершенствовавшие судебную систему, созданную реформами Генриха II, и Вестминстерские провизии 1259 г., во многом предвосхищавшие антииммунитетные мероприятия второй половины XIII в. [147].

Отвечало интересам мелких и средних феодалов и постоянное стремление английских королей, начиная с Генриха I, подбирать свой аппарат в центре и на местах из их числа [148]. А ведь от того, какие элементы класса феодалов будут сидеть в правительственном аппарате, в значительной мере зависело и решение вопроса о распределении внутри этого класса земельной собственности, ренты, государственных доходов и на местах и в масштабе всей страны.

В местном управлении со времени Генриха II преобладающая роль безусловно принадлежала рыцарям (milites) и зажиточным фригольдерам (liberi et legeles homines). Из них составлялись комиссии присяжных, от которых зависели все судебные решения [149]. С середины XIII в. шерифы тоже назначались из числа мелких или среднепоместных феодалов-рыцарей или вальвасоров [150]. Из этого же круга лиц вербовались обычно бейлифы сотен, коронеры [151], сборщики налогов [152] и присяжные, проводившие различные правительственные расследования [153]. И хотя эти представители местной администрации нередко вызывали возмущение тех же мелких феодалов и крестьянской верхушки своими злоупотреблениями, все же такой состав аппарата был для них

---

[147] См. гл. V.

[148] По словам К. Маркса: «На *развалинах* подавленного им класса *крупных феодалов* Генрих создал *класс* более мелких *дворян*, на которых старые бароны времен завоевания смотрели свысока, но которые были достаточно сильны, чтобы *нейтрализовать* их влияние, и в то же время являлись для короны необходимым ей классом администраторов, которых Генрих использовал в качестве своих шерифов и судей» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 327).

[149] Ср. Великую ассизу, Кларендонскую и Нортгемптонскую ассизы (Select charters. Oxford, 1874, pp. 143—146, 150—153).

[150] Оксфордские провизии (Select charters, p. 391); Статут Articuli super Carta 1300 (Statutes, vol. 1, p. 140).

[151] I Вестминстерский статут, ст. 10. Вестминстерские статуты, стр. 14.

[152] Инструкции о сборе налогов. Select charters, pp. 356, 366; P. W., vol. 1, pp. 54, 62, 106.

[153] Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 329 и далее.

гораздо выгоднее, чем если бы им заправляли местные магнаты [154].

Эти же слои господствующего класса имели в XIII в. значительное влияние и в центральном аппарате. Хотя в числе высших сановников королевства, особенно в отдельные периоды, встречались крупнейшие феодалы Англии, но в королевских судах, казначействе, а иногда и в узком королевском совете сидели преимущественно выходцы из того же слоя средних и мелкопоместных феодалов, на которых королям было легче опираться в их борьбе с феодальным сепаратизмом, чем на представителей баронской аристократии.

И в этом вопросе то, что было выгодно мелким и средним феодалам, оказывалось неудобным для баронской аристократии.

Итак, в той борьбе за землю, раздел ренты и политическое влияние, которая происходила в XIII в. между крупнейшими феодалами страны (баронами) и мелкими и средними феодалами (рыцарством), королевская власть в основном объективно поддерживала последних. Другими словами, процесс государственной централизации стимулировал развитие господствующего класса Англии именно в том направлении, в котором он развивался со времени нормандского завоевания в силу прежде всего экономических причин: раннего развития в Англии товарно-денежных отношений и более полного вовлечения в них мелковотчинного хозяйства, которое оказалось более жизнеспособным и устойчивым по сравнению с крупной феодальной вотчиной с ее потребительским неповоротливым хозяйством; значительного роста потребностей феодалов; ранней мобилизации земли, связанной с этими общими экономическими явлениями, которая принимала в XII—XIII вв. преимущественно форму субинфеодации.

Различия в политике королевской власти по отношению к баронству и рыцарству еще более углубляли разницу в отношении этих двух группировок к усилению центральной власти, разницу, которая в основном определялась различиями в их экономическом положении и их различным местом в феодальной иерархии.

Несмотря на свои колебания в сторону вынужденной поддержки центральной власти, баронство всегда в большей или

---

[154] О заинтересованности рыцарского слоя в целом в местном управлении графств свидетельствуют, в частности, требования выборности шерифов, выдвигавшиеся сначала отдельными графствами (в 1227 г., например,— Rotuli literarum clausarum, vol. II, p. 169), а затем всей массой мелких и средних феодалов во французской версии Вестминстерских провизий 1259 г. (J. Jacob. Studies in the period of baronal reform and rebellion 1258/65. Oxford, 1925, p. 93).

меньшей степени было недовольно ею. Помимо общих причин для недовольства, связанных с финансовой политикой короны, лесными законами и злоупотреблениями администрации, бароны имели свои особые причины, которые мы охарактеризовали выше. И они упорно сопротивлялись тем централизаторским усилиям, которые ущемляли их экономические и политические интересы.

Это сопротивление постепенно изменяло свою форму. От сепаратистских индивидуальных или групповых бунтов XII в. бароны в начале XIII в. стали переходить к коллективным общебаронским выступлениям, которые все чаще стали прикрываться лозунгами защиты всех свободных людей, требованиями не ослабления и разрушения центрального государственного аппарата, но лишь действенного контроля над ним. Однако под этими новыми формами скрывалась старая реакционная природа феодальных мятежей, враждебных прогрессивному процессу централизации. Бароны хотели поставить себе на службу успехи государственной централизации, подчинив своим узкогрупповым интересам интересы всей страны и даже интересы основной части господствующего класса, что в конечном итоге вело к возрождению феодального сепаратизма, порождало в среде баронов соперничающие группировки, междоусобцы и ослабляло центральную власть [155].

Иначе относилось к усилению центральной власти рыцарство, у которого даже в XIII в. не было особых причин быть недовольным политикой королевской власти, кроме тех общих причин, о которых было сказано выше.

Представители этой более многочисленной части господствующего класса протестовали лишь против отдельных сторон королевской политики или против политики отдельных королей, ущемлявшей их интересы, но не против усиления центральной власти вообще. Они, подобно городам, стремились лишь несколько ослабить фискальные требования короны и упорядочить систему административного управления.

Оппозиция правительству со стороны мелких и средних феодалов в целом носила более прогрессивный характер, чем оппозиция баронов. Во-первых, уже потому, что они представляли собой наиболее передовую экономическую силу внутри феодального класса Англии, которая наряду с кресть-

[155] Все сказанное о политической позиции баронов вообще в полной мере относится и к крупным духовным феодалам (barones spirituales). У них такие антицентралистские настроения еще более усиливались автономистскими стремлениями церкви, которая, когда ей это было выгодно, охотно блокировалась с баронами в борьбе против королевской власти (например, в 1215 или в 1296 г.).

янством и горожанами являлась носительницей товарного производства и обмена в стране. Во-вторых, потому, что эта оппозиция имела в виду не подрыв государственной централизации и не ослабление центрального правительства, а напротив, его укрепление, очищение центрального и местного аппарата от коррупции и освобождение его от возможного в таких условиях диктата крупных феодалов.

Таким образом, процесс государственной централизации еще более усложнял и обострял все противоречия, которые существовали внутри господствующего класса.

Несмотря на внутриклассовый характер этих противоречий, королевская власть не всегда умела вовремя встать на путь компромисса и предотвратить вооруженные столкновения внутри господствующего класса. Подобные столкновения, с одной стороны, сопровождались рецедивами настоящих феодальных усобиц, с другой стороны, неизбежно втягивали в борьбу широкие слои городского населения и свободного крестьянства, имевшие свои основания для недовольства политикой правительства. Такое расширение фронта борьбы было крайне нежелательно для всех феодалов, так как оно происходило в условиях обостряющейся классовой борьбы в деревне и социальных столкновений в городах.

Положить конец этой политической неустойчивости, препятствовавшей успехам государственной централизации, можно было только путем урегулирования основных спорных вопросов внутри класса феодалов. А это урегулирование могло быть следствием только широкого соглашения между борющимися группировками феодалов и между всеми ними и королем по вопросу о разделе власти и доходов, соглашения, которое могло быть достигнуто лишь за счет все большего усиления эксплуатации и бесправия крестьянских масс.

Внутриклассовый характер этой борьбы за власть и доходы допускал и даже делал в конечном итоге неизбежным такое соглашение. Но практически оно могло быть и было достигнуто только в ожесточенных схватках, в которых баронство, рыцарство, королевская власть могли померяться друг с другом своим влиянием и определить соотношение материальных и политических сил внутри класса феодалов и вообще внутри страны [156].

Основные этапы этой борьбы, в которой рождалось широкое политическое соглашение внутри английского класса феодалов, мы проследим в следующей главе.

---

[156] По меткому замечанию К. Маркса, прослеживая английскую историю с XI столетия, всегда можно «подсчитать довольно точно, сколько разбитых черепов и сколько фунтов стерлингов стоила каждая конституционная привилегия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 465).

ГЛАВА V

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АНГЛИИ XIII ВЕКА

В нашу задачу не входит последовательное изложение всех перипетий политической борьбы XIII в. Ход этой борьбы достаточно полно освещен в обширной буржуазной историографии вопроса, которая с разных сторон анализирует также все основные политические документы, выдвигавшиеся борющимися группировками [1]. Это дает нам возможность ограничиться в настоящей главе рассмотрением основных этапов политической борьбы XIII в., главным образом под углом зрения расстановки социальных сил, на каждом из этих этапов и общих политических итогов этой борьбы [2].

[1] Наиболее подробно эти вопросы рассматриваются в следующих работах: W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. I, II. Oxford, 1891; T. F. Tout. History of England from the accession of Henry III to the death of Edward III. London, 1905; G. B. Adams. The origin of the English Constitution. New Haven, 1912; W. S. Mc-Kechnie. Magna Carta. Glasgow, 1905 и 1914; E. F. Jacob. Studies in the period of baronial reform and rebellion 1258—1267. Oxford, 1925, R. F. Treharne. The baronial plan of reform 1258—1263. Manchester, 1932; Knights in the period of reform and rebellion. B. I. H. R. No. 62. 1946; M. Powicke. King Henry III and the lord Edwards. Oxford, 1947; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, и др.

[2] Эта задача облегчена наличием двух кандидатских диссертаций, подготовленных за последние годы в СССР (но, к сожалению, еще не опубликованных).

А. П. Геллертов. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII в. Автореферат. Горький, 1954; С. А. Пустовойт. Обострение социальной борьбы в Англии в середине XIII в. и возникновение английского парламента. Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Автореферат. М., 1954.

Главными этапами политической борьбы XIII в. мы считаем конфликт 1215 г., закончившийся изданием Великой хартии вольностей, гражданскую войну 1258—1267 гг., известную в буржуазной историографии под названием «баронской войны», и, наконец, более мелкий конфликт 1297 г., закончившийся изданием так называемого Подтверждения хартии. Каждый из этих конфликтов имел свои специфические особенности. Но вместе с тем все они отличались от политических столкновений более раннего периода (XI—XII вв.), во-первых тем, что в них принимали участие не одни только крупные феодалы — прелаты и бароны, обычные противники центральной власти, но и другие слои населения — рыцарство, часть фригольдеров, горожане; во-вторых тем, что бароны, возглавлявшие обычно в XIII в. всех недовольных королевской политикой, теперь уже выдвигали не сепаратистские требования, направленные на расширение местных феодальных привилегий, как это обычно бывало в XII в., но боролись за укрепление политического влияния баронства как единого сословия в центральном аппарате управления.

Обе эти характерные черты антиправительственных движений XIII в. отчетливо проявились уже в борьбе за Великую хартию вольностей.

Общеизвестно, что в военном конфликте с королем в 1215 г. участвовали не одни только светские бароны, но также английская церковь, города, — во всяком случае Лондон, поддержка которого предопределила победу оппозиции, — и рыцарство, составлявшие, очевидно, основную ударную силу войска Фиц-Уолтера, двинувшегося на Лондон. Общеизвестно также, что и в «баронских статьях», предъявленных Джону мятежными баронами, и в самой Великой хартии вольностей заключались требования не одних только баронов, но и всех перечисленных выше участников движения.

Из 59 статей Великой хартии, регулирующих отношения короля с его английскими подданными (без 4-х статей, относящихся к Уэльсу и Шотландии), 3 статьи касались специально церкви [3], 30 статей непосредственно выражали интересы духовных и светских баронов [4], 7 статей — интересы рыцарства и фригольдерской верхушки [5], 3 — интересы горожан [6]. Остальные 16 статей, посвященные улучшению деятельности судебно-административных органов правительства,

---

[3] Ст. 1, 22, 63 (Select charters. Oxford, 1874, pp. 296, 299, 306).

[4] Ст. ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 21, 32, 34, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 61, 62 (ibidem, pp. 297—306).

[5] Ст. ст. 15, 16, 26, 27, 29, 30, 60 (ibidem, pp. 299, 300, 304).

[6] Ст. ст. 13, 28, 35 (ibidem, pp. 298, 300, 301).

в большинстве случаев отражали интересы рыцарства и горожан, но отчасти и баронов [7].

Это распределение статей, однако, свидетельствует не только о сложном составе оппозиции, но и о том, что бароны играли в ней руководящую роль, так как их интересы представлены в хартии наиболее полно. Об этом говорит как количественный перевес баронских статей, так и их характер. Статьи, отражающие интересы баронов, сформулированы в хартии очень тщательно, со всеми подробностями, не допускающими каких-либо сомнений в трактовке материальных и других прав баронства по отношению к королю. Между тем статьи, непосредственно касающиеся рыцарства и горожан, обычно сформулированы чрезвычайно лаконично и весьма расплывчато [8].

Но еще более важным признаком руководящей роли баронства в событиях 1215 г. является то, что баронские требования и в «статьях баронов» в самой Великой хартии носят гораздо более всеобъемлющий характер, чем требования других слоев населения. Они затрагивают не только материальные интересы баронов в их взаимоотношениях с их сеньером королем, но и их политические притязания. Требования же рыцарства и городов касаются главным образом их самых насущных материальных нужд и лишь отчасти отражают их пожелания в области реорганизации судебной процедуры и администрации.

В тех же случаях, когда интересы рыцарства и особенно городов оказывались в противоречии с интересами баронов, Великая хартия решала спор в пользу последних. Так случилось, например, с требованием городов об установлении контроля общего совета королевства над взиманием тальи, которое было включено в «баронские статьи» (ст. 32), но затем, при окончательном редактировании Великой хартии, выкинуто из нее, очевидно, с согласия баронов (ст. 12). В пользу баронов и к невыгоде рыцарства был решен спорный вопрос

[7] Ст. ст. 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 30, 31, 33, 36, 38, 40, 54, 55, 63 (ibidem, pp. 298, 300, 301, 303, 306).

[8] Например, вопросу о вассальных отношениях между королем и его непосредственными держателями посвящены первые 11 статей Хартии, предусматривающие все возможные случаи опеки, наследования, уплаты рельефов и т. п. Аналогичным же отношением между арьервассалами и их сеньерами отведена всего лишь одна статья — 60-я, которая, не касаясь деталей, в самой общей форме предписывает, чтобы все обычаи и вольности, которые король обещал соблюдать по отношению к своим вассалам, «все в нашем королевстве, как миряне, так и клирики, соблюдали бы, насколько это касается их, в отношении к их вассалам» (Select charters, pp. 297—298).

Другой пример: ст. 13, гарантирующая городам соблюдение их старинных вольностей, сформулирована в самых общих выражениях и, кроме того, утверждая status quo, не дает городам ничего нового.

о праве короля вмешиваться в сеньериальную юрисдикцию по искам о свободном держании, которое было отменено ст. 34 хартии.

Нельзя не согласиться с теми буржуазными историками, которые указывали на феодально-олигархический, узкосословный характер всех так называемых конституционных статей Великой хартии и утверждали, что они не могут рассматриваться как «конституционные гарантии» для всей «нации» или «народа»[9]. Это совершенно очевидно в отношении пресловутой 61 ст., вручающей судьбу страны в руки комитета 25 крупнейших баронов Англии.

Статьи 12 и 14, в которых вигские историки видели зарождение парламента, при ближайшем рассмотрении тоже носят узкосословный, баронский характер: ст. 12 ограничивает право короля на взимание лишь чисто феодальных поборов (щитовых денег, феодального вспомоществования), которые формально затрагивали только его непосредственных держателей. И соответственно этому в общем совете королевства, который должен был санкционировать сбор этих поборов, согласно 14 ст. хартии, могли участвовать лишь непосредственные держатели короля, т. е. в основном крупнейшие феодалы страны.

Чисто баронский характер носила и пресловутая ст. 39, которую вигские историки трактовали как первую гарантию неприкосновенности личности всякого «свободного человека». Как известно, статья эта гласит: «Ни один свободный человек не будет арестован или объявлен стоящим вне закона, или каким-либо иным способом обездолен и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны (per legem terrae)»[10]. Несмотря на то, что эта статья как будто бы относится ко всякому «свободному человеку», весь ее контекст, как справедливо отмечали еще Адамс[11] и Мак Кекни, указывает на то, что она имеет в виду лишь представителей феодальной аристократии: в суде пэров в противовес королевским судам, применявшим расследование через присяжных, и в утверждении феодального обычая (lex terrae) в противовес общему

---

[9] J. B. Adams. The origin of the English constitution. New Haven, 1912, pp. 179, 208—209; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века, стр. 130—145; J. E. A. Joliffe. The constitutional history of medieval England, pp. 252—262; W. S. Mc-Kechnie. Magna Charta. A. commentary on the Great Charter of King John with an historical introduction. Glasgow, 1914, pp. 231—240, 284—298, 375, 395.

[10] Select charters. Oxford, 1874, p. 301.

[11] G. B. Adams. Op. cit., pp. 242, 248, 249, 261.

праву королевских судов могли быть заинтересованы лишь крупнейшие феодалы страны, державшиеся за свои судебные привилегии [12]. Это наглядно видно из сопоставления ст. 39 со ст. ст. 20 и 21 Великой хартии.

Если ст. 20 утверждает суд присяжных как нормальный судебный институт для свободных держателей (а также, очевидно, рыцарей), горожан и в некоторых случаях даже вилланов, то в 21 ст. особо оговаривается, что «графы и бароны будут штрафоваться не иначе, как при посредстве своих пэров...» [13]. Так наряду с признанием суда присяжных и всей системы судопроизводства, созданной реформами Генриха II (см. ст.ст. 1, 18, 19, 20), баронские статьи Великой хартии как бы изымают представителей феодальной аристократии из-под действия этой общегосударственной судебной системы и общего права.

Наконец, самый оборот речи, употребленный в 39 ст.: «и мы не пойдем на него и не пошлем на него», — очевидно, предполагает крупного могущественного феодала, так как на рыцаря или тем более простого свободного человека не надо было «идти». Его можно было принудить к повиновению более легким способом.

Таким образом, если Великая хартия вольностей налагала некоторые ограничения в финансовом и судебном отношении на короля, то отнюдь не в интересах всего народа и даже не всех свободных, но только в интересах небольшой части класса феодалов — баронства.

Этот общеполитический уклон в баронских требованиях, а вместе с тем и олигархический их характер интересны в двух отношениях. С одной стороны, они показывают, что бароны в борьбе за Великую хартию вольностей выступили как наиболее организованный и политически сознательный элемент оппозиции, и поэтому они смогли возглавить ее и навязать ей свои политические требования. Другие участники движения (если не считать духовенства, которое ставило себе особую политическую цель — укрепление независимости церкви от светских властей) хотя оказались достаточно сильными, чтобы заставить баронов включить в Великую хартию некоторые свои требования, еще не настолько оформились как единые сословные группы, чтобы выдвинуть свою общеполитическую программу, отличную от баронской. Хотя они не были сторонниками баронской олигархии, но они не смогли в 1215 г. противопоставить ей ничего другого. С другой стороны, бароны несомненно обнаружили в событиях 1215 г. сознание

[12] W. S Mc-Kechnie. Op. cit., pp. 382—386.
[13] Select charters. Oxford, 1874, pp. 297, 299.

общности своих политических целей и впервые выступили не в качестве лиги, состоящей из феодалов-сепаратистов, но в качестве единой сословной группы, отстаивающей свои общие привилегии.

Эти новые черты, характерные для конфликта 1215 г., отражали новое соотношение социальных сил в среде свободного населения Англии, сложившееся к началу XIII в. в процессе оформления основных сословных групп в стране.

Баронам пришлось искать союза с рыцарством и горожанами и удалось хотя бы временно добиться такого союза потому, что общественное значение мелких феодалов, фригольдерской верхушки и городского сословия значительно возросло уже к этому времени. С ними должен был считаться и король[14] и бароны. Последние, боясь потерять этих союзников, вынуждены были свои наиболее реакционные требования, включенные в Великую хартию, маскировать под меры защиты интересов «всякого свободного человека». Мы уже видели это на примере ст. 39. Еще более наглядно это заметно в одной из наиболее реакционных статей Великой хартии — в ст. 34, которая, отменяя практику, сложившуюся со времен Генриха II, запрещала королю вмешиваться в дела феодальных курий с помощью приказа «praecipe quod reddat». Это запрещение мотивировалось в ст. 34 тем, что в случае применения приказа praecipe «свободный человек мог бы потерять свою курию»[15]. Ясно, что под «свободным человеком» в данном контексте можно понимать только барона, так как ни простой свободный человек, ни даже мелкий рыцарь, как правило, не располагали своей курией для свободных держателей.

Союз рыцарства и городов с баронством определялся также значительным усилением королевской власти. Это политическое изменение, как мы видели, увеличивало фискальный гнет короны и притеснения правительственной администрации, создавало условия для королевского произвола как во внутренней, так и во внешней политике (см. гл. IV) и, порождая недовольство не только у баронов, но и у духовенства, и у рыцарства, и у горожан, создавало условия для временного соглашения между ними.

С другой стороны, усиление королевской власти, как мы

---

[14] В период подготовки баронской оппозиции в 1213 г. Джон дважды собирал представителей от графств в Лондоне для совещания с ними по отдельным политическим вопросам, очевидно, имея в виду отвлечь рыцарство от участия в коалиции.

[15] Select charters. Oxford, 1874, p. 301. «Breve quod vocatur praecipe de cetero non fiat alicui de aliquo tenemento unde liber homo amittere possit curiam suam».

видели, своей оборотной стороной имело ослабление политического влияния баронства. Чем слабее становилась феодальная аристократия, тем легче рыцарство и городское сословие, страдавшие от притеснений центрального правительства, могли согласиться на временный политический союз с ней, поскольку она не казалась им столь опасной, как в XII в.

Этим общим ослаблением политического влияния баронства объясняется и его собственная, новая политическая позиция, отмеченная нами выше: как его поиски временного союза с другими социальными элементами, так и выдвинутая им программа баронской олигархии. Недостаточно сильные для того, чтобы начинать частные войны с королем на свой страх и риск, отдельные бароны вынуждены были отказаться от сепаратистских требований, теснее сплотиться между собой и бороться не против усиления центральной власти как таковой, но за то, чтобы подчинить ее своему влиянию, создав режим баронской олигархии. Переход баронства к «централизованным» сословным выступлениям с начала XIII в. отчасти объяснялся и тем, что уже в это время многие из них в силу своих экономических интересов не являлись последовательными противниками известной централизации. Поскольку некоторые из них были хозяйственно связаны с рынком и нуждались в помощи государства для усиления эксплуатации крестьян, они не могли мечтать о полной ликвидации центральной власти и стремились лишь к тому, чтобы, используя ее в своих интересах, сохранить для себя в рамках относительно централизованного феодального государства хотя бы часть своих узкосословных привилегий.

Впрочем, как уже отмечалось, эта олигархическая программа баронства даже в самом начале XIII в. в принципе была реакционной, во-первых, потому, что пыталась передать власть наиболее реакционному слою феодалов, во-вторых, потому, что реализация этой программы угрожала стране феодальной междоусобицей, как показали события 1216 г. и особенно позднее история «баронской войны».

Такова была расстановка социальных сил в среде свободных сословий, определившая ход и результаты конфликта 1215 г. У нас нет никаких данных об участии в нем широких слоев крестьянства, тем более крепостного. Возможно, что кратковременность вооруженного конфликта не создала благоприятных условий для обострения повседневной классовой борьбы в деревне. К тому же в начале XIII в. классовая борьба в деревне еще не достигла той остроты, какую она приобрела к середине XIII в. в связи с огораживаниями и явлениями феодальной реакции. По-видимому, в борьбе за хартию крестьянство в массе своей не принимало активного

участия. Борьба шла внутри класса феодалов при частичном участии горожан и фригольдерской верхушки.

Политические итоги борьбы за Великую хартию вольностей точно соответствовали этой расстановке социальных сил. Бароны при составлении и окончательном редактировании хартии, используя свое руководящее положение, ограничились лишь минимальными уступками в пользу своих союзников и добились признания своего привилегированного положения в стране как в области суда, так и в вопросе о власти. Рыцарство и верхушка фригольдеров получили хотя и немногочисленные, но довольно осязательные материальные выгоды. Городское сословие, не входившее в состав класса феодалов и частично подвергавшееся с его стороны эксплуатации, получило совсем мало — подтверждение уже существовавших городских привилегий (ст. 13), некоторое ограничение феодальных поборов с города Лондона (ст. 12), единство мер и весов (ст. 35). «...*подданным феодальных владельцев* (крепостным) это (Великая хартия.—*Е. Г.*) не дало никаких прав...»,— записал К. Маркс в Хронологических выписках [16]. И действительно, Великая хартия просто игнорировала вилланство, базируясь, как и все законодательство XIII в., на принципе exceptio villenagii [17].

Д. М. Петрушевский справедливо считал Великую хартию вольностей результатом компромисса, достигнутого в борьбе 1215 г. Но он ошибался, считая участниками этого компромисса все свободное население Англии [18]. В действительности Великая хартия вольностей выражала соглашение, достигнутое внутри английского класса феодалов при некотором участии верхушки городов и верхушки свободного крестьянства. Это соглашение, как и все английское законодательство XIII в., было направлено против интересов крепостного крестьянства.

Уже это одно заставляет безусловно считать Великую хартию феодальным документом и отбросить всякие попытки буржуазной историографии различать в ней «феодальные» элементы от «нефеодальных» [19]. Как всякий компромиссный документ, Великая хартия противоречива. Но это отнюдь не

---

[16] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. М., 1938, стр. 182.

[17] Упоминание вилланов в ст. 20, как мы показали в гл. II, не имеет ничего общего с защитой вилланства, но отражает борьбу между королем и феодалами за долю в эксплуатации вилланов.

[18] Д. М. Петрушевский. Очерки. М., 1937, стр. 143.

[19] J. B. Adams., например, делит все статьи Великой хартии на «чисто феодальные» статьи «неопределенные» и статьи «нефеодальные» (Op. cit., pp. 208—210).

противоречия между «феодальными» и «нефеодальными» ее сторонами, так как все ее статьи в конечном итоге носят феодальный характер. Основное противоречие Великой хартии — это противоречие между теми ее статьями, которые отражают олигархические, реакционные стремления крупных феодалов, и другой группой статей, которые, защищая экономическое и правовое положение мелкого рыцарства и горожан и укрепляя систему королевских судов и общего права, сложившуюся в Англии к началу XIII в., носили несомненно прогрессивный характер. Ведь эти статьи, вопреки стремлениям баронов, облегчали дальнейшее развитие слоя мелких феодалов и горожан, объективно способствуя также укреплению федального государства. Но и эти прогрессивные статьи Великой хартии вольностей ни в коем случае не были «нефеодальными», ибо прогресс, который они стимулировали, не выходил за рамки феодального строя.

Двойственный характер Великой хартии исключает возможность такой односторонней, альтернативной оценки этого документа, которая обычно давалась ему в буржуазной историографии. Неправы в этом вопросе те историки, преимущественно вигские, которые видели в Великой хартии первую английскую конституцию, «краеугольный камень английской свободы», а в баронах XIII в. — альтруистических защитников народа [20]. Ведь именно «конституционные статьи» Великой хартии, в которых эти историки видят ее основное историческое значение, как мы показали выше, носят узкосословный феодально-аристократический, а поэтому, в условиях феодальной Англии XIII в., реакционный характер. Но это вовсе не значит, что можно согласиться с утверждением историков «критического» направления о том, что хартия в целом это документ феодальной реакции и что ее историческое значение вовсе не в ее реальном содержании, но в том, что вкладывали в нее последующие поколения [21]. Это утверждение совершенно правильно в отношении тех статей хартии, в которых речь идет как раз о «конституционных» гарантиях. Но оно неверно в отношении хартии в целом. Как мы заметили выше, в ней

---

[20] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. I. Oxford, 1891, pp. 570—571; Р. Гнейст. История английских государственных учреждений. М., 1885, р. 276; Д. Р. Грин. Краткая история английского народа, т. I. М., 1897, стр. 156—157; W. Holdsworth. History of English law, vol. II. London, 1909, p. 165. В наше время аналогичной точки зрения по этому вопросу придерживаются B. Wilkinson, см., напр., его статью — English politics and politicians of the 13th century, Speculum. January, 1955, а также R. F. Treharne. The baronial plane of reform 1258—1263. Manchester, 1932, p. 35.

[21] A. F. Pollard. The evolution of Parliament. London, 1920, pp. 158—171.

содержатся и прогрессивные статьи, в которых никак нельзя видеть проявления феодальной реакции.

Великая хартия носила двойственный характер и трудно сказать, какая из ее сторон, реакционная или прогрессивная, имела перевес. Дело в том, что в борьбе 1215 г. ни одна из борющихся феодальных группировок не была победительницей. С формальной стороны победили бароны, добившиеся признания своих олигархических планов. Но их торжество было очень недолгим. Уже через несколько месяцев Джон отказался от соблюдения хартии, а из ее новых подтверждений, сделанных после его смерти Генрихом III в 1216—1217 гг., были исключены все «конституционные статьи» — 12, 14, 34, 39, 61 [22]. Правда, в течение XIII в. бароны неоднократно пытались добиться восстановления этих или им подобных привилегий, опираясь на опыт борьбы за Великую хартию. Но несмотря на отдельные удачи, им так и не удалось реализовать свои политические притязания на практике, очевидно, потому, что эти притязания не пользовались сочувствием других слоев свободного населения Англии, без помощи которых бароны не могли добиться победы. Прогрессивные статьи хартии оказались более реалистичными, так как они пользовались большей популярностью среди рыцарства, фригольдеров и горожан. Многие из этих статей повторялись в оппозиционных документах, а затем и статутах XIII в. и постепенно вошли в фонд общего права.

* *
*

Соглашение, зафиксированное в Великой хартии оказалось крайне неустойчивым, так как оно не удовлетворяло до конца ни одну из участвовавших в нем сторон. Союз между баронством, с одной стороны, рыцарством и городами — с другой, не мог быть прочным, так как их политические цели в борьбе были различны.

Это облегчило Джону отказ от соблюдения Великой хартии. Для защиты этой последней баронам пришлось прибегнуть к помощи французской интервенции, очевидно, потому что уже в конце 1215 г. они растеряли своих союзников внутри страны. Таким образом, непосредственные политические результаты борьбы за хартию были в общем ничтожны. Главное ее значение заключалось не в ограничении королевской власти, но в том, что в этом конфликте впервые выявились раз-

[22] См. Хартия 1216 г. — Select charters. Oxford, 1874, pp. 339—341; Хартия 1217 г. — Ibidem, pp. 344—347.

личия в интересах разных групп феодалов, а также их реальные силы и возможности.

Борьба за хартию не приостановила централизации страны и даже не замедлила ее. Новейшие исследования показывают, что долгое правление Генриха III, вопреки вигским представлениям, было периодом усиленной и успешной дальнейшей централизации и оформления той политической структуры центрального и местного аппарата, которую мы охарактеризовали в гл. I [23]. В этом лежит разгадка того факта, что слабый и легкомысленный Генрих III в течение почти 45 лет безнаказанно использовал этот аппарат в своих личных интересах и в интересах небольшой придворной клики, состоявшей преимущественно из иностранных феодалов.

Политический конфликт 1258—1267 гг. был гораздо более длительным и неизмеримо более сложным, чем конфликт 1215 г. В нем так или иначе приняли участие все слои населения Англии. Он охватил все районы страны и имел несколько этапов, каждый из которых был связан с дальнейшим углублением и расширением борьбы. Предысторию этого конфликта составляют почти ежегодные стычки баронов с Генрихом III, происходившие с 1232 г. — с момента отставки Губерта де Бурга и до 1258 г. Эти стычки проливают некоторый свет на позицию баронов и на общую расстановку социальных сил в событиях 1258—1267 гг. Главными поводами для конфликтов, вспыхивавших на каждом почти совете магнатов, были финансовые требования короны, засилье иностранцев, которым покровительствовал Генрих III, и чуждая интересам английских феодалов и к тому же неудачная внешняя политика короля.

Причины недовольства баронов ростом налогового гнета мы уже охарактеризовали в предыдущей главе. Что касается решительных выступлений английского баронства XIII в. против иностранцев, то оно тоже имело материальную основу. Представители английской феодальной аристократии, претендовавшие, как мы видели, на участие в распределении государственных доходов и земельных пожалований короны, не хотели, чтобы значительная доля этих благ «доходов, земель, деревень и прочих источников дохода» попадала в руки иностранных феодалов и прелатов [24]. Эта вражда к иностранцам

---

[23] T. F. Tout. Chapters in the administrative history of medieval England. Manchester, 1920—1929, vol. II; R. F. Treharne. Op. cit., pp. 19—27, 30—47; M. Powicke. King Henry III and the lord Edward, vol. I. Oxford. 1947, pp. 84—116, 124—127, 291—297.

[24] Такую мотивировку ненависти английских баронов к иностранцам дает хроника Annales Waverley, in: Annales Monestici, R. S., № 36, vol. II, p. 349.

со стороны баронства являлась, таким образом, одним из проявлений борьбы, происходившей внутри класса феодалов Англии за землю и доходы, о которой мы говорили выше. Но в то же время она являлась также и одним из проявлений борьбы за власть между баронами и королем и именно поэтому из года в год приобретала все более широкий политический аспект.

Дело в том, что «пристрастие» Генриха III к иностранцам нельзя объяснить лишь личным капризом и особенно развитыми родственными чувствами. Оно было, несомненно, одним из проявлений его самодержавной политики и отражало его попытки править страной, игнорируя английскую феодальную аристократию, опираясь на людей, которые не имели в Англии прочных корней и всецело зависели от милости короля. Эти люди — многие из них были незнатного происхождения — являлись послушным орудием в руках короля, облегчая ему проведение всех нужных мероприятий и занимая все видные места в центральной администрации. Бароны именно так и понимали это. Вот почему все их требования об изгнании иностранцев, о сокращении налогов и прекращении неугодных им войн сводились в конечном итоге к более общему принципиальному требованию, — чтобы король сменил своих иностранных советников на английских и впредь не назначал новых без согласия баронов. Так, конфликты между баронами и королем в период с 1232 по 1258 г., как правило, вращались вокруг вопроса о власти, вновь и вновь возрождая планы баронского контроля над королем, выдвинутые еще в 1215 г.[25].

---

[25] В 1233 г. бароны, вызванные на совет магнатов в Оксфорд, отказались туда явиться и письменно потребовали у короля отставки Петра де Рош и др. иностранных советников — членов его узкого совета (Matthei Parisiensis, monachi Sancti Albani. Chronica majora, R. S. No. 57, vol. III, p. 245). Когда же Генрих III отказался выполнить это требование, большая группа баронов во главе с Ричардом Маршаллом подняла восстание, заставившее короля в марте 1234 г. выслать Петра де Рош из королевства (M. Powick. Op. cit., vol. 1, pp. 136—137). Но уже в 1237 г. на январском совете магнатов бароны вновь потребовали от короля обещания выгнать особенно ненавистных иностранных советников и только на этом условии обещали дать свое согласие на очередную субсидию (W. Stubbs. Op. cit., vol. II, Oxford, 1875, p. 53). Так как Генрих не выполнил обещания, то на совете магнатов в 1240 г. бароны вновь повторили это требование (Matthei Parisieinsis. Op. cit R. S., No. 57, vol. IV, pp. 1—9). В 1242 г. они отказали королю в субсидии на войну до тех пор, пока король Франции не нарушит сам перемирие, и упрекали Генриха III в том, что он не держит своих обещаний (ibidem, vol. IV, p. 181). В 1244 г. Генриху III вновь было предъявлено требование, чтобы баронам было разрешено по их воле выбирать юстициария, канцлера и казначея королевства (ibidem, vol. IV, pp. 362—363). Этот вопрос вновь и вновь поднимался в 1248 и в 1249 гг. (ibidem, vol. V, pp. 5—7, 73) и позднее, пока, наконец, это требование не было реализовано на практике в 1258 г.— в Оксфордских провизиях.

В период с 1232 по 1258 г. баронская оппозиция оформилась организационно и идеологически. Ее организационным центром становится совет магнатов или Великий совет — собрание крупнейших духовных и светских феодалов Англии, регулярно созывавшееся королем 2—3 раза в год. Хотя его решения не были обязательны для короля и он являлся главным образом совещательным органом [26], регулярные созывы этого собрания давали возможность баронам Англии сговариваться и осуществлять коллективные оппозиционные выступления.

К сожалению, мы не знаем, какой характер имела в этот период оппозиция других слоев населения, поддержавших в 1258 г. баронов. Наш основной источник в этом вопросе — хроники ограничиваются только упоминаниями о выступлении баронов, иногда церкви. Однако можно думать, что оппозиционные настроения постепенно нарастали в среде всех свободных сословий Англии. Это видно, во-первых, из того, что в петиции баронов, поданной в Оксфордском парламенте в 1258 г., отразились интересы далеко не одних только баронов, но также рыцарства, фригольдерской верхушки и городов. Это можно предполагать также, зная, как тяжело отражались зигзаги внешней и внутренней, особенно финансовой, политики Генриха III на всех слоях населения. Мы уже отмечали, что города в этот период тяжело страдали от королевских поборов и особенно от произвольной тальи. Введение налогов на движимость и частые сборы щитовых денег не могли не вызывать недовольства в среде мелкого рыцарства и фригольдеров. Всеобщее раздражение вызывало также и засилье иностранцев, которые, становясь лордами подаренных им земель или чиновниками короля, спешили использовать эту, часто временную, удачу для быстрого обогащения и особенно усиленно нажимали на местное население. Всеобщую ненависть, в том числе и у многих представителей английской церкви, вызывали иностранные прелаты — преимущественно итальянцы, широко назначавшиеся папой на церковные должности в Англии и выкачивавшие из нее колоссальные деньги [27]. Недовольство вызывали и другие вымогательства римской церкви, которым попустительствовал Генрих III [28].

---

[26] В период с 1236 по 1258 г. Генрих, хотя и созывал совет магнатов, правил, совершенно не считаясь с ним и опираясь только на свой узкий королевский совет. В случаях, когда бароны отказывали ему в субсидиях, он пополнял свою казну за счет тальи с доменов и городов, а также поборов с евреев, которые приносили ему большие доходы.

[27] M. Powicke. Op. cit., vol. 1, pp. 277—278.

[28] Ibidem, p. 77.

Однако в этот период ни рыцарство, ни горожане не выдвигали еще своей самостоятельной политической программы, подобной программе баронов. С одной стороны, они, как и в 1215 г., еще не выработали такой общеполитической программы. С другой стороны, популярность тех лозунгов, под которыми в эти годы выступали лидеры баронской оппозиции, создавала у их будущих союзников иллюзию того, что бароны являются защитниками общих интересов. Требование контроля над правительством со стороны баронов казалось вполне естественным в условиях фаворитизма и иностранного засилья, господствовавших при дворе Генриха III. До тех пор, пока это требование не реализовалось на практике в виде баронской олигархии, потенциальные союзники баронов не подозревали их в подобных планах. Вот почему в 1258 г., как и в 1215 г., магнаты Англии выступили во главе широкой коалиции недовольных, в которую входили рыцарство и высшие слои фригольдеров, горожане и часть английского духовенства.

Но если политика центрального правительства в период 1216—1258 гг. вызывала недовольство всех этих слоев населения и стимулировала их новое объединение в борьбе с этой политикой, то в то же время она, как мы показали выше (гл. II и III), усугубляла тяжелое положение широких масс крестьянства и городских низов, обостряя классовую борьбу в стране. В еще большей степени, чем рыцарство и горожане, крестьянские массы не могли иметь в этот период самостоятельной политической программы. Да и сама их борьба носила локальный и разобщенный характер. Обострение этой борьбы могло выразиться и выражалось, как мы покажем ниже, в увеличении количества стихийных антифеодальных выступлений крестьянства, направленных не против феодального строя или феодального государства в целом, но против отдельных феодалов и притом большей частью не своих, а чужих лордов.

О том, что выступление 1258 г. носило коалиционный характер, свидетельствует как огромное количество вооруженных людей, съехавшихся на «бешеный» парламент, так и петиция, представленная королю баронами на этом парламенте. Этот документ содержит, помимо общих требований об изгнании иностранцев, о прекращении злоупотреблений королевских чиновников [29], ряд экономических требований баро-

---

[29] Ст. ст. 4, 5, 8, 9, 12, 14, 16, 18, 20, 21. Select charters. Oxford, 1874, pp. 382—387.

нов (9 статей)[30], рыцарей и верхушки фригольдеров (6 статей)[31] и городов (3 статьи)[32].

При этом в «петиции баронов» нет никаких намеков на реформу центрального управления, на баронский контроль над королем, которого так настойчиво требовали бароны в предшествующие десятилетия. На наш взгляд это можно объяснить только нежеланием баронов обсуждать это требование со своими временными союзниками из опасения вызвать их недовольство. Но именно эту цель — установление баронского контроля над королем — преследовало издание Оксфордских провизий, которые были выработаны уже на самом Оксфордском «парламенте» комиссией 24 баронов и обсуждались только баронами и королем.

В этом документе были реализованы давнишние олигархические планы баронов. Вся власть в стране передавалась совету 15 баронов, которые полностью контролировали короля и назначали и смещали всех высших должностных лиц. Три раза в год должен был созываться «парламент», в котором, кроме совета 15-ти должны были заседать еще 12 баронов в качестве выборных от «общины» для того, чтобы «сберечь затраты общины». Ясно, что под «общиной» здесь подразумевались те же бароны. А употреблен был этот двусмысленный термин «община», очевидно, с той же целью, с какой в 34 и 39 ст.ст. Великой хартии употреблялось выражение «свободный человек», — с целью замаскировать олигархическую сущность провизий и созданного ими «парламента».

Союзникам баронов были сделаны лишь самые ничтожные уступки. Провизии обещали провести по всей стране расследование о злоупотреблениях королевских чиновников (ст. 1), устанавливали выборность шерифов (ст. 17), запрещали судьям брать взятки (ст. 16) и весьма глухо говорили о том, что надо улучшить положение Лондона и других городов короля, «которые дошли до позора и разрушения благодаря пошлинам и другим притеснениям»[33]. Уже после издания провизий баронский совет провел популярную во всех слоях населения меру — изгнание наиболее ненавистных иностранных советников короля и вообще иностранных феодалов.

Баронам в 1258 г. удалось добиться того, чего в 1215 г. они достигли только на бумаге. В стране был создан режим баронской олигархии, все отрицательные последствия которого для временных союзников баронов по коалиции обнару-

[30] Ст. ст. 1, 3, 6, 10, 11, 13, 15, 17, 27. Select charters. Oxford, 1879, pp. 382—387.
[31] Ст. ст. 2, 19, 24, 25, 28, 29. Select charters. Oxford, 1879, pp. 382—387.
[32] Ст. ст. 22, 23, 26. Select charters. Oxford, 1879, pp. 382—387.
[33] Select Charters, pp. 387, 391.

жились только теперь. Ведь еще до издания провизий, с начала 50-х гг., как мы отмечали в гл. IV, участились феодальные наезды и грабежи в связи с обострением борьбы за землю и доходы между феодалами. Под видом борьбы с иностранными феодалами, английские бароны нападали друг на друга, оказывали сопротивление властям, чинили грабежи и насилия в отношении городов и сельских жителей. Хронист Веверлейского монастыря, оправдывающий подобные действия магнатов их справедливой, по его мнению, ненавистью к иностранцам, вынужден признать, что не только иностранцы, но и англичане притесняли своих же англичан, движимые жадностью, которая заставляла их «при помощи тяжб и штрафов, поборов («tallagiis») и вымогательств и других притеснений отнимать у всякого то, что он имел» [34].

Естественно, что, захватив власть в свои руки, бароны почувствовали себя еще более свободно. Как свидетельствуют протоколы королевских судов за эти годы грабежи и наезды продолжались и даже еще более облегчались тем, что административный аппарат в центре и на местах находился в руках баронов. Ведь, ограничив произвол королевских чиновников, бароны не дали населению никаких гарантий от своего собственного произвола или произвола своих должностных лиц. Это, очевидно, и послужило главным поводом для раскола оппозиции в ближайшие месяцы, последовавшие за изданием Оксфордских провизий.

Новейшие исследования по истории так называемой баронской войны показывают, что с июня 1258 г. по октябрь 1259 г., когда были изданы Вестминстерские провизии, совет 15-ти издал ряд документов, направленных к урегулированию взаимоотношений между самими баронами и их держателями, то есть, говоря в социальном разрезе, между баронами и массой рыцарства и зажиточных фригольдеров [35]. Очевидно, как полагает Е. Джекоб, издание этих документов отразило политическую борьбу, происходившую в совете 15-ти между Симоном де Монфором, искавшим более прочного союза с рыцарством, и Ричардом Глостерским, отстаивавшим принципы баронской олигархии [36]. Но это столкновение между

---

[34] Annales Waverlaya, in Annales Monestici. R. S., No. 36, vol. II. London, 1865, p. 350.

[35] E. F. Jocob. Studies in the period of baronial reform and rebellion, 1258—1267. Oxford, 1925, pp. 71—85. R. F. Treharne. The baronial plan of reform 1258—1263. Manchester, 1932, pp. 132, 149.

[36] Мы не можем согласиться с точкой зрения на этот вопрос Трехарна, который, считая баронов вообще защитниками всего «народа», трактует издание этих документов как результат заранее предусмотренного баронского плана, в котором Оксфордские провизии были лишь первым этапом (цит. соч., стр. 137—139).

двумя главными вождями баронской партии, очевидно, в свою очередь выражало более широкий социальный конфликт между крупными феодалами, вполне удовлетворенными Оксфордскими провизиями, и массой мелких и средних феодалов, которые еще ждали осуществления своих главных требований. Об этом говорит содержание документов, изданных в начале 1259 г., которые облегчали для рыцарей и фригольдеров ненавистную им повинность посещать курии своих лордов (в документе известном под названием «Provisio magnatum») и прокламировали обещание баронов соблюдать в отношении своих вассалов все то, что их сеньер король обещал своим вассалам (в документе, известном под названием «Providentia baronum») [37]. Однако эти постановления, очевидно, не соблюдались большинством баронов, и потребовалось новое давление извне, чтбы добиться их осуществления на практике.

Такое давление последовало в виде известной петиции «бакалавров», поданной совету 15-ти в октябре 1259 г. в день св. Эдуарда. В ней петиционеры жаловались на то, что хотя король выполнил все, что постановили и потребовали от него бароны, но «сами бароны ничего не сделали для пользы общего дела, как обещали, и имеют в виду только собственную выгоду и всевозможный ущерб королю и что, если это не изменится к лучшему, пусть реформы производятся иным порядком» [38].

Как сам термин «бакалавры», так и содержание петиции явно свидетельствуют о том, что она исходила от представителей рыцарства и примыкающих к ним элементов фригольдерской верхушки [39]. Петиция 1259 г. одновременно выражает недовольство тем, что бароны не идут дальше защиты своих собственных интересов и что они подчинили себе короля, и угрожает, что петиционеры могут взять дело дальнейших реформ в свои руки, устранив олигархический совет 15-ти. Она, с одной стороны, показывает, что бароны плохо соблюдали принятые ими в начале 1259 г. постановления в пользу рыцарства, а с другой стороны, еще определеннее подчеркивает глубокую трещину в оппозиционном блоке — между баронской верхушкой и основной массой класса феодалов.

Интересно также, что «бакалавры» обратились в первую очередь к наследнику престола Эдуарду, прося его помощи, и тем самым угрожая баронам, что в случае их отказа, они пойдут на союз с королем против них. Эдуард немедленно

[37] E. F. Jacob. Op. cit., pp. 83—86.

[38] Annales Burtoniae... in: Annales Monestici. R. S., No. 36, vol. I. London, 1864, p. 471.

[39] Джекоб вполне убедительно доказал, что бакалавры XIII в. — это мелкие феодалы, как правило, арьервассалы, следовавшие на войне за знаменами своих сеньеров (Ук. соч., стр. 126—133).

воспользовался случаем, чтобы выставить себя защитником «общины», заявив, что он «до смерти будет стоять за общину и добьется исполнения обещанного».

Под давлением этого намечающегося союза бароны уступили и издали Вестминстерские провизии. Провизии, как показали исследования Джекоба и Трехарна, распадаются на две части. Они состоят из латинской версии, которую оба исследователя считают «постоянными статьями», вошедшими частично в последующее законодательство, и более полной французской версии, которая, помимо статей, имеющихся в латинском переводе, содержит целый ряд дополнительных постановлений. Французская версия не сохранилась в официальных документах и приводится только в Бертонских анналах и Сент-Олбанской хронике. Поэтому и Джекоб и Трехарн считают, что она имела временное значение и вскоре была аннулирована баронами.

Латинская версия Вестминстерских провизий состоит из 24-х статей. 10 из них посвящены урегулированию отношений арьервассалов с их сеньерами в пользу первых. Провизии освобождают арьервассалов от обязанности посещать феодальные курии их сеньеров, если это условие специально не оговорено в их хартиях на держание (ст. 1), запрещают сеньерам требовать явки в курию всех совладельцев одного держания (ст. 2) и в случае несоблюдения этих постановлений разрешают вассалу судиться с сеньером в королевском суде (ст. 3). Другая группа статей (8, 10, 11, 12) защищает права арьервассалов от их сеньеров в вопросе об опеке несовершеннолетних наследников и вводе во владение совершеннолетних. Ст. 17 облегчает процедуру освобождения скота, захваченного у вассала сеньером в порядке меры принуждения; ст. 16 утверждает исключительное право короля на апелляционную юрисдикцию по делам, разбирающимся в куриях его вассалов; ст. 18 запрещает лордам курий принуждать своих свободных держателей судиться в этих куриях по искам о свободном держании. Из остальных 14 статей этого документа 11 касаются различных улучшений системы местного управления и судопроизводства, также более всего выгодных мелким феодалам и верхушке свободного крестьянства (ст.ст. 4, 5, 6, 7, 13, 15, 21, 22, 23, 24); и только 3 статьи могли быть особенно выгодны баронам, хотя и носили общий характер: ст. 14, впервые запрещавшая дарение земель в пользу церкви, ст. 19, устанавливавшая новый порядок отчетности для бейлифов крупных лордов, и ст. 20, запрещавшая арендаторам разорять арендуемые земли в течение срока аренды[40].

[40] Памятники истории Англии. М., 1936, стр. 168—178.

Таким образом, латинская версия Вестминстерских провизий в основном отражает интересы низших слоев господствующего класса.

Еще больший интерес с этой точки зрения представляют «временные» французские статьи Вестминстерских провизий. В них содержится постановление о том, чтобы в каждом графстве были назначены специальные лица для приема жалоб на притеснения шерифов и бейлифов, совершенные между судебными объездами, и созданы комиссии из 4-х рыцарей для повседневного наблюдения за действиями шерифов. Далее устанавливается новый порядок выборов шерифа путем избрания 4-х вальвасоров, из которых в казначействе делается выбор. Но французские статьи провизий этим не ограничиваются. В них имеется постановление о том, чтобы в окружении короля постоянно находились двое или трое «малых людей», — то есть чтобы в совет были введены представители широких слоев феодалов. В то же время в провизиях зафиксировано, что по два «добрых человека» от каждого графства должны заседать в совете казначейства и участвовать в разборе всех дел, касающихся шерифов, продажи земель, права опеки и т. д. [41]. Эти требования носят уже общеполитический характер и обнаруживают новую тенденцию со стороны мелких и средних феодалов, — добиться доли участия в центральном управлении страной.

Это была первая самостоятельная общеполитическая программа рыцарства и примыкавших к нему фригольдерских слоев, на этот раз отличная как от программы баронов, так и от политической линии королевского правительства. Появление этой программы означало раскол в антиправительственной коалиции, который на этот раз не привел немедленно к очередному соглашению между мелкими феодалами и королем. С этого момента вплоть до 1267 г. рыцарство и примыкавшие к нему слои свободных держателей сохраняли эту самостоятельную политическую позицию и если шли на соглашение с баронством, то лишь с той его частью, которая, подобно Симону де Монфору, во всяком случае формально, признавала законность их требований [42].

---

[41] Annales Burtoniae, pp. 471—480.

[42] Как заметил еще Д. М. Петрушевский эта же политическая программа прозвучала в поэме «Битва при Льюисе», написанной позднее — в 1264. Неизвестный автор этой поэмы подчеркивает, что в выборе советников король должен считаться с мнением «общины королевства». При этом он разъясняет, что под этим названием следует понимать людей, **приезжающих с мест,** которые лучше других знают обычаи страны (см. The political songs of England from the reign of John to that of Edward II. London, 1839, pp. 110, 111). Очевидно, под людьми, приезжающими с мест, имеются в виду не бароны, а представители рыцарства.

С выступлением «бакалавров» и принятием Вестминстерских провизий в 1259 г. баронство хотя и не утратило еще руководящей роли в политической жизни страны, но вынуждено было терпеть рядом с собой политического соперника, с которым ему так или иначе приходилось считаться. Так уже первый год «баронской войны» привел к значительному усложнению политической ситуации по сравнению со всеми политическими конфликтами прошлого, в том числе и с борьбой 1215 г. Раскол антиправительственной коалиции первым своим последствием имел раскол внутри самого баронского лагеря. Помимо немногочисленных сторонников короля, оставшихся верными ему, среди баронов уже в 1259 г. наметились две партии, между которыми, хотя они неоднократно потом снова объединялись, существовала глухая вражда и недоверие, — партия олигархов, возглавлявшаяся сначала Ричардом, затем Гильбертом Глостерским, и менее многочисленная группа, считавшая для себя необходимым и даже полезным союз с мелкими феодалами и городами, возглавлявшаяся Симоном де Монфором.

Политические разногласия, обнаружившиеся особенно ярко в момент кризиса в среде английского класса феодалов, одновременно являлись выражением давно назревавших внутриклассовых противоречий и крайне обостряли эти противоречия. Начиная с 1261 г. они приводили к частым войнам между враждующими баронскими группировками, к непрерывным взаимным грабежам, поджогам. Издание Вестминстерских провизий не потушило пожара феодальной анархии, который вспыхнул с установлением олигархического режима в стране. Этот режим служил лишь прикрытием для стремления каждого из крупных феодалов Англии урвать для себя как можно больше земель, богатств и доходов. Эту чисто феодальную сторону происходившей борьбы нетрудно проследить на всех ее этапах, начиная с 1260 до 1267 г.

Характерно, что в этот период многие магнаты Англии, даже входившие в совет 15-ти, чинили препятствия представителям центральной администрации в своих владениях, хотя эта администрация, как будто бы находилась теперь в руках самих баронов [43]. В течение всего периода войны сторонники короля и бароны использовали всякий повод для захвата земель и имущества своих противников.

В 1263 г. Симон де Монфор и его сторонники захватили имущество наиболее ненавистных им советников короля, дви-

[43] В 1260 г. граф Герефордский, например, не пустил в свои владения королевского разъездного судью (W. Rishanger. Chronica et Annales, R. S., No. 28, vol. II. London, 1865, p. 5).

жимые, как пишет хронист Томас Уайкс, — правда, недоброжелатель Симона, «недостойной жаждой наживы, с тем, чтобы пополнить постыдным грабежом свою пустую казну и (удовлетворить) ненасытную жадность» [44]. После битвы при Льюисе, Симон де Монфор и его сподвижники стали захватывать земли сторонников короля, взятых ими в плен. При этом, как утверждает Томас Уайкс, Симон де Монфор лично захватил 18 бароний [45]. О массовых захватах и грабежах земель роялистов 1264—1265 гг. сообщают и хронист Джон Трокелоу, сочувствующий Симону де Монфору, а также протоколы королевских судов за эти годы [46]. В свою очередь и сторонники короля сейчас же после своей победы при Ивземе начали захватывать в свою пользу земли своих противников, объявив их «лишенными наследства» [47].

Корыстные цели большинства баронов, как сторонников короля, так и приверженцев баронской олигархии и самого Симона де Монфора, проявились в той легкости, с которой они переходили из одной партии в другую, если это сулило им материальные выгоды, или если они считали себя чем-нибудь обиженными. Так, в начале 1264 г., незадолго до битвы при Льюисе, многие бароны стали покидать Симона де Монфора и переходить на сторону короля, который старался привлечь их всякого рода пожалованиями [48]. Уже после Льюиса граф Глостерский покинул Симона де Монфора из-за того, что последний захватил замки, на которые он претендовал. Характерным примером беспринципности баронов в борьбе с королем является то, что накануне битвы при Льюисе они предложили ему мир и даже обязались уплатить 30 000 фунтов в возмещение того ущерба, который они нанесли королевству своими военными действиями [49].

Характерно, что даже наиболее последовательные из сторонников Симона де Монфора, возглавившие после битвы при Ивземе движение «лишенных наследства», сравнительно быстро покинули свои отряды, чтобы легче договориться с королем на выгодных для себя условиях. Симон де Монфор младший бросил своих сподвижников сначала в Кенильворте, затем на острове Оксхолме, сдавшись королю и согласившись на изгнание при условии, что ему ежегодно будут пла-

---

[44] Th. Wykes. Chronicon vulgo dictum. Chronicon Thomas Wykes. in: Annales Monestici, R. S., No. 36, vol. VI. London, 1869, p. 134.
[45] Ibidem, p. 153.
[46] J. Throkelowe. Annales, R. S., No. 28, vol. I. London, 1866, p. 10. Pl. Abbr. 1264—1265 гг., passim.
[47] См. Annales Dunstapliae, R. S., No. 36, vol. III, p. 239.
[48] W. Rishanger. Chronica. R. S., No. 28, vol. II, p. 12.
[49] Ibidem, p. 25.

тить 500 м. из казначейства [50]. Феодал Джон Дейвилл, сначала возглавлявший сопротивление «лишенных наследства» на о-ве Или, в самый разгар войны покинул осажденных, бежал весной 1267 г. в Лондон, который в это время был в руках эрла Глостерского, очевидно, надеясь выторговать у Генриха III какие-то уступки, а затем после сдачи Лондона королю был полностью амнистирован, может быть, в награду за свое предательство [51]. Адам Гэрдон, возглавлявший отряд «лишенных наследства», действовавший в районе Винчестера, осажденный принцем Эдуардом в лесу Оултон, без боя сдался ему. В благодарность за это победитель отправил его с рекомендательным письмом к своей матери королеве, а затем, «вернув ему все его наследственные земли, всегда доверял ему и заботился о нем» [52].

Были среди баронов и такие, как Роберт Феррерс, который, по словам хрониста, «не будучи сторонником ни короля, ни баронов, но как бы под именем баронов» собрав большое войско, захватил город Вустер и грабил без разбора владения духовных и светских феодалов, в том числе и самого короля [53].

Столкновение личных интересов отдельных баронов приводило к настоящим феодальным войнам, хотя они иногда и велись под прикрытием общеполитических лозунгов, вроде защиты Оксфордских провизий. Нападения же феодалов друг на друга, взаимные грабежи и поджоги были повседневными явлениями в течение всех лет борьбы [54].

Такова была оборотная сторона созданного Оксфордскими провизиями режима баронской олигархии, который разбудил у многих баронов старый дух сепаратизма и неповиновения центральной власти.

И все же, несмотря на этот разгул феодальной анархии, политическую борьбу 1258—1267 гг. нельзя рассматривать лишь как борьбу отдельных феодальных клик — «войну баронов», как ее обычно называют в буржуазной историографии. Она имела и другую, более важную сторону, связанную с более глубокими социальными и политическими противоречиями внутри класса феодалов Англии. За спиной борющихся феодальных клик стояли различные социальные группировки, что определяло общую политическую линию каждой из этих

---

[50] Annales Waverlaya, R. S., No. 36, vol. II, p. 368.
[51] Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 199.
[52] W. Rishanger. R. S., No. 28, vol. II, pp. 48—49.
[53] Ibidem, p. 13.
[54] За годы 1260—1268 только по данным Placitorum abbreviatio насчитывается около 50 таких случаев, имевших место в разных графствах Англии. На самом деле их, вероятно, было гораздо больше.

клик, несмотря на то, что все они в одинаковой мере увлекались взаимными войнами и грабежами.

Королевская партия и партия графа Глостерского в социальном отношении были более или менее однородны, представляя главным образом крупную феодальную аристократию страны. Их расхождения носили скорее политический характер. Сторонники короля, состоявшие из придворных феодалов иностранного и английского происхождения, стремились к восстановлению сильной королевской власти, в расчете вернуть себе вновь былую власть и доходы в стране. Короля поддерживали также магнаты Уэльсской марки, заинтересованные в сильном правительстве, для продолжения успешных войн с Уэльсом, князья которого оказались союзниками Симона де Монфора. Основная часть баронов, возглавлявшаяся эрлом Глостерским, занимала все время, начиная с 1259 г., промежуточную позицию между королевской партией и партией Симона де Монфора. Она стояла на платформе Оксфордских провизий, опасаясь, с одной стороны, восстановления самодержавия Генриха III, а с другой стороны, не желая допустить рыцарство в органы центрального управления. Эта часть баронов, и в первую очередь их вождь граф Глостерский младший, много раз сменяли свою позицию за период с 1260 по 1267 г. [55].

Наконец, третья часть баронов, возглавлявшаяся Симоном де Монфором графом Лейстерским, имела значительно более широкую социальную базу. За спиной этой небольшой группы баронов с начала 1259 г. стояли широкие слои рыцарства, зажиточных фригольдеров и горожан. Требования этих слоев населения во многом определяли поведение этой баронской группы во время войн. Мы показали выше, что Симон де Монфор и его ближайшие сподвижники — бароны были не менее своекорыстны, чем другие бароны Англии, и едва ли особенно стремились к политической свободе для «всех». Но будучи вынуждены в борьбе с королем и графом Глостерским опираться на рыцарство и горожан, они поневоле должны были считаться с их пожеланиями в своей политике и даже привлекать их к решению некоторых общеполитических вопросов, как это делал Симон де Монфор, созывая свои парламенты. Эта группа баронов, как и вся возглавлявшаяся ими партия, выдвигала объективно более прогрессивную политическую программу, чем другие баронские группировки, с которыми она вела борьбу. Общеизвестно, что рыцарство и при-

[55] Именно эту часть баронов Симон де Монфор «считал переменчивыми и легко меняющими свои позиции» (Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 160).

мыкающие к нему слои фригольдеров составляли на всех этапах борьбы главную опору и движущую силу партии Симона де Монфора. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом достаточно, исследованном вопросе[56].

Гораздо интереснее, насколько это возможно, выяснить роль городов в политическом конфликте 1258—1267 гг., которая изучена гораздо слабее. Участие большого количества городов в событиях этой борьбы наряду с самостоятельным выступлением в ней рыцарства составляет новую черту всего конфликта по сравнению с конфликтами более раннего периода. Лондон, правда, сыграл значительную роль уже в 1215 г. Однако особенностью политических событий 60-х гг. XIII в. было то, что в них наряду с Лондоном весьма активно участвовали многие другие города страны. При этом роль горожан изменялась по мере развития событий. В 1258 и 1259 гг. городское сословие в целом поддерживало общие коалиционные выступления, возглавленные баронами, но не играло активной роли в выработке и издании ни Оксфордских, ни Вестминстерских провизий.

Когда с 1261 г. между баронами и королем начались вооруженные столкновения, часть городов стала активно поддерживать баронов, а затем группировку Симона де Монфора, другая часть оставалась верной королю. Некоторые же города неоднократно меняли свою позицию. К сожалению, в тех источниках, которыми мы располагаем, содержатся лишь отрывочные и часто неясные сведения о позиции городов и притом далеко не всех[57]. Более или менее полно освещена лишь роль Лондона и не только в смысле его участия в общеполитической борьбе, но и с точки зрения той борьбы, которая происходила в самом городе.

Не претендуя на исчерпывающее решение этого вопроса, мы выскажем некоторые наши соображения, к которым мы пришли на основании анализа этих скудных источников.

---

[56] Этот вопрос достаточно ясно освещен в работах Джекоба (ук. соч., pp. 300—309); Д. М. Петрушевского. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр. 146—122; Ш. Пти-Дютайи. Феодальная монархия во Франции и в Англии. М., 1937, стр. 306—309, а также в статье Трехарна «Knights in the period of reform and rebellion 1258—1268». B. I. H. R., № 62, 1946.

[57] Мы располагали по этому вопросу лишь материалами хроник, которые, как правило, касаются позиции городов мимоходом, в связи с общим ходом войны. Поэтому в них упоминаются только отдельные города, вокруг которых происходили военные действия и почти ничего не говорится о внутренней жизни городов в этот период и тех побуждениях, которые заставляли их поддерживать ту или другую партию. Материалы такого рода следует искать в городских архивах, публикациями которых для этого периода мы не располагали ни в московских, ни в ленинградских библиотеках.

На стороне Симона де Монфора с 1263 г. до конца войны в 1267 г. неизменно оставались Лондон, позиция которого во многом определила успехи графа Лейстерского[58], конфедерация Пяти портов[59], Герефорд[60], Бристоль,[61], Линкольн[62], Бэри Сент-Эдмундс[63], Оксфорд[64], Нортгемптон, Скарбору.

На стороне роялистов более или менее постоянно находились Винчестер[65] (хотя он неоднократно переходил из рук в руки), Норич, Рочестер, оказавший в 1265 г. упорное сопротивление войскам Симона де Монфора младшего[66], Ярмут[67], Вустер[68], Бриджуотер[69], Дэнвич[70]. Вероятно, в борьбе принимали участие и другие города, о которых мы просто не имеем сведений.

Причины столь различного поведения городов, очевидно, зависели от внутренних условий жизни каждого из них. Как правило, наиболее последовательными союзниками партии Симона де Монфора являлись те города, в которых к середине XIII в. особенно обострились внутренние социальные противоречия и у власти временно оказались представители средних и

---

[58] В 1263 г. лондонцы добровольно впустили в город Симона де Монфора с войском и затем отказались впустить короля. Массы лондонцев принимали участие в большом восстании против сторонников короля — Ричарда Корноульского и других, — происходившем в Лондоне осенью 1263 г. Отряд лондонцев сопровождал Симона де Монфора при осаде им Рочестера в начале 1264 г. В битве при Льюисе отряд лондонцев составил отдельную часть армии Монфора. Сдавшись на милость короля после Ивзема, лондонцы весной 1267 г. вновь отворили ворота графу Глостерскому, поднявшему новое восстание в пользу «лишенных наследства».

[59] Города конфедерации Пяти портов оставались верными Монфору на всем протяжении войны, не пуская в свои крепости королевские войска. В 1264—1265 гг. они ревностно охраняли южное побережье Англии от возможных вторжений с континента, которые подготовлялись во Франции королевой. Они сопротивлялись королю и после Ивзема, продолжая пиратствовать на море и укрываясь с семьями на кораблях от наступления королевских армий.

[60] За участие в войне на стороне баронов уплатил в 1266 г. штраф 560 м. (Close rolls of the reign of Henry III, vol. 13, p. 36); Callendarium rotulorum, Patentium, p. 36.

[61] Уплатил тоже штраф (Callendarium rotulorum patentum, p. 36).

[62] Уплатил в 1267 г. штраф 1000 ф. (ibidem, p. 40).

[63] Осажден войсками короля в 1267 г. (ibidem, p. 40).

[64] В 1266 г. уплатил штраф в 500 м. за участие в войне (ibidem, p. 39).

[65] Th. Wykes R. S., No. 36, vol. IV, p. 169; Annales Waverlaya. R. S., No. 36, vol. II, p. 363.

[66] Ibidem, p. 146.

[67] Close rolls of the reign of Henry III, vol. 13, p. 224.

[68] За помощь королю во время войны в 1270 г. ему были сокращены размеры тальи (ibidem, vol. 14, p. 180).

[69] В 1268 г. был освобожден от уплаты фирмы за 4 года в награду за помощь королю в войне (ibidem, vol. 13, p. 478).

[70] В 1268 г. по той же причине был освобожден от уплаты фирмы за 4 года (ibidem, vol. 13, p. 443).

низших слоев горожан. Эти последние рассчитывали на поддержку нового правительства, тогда как представители свергнутой городской верхушки искали союза со сторонниками короля. Ярче всего эту зависимость между социальной борьбой в городах и позицией городов в гражданской войне можно проследить на примере Лондона.

Переход столицы на сторону Симона де Монфора в 1263 г. был связан с внутренним переворотом, поставившим у власти элементы, сочувствовавшие политике оппозиционеров. Томас Уайкс определенно говорит, что Симону де Монфору в 1263 г. удалось войти в город «благодаря содействию некоторых, хотя и немногих граждан, из которых главные были мэр Томас фиц Ричард[71], Томас Пинлесдон, Мэтью Бэккерель и Майкл Тони, к которым присоединилось огромное множество всяких буянов, называвшихся бакалаврами». При этом хронист добавляет, что вступлению Симона в Лондон сопротивлялись городские старшины и мудрые люди, которые, однако, не в состоянии были этому воспрепятствовать[72]. Это сообщение Уайкса в общем подтверждается и Лондонской хроникой, которая сообщает, что когда в 1263 г. Генрих III двинулся к Лондону, после неудачной осады Дувра, чтобы окружить армию графа Лейстерского в Саутверке, «народ (vulgus), то есть община (communitas) Лондона, увидев это его намерение, бросился к воротам, сломал тяжелые цепи и побежал на помощь к Симону; и таким образом в этот день Симон со своим небольшим войском был избавлен от опасности»[73]. Обе хроники подчеркивают, что помощь Монфору оказал «народ», «община», «бакалавры», очевидно, против желания городской верхушки — «старшин и мудрых людей». И это неудивительно.

Из лондонских источников известно, что мэр Томас фиц Томас, которого Уайкс ошибочно называет фиц Ричардом, избранный в 1263 г. на общем собрании горожан, правил, не считаясь с мнением олдерменов и старшин, опираясь на поддержку более широких слоев городского населения[74]. Вместо того чтобы, воспользовавшись войной, потребовать от короля или баро-

---

[71] Th. Wykes здесь ошибся в имени мэра. Мэром Лондона в это время был Томас фиц Томас.

[72] Th. Wykes. R. S., № 36, vol. IV, p. 138. «Interim fautoribus suis undequaque convocatis, comes Leicestriae civitatem Londoniae, faventibus sibi quibusdam licet paucis civibus, quorum praecipui fuerent. Th. f. Ricardi major urbis, Thomas Pynlesdone, Matthaeus Bukerel et Michael Tony, quibus annexa fuerat innumera multitudo ribaldorum quos bachilarios vocitabant ingrediens occupavit, senioribus urbis et sapientibus reclamantibus et contradicantibus sed impedere non valentibus...».

[73] Annales Londoniensis. R. S., No. 76, vol. I, p. 60.

[74] Liber de antiquis Legibus, цит. по книге G. Unween. The gilds and companies of London, vol. I, London, 1908, pp. 63—64.

нов новые городские привилегии, о которых мечтали олдермены, извлекавшие главные выгоды из этих привилегий, он стал проводить реформу городского управления в интересах цехов. Новый мэр объявил, что члены каждого цеха могут вырабатывать выгодные им постановления, которые он опубликует в городе и будет строго соблюдать. Цехи начали издавать новые статуты к ущербу для купцов, прибывающих в Лондон и на ярмарки Англии, особенно для иностранцев [75]. Таким образом, едва ли можно сомневаться, что переворот 1263 г. в Лондоне означал временную победу цехов над городской верхушкой и сопровождался значительной демократизацией городского управления.

Эти данные проливают свет и на социальную опору Симона де Монфора в Лондоне. Среди его сторонников Уайкс называет немногих «граждан», возглавивших движение, и множество буянов — «бакалавров». Употребляя слово «буяны» (ribaldi), он хочет подчеркнуть свое пренебрежение к низкому общественному положению и моральному уровню этих людей, вполне естественное в устах ярого противника Симона де Монфора [76]. Противопоставляя их «немногим гражданам», возглавившим движение, и старшинам, он как бы подчеркивает их неравноправное положение в городе, что как будто бы позволяет видеть в них представителей городского плебейства. Однако название «бакалавров», употребляемое хронистом наряду с термином ribaldi, никак не вяжется с представлением о плебействе. Мы уже видели, что в применении к сельскому населению оно в XIII в. означало вполне достойных, уважаемых, хотя и не особенно влиятельных людей — мелких вассалов, крупных сеньеров, рыцарей и зажиточных фригольдеров. Очевидно, по аналогии оно переносилось в городах на второстепенных, менее влиятельных жителей, выступавших против городской олигархии. Такое толкование этого термина вполне согласуется с определениями сторонников Симона де Монфора в Лондоне, которое дает Лондонская хроника «vulgus», «communitas». Последнее никак не могло означать городское плебейство, но, по-видимому, должно было обозначать мелких мастеров, торговцев, формально пользовавшихся правами городского гражданства.

То, что мы знаем о политике фиц Томаса в Лондоне еще более убеждает нас в том, что во главе партии реформ там

---

[75] G. Unween. Op. cit., vol. I, p. 64.

[76] Согласно Дюканжу: «ribaldi inter vilissimos hominum habiti, quorum vita nullius erat momenti, ex colonibus fere semper delecti... ut igitur id hominum genus ex ganeonibus otissimum confletum erat, usurpat deinde ribaldorum vox pro hominibus vilissimis, abjectis, perditos, scortatoribus». Glosserium. Paris, 1845, vol. V, p. 765.

стояла масса цеховых ремесленников и мелких торговцев. Это вполне соответствует той стадии внутригородской социальной борьбы — борьбы между цехами и купеческо-ростовщической городской верхушкой, которая в этот период была характерна для Лондона и других крупных городов Англии[77]. Что касается городского плебейства, которое в XIII в. в таком большом городе, как Лондон, было уже довольно многочисленно, то оно, конечно, поддерживало цеховую массу в ее борьбе, активно участвуя во всех проявлениях этой борьбы, но едва ли могло определять ее ход и характер. Тем более это относится к другим менее развитым городам Англии, где в XIII в. еще не сложились большие массы плебейского населения.

Нечто подобное происходило, очевидно, и в других городах, поддерживавших Симона де Монфора, хотя мы имеем об этом лишь очень неясные сведения. Так нам известно, что в Оксфорде в 1262—1263 гг. происходили ожесточенные конфликты между городом и университетом, причем горожане стояли за поддержку Симона де Монфора, а клирики — за короля[78]. Известно также, что в 1266 г. там были свергнуты представители городской верхушки[79]. В некоторых случаях Симона де Монфора поддерживали и те города, которые в этот момент вели борьбу со своим сеньером, как это было в Бери Сент-Эдмундс.

Конфедерация Пяти портов поддерживала сначала баронов против короля, потому что в 1258 г. получила полную независимость в своих внутренних делах в результате отмены наследственной должности «правителя Пяти портов» (warden), представлявшего в конфедерации интересы короля. Затем города конфедерации прочно держались за Симона де Монфора, так как были заинтересованы в проводимой им политике ограничения иностранной торговли. Обострение социальной борьбы во многих английских городах в период «баронской войны» и ослабление власти городской олигархии констатирует тот же Томас Уайкс, отмечая, что по примеру Лондона «по всему королевству Англии утвердился ужасный обычай, по которому во всех почти городах и бургах составлялся заговор буянов, которые публично называли себя бакалаврами и с наглостью и насилием притесняли «старших людей» этих горо-

---

[77] Подробнее об этом см. в статье автора «Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII—XIII вв.». Сб. «Средние века», вып. IX, М., 1957, стр. 246—252.

[78] Annales de Wintonia, in Annales Monestici. R. S., No. 36, vol. II, pp. 100—101.

[79] E. F. Jacob. Op. cit., p. 285.

дов и бургов»[80]. По-видимому, война баронов с королем, самостоятельные выступления рыцарства и общая политическая неурядица в стране привели к взрыву внутренних противоречий в городах, который в свою очередь оказал весьма большое влияние на самый ход дальнейшей политической борьбы.

Но не во всех городах «бакалавры» оказались победителями. Там, где городская верхушка осталась у власти, она весьма настороженно отнеслась к партии Симона де Монфора, во-первых, потому, что видела в ней поддержку своих внутренних врагов, во-вторых, потому, что держась за свои городские привилегии, скрепленные хартиями королей, боялась потерять их, в случае если Генрих III будет лишен власти. Поэтому, когда началась вооруженная борьба между Симоном и королем, эти города оказались на стороне последнего. Так действовал, например, один из крупнейших городов Англии Норич, который, получив незадолго до 1258 г. широкую хартию, очевидно, боялся, что она утратит свою силу в случае окончательного поражения короля. Так действовал и Винчестер, что не помешало, однако, винчестерцам использовать общую политическую ситуацию для того, чтобы напасть на приорство St. Swythini, находившееся в городе, которое было ими полностью разорено [81].

Ярмут поддерживал королевскую партию главным образом из-за морского соперничества с городами конфедерации Пяти портов. Такие же локальные интересы, которые мы не всегда можем учесть, определяли, вероятно, роялистские симпатии и некоторых других городов. Это указывает на то, что в политической борьбе 1258—1265 гг. английские города хотя и приняли активное участие, но не могли еще выступить согласованно и выдвинуть свои самостоятельные общесословные требования, подобные требованиям рыцарства, выраженным в Вестминстерских провизиях. Это объяснялось отчасти неравномерностью развития городов, отчасти же тем, что это были феодальные города, в жизни которых преобладали локальные интересы. Поглощенные своей повседневной борьбой за городские привилегии, слабо связанные между собой и не осознавшие еще своей политической силы в масштабе всей страны, многие из них старались использовать политическую борьбу 60-х гг. лишь для расширения своих привилегий. Характерный

---

[80] «Ex hac igitur protervia per universum regnum Angliae consuetudo detestabilis inolevit, quod in omnibus poena civitatibus et burgis, fierat conjuratio ribaldorum, qui se bachilarios publice proclamabant et majores urbium et burgorum violentis ausibus opprimebant» (Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 138).

[81] Annales de Wintonia. R. S., No. 36, vol. II, p. 101.

пример этих локалистских настроений представляет позиция города Линна, крупнейшего центра хлебного экспорта Англии. Сначала Линн, очевидно, поддерживал партию де Монфора, может быть, рассчитывая получить с его помощью новые привилегии. Это видно из того, что он был лишен королем всех привилегий, а также из того, что в 1267 г. один из вождей «лишенных наследства» Джон Дейвил просил у линнцев помощи в войне с королем [82]. Однако к этому времени в Линне, очевидно, верх взяли представители городской верхушки. Вместо того чтобы поддержать «лишенных наследства», засевших на о-ве Или, жители Линна, «явившись к королю, обещали ему, что если король пожелает вернуть им их вольности, они ему представят засевших на острове мятежников живыми или мертвыми». Получив согласие, они предприняли, правда неудачный, поход на Или [83]. Таким образом, Линн попытался ценой предательства вернуть свои привилегии, утраченные ранее в борьбе с королем.

Но дальнейшее расширение и углубление политического конфликта 1258—1267 гг. не ограничилось вовлечением в него городов. В процессе его развития в него оказались вовлеченными также, по-видимому, широкие массы крестьянства, во всяком случае свободного. Наиболее широкий размах крестьянских движений, как свидетельствуют источники, относится к периоду 1264—1267 гг. Опираясь на протоколы судебных расследований о правонарушениях, совершенных в эти годы, Джекоб констатировал участие во всевозможных столкновениях, происходивших в это время во всех областях Англии, свободных крестьян и притом часто весьма бедных [84]. Пти Дютайи считал несомненным участие крестьянства в «баронской войне» на последнем ее этапе [85]. Однако ни тот, ни другой не ставили вопроса о воздействии этих выступлений крестьянства на ход войны 1264—1267 гг. и на ее политические результаты. И этот вопрос в сущности совершенно не рассматривается в современной буржуазной историографии.

В советской медиевистике, напротив, он вызывает в последнее время законный интерес. Ему посвящено значительное место в упомянутых выше кандидатских диссертациях А. П. Геллертова и С. А. Пустовойт. Однако, несмотря на это, он представляется нам недостаточно ясным, во всяком случае

---

[82] W. Rishanger. Chronica. R. S., No. 28, vol. II, p. 44; Close rolls of the reign of Henry III, vol. 13, p. 369.

[83] W. Rishanger. Op. cit., p. 45.

[84] E. F. Jacob. Op. cit., pp. 223—225, 300—307.

[85] Ш. Пти Дютайи. Феодальная монархия во Франции и в Англии. М., 1938, стр. 328.

в отношении общего характера крестьянских движений периода политического кризиса 1258—1267 гг. Поэтому, несмотря на наличие специальных исследований по этому вопросу, мы считаем нужным высказать некоторые наши соображения в связи с этой очень важной и сложной проблемой.

Сложность проблемы, которая является главной причиной недостаточно полной ее разработки в советской медиевистике, определяется главным образом скудостью и сбивчивостью данных, которые имеются в источниках. Главные из них — хроники, принадлежащие по большей части перу представителей господствующего класса, настолько же скупы в описании крестьянских выступлений 60-х гг., насколько подробно они освещают даже самые маловажные поступки крупных баронов Англии. Дошедшие до нас протоколы судебных разбирательств о правонарушениях, совершенных во время гражданской войны, часто не указывают социального статуса обвиняемых, что не дает возможности выделить крестьянские выступления из массы феодальных эксцессов, о которых мы говорили выше. Тем не менее все наши источники, одни более, другие менее отчетливо, свидетельствуют о том, что в рядах сторонников Симона де Монфора, особенно после битвы при Льюисе и вплоть до конца 1267 г., находилось большое количество представителей низших слоев населения, и в частности крестьян. Об этом говорят, во-первых, постоянные упоминания хроник об огромном количестве сторонников Симона де Монфора и об участии в борьбе «народа» («populus»), который как бы противопоставляется хронистами баронам [86]. Конечно, значение слова «populus» в хрониках крайне неопределенно и допускает различные толкования. Однако поскольку хронисты обычно отдельно называют «рыцарей», «оруженосцев», «баронов» и «горожан», то можно думать, что под этим более широким названием хотя бы отчасти скрывались простые сельские жители — крестьяне.

Восхваляя Симона де Монфора, хронист Ришанжер подчеркивает, что он отдал свою жизнь, чтобы «облегчить притеснения бедняков» [87]. Хотя с такой оценкой Симона де Монфора по существу едва ли можно согласиться, но то, что хронист связывает имя этого политического деятеля с бедняками, за-

---

[86] Т. Уайкс указывает, что передача спора между баронами и королем на рассмотрение Людовика IX была произведена с согласия духовенства и народа (R. S., No. 36, vol. IV, p. 138). Рассказывая о том, что Симон де Монфор стал организовывать в 1264 г. охрану побережья, вустерский хронист пишет: **«Populus etiam terrae, diversae conditionis et** aetatis ex edicto comitum et baronum ad portus maris ad littera venire non distulit» (R. S., No. 36, vol. IV, p. 453. Подчеркнуто нами.— *Е. Г.*).

[87] W. Rishanger. R. S., No. 28, p. 36.

ставляет думать, что в рядах партии Симона де Монфора было много людей бедных и низкого звания. В некоторых случаях хроники прямо подчеркивают низкое сословное положение участников движения, особенно когда речь идет о движении «лишенных наследства» 1265—1267 гг.

Томас Уайкс, например, называет защитников Кенильворта «неблагородными», или «низкого сословия» людьми (degeneres) [88]. Он же пренебрежительно называет их «vispiliones», или «vespiliones» — словами, которые могут означать «бродяги», «буяны», грабители, обитающие в окрестностях, и напоминают по значению уже знакомое нам название «ribaldi» [89].

Поскольку он обычно называет отдельно рыцарей и оруженосцев, как руководителей движения, можно думать, что это пренебрежительное название он относит к людям низшего ранга, сходившимся под их знамена, то есть скорее всего к окрестным крестьянам.

Гишанжер, рассказывая о нападении повстанцев с острова Или на город Норич, указывал, что они побудили к этому нападению «простой народ» (plebem vulgarem) [90]. О широком участии простого народа в движении «лишенных наследства» в 1265—1267 гг. косвенно свидетельствует огромный размах этого движения, распространившегося по многим графствам Англии. Томас Уайкс намекает, что повстанцы захватили остров Или при попустительстве окрестных жителей, по-видимому, крестьян, которые и в дальнейшем им не сопротивлялись [91].

Еще важнее более ясные свидетельства документальных источников. Кенильвортский приговор среди лиц, которые могут выкупить конфискованные у них после Ивзема земли или просто получить прощение, называет арендаторов (ст. 24), мирян (ст. 21),— очевидно, крестьян, так как феодалы, рыцари и оруженосцы поименованы отдельно, и таких лиц, у которых «нет ничего» (ст. 14) [92]. Под всеми этими категориями, хотя бы частично, по-видимому, скрывалось свободное крестьянство, в том числе и беднота, у которой «ничего нет». Но наиболее точные и определенные сведения на этот счет нам сообщают протоколы судебных расследований в графстве Сэффок, в которых, как выяснил Джекоб, в качестве обвиняемых в грабежах и прочих правонарушениях, совершенных в период

---

[88] Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 182.

[89] См. Дюканж. Vespilio — Grossator nocturnus; vispilio eodem notione. (Glossarium, Paris, 1845, vol. 6, p. 785); ibidem, vispiliator — Grossator latrones, homicidae et vispiliatores in circumvicinis locis habitantes (ibidem, vol. 6, p. 856).

[90] W. Rishanger. R. S., No. 28, vol. II, p. 44.

[91] Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 192.

[92] Dictum de Kenilworth. Select Charters. Oxford, 1874, p. 413.

1264—1267 гг., прямо упоминаются мелкие и мельчайшие свободные крестьяне [93].

В судебных протоколах по искам, которые возбуждались отдельными феодалами по поводу нападений на их земли и их ограблений, имевших место во всех почти графствах Англии в период 1260—1268 гг. встречаются такие случаи, где обвиняемыми, по всей видимости, были не феодалы, а крестьяне [94]. Большинство таких случаев падает на 1265, 1266, 1267 гг.,— как раз на период движения «лишенных наследства». Участие крестьян в такого рода нападениях, грабежах и поджогах феодальных поместий можно более или менее уверенно констатировать в тех случаях, когда в качестве обвиняемых перечисляются 20, 30 и более человек или их перечисление заменяется словом «plurimi», «multi», «multi alii» и т. д. Участие крестьян очевидно и в тех случаях, когда в качестве обвиняемых называются люди, носящие кличку «carectarius», «molendinarius», «pistor», «messor», очевидно, возглавлявшие крестьян своей деревни или местечка. Наконец, участие крестьян в акциях такого рода почти совершенно несомненно, если во главе нападающих стоял приходский священник, который, очевидно, мог набрать отряд только из окрестных крестьян. Всего в протоколах Placitorum abbreviatio за период 1260—1268 гг. нам удалось насчитать 30 таких случаев [95].

Но помимо этих самостоятельных набегов на владения феодалов, участие крестьянства в происходивших событиях несомненно выражалось и в том, что они совершали подобные акции также под руководством феодалов, своих лордов или командиров отрядов «лишенных наследства». Если даже в мирное время, как мы отмечали, крестьяне иногда действовали против лордов-огораживателей вместе со своими лордами и под их руководством, то тем более это было возможно в период общего политического кризиса и ожесточенной борьбы внутри класса феодалов. Развитие этого общего кризиса должно было способствовать обострению классовых противоречий в деревне, которые, как мы видели, все время усиливались от начала к середине XIII в. В частности, этому должны были способствовать все бедствия разрухи и междоусобицы, которые особенно тяжело отражались на положении крестьянства.

Хронисты — современники событий отмечают, что больше всего от непрерывных войн 1263—1267 гг. страдали бедные

---

[93] E. F. Jacob. Op. cit., pp. 300—328, также Appendix.

[94] Pl. Abbr. за 1260—1268 гг., passim.

[95] Ibidem, pp. 157, 158(3), 160(3), 162(10), 163(3), 165(2), 166(2), 167(2), 169(2), 171, 174(2) и др.

сельские жители [96]. Положение массы свободного крестьянства еще более ухудшилось, когда после битвы при Льюисе начались земельные конфискации у роялистов, а затем после Ивзема — у сторонников Симона де Монфора. Многие свободные держатели, иные по доброй воле, а иные по принуждению, в качестве вассалов своих сеньеров, участвовали в войне и поэтому также являлись жертвами этих земельных конфискаций, которые многих из них полностью разорили. Этим, очевидно, объясняется массовый характер движения «лишенных наследства» в 1265—1267 гг. и то отчаянное упорство, которое они проявляли в борьбе с королем даже после того, как их покинули руководители движения — бароны и рыцари. Так, осажденные в Кенильворте сопротивлялись более 16 месяцев, а «лишенные наследства», засевшие на острове Или, еще долго держались после бегства в Лондон их вождя Джона Дейвила. Это упорное сопротивление, очевидно, имело целью добиться возвращения конфискованных земель без выкупа, так как мелкие держатели крестьянского типа, в отличие от феодалов, в большинстве случаев не имели никаких средств для выкупа земли.

Но сообщая сведения об участии крестьян в гражданской войне на последнем ее этапе, наши источники почти ничего не говорят ни о характере этого участия, ни о том, какие категории крестьянства составляли основную движущую силу этих крестьянских выступлений. По этому вопросу пока приходится ограничиваться лишь некоторыми осторожными предположениями.

Прежде всего, крайне неясен вопрос об участии в этих движениях основной массы английского крестьянства — вилланов. Ни хроники, ни судебные расследования не упоминают специально о вилланах, тогда как в материалах расследования по Сэффоку, использованных Джекобом, в качестве обвиняемых постоянно прямо называются исключительно свободные держатели liberi tenentes. Можно, конечно, предположить, что вилланы все же участвовали вместе со свободными крестьянами в нападениях на феодальные поместья, но с уверенностью говорить об их массовом участии едва ли можно.

Неясен также и вопрос о том, носили ли эти крестьянские выступления самостоятельный характер, или являлись лишь одним из проявлений общеполитической борьбы 1264—1267 гг. Что касается хроник, особенно враждебных Симону де Монфору, то они, описывая действия его сторонников, а в особенности «лишенных наследства», говорят исключительно о «гра-

[96] «Domus insuper pauperculorum ruricolorum usque ad stramentum lectorum rimebantur et expolabantur», W. Rishanger. R. S., No. 28, vol. II, p. 29.

бежах» («depraedatio»), «опустошениях» («devastatio»), разорениях («depopulatio»). «Лишенных наследства» они называют не иначе как разбойниками (praedoni), бродягами (vispiliones), грабителями (latrones). Отчасти, конечно, такую характеристику движения можно отнести за счет стремления этих хронистов очернить мятежников. Но, с другой стороны, и материалы судебных расследований также ставят им в вину почти исключительно грабежи. Сэффокские расследования, как указывает Джекоб, касаются исключительно возмещений за покражи, угон скота и т. д.

В протоколах судебных разбирательств, сохранившихся в Placitorum abbreviatio наиболее обычным обвинением в случаях нападения на маноры как крестьян, так и феодальных отрядов, являются обвинения в грабежах, реже в поджогах, еще реже — в порубке парков и лесов. Конечно, действия такого рода могли быть одной из форм стихийной крестьянской антифеодальной борьбы. Но в условиях феодальных междоусобиц и анархии, царивших в стране, акции такого рода едва ли можно рассматривать как специфические крестьянские выступления. Мы указывали выше, что подобные акты совершались одновременно с аналогичными действиями феодалов, а часто даже сливались с ними.

Характерно, что нигде в источниках за эти годы мы не встречаем упоминаний о специфических крестьянских и, в частности, вилланских выступлениях, характерных для XIII в., вообще таких, как отказ от выполнения повинностей, разрушение изгородей, сопротивление манориальной администрации, отказ платить какие-либо поборы или налоги. При просмотре протоколов судебных разбирательств по искам о нападениях на феодальные поместья создается впечатление, что в большинстве случаев действия крестьян были направлены не против своих, а против чужих лордов и тогда, когда они выступали самостоятельно, и тогда, когда они совершали наезды под руководством феодалов [97]. Все это говорит о своеобразном и несколько необычном характере крестьянских выступлений

---

[97] В этом отношении очень характерен случай, произошедший в вилле Cleybrock в графстве Лейстершир в 1266 г. Большое количество людей, видимо крестьян, напали на манор феодала Джона Босеби, расположенный в этой вилле, и ограбили его. На вызов в суд никто из них не явился, и шерифу было предложено принудить их к явке при помощи наложений ареста на их имущество. Но когда в деревню прибыл бейлиф, то «вся вилла Клейброк, за исключением людей Джона Босеби», оказала ему сопротивление и не позволила наложить арест на имущество обвиняемых. Очевидно, что люди (homines), т. е. держатели пострадавшего феодала, которые не оказывали сопротивления бейлифу, не обвинялись в нападении на манор Джона Босеби и не подлежали аресту имущества (Pl. Abbr., p. 163).

в этот период. Нельзя не учитывать и того, что все наиболее крупные отряды «лишенных наследства» хотя и включали в себя большое количество крестьян, но возглавлялись баронами или во всяком случае влиятельными рыцарями [98]. Едва ли эти феодалы, использовавшие сбегавшихся под их знамена крестьян в качестве военной силы, могли допустить, чтобы они сами по своей инициативе чинили расправу с феодалами вообще. Наконец, нельзя забывать и того, что в некоторых случаях крестьяне могли действовать по принуждению своих лордов, которые мобилизовали их в свои отряды, не считаясь с их желанием. Все эти факты убеждают нас в том, что крестьянские выступления 1264—1267 гг. нельзя рассматривать как самостоятельное антифеодальное крестьянское восстание [99].

Нам кажется, что в оценке этих движений требуется большая осторожность, во всяком случае до тех пор, пока не будут обнаружены новые источники, проливающие дополнительный свет на характер крестьянской борьбы этого периода.

Классовый антифеодальный характер этой борьбы, как правило, не выступал достаточно отчетливо и открыто, так как она чаще всего облекалась в такие формы, которые с внешней стороны мало отличались от обычных для периода гражданской войны феодальных эксцессов, о которых мы неоднократно говорили. Более того, феодалы нередко использовали общее недовольство крестьян их тяжелым положением для того, чтобы свести счеты со своими личными и политическими противниками и присвоить с помощью своих держателей деньги, земли и прочее имущество своих врагов.

При всем том, однако, в этих крестьянских выступлениях несомненно проявилось значительное обострение классовой борьбы в деревне, которое особенно заметно начало сказываться к середине XIII в. Уже тот факт, что значительные массы крестьянства, пусть даже свободного, оказались вовлечен-

---

[98] Осажденными в Кенильворте после ухода Симона де Монфора младшего командовали рыцари, принадлежавшие к знатным фамилиям — Генрих де Гастингс, Симон де Патесхюл (Annales Dunstapliae, R. S., No. 36, vol. III, p. 241), в окрестностях Винчестера большими отрядами «лишенных наследства» командовал один из магнатов Англии Роберт Ферререс и уже упоминавшийся рыцарь Адам Гэрдэн (Th. Wykes, R. S., No. 36, vol. IV, p. 189; W. Richanger. R. S., No. 28, vol. II, p. 47). «Лишенных наследства», засевших в Или, возглавляли, кроме уже упоминавшегося Джона Дейвила, рыцари Балдуин Ваке, Роберт Пеш, Николай Сергрев, Радулф Перот, которых Дэнстеплские анналы называют «командирами» (capitanei) илийцев. (Annales Dunstapliae, R. S., No. 36, vol. III, p. 246).

[99] Мы не согласны в этом вопросе с А. П. Геллертовым, который в своей диссертации без всяких оговорок называет движение «лишенных наследства» **восстанием крестьян** и даже вилланов (Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. историч. наук. Горький, 1954, стр. 16).

ными в борьбу между различными группировками класса феодалов, до которой им в сущности было очень мало дела, чрезвычайно показателен сам по себе. Он свидетельствует о глубоком недовольстве крестьянства своим положением, о его готовности использовать сложившуюся политическую ситуацию для того, чтобы любым способом облегчить свою судьбу. Общая атмосфера политической анархии и феодальных войн, царившая в стране начиная с 1262 г., облегчила и активизировала выступления крестьян. Но в то же время она придавала им отмеченную выше своеобразную окраску. Идя по линии наименьшего сопротивления, крестьяне в этот период предпочитали, вместо использования обычных для XIII в. повседневных, часто мелочных форм борьбы со своими лордами, добиваться некоторого улучшения своего положения путем захвата земли и имущества у чужих лордов — противников их сеньеров.

Выступления такого рода стимулировались и тем, что до поры до времени, они не только не наказывались, но даже поощрялись феодалами той партии, против врагов которой они были направлены. Однако в этих нападениях на отдельные маноры в 1264—1265 гг., так же как и в активном участии крестьянства в движении «лишенных наследства»— сторонников Симона де Монфора после Ивзема, несомненно проявлялась ненависть крестьянства к существующему строю, его стихийный, может быть, не вполне осознанный протест против все усиливающейся эксплуатации, которой оно подвергалось со стороны феодалов и феодального государства.

Эти массовые стихийные крестьянские движения, так же как и активность средних и низших слоев городского населения, были новостью, дотоле незнакомой политическим конфликтам XII и начала XIII в. Они свидетельствуют о значительном расширении и углублении политической борьбы в 60-х гг. XIII в. Очередной конфликт, начавшийся в 1258 г. как обычное столкновение между баронами и королем, осложнился затем самостоятельным выступлением мелких феодалов и фригольдерской верхушки, вызвал крайнее обострение социальных противоречий в городах, втянув их в борьбу между группировками феодалов, и на последнем своем этапе сопровождался массовыми выступлениями крестьянства, несомненно таившими в себе опасность настоящих антифеодальных крестьянских восстаний.

Таким образом, в политический конфликт 1258—1267 гг. оказались так или иначе вовлеченными все слои населения феодальной Англии, что составляло важную особенность этого нового этапа в политической борьбе XIII в. Уже по одному этому кризис 1258—1267 гг. нельзя рассматривать как прос-

тую баронскую смуту или «баронскую войну» и считать его главными или даже единственными участниками различные группы баронов, как это до сих пор принято в буржуазной историографии [100]. Из этих ошибочных представлений вытекает уже отмечавшаяся нами неправильная трактовка баронов, выступавших против короля в качестве защитников «народной свободы» и интересов всех слоев населения, характерная для историков вигской школы [101].

Длительный политический кризис 1258—1267 гг. скорее заслуживает названия «гражданской войны», которым мы неоднократно называли его выше, поскольку участвовавшие в борьбе различные социальные слои объективно имели разные цели и отстаивали их с оружием в руках друг против друга.

Однако это вовсе не значит, что в этой «гражданской войне» шла борьба за свободу всего английского «народа» или «нации», как обычно считали историки вигского направления. Мы уже видели, что роль различных социальных слоев в этой борьбе была очень различна. Баронство как сословная группа, представители которой в большинстве случаев примыкали к сторонникам олигархии, никак не может считаться «защитником» народной свободы. Едва ли его можно считать даже выразителем интересов всего класса феодалов в целом, не говоря уже о горожанах и крестьянстве.

Что касается партии Симона де Монфора (и лично его), то ее задачи и цели в значительной мере определялись интересами рыцарства и отчасти тех слоев городского населения, которые поддерживали эту партию. Во всяком случае, интересы этих социальных групп несомненно оказывали значительное воздействие на политику Симона де Монфора. Под их давлением он содействовал изданию Вестминстерских провизий и последовательно проводил политику преследования иностранцев, которая пользовалась горячим сочувствием не только рыцарства, но и значительной части горожан. Симон де Монфор не только преследовал иностранных советников короля, иностранных прелатов и феодалов, но в угоду преимущественно средним ремесленным и торговым слоям город-

---

[100] Подавляющее большинство буржуазных исследователей, как в XIX в., так и в наше время, пользуются для обозначения кризиса 1258—1267 гг. названием «баронской войны». Характерно, что даже Джекоб, так много сделавший для выяснения социальной борьбы, происходившей в этот период, не смог окончательно отрешиться от этого названия, озаглавив свою книгу «Studies in the period of **baronial** reform and rebellion (подчеркнуто нами. — *Е. Г.*) и постоянно употребляя термин «баронская война», хотя он берет его обычно в кавычки.

[101] Эту точку зрения в настоящее время особенно усиленно поддерживает Уилкинсон во всех упоминавшихся нами работах.

ского населения проводил политику ограничения торговли иностранцев в Англии. Повествуя о том, как Симон де Монфор в 1264 г. приказал горожанам конфедерации Пяти портов охранять доступ в Англию с моря, Томас Уайкс сообщает, что жители этих городов, воспользовавшись этим распоряжением при помощи пиратских действий на море совершенно прекратили ввоз в Англию иностранных товаров. Хронист сетует на то, что в связи с этим очень возросли цены на импортные товары, но при этом вынужден признать, что эта мера пользовалась сочувствием простого народа. Он пишет: «Для того, чтобы пустыми утехами порадовать слух простого народа, граф объявил, что жители Англии могут прекрасно обходиться собственными товарами, без иностранного подвоза» [102]. Зная враждебное отношение английского купечества и ремесленных слоев горожан к иностранной торговле, можно думать, что Симон де Монфор руководствовался в этом случае не только интересами безопасности страны, но и экономическими выгодами городов.

Влияние рыцарства, а отчасти и горожан на политику Симона де Монфора выразилось также и в том, что он приглашал представителей этих социальных слоев на совещания по важным государственным вопросам. Пригласив по 4 представителя от графств на парламент, собравшийся 22 июня 1264 г. в Лондоне, на котором было принято новое политическое устройство Англии — «Форма управления государем-королем и королевством», Симон де Монфор реализовал на практике требования рыцарства, высказанные во французской версии Вестминстерских провизий и в поэме «Битва при Льюисе». В январе 1265 г. Симон де Монфор пошел еще дальше, пригласив в парламент, кроме рыцарей, по 2 представителя от наиболее значительных городов страны. У нас нет оснований считать, что города домогались в этот период представительства в парламенте. Но приглашая их представителей на совещание, Симон де Монфор тем самым признавал их возросшее политическое значение. Все эти меры нового правителя Англии диктовались необходимостью заручиться прочной поддержкой рыцарства и городов в обстановке, когда большинство баронов, вскоре после битвы при Льюисе, стали переходить на сторону графа Глостерского и принца Эдуарда.

Таким образом, объективно деятельность Симона де Монфора и его партии отражала интересы рыцарства и средних слоев городского населения, общественное и политическое значение которых заметно возросло к концу 50-х гг. по срав-

---

[102] Th. Wykes. R. S., No. 36, vol. IV, p. 158.

нению с началом века [103]. Однако это вовсе не значит, что Симона де Монфора и его сподвижников, как баронов, так и более мелких феодалов, можно рассматривать как защитников интересов простого народа — мелкого городского люда и широких масс крестьянства. То, что многие современники считали Симона де Монфора защитником «бедняков», называли его святым и праведником, погибшим за свободу народа, отнюдь не дает еще оснований считать его вождем «народа» или «нации» в борьбе с тиранией короля, как это обычно изображали историки «вигской» школы. Практическая деятельность самого Симона де Монфора, а после его смерти его ближайших соратников, ни в чем не отвечала интересам и требованиям широких народных масс, и в первую очередь крестьян. Для последних (если не считать небольшой привилегированной фригольдерской верхушки) не нашлось места ни в Вестминстерских провизиях, ни в новом парламенте, ни в тех требованиях, которые выдвигались «лишенными наследства». Наиболее решительные из числа «лишенных наследства»— защитники Кенильворта, в рядах которых, как мы видели, находилось значительное количество крестьян, в конечном итоге капитулировали на таких условиях, в которых интересы массы крестьянства не нашли никакого отражения. Акт их капитуляции — Кенильвортский приговор 1266 г.— представляет

[103] Что касается субъективных целей и намерений этого крупнейшего политического деятеля гражданской войны 60-х гг., то они, по-видимому, имели в виду не только и не столько защиту интересов этих социальных слоев, сколько в первую очередь личное обогащение и приобретение политической власти самим де Монфором. Мы уже отмечали, что в ходе войны Симон де Монфор, как и все прочие бароны Англии, принадлежавшие к разным партиям, не забывал своих личных материальных интересов и интересов своей семьи, не стесняясь ради них вести настоящие феодальные войны (например, против Рожера Мортоумари в Уэльсской марке в 1263 г.). Но еще более показательно, что наряду с попытками привлекать к центральному управлению страной представителей рыцарства и городов Симон де Монфор создал после битвы при Льюисе такой политический режим, который, в сущности говоря, мало чем отличался от режима, созданного Оксфордскими провизиями. Разработанная им новая «конституция» — «форма управления королем и королевством» передавала всю власть в стране совету девяти, который в свою очередь передавал ее «совету трех», и не содержала даже намека на обязательный созыв парламента и на какие-либо социальные и политические требования главных союзников Симона де Монфора — рыцарства и горожан (см. Forma regiminis domini regis et regni, Select Charters. Oxford, 1874, pp. 403—414). Какая сторона деятельности Симона де Монфора выдержала главные цели его политики, сказать трудно. Можно считать его диктаторскую конституцию экстраординарной революционной мерой, вынужденной политическими затруднениями. Но с таким же основанием и его обращение к представительному парламенту также можно рассматривать как временную меру, которая диктовалась стремлением нового диктатора Англии опереться на рыцарство и горожан в борьбе с большинством баронов и королем.

собой типичное соглашение между борющимися группами феодалов, посвященное урегулированию земельного вопроса, бывшего главной причиной сопротивления «лишенных наследства». Он затрагивает интересы свободного крестьянства лишь постольку, поскольку гарантирует право выкупа земель и амнистию для тех его представителей, которые пострадали от земельных конфискаций роялистов за добровольное или принудительное участие в войне против короля [104].

Еще более характерно, что и повстанцы, засевшие на о-ве Или и отказавшиеся сдаться на условиях Кенильвортского приговора, в своих требованиях, выдвинутых в ответ на предложение папского легата Оттобони о сдаче, ни словом не обмолвились о каких-либо особых требованиях крестьянства. В своем письме к папскому легату [105] они лишь отстаивали свое право на захваченные у них роялистами земли и требовали их возвращения без всякого выкупа. Это было, конечно, решительное требование, которое наверняка пользовалось сочувствием всех «лишинных наследства», в том числе и крестьян, но которое нельзя назвать крестьянским требованием. Это особенно ясно из того, что свои права на землю илийцы обосновывали правами своих предков, которые «завоевали эту землю мечом» [106] — аргумент обычный в устах баронов Англии в XI и в XII вв. в их борьбе с королем и совершенно чуждый крестьянству.

Кроме выгодного для них разрешения земельного вопроса, илийцы требовали изгнания всех иностранцев — советников короля, прекращения раздачи иностранцам церковных бенефициев и папских поборов с английских монастырей, а также соблюдения Оксфордских провизий [107].

Если отбросить вопрос о земле, продиктованный ходом событий 1265—1267 гг., то все остальные пункты этой наиболее крайней «программы» «лишенных наследства» повторяют программу баронско-рыцарской оппозиции 1258 г. и притом в очень расплывчатом общем виде. Так, даже в самый острый момент гражданской войны, когда в нее оказались вовлеченными массы крестьянства, они не смогли оказать какое-либо воздействие на политическую программу партии Симона де Монфора, представлявшей блок рыцарства, горожан и незначительной группы баронства. Используя в своих интересах

---

[104] Ст. Dictum de Kenilworth. Select Charters. Oxford, 1874, pp. 419—425.

[105] Письмо это подробно с выдержками изложено в хронике Ришанжера. R. S., No. 28, p. 54.

[106] Ibidem, p. 54: «Et addent, quod praedecessores sui, quorum ipsi sunt haeredes, terram istam conquisierunt per gladium et ideo visum est, quod injuste exhaeredati sunt».

[107] Ibidem, pp. 55—56.

военную помощь широких масс крестьянства, вожди этого блока не подумали в чем бы то ни было пойти навстречу интересам последнего. Даже в политических документах гражданской войны феодальный принцип exceptio villanegii ни разу не был нарушен. Впрочем, в них не нашли сколько-нибудь заметного отражения также интересы горожан, и в частности их средних и низших слоев.

И все же участие крестьянства и широких слоев, в том числе самых низших, городского населения в гражданской войне 60-х гг. оказало весьма существенное влияние на ее исход и политические результаты. Мы отмечали выше, что даже повседневные мелкие местные антифеодальные выступления крестьян, происходившие в XIII в., беспокоили феодалов и толкали их на поддержку центральной власти. Тем более их должно было встревожить массовое участие крестьянства в военных столкновениях конца гражданской войны. В атмосфере политической анархии и почти полного бездействия центральной и местной администрации, легко можно было ожидать, что массы крестьянства перейдут от нападений на земли роялистов, осуществляемых под руководством вождей «лишенных наследства», к открытым крестьянским восстаниям, направленным против феодалов вообще. Затяжка борьбы внутри класса феодалов грозила именно этой опасностью, перед лицом которой все участники этой борьбы вынуждены были поспешить с соглашением.

Ощущение этой опасности было, очевидно, одной из главных причин быстрого отхода большинства баронов от партии Симона де Монфора в период между Льюисом и Ивземом. Оно же побуждало и многих представителей рыцарства — вождей «лишенных наследства» быстро сложить оружие после битвы при Ивземе и примириться с королем. Широкий размах городских народных движений вызывал такую же реакцию в высших купеческо-ростовщических слоях городского населения, которые также тяготели к соглашению. Эта тяга охватывала все большее количество городов также и в связи с тем, что затяжка войны угрожала им продолжением грабежей и опустошений, подобных тем, которым в 1264—1267 гг. подверглись Винчестер, Норич, Бристоль и ряд других крупных городов. Опасность еще большего расширения борьбы и, в частности, крестьянских выступлений побудила к соглашению и Генриха III. Вскоре после победы — уже в 1266 г.— он отказался от произведенных им земельных конфискаций и пошел на значительные уступки «лишенным наследства», издав Кенильворотский приговор. Таким образом, широкий размах народных движений конца гражданской войны, очевидно, ускорил заключение очередного соглашения внутри класса фео-

далов и способствовал его большей прочности и устойчивости по сравнению с соглашением 1215 г.

Характер этого нового соглашения, как и в 1215 г., определялся тем соотношением сил, которое обнаружилось в гражданской войне. Для королевской власти это был период тяжелого кризиса, который показал, что дальнейшая централизация страны под руководством короля неосуществима теми методами и средствами, которыми ее пытался проводить Генрих III. Опыт войны, когда в течение долгих лет король оставался фактически в политической изоляции, а с 1264 г. был игрушкой в руках баронов, показал необходимость укрепления традиционного союза королевской власти с рыцарством, верхушкой фригольдеров и городов, даже ценой некоторых уступок в их пользу. Что касается основной части баронов, примыкавшей к олигархической группе, то их политическая программа уже в 1258—1259 гг. обнаружила полное банкротство, а они сами — неспособность на длительный срок сплотить вокруг себя широкую оппозицию. Начиная с 1263 г. эта часть баронов оказалась сброшенной со счетов, как самостоятельная политическая сила, и вынуждена была искать уже в период войны временных соглашений то с королем, то с Симоном де Монфором. Английское баронство, таким образом, тоже было подготовлено к более широкому соглашению, хотя и не могло рассчитывать на особые выгоды от него. Блок рыцарства, верхушки фригольдеров и значительной части городского сословия, напротив, в развитии гражданской войны укрепил свои позиции, вырос в значительную политическую силу и начиная с 1263 г. фактически возглавлял политическую оппозицию королю. Однако и он в этой борьбе не смог добиться решающей победы и вынужден был в конечном итоге пойти на соглашение. Правительство Симона де Монфора не смогло обеспечить ни ликвидации феодальной анархии в стране, ни прекращения народных движений в деревне и в городах. Будучи заинтересованы в установлении твердого мира и относительного порядка в стране и в подавлении выступлений народных масс, главные союзники Симона де Монфора—рыцарство, а затем и наиболее зажиточные слои горожан — стали разочаровываться в его политике, особенно после битвы при Ивземе. Испытывая потребность в восстановлении сильной центральной власти, они также были готовы пойти на соглашение с королем, при условии некоторых политических уступок с его стороны.

После 9-летних войн и раздоров для английского класса феодалов наступил длительный период соглашений. Первым из этих соглашений был Кенильвортский приговор 20 декабря 1266 г. В этом документе король отказался от произведен-

ных конфискаций земли у сторонников Симона де Монфора, согласившись на выкуп этих земель их прежними владельцами. Сторонники Симона де Монфора (кроме засевших на о-ве Или) со своей стороны сделали уступку королю, согласившись на уплату сравнительно высокого выкупа, определявшегося в зависимости от вины и социального положения «лишенных наследства» [108]. Правительство сделало уступку, объявив широкую амнистию всем участникам антиправительственных войн, за исключением нескольких, с которыми у Генриха III были личные счеты [109]. Зато бывшие сторонники Симона де Монфора согласились на полное восстановление короля во всех его прежних правах [110], оговорив лишь сохранение всех уступок, сделанных им добровольно [111] (имелся в виду, очевидно, сокращенный вариант Великой хартии вольностей, подтверждавшийся Генрихом в 1216, 1217 и 1225 гг.). В Приговоре, хотя и весьма глухо, упоминалось о Лондоне (который, видимо, также участвовал в этом соглашении) в виде просьбы к королю позаботиться о «реформировании» города и о возвращении ему отнятых у него привилегий [112].

Продолжавшееся сопротивление острова Или и новое восстание «лишенных наследства» в 1267 г., возглавленное графом Глостерским и поддержанное средними и низшими слоями лондонцев, хотя и были успешно подавлены, видимо, заставили правительство сделать более широкие уступки. Спустя несколько месяцев — в ноябре 1267 г.— был издан Мальборосский статут, который почти без изменений воспроизводил латинскую версию Вестминстерских провизий. Он являлся откровенной уступкой рыцарству и высшим слоям фригольдеров и, напротив, наносил известный ущерб материальным интересам и судебным правам крупных феодалов. Этот ущерб не был ничем компенсирован. Оксфордские провизии так и не были восстановлены, очевидно, потому, что они не были приемлемы ни для короля, ни для рыцарства в качестве условия нового компромисса.

Таким образом, уже Мальборосский статут показал, что итогом гражданской войны, в отличие от борьбы за Великую хартию вольностей, было усиление политических позиций рыцарства и ослабление позиций баронства в стране. Интересы городского сословия почти не нашли отражения в первых компромиссных соглашениях 1266 и 1267 гг. Однако после-

---

[108] Dictum de Kenilworth, ст. ст. 12, 14, 15, 24, 26, 27, 41, 49 (Select charters, pp. 422, 423, 424, 425).
[109] Ibidem, ст. ст. 5, 35, 37, 38 (Select Charters, pp. 410, 425).
[110] Ibidem, ст. 1 (Select charters, p. 419).
[111] Ibidem, ст. 1 (Select charters, p. 419).
[112] Ibidem, ст. 11 (Select charters, p. 421).

дующие события показали, как мы увидим, что городская верхушка была отчасти допущена к этому компромиссу, заключенному внутри класса феодалов, и извлекла из него некоторые, хотя и довольно скромные выгоды. Что же касается крестьянских масс и основной массы городского населения, участие которых в гражданской войне 60-х гг. немало способствовало заключению этого компромисса, то они не приняли в нем никакого участия и не получили от него никаких выгод.

Королевская власть, выйдя из тяжелого кризиса 60-х гг. с помощью этого нового соглашения, укрепила свой союз с рыцарством и городской верхушкой и стала благодаря этому еще более могущественной. Обнаружение этого нового соотношения сил внутри класса феодалов и всего английского общества в целом представляется нам главным политическим итогом гражданской войны, во всяком случае более важным, чем созыв первых представительных парламентов 1264—1265 гг., который интересен лишь тем, что отразил это новое соотношение сил. Понадобилось еще 20—25 лет, чтобы это учреждение приобрело некоторое значение в жизни Англии, тогда как соотношение социальных сил, выявившееся в политическом конфликте 60-х гг., сразу же определило путь дальнейшего политического развития страны. На этом соотношении сил основывалась вся политика королевской власти и все ее дальнейшие успехи в централизации страны в период относительно мирного правления Эдуарда I.

Трудно найти буржуазного историка, который не восхвалял бы политику этого короля. Вигские историки восхищались им как «создателем» конституционной монархии в Англии [113], А. Поллард видел в нем первого национального короля Англии [114], Т. Тоут посвятил целый панегирик силе его характера, его высокому интеллекту, его военным талантам, его пониманию интересов всех слоев народа [115], М. Поуик превозносит его как администратора [116], Э. Кэм видит в нем замечательного законодателя и кодификатора [117].

Однако едва ли дальнейшие успехи государственной централизации в период правления Эдуарда I, упорядочение суда и администрации и даже его законодательную активность можно отнести к личным заслугам этого короля.

---

[113] W. Stubbs. Op. cit., vol. II. Oxford, 1875, pp. 161, 290—294. Д. Р. Грин. Краткая история английского народа, т. I, М., 1897, стр. 203—204. J. B. Adams. The origin of the English constitution. New Haven, 1912, pp. 330—337.

[114] A. F. Pollard. The evolution of parliament. London, 1920, p. 5.

[115] T. F. Tout. Edward the first. London, 1896, pp. 64—65, 76.

[116] M. Powick. King Henry III and lord Edward, vol. II, pp. 701—712.

[117] H. Came. Studies in the Hundred rolls. Oxford, 1921, p. 35.

Успешные мероприятия правительства во всех этих отношениях были возможны в конце XIII в. главным образом потому, что они опирались на относительно устойчивое равновесие сил, достигнутое внутри класса феодалов в итоге гражданской войны. Сильная сторона политики Эдуарда I заключалась в том, что всеми доступными ему средствами, он старался поддерживать это равновесие, не доводя дела до серьезных конфликтов ни с церковью, ни со светскими магнатами, ни с мелкими феодалами, ни с привилегированной верхушкой городов. Мы показали выше, что Эдуард I проводил ловкую политику маневрирования, ярким примером которой являлось его законодательство. В нем наряду с явной тенденцией всемерно укреплять союз королевской власти с мелкими феодалами и высшими слоями городского сословия проявилась большая заботливость правительства о материальных нуждах феодальной аристократии и заметная осторожность в наступлении на интересы церкви. Проявлением этой политики маневрирования, которая имела целью дальнейшее укрепление достигнутого в 1267 г. компромисса между феодальными группировками с участием городских верхов, была парламентская политика Эдуарда I, которую мы подробно рассмотрим в последующих главах. И если этот властный и деспотичный политический деятель в течение первых 25 лет своего правления успешно ладил со всеми группировками класса феодалов и городской верхушкой, пользуясь их поддержкой во всех направлениях своей политики, то это происходило в значительной мере потому, что перед его глазами все время был печальный опыт гражданской войны.

Все законодательство и административные мероприятия первых лет правления Эдуарда I носят на себе следы этих неприятных воспоминаний. То он запрещает под страхом тюремного заключения распространять слухи, которые могут породить «несогласие между королем и народом или королем и магнатами королевства» [118], то жалуется на захваты иммунитетных прав, произведенные во время «несогласия нашего с баронами нашими». Все расследование 1274 г. в значительной части было посвящено узурпации земельных и судебных прав короля крупными феодалами [119]. Оно, по-видимому, имело в виду главным образом узурпации, произведенные в период гражданской войны (tempus gwerrae, tempus turbationis). Такую же цель преследовало и расследование 1279 г., которое должно было выяснить новое распределение земли между королем и феодалами, сложившееся после граждан-

[118] Вестминстерские статуты (I Вестм. статут, ст. 34). М., 1948, стр. 27.
[119] R. H., vol. I, p. I.

ской войны [120]. На материалы этих расследований опиралось законодательство первых десятилетий правления Эдуарда I (I и II Вестминстерские статуты, Глостерский статут, (1278), Статут о мертвой руке (1279), статут quia emptores (1290), а также судебные расследования quo warranto, затянувшиеся до конца 90-х гг.).

В политической действительности конца XIII в. было слишком много следов недавней смуты, чтобы можно было игнорировать ее политические результаты. Но стремясь к укреплению своих политических позиций, правительство не могло игнорировать опыт гражданской войны и в другом отношении. На его политику несомненно постоянно оказывал воздействие также и страх перед возможностью новых крестьянских движений, который также заставлял Эдуарда I действовать весьма осторожно. Эта осторожность побуждала короля всячески избегать нарушений единства внутри господствующего класса. Она же являлась и источником той социальной демагогии, которую практиковал этот король в своей политике по отношению к крестьянству (см. гл. II). Эта осторожность со стороны Эдуарда I была не напрасной. Когда в 1296—1297 гг. он, считая последствия гражданской войны ликвидированными, временно отошел от политики соглашений, страна вновь оказалась накануне политического кризиса.

Причины, вызвавшие этот кризис, были в общем те же, что и причины кризиса 1258 г., за исключением вопроса об иностранцах, который не был актуален в конце XIII в. Недовольство не только баронства, но и других слоев населения вызывала начатая в 1294 г. война с Францией и связанный с ней рост прямых и косвенных налогов (особенно импортных и экспортных пошлин), тяжело ложившийся на все слои населения и в особенности же на горожан [121]. Недовольство всех слоев феодалов, а также свободного крестьянства вызывали лесные законы и обычаи и то, что король и его администрация не соблюдали лесной хартии Генриха III. Это недовольство, охватившее, как и в 1258 г., широкие круги свободного населения, создавало почву для новой коалиции. И баронство не преминуло этим воспользоваться.

---

[120] Ibidem, vol. II, passim.

[121] За период с апреля 1294 г. по ноябрь 1297 г. Эдуард I три раза требовал налог на движимость со светской части населения, 2 раза требовал субсидии с духовенства, в 1295 г. захватил земельные владения иностранных духовных лиц, 3 раза производил захват шерсти и кожи в морских портах с целью вымогательства повышенных пошлин, 2 раза требовал с графств безвозмездных поставок зерном, а также мясными продуктами. Кроме того, он 4 раза созывал военное ополчение рыцарей и баронов по графствам. (Эти данные взяты из A. Lincolnshire, Assize Roll for 1298, Lincoln Record Society, vol. 36. Lincoln, 1944. Appendix, III, pp. 179—181).

У этой части господствующего класса, как мы показали в гл. IV, были особые причины для недовольства политикой правительства, помимо вышеперечисленных. Борьба с иммунитетами, усиление роли узкого королевского совета, политика поощрения мелкого и среднего феодального землевладения в ущерб крупному — все это вызывало скрытую оппозицию баронства, которая смогла обнаружиться в полную меру только в 1297 г. Свои особые причины для недовольства имелись и у церкви. Папская булла clericis laicos 1296 г. дала английскому духовенству удобный повод для того, чтобы отказаться от уплаты государственных налогов и подчеркнуть свою независимость от светской власти в финансовом вопросе [122].

Но несмотря на это, ни баронству, ни церкви не удалось оказать решающее влияние на ход политического конфликта 1297 г. и на его результаты. Что касается духовенства, то, выступив в 1296 г. в качестве застрельщика оппозиции, оно быстро было выведено из игры ловким маневром Эдуарда I. Обрушив на непокорное духовенство сначала град репрессий (объявление о лишении духовенства королевской защиты, конфискация земель Кентерберийской епархии), Эдуард I, увидев возможность союза между церковью и баронами, летом 1297 г. поспешил помириться с духовенством, вернул земли архиепископу и временно отказался от своих денежных требований.

Но светские магнаты, как и в предыдущих конфликтах, формально оказались вождями оппозиции, вели все переговоры с королем и предъявляли ему требования от имени «общины королевства». И все же, несмотря на это, конфликт 1297 г. показывает резкое падение их политического влияния по сравнению даже с периодом гражданской войны 60-х гг. Этот упадок влияния особенно проявился в том, что во всех программных документах 1297 г. специфические баронские интересы не только не преобладают над интересами их союзников, но даже вовсе не находят отражения, как бы растворившись в более общих требованиях последних. Это обнаруживается уже в той петиции, которая была передана Эдуарду I баронами от имени «всей общины» Англии в августе 1297 г. при его отплытии во Фландрию.

Эта петиция состояла из шести пунктов. Выражая неудовольствие тем, что король призывает всех военных держателей на войну во Фландрию, петиционеры отказывались сопутство-

---

[122] Как известно, конфликт между королем и духовенством начался в 1296 г. с отказа духовенства участвовать в уплате налога на движимость, разрешенного королю парламентом в Бери Сент Эдмундс.

вать ему, объясняя отказ, с одной стороны, своим разорением, с другой — тем, что их предки никогда не несли военной службы во Фландрии. Далее, они объясняли свой отказ разрешить королю субсидию, которой он от них требовал, полным истощением своих средств в результате правительственных поборов; жаловались на то, что король не соблюдает Великую хартию вольностей и лесную хартию Генриха III, а также на захваты товаров и незаконное повышение таможенных пошлин. В заключение авторы петиции просили короля не ехать во Фландрию, высказывая опасение, что воспользовавшись войной, Шотландия подымет восстание против английского суверенитета, и указывали ему на непрочность английского владычества в других землях (имелись в виду, очевидно, Уэльс и Ирландия) [123].

Все эти требования и жалобы никак нельзя рассматривать как чисто «баронские». Несомненно, что и бароны были недовольны войной, лесными злоупотреблениями, ростом налогов и пошлин. Они устами графов Норфокского и Герефордского за несколько месяцев до подачи петиции решительно отказались идти на войну во Фландрию во главе королевских войск. Но во всех этих пунктах их пожелания совпадали с интересами их временных союзников — рыцарства и городов, для которых все эти вопросы несомненно были более важными и насущными, чем для баронов. В то же время непосредственные требования баронов, — общеполитические и экономические, так громко звучавшие в «баронских статьях» 1215 г., в «петиции баронов» 1258 г. и в Оксфордских провизиях,— совершенно не различимы в рассматриваемой петиции.

То же самое относится и к другому документу оппозиции 1297 г.— известному впоследствии (с начала XVII в.) под названием статута de tallagio non concedendo.

Как известно, этот документ, представляющий собой латинский вариант французского текста Подтверждения хартии, под которым Эдуард I поставил свою подпись, не был в действительности статутом. Стеббс считал его или текстом петиции, которая легла в основу статута, подписанного королем, или сокращенным и несовершенным изложением последнего [124]. Мы склонны скорее принять первое предположение. В этом убеждает лаконизм этого документа, отсутствие в нем какой-либо преамбулы, объясняющей причины его издания, его решительность и даже резкость (он начинается прямо с требования об установлении контроля над налогообложе-

---

[123] Подробное изложение текста этой петиции содержится в хронике Ришанжера (R. S., № 28, Chronica, p. 175).

[124] W. Stubbs. Op. cit., vol. II, p. 149.

нием) и также четкость и определенность его формулировок. Последняя особенно ясно видна в первой статье, которая прямо требует ограничения короля во взимании **тальи и вспомоществований** согласием представителей от всех свободных сословий королевства.

Латинская версия Подтверждения хартии, так же как и летняя петиция 1297 г., состоит из 6 пунктов. Помимо первой статьи, о которой мы только что говорили, она содержит требование о прекращении незаконных захватов товаров и взимания «дурных» — повышенных пошлин (ст.ст. 2 и 3) о подтверждении всех старых обычаев и вольностей (имелась в виду, очевидно, Великая хартия — ст. 4), об амнистии всем участникам движения — «графам, баронам, рыцарям, оруженосцам» (ст. 5) и о принятии постановления относительно строгого наказания всех нарушителей хартии, которая будет издана королем на основании этих требований (ст. 6)[125]. Кроме того, как сообщает хроника Гемингбурга, королю было предъявлено требование о подтверждении лесной хартии Генриха III[126].

Все эти требования, включенные в так называемую латинскую версию Подтверждения хартии, мало чем отличаются от рассмотренных выше летних требований. В них также нельзя обнаружить следа специфических политических и экономических интересов баронства. Это особенно наглядно видно при сравнении первой статьи латинской версии Подтверждения хартии с 12 и 14 ст.ст. Великой хартии 1215 г. Там речь шла о контроле над сбором щитовых денег и феодального вспомоществования, то есть налогов, взимавшихся с непосредственных держателей короля, главными из которых были бароны, здесь — об ограничении сборов вспомоществования и тальи, особенно ненавистной городам[127]. Там разрешение на сбор должен был давать общий совет королевства, состоявший из непосредственных держателей короны (то есть баронов), здесь требовалось согласие **«архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей в королевстве нашем»**[128]. Это перечисление

---

[125] Select charters. Oxford, 1874, p. 498.

[126] W. Hemingburgh, vol. II, p. 147. Цит. по выдержкам, опубликованным Стеббсом, Select charters, p. 437.

[127] «Nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro, nisi per commune consilio regni nostri... (Великая хартия, Select charters, p. 298); Nullum tallagium vel auxilium per nos vel haeredes nostros de caetero in regno nostro imponatur seu levetur sine voluntate et assensu communi archiepiscoporum episcoporum et aliorum praelatorum, comitum, baronum, militum, bugensium et aliorum liberorum hominum in regno nostro. (Лат. версия Подтверждения. Select charters, pp. 497—498).

[128] Select charters, p. 498.

различных сословных групп, конечно, подразумевало парламент, уже существовавший в это время и включавший в свой состав представительство от всех этих групп.

Обращает внимание и то, что амнистия требовалась не только для баронов, но и для «рыцарей и оруженосцев». И это неудивительно. Бароны, предъявившие 10 октября 1297 г. эти требования на парламенте в Лондоне регенту королевства — наследнику Эдуарду, явились туда в сопровождении вооруженного до зубов войска, в котором, как утверждает Гемингбург, было 1500 всадников и множество пехотинцев [129]. Вступив в Лондон, бароны поставили у ворот свою охрану, чтобы не оказаться в ловушке. Эта военная акция, очевидно, заставила поторопиться с согласием сначала наследника, который тут же отослал требования оппозиции в Гент к королю, а затем и самого Эдуарда I. 5 ноября он уже подписал несколько видоизмененный вариант Подтверждения хартии на французском языке, получивший силу статута.

Изменения, внесенные королем при редактировании окончательного текста, если первоначальным текстом считать латинскую версию Подтверждения хартии, отнюдь не усилили звучания в нем собственно баронских интересов. Они касались лишь прав короны и имели целью урезать общие требования оппозиции в пользу короля. Это было достигнуто тем, что акцент в этой версии был сделан не на те статьи, которые ограничивали фискальный произвол короны (они были помещены лишь в конце хартии—ст.ст. VI и VII), но на Подтверждение Великой хартии, с которым были связаны первые четыре статьи статута. Ст.ст. VI и VII Эдуард I сформулировал так, чтобы оставить себе некоторые возможности произвольного обложения. В ст. VI он исключил слово «талья», стоявшее на первом месте в ст. I латинского варианта, и тем самым оставил этот налог в сфере произвольного обложения. Кроме того, он оговорил, что финансовый контроль сословий не должен распространяться на «древние пособия и захваты, следуемые по закону и обычаю» [130]. В ст. VII король специально оговорил свое право бесконтрольно взимать пошлину на шерсть и кожу, разрешенную ему парламентом в 1275 г. [131].

Для того чтобы сохранить свой престиж, Эдуард I снабдил новый статут длинной преамбулой, в которой, ни словом не упомянув о требованиях оппозиции, он выдавал этот документ за акт своей доброй воли и милости по отношению к народу.

---

[129] Hemingburgh, vol. II, p. 147, Цит. по Select charters, p. 435.
[130] Текст этой статьи полностью приведен ниже в гл. VII, § 1, стр. 434.
[131] Подробнее об этом разрешении см. ниже в гл. VII, § 1, стр. 434—435.

Однако право контроля за налогами и пошлинами во французской, как и в латинской, версии Подтверждения хартии было признано не только за графами и баронами, но и за всей «общиной страны» [132].

Характерно также, что оппозиция не протестовала против изменений, внесенных королем в формулировку ее требований, выразив тем самым готовность к очередному соглашению с ним. На этот раз соглашение состоялось гораздо скорее, чем в 1267 г., очевидно, потому, что и король и оппозиция боялись затяжки конфликта. В обмен на уступку, сделанную принцем, а затем подтвержденную королем, бароны и рыцари на том же октябрьском парламенте в Лондоне дали свое согласие на сбор субсидии, которого король безуспешно домогался от них в течение конца 1296 и всего 1297 г.

Так политический конфликт 1297 г. завершился новыми соглашениями между различными группами феодалов при участии городской верхушки. Хотя в основных чертах он отражал то же соотношение сил внутри класса феодалов и всего общества в целом, которое наметилось в конце гражданской войны 1258—1267 гг., но в то же время в нем отразились и некоторые новые сдвиги, происшедшие в этом соотношении сил с того времени.

В событиях 1297 г. новым, не только по сравнению с 1215, но и по сравнению с 1267 г., было дальнейшее ослабление политического влияния крупных феодалов и, напротив, рост политического влияния рыцарства и городской верхушки. Обе эти тенденции проявились в том, что баронство, по традиции возглавив оппозицию королю, не смогло навязать ей ни одного из своих традиционных, со времени 1215 г., требований, шедших вразрез с требованиями их союзников. Оно вынуждено было на этот раз пойти на очередной компромисс, не вырвав у короля и своих союзников ни одной уступки специально в свою пользу ни в области политической, ни в области своих взаимоотношений с королем как со своим сеньером и с рыцарством как со своими вассалами.

Напротив, рыцарство и возглавлявшийся им блок в конечном итоге определили характер оппозиционной программы. Особенно следует отметить возросшее политическое влияние городской верхушки, которая впервые на протяжении XIII в. была допущена наряду с представителями класса

---

[132] В ст. VI французской версии, правда, отсутствует детальное перечисление тех слоев, от которых должно быть получено согласие. Там просто сказано, что это право гарантируется «as erecevesque, evesques, abbes, e priurs et a tote, commonoute de la terre», и что налоги должны впредь взиматься «par commun assent de la roiaume...» Select charters., Oxford, 1874, p. 495.

феодалов к участию в разрешении налогов и, что особенно важно,— новых пошлин. Очевидно, за 30 лет, прошедших с 1267 г., значение этих слоев населения в экономической и социальной жизни страны еще более возросло. Характерно, что в 1297 г. бароны, возглавившие оппозицию, даже не пытались прибегать к той фальшивой демагогической фразеологии, которой они в 1215 и в 1258 гг. прикрывали свои реакционные требования[133]. Если в 1215 г. баронство командовало своими союзниками, а в период с 1258 по 1261 г. пыталось, и не без некоторого успеха, противостоять их самостоятельным требованиям, то в 1297 г. оно фактически было вынуждено подчиняться объединенной силе рыцарства, фригольдерской и городской верхушки.

Политическое соглашение 1297 г., как и все предыдущие соглашения, естественно, ничего не дало ни широким массам крестьянства, ни городским низам. Подтверждение хартии, как и все законодательство XIII в., оставаясь всецело на почве принципа exceptio villenagii, игнорировало интересы вилланства, а также свободной крестьянской бедноты и городских низов.

Одним из итогов политического кризиса 1297 г. было официальное признание за парламентом права финансового контроля над правительством. Тем самым Подтверждение хартии как бы окончательно оформило существование парламента. Правда, с нашей точки зрения не следует преувеличивать значение этого статута в развитии парламента, который постепенно складывался и осуществлял финансовый контроль еще до 1297 г., но в то же время не может считаться окончательно сложившимся сразу после 1297 г. Но при всем том, однако, именно после 1297 г. парламент все более и более превращается в центр политической борьбы, наиболее острые моменты которой все чаще и чаще решаются именно здесь[134].

Таким образом, важнейшие итоги социально-политической борьбы, потрясавшей Англию в XIII в., сводятся к следующим:

1. В ходе этой борьбы обнаружилось значительное ослабление политической позиции крупных феодалов — баронов и рост политического влияния мелких феодалов — рыцарства, а отчасти городов.

2. Эта борьба сопровождалась оформлением в среде свободного населения страны основных феодальных сослов-

[133] См. выше об употреблении терминов «свободный человек» и «община королевства» в Великой хартии вольностей и в Оксфордских провизиях.

[134] См. об этом в гл. VII и VIII.

ных групп: баронства, рыцарства, горожан, политическая программа которых все более четко определялась с каждым новым этапом борьбы.

3. В социальных и политических конфликтах XIII в. зародилось новое политическое учреждение — парламент, который формировался в процессе ряда последовательных политических соглашений, заключавшихся между различными группами господствующего класса, и отразил в своей структуре и организации процесс оформления в английском феодальном обществе сословных групп — баронства, рыцарства, горожан.

Складывание парламента происходило постепенно, в течение 35—40 лет, последовавших за концом гражданской войны. Только в конце 90-х гг. XIII в. он оформился как самостоятельное постоянно действующее учреждение. Тогда же за ним закрепилось и название «парламент» (parliamentum). До этого времени в документах и хрониках XIII в. «парламентами» назывались собрания различного типа: заседания узкого королевского совета, совета магнатов и лишь наряду с ними сословно-представительные собрания. Из 55 различных собраний, созванных при Эдуарде I, только 21 (38%) включали представителей общин, 21 (38%) были советами магнатов, 5 (9%) — заседаниями королевского совета, 3 (5%) — собраниями случайного типа. Состав остальных 5 собраний нам не удалось выяснить.

При этом за период с 1272 по 1297 г. представительные собрания собирались 11 раз — то есть в среднем раз в $2^1/_2$ года, а в последние 10 лет правления Эдуарда I тоже 11 раз — то есть в среднем не реже раза в год. Таким образом, можно думать, что регулярному функционированию нового учреждения содействовал кризис 1297 г. Так как именно собрания этого нового типа, за которыми закрепилось название «парламент», стоят в центре нашего исследования, то в дальнейшем мы будем употреблять это многозначное в XIII в. слово для обозначения только сословно-представительных собраний. Собрания другого типа в зависимости от их состава мы будем называть «советами магнатов» или заседаниями «королевского совета».

ГЛАВА VI

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАРЛАМЕНТА (КОНЕЦ XIII — НАЧАЛО XIV ВЕКА)

Для того чтобы выяснить социальную природу парламента, прежде всего необходимо остановиться на социальном составе этого учреждения. Вопрос этот далеко не праздный. И хотя известные социальные, а тем более сословные определения содержатся уже в самих названиях — «прелаты», «бароны», «рыцари графств», «горожане», которыми в источниках XIII в. обозначаются различные группы участников парламента, все же эти определения не могут дать ясного представления о его социальном составе.

Неясность терминологии неоднократно использовалась представителями буржуазной историографии для неверной характеристики состава средневекового парламента. Опираясь на нее, некоторые историки вигского направления и их современные последователи настойчиво пытались изобразить парламент как представительство от всех слоев населения феодальной Англии, включая даже бесправных вилланов, или во всяком случае всю массу свободного крестьянства.

Сторонники «критического» направления, считая, что парламент составлялся по назначению короля и его чиновников, вообще игнорировали вопрос об его социальном составе. С предельной ясностью это выразил Поллард, заметив, что в Англии XIII в. «было, правда, резкое различие между свободным и вилланом; но это не имеет никакого отношения к организации парламента»[1].

[1] F. Pollard. The evolution of parliament. London, 1920, p. 75.

К этой точке зрения фактически примыкают вплоть до нашего времени все историки «критического» или «парламентистского» направления, хотя они обычно избегают говорить об этом открыто[2]. Таким образом, не только социальный состав, но и сословная структура парламента в буржуазной историографии оказываются под вопросом.

Это обстоятельство заставляет нас еще более тщательно исследовать вопрос о социальном составе парламента и, прежде всего, о том, из каких социальных элементов складывались его основные составные части — прелаты и бароны, рыцари графств, представители от городов.

§ 1. Социальная характеристика прелатов и баронов в парламенте конца XIII — начала XIV века

Та часть парламента, которая состояла из прелатов, эрлов и баронов, получавших личные приглашения от короля, и впоследствии превратилась в палату лордов, вела свое происхождение от совета магнатов, регулярно собиравшегося уже в первой половине XIII в. На всем протяжении правления Эдуарда I совет магнатов все еще сохранял самостоятельное существование, не сливаясь полностью с парламентом и деля с ним общие названия «parlamentum», «colloqium», «tractatum».

Структура совета магнатов, независимо от того, заседал ли он самостоятельно или в качестве составной части парламента, достаточно хорошо известна. Историю его более или менее ясно проследить можно только с появления Великой хартии вольностей.

Согласно ст. 14 Великой хартии вольностей, архиепископы, епископы, эрлы и старшие бароны (barones majores) должны были вызываться на общий совет королевства (commune consilium regni) специальными личными приглашениями, а все прочие непосредственные держатели короля — огулом, через шерифов.

При Генрихе III на Великий совет вызывались обычно архиепископы, епископы, значительное количество аббатов, несколько приоров, эрлы и многие бароны.

В правление Эдуарда I эти же основные категории присутствовали обычно и на специальных собраниях прелатов и баронов, и на парламентах более широкого состава. В отличие от представителей общин, которые вызывались через шерифов, светские и духовные магнаты всегда получали личные специальные приглашения, и на всем протяжении суще-

[2] См. Введение.

ствования английского средневекового парламента этот формальный признак — характер приглашений — являлся отражением различия в положении магнатов и представителей общин в парламенте.

О личном и количественном составе магнатов, заседавших в парламентах конца XIII в., мы знаем по тем приглашениям на парламент, которые им каждый раз посылались. Эти приглашения опубликованы в уже неоднократно упоминавшемся нами издании парламентских документов Parliamentary writs.

В различных источниках за период с 1272 по 1307 г. мы встречаем упоминания о 42 собраниях, на которых, очевидно, присутствовали более или менее широкие круги магнатов (из них 21 были отдельными собраниями прелатов и баронов и 21 парламентами с представительством от общин).

Parliamentary writs сохранили нам сколько-нибудь точные сведения только о составе 17 собраний, из которых 11 являются парламентами, а 6 отдельными собраниями прелатов и баронов.

При изучении состава этих собраний бросается в глаза, что нет никакой существенной разницы в количестве и личном составе прелатов и баронов, вызывавшихся, с одной стороны, в парламент, с другой стороны, на заседания советов магнатов. Поэтому для характеристики баронской части парламентов изучаемой эпохи можно пользоваться также и данными о Великих советах, что несколько расширит круг наших наблюдений.

Общее количество магнатов, присутствовавших на разных собраниях, колеблется от 54 человек на парламенте 30 сентября 1297 г. до 206 — на парламенте 1306 г. Чем определяются эти колебания, сказать довольно трудно, так как далеко не всегда их можно поставить в связь с характером вопросов, обсуждавшихся на собраниях[3].

При этом можно отметить постепенный рост количества вызываемых магнатов от начала царствования Эдуарда I к его концу. До кризисного 1297 г., включая парламен-

---

[3] В некоторых случаях многолюдность собраний соответствовала важности стоявших на них вопросов, как это было на парламенте в марте 1300 г., где был принят новый статут Articuli super carta, или на парламенте 1305 г., где обсуждался вопрос о взаимоотношениях с папской курией, на Линкольнском парламенте 1301 г., где было принято коллективное письмо к папе, наконец, на Карлейльском парламенте 1307 г., где был принят Карлейльский статут против вымогательств иностранных монастырей. Но наряду с этим имеется много случаев, когда на парламенте присутствовало значительное количество прелатов и баронов, хотя там не было дел особой важности.

30 сентября 1297 г., среднее количество прелатов и баронов, присутствовавших на собраниях, составляет 79 человек. Во вторую половину царствования оно повышается до 160 человек.

Не придавая этому факту слишком большого значения, все же можно думать, что рост количества прелатов и баронов, вызывавшихся в парламент, не был чистой случайностью. Он объясняется, по-видимому, тем, что роль парламента как более или менее постоянного совещательного органа при короле также постепенно возрастала. Вызывая на парламенты более или менее регулярно представителей от общин, король в качестве противовеса мог несколько увеличить и количество приглашаемых прелатов и баронов.

Теперь попытаемся выяснить социальный облик сначала духовных, затем светских магнатов, приглашавшихся на парламенты и на специальные советы в царствование Эдуарда I.

Для этого прежде всего ознакомимся с количественным и личным составом прелатов. Количество архиепископов и епископов колеблется от собрания к собранию сравнительно мало. Это и естественно, так как архиепископов в Англии было всего 2, и сначала они вызывались оба, а затем после ссоры архиепископа Уинчелси с королем и его отъезда из Англии в 1296 г. вызывался только один архиепископ — Йоркский. Епископских кафедр в Англии, включая Уэльс, было всего 18, и на парламенты обычно вызывалось от 10 до 18 епископов. Несколько кафедр, как правило, оставались вакантными, некоторых епископов обычно не было в Англии.

Иначе обстоит дело с аббатами. Здесь поражают резкие изменения в количестве приглашаемых на разные парламенты и советы магнатов. Оно колеблется от 17 аббатов на парламенте 30 сентября 1297 г. и 30 мая 1306 г. до 79 на Линкольнском парламенте 1301 г. Между этими крайними цифрами мы встречаем самые различные цифры, которые, по-видимому, также не всегда зависели от характера собраний, как и общее количество магнатов. Помимо аббатов, на некоторые парламенты и советы магнатов вызывались приоры, а также магистры духовно-рыцарских орденов—госпитальеров и тамплиеров. Последние были вызваны на 9 собраний. Что же касается приоров, то они в разном количестве (12, 4, 5, 1) были вызваны всего на 4 собрания.

Списки аббатов приглашавшихся в разные годы на парламенты и Великие советы (по данным Parliamentary writs), различаются между собой не только по количеству, но и по составу аббатств. Здесь, особенно в первую половину царствования Эдуарда I до 1297 г., явно различимы два списка аббатов, которые затем во второй половине изучаемого пе-

риода начинают постепенно сливаться и служат основой единого списка регулярно вызываемых аббатств. Первый из этих списков, который условно мы будем называть списком «А», включает в себя 61 аббата. Это большей частью аббаты мало известных монастырей, редко упоминавшихся в анналах политической и экономической истории Англии. Из них 17 премонстранских, 40 цистерцианских, 4 бенедиктинских.

Список «А» впервые появляется на совете магнатов, собравшемся 24 июня 1294 г. Затем он без всяких изменений и дополнений повторяется при вызове на парламент 13 ноября 1295 г. и 3 ноября 1296 г., затем с некоторыми незначительными дополнениями из списка «Б» он фигурирует при вызове на парламент 1300 г. После этого список «А» повторяется при вызове на парламент в январе 1301 г. (но здесь к нему прибавляется 18 монастырей второго списка), на парламент 1305 г.— с таким же дополнением. На парламент же в Карлейле 1307 г. были вызваны только 27 аббатств списка «А» и 21 аббатство из списка «Б».

Этот второй список «Б» состоит из 36 аббатов. В него входят аббаты 28 бенедиктинских, и 7 августинских монастырей, а также 1 аббат премонстранского ордена.

В этом списке фигурируют все наиболее известные в исторической литературе, и наиболее древние аббатства Англии: Вестминстерское, Сент-Олбанское, Гластонберийское, Рамзейское, Глостерское, Рэдингское, св. Эдмунда в Сэффоке, Эншемское, Абингдонское, св. Августина в Кентербери, Чиренчестерское, аббатства Торней, Осней, Кройленд, Тюкесбери и ряд других.

Список «В» впервые появляется в приглашении на совет магнатов 1 августа 1295 г., затем часть этого списка — 17 самых крупных аббатств — была использована для приглашений на парламент 30 сентября 1297 г., на который не было приглашено ни одно аббатство первого списка. Список «В» в полном виде фигурировал на совете магнатов 8 марта 1299 г. и на совете магнатов 9 мая 1299 г. На парламент 1300 г. из этого списка было приглашено только 5 аббатств в дополнение к полному списку «А». Начиная с 1301 г. наиболее крупные монастыри списка «В» стали регулярно получать приглашения на полные парламенты наряду с аббатствами первого списка. Такой смешанный состав мы видим на парламенте 1301 г., на совете магнатов 1302 г. (25 аббатств списка «В» и 29 аббатств списка «А»), на парламенте 1302 г. (такой же состав), на парламенте 1305 г. (18 аббатств списка «В» и 52 аббатства списка «А»), на парламенте 1307 г. (см. выше).

Нетрудно заметить, что до 1300 г. списки «А» и «В» ис-

пользовались для приглашения аббатов на различные типы собраний. Список «А» в большинстве случаев применялся для приглашения на парламенты, то есть на собрания, в которых, помимо магнатов, участвовали в той или иной форме представители общин. Список «В», в который были включены самые крупные, богатые и влиятельные представители монастырского землевладения, до 1300 г. использовался, как правило, только для приглашений на советы магнатов. Лишь в последний период правления Эдуарда I, с 1300 г., некоторая часть этих наиболее могущественных экономически и политически прелатов стала постоянной составной частью парламентов с представительством от общин. Наряду с ними на эти парламенты приглашалось и некоторое количество аббатов первого списка. Из двух отдельных списков постепенно выработался один общий, в котором потерялись их первоначальные различия.

Таким образом, постепенно выкристаллизовывается основной контингент тех аббатств, главы которых более или менее часто приглашаются на заседания парламента. Из общего количества 97 аббатств, которые в разное время приглашались на парламенты и советы магнатов с 1272 по 1307 г., только 75 получали вызовы более или менее регулярно — 5 раз и больше. Остальные 22 приглашались менее 5 раз, что позволяет их считать случайным элементом на этих собраниях.

Кого же представляли в парламентах конца XIII — начала XIV в. прелаты и каков был критерий для их приглашения туда?

Что касается архиепископов и епископов, то вопрос о том, почему они приглашались в парламенты и советы магнатов, достаточно ясен. Крупнейшие иерархи английской католической церкви, все они по своим светским владениям являлись непосредственными держателями короны и притом держателями на праве баронии, то есть на условиях несения определенной военной службы. Это были типичные «духовные бароны», крупнейшие вассалы короля, для которых участие в королевских совещательных собраниях было не менее обязательно, чем для его наиболее значительных светских вассалов. Естественно, что все они являлись также крупнейшими землевладельцами, богатейшими людьми страны. По неточным и, вероятно, заниженным данным «Таксации папы Николая IV», проведенной в 1288—1291 гг.[4], шесть из этих прелатов имели общий годовой доход свыше

[4] Подробную характеристику этого источника см. ниже.

1000 ф.: архиепископ Кентерберийский — 2049 ф.[5], епископ Даремский — 2666 ф.[6], епископ Винчестерский — 2977 ф.[7], епископ Илийский — 2000 ф.[8], епископ Линкольнский — 1120 ф.[9], архиепископ Йоркский — 1133 ф.[10]. Для остальных епископов Таксация указывает только размеры светского дохода, но и он у большинства из них колеблется от 400 до 1000 ф., и только у четырех епископов (Рочестерского, Ковентрийского, Лондонского и Карлейльского) он исчисляется ниже 400 ф. в год[11]. Для XIII в. даже 300 ф., не говоря уже о тысячах, составляли весьма значительный годовой доход, близкий к средним доходам обычной светской баронии[12]. Доходом же более 500 ф. и особенно более тысячи в эту эпоху могли похвастаться лишь немногие светские бароны и даже эрлы[13].

Сложнее обстоит дело с аббатами, критерий приглашения или неприглашения которых в парламент в сущности не выяснен в литературе.

По данным Д. Ноулса, виднейшего специалиста по истории английского монашества, общее количество монастырей[14] в Англии в XIII в. достигало 953 (включая женские монастыри и дома нищенствующих орденов, главы которых никогда не вызывались в парламент, и приорства, главы которых приглашались туда лишь в редких случаях). Количество наиболее известных мужских аббатств[15] достигало в этот период 425. Следовательно, 97 аббатств, главы которых в конце XIII и начале XIV в. в разное время приглашались в парламент, составляли около 1/10 всех монастырей Англии и около 22% наиболее значительных из них — аббатств.

---

[5] Taxtio ecclesiastica Angliae et Walliae auctoritate papae Nicholai IV circa a. d. 1291 (далее сокращенно — Taxtio). Rec. Com. London; 1802, pp. 48, 295.

[6] Ibidem, p. 318.

[7] Ibidem, p. 215.

[8] Ibidem, pp. 270, 295.

[9] Ibidem, pp. 626, 675.

[10] Ibidem, p. 305.

[11] Ibidem, pp. 7, 76, 316, 318, 320, 333; 249—251.

[12] S. Painter. Studies in the history of the english feudal barony. Baltimore, 1943, p. 174.

[13] S. Painter. Op. cit., pp. 170—175, а также N. Denholm-Young. Seignorial administration in England. Oxford, Univ. press. London, 1937, pp. 22—23.

[14] D. Knowels and R. N. Handcock. Medieval religious houses, Englands and Wales. London, 1953, p. 364, tabl.

[15] S. Wood. English monasteries and their patrons. London, 1955, pp. 67—68.

Чем же определялся выбор этих аббатов? Естественнее всего предположить, что критерий «парламентских аббатств» определялся в первую очередь отношениями между ними и короной, то есть тем, что на парламент, как правило, приглашались лишь те аббаты, которые или являлись непосредственными держателями короля или находились под его патронатом и были связаны с ним по административной или фискальной линии.

Несомненно, что во всяком случае все аббаты, являвшиеся непосредственными держателями короны, и все аббаты, возглавлявшие монастыри, основанные королем и находившиеся под их патронатом, действительно входили в число «парламентских аббатов». Первых было всего 20. Это были крупнейшие преимущественно бенедиктинские монастыри, основанные еще до нормандского завоевания. После 1066 г. они держали свои земли от короля на праве баронии (per baroniam). Вторых было 12. Как аббаты монастырей, основанных королями, они, очевидно, тоже являлись держателями in capite и, кроме того, состояли под патронатом короны, то есть зависели от нее во многих отношениях[16]. Что представляли собой в смысле их отношений с королем остальные 65 аббатов, входившие в число «парламентских», нам, к сожалению, неизвестно. Можно лишь предполагать, что и они с течением времени оказались в каких-то отношениях с короной; в силу изменений, происходивших в Англии XII—XIII вв. в распределении среди феодалов собственности и феодальных прав, а также в характере вассальных связей.

Нам известно, как щедро в этот период английские короли раздаривали земли церковным учреждениям и, в частности, монастырям. Возможно, что такие земельные дарения, если они попадали в руки одного аббатства, постепенно превращали его в держателя in capite, хотя оно было основано не королем и по своим старым земельным владениям являлось держанием per medios. С другой стороны, в процессе политических смут XII—XIII вв., сопровождавшихся земельными конфискациями, вместе с землей мятежных лордов в руки короля могли переходить и права патроната над тем или иным аббатством, что также изменяло отношения последнего с короной. Право патроната могло попасть в руки короны и более обычным путем — в результате конфискации вымороченного имущества того или иного светского лорда,

---

[16] A. M. Reich. The parliamentary abbots to 1470. Losangelos, 1941, pp. 293—295.

или конфискации владений и прав держателей in capite, совершивших уголовное преступление [17].

Во всяком случае известно, что в XIII в. под патронатом короны находились не только аббатства, основанные королями или державшие свои земли на праве баронии (упомянутые 32 аббатства), но и многие другие — всего 106 аббатств [18]. Предположение о том, что в парламент приглашались лишь аббаты-держатели in capite или возглавлявшие аббатства, находившиеся под патронатом короны, объясняет, почему число «парламентских аббатов» было неизмеримо меньше общего количества аббатств: ведь в XIII в. лишь небольшая их часть имела подобные отношения с короной [19]. Это предположение о роли в данном вопросе держательских связей между аббатством и короной, косвенно подтверждается и данными трактата Modus tenendi parliamentum.

Согласно этому трактату, «на парламент должны вызываться и **являться на основании своего держания (rationae tenurae suae)** все вместе и по отдельности архиепископы, епископы, аббаты, приоры и другие важные клирики, которые держат на праве графства или баронии (per comitatum vel baroniam) на основании этого рода держания» [20].

Если о влиянии держательских отношений на определение круга «парламентских аббатов» можно говорить лишь предположительно, то совершенно бесспорным является другой критерий — принадлежность аббатства к одному из четырех монашеских орденов: бенедиктинцев, августинцев, цистерцианцев, премонстрантов. В обоих списках «А» и «В» мы находим исключительно аббатов монастырей этих орденов. Объяснение этому факту надо, очевидно, искать в том, что эти самые старые и мощные конгрегации в XIII в. имели в Англии наибольшее количество и притом самых значительных по богатству и влиянию монастырей и в том числе аббатств. Из 953 монастырей страны 225 принадлежали бене-

---

[17] Право патроната над церквами и монастырями рассматривалось в XIII в. как весьма выгодное феодальное право и использовалось вышестоящими сеньерами по отношению к их вассалам, как и всякое другое феодальное право, связанное с чисто светскими отношениями.

[18] S. Wood. English Monasteries and their patrons. London, 1955, pp. 67—68. К сожалению, автор не сообщает названия этих аббатств. Мы же не располагаем в настоящее время источниками для того, чтобы установить точные списки аббатств, находившихся под патронатом короны.

[19] Из 425 аббатств только 106 находились под патронатом короля, 203 имели патронами баронов и более мелких светских феодалов, 89— эрлов и 27 — епископов (S. Wood. Op. cit., p. 67).

[20] Select charters. Oxford, 1874, p. 503.

диктинцам, 230 — августинцам, 72 — цистерцианцам, 38 — премонстрантам (всего 565 монастырей)[21].

Им же принадлежало большинство мужских аббатств, как правило, более влиятельных в экономическом и религиозном отношении, чем приорства, госпитали, женские монастыри и др. Бенедиктинцы имели в Англии в XIII в. 50 аббатств, августинцы — 31, цистерцианцы — 72, променстрангы — 37. Этому отчасти соответствовало и количество «парламентских аббатств» от каждого из этих орденов (кроме августинских): 32 — бенедиктинских, 7 — августинских, 40 — цистерцианских, 18 — премонстрантских. Эти данные позволяют думать, что, формируя круг аббатов — участников парламента, правительство в какой-то мере руководствовалось стремлением видеть в нем представителей наиболее влиятельных в Англии монашеских орденов. Король хотел, чтобы решения парламента, особенно решения о субсидиях, получали санкцию в первую очередь представителей этих мощных конгрегаций и считались бы обязательными для всех монастырей, к ним принадлежавших.

Однако в число «парламентских аббатов» входило лишь около половины всех аббатов, возглавлявших аббатства, принадлежавшие к этим четырем орденам (97 из 190). Следовательно, для их приглашения в парламент были еще какие-то основания. Возможно, что некоторую роль здесь играло территориальное размещение аббатств по графствам, которые обычно совпадали с церковными административными округами — архидьяконатами. На эту мысль наводит то, что и в списке «А» и в списке «В» мы находим аббатства, расположенные во всех графствах Англии, причем в количестве примерно пропорциональном общему количеству аббатств в графстве или архидьяконате.

Наибольшее количество аббатов (по данным обоих списков) приглашалось от Линкольншира (10), Глостершира и Йоркшира (по 8), от Гампшира и Кента (по 6), в которых находилось и наибольшее количество аббатств. От остальных графств, где их было меньше, приглашалось по 1, 2, 3, 4 аббата.

Наши сведения о «парламентских аббатах» все же будут неполными, если мы не выясним более точно их социальный облик и их имущественное положение. Это поможет нам попутно еще более уточнить и критерий определения «парламентских аббатов» в XIII в.

Единственным источником, который может дать некоторое представление об экономическом и социальном весе в XIII в., интересующих нас аббатств и их руководителей — аббатов,

[21] D. Knowels and R. N. Handcock. Op. cit., pp. 359, 361, 364.

является уже упоминавшаяся «Таксация папы Николая IV». Это оценка всех доходов церковных учреждений Англии как духовных, так и светских, проведенная по приказу Эдуарда I в 1288—1291 гг. с целью обложения церкви десятиной, которую папа Николай IV разрешил собирать Эдуарду I в течение шести лет на покрытие его расходов в предполагавшемся крестовом походе. Таксация не всюду указывает размеры церковного землевладения, но тщательно фиксирует все доходы всех церковных учреждений и, в частности, монастырей. В каждом деканате, архидьяконате и епископском диоцезе она фиксирует сначала духовные (spiritualia) [22], а затем светские доходы (temporalia) [23] всех церковных учреждений, расположенных на этой территории.

Таксация, по-видимому, несколько преуменьшает общие доходы монастырей, которые нас интересуют, как и вообще всех церковных учреждений. Во-первых, она не учитывает доходы от церковных бенефициев, которые выплачивались другим лицам и учреждениям, милостыню и светское жалование, получаемые клириками, а также доходы от мелких бенефициев (не превышавшие 6 м. в год) [24]. Во-вторых, по некоторым диоцезам и даже архидьяконатам Таксация дает только весьма суммарные описи, в частности не указывает объекты, с которых получается светский доход, а только общие цифры этого дохода [25]. Очевидно, что такие суммарные описи не дают гарантии точности сообщаемых данных. Учитывая же, что оценка производилась с целью обложения церковных имуществ, можно думать, что там, где она делалась неточно, наглазок, могло иметь место сознательное преуменьшение доходов того или иного аббатства.

В-третьих, наконец, Таксация составлена таким образом, что при ее обработке почти неизбежны ошибки в сторону преуменьшения монастырских доходов. Общие суммы этих доходов приходится подсчитывать по мелочам, выбирая данные о них из описей разных деканатов, архидьяконатов, а иногда и диоцезов, по которым были разбросаны владения многих аббатств, а также их церкви, и другие духовные доходы. Возможность ошибок при этих подсчетах еще более увеличивается оттого, что часто один и тот же монастырь в разных описях

---

[22] От церквей, пенсий, пребенд.

[23] То есть доходы от земли, скота, пастбищ, мельниц, судебные доходы и т. д.

[24] На эту особенность Таксации указывал еще А. И. Савин. См. его Английская секуляризация. М., 1906, стр. 290—292.

[25] Например, описи Экзетерского, Сольсберийского, Винчестерского, Илийского, Йоркского, Лондонского и Кентерберийского диоцезов.

фигурирует под разными названиями (очень разная транскрипция) [26] или, напротив, разные аббатства носят названия, очень сходные по начертанию [27]. Но как ни велико в некоторых случаях преуменьшение доходов отдельных аббатств по данным Таксации, все же мы не вправе отказываться от использования этого источника. Он дает массовый и в общем однотипный материал, которого нет ни в одном другом источнике XIII в., о доходах интересующих нас аббатств по всей территории Англии, а следовательно, об их экономическом и социальном значении.

Данные о доходах «парламентских аббатств» XIII в., полученные нами в результате статистической обработки материала Таксации 1288—1299 гг., сведены в следующую таблицу:

Таблица 2

Доходы аббатств, аббаты которых регулярно приглашались на парламенты и советы магнатов в конце XIII—начале XIV века

Аббатства списков «А» и «В»	Группы аббатств по размерам годовых доходов					
	с доходом до 100 ф.	с доходом от 100 до 200 ф.	с доходом от 200 до 500 ф.	с доходом от 500 до 1000 ф.	с доходом свыше 1000 ф.	всего
Аббатства списка «А»	25 (41,5%)	22 (36,5%)	14 (22%)	—	—	61 (100%)
Аббатства списка «В»	4 (11%)	9 (25%)	16 (42%)	5 (16,5%)	2 (5,5%)	36 (100%)
Все аббатства обоих списков	29 (30%)	31 (32%)	30 (30%)	5 (6%)	2 (2%)	97 (100%)

Из этой таблицы ясно видно, во-первых, значительное различие в экономической значимости аббатств, входивших в список «А» по сравнению с аббатствами списка «В». Как и следовало ожидать по малоизвестным названиям аббатств первого списка, в нем значительное место занимали сравнительно мелкие и небогатые монастыри с доходом до 100 ф., весьма малочисленны были монастыри с доходом от 200 до 500 ф. и вовсе отсутствовали наиболее богатые — с доходами свыше

[26] Например, аббатство Бейлей фигурирует в Таксации, как «Byleye», «Byley», «Bileye», «Bileegh», аббатство Летлей, как «Leteley», «Letley», «Letteleye» и т. д.

[27] Например, цистерцианское аббатство Stanle или Stanlegh в Уилтшире и цистерцианское же аббатство Stonle или Stonleigh, Stonley в Уорвикшире.

500 ф. Совсем иную картину представляет список «В». В нем безусловно преобладают аббатства, доход которых превышает 100 ф. в год (89% всех аббатств этого списка), причем 64% этих последних составляют монастыри с доходом свыше 200 ф., а несколько аббатств имеют доходы около 1000 ф. и выше.

Во-вторых, эта таблица показывает, что среди аббатств обоих списков подавляющее большинство составляли сравнительно крупные аббатства с доходом свыше 100 ф. в год. Если же мы вспомним при этом, что данные Таксации во многих случаях преуменьшали доходы монастырей, то надо думать, что процент этих наиболее крупных и богатых монастырей среди «парламентских аббатств» в действительности был еще выше.

При этом характерно, что аббатства, главы которых приглашались в парламент особенно часто — 10 раз и более, почти все были крупнейшими в стране и имели годовой доход значительно выше 100 ф., нередко приближавшийся к 1000 ф. Напротив, аббаты, которые приглашались в парламент реже (от 1 до 4 раз), в значительной части имели доходы ниже 100 ф. в год (9 человек), а из остальных 13 только один имел доход свыше 300 ф.

Это наводит на мысль о том, что экономическое значение монастырей также принималось в расчет при определении круга «парламентских аббатов». Очевидно, как правило, в него включались главы наиболее богатых монастырей, принадлежавших к высшей группе монастырского землевладения, хотя в пределах этой группы, как видно из таблицы, также имели место довольно резкие различия в доходах.

Конечно, в целом «парламентские аббаты» уступали в доходах епископам; только 2 из них, по данным Таксации, имели доход свыше 1000 ф. в год (Рамзейское [28] и Гластонберийское [29] аббатства). Но все же основная масса «парламентских аббатов» может быть с полным правом отнесена к крупному феодальному землевладению вообще и монастырскому в частности. Среди огромного количества мелких и мельчайших монастырей Англии XIII в. даже аббатства с доходом в 100 ф. могут считаться сравнительно богатыми. Нельзя забывать, что доход такого размера в 5—6 раз превышал доход с обычного рыцарского феода и приближался к доходам небольшой баронии [30]. Тем более богатыми могут счи-

[28] Taxatio, pp. 35—36, 48—52, 55, 80, 88—89, 91, 97, 98, 121, 133, 266, 269 — всего 1259 ф.

[29] Taxatio, pp. 13, 151, 181, 183, 184, 185—186, 191—193, 196—198, 202—205, 210 — всего 1116 ф.

[30] В начале XIII в. значительный процент бароний имел доход от 100 до 400 ф., а многие даже до 100 ф. (S. Painter. Op. cit., pp. 170—171).

таться монастыри с доходами в 200, 300, 400 ф., которых было немало среди «парламентских аббатств».

Таким образом, критерий богатства, экономического значения, очевидно, также принимался в расчет при приглашении в парламент тех или иных аббатов.

Впрочем, критерий богатства действовал, очевидно, с некоторыми ограничениями. Среди «парламентских аббатств» в некоторых случаях мы находим монастыри, имевшие меньшие доходы, чем те, которые никогда не приглашались в парламент. Это можно объяснить тем, что средний уровень доходов был весьма различен для аббатств различных монашеских конгрегаций. Бенедиктинские и августинские аббатства в среднем были более богатыми. Из 39 монастырей этих орденов, помеченных в списках «А» и «В», только 3 имели доход ниже 100 ф. Цистерцианские монастыри были в массе беднее: из 40, фигурирующих в этих списках, только 29 имели доход выше 100 ф. Премонстранские монастыри были еще слабее. Из 18 аббатств этого ордена, главы которых приглашались в парламент, 15 имели доход до 100 ф. Но и цистерцианцы и премонстранты составляли мощные конгрегации, и правительство желало видеть их представителей в парламенте, хотя эти представители в отдельных случаях могли быть беднее средних монастырей бенедиктинского ордена, не приглашавшихся в парламент. Таким образом, критерий богатства, очевидно, играл роль в выборе аббатов одного и того же ордена, но не всегда принимался в расчет при приглашении аббатов разных орденов [31]. В отдельных случаях он нарушался и в отношении аббатов одного и того же ордена, скорее всего в тех случаях, когда нужно было соблюсти определенную пропорцию в представительстве аббатств разных графств или архидьяконатов. Здесь также иногда приглашался аббат менее богатого монастыря в том или ином ордене, так как в данном графстве он являлся наиболее богатым и влиятельным. Наконец, в отдельных, довольно редких, случаях религиозное и общественное влияние аббатства не вполне соответствовало его богатству. Таким образом, в число «парламентских» могли попадать иногда более сла-

---

[31] Например, премонстранский монастырь Торре (Torre) в Девоншире считался одним из крупнейших аббатств ордена в Англии (D. Knowels and R. N. Handcock. Op. cit., p. 168), а между тем его доход, по данным Таксации, всего 48 ф. (Taxatio, pp. 72b, 153, 149b). Одно из крупнейших в Англии цистерцианских аббатств — аббатство Фэрней (Furneis) имело, по данным Таксации, доход всего в 209 ф. (D. Knowels and R. N. Handcock. Op. cit., p. 109; Taxatio, pp. 308, 309, 329). От 250 до 300 ф. в год имели два других богатейших в Англии цистерцианских аббатства — Ньюминстер и Равесби (Taxatio, pp. 316, 318; 67b).

бые в экономическом отношении, но пользующиеся особым влиянием монастыри [32].

Таким образом, круг «парламентских аббатств» формировался на основе нескольких критериев. Известную роль здесь играли отношения аббатства с короной: держательские связи, отношения вассалитета и патроната, принадлежность аббатств к определенным монашеским конгрегациям, местонахождение их в том или ином графстве или архидьяконате, наконец (лишь по порядку, но не по значению), экономическая мощь монастыря, его доходы, определявшиеся в первую очередь размерами его землевладения. При этом следует иметь в виду, что во многих случаях между всеми этими признаками имелась определенная связь: аббатства, являвшиеся держателями короля per baroniam, а также находившиеся под патронатом королей и щедро одариваемые ими, как правило, принадлежали к числу богатейших в стране. Среди бенедиктинских, августинских, цистерцианских и премонстранских аббатств в XIII в. было бóльшее количество крупных землевладельцев со значительными доходами, чем среди монастырей других орденов.

Поэтому в конечном итоге экономическое значение монастыря играло если не решающую, то во всяком случае очень важную роль в приглашении его главы — аббата в парламент.

При всем разнообразии критериев, которыми, очевидно, руководствовалось правительство при определении круга «парламентских аббатов», эти последние, как и епископы, представляли в парламентах и советах магнатов изучаемого периода крупное церковное землевладение, и в частности крупное монастырское землевладение, феодальной Англии.

* *
*

Теперь рассмотрим состав светских лордов, заседавших в парламенте и в советах прелатов и баронов. С эрлами дело обстояло примерно так же, как и с епископами. Все они (их было всего 11, а затем к ним прибавился после 1283 г. двенадцатый — принц Уэльсский), очевидно, считались непременными советниками короля и обычно вызывались на парламен-

[32] Например, аббатство Веверлей было одним из влиятельнейших монастырей цистерцианского ордена в Англии (D. Knowels and R. N. Handcock. Op. cit., p. 117), а доход его составлял всего 95 ф. в год (Taxatio, pp. 13, 97, 139, 192, 206 в, 215). То же самое относится к цистерцианскому аббатству Водей (Valledei), доход которого в XIII в. был около 80 ф. (Taxatio, pp. 65, 66в, 67).

ты и советы магнатов в полном составе. Некоторые колебания в их количестве объясняются, вероятно, случайностями (болезнью, опалой и т. д.).

Иначе обстояло дело с баронами, количественный и личный состав которых на парламентах и советах магнатов постоянно изменялся, как и состав приглашавшихся аббатов. Колебания в количестве были даже еще резче, чем среди аббатов. Меньше всего баронов было вызвано на парламент 30 сентября 1297 г., на котором было принято Подтверждение хартии (всего 14 баронов), больше всего баронов было приглашено на парламент 1283 г. (101 барон), на парламент 1300 г. (99 баронов) и на парламент 1305 г. (94 барона). По-видимому, собрания считались одинаково полномочными при самом различном количестве присутствовавших баронов. Однако к концу царствования наблюдается заметная тенденция к некоторой определенности в этом отношении. После 1297 г. ни на одном парламенте или совете количество приглашенных баронов не спускалось ниже 60, а в большинстве случаев колебалось между 80 и 100. Установить точное соответствие между значением собраний и количеством вызывавшихся баронов так же трудно, как и в отношении магнатов вообще. Здесь можно сделать только такой весьма общий вывод, что наибольшее количество баронов приглашалось на парламенты, на которых решались важные общегосударственные вопросы [33]. На парламенты, которые созывались только для разрешения субсидий, или на которых только разбирались судебные дела, приглашалось обычно меньшее количество баронов. Однако и здесь были исключения.

Таким образом, количественный анализ состава баронской части парламента также указывает на то, что это учреждение находилось в процессе становления и далеко не определилось еще по своему составу.

Такое же впечатление оставляет изучение личного состава баронов. На все 17 собраний (парламентов и советов магнатов), о составе которых мы имеем точные данные в Parliamentary writs, было приглашено в разное время всего 198 баронов. Из них 90 вызывались всего один раз, 22 барона всего 2 раза и 10 баронов всего три раза. Остальные 76 баронов вызывались более трех раз, причем и из них далеко не все на

---

[33] На парламент 1283 г., на котором происходил суд над мятежным Уэльсским князем Давидом (101 барон), на парламент в Йорке, 1298 г., где было принято решение о начале войны с Шотландией (78 баронов), на парламент 1300 г., где, как указывалось выше, был издан целый ряд важных постановлений (99 баронов), на парламент 1301 г., где было принято письмо к папе, и на парламент 1305 г. (94 барона), на парламент 1307 г. (86 баронов).

каждый парламент или Великий совет. Ни один из них не получил приглашения на все 17 собраний, и только 12 баронов приглашались на собрания со сравнительно небольшими перерывами, причем четверо из них были, по-видимому, постоянными советниками короля [34]. Здесь не было никаких единых списков, и при каждом новом созыве парламента приглашались часто совершенно новые люди. На каждом собрании неизменно встречаются новые имена до того времени не приглашавшихся баронов. Так, например, из 62 баронов, приглашенных на Великий совет 21 сентября 1294 г., 40 были вызваны впервые, на совете 1295 г. из 53 баронов 14 были вызваны в первый раз, на парламенте 1298 г. из 78 баронов впервые приглашенных было 33 и т. д.

Эту неустойчивость в личном составе баронской группы парламента нельзя объяснить только количественной неопределенностью его состава. Нельзя ее объяснить и тем, что состав держателей бароний, или per baroniam, в XIII в. был очень изменчив [35]. Можно согласиться с тем, что в эту эпоху барония уже совершенно утратила определенность своих территориальных и юридических очертаний, но едва ли все же каждые 2—3 года в составе держателей бароний происходили такие резкие изменения. Скорее эту неустойчивость следует приписать тому, что принцип, которым руководствовались при приглашении баронов в парламент, в конце XIII в. не был окончательно выработан. Это подтверждается также и тем, что после 1297—1298 гг. личный состав баронов все более и более стабилизируется: на парламент 1299 г. не был приглашен ни один новый барон, на парламент 1300 г. из 99 приглашенных только 11 были вызваны впервые, на Линкольнский парламент было приглашено только 5 новых баронов, на парламент 1305 г. из 94 — 11 новых, на парламенты 1306 и 1307 гг. — всего по 2 новых барона.

Очевидно, именно в эти годы в парламентской практике зарождается принцип будущего пэрства и палаты лордов, сложившиеся прочно только к концу XIV в.

Но, несмотря на всю неясность критерия приглашения баронов на парламенты и Великие советы в эту эпоху, мы располагаем некоторыми возможностями для уточнения социальной природы баронской группы парламента, хотя бы в такой же степени, в какой нам удалось выяснить это по отношению к прелатам.

В самом деле, до сих пор мы называли членов этой части

---

[34] Nich. Segrave, Joh. Segrave, Fulco fil. Warini, Rob. Tateshal.

[35] Такого мнения придерживается Пэйнтер в своей упоминавшейся выше работе: S. Painter. Op. cit., p. 176.

парламента баронами, как их называют обычно источники XIII в. Но каково же социальное содержание этого весьма неопределенного термина в применении к истории парламента в изучаемую эпоху? [36]. Вопрос этот еще не получил должного разрешения в литературе по конституционной истории Англии. Строго говоря, он даже и не ставился в таком аспекте потому, что хотя во всех общих работах по конституционной истории Англии рассматривается состав баронской части парламента, но авторы подходят к нему и разрешают его с чисто юридической точки зрения. Их интересует не то, какие общественные элементы входили в составы этой баронской группы, но главным образом, кто именно из баронов и почему был обязан или имел право получать приглашения и являться на парламент. Между тем в период формирования парламента, когда он далеко еще не определился по своему составу, естественно, вопрос о юридической стороне дела не мог иметь решающего значения.

Уже Стеббс отмечал, что приглашения баронов в парламент опирались не на знатность происхождения, не на принцип «голубой крови». Основным критерием для приглашения в парламент он считал держание баронии, или держание «на праве баронии» (per baroniam), которое, по его мнению, определяло в XIII в. приглашение в парламент и прелатов, и баронов. Только в XIV в. этот критерий держания постепенно уступил место наследственному праву заседать в парламенте, которое и стало определять положение членов палаты лордов — пэров. Примерно такой же точки зрения придерживался и Д. М. Петрушевский [37]. Р. Гнейст, напротив, категорически отрицал, что держание на праве баронии определяло круг приглашаемых баронов. По его мнению, такого критерия вообще не было, и состав баронов, приглашавшихся на каждый парламент, зависел исключительно от воли короля, которая с самого начала, таким образом, легла в основу формирования пэрства [38]. Ф. Мэтланд начинает с критики Стеббса в этом вопросе. Он справедливо указывает на неясность самого понятия «барония» в XIII в., которая, так же как и рыцарский феод, неопределенна по размерам и никак

---

[36] Крайняя неопределенность понятий «барон» и «барония» для XIII в. с юридической точки зрения очень хорошо показана в новом исследовании Сандерса (Y. J. Sanders. Feudal military service in England. London, 1956, pp. 1—29).

[37] W. Stubbs. The constitutional history, vol. II. London, 1875, pp. 178, 179; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр. 200—201.

[38] Р. Гнейст. История государственных учреждений Англии. М., 1885, стр. 386, 387.

не может рассматриваться как единица земельных владений того или иного барона. С другой стороны, и звание барона, по его мнению, не было связано ни с какими особыми правами и привилегиями и поэтому не имело в XIII в. никакого определенного сословного значения. Однако ответа на вопрос, кто же такие «бароны» XIII в. и на каком основании они приглашались в парламент, он в сущности не дает [39]. В другой своей работе Мэтланд ограничивается замечанием о том, что барония это такое держание, которое давало своему владельцу право на личное приглашение в Великий совет, а затем в парламент [40].

В новейшей литературе вопрос этот также решается поразному. Американский историк Пэйнтер, например, считает, что при вызове на парламент епископов, аббатов, эрлов и баронов король не всегда руководствовался принципом держания per baroniam и даже не всегда приглашал в парламент личными вызовами только своих непосредственных держателей. Тем самым он, как и Гнейст, ставит приглашение тех или иных баронов в зависимость от личной воли короля [41]. Кларк, напротив, считает, что бароны вызывались в парламент уже в конце XIII — начале XIV в. по определенному праву, а не просто по милости или произволу короля. Но на чем базировалось это право, она не разъясняет [42].

Ни одно из этих предположений в сущности не отвечает на поставленный выше вопрос о том, какие общественные элементы были представлены в парламентах и Великих советах этой не вполне определенной категорией «баронов». Это неизбежно вытекает как из самой постановки вопроса, так и из того круга чисто правовых источников, которые обычно использовались при его решении и которые без сопоставления их с другими данными не позволяют решить этот вопрос.

В этом нетрудно убедиться, познакомившись с этими источниками, очень немногочисленными и скупыми. Они представлены пресловутой 14 ст. Великой хартии вольностей, отдельными упоминаниями в статутах конца XIII в. и указаниями, которые имеются на этот счет в Modus tenendi parliamentum.

Попытаемся найти в них ответ на те вопросы, которые обычно ставились в связи с проблемой баронства в парламенте в буржуазной историографии:

[39] F. Pollock and F. Maitland. History of English law, vol. I, Cambridge, 1898, pp. 259—261, 409, 410.

[40] F. Maitland. The constitutional history of England. Combridge, 1908, pp. 78—81.

[41] S. Painter. Op. cit., pp. 55—56.

[42] M. V. Clarke. Medieval representation and consent. London, 1936, pp. 197—199.

1. Обязательно ли лично приглашавшиеся бароны были держателями in capite.

2. Обязательно ли они должны были быть держателями баронии, или на праве баронии (per baroniam), то есть имело ли их название баронов определенное техническое значение в применении к парламенту. Хотя с нашей точки зрения эти вопросы не являются главными при определении социального лица баронов, приглашавшихся в парламент, но они в какой-то мере интересны и для нашего исследования.

Перечисленные источники не дают ясного ответа ни на один из этих вопросов.

Из ст. 14 Великой хартии вольностей можно заключить, что главным критерием для приглашения в общий совет королевства должны были быть непосредственные держательские отношения приглашаемого к королю. Но, во-первых, это правило относится к собранию, которое на практике никога не собиралось, во-вторых, оно было записано за 60 лет до вступления на престол Эдуарда I; в-третьих, статья эта выдвигает критерий непосредственного держания не только для barones majores, приглашавшихся лично, но и для всех прочих членов общего совета, которые должны были приглашаться «огулом через шерифов». В остальных наших источниках мы не находим прямых данных по этому вопросу. Следовательно, даже этот простой вопрос на основании обычно привлекаемых источников решить довольно трудно.

Со вторым вопросом дело обстоит еще сложнее главным образом из-за неопределенности понятия «барон» и «баронния» в XIII в. Большинство наших данных противоречит весьма соблазнительному выводу о том, что барон XIII в. — это держатель полной баронии. Ст. 14 Великой хартии вольностей сопровождает слово barones эпитетом majores. Из этого можно заключить, что в начале XIII в. само по себе слово барон вовсе не означало держателя баронии как земельного владения определенного размера и доходности. Брактон, определяя положение баронов, ограничивается скупым замечанием, что за эрлами, ближайшими советниками короля, следуют «другие могущественные люди, подвластные королю, которые называются баронами и составляют основу его военной силы» [43].

Необязательность совпадения звания барона с держанием баронии в XIII в. косвенно подтверждает и 42 ст. II Вестминстерского статута 1285 г. В ней речь идет о вознаграждении, которое маршал короля может получать с эрлов, баронов, аббатов, епископов при принесении ими оммажа или принятии

---

[43] H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae, R. S., No. 70, vol. I. London, 1878, p. 38.

рыцарского звания (с эрлов и баронов). Там, между прочим, говорится: «Маршал, который требует теперь с эрлов, баронов и **других держателей баронии и их частей** верховых лошадей, когда они приносят оммаж и затем опять, когда они принимают рыцарское звание... должен отныне довольствоваться получением одного коня или его стоимости с каждого эрла и барона, держащего полную баронию, как это велось в старину»[44].

И далее: «Со светских и духовных держателей частей баронии он должен брать пропорционально той части баронии, которую они держат. С духовных лиц, держащих земли в свободной милостыне, **а не на праве баронии или части баронии**, маршал отныне ничего не должен требовать»[45].

Из этого постановления можно заметить, во-первых, что держателем баронии мог быть не только эрл или барон, но и кто-нибудь другой, во-вторых, что при взимании платы маршалом играли роль не только и не столько размеры держания (полная барония или ее часть), сколько принцип держания на праве баронии или «части баронии».

Наконец, в Modus tenendi parliamentum содержится прямой ответ на вопрос о том, кто, кроме прелатов, должен вызываться личными приглашениями.

В разделе «О приглашениях в парламент», который мы цитировали выше, читаем:

«Равным образом (то есть личными приглашениями, как и прелаты.— *Е. Г.*) должны вызываться и являться эрлы, бароны и равные им, то есть те, кто имеют земли и доходы, равные доходам с полного графства[46] или баронии, то есть доходы с 20 рыцарских феодов, считая доходность каждого феода в 20 ф., что составляет всего 400 ф., или с доходом одной полной баронии, то есть $13^1/_3$ феодов, считая каждый феод доходом в 20 ф., что составляет в общей сумме 400 марок. И никакие менее значительные светские люди не должны вызываться и являться в парламент **на основании своих держаний...»**[47].

Таким образом, Modus еще раз подтверждает, что барония вовсе не обязательно находилась в руках барона — иначе не было бы надобности говорить о людях, «равных» баронам,— и в этом отношении согласуется со всеми выше приведенными данными. Но, с другой стороны, в качестве основного критерия

---

[44] Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 84.

[45] Там же.

[46] Под графством автор понимает не обычную территориальную единицу административного деления средневековой Англии, но комплекс земельных владений графа или эрла, хотя в реальной действительности XIII в., такой единицы земельного держания не существовало.

[47] Select charters. Oxford, 1874, pp. 503, 504.

для личных приглашений в парламент трактат выдвигает принцип держания, равного по размерам и доходности баронии или графству. При этом, в отличие от II Вестминстерского статута, решающую роль он придает не характеру держания per baroniam, а его экономическому значению, так как специально оговаривает, что люди с меньшими, чем барония, держаниями не должны вызываться специальными приглашениями.

Таким образом, Modus tenendi как будто бы противоречит и точке зрения Стеббса и точке зрения Мэтланда, поскольку трактат отодвигает на задний план юридический принцип держания per baroniam, и точке зрения Гнейста так как он ставит приглашение в зависимость от размеров или доходности держания. Этот ясный ответ, данный в трактате, на поставленный нами вопрос, очень соблазнителен. Однако мы не можем безоговорочно доверять автору трактата.

Используя этот источник, приходится всегда учитывать: во-первых, то, что в нем отражены парламентские порядки 20-х гг. XIV в., но не первых лет существования парламента; во-вторых, то, что, как было отмечено, он не является официальным документом — описанием, инструкцией и т. п., но представляет собой политический трактат, который изображает не столько действительную, сколько желаемую для автора и его партии организацию парламента. Все содержание трактата обнаруживает стремление автора упорядочить, систематизировать организацию парламента, закрепить определенными формами то, что может быть еще только намечалось.

В целом, все рассмотренные нами источники не дают и, очевидно, не могут дать исчерпывающий ответ на те вопросы, которые им обычно предъявляли все исследователи: ни на вопрос о том, было ли держание in capite обязательным условием личного приглашения в парламент; ни на вопрос о том, было ли таким обязательным условием владение баронией или на «праве баронии» и принимался ли при приглашениях в расчет юридический характер держания per baroniam или только его размеры и доходность.

Несомненно только то, что не всякий держатель баронии являлся бароном, и что не всякий барон являлся держателем полной баронии. Поэтому для того, чтобы выяснить интересующий нас вопрос о социальном облике баронов в парламенте, мы обратимся к источникам другого типа, никогда не привлекавшимся для этой цели раньше. При этом несколько изменится и постановка вопроса. Мы будем искать ответ не на вопрос о том, кто имел право или был обязан заседать в парламенте, а на вопрос, кто фактически и на каких основаниях являлся туда и заседал по личным приглашениям короля? Для

этого обратимся к рассмотрению имущественного положения «баронов», приглашавшихся в парламент, и посмотрим, каковы были их земельные владения.

Для того чтобы определить размеры земельных держаний тех 198 баронов, которые в разное время приглашались на парламенты и советы магнатов времени правления Эдуарда I, были использованы два источника: первый — так называемая, «Книга феодов»[48] (Testa de Nevill sive liber feodorum); второй — Регистр посмертных расследований конца XIII — начала XIV в.[49].

Testa de Nevill — это опись рыцарских феодов, составленная, по-видимому, в царствование Эдуарда I, которая теоретически должна была включать все рыцарские феоды Англии с указанием, от кого они держатся. Однако фактически в источнике имеются значительные пробелы, и имена многих баронов, приглашавшихся в парламент в конце XIII в. и первые годы XIV в., там отсутствуют. Кроме того, Testa de Nevill дает только очень общие данные, не указывая точных размеров или доходности феода. Обычно указывается, что такой-то держит 1 феод, 2 феода или $^1/_2$, $^1/_4$ феода. Так как рыцарский феод для XIII в. — понятие весьма неопределенное, то судить о размерах земельных владений того или иного барона довольно трудно.

Регистр посмертных расследований еще более скуп в этом отношении. Это в сущности лишь оглавление к замечательному источнику XIII в. Inquisitiones post mortem, который хранится в Лондонском публичном архиве. Inquisitiones post mortem — это, как известно, протоколы расследований об имуществах коронных вассалов, производившиеся по приказанию короля после смерти каждого держателя in capite[50].

Регистр содержит только перечисление по графствам тех маноров каждого умершего держателя короны, в которых было произведено расследование, и очень мало сообщает о размерах или доходности этих маноров. Не говоря уже о том, что здесь мы получаем сведения только о держателях in capite, мы, так же как и в Testa de Nevill, встречаемся с неопределенным понятием феодов, и еще менее определенными в смысле раз-

---

[48] Testa de Nevill sive liber feodorum temp. Henrici III et Edward I. London, 1807 (далее сокращенно — Testa de Nevill).

[49] Calendarum Inquisitionum post mortem sive Escaetorum (Henr. III — Rich. III). Vol. I, Record Comm. London, 1806 (далее сокращенно — Calendarium J. P. M.).

[50] Подробная характеристика этого источника содержится в работе Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.», 1947.

мера понятиями манор и вилла. Таким образом, источники наши весьма скудны, неполны и неопределенны.

При всем том за неимением у нас других данных их все же можно использовать для нашей цели, так как они дают однородный материал по всем графствам Англии, который отсутствует в других, более полных источниках аграрной истории. И хотя бесполезно искать в этих источниках точных сведений о размерах владений отдельных баронов в акрах или виргатах или об их доходности, однако они дают общую картину сравнительного экономического и социального веса этих баронов.

Из 198 баронов, которые в разное время вызывались на парламенты и советы магнатов при Эдуарде I, большая часть может быть охарактеризована на основании наших источников, Однако 40 из них не фигурируют ни в одном из этих источников, и, следовательно, о них нам ничего не известно. Это довольно большой процент, но учитывая, что большинство этих баронов (27 человек) вызывались на парламенты и советы магнатов всего по одному разу и притом в первые годы правления Эдуарда I, отсутствие сведений о них не столь существенно. Все остальные бароны, о которых удалось получить сведения, являются непосредственными держателями короны. Но при этом они далеко не всегда держат in capite **все** свои владения. Очень часто они являются одновременно держателями других лордов, от которых иногда держат гораздо больше земли, чем от короля [51].

Это явление очень характерно для XIII в. Оно наглядно показывает, что держание in capite, хотя оно по традиции все еще влияло на характер приглашения, в сущности уже начало отступать на задний план под напором быстро происходившей субинфеодации и стремления короны нивелировать по отношению к себе всю держательскую массу.

По размерам своих держаний бароны, о которых нам удалось добыть сведения, делятся следующим образом: 79 из них

---

[51] Например, Радульф Басет, который приглашался на парламенты и советы магнатов 12 раз, держит in capite 2 феода — в Лейстершире (Calendarium J. P. M., vol. I, p. 140), $4^1/_2$ феода in capite в Нортгемптоншире и 3 феода в Лейстершире через посредников (Testa de Nevill, pp. 24, 30, 95); Рожер де Гентингфилд 1 феод в Сеффоке держит in capite (Calendarium I. P. M., vol. I, p. 139) и $^1/_4$ феода в Линкольншире через посредников (Testa de Nevill, p. 309); Радульф Перот держит in capite манор в Кембриджшире (Calendarium I. P. M., vol. I, p. 256); 2 феода в Кенте от графини Арундель (Testa de Nevill, p. 209) и 2 феода от короля в Эссексе (Testa de Nevill, p. 266); Осберт Гиффард держит in capite в Оксфордшире 1 манор (Calendarium I. P. M., vol. I, p. 193) и в Глостершире $3^1/_2$ виргаты, а в Девоншире один феод через посредника (Testa de Nevill, pp. 81, 188); Радульф Пипард держит от короля один феод (Calendarium I. P. M., vol. I, p. 141; Testa de Nevill, p. 53).

владеют более чем пятью манорами, 58 баронов исчисляют свои владения двумя-пятью манорами или несколькими рыцарскими феодами, наконец, 21 барон владеет одним манором или одним-двумя феодами.

Мы уже указывали выше на шаткость данных наших источников, которые не идут в своих определениях далее феодов и маноров. Мы знаем, что манор может быть очень различен по размерам и что феод также не является для XIII в. определенной величиной земельной площади. Тем не менее если даже считать средние размеры манора от 500 до 1000 акров[52], то несомненно баронов, имеющих свыше 5 маноров, можно считать весьма крупными землевладельцами. Действительно, среди них мы встречаем имена таких магнатов, как Генри Перси, перечисление владений которого в Сессексе, Нартумберланде, Йоркшире, Линкольншире занимает 4 полных страницы in folio[53]; Радульф, сын Вильяма, который имеет в разных графствах 26 маноров[54], Джон Гастингс, владелец 78 рыцарских феодов в 9 графствах[55], Эдмунд Мортуомари, огромные владения которого разбросаны в 12 графствах Англии[56]. Это самые крупные землевладельцы, держания которых, очевидно, далеко превосходят по своей доходности графство и баронию в скромной оценке Modus tenendi parliamentum. За ними в этой же группе следуют держатели 8, 10, 15 маноров, которые также принадлежат к английской феодальной аристократии и по своему значению могут поспорить с эрлами.

Вторая группа баронов также в общем может быть отнесена к представителям крупного землевладения, так как два-три больших манора могли по своим размерам и доходам быть не меньше баронии. Но, конечно, эта категория баронов по своему имущественному положению стоит значительно позади первой, и мы встречаем в ней гораздо меньше известных аристократических фамилий.

Наконец, в третью группу входят держатели одного манора или одного-двух, а иногда и половины феодов. Уже это само по себе говорит о невозможности причислить их к крупным землевладельцам Англии. Еще больше убеждает нас в этом изучение их личного состава. Например, Норман де Арси держит всего $2^1/_4$ рыцарских феода и еще 2 карукаты, причем он ведет личное хозяйство только на $^1/_2$ феода, остальная же зем-

---

[52] Согласно той градации, которой придерживается Е. А. Косминский в своих последних работах, считая вотчины средней величины от 500 до 1000 акров.

[53] Calendarium I. P. M., vol. I, pp. 183, 262, 263, 264, 287, 289.

[54] Ibidem, vol. I, p. 282.

[55] Ibidem, pp. 322—323.

[56] Ibidem, pp. 190—191.

ля находится в руках его держателей[57]. Роберт Типетот держит по $^1/_2$ рыцарских феода в Нортгемптоншире и Дербишире[58] (правда, он приглашался в парламент всего один раз в 1290 г.).

Присутствие таких людей на парламентах и советах магнатов вызывает естественное недоумение. Однако это недоумение рассеивается, если мы обратим внимание на регулярность приглашений баронов разных категорий в парламенты и советы магнатов. В этом свете очень интересно сопоставить данные о земельных владениях баронов, приглашавшихся на парламенты, с данными о регулярности их присутствия на парламентах и советах.

При сопоставлении таблиц 3 и 3а (см. стр. 360) бросается в глаза, что количество баронов — самых крупных землевладельцев — почти точно совпадает с количеством тех баронов, которые регулярно вызывались на советы магнатов и в парламенты (графы IV в таблицах 3 и 3а). Эти цифры—76 и 79—приближаются к цифре баронов, вызывавшихся на парламенты более или менее регулярно после 1297 г. (см. выше). В других группах мы не замечаем таких совпадений, но более детальный анализ наших данных показывает и здесь известную связь между этими двумя рядами. Из 21 «барона», владевших одним манором (см. таблица 3а, гр. II) 12 вызывались по одному разу, 6 по два раза и 3 по три раза. Из 40 «баронов», о которых мы ничего не знаем, 27, как указывалось выше, приглашались только по одному разу. Следовательно, в числе 90 баронов, которые вызывались по одному разу, 39 (12 + 27) были во всяком случае людьми не очень значительными[59]. Из 58 баронов, владевших 2—5 манорами (см. таблица 3а, гр. III), больше половины приглашались в парламент один раз (31 человек), а остальные 27 — два-три раза. Причем по одному разу, как правило, вызывались те, которые держали 2 манора, чаще приглашались те, у которых было по 3—4 манора.

Эти наблюдения, сделанные нами на основании данных 17 советов магнатов и парламентов, вскрывают на наш взгляд общие тенденции в определении состава «баронов», заседавших в ранних парламентах.

Мы можем с достаточной степенью уверенности сказать, что регулярно (более трех раз) вызывались на парламенты и советы магнатов главным образом самые крупные землевладельцы Англии, верхушка английской светской земельной аристокра-

---

[57] Testa de Nevill, pp. 304, 315, 316, 318, 332, 336.

[58] Calendarium I. P. M., vol. I, pp. 138, 142.

[59] Бароны, о которых нет никаких упоминаний в книге феодов и Регистре посмертных расследований, очевидно, во всяком случае не являлись особенно крупными землевладельцами.

Таблица 3

Распределение баронов по количеству приглашений на парламенты и Великие советы

	I	II	III	IV
Общее количество баронов	Приглашались 1 раз	Приглашались 2 раза	Приглашались 3 раза	Приглашались более 3 раз
198	90	22	10	76

Таблица 3а

Распределение баронов по размерам их земельных владений

	I	II	III	IV
Общее количество баронов	Размеры владений неизвестны	1 манор	От 2 до 5 маноров	5 и более маноров
198	40	21	58	79

тии, в руках которых были сконцентрированы огромные массивы земельных владений. Менее регулярно вызывались бароны «средней руки». И, наконец, значительную категорию лиц, фигурирующих в наших списках, по преимуществу сравнительно мелких и средних феодальных землевладельцев рыцарского типа, приходится считать случайным элементом среди баронов в парламенте. Их приглашение определялось в значительной мере специальной надобностью и, конечно, не они определяли социальное лицо светских магнатов в парламенте. Основное ядро постоянных участников Великого Совета и той части парламента, которая составлялась из лиц, получавших специальные приглашения наряду с виднейшими представителями церковного землевладения, составляли крупнейшие светские землевладельцы Англии.

Итак, из привлеченных нами дополнительных данных, мы можем сделать следующие основные выводы:

1) Бароны, заседавшие в парламентах и Великих советах изучаемой эпохи по личным королевским приглашениям являлись, как правило, непосредственными держателями короля, но их держания in capite составляли иногда только часть (и притом небольшую) их земельных владений.

2) Держание на праве баронии (per baroniam) принималось при их приглашении в расчет только в смысле держания in capite, но не в смысле определенного комплекса земель или специфической юридической формы держания.

3) Основную группу баронов, заседавших в парламентах, составляли крупнейшие землевладельцы Англии, и, следовательно, именно размеры владений определяли в конечном итоге, круг светских непосредственных держателей короны, получивших личные приглашения.

Эти выводы отчасти согласуются с вышеприведенным утверждением трактата Modus tenendi parlamentum, согласно которому определяющую роль в личных приглашениях того или иного лица на парламент играла не юридическая форма его держания per baroniam, но размеры земли и доходов, то есть в конечном итоге, его имущественное положение. Такое совпадение наших выводов с данными трактата начала XIV в., очевидно, свидетельствуют о том, что трактат был в этом вопросе не очень далек от истины и, так же, как использованные нами в наших подсчетах источники, отразил те изменения, которые претерпела барония к концу XIII в.

Это вовсе не значит, что мы можем принять, как обязательный критерий для личных приглашений в парламент тот «имущественный ценз» — те размеры доходов с графства и баронии, которые устанавливает автор трактата. Здесь он, находясь под властью своего стремления к унификации, попросту прилагает к определению доходности графства и баронии ту условную фискальную единицу, которая рассматривалась в королевской канцелярии XIII в. как единица «внешних повинностей» — рыцарский феод. Доходность феода в среднем исчислялась в 20 ф. в год. Но если и в отношении самого феода эта доходность была в значительной мере условной в XIII в., то тем менее оснований использовать ее для исчисления доходности баронии или графства. И графство и барония XIII в. могли насчитывать самое различное количество феодов, и соотношение между ними, устанавливаемое в трактате, совершенно условно и никак не может служить ориентиром в определении имущественного положения лично приглашавшихся баронов[60]. Однако мысль автора трактата о том, что личный вызов светских феодалов в парламент должен был определяться размерами их владений и доходов, очевидно, имела вполне

---

[60] Можно согласиться с Пэйнтером (Op. cit., p. 55), что, очевидно, автор трактата установил соотношение размеров и доходности феода, баронии и графства, автоматически разделив размеры рельефов с графства и баронии, принятые в XIII в. (100 ф. и 100 м), на рельеф с рыцарского феода (5 ф.).

реальные основания и опиралась на действительное положение вещей.

Таким образом, анализ разных данных позволяет нам утверждать, что кем бы ни были «бароны», заседавшие в парламентах Эдуарда I в числе лично приглашенных,— владельцами старинных бароний, полученных по наследству от предков, или просто лордами многочисленных маноров в разных частях Англии, приобретенных в недавнее время,— они являлись представителями крупного светского феодального землевладения, интересы которого они и представляли в парламентах Эдуарда I. Эти «бароны», более или менее регулярно заседавшие в парламентах Эдуарда I, составляли лишь часть феодалов, называвшихся в XIII в. баронами и державших осколки старых бароний in capite от короля. Не случайно из 198 человек, которые фигурируют в Parliamentary writs этого периода, под именем «баронов», только 70—80 регулярно вызывались на парламент, остальные лишь от случая к случаю[61].

С неопределенностью понятия «барон» в XIII в. была отчасти связана, по нашему мнению, и медленность кристаллизации круга приглашаемых в парламенты баронов, и то, что многие из них вызывались в парламент 1—2 раза за весь изучаемый период. Исходя из старого традиционного понятия «барон», политические деятели XIII в. не всегда могли учесть те изменения, которые произошли в положении разных категорий баронства, и не сразу могли ориентироваться в вопросе о том, кто из «баронов» должен быть непременным участником парламентов. Потребовалось несколько десятков лет, чтобы жизнь внесла поправку в понимание этого термина и определила круг тех лиц, которые по своему экономическому положению и политическому влиянию могли серьезно претендовать на участие во вновь созданном сословно-представительном собрании Англии. Именно поэтому количественный и личный состав магнатов в парламенте стабилизуется более или менее только в последние годы царствования Эдуарда I.

Итак, прелаты и светские бароны, заседавшие в парламенте, представляли в нем интересы самых высших слоев класса феодалов, крупнейших светских и духовных землевладельцев — ее феодальную аристократию. Это значит, что они представляли интересы самых закоренелых крепостников, при-

---

[61] В свете этих данных приобретает особое значение то указание о старших баронах (barones majores), которое имеется в ст. 14 Великой хартии вольностей и, очевидно, предполагает наличие каких-то других, предположительно, «младших баронов» (barones minores). Это указание хартии, как и наши данные о составе парламентов XIII в., свидетельствует о расслоении в среде баронства, начавшемся, очевидно, еще в конце XII в. и продолжавшемся в XIII в.

менявших в своих владениях наиболее суровые формы феодальной эксплуатации, занимавших, как мы видели, наиболее реакционные позиции в политической жизни Англии. Не случайно, в источниках XIII в. они назывались «магнатами» (magnati), «лучшими людьми» (proceres), наиболее «могущественными» (potenciores regni). Эти общие обозначения вполне точно выражали их особое положение в стране, не только в отношении всей массы населения, но даже в отношении мелких феодалов — рыцарства и самого короля. Не случайно из их среды исключались настоятели мелких аббатств, большинство приоров и те светские феодалы, которые, хотя и назывались еще «баронами», но экономически были гораздо слабее этих представителей феодальной верхушки. Экономическое могущество и политическое влияние этих «магнатов» в стране определяло и их особое положение в парламенте, первым проявлением которого был личный характер получаемых ими приглашений.

Теоретически Эдуард I, как и Генрих III, мог вызвать в парламент или в совет магнатов личным приглашением всякого, кого он хотел, но практически круг приглашаемых, естественно, ограничивался верхушкой светской и духовной аристократии, с представителями которой король вынужден был, а иногда считал полезным, советоваться по всем наиболее важным вопросам политики.

* *
*

§ 2. Социальный облик представителей от графств в английском парламенте конца XIII — начала XIV века

Прелаты, эрлы и бароны составляли только одну часть парламента. Кроме них, в нем участвовали также выборные представители от графств и городов, которые с начала XIV в. получили собирательное название «представителей общин».

Хотя участие выборных от «общин» в парламенте стало регулярным только в последние годы XIII в., собрания такого типа были довольно обычным явлением уже с начала правления Эдуарда I.

Представители графств и городов в первые десятилетия существования парламента далеко не составляли в нем единого целого и даже организационно не были еще объединены, как это было позднее, в палате общин. Они не только занимали в парламенте различное положение и по отдельности давали разрешения на субсидии, но не всегда одновременно при-

сутствовали на парламенте. Представители графств раньше стали приглашаться на правительственные совещания и в конце XIII в. приглашались туда чаще, чем представители городов. Первые, по нашим данным, приглашались 19 раз, вторые—всего 15 раз. Поскольку эти внешние различия в положении тех и других в парламенте являлись отражением различий в их общественном значении, более целесообразно рассмотреть социальную характеристику тех и других по отдельности.

* *
*

В королевских приказах об избрании представителей в парламент от графств эти представители называются «рыцари графств» (milites comitatus) [62], иногда при этом указывается, что в графстве должны быть избраны наиболее «опытные» (de discretioribus) [63] или «лучшие и полноправные» (de probioribus et legalioribus militibus) рыцари [64]. Точно так же и шерифы в своих отчетах о произведенных выборах (returnus) всегда присоединяют к именам избранных депутатов наименования «miles» или равнозначное ему «dominus».

Так же, как название «барон», слово «рыцарь» содержит в себе некоторый элемент социального определения. Этим названием применительно к Англии XIII в. часто называют слой низших и средних феодалов, преимущественно арьервассалов. Но само понятие рыцарь, как и понятие барон, в источниках XIII в. очень неопределенно. Для XIII в., очевидно, уже нельзя считать рыцарей просто держателями рыцарских феодов, как это было в XII в. Дело в том, что уже в конце XII в. рыцарский феод, по-видимому, не являлся определенной территориальной единицей, но служил лишь в качестве условной фискальной единицы, на которой лежал комплекс определенных, государственных, главным образом военных, повинностей [65]. Тем более

---

[62] E. H. R., 1910, vol. 25, p. 236; P. W., vol. I, pp. 26, 29, 30, 48, 56, 65, 84, 184.

[63] В приказе об избрании депутатов на весенний парламент 1275 г. шерифу предписывается, чтобы он «прислал (venire facias) четырех рыцарей своего графства из числа наиболее знающих законы» (quator milites de discretioribus in lege militibus comitatus tui) — E. H. R., 1910, 25, p. 236.

[64] В приказе шерифу в связи с парламентом 30 сентября 1297 г. предписывается «произвести выборы двух рыцарей из числа лучших и полноправных рыцарей твоего графства» (de probioribus et legalioribus militibus comitatus tui) (P. W., vol. I, p. 56).

[65] F. Pollock and F. Maitland. History of english law, vol. I, pp. 254, 256; Р. Гнейст. Цит. соч., стр. 116—117.

это характерно для XIII в. В Сотенных свитках 1279 г. встречаются феоды, равные 630 акрам [66], 235 акрам [67] и даже 148 акрам [68], так же, как и феоды других самых различных размеров. Неопределенность территориальных размеров феода привела к тому, что уже с конца XII в. феод определяется не как земля определенного размера, но как земля с определенным годовым доходом, сначала в 15, потом в 20 и даже 40 ф. [69].

Modus tenendi parliamentum также дает определение рыцарского феода не по его размерам, а по доходности, которую трактат исчисляет в 20 ф.[70]. Впрочем и доходность рыцарского феода в XIII в. была величиной очень неопределенной. Не случайно даже правительственные предписания о принятии рыцарского звания говорят то о 20, то о 40 фунтах годового дохода. В приказе же Генриха III о соблюдении ассизы о вооружении 1252 г. рыцарское вооружение для конной военной службы обязывается иметь каждый держатель земли с доходом всего в 15 ф. в год [71]. Следовательно, самый факт наличия у рыцаря «рыцарского феода» далеко еще не определял полностью его социальное лицо.

Но гораздо важнее то, что в конце XIII в. рыцарями (miles, dominus) часто назывались люди, владевшие не полным рыцарским феодом, но его частями — $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_8$ и даже $^1/_{16}$ феода. С другой стороны, далеко не все лица, владевшие землей, равной по доходности феоду, считались рыцарями. Многим из них, вопреки распоряжениям правительства, удавалось уклоняться от принятия рыцарского звания [72]. Очевидно, рыцарский феод, так же как и барония и, может быть, еще раньше, чем она, подвергся распыляющему воздействию субинфеодации и мобилизации земли и уже в середине XIII в. перестал быть определенным критерием рыцарского звания.

В то же время для XIII в. рыцарское звание не всегда ассоциировалось и с военным характером держания. Ведь рыцарское держание к этому времени стало утрачивать и свой специфический военный характер как в силу замены натуральной военной службы щитовыми деньгами, так в силу того, что со времени ассизы о вооружении военная служба перестала

---

[66] R. H., vol. II, p. 329 (феод Джона Пабенхэма).
[67] Ibidem, p. 501 (феод Аллана Франсейз).
[68] Ibidem, p. 561 (феод Радульфа — сына Фулько).
[69] См. правительственные распоряжения об обязательном принятии рыцарского звания лицами с доходом в 20 ф. (Foedera, vol. I, part II, p. 653) и 40 ф. (R. P., vol. I, p. 79; Foedera, vol. I, part II, p. 816).
[70] «... quolibet feodo computato ad viginti libratas...». Select charters. Oxford, 1874, p. 503.
[71] Select charters, p. 371.
[72] См. ниже, стр. 372.

быть исключительной «привилегией» рыцарства и считалась обязанностью всех свободных держателей вообще.

Наконец, и английское право XIII в., как мы знаем, никак не выделяло рыцарей в особую категорию из среды свободных держателей.

Одним словом, значение слова «рыцарь» или «рыцарь графства» для XIII в. оказывается далеко не таким ясным, как это может показаться с первого взгляда. Задавшись целью исследовать не только сословную структуру, но и социальный состав парламента, мы в первую очередь должны выяснить, что представляли собой в социальном отношении «рыцари графств».

В историографии по истории парламента еще не делалось серьезных попыток выяснить этот вопрос. Буржуазные историки оперируют весьма условным и неопределенным для XIII в. понятием «рыцари», не пытаясь уточнять его социальное содержание. В лучшем случае, они ищут его разъяснения во всякого рода юридических разграничениях, в различиях форм держаний, в держательских отношениях с короной, то есть в таких определениях, которые сами чрезвычайно шатки и неясны для XIII в.

В советской историографии социальный состав представителей графств в парламенте специально также не исследовался. Правда, Е. А. Косминский сделал очень много для выяснения социального лица мелких вотчинников вообще и рыцарства в частности как определенного социального слоя. Однако исследования Е. А. Косминского по вопросу о мелких вотчинниках непосредственно не касаются рыцарей графств, посылавшихся в парламент, и базируются на материалах, относящихся к присяжным-расследователям 1279 г., среди которых лица, имевшие официальное рыцарское звание, составляли меньшинство (15 из 179 обследованных присяжных) [73].

Между тем в парламент, согласно официальным предписаниям из центра, могли избираться **только** лица, имевшие официальный титул рыцарей, или, как их часто называли, «рыцари, опоясанные мечом» (milites gladio cincti). Наша специальная задача и будет заключаться в том, чтобы вскрыть социальное лицо этих «титулованных» рыцарей графств — членов парламента.

Для этого надо разрешить два вопроса. Первый состоит в том, кто были по своему социальному и имущественному положению эти «лучшие» и «наиболее опытные» рыцари графств? Второй вопрос заключается в том, какие слои населения они представляли в парламенте, кто в действительности выбирал

[73] Е. А. Косминский. Указ. соч., гл. VI.

их и что следует понимать для XIII в. под «общиной» графств, представителями которой их считали современники?

Единственную попытку выяснить личный состав представителей графств в парламентах конца XIII и начала XIV в. мы находим в статье Эдвардса «Личный состав представителей общин в парламентах времени Эдуарда I и Эдуарда II»[74]. Однако автор статьи сосредоточивает свое основное внимание не на социальной характеристике этих представителей, но на их именах, количестве избиравшихся и прибывавших на парламент в различное время депутатов, на вопросе о повторных избраниях одних и тех же лиц и т. д.

Приступим к разрешению поставленной задачи. Имена представителей в парламент, избиравшихся в графствах в изучаемый период, известны нам из отчетов шерифов, которые посылались ими в Вестминстер после проведения выборов. Эти отчеты, так называемые returnus, сохранились только для 9 парламентов с представительством от общин (из 21, которые имели место в период с 1272 по 1307 г.) и опубликованы в издании Parliamentary writs[75]. Кроме того, отчеты шерифов по нескольким графствам сохранились для весеннего парламента 1275 г. и опубликованы отдельно Дженкинсоном[76]. Отчеты шерифов составлялись обычно по трафарету и содержали краткое сообщение о факте выборов, имена избранных, а также лиц, поручившихся за их явку на парламент. Всего в сохранившихся отчетах шерифов содержится для изучаемого 35-летнего периода 593 имени представителей графств. Но 121 из этих рыцарей выбирался в парламент по нескольку раз. Если исключить эти повторяющиеся имена, то число известных нам «рыцарей графств», избранных в парламенты, сократится до 472.

Зная их имена, мы можем хотя бы частично установить их социальный облик по данным ряда источников аграрной и социальной истории изучаемого периода. Наиболее полные ответы на этот вопрос можно получить в Сотенных свитках 1279 г., где, как известно, содержатся данные о земельных владениях, а отчасти и доходах всех землевладельцев каждого описанного графства. Но описи 1279 г. охватывают только 6 из 37 графств

---

[74] J. G. Edwards. The personnel of the commons in parliament under Edward I and Edward II (Essay in Medieval history presented to T. F. Tout. Manchester, 1925).

[75] Для парламента в июле 1290 г. (P. W., vol. I, pp. 21—24), для парламента 14 ноября 1925 г. (Ibidem, pp. 34—44), 30 сентября 1927 г. (Ibidem, pp. 56—61), 25 мая 1298 г. (Ibidem, pp. 65—77), 6 марта 1300 г. (Ibidem, pp. 82—87), 29 января 1302 г. (Ibidem, p. 114), 28 февраля 1305 г. (Ibidem, pp. 140—155), 30 мая 1306 г. (Ibidem, pp. 164—178), для Карлейльского парламента 1307 г. (Ibidem, pp. 181—190).

[76] E. H. R., 1910, vol. 25, p. 236.

тогдашней Англии, опубликованы же в издании Record comission только описи 5 графств (Бэдфордшира, Бэкингемшира, Кембриджшира, Гентингдоншира, Оксфордшира). При этом от описей Бэдфордшира и Бэкингемшира сохранились только фрагменты, а по Оксфордширу и Кембриджширу отсутствуют описи нескольких сотен. Ясно, что этот источник может дать материал только в отношении выборных представителей этих 5 графств, да и то не всех, так как владения некоторых из них полностью или частично могли быть расположены в сотнях, описи которых не сохранились. Но даже и полная опись графства не всегда гарантирует нас от ошибок, так как некоторые из интересующих нас рыцарей могли владеть землей также и в других графствах, описи по которым отсутствуют. И все же поскольку, как правило, владения средних и мелких феодалов группировались в одном и том же графстве, а иногда даже в одной сотне, мы полагаем, что погрешности в наших выводах для графств, описанных в Сотенных свитках, будут не так уж велики. В материале Сотенных свитков 1279 г. нам удалось отыскать владения 39 рыцарей графств, фигурирующих в отчетах шерифов конца XIII — начала XIV в. Это составляет более половины всех депутатов от этих графств за этот период, которые нам известны (их всего 77).

Для выяснения земельных владений рыцарей других графств, о которых нет сведений в Сотенных свитках, привлечен уже упоминавшийся нами источник Testa de Nevill. При всех его недостатках для данной цели, о которых говорилось выше, он имеет то преимущество, что охватывает всю территорию Англии и поэтому в отношении земельных владений тех рыцарей, имена которых там удается обнаружить, мы располагаем более полной информацией. Здесь мы нашли данные о земельных владениях еще 75 рыцарей из числа поименованных в отчетах шерифов. Таким образом, в общей сложности мы имеем материал о землевладении 114 рыцарей, избиравшихся в изучаемый период в парламент.

Земельные владения 39 рыцарей, имена которых были нами обнаружены в Сотенных свитках, легко поддаются точному учету, так как они выражены в акрах и виргатах. Но об остальных 75 рыцарях мы знаем лишь, что они держали 1—2 феода или какую-либо часть феода.

Чтобы иметь общий критерий для сопоставления земельных владений всех 114 рыцарей, разделим их на три имущественные группы — владельцев земли размером менее феода, владельцев от 1 до 2 феодов и владельцев 2 феодов и более. Для удобства сопоставления данных Сотенных свитков и Testa de Nevill, которые исчисляются в разных единицах, примем условно, следуя мнению ряда исследователей, за обычные раз-

меры феода 5 гайд, то есть 600 акров[77]. Признавая вместе с Раундом[78], который оспаривал это мнение, полную условность этой нормы, мы все же считаем возможным за неимением другой, более точной, воспользоваться ею, поскольку она приближалась, очевидно, к максимальному размеру феода. В XIII в. очень редко встречались феоды, превышавшие 600 акров. Поэтому, принимая средние размеры феода за 600 акров, мы по крайней мере гарантированы в наших подсчетах от преуменьшения размера владений рыцарей, о которых мы получили сведения из Testa de Nevill.

Исходя из этой условной нормы, можно считать рыцарей, земли которых были менее 1 феода, или 600 акров, мелкопоместными феодалами; держателей от 1 до 2 феодов, или от 600 до 1200 акров, — среднепоместными феодалами, а держателей 2 и более феодов, или 1200 и более акров, — сравнительно крупными феодалами[79]. Полученные нами данные из Сотенных свитков и Testa de Nevill сведены в таблицу 4 (см. стр. 370).

Так как полученный нами материал касается почти четверти всех известных нам для изучаемого периода депутатов графств (114 из 472), то мы имеем достаточно оснований считать данные этой таблицы о распределении их по имущественным группам типичными, тем более, что материал взят из разных источников и относится к разным графствам Англии. Следовательно, среди рыцарей графств в парламентах XIII в. мелкие феодалы составляли более половины, а среднепоместные — около $^1/_3$ состава известных нам представителей графств в парламенте. Уточняя данные приведенной таблицы, можно добавить, что около 23% представителей графств в парламенте составляли совсем мелкие феодалы, владения которых не превышали 200—250 акров.

Анализируя более детально владения обследованных нами рыцарей, можно сделать ряд дополнительных наблюдений. Во-первых, всего 6 из них были непосредственными держате-

[77] См. Р. Гнейст. Указ. соч., стр. 116—117; W. Stubbs. Op. cit., vol. I. London, 1891, pp. 283—284.

[78] J. H. Round. Feudal England. London, 1909, pp. 231—235, 293—302. Раунд остроумно критикует выводы Гнейста и Стеббса, но сам уклоняется от каких-либо определений средних размеров феода. Так как нам в данном случае необходимо исходить из какой-то, хотя бы очень условной, нормы, то за неимением других данных мы и берем этот традиционный 5-гайдовый критерий.

[79] Ввиду того, что мы в силу особенностей наших источников связаны такой условной единицей, как рыцарский феод, принятые нами критерии мелкой, средней и крупной вотчин, из которых мы исходили при распределении рыцарей по имущественным группам, несколько расходятся с критериями Е. А. Косминского, согласно которым, как уже отмечалось, мелкими считаются вотчины размерами до 500 акров, средними — от 500 до 1000, крупными — свыше 1000 акров.

Таблица 4

Распределение рыцарей — депутатов парламента по имущественным группам

	Общее количество рыцарей, имена которых имеются в отчетах шерифов	Количество рыцарей, о землевладении которых есть сведения	Распределение рыцарей по имущественным группам		
			крупных феодалов	среднепоместных феодалов	мелкопоместных феодалов
По графствам, описанным в Сотенных свитках 1279 г.	77	39 (по данным Сотенных свитков)	4	7	28
По прочим графствам	395	75 (по данным Testa de Nevill)	10	27	38
Всего . . .	472	114 (100%)	14 (12%)	34 (30%)	66 (58%)

лями короля. Основная же их часть, и в том числе наиболее крупные землевладельцы, являлись держателями низших и притом довольно дальних степеней. Очевидно, характер держания in capite не играл никакой роли при избрании депутатов в парламент; в большинстве случаев они избирались из числа арьервассалов и отличались в этом отношении от баронов, как правило,— держателей in capite.

Во-вторых, среди представителей графств встречается, правда, небольшой процент крупных землевладельцев, которые по своему имущественному положению могли бы, казалось, получать личные приглашения в парламент [80]. Очевидно, этому препятствовало то, что они не являлись держателями in capite. Это последнее обстоятельство при наличии столь значительных земельных владений у этих рыцарей говорит о сравнительно недавнем происхождении этих обширных владений в результате скупки или субинфеодации земли. Ведь держания in ca-

[80] Например, Роберт Погейз в Оксфордшире (сотня Bampton) в двух виллах (Aston и Bampton Pogeys) держал 89½ виргат (R. H., vol. II, p. 689); Джон де Прю в том же графстве (сотня Watton) держал 64 виргаты (вилла Magna Tywe), (ibidem, p. 845); Уильям де Белло-Кампо в Бэкингемшире (сотня Bunstow) держал в вилле Hempeler манор размером в 2517 акров (ibidem, pp. 343—347).

pite, особенно в руках не слишком крупных не титулованных землевладельцев, вели свое начало обычно с тех отдаленных времен, когда королевский домен раздавался отдельными феодами не только баронам, но и мелким рыцарям. Сравнительно недавнее происхождение этих крупных рыцарских держаний, о которых шла речь выше, подтверждается их не компактным, лоскутным характером. Они складываются из отдельных держаний, которые на разных условиях держатся от разных лордов[81]. Такая разбросанность владений характерна для 9 из 14 рыцарей — крупных землевладельцев из числа обследованных нами. Таким образом, можно думать, что те немногие относительно крупные землевладельцы, которые заседали в парламентах Эдуарда I, не в качестве баронов, а в качестве «рыцарей графств», являлись рыцарями «новой формации» и не принадлежали к старым аристократическим фамилиям, ведшим свое происхождение со времени завоевания.

Разбросанность владений, впрочем, характерна также и для рыцарей, отнесенных нами к группе средних землевладельцев[82] и особенно для мелкопоместных феодалов из числа обследованных нами рыцарей. У последних их владения часто складывались из мельчайших кусочков, очевидно, приобретенных в разное время[83]. При этом обращает на себя внимание, что среди рассмотренных нами представителей графств встре-

---

[81] Например, Симон де Ким, представитель от Йоркшира на нескольких парламентах, держал $^1/_3$ и $^1/_2$ рыцарского феода от епископа Линкольнского, 1 феод от графа Феррерс, $^3/_4$ феода от Гильберта де Гаунт и $^3/_4$ феода от короля (Testa de Nevill, pp. 309, 315, 318, 331, 332, 334, 337, 338). Генрих Монвесин, неоднократно представлявший в парламенте графство Стаффордшир, держал от разных лордов 1 феод в Дербишире, 5 феодов в Нортгемптоншире, $2^1/_2$ феода в Стаффордшире тоже от разных лордов — всего $7^1/_2$ рыцарских феодов, из которых ни одного акра он не держал in capite (Testa de Nevill, pp. 20, 24, 49, 50, 51, 96).

[82] Например, Джон Пабенхем, рыцарь из Бедфордшира, держал в вилле Подингтон за $^1/_3$ рыцарского феода 7 виргат (R. H., vol. II, p. 329), 5 виргат в вилле Карльтон (Ibidem, vol. II, p. 330) и 11 виргат в вилле Пабенхем (Ibidem, vol. II, p. 332). Рыцарь Джон Гиффард, представитель от Бэкингемшира, держал $6^1/_2$ виргат в вилле Niventon (Оксфордшир) (R. H., vol. II, p. 849) и 11 виргат в вилле Beckebrock (Оксфордшир), в качестве $^1/_2$ феода (Ibidem, vol. II, p. 857).

[83] Джон Мойн, рыцарь от Кембриджшира, имевший титул «dominus», держал всего 141 акр, из которых 6 акров он держал в сотне Triplow от епископа Илийского, 96 акров в той же сотне от Ричарда де Фревиль, 24 акра в Гентингдоншире (сотня Hirstingdon) от Рожера де Куинси, и $^1/_{16}$ феода в Гертфордшире (R. H., vol. II, pp. 545, 614, 628; Testa de Nevill, p. 60). Роберт де Браси, представитель от Вустершира, держал в этом графстве всего 1 гайду (120 акров) и в Лейстершире $^1/_8$ феода (Testa de Nevill, pp. 41, 97). Генрих Дичоунд — представитель Нортумберленда, держал в этом графстве $^1/_4$ и $^1/_{16}$ феода от разных лордов (Testa de Nivill, p. 384). Е. А. Косминский также указывает на разбросанность владений, как на специфическую черту мелковотчинного землевладения.

чаются иногда совсем мелкие землевладельцы, земельный доход которых, очевидно, должен был быть ниже 20 ф. годового дохода — нормы, обязывающей землевладельцев к принятию рыцарского звания. Некоторые из них держали всего 1 гайду, $^1/_8$ или $^1/_{16}$ феода.

Причины, по которым иногда в парламент избирались, повидимому, столь незначительные люди, могли быть различны. Иногда эти «бедные» землей рыцари могли быть влиятельными людьми в графстве или в силу того, что главные свои доходы они извлекали не из земледелия, а из каких-либо других источников (от овцеводства или торговых операций), или в силу того, что они являлись министериалами каких-либо магнатов графства. Однако такие случаи могли быть лишь исключением. Скорее нужно предположить, что годовой земельный доход в 20 ф., в качестве критерия для принятия рыцарского звания, являлся как бы максимальным доходом, обязывающим к получению титула. Человек, имевший такой доход, по закону не мог уклоняться от принятия рыцарского звания. Но это вовсе не значит, что это звание не могли принимать и не принимали иногда лица, имевшие меньший доход. Это тем более вероятно, что, как постоянно сообщают источники, наиболее богатые землевладельцы графств часто уклонялись от принятия рыцарского звания, с которым были сопряжены некоторые дополнительные общественные и административные повинности: участие в ассизах, замещение различных административных должностей в графствах — коронеров, сборщиков налогов, депутатов парламента и т. д. Эти богатые землевладельцы охотно давали шерифам и бейлифам сотен большие взятки за отсрочку в принятии рыцарского звания (pro respecto habendo ut non fieret miles). Такого рода злоупотребления были настолько обычными в конце XIII в., что в анкету расследования 1274 г. был включен специальный вопрос о шерифах и бейлифах, берущих взятки за отсрочку в принятии рыцарского звания [84].

А так как шерифы постоянно нуждались в титулованных рыцарях для выполнения перечисленных выше судебно-административных функций, то, освобождая от принятия рыцарского звания более богатых, они усиленно принуждали к этому часто как раз менее зажиточных землевладельцев. Хотя последние также иногда откупались взятками от этой неприятной обязанности, но некоторые из них все же принуждались к принятию рыцарского звания. Отсюда — наличие в среде «рыцарей графств» таких сравнительно мелких землевладельцев. Наконец, нужно иметь в виду, что лица, однажды приняв-

[84] R. H., vol. I, p. 1.

шие рыцарское звание, сохраняли его, очевидно, до конца своих дней, даже в том случае если они теряли затем часть своих земель, или их доходы сокращались. Местная администрация во всяком случае, по указанным выше причинам, вовсе не была заинтересована в том, чтобы лишать их этого звания. Это также вело к тому, что среди «рыцарей графств» часто попадались люди, по своему имущественному положению уже не отвечавшие цензу в 20, а тем более в 40 ф. годового дохода.

Но, так или иначе, наличие в среде «рыцарей графств» хотя бы небольшого количества таких «неполноценных» рыцарей интересно как показатель отсутствия резкой непроходимой грани между титулованными рыцарями (milites gladio cincti) и прочими мелкими и мельчайшими вотчинниками графств, часто выходцами из зажиточной фригольдерской верхушки — этими «добрыми» или «лучшими» и «полноправными» людьми графств (liberi et legales homines, или probi et legales homines), о которых мы уже неоднократно говорили. Этот вывод лишний раз подтверждает, что незамкнутость английского рыцарства как сословной группы и его постоянная тесная связь с главным резервом его пополнения — фригольдерской верхушкой, обычно отмечавшиеся как особенность социального и политического развития Англии, отнюдь не являлись фикцией.

Состав рыцарей, имевших официальное звание, очевидно, постоянно пополнялся за счет фригольдерской верхушки.

Такую же неуловимость граней и переходов можно констатировать и в среде представителей графств в парламенте. Хотя все они и носили официальный титул «рыцарей», но частично включали в свой состав таких мелких вотчинников, которые с точки зрения установленного имущественного ценза для принятия рыцарского звания скорее приближались к категории «свободных и полноправных людей графств». А из этого следует, что они стояли очень близко к тому промежуточному слою зажиточных фригольдеров, который отделял широкие слои свободного крестьянства от мелких феодалов рыцарского типа и отчасти должны были представлять в парламенте и этот слой.

Итак, анализ личного состава «рыцарей графств», избиравшихся в парламент в изучаемый период, показывает, что они принадлежали в основном к слою средних и мелких вотчинников, в подавляющем большинстве являлись арьервассалами и в значительной части мелкими феодальными землевладельцами, которые смыкались с фригольдерской верхушкой. Как правило, эти мелкие и средние феодалы вели свое хозяйство наиболее прогрессивными для своего времени методами, были теснее связаны с рынком, чем бароны, охотнее переводили своих вилланов на денежную ренту и активно округляли свои

владения за счет всяких земельных приобретений. Они принадлежали к тому самому социальному слою, который играл в XIII в. главную роль в местном самоуправлении графств.

Но для определения социального лица этих «рыцарей графств» нужно выяснить еще и вопрос о том, кого они представляли в парламенте. У нас нет никаких оснований считать, что представители графств не избирались, а просто назначались шерифом. Во всех королевских приказах, направлявшихся шерифам по этому поводу начиная с 1290 г., им неизменно предписывалось произвести избрание и обеспечить явку на парламент рыцарей графств и представителей городов[85]. О том, что предполагалась выборность депутатов говорят также постоянные указания на то, что они должны иметь полномочия от общины, «являться в парламент за общину»[86]. Общеизвестный факт оплаты представителей графств (по 4 ш. в день) за счет общины графств тоже в какой-то мере указывает на то, что они рассматривались и в центре, и на местах как представители интересов этой «общины».

Из отчетов шерифов мы знаем, что этот принцип выборности, во всяком случае формально, соблюдался. В отчетах постоянно отмечается, что депутаты были выбраны, и часто даже уточняется, кем и как. Так, шериф одного из графств сообщает в 1290 г., что 2 рыцаря «были выбраны общиной всего графства и им даны полные полномочия, согласно предписанию этого (королевского.— *Е. Г.*) приказа»[87]. Шериф Кемберленда в 1295 г. сообщил, что депутаты на парламент от его графства «были выбраны за графство Кэмберленд с согласия всего графства» (per consensum totius comitatus)[88]. В том же году шериф Сомерсетшира и Дорсетшира пишет: «...я произвел выборы в полных собраниях графств (in plenis comitatibus), при участии общины каждого из них (per communitatem eorundem)»[89]. Об избрании рыцарей «в полном собрании графства» сообщает шериф Оксфордшира в 1297 г.[90].

Эти ссылки на выборы нет оснований считать выдумкой шерифов. В некоторых случаях, когда выборы по какой-либо

[85] «...quod de comitatu predicto duos milites et de qualibet civitate ejusdem cimitatus, duos cives et de quolibet burgo duos bergenses ... eligi et eos ad nos ad predictos diem et locum venire facias» (P. W., vol. I, pp. 21, 26, 29, 30, 48, 56, 65, 81, 123, 148, 184). Исключение составляет только приказ 1275 г., где просто сказано venire facias, но это был ведь самый первый парламент Эдуарда I.

[86] «Ita quod dicti milites plenam et sufficientem potestatem pro se et communitatem comitatus praedicti ... habebunt... (Ibidem, pp. 21, 26, 29, 48, 65, 81, 56, 184).

[87] Ibidem, p. 21.

[88] Ibidem, p. 35.

[89] Ibidem, p. 41.

[90] Ibidem, p. 60.

причине не могли быть произведены, шерифы предпочитали сообщить в центр, что они не пришлют представителей, чем послать произвольно назначенных лиц. Так было в графстве Сессекс в 1297 г., когда шериф сообщил в отчете, что он «созвал рыцарей и свободных держателей графства Сессекс в Льюисе (venire feci coram me milites et liberi tenentes), которые отказались произвести выборы рыцарей (electionem de militibus facere noluerunt) в отсутствие архиепископа Кентерберийского, епископов, эрлов, баронов, рыцарей и прочих, находящихся в войске короля и в других местах»[91]. В 1306 г. шериф Вестморленда сообщил в Вестминстер, что он не смог выполнить приказ об избрании представителей в парламент, назначенный на 20 мая, так как, во-первых, он слишком поздно получил приказ, во-вторых, потому, что «все рыцари и свободные держатели находятся в областях пограничных с Шотландией с господином Генри де Перси по приказу короля, для подавления шотландских козней»[92].

В некоторых из приведенных отчетов прямо указывается, что выборы производились в собрании графства. На это намекают и те отчеты, которые говорят, что избрание было произведено «общиной всего графства», или «с согласия общины всего графства». Где еще, как не в собрании графства, можно было собрать всю его «общину»?

Каков же был социальный состав участников собраний графств, на которых производились выборы, что представляла собой пресловутая община графств — communitas comitatus, полномочным органом которой и являлось собрание графства? Вопрос этот, неоднократно ставившийся в буржуазной историографии, разрешался разными историками совершенно поразному. Были даже такие, которые, подобно Коксу, утверждали, что в них участвовало все население графств, включая вилланов, которые, таким образом, якобы допускались к выборам в парламент[93]. Другие историки, стараясь доказать древность демократических традиций английского парламента, правда, не доходили до столь крайних утверждений, но считали, что в собраниях графств принимали участие все свободные держатели графств, без каких-либо ограничений. Такого мнения держался, в частности, Стеббс, считавший, что собрания графств (он имел в виду «большие» полугодовые собрания, где, как он полагал, происходили выборы в парламент) являлись многолюдными «народными» собраниями (folksmoote), в которых принимали участие все без исключения свобод-

[91] Ibidem, p. 60.
[92] Ibidem, p. 176.
[93] I. H. Cox. Ancient parliamentary elections. London, 1863, pp. 40—48, 69—73.

ные люди графства[94]. Близок к этой точке зрения был Рис, считавший, что «собрание графства не было закрытым заседанием и потому было открыто для всех, кто хотел принять в нем участие». По его мнению, оно обычно насчитывало от 500 до 1000 человек[95]. Гнейст, напротив, утверждал, что собрания графств в XIII в. были очень малолюдны, так как шерифы, на обязанности которых лежал их созыв, приглашали обычно очень немногих лиц[96]. Особую точку зрения на этот вопрос высказал Мэтланд. Занявшись специальным исследованием вопроса о том, кто регулярно посещал собрания графств в конце XIII в., он пришел к выводу, что посещение этих собраний было вовсе не правом, как считало большинство историков, но неприятной обязанностью, часто связанной с повинностями за земельное держание. Поэтому Мэтланд считал, что в выборах представителей в парламент участвовал лишь узкий круг людей, составлявший небольшую часть всех свободных жителей и даже свободных держателей графства[97]. Попробуем выяснить, как обстояло дело в действительности.

Проще всего решается вопрос об участии в собраниях графств вилланов. Главным аргументом Кокса в пользу его выше приведенного мнения является присутствие представителей вилланов (четырех человек и старосты) на собраниях графств, собиравшихся во время сессий разъездных судов[98], и на объездах шерифов, в расширенных собраниях сотен, проводившихся 2 раза в год[99]. Но, во-первых, у нас нет никаких прямых данных о присутствии вилланов на ежемесячных и да-

---

[94] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II. London, 1875, p. 205.

[95] L. Riess. Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter. Leipzig, 1886, SS. 44—47.

[96] Р. Гнейст. История государственных учреждений Англии. М., 1885, стр. 434—435.

[97] F. W. Maitland. The suitors of the country courts. E. H. R., 1888, No. XI, July, p. 407.

[98] Из различных источников XIII в. известны три вида собраний графств: расширенные собрания графств, собиравшиеся раз в несколько лет на сессии разъездных судов в графстве, куда обязаны были являться все свободные жители и магнаты графств, а также по 4 виллана со старостой от каждой деревни, «большие собрания графств» (magnus cimitatus), собиравшиеся два раза в год, и обычные ежемесячные (данные об этом см. в приказе Генриха III от 1231 г.— Select charters. Oxford, 1874, p. 358, а также R. H., vol. II, pp. 839, 849, Statutes, vol. I, p. 56).

[99] На расширенные полугодовые собрания сотен, созывавшиеся в связи с судебным объездом шерифа, обязаны были являться все свободные держатели графства (Statutes, vol. I, p. 57). Магнаты освобождались от их посещения (Ibidem, p. 22). На практике туда обычно являлись также представители деревень, видимо, по 4 виллана со старостой (см. R. H., vol. I., pp. 198, 204, 536; vol. II, p. 318; Placita de quo warranto. London, 1818, pp. 236, 486).

же полугодовых собраниях графств. Во-вторых, если даже по аналогии допустить, что на некоторых собраниях графств присутствовали представители крепостных крестьян, то это вовсе не значит, что они участвовали в них как полноправные члены этих собраний и, в частности, допускались к выборам каких-либо должностных лиц. Если они и являлись туда, то или как свидетели, или как присяжные для разбора некоторых уголовных дел, или как представители десятков свободного поручительства, для дачи показаний об их составе, или, наконец, чтобы выслушать все принятые или опубликованные в собрании постановления и довести их до сведения своих односельчан. Трудно допустить, чтобы бесправные вилланы, отделенные от всех свободных людей чертой exceptio villenagii, люди, которых нельзя было включать в жюри и ассизы по гражданским искам и привлекать к военной службе, могли допускаться к решению каких-либо дел в графстве, тем более к выборам должностных лиц и представителей в парламент.

Второй аргумент Кокса — что вилланы платили налоги, утвержденные парламентом, и участвовали в оплате представителей в парламентах — вовсе не серьезен. С таким же успехом можно было бы утверждать, что вилланы были представлены и в советах магнатов,— ведь до возникновения парламента они платили налоги, утверждавшиеся советом магнатов. Участие вилланов в общегосударственных и местных платежах, как мы уже видели, отнюдь не может свидетельствовать об их «полноправии», скорее наоборот, оно свидетельствует об их полном бесправии, так как они вынуждены были платить поборы, хотя и не участвовали в их утверждении.

Сравнительно просто обстоит вопрос и с представителями магнатской верхушки графств. У нас нет никаких данных о том, что крупные титулованные землевладельцы графств — прелаты, эрлы и бароны — обязаны были посещать собрания графств, если не считать особых широких собраний, собиравшихся на сессии разъездных судей. Конечно, они имели «право» являться на собрания, но, по-видимому, пользовались им крайне редко и по большей части старались уклониться от этой «чести». Характерно, что все феодалы, пользовавшиеся иммунитетным правом returnus brevium (а это были по большей части крупные феодалы баронского типа), одновременно освобождались от местного обложения и от обязанности регулярно посещать собрания сотен и графств. При этом освобождались не только сами лорды иммунитетов, но во многих случаях даже и простые свободные держатели иммунитетных территорий.

Следовательно, основная масса участников собраний графств состояла из мелких и средних феодалов — рыцарства

в принятом нами значении этого слова — и свободных держателей. На такой именно состав собраний указывают нам приведенные выше отчеты шерифов Сессекса 1297 г. и Вестморленда от 1306 г., которые в качестве избирателей «представителей» в парламент называют только «всех рыцарей и свободных держателей» графства [100].

Но действительно ли в собраниях графств могли участвовать **все** свободные держатели, как утверждали Стеббс и Рис? Они исходят при этом из того факта, что никаких формальных цензовых ограничений для участия в собраниях графств и, в частности, в выборах в парламент ни в XIII, ни в XIV вв. не было и, следовательно, каждый свободный человек, или уже во всяком случае свободный держатель, мог, если хотел, в них участвовать. Действительно, формальные ограничения «избирательного права» были установлены только в 1429 г., когда от участия в парламентских выборах были устранены все фригольдеры, земельный доход которых был менее 40 ш. в год. Однако значит ли это, что до 1429 г. все свободные держатели графств практически участвовали в избрании депутатов в парламент? Посмотрим, как обстояло дело на практике.

Некоторые данные об участниках обычных собраний графств можно получить из Сотенных свитков 1279 г. Поскольку обязанность посещать собрания сотен и графства (secta hundredi et comitatus) для некоторых свободных держателей, как подметил Мэтланд, являлась одной из повинностей за держание, то в Сотенных свитках при описании свободных держаний обычно указывается, кто из их владельцев должен был отправлять эту повинность [101]. Просматривая Сотенные свитки, можно убедиться, что эта повинность лежала далеко не на каждом свободном держании и что часто она являлась не личной повинностью, но выполнялась фригольдером за целую виллу, манор или феод [102]. Поэтому в каждой вилле имеется обычно всего 2—3 фригольдера, обязанных посещать собрания графств. Например, в описях графства Гентингдон имеется 28 вилл, а фригольдеров, обязанных посе-

---

[100] См. стр. 375.

[101] В Сотенных свитках постоянно встречаются указания такого рода, например: «...debet sectam ad hundredum et comitatum pro una virgata terrae pro dicto Willelmo Mortuomari et debet arare per tres dies in anno, et pro alia virgata terrae reddit unam denarium pro omnibus servitiis» (R. H., vol. II, p. 514, Фригольдер Гальфрид де Сахэм).

[102] Напр., Алиса, дочь Роберта, держит в сотне Норманкросс (Гентингдоншир) 2 виргаты и 18 акров от лорда феода Роберта де Бомейз «faciendo sectam ad hundredum de Normancross pro toto feodo de Bomeys» (R. H., vol. II, p. 660). Аналогичные случаи с указанием, что secta выполняется «pro toto manorio», или «pro tota villata», имеются в R. H., vol. II, p. 427 (Рожер де Камера), p. 660 (Наследники Гуго ле Хейр).

щать Собрания графства,— всего 39. В Кембриджшире на 42 учтенные виллы приходится всего 60 таких держателей. То же самое по другим графствам. Обязанность посещать собрание графства часто перекладывалась лордом манора на того или иного держателя. Лорд, ленясь сам выполнить эту повинность, поручал ее отправление, в счет какой-либо части ренты, одному из своих свободных держателей. В таких случаях в Сотенных свитках обычно отмечается, что держатель выполняет эту повинность «pro domino suo»[103]. Благодаря этому повинность secta часто дробилась между несколькими держателями, и в Сотенных свитках часто указывается, что держатель обязан нести половину ($^1/_2$ sectae), треть ($^1/_3$ sectae), или, наоборот, сразу две такие повинности. Эта система заместительства[104] привела, в конце концов, к тому, что большинство наиболее значительных землевладельцев графств не обязано было лично посещать собрания, если они этого не желали. С другой стороны, это привело к образованию в графствах особого слоя свободных держателей, как бы специализировавшихся на посещении всякого рода судебных собраний. Нередко один и тот же свободный держатель одновременно обязан был посещать и собрание сотни, и собрание графства, а заодно иногда и иммунитетный суд вышестоящего лорда.

Это-то обстоятельство и дало повод Мэтланду утверждать, что собрания графств в изучаемый период были крайне малочисленны по составу. Ссылаясь на данные Сотенных свитков, он склонен был считать, что собрания графств представляли собой судебные курии очень узкого состава, отличавшиеся от частных феодальных курий лишь тем, что в них председательствовал шериф. Однако с этим взглядом Мэтланда нельзя полностью согласиться. Во-первых, уже по одному тому, что в Сотенных свитках отмечены только те свободные держатели, которые были обязаны к этому условиями своего держания. Очевидно лица, составлявшие эту опись, не могли ставить своей целью выяснение вопроса о том, кто посещает собрания графств, но должны были лишь указать, кто обязан это делать. При этом весьма возможно, что Сотенные свитки несколько преуменьшают даже количество лиц, обязанных таки-

[103] R. H., vol. II, p. 464 — о держателях Филиппа Кольвиль в Кембриджшире. R. H., vol. II, p. 741 — о держателях Ричарда Декаментон в Оксфордшире и мн. др.

[104] Эта практика заместительства была официально разрешена Мертонским статутом 1236 г., согласно которому каждый свободный человек имел право посылать вместо себя в собрание сотни графства и даже в курию лорда заместителей. Иметь постоянных заместителей было гораздо удобнее, чем каждый раз находить новых. И, таким образом, в графствах находилось довольно много людей, регулярно выполнявших эту повинность за своих лордов.

ми посещениями. Во-вторых, повинность secta иногда скрывается под общим обозначением «внешняя служба», так как в анкете расследования 1279 г. не было специального вопроса о том, кто несет эту повинность, и некоторые присяжные могли вообще ее не фиксировать.

Но можно ли вообще согласиться с Мэтландом, что собрания графств посещались только по обязанности? Мэтланд опирается при этом на известные факты уклонения многих феодалов от участия в собраниях графств, остроумно замечая при этом: «Право выполнять то, чего никто не хочет выполнять, едва ли может существовать» [105]. Однако таким ли всеобщим и принципиальным было это уклонение? Мы видели, что постоянно уклонялись от участия в местных собраниях магнаты графств. Очевидно, если судить по обычаю заместительства, от регулярных судебных собраний графств уклонялись и многие средние и мелкие феодалы, а также и некоторые фригольдеры крестьянского типа.

Это, очевидно, и побуждало правительство через его местную администрацию настаивать на явке в собрания графств определенного круга лиц и для поддержания этого порядка даже превратить посещение собраний в своего рода повинность. Ведь без этого невозможно было осуществление повседневной судебно-административной деятельности органов местного самоуправления и шерифа. Но именно эти судебно-административные функции собраний графств, требовавшие от являвшихся туда людей постоянного участия в судебных ассизах, расследованиях, больших и малых комиссиях присяжных, которые отнимали много времени и не приносили никаких выгод, и были главной причиной уклонения от этих собраний.

Однако собрания графств в XIII в., вопреки мнению Мэтланда, отнюдь не были только судебными куриями, хотя центральное правительство, возможно, и стремилось свести их роль к этому. При всей своей подчиненности шерифу и покорности распоряжениям из центра, собрания графств все же концентрировали в себе всю общественную жизнь графств: здесь делались все важные объявления, сообщались новые статуты, заключались сделки, выбирались должностные лица, происходил обмен всякого рода политическими слухами. Нельзя забывать того, что уже в первые годы политического конфликта конца 50-х гг. представители рыцарства настойчиво требовали укрепления престижа собраний графств, передачи им ряда важных контрольных функций по отношению к представителям местной администрации [106]. Такие требования неоднократ-

[105] E. H. R., July, 1888, vol. 25, p. 241.
[106] См. гл. V.

но повторялись и позже уже в период существования парламента. В частности, они нашли отражение в статуте Articuli super carta 1300 г., который вновь устанавливал выборность шерифов и предписывал организовать в каждом графстве комиссии из уважаемых и знающих людей для расследования о всех нарушениях Великой хартии и Подтверждения хартии 1297 г. и для наказания виновных [107].

Очевидно, те слои населения, которые выдвигали подобные требования, отнюдь не пренебрегали собраниями графств и смотрели на них как на центры местной политической жизни, имевшие известное общественное значение. Можно ли при таких условиях думать, что рыцарство в то же время смотрело на участие в собраниях графств только как на неприятную повинность. Скорее всего надо предположить, что, иногда уклоняясь от регулярных судебных функций в собраниях графств, мелкие и средние вотчинники графств охотно участвовали в них в тех случаях, когда там обсуждались и решались более общие вопросы и, в частности, проводились выборы должностных лиц, в том числе представителей в парламент.

О том, что состав собраний графств должен был быть шире, чем это можно заключить по Сотенным свиткам, свидетельствует один любопытный факт. Среди лиц, обязанных посещать собрания графств, мы почти не находим имен тех рыцарей, которые в разные годы выбирались в парламент от этих графств. Например, в Гентингдоншире и Кембриджшире ни один из рыцарей, избиравшихся в конце XIII в. в парламент, не поименован среди лиц, обязанных являться в собрание графств. Но ведь трудно предположить, что эти рыцари отсутствовали на собраниях, в которых они были избраны представителями в парламент. Таким образом, если посещение собраний графств не было обязанностью для большинства мелких и средних феодалов, то они, конечно, имели «право» их посещать и, вероятно, широко пользовались этим «правом». А это значит, что собрания графств были шире по составу, чем думает Мэтланд.

К этому надо добавить, что и многие фригольдеры графств могли время от времени являться на эти собрания, поскольку никаких цензовых ограничений в этом отношении не существовало. Ведь недаром введение ограничений 1429 г. объяснено было в тексте постановления тем, что ранее на собрании графств во время выборов в парламент часто стекалось большое количество маловлиятельных людей, чему правительство решило положить конец. Конечно, в XIII в., когда парламент был еще внове и выборам не придавалось большого значения,

[107] Statutes, vol. I, pp. 137, 139.

выборные собрания были, вероятно, не столь еще многолюдны. Но едва ли их состав ограничивался только кругом обязательных участников собрания.

Когда собрание графства выступало в качестве только судебной коллегии, то на нем действительно могло присутствовать лишь несколько десятков человек, необходимых для участия в комиссиях присяжных и других судебных делах. Но когда оно занималось решением более важных и экстраординарных вопросов, в частности являлось выборным собранием, на нем могло присутствовать гораздо большее количество участников.

Однако это не значит, что постоянными участниками собраний графств являлось все свободное население графства, как утверждал Стеббс. Те же данные Сотенных свитков проливают некоторый свет на этот вопрос, так как они позволяют установить, к каким имущественным группам принадлежали те участники собраний графств, которые являлись туда по обязанности. Эти данные могут быть сведены в следующую таблицу.

Таблица

Распределение постоянных участников собраний графств по размерам их земельных владений[108]

Название графства	Общее колич. обязанных являться в собрания	Количество владеющих землей			
		до 100 акров	от 100 до 500 акров	от 500 до 1000 акров	свыше 1000 акров
Гентингдоншир	39 (100%)	27 (69%)	8 (20%)	2 (5%)	2 (5%)
Кембриджшир	60 (100%)	24 (40%)	38 (55%)	1 (2%)	2 (3%)
Оксфордшир	79 (100%)	41 (52%)	29 (37%)	4 (5%)	5 (6%)
Всего . . .	178 (100%)	92 (52%)	70 (39%)	7 (4%)	9 (5%)

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство всех этих обязательных посетителей собраний графств по трем обследованным нами графствам составляют мелкопо-

[108] В таблице приведены данные только по трем графствам, так как по Бэдфордширу и Бэкингемширу в описи отсутствует большинство сотен и поэтому полученные общие цифры по этим графствам мало показательны.

местные феодалы (владельцы земли (пашни) от 100 до 500 акров) и свободные держатели крестьянского типа, каковыми, очевидно, в массе являлись владельцы земли менее 100 акров [109]. Вместе они составляют по всему материалу 91% всех лиц, обязанных посещать собрания. Более крупные землевладельцы составляют всего 9%. Впрочем, мы отмечали, что именно они могли посещать собрания и не будучи к этому обязаны. Так что в этом смысле приведенные цифры не так уж показательны. Гораздо более показательны они для определения низшей цензовой границы возможных посетителей собраний графств. По ним видно, что более половины лиц, обязанных посещать собрания (52%), составляли фригольдеры крестьянского типа. Это указывает на то, что собрания графств обязательно, а не только случайно включали в свой состав представителей свободного крестьянства. А если туда являлись некоторые крестьяне-фригольдеры еще и по доброй воле, то надо полагать, что крестьянский элемент был в них довольно силен.

Однако мы знаем, что свободное крестьянство в Англии XIII в. уже не составляло однородной массы. В нем отчетливо различались, с одной стороны, зажиточная верхушка, непосредственно примыкавшая к низшим слоям мелких вотчинников, с другой стороны, масса средних и мельчайших держателей земли, которые по своему фактическому положению часто были очень близки к вилланам. В связи с этим интересно выяснить, какая категория свободного крестьянства преобладала в собраниях графств и, следовательно, могла оказывать какое-либо влияние на выборы в парламент.

Дополнительный анализ Сотенных свитков по указанным в таблице трем графствам показывает, что крестьяне-держатели 1 виргаты составляли незначительное меньшинство среди лиц, обязанных посещать собрания. По всем трем графствам их было всего 21 (из 178), то есть 12%; 29, то есть 16,7%, были держателями наделов менее виргаты,— как правило, полувиргатарии. Совершенно отсутствовали крестьяне, наделы которых были менее полувиргаты. Даже по отношению к той части обязательных участников собраний, которых мож-

---

[109] Мы руководствуемся здесь условным критерием, введенным Е. А. Косминским для разграничения мелких вотчинников от фригольдеров крестьянского типа, согласно которому вотчинами считаются: 1) все земельные комплексы, включающие вилланов, 2) все комплексы, включающие домен и фригольд, размерами более карукаты, т. е. приблизительно 120 акров, 3) все индивидуальные держания с одним доменом, если они более карукаты (Е. А. Косминский. Указ. соч., стр. 331). Среди свободных держателей земли размерами до 100 акров, учтенных в нашей таблице, вовсе не встречается владельцев вилланов.

но отнести к держателям крестьянского типа (92 человека по всем графствам), крестьяне с держаниями от полувиргаты до виргаты составляли всего 31%, виргатарии — 23%, а держатели наделов свыше виргаты — 46%. Таким образом, среди свободных держателей, обязанных посещать собрания графств, преобладали зажиточные крестьяне с наделом не ниже виргаты, составившие в общей сложности 69%. Фригольдеры среднего достатка имели гораздо меньший удельный вес, а малоземельная крестьянская беднота отсутствовала вовсе.

Конечно, отдельные представители свободной бедноты могли иногда являться на собрания. Но едва ли их случайное появление могло изменить сложившееся там соотношение сил. Регулярно же посещать эти собрания они едва ли могли, так как это было связано часто с затратой дорогого для них рабочего времени и средств, которыми они не располагали.

Где же проходила грань, которая отделяла ту часть свободного крестьянства, которая более активно и постоянно участвовала в собраниях графств и в выборах в парламент, от основной массы свободного крестьянства? Очевидно, практически она проходила по той цензовой линии, которая, как мы уже знаем [110], была проведена статутом 1293 г. по вопросу об участии фригольдеров в жюри и ассизах. Вспомним, что этим статутом обязательное участие в комиссиях присяжных по разбирательствам, проводившимся в пределах графства, предписывалось только тем фригольдерам, земельный доход которых был не ниже 40 ш. в год. Такой доход, как указывалось примерно соответствовал доходам с земельного держания минимум в 1 виргату. Это в общем согласуется с нашими наблюдениями над составом обязательных посетителей собраний графств, среди которых фригольдеры с меньшими держаниями были сравнительно редким явлением. Что они все же попадались, отчасти может быть объяснено тем, что наши данные относятся к 1279 г., тогда как даже еще по цензовым группам II Вестминстерского статута 1285 г. к участию в ассизах внутри графства разрешалось привлекать лиц с годовым доходом в 20 ш., то есть, очевидно, с землей меньших размеров, чем 1 виргата. Эти предположения находят подтверждение и в размерах 40-шиллингового ценза, установленного в 1429 г., который, очевидно, не был взят просто с потолка и в какой-то мере исходил из традиционного ценза для участия в комиссиях присяжных, принятого еще в XIII в. Оба эти ценза, очевидно, определялись тем, что постоянными и наиболее активными участниками собраний графства должны были быть те же зажиточные фригольдеры, которые явля-

[110] См. гл. II, стр. 155—156.

лись непременными участниками всей судебно-административной машины местного управления.

Отсутствие в XIII в. цензовых ограничений для участия в в парламентских выборах поэтому отнюдь не означает, что все свободное крестьянство без исключения являлось активным участником местного самоуправления. Приведенные выше данные дают веские основания предполагать, что так же как мелкие свободные крестьяне уклонялись, а одновременно и устранялись от участия в жюри и ассизах, так же они уклонялись и устранялись от участия в собраниях графств и, в частности, в выборах [111].

Итак, собрания графств нельзя считать столь узкими, как полагает Мэтланд, но они, очевидно, не были и столь многолюдными, как думали Стеббс и Рис. Ведь, помимо мелких и средних феодалов, которые, вероятно, являлись на все сколько-нибудь важные собрания, там могли присутствовать и часто присутствовали многие зажиточные фригольдеры — держатели виргат и выше, которые, по подсчетам Е. А. Косминского, составляли в среднем на территории, охваченной Сотенными свитками, около 23% всего свободного крестьянства [112]. Даже учитывая нерегулярность явки на отдельные собрания графств, все же можно думать, что они насчитывали в среднем не менее 250—300 человек [113]. Впрочем, количество участников собраний зависело также и от населенности графства, и от его размеров, и от политической активности его населения, которая тоже была различна в разных графствах.

Такова была та «община графств», представителями которой являлись рыцари в парламентах. Мы убедились, что в нее не входили, с одной стороны, магнатская верхушка графств, с другой стороны, вилланы и мелкое свободное крестьянство (за немногими исключениями). Следовательно, под этим громким названием «общины» фактически скрывался сравнительно немногочисленный слой свободного населе-

[111] Мы считаем правильным мнение А. Полларда, согласно которому мелкие фригольдеры уже при Эдуарде I фактически устранялись от выборов в парламент, хотя официально «избирательного ценза» в этот период еще не существовало

[112] Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 280.

[113] Л. Рис приводит любопытные данные о составе одного собрания графства, происходившего в 1278 г. в Нортумберланде. На этом собрании 149 человек наиболее зажиточных и влиятельных были назначены поручителями за фригольдеров, обязанных принять рыцарское звание. Но, как справедливо полагает Рис, на собрании должны были присутствовать и другие люди, в частности те, за которых требовалось поручаться. Так как за каждого обычно поручалось 2 человека, то этих последних должно было быть не менее 74, т. е. на собрании всего должно было присутствовать минимум 233 человека, а вероятно еще больше. (L. Riess. Op. cit., SS. 47—48).

ния графств: средние и мелкопоместные феодалы и примыкающая к ним зажиточная фригольдерская верхушка, являвшаяся, как отмечалось, главным резервом пополнения мелких вотчинников. Это был тот самый слой населения, который под именем «рыцарей графств» и «свободных полноправных» людей издавна привлекался королевской властью к деятельному участию в органах местного самоуправления в качестве главной социальной опоры ее централизаторских мероприятий; тот общественный элемент, который наряду с крупными феодалами, а иногда даже в ущерб им, защищался общим правом и законодательством и мог действительно практически использовать привилегии свободного статуса и держания. Наконец, это были именно те землевладельцы графств, которые наиболее активно были заинтересованы в развитии товарно-денежных отношений и являлись их наиболее последовательными проводниками в деревне. Именно их интересы должны были представлять в парламенте рыцари графств, которые по своему социальному положению принадлежали к верхушке этого своеобразного социального слоя.

Мелкие феодалы и зажиточные фригольдеры, которые сообща вершили в графствах все местные дела и постоянно вместе выступали в политической борьбе XIII в., также сообща избирали своих представителей в парламент, куда под именем «рыцарей, опоясанных мечом» нередко попадали и мелкие вотчинники, недавно выбившиеся из фригольдеров. Их общая политическая роль отражала близость и общность их экономических интересов и ту незамкнутость рыцарского сословия, которая составляла одну из отличительных особенностей социального развития средневековой Англии. Подчеркивая очевидное отличие этих представителей «общины» от представителей феодальной аристократии в парламенте, нельзя, однако, забывать, что они ни в коей мере не являлись представителями крестьянства как эксплуатируемого класса феодальной Англии. Крестьянская верхушка, которую они отчасти представляли, в основной своей массе уже была оторвана от тех специфических интересов и нужд, которыми жили в этот период массы английского свободного крестьянства, не говоря о вилланах. Многие ее представители уже стояли на пути к превращению в мелких вотчинников, другие хотя были еще далеки от этого, но дорожили своим положением независимых хозяев, своим общественным весом, из которого они иногда могли извлечь кое-какие выгоды.

Впрочем, эти последние, представляющие сравнительно немногочисленную группу крестьян, близких к держателям виргаты, едва ли тоже играли существенную роль при выборах в парламент. Принадлежа к низшим слоям фригольдер-

ской верхушки, они, конечно, не могли противопоставлять свою волю более влиятельным участникам и часто организаторам выборов, особенно при тех примитивных избирательных порядках, которые, по всей вероятности, существовали в графствах в XIII — начале XIV в. Мы, к сожалению, ничего не знаем об избирательных порядках XIII в. Но трудно представить себе, чтобы там применялась система тайного или открытого поголовного голосования и чтобы масса собравшихся участвовала в выдвижении кандидатов [114].

Выборы, как и другие вопросы, скорее всего решались на собраниях графств шумными восклицаниями присутствующих (если, конечно, не находилось лиц, явно враждебных тому или иному кандидату). При таких обстоятельствах, как справедливо замечает Рис, особенную роль играло выдвижение кандидатов. В XIV и XV вв., как он убедительно доказывает, кандидаты выдвигались наиболее богатыми и влиятельными землевладельцами графств. Хотя для XIII в. мы не имеем на этот счет прямых указаний, но по некоторым косвенным данным можно думать, что с самого начала существования парламента выборы носили далеко не «демократический» характер. Достаточно напомнить о руководящей роли в Собраниях графств «инициативной группы» наиболее влиятельных людей графства («majorum comitatus»), называемых «buzones», от которых, по словам Брактона, «зависит решение всех остальных» (et quorum notum dependent vota aliorum) [115]. Если, как замечает Брактон, эти buzones втайне совещались с разъездными судами, прибывавшими в графство [116], то с таким же успехом они могли заранее подготовлять и кандидатуры для выборов в парламент. В пользу такого предположения косвенно говорит и то, что в парламент часто, и притом по нескольку раз, выбирались влиятельные рыцари графств, сравнительно крупные землевладельцы, не обязанные посещать собрания [117], в частности рыцари — жители иммунитетных территорий [118]. Об этом же свидетельствуют вообще ча-

---

[114] L. Riess. Op. cit., S. 51.

[115] H. Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae. R. S., No. 70, vol. II, p. 327.

[116] Ibidem.

[117] Например, Уильям Скалеброк, владевший 45 виргатами земли, трижды выбирался от Оксфордшира (1298, 1306, 1307 гг.); Ричард де Брус, владелец многих рыцарских феодов в Гентингдоншире, субинфеодированных более мелким рыцарям, дважды избирался в парламент (в 1293 и 1300 гг.).

[118] P. W., vol. I, p. 22. В 1301 г. от Глостершира в парламент были выбраны 2 рыцаря — оба жители иммунитетных территорий, не обязанные участвовать в выборах.

стые повторные избрания в парламент некоторых рыцарей (как мы заметили, за период с 1272 по 1307 г. было произведено 121 такое переизбрание), что, по-видимому, говорит об известной заинтересованности в выборах самих кандидатов.

Наконец, на известный интерес к выборам, происходившим в собраниях графств, указывает ст. 5 I Вестминстерского статута, которая гласит: «Так как выборы должны быть свободными (per ce, que election deivent estre fraunches), король запрещает, под угрозой сурового наказания, чтобы кто-либо из больших людей или кто-нибудь другой (nul haut home ne autre) силой оружия или с помощью коварства мешал бы кому-либо осуществлять свободные выборы (ne desturbe de fere franche election)»[119]. Эта статья, хотя и не специально относившаяся к выборам в парламент, все же свидетельствует о возможности нажима на избирателей, в особенности же на более мелких фригольдеров, зависевших часто от власти своих сеньеров — влиятельных лордов графства. Наконец, значительное давление на выборы, если ему это было выгодно, конечно, мог оказывать шериф, обычно тоже влиятельный землевладелец в графстве. Ведь выбранные вопреки его воле депутаты могли оказаться его врагами, и своими жалобами в центре на его злоупотребления нарушить его спокойное существование.

Таким образом, не только благодаря социальному составу собраний графств, но и в силу самого характера выборов в парламент действительная роль широких масс крестьянства в них была ничтожна. А рыцари графств, несмотря на формальное участие в их избрании крестьянских элементов, представляли в парламенте в основном интересы рыцарского землевладения и той небольшой части фригольдеров, за счет которой пополнялись ряды рыцарства.

§ 3. Представители городов в парламенте конца XIII — начала XIV века

Третьим основным образующим элементом парламента с самого начала его существования были представители городов — cives et burgenses, по терминологии парламентских документов XIII и XIV вв.

Они, подобно рыцарям графств, являлись выборными представителями, но вместе с тем в первый период существования парламента занимали в нем особую позицию и не сос-

[119] Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 12.

тавляли еще единого целого с представителями графств, какое они составили впоследствии в палате общин.

Горожане позднее, чем рыцари графств, стали получать регулярные приглашения на парламент. Первый раз они появились в парламенте в 1265 г. по приглашению Симона де Монфора, но затем, в первые годы царствования Эдуарда I, они приглашались на парламент сравнительно редко и только после 1297 г. стали его постоянными участниками. Городские представители присутствовали, как было уже отмечено, только на 15 собраниях в период с 1272 по 1307 г.: в парламентах 1273 г. и 1275 г., в парламентах в Нортгемптоне и Йорке, одновременно собравшихся в 1283 г., в парламенте в январе 1283 г. в Шрузбери, в «образцовом» парламенте в ноябре 1295 г., в ноябрьском парламенте в 1296 г. в Бери-Сент-Эдмундс, в парламентах 1298 г. в Йорке, 1300 г. в Лондоне, 1301 г. в Линкольне, 1302 г. в Лондоне, 1305 и 1306 гг. в Лондоне, в Карлейльском парламенте 1307 г. Кроме того, в 1303 г. Эдуард I собрал особое собрание городских представителей для решения вопроса о повышении пошлин на экспорт и импорт.

Для того чтобы дать социальную характеристику городского представительства в парламентах изучаемого периода, нужно разрешить два вопроса: во-первых, какие именно города и на каких основаниях приглашались в парламент в интересующее нас время и, в частности, какие города, составляли основной костяк городского представительства; во-вторых, каков был социальный облик городских представителей, кем были и кого представляли cives et burgenses в английском парламенте в изучаемый период.

Первый из этих вопросов неоднократно ставился в литературе, хотя и не нашел в ней полного разрешения. Второй же рассматривался только в одном исследовании английского историка — мисс М. Мак-Кизак, но в отношении интересующего нас периода также остается до сих пор нерешенным [120].

Согласно списку, составленному Пэлгревом по данным парламентских приказов (Parliamentary writs), общее число городов, когда-либо получавших приглашения в парламент при Эдуарде I, составляет 166. Однако эта общепринятая цифра не совсем верна. В нее не включены те 11 городов, которые однажды были приглашены в парламент 1275 г., никогда больше не приглашались туда и, естественно, не были учтены Пэлгревом, так как пригласительные письма 1275 г.

---

[120] M. McKizack. The parliamentary representation of the english boroughs during the Middle ages. London, 1936.

были ему неизвестны [121]. Следовательно, для изучаемого времени мы можем говорить по меньшей мере о 177 «парламентских» городах [122]. В то же время эти «парламентские» города составляли всего 63% всех известных нам для конца XIII в. городов Англии. Однако обычно в парламенты вызывалось значительно меньше городов, и от парламента к парламенту число их постоянно изменялось. В «образцовый» парламент были приглашены представители 114 городов, в парламент 1298 г. — 78 городов, в парламенты 1301 и 1302 гг. — представители 73 городов, в парламент 1305 г. — 89 городов, в парламент 1306 г. — 78 городов и в Карлейльский парламент 1307 г. — представители 89 городов [123]. Таким образом, в каждый парламент редко приглашались представители более чем половины общего числа «парламентских» городов. Уже эти колебания показывают, что круг постоянно приглашаемых в парламент городов и их число в царствование Эдуарда I, еще не были окончательно определены.

Они определились более или менее только в начале XIV в., когда можно наблюдать тенденцию к сокращению количества городов, приглашаемых в отдельные парламенты [124].

Само центральное правительство в этот период не давало точных определений шерифам, какие именно города должны посылать своих представителей в парламент. В 1275 г. оно предписывало шерифам прислать в парламент представителей от каждого города (civitas), бурга (burgus) и рыночного местечка (villa mercatoria) [125], в дальнейшем же, начиная с 1295 г., представители мелких рыночных поселений больше никогда не приглашались в парламент и шерифам предписы-

---

[121] Они были впервые опубликованы только в 1910 г. в E. H. R., vol. 25.

[122] «Парламентскими» городами и здесь и в дальнейшем изложении мы называем города, хотя бы один раз получившие приглашение на парламент в изучаемый период.

[123] Данные о количестве городов, приглашавшихся на эти парламенты, взяты нами из отчетов шерифов о произведенных выборах, которые имеются за эти годы в Parliamentary writs.

[124] По вычислениям Риса (Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament. Leipzig, 1886) и М. Мак-Кизак (The Parliamentary Representation of englisch boroughs during the Middle Ages. London, 1936) среднее число «парламентских» городов при Эдуарде II составляло 70, тогда как при Эдуарде I оно равнялось 87. Такую же тенденцию можно наблюдать и по отдельным графствам. Например, в графствах Йоркшир, Вустершир, Линкольншир, Уорвикшир число приглашаемых в парламент городов от начала к концу царствования Эдуарда I значительно сокращается. Впрочем, в других графствах наблюдается обратное явление (Сомерсетшир) или иногда полная стабильность в числе приглашаемых городов (Гампшир, Девоншир, Сессэкс, Эссекс и др.).

[125] E. H. R., 1910, vol. 25, p. 236.

валось присылать только представителей от городов и бургов (civitatum et burgorum).

Поскольку правительство в центре не настаивало на определенном числе городов от каждого графства, то и шерифы, на обязанности которых лежала организация выборов, не очень заботились о том, чтобы все города их графства посылали своих представителей в парламент. А так как правительство не имело точного списка подлежащих приглашению городов, а понятие «burgus» было в XIII в. очень неопределенным [126], то совершенно очевидно, что постоянно менялся и круг приглашаемых от каждого графства городов. Анализ отчетов шерифов, имеющихся в Parliamentary writs, показывает следующую картину (табл. 6).

Таблица 6

Текучесть состава городов, представители которых приглашались в парламенты в период с 1272 по 1307 г. (по данным парламентских приказов)

Число вызовов	Число городов
Один раз	66
Два раза	16
Три раза	19
Четыре раза	18
Пять раз и больше	58
Всего . . .	177

Следовательно, из 177 парламентских городов только 58 посылали своих представителей в парламент более или менее регулярно (в 5 и более парламентов из 15 парламентов с участием городских представителей, имевших место в изучаемый период). Уточняя эту суммарную цифру, мы обнаружили, что лишь очень немногие города, попавшие в эту группу, посылали своих представителей во все или почти во все парламенты. Их нетрудно перечислить: Экзетер (приглашался 11 раз), Бристоль (9 раз), Герефорд (11 раз), Ноттингем (10 раз), Дерби (9 раз), Шрузбери (10 раз), Вустер (10 раз), Винчестер (10 раз), Солсбери (10 раз), Скарборо (11 раз), Йорк (9 раз), Линкольн (10 раз). К этому списку надо при-

[126] Ср. J. Tait. The medieval english borough. Manchester, 1936, pp. 194—197.

бавить еще Лондон, хотя он, как правило, не фигурирует в Parliamentary writs [127]. Остальные, часто даже довольно значительные города вызывались всего 5, 6, 7 раз за весь интересующий нас период. В общем, не более трети числа «парламентских» городов XIII и начала XIV в. регулярно участвовали или должны были участвовать в заседаниях парламента. А по отношению к числу известных нам в это время городов (278) эти города, регулярно приглашавшиеся в парламент, составляли около $^1/_5$. 53 города, то есть не менее одной трети городов, приглашались нерегулярно — 2, 3, 4 раза за все время, и, наконец, 66 городов (более чем треть) были вызваны в парламент всего по одному разу и, следовательно, составляли случайный элемент в парламенте.

При такой текучести состава естественно поставить вопрос о том, что служило основанием для более или менее регулярного приглашения в парламент того или иного города; были ли вообще такие основания, или же приглашение либо неприглашение города в парламент было результатом случайности?

Вопрос этот постоянно ставился всеми буржуазными историками, которые в той или иной степени занимались городским представительством в английском парламенте. Стеббс, в частности, заметил, что приглашение городов на парламент не всегда зависело от того, находились ли они на королевском домене или на землях других лордов [128].

Гнейст считал, что чаще всего в парламент приглашались портовые города, ведшие морскую торговлю или являвшиеся крупными центрами ремесла. При этом, однако, он особенно подчеркивал, что приглашение того или иного города в парламент всецело зависело от «усмотрения королевской власти» [129].

Немецкий историк Людвиг Рис считал, что круг городов, получавших приглашения в парламент, в XIII и XIV вв. определялся исключительно произволом шерифов [130]. При этом он утверждал, что шерифы обычно посылали приглашения только тем городам, которые по положению были приравнены к графству и носили официальное название «civitates», а также

[127] Отсутствие сведений об этом в парламентских приказах объясняется, очевидно, тем, что приказы об избрании депутатов обычно адресовались мэру Лондона, а не шерифу графства, и шли иным путем, а потому и не попали в документацию, связанную с корреспонденцией шерифов.

[128] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II. London, 1891, p. 232.

[129] Р. Гнейст. История государственных учреждений Англии, стр. 438—439.

[130] L. Riess. Op. cit., SS. 22—28.

городам, которые пользовались правом returnus brevium по отношению к шерифу, то есть были приравнены по положению к иммунитетным сотням (по его мнению, они официально обозначались термином «liber burgus»). Что же касается местечек, выделенных в качестве иммунитетных округов из состава сотни, которым Рис приписывает официальное название «burgus», и городов, совпадавших с сотней, то они, по мнению Риса, реже приглашались в парламент и легче уклонялись от выполнения приказов шерифов и бейлифов и в конце концов выпали из их поля зрения [131].

М. Мак-Кизак, критиковавшая эту «административную» теорию Риса, не выдвинула никакой самостоятельной точки зрения. Ограничившись констатацией факта, что города, лежащие в пределах иммунитетов, возможно, легче ускользали от представительства в парламенте, но что это положение нельзя возводить в принцип, как это делает Рис [132], она в конце концов пришла к выводу, что в XIII в. в выборе приглашаемых городов «фактическими арбитрами были шерифы», то есть повторила исходное положение Риса.

Между тем, теория Риса даже с формальной стороны не выдерживает критики. Принятое им деление английских городов на «burgi», «liberi burgi» и «civitates» совершенно произвольно уже потому, что в административной практике XIII в. четкого разграничения между этими понятиями не было [133]. Кроме того, в доказательство своей теории Рис приводит лишь ссылки на пример отдельных городов (города Devizes, Bodemin, Lutegershall), не проверяя административного положения других парламентских городов изучаемой эпохи.

Наконец, теория Риса в сущности не дает ответа на интересующий нас вопрос о причинах регулярности приглашения определенной группы городов, так как административное положение города было обычно лишь внешним признаком в его общей характеристике и только отражало его экономическое значение и степень его самостоятельности. Самое же главное то, что на практике, вопреки мнению Риса, многие мелкие медиатизированные города, так же как города, пользовавшиеся иммунитетом в масштабе сотни, постоянно получали приглашения на парламент.

С нашей точки зрения критерий «парламентского» города изучаемой эпохи следует искать прежде всего по линии его общей значимости в экономической и политической жизни

---

[131] Ibidem, SS. 22—28.

[132] M. McKizack. Op. cit., pp. 17, 20, 22.

[133] Об условности понятия «burgus» и «civitas» в применении к XIII в. см. F. Pollock F. and W. Maitland. History of english law, vol. I. Combridge, 1898, p. 634, а также J. Tait. Op. cit., pp. 194—197, 212.

Англии. Такая постановка вопроса сопряжена с рядом трудностей, поскольку в нашем распоряжении нет таких источников, по которым можно было бы составить ясное представление о каждом из интересующих нас 177 городов. Из литературы по истории английского средневекового города можно почерпнуть также не много — в лучшем случае характеристику отдельных, наиболее влиятельных городов Англии XIII в. Для того чтобы составить хотя бы приблизительное представление об экономическом и политическом облике интересующих нас городов, нам пришлось обращаться к самым разнообразным источникам, которые иногда могли дать лишь очень неточные и косвенные сведения.

Главные из этих источников следующие: Сотенные свитки 1274 г.[134] — материалы правительственного расследования 1274 г. относительно иммунитетных привилегий феодалов и городов, а также всевозможных злоупотреблений сеньериальной и королевской администрации, Placita de quo warranto — сборник протоколов судебных разбирательств по искам короны против феодалов — владельцев иммунитетов, которые велись с целью выяснения законности прав феодалов и городов на те или иные иммунитетные привилегии[135]; городские хартии XIII в.[136].

Естественно, что добытые нами сведения из столь разнохарактерных источников далеко не полны и не точны, однако за неимением других мы все же сочли возможным использовать их для нашей цели. В этих источниках мы искали данные об экономической значимости интересующих нас городов, о развитии в этих городах ремесла и торговли, косвенным показателем которых мы считали, в частности, наличие в городе «купеческой гильдии» и права фирмы, а также его положение портового города. В качестве дополнительных показателей для характеристики городов мы учитывали также данные о том, принадлежал ли город королю или какому-либо светскому или духовному феодалу; данные о наличии муниципальных торговых и иммунитетных привилегий у каждого из интересующих нас городов; наконец, являлся ли он главным городом графства или нет[137].

---

[134] R. H., vol. I—II. Ed. Record comission. London, 1812, 1818.
[135] Placita de quo warranto Ed. Record comission, 1818.
[136] BBCh., vol. I—II.
[137] Это последнее обстоятельство учитывалось нами, поскольку оно должно было в какой-то мере влиять на регулярность приглашений. Шериф никак не мог «забыть» произвести избрание депутатов в парламент от города, который являлся его официальной резиденцией и центром всей администрации графства.

Эти намеченные нами показатели далеко не исчерпывают всех аспектов характеристики того или иного города. Нам очень важно было бы знать, какой характер носила торговля данного города, какие ремесла там были особенно развиты, каковы были размеры фирмы. Наконец, особенно интересно было бы знать, какую долю в общегосударственном обложении нес каждый из «парламентских» городов этой эпохи. Но поскольку нам не удалось добыть такие сведения для всех интересующих нас городов, то пришлось ограничиться намеченным комплексом сведений.

Наличие рыночных привилегий мы не учитывали, исходя из того, что поселения, обладавшие только такими привилегиями, после 1295 г., очевидно, перестали получать приглашения.

Не учитывали мы также и наличия права returnus brevium, так как, на наш взгляд, как будет показано дальше, это право не играло решающей самостоятельной роли в выборе шерифом контингента приглашаемых городов. Полученные нами данные об интересующих нас городах сведены в таблицу 7[138] (см. стр. 396).

Эта таблица позволяет сделать следующие выводы:

1) Среди городов первой группы, составлявших, как мы видели, костяк городского представительства в XIII и начале XIV в., более половины составляли города, пользовавшиеся правом фирмы, имевшие купеческую гильдию, находившиеся на королевской земле, располагавшие более или менее широкими муниципальными привилегиями или являвшиеся административными центрами графств. 2) Среди городов второй группы только 20% имели право фирмы; гильдейские города составляли немногим более трети, сеньериальных городов было столько же, сколько королевских, хартиями располагали только около трети городов, и всего два города являлись административными центрами графств. 3) В третьей группе городов, которые приглашались в парламент по одному разу, всего 5 городов были на фирме, имелся только один

---

[138] Данные этой таблицы о принадлежности городов королю или другому сеньеру взяты из Сотенных свитков 1274 г. Данные о наличии муниципальных привилегий и купеческих гильдий из публикации BBCh., vol. II, и из работы Гроса (Ch. Gross. Cild Merchant, vol. I). Числа в графах 2—9 показывают число городов, имеющих один из интересующих нас признаков. При этом, однако, многие города имеют одновременно не один, а несколько из этих признаков, например одновременно гильдию, муниципальную хартию, являются административным центром графства и т. п. В силу этого общее число городов каждой группы, помещенное в графе 1, естественно, не является суммой цифр, помещенных в последующих графах, а сами эти цифры не сочетаются друг с другом.

Таблица 7

Характеристика экономического и административного положения «парламентских» городов конца XIII века

Группы городов по регулярности приглашений: получавшие приглашение	Число городов								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	общее число	имеющих право фирмы	имеющих купеч. гильдию	портовых	королевских	сеньериальных	невыявленной принадлежн.	имеющих хартии	административных центров
I — пять раз и больше	58	32	34	13	33	19	6	52	33
II — два-четыре раза	53	11	19	15	19	19	15	19	2
III — один раз	66	5	1	7	12	44	10	17	—
Всего . .	177	48	54	35	64	82	31	88	35

гильдейский город, безусловно преобладали сеньериальные города, лишь 17 городов имели хартии, и ни один не являлся центром графства.

Кроме того, из 35 портовых городов, рассмотренных нами, 28 городов вызывались не менее двух раз и только 7 вызывались по одному разу.

Наши наблюдения получат дальнейшее подкрепление, если мы более детально рассмотрим, что представляли собой города первой группы, регулярно приглашавшиеся в парламент. Из 58 городов этой группы 23 имели купеческие гильдии и в то же время являлись административными центрами графств; 11 имели купеческие гильдии, не будучи административными центрами; 10 были административными центрами, но не имели гильдии (в число этих 10 городов входил Норич, который, несмотря на отсутствие гильдии, был довольно крупным торгово-промышленным центром). Наконец, в число этих 58 городов входил и Лондон, в экономическом и в политическом отношении занимавший особое место.

Таким образом, для 46 из 58 городов первой группы можно считать основой их регулярного приглашения в парламент

отчасти их торгово-промышленное значение, отчасти центральное положение в административной жизни графств [139].

Рассмотренные нами выше данные убеждают в том, что регулярность приглашения городов в парламент зависела прежде всего от их экономического значения и положения административных центров того или иного графства. Некоторое, хотя и не решающее, влияние оказывала также принадлежность данного города королю. Экономическое значение города должно было учитываться при приглашениях в парламент потому, что наиболее развитые в торговом и промышленном отношении города играли и бóльшую роль в налогообложении, и поэтому с их голосом королю приходилось больше считаться. Королевские города находились, по-видимому, на особом учете в казначействе и у шерифов графств, и регулярное игнорирование их шерифами при вызове в парламент могло обратить на себя внимание в центре. По тем же причинам невозможно было обходить приглашением и те города, которые являлись центрами управления графств и к тому же находились в непосредственном ведении шерифов, которым поэтому легче всего было обеспечить явку их представителей в парламент.

Что касается географического положения городов, значение которого особенно подчеркивал Гнейст, то оно влияло на их приглашение только в очень ограниченном смысле. Конечно, портовые города вызывались в парламент более часто, так как они по большей части представляли собой значительные центры внешней и внутренней торговли. Но в то же время наибольшее число городов (14) в изучаемый период при-

---

[139] Что касается остальных городов этой группы, то для их более или менее регулярных приглашений основанием являлось, по-видимому, также их экономическое значение. Город Уэлл (Well) в Сомерсетшире, хотя и не имел гильдии, но был довольно значительным центром в своем графстве, пользовался рядом муниципальных привилегий (BBCh, vol. I, PGXZV). Он фигурировал в Сотенных свитках 1274 г. под названием burgus (R. H., vol. II, p. 134); Илчестер, тоже в Сомерсетшире (Ilchester), принадлежал королю, по хартии 1204 г. Иоанна Безземельного он пользовался правом returnus brevium, его жители были освобождены от пошлин в пределах Англии и имели право держать рынок. Илчестер был на фирме, которая составляла 36 ф., что свидетельствует о некотором экономическом значении этого города (R. H., vol. II, p. 126; BBCh, vol. I, p. 229). Город Брайдпорт (Brideport) в Дорсетшире принадлежал королю. Хотя он и не имел купеческой гильдии, но, вероятно, имел некоторое торговое значение, так как лежал на берегу Ла-Манша. Об этом же свидетельствует и то, что город находился на фирме (BBCh., vol. II, p. XCL). В том же Дорсетшире относительно регулярно вызывался город Шефтсбери, лежавший на границе с Сомерсетширом, также пользовавшийся правом фирмы (R. H., vol. I, p. 98). Наконец, городок Саутверк (Southwork) в графстве Серри являлся одним из предместий Лондона и активно участвовал в торгово-промышленной жизни последнего.

глашалось в парламент от «сухопутного» Уилтшира, где вовсе не было портов. Из них шесть приглашались в парламент регулярно (Солсбери, Кальн, Мальмсбери, Бодевинд, Уилтон, Доунтон). Все они лежали далеко от моря, но были значительными пунктами торговли графства, о чем свидетельствуют наличие во всех этих городах купеческих гильдий. Таким образом, географическое положение города оказывало влияние на его участие в парламенте только постольку, поскольку оно способствовало его экономическому процветанию.

Такое же второстепенное значение имело для приглашения в парламент наличие или отсутствие у города права returnus brevium, которое означало право должностных лиц города своими средствами осуществлять на территории города королевские распоряжения и отчитываться в них перед шерифом, не допуская последнего в пределы города.

Конечно, право returnus brevium иногда давало городам возможность уклоняться от явки на отдельные парламенты [140]. В отчетах шерифов об избрании городских представителей на тот или иной парламент мы часто встречаем упоминания о том, что шериф не смог выполнить королевского приказа, так как бейлиф городского иммунитета ничего не ответил на предписание об избрании представителей от данного города [141].

Однако едва ли это уклонение от участия в парламенте могло привести к окончательному исключению более крупных городов из числа парламентских. Саутгемптон, Гримсби, крупные порты, находившиеся в руках короля, приносившие большой доход в виде тальи, таможенных пошлин и налогов на движимость, конечно, не могли быть произвольно вычеркнуты шерифом из списков постоянных посетителей парламента, даже если они упорно отказывались выбирать депутатов, пользуясь своим правом returnus brevium. И мы видим, что, несмотря на упорное молчание бейлифов этих иммунитетов, шерифы Гемпшира, Сомерсетшира и Дорсетшира настойчиво продолжали посылать им приказы об избрании депутатов в последующие парламенты. Конечно, мелким и незначительным городам, вроде Андовера, Одихайма, Бассингестока, уда-

[140] Обычно из-за нежелания некоторых городов нести расходы на посылку депутатов в парламент.

[141] P. W., vol. I, p. 100, в отношении Саутгемптона в 1301 г.; ibidem, p. 152, в отношении Таунтона в 1305 г.; ibidem, p. 95; в отношении Сент-Олбанса в 1301 г.; ibidem, p. 143, в отношении Герефорда, Сент-Олбанса и Колчестера в 1305 г.; ibidem, p. 190, в отношении Гримсби в 1307 г.; ibidem, p. 153, в отношении Малькомба и Лима в 1305 г.; ibidem, p. 175, в отношении Малькомба и Лима в 1306 г.; ibidem, p. 188, в отношении Лима в 1307 г.

валось иногда уклоняться от участия в парламенте. Однако это происходило вовсе не потому, что приказы передавались им через бейлифов иммунитетных округов, как думает Рис, но скорее потому, что, как отмечалось выше, на отсутствие этих городов в парламенте никто не обращал серьезного внимания, и шериф мог спокойно игнорировать их при последующих приглашениях, особенно если он получал за это соответствующую мзду от городских властей. Таким образом, административные привилегии города, вопреки мнению Риса, влияли на регулярность приглашения лишь постольку, поскольку они отражали значимость города в хозяйственной и политической жизни графства и всей Англии.

Что шерифы сплошь и рядом попустительствовали уклонению представителей отдельных городов от явки на парламент, не подлежит сомнению. Иногда это делалось за взятки, получаемые от города, иногда просто по небрежности шерифа. Часто в своих отчетах об избрании городских депутатов шерифы ограничивались формальной отпиской о том, что в графстве нет крупных городов, кроме одного—двух, хотя в другие годы от этого же графства в парламент посылались представители 4, 5 и более городов [142].

Повторное исключение этих городов из числа обычно приглашаемых могло с течением времени привести и к их окончательному исключению из числа «парламентских» городов. Однако, как и в случаях с правом returnus brevium, такие произвольные действия шерифов могли влиять на приглашение или неприглашение в парламент лишь мелких и незначительных городов. Шериф был бессилен навсегда вычеркнуть из списка парламентских городов более крупные торговые и административные центры Англии.

---

[142] Например, шериф Корнуола, в 1295 г. сообщив об избрании представителей в парламент от городов Донхавед, Лискаред, Бодминистер, Трегони и Труру (Truru), добавляет: «В графстве Корнуол больше нет рыночных местечек и в указанном графстве нет ни одного большого города» (P. W., vol. I, p. 35). Между тем на парламенты 1298, 1305, 1307 гг. вызывался, кроме этих городов, еще городок Хельстон. Еще характернее случай с Бэкингемпширом. В 1298 г. шериф этого графства сообщил в королевскую канцелярию: «В указанном графстве нет ни горожан (cives), ни жителей бургов, нет ни больших городов (civitates), ни бургов, вследствие чего я не могу прислать к вам никаких горожан или жителей бургов» (Ibidem, vol. I, p. 66). Между тем еще в 1275 г. от графства было приглашено в парламент 3 города, а с 1301 г. регулярно приглашались 2—3 города.

Такой же отпиской часто отделывался шериф Оксфордшира, неоднократно заявлявший, что, кроме Оксфорда, в его графстве «нет городов и бургов» (Ibidem, vol. I, p. 73). Между тем в 1305 г. от Оксфордшира были приглашены четыре бурга (Дедингтон, Вудсток, Витней и Чепинортон) (P. W., vol. I, p. 149), а в 1306 г., кроме того, еще Бэрефорд (Ibidem, vol. I, p. 173).

Несмотря на полную свободу действий правительства в этом вопросе и на обычные злоупотребления шерифов на местах, все же постоянной основой городского представительства в изучаемую эпоху служили только наиболее развитые в экономическом отношении города. Менее развитые, но все же связанные с торговлей и ремеслом города составляли текучий, непостоянный элемент городского представительства в парламенте. Мелкие города, полуаграрного типа, не имевшие гильдии и не пользовавшиеся сколько-нибудь широкими муниципальными привилегиями, обычно расположенные на земле отдельных феодалов, составляли в парламенте случайный элемент. Появившись там один или два раза, они затем постепенно выпадали из числа парламентских городов

Таков ответ, который можно дать на первый из поставленных нами вопросов.

* *
*

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, каков был социальный облик городских представителей, заседавших в парламентах изучаемой эпохи.

Определение cives et burgenses, постоянно встречающееся в документах XIII в., не дает удовлетворительного ответа на этот вопрос. Оно лишь указывает на то, что речь идет о городских жителях, в отличие от жителей сельских местностей. Между тем уже в начале XIII в. в наиболее крупных английских городах налицо было довольно значительное социальное расслоение [143].

К какой же категории городского населения принадлежали городские представители в парламентах изучаемой эпохи и какие слои горожан они представляли?

Выше было уже отмечено, что социальная принадлежность городских представителей рассматривалась английским историком М. Мак-Кизак, которая пришла к интересным выводам на этот счет в отношении парламентов XIV и XV вв. Анализируя материалы архивов разных городов этого периода, она пришла к заключению, что «купцы, — богатые предприниматели или более мелкие торговцы, — были первоначально типичной фигурой городского представительства в парламенте (burgenses), и едва ли можно сомневаться, что

---

[143] Сведения о социальном расслоении в английских городах имеются в моей статье «Городское представительство в английском парламенте XIII — начала XIV в.». «Средние века», вып. IV. М., 1953, стр. 113—117.

самые ранние приглашения в парламент предполагали присутствие в нем людей именно такого типа»[144].

Исследуя характер выборов городских представителей в парламент в XIV, а тем более в XV в., этот автор пришел к выводу, что в эти столетия «выборы горожан в парламент почти во всех городах были исключительной привилегией небольшого количества наиболее богатых граждан»[145]. Однако в исследовании Мак-Кизак ничего почти не говорится о составе городских представителей в более ранний период в конце XIII — начале XIV в. Что касается других исследователей, то они, обычно указывая на неясность и темноту этого вопроса, ограничивались лишь общим замечанием о том, что процедура выборов была очень различна в разных городах, в зависимости от более или менее демократических порядков городского самоуправления. От характера же выборов зависел и состав представителей парламента от каждого города[146].

Были и такие историки, которые серьезно утверждали, что cives et burgenses представляли в парламенте все городское население в целом, в том числе и самые низшие его слои[147].

Хотя выяснение этого интереснейшего вопроса действительно сопряжено с очень большими трудностями, мы все же попытаемся на доступных нам материалах наметить путь к его решению. Исчерпывающий материал по этому вопросу можно получить только в архивах отдельных английских городов, в большинстве случаев еще не опубликованных[148].

Поэтому нам удалось сколько-нибудь полно использовать только две публикации городских архивов — лондонские архивные документы XIII—XIV вв., опубликованные в свое время Томасом Райли под общим названием Munimenta Guildhallae Londoniensis[149], и архив города Лейстера за 1103—1327 гг., опубликованный М. Бетсон[150]. Однако и в них интересующие нас данные XIII в. довольно скудны. Они поч-

---

[144] M. McKizack. Op. cit., p. 106.

[145] Ibidem, p. 88.

[146] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II. Oxford, 1875, pp. 217—220, 234; L. Riess. Op. cit., SS. 59—61.

[147] H. Cox. The ancient parliamentary election. London, 1868, pp. 57—59.

[148] Впрочем, как видно из работы М. Мак-Кизак, построенной на изучении главным образом неопубликованных архивов и имеющихся публикаций, документация этих архивов относится в основном к XIV—XV вв. и содержит мало прямых и косвенных данных о городских депутатах XIII в.

[149] Liber Albus, R. S., No. 12, vol. I and II. London, 1859—1862; Liber Custumarum, R. S., No. 12, vol. I and II. London,1860.

[150] Records of the borough of Leicester 1103—1603, ed. by M. Bateson, vol. I (1103—1327). London, 1919.

ти не содержат прямых упоминаний о парламенте и парламентских представителях, и социальную характеристику этих последних приходится составлять при помощи случайных данных, встречающихся в различных документах. Все же в этих архивах нам удалось отыскать имена многих представителей от этих городов в парламентах за период с 1295 по 1307 г. Конечно, полученные сведения составляют лишь каплю в море среди огромного количества городских представителей этого периода, не говоря уже о том, что они касаются всего двух городов Англии, тогда как регулярно вызывались в парламент представители 58 городов. Тем не менее мы не в праве пренебрегать этими данными, тем более, что они относятся к городам, которые во многих отношениях были противоположны друг другу.

Лондон, столица Англии, крупнейший центр потребления и внешней торговли, был в то же время одним из важнейших центров ремесленного производства в стране. Все эти обстоятельства способствовали раннему и более полному освобождению Лондона от непосредственного контроля правительства. Он первый из всех городов Англии получил хартию, содержавшую ряд муниципальных вольностей (1131 г.). В конце XII в. он первый был приравнен по положению к графству, и лондонцы получили право выбирать себе мэра и двух шерифов графства Миддлсекс, которое с этого времени считалось неотделимым от Лондона. Таким образом, Лондон добился высшей степени муниципальной независимости, вообще мыслимой в Англии XIII и XIV вв., и его положение считалось почти недостижимым идеалом для других городов Англии. От большинства даже крупных городов Англии Лондон отличался также и тем, что в нем никогда не было «купеческой гильдии». Сравнительно раннее развитие ремесла и торговли в Лондоне и четкое разграничение функции между ними способствовали тому, что здесь не было почвы для существования «купеческой гильдии», которая в других городах отчасти искусственно задерживала рост социальных противоречий внутри массы торгово-промышленного населения. Это обстоятельство, а также сравнительно раннее освобождение от непосредственного гнета королевской администрации способствовали обострению в Лондоне социальных противоречий и социальной борьбы между городской верхушкой, состоявшей главным образом из крупных купцов, одновременно владевших в городе и земельными участками, и массой мелких ремесленников и торговцев.

Иную картину представлял Лейстер. Не говоря уже о том, что он, как и другие английские города, сильно отставал в экономическом развитии от Лондона, он отличался от него и

во многих других отношениях. Будучи центром графства Лейстершир, Лейстер в то же время являлся медиатизированным городом. С давних пор он принадлежал эрлам Лейстерским. Положение сеньериального города определило и судьбы его муниципального развития. Так, Лейстер, несмотря на то, что был сравнительно крупным и экономически развитым городом, вплоть до XIV в. не пользовался правом фирмы, которое, как известно, в истории большинства английских городов было первым шагом к получению муниципальных вольностей. И действительно, жители Лейстера в XIII и начале XIV в. не имели права выбирать никаких должностных лиц. Глава городского управления — мэр назначался эрлом, бейлифы города назначались мэром из двенадцати кандидатов, выбранных горожанами. Коронеров и сборщиков тальи также назначал, по-видимому, мэр [151].

Зато в Лейстере огромную роль играла «купеческая гильдия». Право иметь гильдию было пожаловано городу в конце XII в., и с этого времени экономическая и политическая ее роль в городе неуклонно возрастала. Постепенно членство в гильдии сделалось основным критерием для получения права городского гражданства, которое определялось раньше наличием свободного держания в пределах города. К концу XIII — началу XIV в. гильдия и ее администрация тесно сплетаются с городским муниципалитетом, и руководители гильдии выступают одновременно и в качестве городских заправил — мэра и советников. Вместе с тем и вся гильдия в целом выступает как привилегированная часть городских жителей, так как в это время еще не все полноправные горожане были членами гильдии. Однако и масса членов гильдии не была в это время едина по своему составу. Так как в гильдию должны были входить все жители города, занимающиеся ремеслом и торговлей, независимо от профессии (иначе они не могли заниматься своим делом в городе), то, естественно, в гильдии можно было встретить людей различных профессий и разного имущественного положения. Это профессиональное и имущественное расслоение, не особенно заметное на первых этапах существования гильдии, особенно резко стало сказываться к началу XIV в., когда лейстерская гильдия из организации, защищавшей интересы ремесла и торговли в городе, стала превращаться в монополистическую организацию, которая в интересах небольшого круга богатых торговцев — одновременно городских заправил, часто тормозила развитие торговли и ремесла. В частности, она препятствовала выделению из своего состава цехов,

[151] Records of the borough of Leicester. Introduction.

которые в конце XIII и начале XIV в., несомненно, являлись более прогрессивной формой организации производства, чем гильдия. Поэтому большое влияние, которое оказывала в конце XIII и начале XIV в. купеческая гильдия на экономическую и муниципальную жизнь Лейстера, едва ли указывает на особенно высокое экономическое развитие Лейстера по сравнению с другими английскими городами. Скорее оно свидетельствует об относительной слабости его развития, поскольку здесь к этому времени не успели еще создаться самостоятельные ремесленные объединения, и ремесленники различных профессий вынуждены были подчиняться часто невыгодным и неудобным для них регламентам гильдии, которой заправляли богатые купцы и руководители городского управления.

Кого же посылали Лондон и Лейстер в парламент в течение изучаемого периода?

Что касается Лондона, то парламентские приказы и лондонский архив сохранили нам имена всего пятнадцати депутатов в парламенты Эдуарда I. Пятеро присутствовали в парламенте 1283 г. в Шрузбери, где был осужден Давид Уэльсский [152]; трое были избраны в парламент 1296 г., четверо — в парламент 1300 г. и трое были посланы на специальное собрание городских представителей 1303 г., созванное Эдуардом I по поводу повышения ввозных и вывозных пошлин.

О четверых из этих пятнадцати представителей нам ничего не удалось узнать. Зато остальные одиннадцать вне всякого сомнения принадлежали к самому высшему слою лондонского населения так называемым «баронам города Лондона». К сожалению, характер документации, собранной в Munimenta Guildhallae Londoniensis, не позволил нам выяснить профессию и размеры имущества интересующих нас лиц. Зато нам удалось установить, что все они были олдерменами, а многие из них мэрами и шерифами Лондона в различные годы. Отсутствие их имен в таких документах, как уставы ремесленных гильдий, как протоколы судебных заседаний городского суда (hustenge) и гильдейских судов, свидетельствует о том, что эти лица составляли замкнутую группу городской олигархии, вероятно крупных экспортных торговцев-ростовщиков, отчасти землевладельцев, которые были чем-то вроде наследственной аристократии в Лондоне и мало были связаны с ремесленным производством.

Все одиннадцать — олдермены разных округов Лондона. Грегори де Рокслей — депутат 1283 г., неоднократно занимал должность мэра в Лондоне. Его товарищ, депутат того же

---

[152] Annales Londonienses, R. S., No. 76, vol. I. London, 1882, p. 92.

года, Джон Гизор также был одно время мэром Лондона[153], Вильям Герефорд, депутат 1296 г., помимо того, что был олдерменом, в 1288 г. исполнял должность шерифа Лондона и графства Миддлсекс, а в 1295 г.[154], когда город на короткое время был взят «в руку короля», был назначен «правителем города Лондона» («custos Londoniae»)[155]. Гальфрид де Нортон, депутат 1300 г., также олдермен, в 1289 г. был шерифом Лондона, а в 1298 г. вместе с другим олдерменом заменял мэра Грегори де Рокслей во время отлучки последнего из города по личным делам[156]. Депутат на собрании 1303 г. Джон де Линкольн, олдермен и постоянный участник ряда расследований в городе, был в 1305 г. шерифом Лондона[157].

Таким образом, при ближайшем знакомстве с лондонскими парламентскими представителями интересующего нас периода создается впечатление, что под именем burgenses от города Лондона в парламенте фигурировали отнюдь не представители лондонской «общины», но представители весьма узкой по составу городской олигархии. Это впечатление еще более усилится, если мы обратим внимание на то, какое занимали положение и как выбирались эти мэры, олдермены и шерифы.

Согласно компиляции, составленной в начале XV в., специально посвященной характеристике главных городских должностей — мэра, олдерменов и шерифа[158], выборы этих должностных лиц в Лондоне со времени Генриха III, окончательно подтвердившего право лондонцев выбирать их из своей среды, производились следующим образом: «...несколько наиболее зажиточных и опытных граждан» поименно приглашались на выборное собрание и избирали там мэра и шерифа[159]. Автор весьма правдоподобно объясняет установление таких порядков волнениями в народе, которые происходили при каждых очередных выборах: «Ввиду того, что из древности на выборы мэров и шерифов,— пишет он,— стекалась к зданию муниципалитета огромная толпа народа, и так как народных сборищ следует бояться, как это мудро засвидетельствовано в 26-й главе Экклезиаста, ибо при этом может подняться ропот и шум, мэр и олдермены за несколько дней до дня выборов имели обычай сходиться и обсуждать, каким об-

---

[153] Liber Custumarum, vol. I, p. 137.
[154] Ibidem, p. 241.
[155] Ibidem, p. 92.
[156] Ibidem, pp. 114, 115, 136.
[157] Ibidem, p. 89.
[158] Liber Albus, vol. I, pp. 12—50.
[159] Ibidem, p. 19.

разом провести эти выборы, чтобы избежать волнений и народного ропота»[160].

Автор не скрывает, что целью такого ограничения числа избирателей было устранение широких слоев населения Лондона от участия в избрании главных должностных лиц города. Это сообщение о порядке выборов мэров и олдерменов в Лондоне подтверждается данными расследования 1274 г., во время которого присяжные одного из лондонских городских округов (Langeburn) сообщили расследователям: «Хотя вся община Лондона должна выбирать себе мэра и шерифа, олдермены одни сходятся в течение пяти дней во время выборов и избирают себе мэра и шерифа из числа угодных им людей (sibi amicos), и община не осмеливается им противоречить, если даже они не подходят для этой должности. И это все делается против вольностей общины и к разорению бедного народа, и они не знают, на каком основании (nesciunt quo warranto)»[161].

Число этих выборщиков, приглашавшихся от каждого городского округа, колебалось от двенадцати в более ранний период (при Эдуарде I и Эдуарде II) до четырех при Эдуарде III: на двадцать четвертом году правления которого эта цифра была твердо установлена[162]. Однако во всяком случае в выборах мэра и шерифов участвовала лишь очень незначительная часть населения города, и притом опять-таки самые зажиточные и влиятельные его жители. «Община» Лондона была совершенно устранена от участия в выборах, что вполне согласуется с жалобами присяжных 1274 г. К этому надо прибавить, что вплоть до царствования Эдуарда I мэры часто оставались в своей должности по 5—7 лет. Примерно так же обстояло дело с олдерменами. Они составляли привилегированную административную верхушку города и принадлежали к самым зажиточным элементам его населения. О том, как выбирались олдермены, наш источник ничего не говорит, кроме того, что они выбирались на собрании жителей каждого городского округа. Но нам известно, что они избирались пожизненно и могли быть лишены своей должности только в случае, ес-

---

[160] Ibidem, p. 19. «In electionobus majorum et vicecomitum, quia solebat antiquitus ad Guildhalle confluere multa turba, et quia collectio populi sicut testatur sapiens, Ecclesiastici XXVI-to Capitulo est timendi, ratione que leviter tunc evenire poterunt murmuris et tumultus, solebant major et oldermanni per aliquos dies ante diem electionis majoris et similiter vicecomitum, sicut solent etiam nunc convenire et insimul tractare, qualiter electio talis pacifice fieret, absque tumulto vel murmure populari».

[161] R. H., vol. I, p. 420.

[162] Liber Albus, vol. I, p. 19.

ли их уличали в таком преступлении, которое влекло за собой лишение прав гражданства в городе [163].

Таким образом, мэры, олдермены и шерифы Лондона, которых выбирали обычно депутатами в парламент, никак не могут рассматриваться как представители широких слоев лондонского населения. Это были представители городской олигархии, состоявшей из крупных купцов-оптовиков, которые держали в руках монополию торговли в городе и все городское управление.

Обратимся к лейстерским депутатам. Мы располагаем их именами для семи парламентов — 1295, 1301, 1302 гг., собрания 1303 г., парламентов 1305, 1306, 1307 гг., то есть данными всего о четырнадцати депутатах. Четверо из этих депутатов выбирались по два раза, следовательно, сведения наши могут касаться всего десяти лиц. Имя одного из них—Роберта Окседена — отсутствует в документах городского архива. Обо всех остальных нам удалось собрать более или менее полные сведения.

Из этих 9 известных нам депутатов 5 (Радульф Нортон, Роберт Шарнефорд, Джон Найткот, Уилл Пальмер и Гуг ле Мерсер) принадлежали несомненно к купеческой верхушке города. Все они были крупными торговцами преимущественно наиболее прибыльным товаром—вином [164] и не только являлись членами купеческой гильдии Лейстера, но четверо из них (Роберт Шарнефорд, Джон Найткот, Уилл Пальмер и Гуг ле Мерсер) принадлежали к руководству гильдии, занимая должность гильдейских старшин (Jurates) [165]. Все они были несомненно богатыми в лейстерском масштабе людьми, так как при каждой очередной раскладке тальи, их доля в 5—6 раз превышала долю других горожан [166]. Один из них — Гуг ле Мерсер — фигурирует в городских документах как постоянный кредитор города. О нем также известно, что у него было много слуг и помощников (servientes), которым он широко покровительствовал [167]. Джон Найткот в 1296 г. был назначен надсмотрщиком за весами — должность весьма важная в городе [168], Уилл Пальмер в 1300 г. был избран мэром города [169], а Гуг ле Мерсер с 1303 по 1307 г. занимал должность городского бейлифа. Бейлифом и постоянным членом совета гиль-

---

[163] Ibidem, pp. 34—36.
[164] Records of the borough of Leicester, vol. I, pp. 110, 179, 246, 251.
[165] Ibidem, pp. 240, 110, 111, 218, 219, 239, 291, 325.
[166] Ibidem, pp. 256, 227, 223, 136, 210.
[167] Ibidem, pp. 242, 286.
[168] Ibidem, pp. 215, 292.
[169] Ibidem, pp. 239, 295.

дии являлся также шестой лейстерский депутат Уилл Сабин, о котором, к сожалению, больше ничего неизвестно.

Что касается остальных трех депутатов — Рожера ле Глен, Ричарда Додингтона и Генриха Карлетона, то известно, что все они торговали вином, но, очевидно, уступали по своему богатству и влиянию остальным депутатам. Это видно из того, что в управлении гильдии они играли второстепенную роль, выполняя должность клерков гильдии [170]. Это, впрочем, не помешало одному из них, Рожеру ле Глену, с 1303 по 1306 г., а затем в 1312 г. занимать должность городского бейлифа [171]. По-видимому, и эти три депутата, хотя и не принадлежали к числу самых богатых граждан города, также не являлись представителями массы городского населения [172].

И если сами они не имели в городе особого влияния, то в качестве должностных лиц гильдии они являлись проводниками влияния более могущественных лиц, членов гильдейского и городского управления. Учитывая, что все гильдейские и городские должности замещались в Лейстере отнюдь не демократическим путем и управление городом находилось в руках узкой группы городских олигархов, можно думать, что депутаты в парламенте от Лейстера так же мало представляли интересы широких слоев городского населения, как и депутаты от Лондона.

Более или менее полные данные о депутатах Лейстера и Лондона можно дополнить отрывочными сведениями об отдельных представителях других городов, почерпнутыми нами из других источников. Так, например, депутат от Оксфорда в парламентах 1301—1302 гг. Джон Аурифабер был сыном одного из значительных землевладельцев и домовладельцев города Оксфорда Уолтера Аурифабера, который, как показывает его имя, был в то же время золотых дел мастером, что тоже косвенно свидетельствует о его богатстве. Уолтер Аурифебер имел в городе Оксфорде 8 земельных участков (размер их, к сожалению, неизвестен), три усадьбы, две котты, 16 акров луга за городской чертой, кроме того, 7 лавок и 3 жилых дома. Большую часть этих своих владений он сдавал мелким субдержателям [173]. Есть основания думать, что он занимался ростовщичеством [174].

---

[170] Ibidem, pp. 216, 260, 270, 282, 300, 301, 339.

[171] Ibidem, pp. 288, 368.

[172] Более подробная характеристика всех этих Лейстерских депутатов дана мной в статье «Городское представительство в английском парламенте конца XIII, начала XIV века». Сб. «Средние века», вып. IV. М., 1953, стр. 122—124.

[173] R. H., vol. II, pp. 790, 794, 796, 797, 801, 806, 807, 808, 811.

[174] Он получил за долги (pro areragiis) некое держание Годфрида Боветона, который не был его держателем (Ibidem, p. 806).

Депутат от города Кембриджа Джон Кембриджский в начале XIV в. был олдерменом Кембриджской гильдии св. Марии, уплачивал сравнительно высокие суммы в качестве налога на движимость с города Кембриджа [175], в 1330 г. получил рыцарское звание, был в 1331 г. назначен королевским судьей и являлся одним из значительных землевладельцев города [176]. Другой депутат от Кембриджа, избиравшийся в парламент 1298, 1301 и 1305 гг., Томас Маддингл также являлся активным членом гильдии св. Марии, усердным дарителем земель и рент в ее пользу и участником торговых операций с зерном и солодом в городе. Он был бейлифом города, а в 1314/15 г.— сборщиком $^1/_{15}$ в Кембридже [177]. Еще один кембриджский депутат (1302) Михаил Пиллет был одно время мэром города [178]. Джон Шелфорд, представлявший Кембридж в парламенте 1307 г., был одним из адвокатов, постоянно практиковавших в городе, и весьма богатым человеком, одним из виднейших городских налогоплательщиков [179].

Среди парламентских представителей от города Линкольна в 1298 г. находился Ричард де Белло Фуго, который, по сообщению Сотенных свитков, был сыном мэра города Тома де Белло Фуго и, следовательно, также принадлежал к городской верхушке [180]. Уилл Каузе, депутат от Линкольна в 1301 и 1302 гг., в Сотенных свитках 1274 г. был обвинен присяжными в том, что после запрета торговли с Фландрией вывез из города для продажи за море 40 мешков шерсти и большое количество свинца [181]. Это сообщение указывает на то, что он был довольно зажиточным человеком и оптовым торговцем.

Представитель от Йорка в парламенте 1298 г. Джон Эспицер был, судя по фамилии, торговцем пряностями. Обычно купцы, торговавшие этим товаром, были весьма зажиточными, так как пряности были очень дороги и операции с ними требовали довольно больших затрат. О нем известно также то, что в1274 г. он был бейлифом города [182].

Бейлифом же был представитель в парламенте 1295 г. от

---

[175] Cambridge gild records. London, 1903, pp. 9, 156.
[176] Ibidem, p. 18.
[177] Ibidem, pp. 2, 3, 9, 135, 154.
[178] Ibidem, p. 2.
[179] Cambridge borough documents., edit. W. M. Palmer. Cambridge, 1931, pp. XVI, 3, 5, 9.
[180] R. H., vol. I, p. 319.
[181] Ibidem, p. 328.
[182] Ibidem, p. 120. О том, что бейлифы Йорка принадлежали к наиболее богатым и влиятельным слоям городского населения, косвенно свидетельствует сообщение присяжных 1274 года: «quod ballivi civitatum Eboracensis a viginti annis elapsis coeperunt mensuragium de minoribus et pauperibus contra libertatem eis concessam» (R. H., vol. I, p. 119).

города Рочестера Бенедикт Потин [183]. Депутат Норича в парламенте 1301 г. Роберт Холвестон в 1313 г. был одним из четырех бейлифов города [184].

Таким образом, собранный нами материал с достаточной убедительностью показывает, что в тех городах, о которых шла речь, депутаты в парламент выбирались или назначались главным образом из числа богатых купцов, иногда богатых городских землевладельцев, обычно в то же время занимавших и руководящие должности в городском управлении. Если судить по нашим данным, то можно думать, что даже ремесленники были редким исключением в среде «cives et burgenses», являвшихся в парламенты этой эпохи. И уж, конечно, в их число никогда не попадали представители городских низов, этих «minores et pauperes homines», наших источников.

Ограниченность круга парламентских представителей во многих городах Англии косвенно подтверждается тем, что в изучаемую эпоху, как, впрочем, и позднее — в XIV и XV вв., весьма частым явлением было избрание одних и тех же лиц представителями в различные парламенты. Этот факт давно уже подмечен и изучен в литературе. За период царствования Эдуарда I по подсчетам Мак-Кизак 87 городов произвели 222 переизбрания, и, следовательно, в каждом из парламентов, о которых сохранились отчеты шерифов, около одной шестой числа всех городских депутатов состояло из лиц, выбранных во второй или даже в третий раз [185]. Данные, собранные другим английским исследователем [186] в отношении 39 городов, от которых сохранились отчеты шерифов для всех парламентов 1290—1307 гг. рисуют следующую картину. В парламенте 1298 г. из 68 избранных депутатов от этих 39 городов 11 были избраны во второй раз; в парламенте 1301 г. из 57 избранных горожан 14 были избраны во второй раз, 4 — в третий раз, 2 — в четвертый раз; в парламенте 1302 г. из 66 избранных городских депутатов 10 были выбраны во второй раз, 7 — в третий, 1 — в четвертый, 2 — в пятый раз; в феврале 1305 г. из присутствовавших в парламенте 77 городских представителей 20 были выбраны во второй раз, 6 — в третий раз, 2 — в четвертый, 1 — в пятый раз. Примерно такая же картина наблюдалась в парламентах 1306 и 1307 гг.

---

[183] R. H., vol. I, p. 120.

[184] Leet jurisdiction in the city of Norwich during the. XIII and XIV centuries. Seld. Soc. vol. V. London, 1892, p. 59 (примечание).

[185] M. McKizack. Op. cit., p. 22. Автор исходит из того, что в каждом парламенте присутствовали представители в среднем от 87 городов.

[186] J. G. Edwards. Personnel of Commons under Edward I and II. Опубликовано в «Essays of medieval history presented to T. F. Tout. Manchester, 1925.

Некоторые города особенно упорно избирали в парламент одних и тех же лиц. Например, из 16 депутатов от Оксфорда, посылавшихся в восемь парламентов, о которых сохранились отчеты шерифов для этого города, Эндрью де Пири избирался шесть раз (в 1295, 1301, 1302, 1303, 1305, 1306 гг.); Кристофер, сын Симона, — три раза: уже упоминавшийся Джон Аурифебер и Кристофер де Оксониа — по два раза, и всего три депутата были избраны по одному разу. Из 16 депутатов от Линкольна на этих же восьми парламентах 1 был избран три раза и 1 — два раза (Каузе). От города Гримсби четыре раза выбирался один и тот же представитель — Джон Элмед. От Рочестера трижды избирался Роберт де Бетлескомб, от Кембриджа — четыре раза Том Мэддингл. От Лейстера, как уже сказано, из 14 представителей четверо избирались в парламент дважды.

Мак-Кизак особенно подчеркивает эту практику частых переизбраний, чтобы доказать «опытность» многих городских представителей, а также заинтересованность некоторых групп городского населения в участии в парламенте [187]. С нашей же точки зрения этот факт повторных переизбраний интересен главным образом потому, что он подтверждает выдвинутые нами предположения о социальном составе городских представителей. Эти частые переизбрания убеждают нас и в том, что круг лиц, избираемых в парламент, был чрезвычайно ограничен по своему социальному составу и что «отцы города» или представители купеческой верхушки предпочитали сами «нести бремя» поездок в парламент, чем допускать к участию в нем «чужаков», не входивших в привилегированную верхушку. Это предположение, наконец, подтверждается сведениями о порядке избрания городских депутатов, правда, довольно скудными.

Так же, как в отношении представителей графств, для того чтобы полностью уяснить себе социальный облик городских представителей, нужно знать не только профессию и имущественное положение каждого из них, но и на каких собраниях они выбирались, какие слои городского населения уполномачивали их на поездку в парламент. Но именно этот вопрос является наиболее темным и неясным по состоянию источников. Приказы об избрании городских депутатов, посылавшиеся шерифам графств, ничего не говорят о том, каким порядком должны были проводиться эти выборы в городах. Если в отношении графств известно, что выборы должны были производиться в собрании графств, состав которых был более или

[187] M. McKizack. Op. cit., p. 21.

менее определен для всей Англии, то в отношении городов дело обстояло совсем неясно.

О том, как практически проводились выборы, мы знаем только в отношении Лондона, по двум отчетам об избрании лондонских представителей в парламент 1296 г. и в мартовский парламент 1300 г. В обоих случаях процедура выборов была одинакова: мэры и олдермены созвали от каждого округа по 4 (в 1296 г) и по 6 (1300 г.) «лучших и наиболее знающих людей», которые вместе с олдерменами выбрали депутатов [188]. Следовательно, в выборах участвовало далеко не все население Лондона, и они производились не на каком-либо широком собрании, а на очень узком совещании, в котором участвовали 24 олдермена и еще 100—150 наиболее опытных горожан (от 24 округов города). Неудивительно, что это собрание выбирало депутатов из своей среды, то есть лиц, принадлежавших к городской верхушке. Характерно при этом, что в Лондоне порядок выборов представителей в парламент был совершенно аналогичным с порядком выборов мэров, олдерменов и шерифов. Это позволяет предположить, что и в других городах порядок избрания представителей в парламент определялся общим характером городского самоуправления [189].

Там, где выборы городских магистратов производились на широких собраниях, с участием всех или бóльшей части горожан, такой же характер носили и выборы в парламент. Там же, где, подобно Лондону, городское управление и выборы должностных лиц находились в руках ограниченной купеческой олигархии, выборы в парламент производились олигархическим путем. Поэтому вопрос о том, какие слои горожан представляли cives et burgenses в парламенте, упирается в конечном итоге в вопрос о более или менее демократическом характере городского самоуправления в английских городах.

Мы не можем согласиться с мнением тех буржуазных историков, которые считают XIII в. временем почти повсеместного господства городской демократии, которая только в XIV и XV вв. постепенно вырождается и заменяется почти повсеместным господством олигархии [190]. Эта точка зрения настолько безосновательна, что она вызывала возражения даже в самой буржуазной историографии [191]. Нельзя, конечно, отрицать того, что в некоторых городах еще в XIII в. существовали об-

[188] P. W., vol. I, pp. 49 and 85.

[189] Как было отмечено выше, такого же мнения придерживается большинство исследователей.

[190] Ch. Gross. Gild merchant, vol. I. Oxford, 1890, pp. 106—110, 125—126, 271, 285.

[191] I. K. Green. Town life in the fifteenth century. London, 1894, pp. 221—222.

щенародные собрания, на которых обычно избирались городские магистраты и могли избираться представители в парламент. Такие порядки существовали, например, не только в маленьком городке Черефорде, редко посылавшем своих представителей в парламент, но и в более значительных городах — Дунвиче, Шрузбери, Герефорде и Сэндвиче,— которые чаще приглашались в парламент. Но едва ли такая процедура была характерна для большинства городов, регулярно участвовавших в парламентах конца XIII — начала XIV в. Не только в Лондоне, но и в сравнительно небольшом Лейстере, как было отмечено выше, городское самоуправление носило ярко выраженный олигархический характер и должностные лица выбирались на очень немноголюдных собраниях. Совершенно очевидно, что во всех тех городах, где существовали острые противоречия между «богатыми» и «бедными», последние были устранены от участия в городском управлении, от выборов городских должностных лиц, а следовательно, и представителей в парламент. А среди этих городов, помимо Лондона и Лейстера, были Линкольн, Глостер, Йорк, Бристоль, Кембридж, Оксфорд, Нью-Касл, Линн, Норич и другие города, составлявшие основной костяк городского парламентского представительства.

Итак, социальный состав так называемых cives et burgenses в парламентах изучаемого периода, характер их выборов и состав выборщиков — все это не позволяет видеть в них выразителей и защитников интересов широких масс городского населения — общины средних и бедных горожан английских городов, а тем более нарождающегося городского плебейства. Ясно, что они представляли в парламенте высшие слои городского населения, преимущественно его купеческо-ростовщическую верхушку, которая вдвойне угнетала мелких ремесленников и торговцев и нижестоящие слои горожан (и в качестве купцов монополистов и в качестве правителей города, эксплуатировавших в свою пользу городские финансы). При этом города, регулярно приглашавшиеся в парламент в изучаемый период, составляли всего около трети общего количества известных нам в это время городов.

Если учесть все эти обстоятельства, то станет ясно, что городское представительство в парламенте являлось представительством самых богатых и влиятельных слоев населения экономически наиболее развитых городов Англии.

* *
*

Кроме баронов, прелатов и представителей графств и городов, в парламентах конца XIII в. иногда присутствовали

также выборные представители низшего духовенства. В них регулярно участвовали также личные советники короля[192]. Однако мы не считаем нужным анализировать социальный состав этих менее важных группировок в парламенте по следующим причинам. Представители (прокторы) низшего духовенства хотя до середины 90-х гг. XIII в. часто приглашались в парламент, но редко туда являлись, а после 1296 г. окончательно выпали из состава парламента, завоевав себе право собираться на особых церковных собраниях — конвокациях. Поэтому для истории парламента представительство низшего духовенства не имеет особого значения.

Что касается королевских советников, то ясно, что они представляли в парламенте исполнительный королевский совет, то есть интересы королевской власти, и вопрос об их участии в парламенте связан не столько с историей самого парламента, сколько с историей королевского совета, который складывался одновременно и параллельно с парламентом.

Основной вывод, к которому мы пришли в результате наших исследований, состоит в том, что английский парламент с самого начала своего возникновения не был и не мог быть народным представительством, выразителем интересов всех классов общества, или всей нации, как предпочитал выражаться Поллард. Мы видели, что в нем были представлены лишь эксплуататорские слои деревни и города: крупнейшие духовные и светские феодалы — прелаты, эрлы и бароны, средние и мелкие феодалы, имевшие или не имевшие рыцарское звание, городское купечество и зажиточные землевладельцы, и притом далеко не всех, а всего лишь 50—60 наиболее богатых городов. В парламенте были представлены лишь те наиболее зажиточные слои населения графств и городов, которые играли руководящую роль и в местном управлении. Крепостное крестьянство, свободная крестьянская беднота и трудящиеся слои городского населения не только не могли быть выбраны в парламент, но никогда не участвовали даже в выборах. Из тех элементов населения, которые могут быть включены в понятие «народ» (при весьма расширительном его толковании), в выборах в парламент могли участвовать лишь представители фригольдерской верхушки, составлявшие ничтожный процент всей массы английского и даже лично свободного крестьянства. Но мы неоднократно подчеркивали, что интересы этого «народа» во многих отношениях были ближе к интересам мелких феодалов, чем к интересам массы подлинно трудового крестьянства.

---

[192] См. P. W., vol. I, pp. 29—52 и др.; Select charters. Oxford, 1874, p. 509 — Modus tenendi parliamentum.

Проделанный нами анализ социального состава английского парламента XIII — начала XIV в. позволяет сделать и другой вывод о том, что феодально-землевладельческий элемент преобладал в нем над городским представительством. В среднем в изучаемый период в парламенты приглашалось по 130 магнатов и около 74 рыцарей графств (по 2 от 37 графств Англии), следовательно, класс феодалов страны был представлен там в среднем 204 членами. Среднее количество приглашавшихся городов в изучаемый период не превышало 80. Следовательно, в каждом парламенте обычно могло присутствовать не более 160 городских представителей. Это соотношение еще больше изменится в пользу класса феодалов, если учесть, что к его числу относились королевские советники, присутствовавшие на парламенте в количестве 30—40 человек, что в последние годы правления Эдуарда I количество магнатов, заседавших в парламенте, значительно превышало 130 (оно достигало 150, 190 и даже 206 человек). Очевидно, если судить по составу, представители класса феодалов должны были играть в парламенте бóльшую роль, чем представители городов.

Наконец, детальный разбор социального состава парламента проливает свет и на его сословную структуру и позволяет рассматривать его как сословно-представительное собрание. Об этом говорит прежде всего то, что в парламент приглашались по отдельности и заседали там по отдельности представители почти всех основных сословных групп, сложившихся к концу XIII в. в среде свободного населения Англии. Проделанный анализ показывает неубедительность утверждений Полларда и его последователей о том, что парламент в средние века был не сословным, а «национальным представительством». Поллард и его сторонники всегда выдвигали в пользу своего мнения один основной аргумент — то, что английский парламент не укладывается в «систему трех сословий»: духовенство как сословие отсутствовало в парламенте вовсе, военное или дворянское сословие было резко разделено на 2 группы, а городское сословие не было изолированным и сначала по характеру приглашений, а затем благодаря совместным заседаниям сливалось с низшей фракцией дворянства [193]. Все эти замечания Полларда совершенно справедливы, но они вовсе не доказывают несословный общенациональный характер парламента. Опровергая «миф о трех сословиях», как он его называет, Поллард ломится в открытую дверь, ибо, во-первых, сословно-представительные собрания вовсе не обя-

[193] A. F. Pollard. The evolution of parliament. London, 1920, pp. 66—77.

зательно всегда состояли из трех сословий [194], во-вторых, никто из историков, называвших парламент сословно-представительным собранием, не утверждал и не мог утверждать, что в нем заседали представители трех сословий: духовенства, дворянства и городов.

Совершенно очевидно, что парламент мог оставаться сословным представительством и не будучи разделенным на эти три классических сословия по образцу французских Генеральных штатов. Это можно считать его своеобразием, можно подчеркивать некоторую нечеткость его сословной структуры, но все эти оговорки не меняют основного принципа структуры парламента — того, что он конструировался с самого начала как представительство от основных сословных группировок страны. Ни о каком «национальном» представительстве здесь не могло быть и речи. Во-первых, потому, что в Англии XIII—XIV вв. еще не было нации; во-вторых, потому, что сословные различия сказывались и в принципе комплектования парламентов (личные приглашения для одних и принцип выборности для других), и в том, что представители разных сословных групп не только заседали в парламенте по отдельности, но часто созывались изолированно друг от друга (советы магнатов без представительства от общин; рыцари графств без горожан, городские представители без рыцарей графств), и в том, что, как мы покажем ниже, политическая компетенция отдельных частей парламента была очень различна.

Не единая и нераздельная «нация», а живые и часто противоречивые интересы различных сословных групп, формирование которых завершалось к концу XIII в., были представлены в английском парламенте, как и во всяком сословно-представительном собрании. Те особенности структуры английского парламента, в которых Поллард видел доказательства его принципиального отличия от других сословно-представительных собраний, в действительности являлись лишь весьма четким отражением специфики сословной структуры английского феодального общества, которая особенно наглядно обнаружилась к середине XIII в. и о которой мы неоднократно говорили выше.

---

[194] Известно, например, что арагонские кортесы состояли из 4 сословных палат; в чешском сейме дворянство также делилось на две фракции — панов, получавших личные приглашения, и шляхту — выборных представителей, т. е., включая духовенство и города, в сейме были представлены 4 сословные группы; в венгерском сейме с 1405 г. отсутствовали представители городов, хотя он и состоял из представителей 3 сословных групп: прелатов, светских баронов, мелкого дворянства; в польском сейме, как известно, были представлены только 2 группы дворянства — паны и шляхта.

Мы видели, что значительные противоречия внутри класса феодалов помешали ему оформиться здесь в единое сословие — дворянство и разделили его на две сословные группы, которые мы условно называем баронством и рыцарством. Этому соответствовало отделение рыцарей от баронов и в парламенте. Оживленная хозяйственная деятельность мелких вотчинников создала предпосылки для некоторой общности их экономических интересов с фригольдерской верхушкой, а также с высшими слоями городского населения. Этому соответствовали общий выборный характер представительства от графств и городов и последующее объединение рыцарей и горожан в палате общин.

Неучастие в парламенте духовенства, составлявшего в Англии, как и повсюду в Европе, особое сословие, также не противоречит представлению о парламенте, как о сословно-представительном собрании. В польском сейме, например, духовенство как сословие также не имело представительства. С другой стороны, нельзя забывать и того, что английское духовенство в XIII в. уже имело свои специальные сословные собрания — конвокации, как бы дополнявшие собрания других сословных групп, объединенных в парламенте. В этом выделении особых сословных собраний духовенства также проявилась специфика на этот раз не столько социального, сколько политического развития Англии XI—XIII вв. и, в частности, та зависимость английской церкви от римской курии, которая особенно укрепилась в XIII в. благодаря недальновидной политике Джона и Генриха III. Попытки Эдуарда I ослабить эту зависимость и поставить английское духовенство под контроль светской власти в общем не увенчались успехом. Это отразилось также и в том, что ему не удалось подчинить духовенство общей системе сословного представительства. Отсутствие в английском парламенте представительства от духовного сословия лишний раз подчеркивает, что в Англии XIII в. сословные интересы преобладали над «национальными» и что нелепо для этого периода говорить о наличии «национального» представительства.

Напротив, поскольку парламент отражал своеобразную сословную структуру феодальной Англии, он с полным основанием может считаться сословным собранием, несмотря на некоторые свои особенности по сравнению с такими же собраниями в других странах. Представляя основные сословные группы феодальной Англии, он своим возникновением отразил процесс их постепенного формирования в ходе государственной централизации страны.

ГЛАВА VII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В КОНЦЕ XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Для того чтобы решить вопрос о социальном назначении парламента в жизни феодальной Англии, недостаточно знать его структуру и состав. Необходимо также выяснить круг дел, подлежавших ведению парламента, его взаимоотношения с другими органами феодального государства и с королем. Вопрос этот постоянно был и остается предметом споров в буржуазной историографии.

Стеббс особенно подчеркивал большую роль представителей общин в деле налогообложения и выдвинул эту функцию парламента на первый план в его деятельности [1]. Он же один из первых обратил внимание на то, что в первый период существования парламента последний еще не представлял серьезного ограничения для короля, который даже в вопросах обложения, а тем более в вопросах законодательства, суда и общей политики мог действовать и помимо парламента [2]. Однако в то же время Стеббс рассматривал парламент даже в эту эпоху как самостоятельное политическое учреждение, взаимодействие которого с королем определялось прежде всего тем, что король вынужден был считаться с парламентом, который, по мнению Стеббса, представлял «нацию», то есть все население королевства [3].

Таким образом, парламент осуществлял своеобразную гармонию между «народом» и королем Эдуардом I, который, по

[1] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II. London, 1875, pp. 236, 239.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem, p. 292.

словам Стеббса, строил свою политику в отношении парламента с учетом «обычаев, пожеланий и силы нации, обычаи, желания и силу которой он научился понимать»[4]. «Из этой органической полноты конституции (то есть, организации парламента. — *Е. Г.*) выросла сила сопротивления, а из сопротивления победа тех принципов, которыми Эдуард мог руководить, но которые он не смог насиловать»[5].

Точка зрения Стеббса прочно утвердилась в европейской историографии второй половины XIX в. Его последователи в Англии, во Франции и Германии также выдвигали на первый план финансовые полномочия парламента и особенно подчеркивали гармоническое равновесие, якобы достигнутое между королем и «народом» в парламенте. «И действительно, — писал Р. Гнейст, — английский парламент изображал из себя такой **органический союз государства** и общества, с которым не могла сравниться ни одна представительная организация на континенте, где развитие ленной организации и податной системы шло совсем другим путем»[6].

Близкую к этой оценку политической роли парламента по отношению к королевской власти давал также Д. М. Петрушевский, ставя на первый план среди функций парламента его участие в разрешении налогов и подчеркивая, что уже в средние века «верховная власть в государстве перестала быть уделом одного лишь короля и стала уже в значительной мере достоянием парламента, в котором заседали уже на равных правах лорды и общины королевства, и последующим векам оставалось лишь закрепить это положение и превратить его в бесспорный государственно-правовой принцип, гласящий, что верховная власть находится у короля и у парламента»[7].

Примерно такую же точку зрения на политические функции и политическую роль средневекового английского парламента развивает современный английский историк Уилкинсон, всемерно поддерживающий концепцию тесного гармонического сотрудничества между королем и «нацией» в парламенте. Уилкинсон видит в парламенте орган, осуществлявший соучастие (partnership) короля и «общин» в управлении страной[8]. Это соучастие, по словам Уилкинсона, «оставило исполнительную власть в руках короля и сохраняло многие из традиций персональной монархии, но исходило из представ-

[4] Ibidem, p. 293.
[5] Ibidem.
[6] Р. Гнейст. Ук. соч., стр. 441.
[7] Д. М. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, стр. 217.
[8] B. Wilkinson. Studies in the Constitutional history of the 13 and 14 centuries. Manchester, Univ. Press, 1937, p. 23.

ления о том, что важнейшие решения, касающиеся нации, не могут оставаться только в сфере действия короля и его ближайших советников» [9]. Близкую к этой точку зрения высказала также и мисс Кларк, признававшая за парламентом уже в самый ранний период его существования значение самостоятельного политического учреждения, пользовавшегося известным влиянием на политику правительства [10].

Противоположной точки зрения на политическую роль парламента придерживались историки «критического» направления. Идеализируя власть короля как надклассовый орган мира и порядка и считая парламент созданием короля, они отказывали парламенту в сколько-нибудь серьезном самостоятельном значении. Поэтому они старались, зачастую вопреки фактам, доказать, что парламент в XIII и начале XIV в. не мог оказывать серьезного влияния даже на налогообложение и что разрешение налогов не было регулярной функцией парламента [11]. Регулярной и наиболее важной функцией парламента они считали принятие им петиций, их разбор и консультации по этим петициям. Для этой цели, по мнению этих историков, король и созывал парламент, который тем самым как бы «помогал» королю наилучшим образом осуществлять его судебные и административные функции в интересах его подданных [12]. Некоторые историки этого направления шли еще дальше, отрицая сколько-нибудь заметную роль парламента и, в частности, палаты общин в деле подачи и обсуждения петиций даже в XIV, не говоря уже о XIII в. [13]. Макильвейн же главной функцией парламента в ранний период его существования считает судебную функцию, отождествляя парламент с «судом пэров», и тем самым совершенно отрицая за ним какую-либо особую общеполитическую роль. По его мнению, делом парламента в этот период было не творить, но только интерпретировать и разъяснять законы [14].

---

[9] B. Wilkinson. The political revolution of the thirteenth and fourteenth centuries in England. «Speculum», oct., 1949, p. 503.

[10] M. V. Clarke. Medieval Representation and consent. London, 1936, p. 316.

[11] L. Riess. Geschichte des Wahlrechts. Leipzig, 1886, SS. 8—14. D. Pasquet. Essai sur les origines de la Chambre des communes. Paris, 1914, pp. 207—208, 219—228; F. W. Maitland. Memoranda de parliamento. Introduction. R. S., No. 98. London, 1893, p. LIII.

[12] L. Riess. Op. cit., SS. 4—8; D. Pasquet. Op. cit., S. 239; F. W. Maitland. Op. cit., p. 71, LXIII—LXXIX.

[13] Напр., D. Rayner. The Form and machinery of the «Commone petition» in fourteenth century. E. H. R. London, 1941, No. 222 et 224, pp. 569—570.

[14] C. H. McIlwain. The high court of parliament. New Haven, 1910, pp. 24, 25, 109, 110, 119, 257—327.

Взгляд историков «критического» направления наиболее ярко выразил Поллард, который считал парламент в конце XIII—XIV в. неотделимым от короны, видя в ней основной определяющий элемент парламента. С его точки зрения абсурдным является даже предположение о том, что между короной и парламентом могли существовать сколько-нибудь серьезные противоречия. Они составляли единое целое, и между ними были невозможны никакие расхождения, так же как невозможно было какое-либо ограничение короны со стороны парламента [15].

В настоящей главе мы займемся выяснением характера практической деятельности парламента и его взаимоотношений с короной в изучаемый период.

Для этой цели были использованы разнообразные источники, многие из которых мы уже охарактеризовали выше: парламентские приказы, парламентские свитки, хроники, а также сборник внутриполитических и дипломатических документов XII—XV вв. «Foedera conventiones, letterae etc.», изданный Раймером.

В официальных приглашениях на парламенты в изучаемый период цели созыва этого собрания определялись весьма различно. По данным этих источников, магнаты приглашались для одних целей, а представители общин — для других.

Первые обычно приглашались для того, чтобы король мог иметь с ними «совещание и обсуждение» (colloquim et tractatum), то есть для того, чтобы обсуждать вопросы, поставленные перед ними в парламенте, и принять по ним решение (ad tractandum et ordinandum). Эта формула, которая наиболее ясно выражена в приглашениях магнатам на «образцовый парламент» 1295 г. [16], затем повторяется, иногда дословно, иногда с некоторыми вариантами, в приглашениях на все парламенты [17]. Единообразие этих приглашений говорит о том, что в королевской канцелярии уже сложилась к концу XIII в. определенная формула вызова магнатов.

Иначе обстояло дело с приглашением в парламент представителей графств и городов. Пригласительные письма к представителям общин отличаются гораздо большим разнообразием. В одном случае — в приглашениях на парламент

---

[15] Pollard. The evolution of parliament. London, 1920, pp. 258—259.

[16] P. W., vol. I, p. 28.

[17] В приглашении на парламент 30 ноября 1296 г. и на парламент 30 мая 1306 г. она повторяется без изменений (P. W., vol. I, pp. 48, 164); в приглашениях на парламент 1300 г., 1305 и 1307 гг. она подверглась несущественным изменениям (Ibidem, p. 82); в приглашении на парламент 1305 г. (Ibidem, p. 136) и 1307 г. (Ibidem, p. 181) она снова повторяется дословно.

30 мая 1306 г. — мы встречаем уже знакомую нам формулу — ad tractandum et ordinandum [18].

Такую же официальную цель преследовало приглашение представителей общин на Карлейльский парламент 1307 г., хотя в самом приглашении цель эта прямо не указана [19].

В приглашении на весенний парламент 1275 г. говорится только об обсуждении государственных дел с магнатами королевства [20]. В других случаях обязанность представителей общин, указанная в приглашениях, сводится к тому, чтобы «посовещаться и дать свое согласие (ad consulendum et consentiendum) за себя и общину, которую они представляют, на то, что будет решено там эрлами, баронами и лучшими людьми»[21].

В большинстве же случаев функции представителей общин в парламенте сводятся согласно приглашениям к тому, чтобы «исполнять то, что там будет постановлено с общего совета» (ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinabitur). Эта формулировка имеется в приглашениях представителям общин на парламенты 13 ноября 1295 г.[22], 13 ноября 1296 г.[23], 30 сентября 1297 г.[24], 14 мая 1298 г.[25], 6 марта 1300 г.[26] и на парламент 6 марта 1301 г.[27].

Очевидно, в отношении представителей графств и городов формула приглашения в течение всего царствования Эдуарда I еще не установилась. Это объясняется тем, что приглашение в парламент этих представителей было делом новым, и в канцелярии еще не сложилось никаких традиций на этот счет. Но

---

[18] «ad tractandum et ordinandum de auxilio nobis in casu praedicto faciendo et ad consentiendum hiis que ordinabantur in hac parte» (P. W., vol. I, p. 167).

[19] Зато в обращении короля, адресованном ко всем участникам парламента, включая и представителей общин, говорится, что они были приглашены на парламент «...Pour treiter ovesque vous et vou dire notre volunte sur meismes les busoignes...» (R. P., vol. I, p. 189).

[20] «ad tractandum una cum magnatibus regni nostri de negotiis ejusdem regni» (E. H. R., 1910, vol. 25, p. 236).

[21] Приглашение на парламент 15 июля 1290 г. (P. W., vol. I, p. 21); эта же формула в приглашении на парламент 12 ноября 1294 г. (Ibidem, p. 26).

[22] P. W., vol. I, p. 30.

[23] Ibidem, p. 48.

[24] Ibidem, p. 56. В этом случае формула несколько отличается ввиду экстраординарности этого парламента, на котором было принято Подтверждение хартии. Цель приглашения представителей общин формулируется здесь так: «...для того, чтобы получить от нас за себя и свои общины хартии относительно сделанных нами подтверждений указанных хартий и наши открытые письма, касательно этого нашего пожалования в указанной форме и чтобы **исполнить** в дальнейшем то, что будет решено нашим вышеуказанным сыном и нашим советом».

[25] Ibidem, p. 65.

[26] Ibidem, p. 84.

[27] Ibidem, p. 90.

гораздо важнее то, что за редким исключением приглашения отводят рыцарям и представителям городов в парламенте гораздо более подчиненную и несамостоятельную роль, чем представителям светской и духовной феодальной аристократии.

Таким образом, ясно, что официальная точка зрения короля и его чиновников проводила заметное различие между полномочиями в парламенте, с одной стороны, магнатов, с другой — представителей графств и городов. Ясно также, что парламент в полном составе в глазах правительства не являлся самостоятельным учреждением, призванным решать важные государственные вопросы. Он расценивался скорее как совещательный орган, мнением которого в той или иной степени интересовался король. Право принятия совместно с королем каких-либо решений признавалось только за магнатами.

Было бы грубой ошибкой, однако, оценивать политическую роль парламента в целом и отдельных его частей только на основании королевских пригласительных писем. Во-первых, застывшие формулы этих приглашений, выработанные клерками королевской канцелярии, как всякие официальные формулы, не могли полностью охватить и выразить скрывавшиеся за ними и все время изменявшиеся политически связи и отношения. Во-вторых, эти формулы, родившиеся в королевской канцелярии, являвшейся центром всей государственной администрации, отражали определенную тенденцию со стороны короля навязать парламенту подчиненную роль по отношению к себе и ограничить его деятельность теми функциями, в которых было более всего заинтересовано центральное правительство. Как показывают другие источники парламентской истории, и парламент в целом и его отдельные части на самом деле нередко занимались совсем не тем, что предписывалось им официальными приглашениями, и выходили за рамки полномочий, установленных для них короной. Поэтому, от сухих канцелярских формул мы теперь перейдем к более живым и полнокровным источникам эпохи, рисующим повседневную деятельность парламента.

Все сведения, которые нам удалось получить о том, какие дела обсуждались и решались на парламентах с представительством от общин в период с 1272 по 1307 г., показывают, что круг вопросов, ставившихся на сессиях парламента, был чрезвычайно разнообразен и обширен: 10 раз парламент с представительством от общин обсуждал вопрос о сборе очередных налогов на движимость (сентябрьский — 1275 г., январский — 1283 г., июльский — 1290 г., ноябрьский — 1294 г.,

ноябрьский — 1295 г., ноябрьский — 1296 г., июльский — 1297 г., октябрьский — 1297 г., январский — 1301 г., майский — 1306 г.).

Два раза на широких собраниях, одно из которых было полным парламентом, обсуждался вопрос о повышении таможенных пошлин на шерсть и кожу (1275, 1303). Дважды парламент решал вопрос об объявлении войны. В 1283 г. он санкционировал карательную экспедицию против восставшего Уэльса, а в 1298 г. на парламенте был решен поход в Шотландию. Один раз — в сентябре 1283 г. — парламент в полном составе собрался в качестве верховного судебного трибунала для суда над Давидом Уэльсским. Четыре раза парламент с представительством от общин принимал непосредственное участие в издании новых законов (в 1275, 1297, 1300 и 1307 гг.). Первый парламент царствования Эдуарда I, собравшийся еще в его отсутствие — в 1273 г., — имел целью принести присягу на верность новому королю от всех его подданных. Наконец, многие из парламентов занимались также разбором петиций, поданных королю и его совету и решали важные судебные дела [28].

Таков был тот довольно широкий круг вопросов, которые король при различных обстоятельствах выносил на «повестку дня» парламентов и которые можно считать поэтому, как бы «плановыми» задачами парламента.

Перечень вопросов, выносившихся на решение парламента, указывает на то, что последний так или иначе привлекался к решению часто весьма важных государственных дел, связанных с внутренней и внешней политикой. Само собой понятно, что для решения вопроса о политической роли парламента эти выводы далеко не достаточны. Для этого необходимо прежде всего выяснить, в каком качестве привлекался парламент к решению всех перечисленных государственных дел, были ли обязательны или только желательны его решения в этих делах и какую роль в его деятельности играли, с одной стороны, прелаты и бароны, а с другой — рыцари и представители городов. Не менее важно установить, всегда ли ограничивался парламент теми вопросами, которые ставились на его обсуждение королем или канцлером королевства, и не захватывал ли он порой в свои руки инициативу в составлении «повестки дня» и в обсуждении тех или иных вопросов.

Поэтому мы займемся теперь анализом характера деятельности парламента в каждой из указанных выше областей государственного управления.

---

[28] Например, парламенты 1300, 1302, 1305 гг.

§ 1. Участие парламента в разрешении налогов (финансовые полномочия парламента)

Каково было участие парламента в деле разрешения налогов? Этот вопрос особенно важен для общей оценки политической роли парламента. Выше уже отмечалось, какую большую роль финансовый вопрос играл в политике королевской власти в XIII в. Степень и характер участия парламента в решении этого важнейшего вопроса политической жизни XIII в. определяла в значительной мере и степень его влияния на всю политику феодального государства.

Выше уже было отмечено, что парламенты с представительством от общин 10 раз в течение всего царствования Эдуарда I обсуждали финансовый вопрос и давали согласие на взимание налогов в размере какой-либо части движимого имущества или доходов всего населения ($^1/_{15}$, $^1/_9$, $^1/_8$, $^1/_{10}$ и т. д.). Фактически налоги на движимость взимались за это время 9 раз [29]. О том, что разрешение новых налогов на движимость являлось обычной и одной из важных функций парламента с первого момента его возникновения, свидетельствует то, что нередко парламент собирался специально для этой цели [30].

Однако, по официальным сведениям, Эдуард I облагал все население Англии или отдельные его группы прямыми налогами различного типа 15 раз [31]. Следовательно, в 6 случаях из 15 налоги эти взимались без согласия и обсуждения парламента. На этом основании, а также ссылаясь на то, что на некоторых парламентах Эдуарда I вопрос о субсидиях вовсе не ставился, некоторые буржуазные историки «критического» направления утверждали, что разрешение парламента вовсе не было обязательным для сбора налогов и что участие в разрешении субсидий отнюдь не являлось главной и регулярной функцией парламента [32].

Это заключение, однако, слишком поспешно. Тот факт, что на некоторых парламентах вопрос о субсидиях вовсе не ставили, а на других ставился наряду с другими вопросами, сам по себе еще не опровергает того, что разрешение налогов явля-

---

[29] $^1/_8$, разрешенная летом 1297 г., не была собрана и затем была заменена $^1/_9$.

[30] В январе 1283 г.— два парламента, в Йорке и в Нортгемптоне; в июле 1290 г., в ноябре 1294 г., в ноябре 1295 г., в ноябре 1296 г. и в мае 1306 г.

[31] За период с 1272 по 1307 г.

[32] D. Pasquet. Op. cit., pp. 206—210. Такую же точку зрения высказывает Рис (L. Riess. Op. cit.), а также Мэтланд (Memoranda de parliamento. London, 1893. R. S., 98, Introduction, p. LII).

лось одной из наиболее важных и постоянных функций парламента. Не опровергает этого предположения и факт взимания королем некоторых налогов без разрешения парламента.

Ближайшее рассмотрение тех случаев, когда налоги были собраны Эдуардом I без согласия полного парламента, показывает, что все они относятся к налогам другого типа, чем те, которые взимались с разрешения парламента. В двух случаях — в 1288 и 1304 гг. — таким образом была собрана талья (tallagium), в трех случаях — в 1277, 1285 гг. и в период с 1300 по 1306 г. — щитовые деньги (scutagium) и один раз — вспомоществование на выдачу замуж старшей дочери короля (pour fille marier), на сбор которого король получил разрешение собрания прелатов и баронов в 1290 г., а затем повторное разрешение такого же собрания в июне 1302 г.

Все прямые налоги, взысканные Эдуардом I без согласия парламента, в последнем случае без согласия представителей общин, — это древние феодальные поземельные поборы, всегда зависевшие отчасти от личного произвола короля [33].

Налогами такого феодального типа являлись и щитовые деньги, и вспомоществование pour fille marier — характерный феодальный налог с непосредственных держателей короны, который со времени издания Великой хартии взимался обычно с согласия совета магнатов, но отнюдь не полного представительного парламента [34].

В таком же исключительном положении находилась талья (tallagium) — третий налог, взимавшийся Эдуардом I без разрешения парламента. Мы уже отмечали, что это был специфический произвольный побор, которым король в XII и XIII вв. облагал свои домениальные владения и, в частности, города, когда хотел и в каком хотел размере. В силу выгодности этого налога, приносившего огромные доходы, королевская власть, как мы показали выше, упорно отстаивала эту свою прерогативу, как и произвольный сбор щитовых денег. И вплоть до конца XIII в. ей это удавалось.

Таковы были те поборы, связанные с личными правами короля как феодального собственника и сеньера своих вассалов, которые на протяжении всего своего царствования —

[33] Хотя ст. 12 Великой хартии вольностей запретила королю взимать щитовые деньги без согласия общего совета королевства, этот пункт был в дальнейшем выброшен из хартии при ее последующих подтверждениях, и в течение всего XIII в. щитовые деньги взимались по воле короля. Более того, в ст. VI Подтверждения хартии 1297 г., которая запрещает королю взимание налогов без разрешения парламента, ничего специально не сказано о запрещении взимать щитовые деньги.

[34] Та же 12 ст. Великой хартии вольностей запрещала королю взимать этот платеж без согласия «общего совета королевства», т. е. в сущности того же совета магнатов.

и до, и после 1297 г. — Эдуард I считал возможным собирать без разрешения парламента. Но мы уже видели, что не эти древние поборы составляли в изучаемую эпоху основу государственного налогообложения. И талья, и щитовые деньги, и aid pour fille marier доживали в царствование Эдуарда I свои последние дни. Щитовые деньги последний раз в истории Англии были собраны в 1300—1306 гг., талья прекратила окончательно свое существование после 1304 г., так же как и aid pour fille marier. Налоги же на движимость, которым принадлежало будущее, являвшиеся уже в конце XIII в. основной формой налогообложения в Англии, еще задолго до издания Подтверждения хартии 1297 г., которое юридически оформило финансовые полномочия парламента, неизменно собирались с разрешения парламента с представительством от общин. Так было в 1275, 1283, 1290, 1294, 1295, 1296 гг.

То, что Эдуард I ревниво оберегал свою прерогативу в отношении старинных феодальных поборов, объяснялось в значительной мере именно тем, что в отношении других налогов он уже фактически не мог обойтись без официальной санкции парламента. В этом смысле очень характерны те обстоятельства, при которых была собрана талья в 1288 г. Во время отсутствия Эдуарда I, находившегося во Франции, казначей королевства, епископ Илийский, по распоряжению короля, на очередном совете магнатов «попросил у эрлов, баронов, а также у других жителей королевства вспомоществование на покрытие расходов, которые король произвел в течение трех лет в своих французских владениях». Прелаты и бароны отказались дать вспомоществование «пока не увидят лицо короля в Англии». Тогда «казначей, предвидя, что ничего не сможет добиться, начал облагать тальей (coepit talliare) города, бурги и королевские домены по всему королевству, налагая на них невыносимые суммы денег и установив сроки для их уплаты» [35].

Поводом к сбору тальи здесь послужил отказ магнатов королевства разрешить очередной налог на движимость, который даже с точки зрения королевского казначея нельзя было собрать без разрешения, если не парламента, то во всяком случае совета магнатов. Понятно, что, будучи не в состоянии избежать парламентского контроля над налогами на движимость, король тем более упорно отстаивал свое право на произвольное обложение в отношении старинных традиционных поборов, видя в нем крайнее средство пополнения опустевшей королевской казны.

Правда, Эдуард I в отдельные моменты политических

[35] Th. Wyks. Chronicon. R. S., No. 36. vol. IV. London, 1869, p. 316.

конфликтов пытался при взимании налогов обходить согласие парламента. Однако мы могли убедиться в том, что эти попытки в целом потерпели неудачу в 1297 г.

Таким образом, создается впечатление, что уже в этот ранний период своего существования парламент налагал известные ограничения на фискальную политику короны. Однако такое заключение будет слишком поспешным и поверхностным. Хотя парламент пользовался уже в этот период «правом» вотировать налоги на движимость — до 1297 г. де-факто, а после 1297 г. и де-юре, — это его право очень мало сказывалось на размерах обложения. Парламентское обложение движимости не сократило, а, напротив, увеличило общие размеры налогов и общую долю этих новых налогов в бюджете короны. Нам уже неоднократно приходилось отмечать значительный рост государственных налогов от начала к концу XIII в.

Приведенные выше цифры можно дополнить рядом других, иллюстрирующих рост налогов в период последней трети XIII в., то есть в тот период, когда парламент уже более или менее регулярно вотировал налоги на движимость [36]. С 1198 по 1272 г. правительство взыскало с населения 53 различных побора (4 раза carucagium, 21 раз щитовые деньги, 3 раза aid pour fille marier, 17 раз талью и всего 8 раз налоги на движимость) на общую сумму 335 433 ф. 15 ш. 6 п. Поступления от налогов составляли в указанный период всего 12% от общей суммы государственных доходов (2 664 480 ф.), в которую, кроме прямых налогов, перечисленных выше, входили поборы с духовенства, таможенные сборы, доходы с Ирландии, с еврейской тальи и домениальные и сеньериальные доходы короля. В период с 1272 по 1307 г. правительство взыскало, как уже отмечалось выше, 15 общегосударственных налогов. Но эти 15 поборов дали 476 181 ф. дохода, то есть на 140 748 ф. больше, чем 53 налога допарламентского периода. В общих же доходах короны, собранных за эти 35 лет (1 731 565 ф.), налоговые поступления составили 27%. И это несмотря на то, что налоги в период парламентского обложения взимались в среднем более чем в 2 раза реже.

Этот рост прямых общегосударственных налогов в период парламентского обложения совершенно очевидно был следствием перехода к обложению движимости. В период до

[36] Эти цифры получены на основании данных о доходах короны за этот период, приведенных в упоминавшейся выше работе J. Ramsay. The revenues of the kings of England. Oxford, 1925, vol. I, p 261, табл. X и XI; pp. 363—364, табл. XII, XIII—XIV; vol. II, pp. 87—88, табл. I, II, III.

1272 г. налоги на движимость давали лишь 56% общей суммы собранных правительством налогов, а в период с 1272 по 1307 г. они давали уже 97% от этой суммы. Следовательно, парламентское обложение движимости не сократило, а повысило общие размеры государственного обложения. Это подтверждается также и тем, что с возникновением парламента значительно повысился процент обложения движимости. Если в период допарламентского обложения налоги на движимость редко превышали $^1/_{15}$, но обычно составляли $^1/_{20}$, $^1/_{30}$, даже $^1/_{40}$, то парламент, напротив, только 2 раза вотировал $^1/_{30}$, 2 раза $^1/_{15}$, а в остальных случаях доля обложения была значительно выше: $^1/_{12}$, $^1/_{11}$, $^1/_{10}$, даже $^1/_9$, не говоря уже о налогах с городов, которые обычно были еще выше.

Таким образом, финансовые функции парламента практически очень мало ограничивали фискальную политику короны даже в отношении налогов на движимость, которые обычно собирались с разрешения парламента. Ограничительная роль парламента в этом вопросе, в конечном итоге, сводилась к некоторому упорядочению и систематизации этих налогов, а также к возможности политического нажима на корону с целью издания тех или иных постановлений. При этом надо иметь в виду, что парламент мог контролировать далеко не все доходы короны. В период с 1272 по 1307 г. он мог контролировать путем разрешений налогов на движимость всего 26% общей суммы государственных доходов. От его контроля ускользали не только талья, щитовые деньги и другие феодальные вспомоществования, дававшие в конце XIII в. 3% от общей суммы налоговых поступлений со светских подданных короля, но и более важные постоянные доходы короны. Например, налоги с духовенства, составлявшие в изучаемый период около 13% от общей суммы государственных доходов[37], разрешались не на парламентах, но на конвокациях, или лично папой, если речь шла об уступке в пользу короля церковной десятины, собиравшейся с Англии[38]. Без всякого парламентского контроля взималась «еврейская талья» (до 1290 г.), хотя она затрагивала интересы класса феодалов, так как многие его представители были должниками евреев-ростовщиков, ибо брали у них деньги под залог своих земель.

[37] J. Ramsay. Op. cit., vol. I, pp. 84—85.

[38] Духовенство подлежало обложению движимости только в отношении своих светских доходов (temporalia), получаемых с земель, которые они держали на праве баронии и купленных у светских владельцев на праве обычного фригольда или рыцарских ленов. Собственно церковные доходы (так называемые spiritualia) от церквей, церковных бенефициев, пребенд, держаний в свободной милостыне облагались только с разрешения конвокаций.

Наконец, вплоть до 1340 г. парламент фактически был устранен от контроля за таможенными пошлинами на ввоз и вывоз, которые, как было показано выше, неуклонно и быстро росли в течение второй половины XIII в. и за период с 1272 по 1307 г. дали короне примерно столько же и даже немного больше, чем все прямые светские налоги (481 970 ф.) [39]. Именно поэтому парламент и представленные в нем социальные слои на всем протяжении изучаемого периода вели упорную, но в целом безуспешную борьбу за право контролировать таможенное обложение. Дело в том, что произвольное повышение пошлин, которое неоднократно проводилось в конце XIII в., вызывало резкое недовольство всех слоев населения, представленных в парламенте. В первую очередь оно затрагивало интересы купечества, связанного с внешней торговлей, которое не желало отдавать столь большую долю своих барышей казне.

Но произвольное повышение пошлин затрагивало также и интересы других слоев английского общества. Феодалы и зажиточные фригольдеры, сбывавшие свою шерсть и кожу скупщикам-экспортерам, терпели убыток, так как повышение пошлин понижало цены на эти товары внутри страны. С другой стороны, повышение импортных пошлин на готовые изделия, вино, предметы роскоши и т. д. также удорожало эти товары, которые потреблялись главным образом представителями господствующего класса. Между тем Эдуард I, постоянно нуждаясь в деньгах, отстаивал свое право на произвольное повышение пошлин столь же рьяно, как и свое право на произвольный сбор тальи. Борьба за таможенное обложение имела длительную историю, на протяжении которой она выступала в различных формах.

Уже ст. 41 Великой хартии, очевидно, выражавшая общие требования всех участников оппозиционной коалиции, обязывала короля не брать с купцов за ввоз и вывоз товаров из Англии «незаконные пошлины» (malis toltis), но только «древние и справедливые обычные пошлины» (antiquitas et rectas consuetudines). С этого времени всякое повышение пошлин королем сверх нормы, установленной древним обычаем, рассматривалось как злоупотребление правительства — «mala tolt».

Однако на практике и после издания хартии правительство продолжало производить так называемые захваты экспортных и импортных товаров в портах Англии, так что их владельцы-купцы для того, чтобы получить свои товары обратно, должны были уплачивать высокие произвольные пошлины.

[39] По данным, приведенным у Рамзея, который считал, что с 1275 по 1307 г. таможенные пошлины давали в среднем около 15 870 ф. в год (J. Ramsay. Op. cit., vol. II, p. 83).

Правда, когда Эдуард I решил в 1275 г. заменить эти неопределенные «захваты» единообразной пошлиной на основные экспортные товары — шерсть и кожу, он счел необходимым провести эту меру через парламент с представительством общин. Эдуард I поставил вопрос о новом повышении пошлин на обсуждение весеннего парламента 1275 г., на котором присутствовали представители графств и городов. Последние не только присутствовали в парламенте, но действительно дали свое согласие на повышение пошлин, как это можно заключить из специального ордонанса «о назначении таможенных сборщиков во всех графствах и городах»[40]. Однако, как показал дальнейший ход событий, король апеллировал к парламенту вовсе не потому, что считал его согласие обязательным, но, видимо, лишь потому, что после недавних событий гражданской войны не был уверен в своих силах и не хотел раздражать заинтересованные в этом вопросе социальные слои.

Через 19 лет, в 1294 г., находясь на вершине своего могущества после захвата Уэльса, установления верховенства Англии над Шотландией и успешно проведенных антииммунитетных мероприятий, Эдуард I резко повысил пошлины на шерсть и кожу (в 10 раз) и на овчины (в 6 раз) и не подумал обратиться за разрешением к парламенту[41]. Это видно хотя бы из того, что повышение пошлин вызвало всеобщее сильное недовольство, заставившее короля сократить новые пошлины, хотя и не доведя их до размеров, установленных в 1275 г.[42]. Ограничен был также и срок взимания этих повышенных пошлин — только до рождества 1297 г. Впрочем, это не устранило всеобщего недовольства. Повышенные пошлины удавалось взимать только при помощи конфискации экспортных товаров,

---

[40] В этом ордонансе, между прочим, говорится: «...A la nouvelle custume k est grantee par tous les grandez del Realm, e par la prier des communes des Marchaunz de tot Engleterre...». Это последнее утверждение ордонанса о просьбе купцов повысить пошлины, очевидно, не что иное, как обычный демагогический прием Эдуарда I и клерков его канцелярии, но поскольку «община купцов» упомянута особо, и городские представители действительно были в парламенте, они, вероятно, дали санкцию на повышение пошлин (P. W., vol. I, p. I).

[41] Хронист B. Cotton, правда, утверждает, что повышение пошлин было «любезно разрешено королю купцами королевства» (regi gratenter concesserunt (Historia Angliana. R. S., No. 16, London, 1859, p. 246), но ясно, что если Эдуард I и получил разрешение, то не в парламенте, а только от отдельных купцов или отдельных городов. Скорее же всего это «любезное разрешение» было такой же фикцией, как «просьба общины купцов» о повышении пошлин в 1275 г.

[42] B. Cotton утверждает, что король снизил пошлины «по своей милости» (Ibidem). Однако это предположение весьма сомнительно.

и возмущение этими самовольными действиями короля было одной из главных причин политического кризиса 1297 г.

Сопротивление купечества уплате этих грабительских пошлин и недовольство в среде класса феодалов вынудили короля уже осенью 1297 г. отказаться от взимания повышенных пошлин и признать их незаконными. Это было зафиксировано в статуте Подтверждение хартии, ст. 7 которого (французской версии) запрещала королю впредь повышать пошлины «без общего согласия и доброй воли общины королевства».

Однако, так же как это случилось со ст. 41 Великой хартии вольностей, обещание это было дано не для того, чтобы его соблюдать. Не прошло и 5 лет с издания статута, как в 1303 г. Эдуард I предпринял новую попытку повысить пошлины без согласия парламента. Собрав в Лондоне собрание иностранных купцов и даровав им купеческую хартию, он за право свободной торговли в Англии (право, которым они фактически пользовались и до этого) обязал их уплачивать новые, значительно более высокие пошлины по сравнению с пошлинами 1275 г. и притом не только за шерсть и кожу, но и за другие важнейшие экспортные и импортные товары — вина, сукна, воск и др. Поскольку новые пошлины касались только иностранных купцов, их повышение формально не нарушало обязательства, данного в Подтверждении хартии. Но у короля были другие планы.

Едва договорившись с иностранными купцами 5 мая 1303 г., он 7 мая разослал шерифам графств приказ, в котором им предписывалось прислать 25 июня в Йорк по 2 или по 3 представителя от наиболее крупных 42 городов Англии для совещания с королем о новых пошлинах. Текст этого приказа чрезвычайно любопытен и выдает с головой очередной маневр короля: «Так как нам стало известно, — гласит приказ, — что разные купцы нашего королевства **желают платить нам некоторые новые платежи и пошлины** со своих имуществ и товаров, которые нам платят со своего имущества и товаров иностранные купцы в пределах наших владений за то, чтобы быть свободными от всяких захватов с нашей стороны, и пользоваться различными привилегиями, уступленными нами иностранным купцам, мы, желая по этому поводу держать совет и обсуждение с вышеуказанными купцами... приказываем Вам, чтобы от указанного города нашего было прислано в нашу Палату шахматной доски в Йорк по два или три представителя к 25 июня 1303 г. с полномочиями от общины этого нашего города, чтобы принять к исполнению то, что будет постановлено нами по совету и с согласия купцов

нашего королевства»[43]. Однако на этот раз намерениям короля не удалось осуществиться. Не помогла ему ни ссылка на «горячее желание» купцов повысить пошлины, ни пример иностранцев. Собравшиеся в Йорке в указанный день представители 42 городов ответили на просьбу короля решительным отказом от имени своих городов, заявив, что «они никоим образом не согласны на увеличение несправедливых пошлин и на новые пошлины, уступленные королю иностранными купцами, как сказано в вышеуказанном приказе, и никоим образом не согласны ни на какие другие пошлины, кроме тех, которые платились из древности и установлены обычаем»[44].

Решительность и даже резкость этого отказа, необычная в переговорах между королем и городскими представителями, очень знаменательна. Она показывает, с одной стороны, рост политического самосознания городского сословия, а с другой стороны, подчеркивает значение событий 1297 г. и Подтверждения хартии, которые несомненно создали почву, благоприятную для борьбы с вымогательствами короны в области таможенного обложения. И все же на всем протяжении изучаемого периода таможенное обложение не было поставлено под контроль парламента, который в этом отношении не мог налагать серьезных ограничений на решения короля.

Понадобилось еще несколько десятков лет, чтобы короли окончательно потеряли реальную возможность изменять таможенные тарифы без разрешения парламента. Только тогда, когда английское купечество, постепенно вытесняя иностранных купцов, начало играть главную роль в английской внешней торговле, только тогда, когда в связи с развитием овцеводства и ростом вывоза шерсти широкие слои рыцарства и фригольдеров, втянутые в эту торговлю, оказались активно заинтересованными в стабильности таможенных пошлин и, в частности, пошлин на шерсть, парламент, представлявший интересы и тех и других, добился возможности контролировать таможенную политику правительства. Парламентский статут 1340 г. установил, что повышение пошлин впредь может проводиться только с разрешения магнатов и общин в полном парламенте[45].

Сложившееся на практике к концу XIII в. реальное соотношение сил между королевской властью и парламентом в финансовом вопросе получило свое юридическое оформление в Подтверждении хартии 1297 г. Хотя этот статут и был взят с боя у короля, он в сущности не вносил ничего принципиаль-

---

[43] P. W., vol. I, p. 134.
[44] Ibidem, p. 135.
[45] Statutes, vol. I, p. 289.

но нового в эти отношения, сложившиеся в предшествующие 25 лет.

В самом деле, какие права давало Подтверждение хартии парламенту? Ст. 6 официальной французской версии гласит: «И пожаловали мы также, за нас и за наших наследников, архиепископам, епископам, аббатам, приорам и другим людям святой церкви, и графам, и баронам и всей общине страны, что ни для какой надобности мы не будем брать такого рода поборов деньгами и трудом и произвольных взиманий с нашего королевства (tieu manere des aides, mises ne prises), иначе как с общего согласия и для общей пользы всего королевства, исключая древние пособия и захваты (aides et prises), следуемые по закону и обычаю» [46].

Ст. 6 оставляет парламенту ровно столько «прав» в разрешении налогов, сколько он имел на практике: его согласие необходимо только для тех налогов, которые не относятся к древним «пособиям и захватам». Едва ли можно сомневаться, что под этими пособиями следует понимать именно tallagium и scutagium. Это особенно очевидно, если вспомнить, что в латинской версии Подтверждения хартии, которая, по нашему мнению, представляет собой программу-максимум оппозиции, имелось прямое запрещение взимать не только вспомоществования (auxilium) вообще, но талью (tallagium), в частности, без разрешения парламента, и совершенно отсутствовала оговорка о «древних пособиях и захватах, следуемых по обычаю» [47]. Подписывая Подтверждение хартии, Эдуард I согласился санкционировать только те ограничения, которые давно уже существовали на практике. Но мало этого. Французская версия говорит только очень глухо об «общем согласии всего королевства», тогда как в латинской точно перечисляются те слои населения, которые должны давать согласие на новые налоги, в том числе специально упоминаются рыцари, горожане и прочие свободные жители королевства. В предшествующей практике согласие городских представителей было не обязательным для взимания налогов (см. ниже) и, не желая связывать себя этим новым ограничением, король добился другой, более туманной формулировки, которая оставила за ним право решать, что следует понимать под «согласием всего королевства».

Таким же точным отражением действительной практики взимания пошлин является ст. 7 французской версии. В ней король, признав несправедливость повышения пошлин в 1295 г., обещает впредь не производить самовольного изменения ввоз-

[46] Select charters. Oxford, 1874, p. 495 (русский текст дан в переводе Д. М. Петрушевского).

[47] Текст этой статьи (1) приведен выше на стр. 329. Примечание 127.

ных и вывозных пошлин и взимать лишь пошлины, утвержденные в 1275 г.[48]. Но вопрос о том, кто должен в дальнейшем давать разрешение на повышение пошлины, остается неясным. Как видно из контекста всей статьи, речь идет здесь не о парламенте, а лишь о «большей части общины королевства» (le plus de la communauté del roiaume), которая должна давать согласие на новые пошлины. Эта крайне туманная формула оставляла королю широкие возможности для всякого рода маневров, примеры которых мы рассмотрели выше. Он мог апеллировать в этом вопросе и к полному парламенту, как это было в 1275 г., и к избранным представителям купечества, как это было в 1303 г., а следовательно, мог фактически обходить согласие парламента, как это часто и случалось до 1340 г.

Подтверждение хартии 1297 г. закрепило законом существовавшую практику налогообложения с согласия парламента, но отнюдь не создавало новых отношений между королем и парламентом, не явилось «громом с ясного неба» для короля, не налагало каких-либо новых ограничений на его власть.

Активное и постоянное участие парламента в разрешении налогов в конце XIII в. несомненно.

В отличие от большинства других функций парламента, эта функция была присуща только ему и не дублировалась другими органами центрального государственного аппарата: ни королевским советом, ни советом магнатов (в полной мере), ни казначейством. При этом в разрешении налогов на движимость, как мы подробнее покажем ниже, принимали участие не только прелаты и бароны, но и представители общин, в особенности же рыцари графств.

Однако в конце XIII в. и начале XIV в. эта функция парламента находилась еще в начальной стадии своего развития и распространялась фактически только на один, хотя и наиболее важный, вид государственного обложения — налоги на движимость, то есть охватывала менее 30% всех доходов правительства. Такая узость финансовой компетенции парламента определялась отчасти тем, что он только формировался в изучаемый период и не стал еще полностью сложившимся учреждением с определенной структурой и функциями. Но еще в большей мере это определялось тем, что его финансовые функции более, чем какие-либо другие из его функций, развивались в постоянных столкновениях с королем, который нередко сопротивлялся всякому даже самому скромному отпору со стороны парламента. Последнему лишь очень постепенно и с большим трудом удавалось расширять свою компетенцию в финансовом вопросе.

[48] Select charters, p. 495.

§ 2. Роль парламента в подаче и обсуждении частных и «парламентских» петиций

Как было замечено, некоторые историки «критического» направления основную функцию парламента в XIII в. видели в том, что съезжавшиеся на парламент представители городов и графств передавали королю петиции от пославших их общин, а затем консультировали королевский совет при рассмотрении этих петиций.

Однако ближайшее рассмотрение вопроса о петициях показывает несостоятельность такого взгляда. Прежде всего, вопрос об участии парламента в подаче и рассмотрении петиций имеет две стороны, каждая из которых требует самостоятельного рассмотрения. С сессиями парламента связаны были два различных вида петиций. С одной стороны, во время парламентских сессий на имя короля и его совета обычно подавалось большое количество частных петиций, индивидуальных и коллективных, которые имели целью разрешение частных, обычно местных, вопросов, помощь в судебном деле, устранение отдельных злоупотреблений, дарование какой-нибудь новой привилегии общине или частному лицу. Обычай подачи таких частных петиций существовал задолго до возникновения парламента, хотя появление этого нового учреждения может быть несколько активизировало старый обычай.

Наряду с такими петициями с конца XIII в. в практику входит новый вид петиций, непосредственно связанных с парламентом, — петиций, подававшихся королю от имени всего парламента или отдельных групп его членов. Эти петиции, являвшиеся выражением какой-либо коллективной акции членов парламента, обычно касались важных вопросов общей государственной политики, и ответом на них должны были быть какие-то общегосударственные мероприятия. Петиции второго рода мы будем в дальнейшем называть «парламентскими» петициями [49].

[49] В Парламентских свитках XIV в. петиции последнего рода фигурируют под общей рубрикой «commone petition», хотя, как убедительно показал Д. Рейнер, большинство их исходило не от представителей графств и городов в парламенте, но от отдельных лиц и групп населения, составлявших эти петиции вне парламента, но подававших их в парламенте через представителей общин и как бы от их имени. (D. Reyner. The Form and machinery of the «Commone petition» in forteenth century. E. H. R., 1941, No. 222, p. 224). Однако для XIII в. «парламентские» петиции внешне никак не выделяются из массы частных петиций, не носят еще общего названия «commone petition» и отличить их можно только по их содержанию, которое обычно выражает коллективное требование социальных слоев, представленных в парламенте, высказанное в петиции, поданной королю и его совету их депутатами в самом парламенте.

Количество частных петиций, сохранившихся в парламентских документах, очень велико. В одних Парламентских свитках за период правления Эдуарда I их содержится более 1000. Для подавляющего большинства свободного населения Англии (за исключением представителей феодальной аристократии) эти петиции были единственным средством довести свои жалобы до слуха короля или высших должностных лиц королевства, единственным, хотя и весьма ненадежным средством добиться облегчения тех или иных тягот. И хотя во многих случаях эти петиции оставались без ответа или на них давался отрицательный ответ, в них реализовалась наивная вера масс в «справедливость» короля, в котором им хотелось видеть «защитника» от произвола и вымогательств магнатов и королевских шерифов, бейлифов, коронеров, сборщиков налогов и разъездных судей. Петиции эти отличались большим разнообразием по содержанию и исходили от представителей всех слоев населения. В числе подателей таких частных петиций мы встречаем виднейших прелатов графов и баронов Англии, общины графств и городов, ремесленные гильдии и купеческие компании, мелких свободных держателей и представителей городской бедноты, а в редких случаях даже вилланов.

Возникает вопрос о том, какое же отношение имели к парламенту петиции такого рода. Несомненно, что подача частных петиций часто совпадала с сессиями парламента. Это видно прежде всего из того, что тексты этих петиций или их краткое изложение с указанием сессии парламента, на которой они были поданы, сохранились в архивах парламента и вошли затем в так называемые Парламентские свитки. В этом издании содержатся петиции, поданные на парламенты 23 сентября 1302 г. (21 петиция), 28 февраля — 5 апреля 1305 г. (846 петиций), Карлейльский парламент 1307 г. (96 петиций). Кроме того, в Парламентских свитках содержатся петиции, поданные на советы магнатов 1278 г. (64 петиции) и 1290 г. (21 петиция).

О том, что подача петиций часто совпадала с сессиями парламента, свидетельствуют два правительственных постановления, устанавливающие порядок и сроки подачи петиций. Первое из них, относящееся к осени 1278 г., гласит: «Так как люди, приезжающие на парламент господина короля, часто испытывают затруднения и неприятности от тех тягот, которые ложатся на них и на королевский двор, благодаря множеству петиций, представляемых королю, из которых многие могут быть рассмотрены канцлером и судьями, то постановлено, что все петиции, касающиеся последних, должны поступать сначала к канцлеру, а те, что касаются казначейства,—

в казначейство, а те, что касаются судебных дел — к судьям...» [50]. Далее указывается, что только те петиции, которые не могут быть рассмотрены без короля, должны быть затем переданы на его личное рассмотрение. Все прочие должны решаться вышеуказанными должностными лицами так, «чтобы господин король и его совет могли, не будучи перегружены другими делами, выслушивать и решать важнейшие дела своего королевства и своих других земель» [51].

Другое постановление от 5 февраля 1305 г., изданное накануне весеннего парламента этого года, гласит, что «все петиции от тех, кто пожелает подать **их на парламент**», должны подаваться специально назначенным для этого людям [52] в период с 5 февраля по 7 марта [53]. Таким образом, постановления 1278 и 1305 гг. подтверждают факт совпадения массового поступления петиций с сессиями собраний, называемых в источниках «парламентами». Однако вместе с тем постановление 1305 г. решительно опровергает точку зрения Риса и Паске о том, что депутаты парламента являлись главными подателями петиций.

Начало сессии парламента 1305 г. было назначено на 28 февраля, а первый срок подачи петиций установлен был королевским предписанием на 5 февраля, то есть за три недели до начала парламента. Между тем обычно депутаты съезжались к самому началу парламента, и, следовательно, основную массу петиций ждали совсем не от них. С другой стороны, постановление 1278 г. прямо говорит о том, что разбором петиций обычно занимались или король, или его совет, или высшие должностные лица королевства: канцлер, казначей, судьи королевских судов. О роли парламента в этом деле постановление не говорит ни слова.

Наконец, хотя оба эти постановления говорят о сессиях «парламента», первое из них, очевидно, имеет в виду не парламент с представительством от общин, но совет магнатов, ибо в 1278 г. ни один парламент, в принятом нами значении этого слова, не собирался. Петиции были поданы также и в совет магнатов осенью 1280 г., когда полного представительного собрания не было и в помине. Из этого можно заключить, что массовая подача петиций приурочивалась не только к сессиям парламента, но также и к сессиям совета магнатов,

---

[50] Rotuli literarum clausarum temporis Edwardi I. Цит. по книге W. Stubbs. The constitutional history, vol. II, p. 263.

[51] Ibidem.

[52] Для приема петиций было назначено четыре человека: сэр Роберт Робери, Иоанн де Кадамо, Иоанн Киркеби и Иоанн Буш.

[53] R. P., vol. I, p. 182.

а иногда и к особо торжественным заседаниям королевского совета, которые (и совет магнатов и королевский совет) на канцелярском языке XIII в. также иногда назывались «парламентами». Даже в тех случаях, когда петиции подавались во время сессий парламента с представительством от общин, едва ли представители общин могли участвовать в разборе этих петиций. Так, например, разбор петиций, поданных в парламент 1305 г., продолжался весь март и апрель [54], тогда как представители городов и графств были распущены уже 21 марта [55] и, следовательно, не могли участвовать в рассмотрении многих петиций. Еще очевиднее это на примере Карлейльского парламента 1307 г., во время заседания которого было подано 96 петиций. Между тем представители общин находились на этом парламенте всего один день [56] и, конечно, не могли за столь короткий срок разобрать все эти петиции.

По-видимому, парламент в целом и в частности представители от городов и графств имели очень слабое отношение к подаче и разбору этих частных петиций. Уже самое беглое знакомство с текстами этих петиций показывает, что они подавались совсем не в парламент, а на имя короля или «господина короля и его совета», то есть не имели никакого прямого отношения к заседаниям парламента. Еще более убеждает в этом содержание резолюций, наложенных на эти петиции в результате их рассмотрения. Все они ссылаются на решение короля [57], иногда на решение королевского совета [58], но никогда на решение парламента или даже совета магнатов. В некоторых случаях петиции передавались для

---

[54] Как свидетельствуют пометки на петициях, большинство их разбиралось в конце марта и в апреле.

[55] Королевский приказ о роспуске депутатов городов и графств был издан 21 марта 1305 г. (P. W., vol. I, p. 155).

[56] Приказ об оплате депутатов был издан в день открытия парламента (P. W., vol. I, pp. 190—191).

[57] См. R. P., vol. I, p. I — петиция Ричарда Рассель; ibidem, p. 214— петиция Иоганны, жены Эдуарда Бэзилс; ibidem, p. 51 — петиция Джона и Рожера Суэдж; ibidem, pp. 194—195 — петиция адвоката брабантских купцов; ibidem, p. 51 — петиция жителей графства Чешир; ibidem, p. 61— петиция английских купцов; ibidem, p. 54 — петиция Гильберта Умфраунвилля; ibidem, p. 55 — петиция лондонцев о возвращении им прав самоуправления; см. также — Memoranda de parliamento, p. 21 — петиция общины графства Ланкашир; ibidem, p. 35 — петиция общины города Карлейля; ibidem, p. 94 — петиция жителей города Эппльби; ibidem, p. 34 — петиция Кембриджского университета и др.

[58] Ibidem, p. 213 — ответ на петицию Гильберта де Клэр, графа Глостерского; ibidem, p. 210 — ответ на петицию Гуго де Брандом; Memoranda de parliamento, p. 127 — ответ на петицию баронов, графов и рыцарей об освобождении их от уплаты щитовых денег.

принятия окончательного решения в то или иное ведомство центрального государственного аппарата: на усмотрение канцлера, в Палату шахматной доски, в различные судебные органы [59].

Конечно, не исключена возможность, что в отдельных случаях отдельные члены парламента в качестве заинтересованных лиц и свидетелей, или в качестве представителей того графства или города, от которых поступила петиция, вызывались в королевский совет, к канцлеру или в казначейство для дачи консультаций и разъяснений по затронутым в петициях вопросам. Однако это вовсе не значит, что представители общин приглашались в парламент специально для того, чтобы подавать петиции или давать консультации при их обсуждении. Тем более это не значит, что рассмотрение решений по частным петициям являлось одной из основных функций парламента. Частные петиции имели к парламенту только то отношение, что они обычно подавались во время сессий или перед ними [60]. Это обстоятельство в некоторой степени способствовало воспитанию общественного мнения в духе уважения к парламенту, что в свою очередь повышало его политическое влияние. Однако оно не мешало королю по-прежнему самолично выносить решения по частным петициям, без какого-либо участия парламента как учреждения.

Иначе обстояло дело с «парламентскими» петициями, практика подачи которых родилась вместе с появлением парламента и развивалась и укреплялась по мере того, как он становился регулярно действующим учреждением. Поэтому характер и общая социальная и политическая направленность

---

[59] Ibidem, p. 8 — ответ на петицию графа Глостерского 1278 г.; Memoranda de Parliamento, p. 52 — ответ на петицию епископа Илийского.

[60] Если же массовая подача частных петиций совпадала обычно с сессиями парламента или совета магнатов, то это объяснялось не тем, что они рассматривались в парламенте, но соображениями удобства и свойственной Эдуарду I политической демагогией. К месту заседаний парламента съезжалось обычно много народа, помимо его непосредственных участников: свиты прелатов и баронов, купцы, рассчитывавшие здесь выгодно сбыть свои товары, люди, вызванные на парламент по каким-либо вопросам. У всех этих людей могли быть какие-то личные просьбы к королю, которого также легче было найти на сессии парламента, вместо того, чтобы ездить за ним по стране.

Все это создавало удобные условия для массовой подачи петиций королю именно во время сессий парламента. Правительство же охотно поддерживало этот обычай, стремясь придать известную торжественность и политическую значимость этим съездам, а также упорядочить прием петиций, установить для этого определенные сроки, подготовить к их приему правительственные органы.

этих петиций представляет живейший интерес для ранней истории парламента.

Обычай подавать на имя короля петиции, содержащие требования существенных изменений в законах или административной практике и устранения различных финансовых и других злоупотреблений в интересах более или менеее широких слоев свободного населения, существовал в Англии задолго до возникновения парламента. Достаточно вспомнить, например, упоминавшиеся уже нами «баронские статьи» 1215 г., из которых затем вышла Великая хартия, петицию баронов в Оксфордский парламент 1258 г., петицию «бакалавров» 1259 г., которая легла в основу Вестминстерских провизий. Петицией такого же рода была петиция, поданная баронами Эдуарду I в 1297 г. при его отплытии во Фландрию. Все эти петиции, включая и последнюю, подавались королю вне парламента и помимо него, даже и в 1297 г., когда имелась теоретическая возможность созвать парламент. Более того, все они в той или иной степени были поддержаны силой оружия и выдвигались как своего рода ультиматум, за которым, в случае непринятия его, должны были последовать военные действия. Поэтому, их скорее надо рассматривать как экстраординарные меры, применявшиеся в моменты острых политических кризисов, создававших основу для временных соглашений и коллективных выступлений против короля различных социальных слоев свободного населения Англии. В обычное же время такие коллективные петиции были почти невозможны как в силу внутренних противоречий среди различных слоев населения, так и в силу того, что даже представителям одной социальной группы было очень трудно договориться о совместных действиях при обычных обстоятельствах.

Только с появлением парламента такого рода коллективные петиции стали возможными и осуществимыми в качестве обычного метода воздействия на политику королевской власти. Только здесь создалась конкретная практическая возможность для лидеров различных социальных слоев, представленных в парламенте, договариваться между собой и выражать свои частные и общие требования в форме «парламентских» петиций. Однако эта возможность организации коллективных «парламентских» петиций была достигнута далеко не легко. Так же как участие парламента в утверждении налогов уже в конце XIII в. было прямым следствием политических столкновений внутри господствующего класса, имевших место в 1215, 1258—1265 гг. и 1296—1297 гг., так и практика подачи «парламентских» петиций утверждалась постепенно в процессе политических столкновений конца XIII в., кото-

рые разыгрывались во время сессий парламента или советов магнатов.

Политические столкновения конца XIII в. неизменно проявлялись в форме конфликтов между парламентом или выступавшими от его имени прелатами и баронами и королем. Парламент в этих столкновениях стремился утвердить свое право подавать королю петиции и заставить его прислушиваться к ним. Король упорно не желал принимать всерьез эти петиции и только под давлением необходимости вынужден был иногда временно удовлетворять их для того, чтобы затем вновь отказаться от данных обещаний.

Прообразом этих ранних «парламентских» петиций была петиция, предъявленная баронами на парламенте в октябре 1297 г., в ответ на которую было принято Подтверждение хартии 1297 г. Мы не знаем точного содержания этой петиции, так же как и того, была ли она представлена в письменной или в устной форме. Но нам определенно известно, что вожди оппозиции — эрлы Биго и Боген предъявили на этом парламенте какие-то требования принцу-регенту [61] и что эти требования были подкреплены силой оружия, так как бароны явились в Лондон на заседания парламента в сопровождении больших военных сил [62].

Что касается содержания этой петиции, то оно, по-видимому, было или совершенно идентично с латинской версией Подтверждения хартии (см. выше), или во всяком случае очень близко к ней. Характерно также то, что парламент 1297 г., очевидно, обусловил разрешение субсидии — $^1/_9$ движимых имуществ — изданием Подтверждения хартии, использовав таким образом финансовую нужду короны для реализации своих политических требований. Успех этой первой «парламентской» петиции был обусловлен, однако, не столько силой и сплоченностью собственно парламентской оппозиции, сколько тем, что ее лидеры-бароны опирались на значительные военные силы, находившиеся в боевой готовности.

Для нового «парламентского» этапа столкновений между королем и его политическими противниками более характерна история последующих петиций. В этих столкновениях, как и в 1297 г., парламентская оппозиция пыталась оказывать двойной нажим на короля — путем подачи петиций и угрозы отказа в субсидии. Но в отличие от событий, предшествовав-

---

[61] Hemingburgh, II, 147. См. в кн. Памятники истории Англии, Сб. док. в пер. Д. М. Петрушевского, 1936, стр. 219.

[62] «...non tamen nudi, immo cum millia quingentis equitis armatis et magna copia peditum electorum». Там же.

ших изданию Подтверждения хартии, она уже не использовала прямой военной угрозы, ограничиваясь мирным давлением на короля в парламенте.

На парламенте, собравшемся 24 мая 1298 г. в Йорке, король попросил баронов и рыцарей оказать ему помощь в подавлении «коварных козней мятежных шотландцев». Вожди баронской оппозиции эрлы Норфокский и Герефордский потребовали от короля нового подтверждения хартии под тем предлогом, что подтверждение 1297 г. было сделано в «чужих краях». При этом они обусловили участие баронов в походе против шотландцев выполнением этих требований [63]. Из сообщений хроник неясно, было ли это требование высказано устно или в форме письменной петиции, но суть дела от этого не меняется, и в требованиях 1298 г. мы с полным основанием можем видеть новую попытку воздействовать на короля при помощи коллективной петиции в парламенте. Петиция не возымела на короля желаемого действия. Он ограничился тем, что через своего советника епископа Даремского обещал выполнить эту просьбу по возвращении из похода [64]. Бароны же, сами активно поддерживавшие идею войны в Шотландии (в отличие от войны 1297 г. во Фландрии), не настаивали на своем требовании и удовольствовались этим туманным обещанием. Они отправились с королем в поход, результатом которого явилась большая победа англичан при Фалькирке 22 июня 1298 г.

Однако бароны не отказались от своего намерения и на следующем совете магнатов, собравшемся в Лондоне 8 марта 1299 г., устами эрлов Норфокского и Герефордского снова потребовали от короля обещанного подтверждения хартии, присовокупив к этому просьбу о сокращении площади заповедных лесов. Эдуард I и на этот раз попытался увильнуть от исполнения этого требования. Хотя он в конце концов и согласился на подтверждение хартии, но лишь прибавив в конце слова: «сохраняя за собой права короны (salvo jure coronae nostrae)» [65], которые с точки зрения баронов сводили на нет весь смысл уступки. Вопрос о пересмотре границ лесных заповедников (perambulatio) остался открытым. «Услышав это, эрлы и бароны с неудовольствием уехали восвояси» [66].

---

[63] «...Comites Herefordiae et Marescalli quia confirmatio chartarum fueret facta in terra aliena petiverunt ad majorem securitatem eas iterum confirmare» (Rishanger. Chronica et Annales, R. S., No. 28. London, 1865, p. 186.

[64] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II, p. 148.

[65] Rishanger. Op. cit., R. S., No. 28, p. 190.

[66] Ibidem.

Однако на этот раз королю не удалось надолго отделаться от петиционеров. Нужда в деньгах для продолжения войны в Шотландии заставила его менее чем через 2 месяца — 3 мая 1299 г. — собрать снова совет магнатов в Лондоне [67].

Собравшись, магнаты вновь потребовали подтверждения хартии и обещанного пересмотра границ заповедников. Свою помощь королю в предполагавшемся новом походе в Шотландию бароны вновь обусловили исполнением этих требований. Когда король попросил у них «совета и помощи относительно того, каким образом можно противодействовать предполагаемым набегам и враждебным действиям шотландцев», «от лучших людей королевства последовал единодушный ответ и обещание» немедленно выступить против шотландцев «на том условии, что господин король удостоит их давно обещанного Подтверждения хартии с дополнениями» [68]. В ответ на это требование Эдуард снова «под клятвой им обещал, что он выполнит их общее пожелание после того, как навсегда овладеет Шотландией» [69].

По сведениям некоторых хроник, магнаты для нажима на короля использовали не только угрозу отказать ему в военной помощи, но и обещание разрешить денежную субсидию, если он пойдет на уступки.

По свидетельству Лангетофта, магнаты обещали дать королю разрешение на сбор $^1/_{20}$ [70], когда будет закончен пересмотр лесных границ. Об этом же говорит другая хроника — Вустерские анналы, согласно которой собравшиеся в Лондоне магнаты, «услышав волю короля, с общего согласия ответили: «Когда мы получим обеспеченное право владения на наши леса и вольности, столь много раз нам обещанные, тогда охотно дадим нашему государю одну двадцатую для подавления шотландских безумств» [71].

Это затянувшееся совещание закончилось в конце концов соглашением. После двухмесячных колебаний под давлением

---

[67] Французская хроника Пьера Лангетофта объясняет столь быстрый созыв совета магнатов следующей причиной: «Dispandu ad le soen et plus n'y ad gagne trop fu sa chaunce pover en l'an de Jubile. Sachez certenement coe fist la purale Ke ne estait pas fet com ele fu grauntee...». The Chronicle of Pierre de Langetoft R. S., No. 47, vol. II. London, 1868 p. 320.

[68] Rish. Annales Angliae et Scotiae. R. S., No. 28, p. 392: «Mox sine cunctatione ab optimatibus regni responsum est et promissum unanimi assensu et voluntate, quod audaciam confestim confundent ea conditione ut dominus rex eis dignaverit concedere Magnam Chartam cum contentis diu poromissam.

[69] Ibidem.

[70] Pierre de Langetoft R. S., No. 47, vol. II, p. 322.

[71] Annales Worcestriae. R. S., No. 36, vol. IV. London, p. 544.

финансовой нужды и необходимости военной помощи со стороны феодалов Эдуард I согласился дать новое подтверждение хартии без всяких оговорок. Кроме того, он обещал немедленно заняться пересмотром границ заповедников, для чего была назначена комиссия в составе трех епископов, трех эрлов и трех баронов[72]. По-видимому, за это обещание король получил от магнатов не разрешение на сбор субсидии, но лишь обещание дать такое разрешение, если король выполнит взятые обязательства. Это видно из того, что никаких официальных документов о сборе $^1/_{20}$ от 1299 г. не сохранилось. К тому же совет магнатов едва ли мог дать такое разрешение за всю «общину» Англии, то есть за рыцарей и горожан, которых не было на этом собрании.

Этот первый мирный успех, таким образом, был достигнут, строго говоря, не в парламенте в принятом нами смысле слова, а в совете магнатов. Однако он очень показателен и характерен для последующих действий парламента в этом же направлении. Правда, непосредственными подателями петиции и главными участниками конфликта были и в 1298 и 1299 гг. магнаты — прелаты и бароны. Но они все время выставляли себя представителями «всей общины» и, действительно, опирались, очевидно, на сочувствие рыцарства и фригольдерской верхушки, которые были более всех заинтересованы в проведении требуемых мероприятий.

Это со всей очевидностью сказалось и в событиях 1300 г., разыгравшихся уже на парламенте с представительством от общин.

Эдуард I, конечно, не собирался выполнять данных обещаний. Поэтому, на парламенте, собравшемся в марте 1300 г. в Лондоне, произошло новое очередное столкновение по тем же вопросам. На этом парламенте, если верить сообщениям Ришанжера, королю было представлено две петиции. Одна — вновь избранным примасом Англии Робертом Уинчелси, который от имени всей английской церкви просил короля, чтобы он «для спасения своей души и блага всего королевства согласился подтвердить Старую хартию вольностей с дополнениями, чего они так давно ждут»[73]. Другая — несомненно, по

---

[72] Rishanger Chronica R. S., No. 28, p. 191. Об этом сообщают Ланнетофт (R. S., No. 47, vol. II, p. 323), также Вустерские анналы: «Король обещал общине страны своим письмом со своей печатью, что после праздника св. Михаила новая линия границы отделит королевские заповедные леса от других лесов, и, таким образом, вольности Англии будут во всем соблюдены, и этот приказ короля был публично объявлен в городе Вустере на родном языке в четвертые ноны июля». Annales Worchestriae, p. 541.

[73] Rishanger. Annales Angliae et Scotiae. R. S., No. 28, p. 404.

предварительному соглашению с прелатами — эрлом Норфокским, который «от имени баронов» (ex nomina barnagii) выдвинул такие же требования. По некоторым выражениям Ришанжера, можно предполагать, что обе эти петиции были представлены в письменном виде, так как о петиции эрла Норфокского определенно сказано, что он «развернул такую же петицию» (eandem petitionem replicavit)[74].

По-видимому, обе эти петиции были выдвинуты прелатами и баронами от имени всего парламента. Однако и на этот раз король пошел на уступки только после долгой борьбы в парламенте. О том, что произошло дальше на парламенте, мы знаем главным образом по данным лишь одной хроники Ришанжера, которая дает довольно подробное описание последующих событий.

Ришанжер рассказывает, что Эдуард I долго сомневался, какое принять решение. Хронист объясняет это тем, что в душе короля шла борьба между добрыми и дурными намерениями[75]. Но затем, отдав должное такому морализированию, хронист дает более реалистическое объяснение этим колебаниям. «Король, — пишет он, — не решался неожиданным и необдуманным ответом обнаружить тайну своего намерения (а он желал кое-что получить от своих баронов), хотя он легко мог бы выполнить их пожелания и тем внушить им более дружеские чувства к себе»[76].

С этой целью король решил расколоть оппозицию и, вместо того чтобы дать ответ на петицию в парламенте, начал вести частные переговоры с отдельными прелатами и баронами, склоняя их лестью, подарками и обещаниями дать согласие на сбор $^1/_{20}$ не позднее праздника св. Михаила. При этом он обещал, что этот произвольный побор, неразрешенный парламентом, впредь не будет рассматриваться им как прецедент[77].

Хроникер при этом замечает, что это был способ, в котором король был весьма опытен. Этот испытанный способ, по-видимому, принес свои результаты, так как многие магнаты дали свое согласие. Однако в последний момент план был сорван. Не доверяя королю, магнаты попросили, чтобы для большей уверенности в том, что Подтверждение хартии будет

---

[74] Ibidem, p. 404.
[75] Ibidem.
[76] Ibidem.
[77] Ibidem, pp. 404—405: «Itaque arte, qua peritus erat negotium conficiens, singulos proceros suos, ambitiendo, muneribus et pollicitationibus examinat et terminum ad festum St. Michaelis imponit, ut $^1/_{20}$ unius anni tantum ab eis obtineret nec amplius ab eis talia exigeret».

соблюдаться впредь, король разрешил бы им приложить к ней свои печати. Когда один из епископов заикнулся об этом перед королем от имени всех других, король счел это для себя оскорбительным и наотрез отказал в этой просьбе, воскликнув при этом: «Вы видно считаете меня мальчишкой и лжецом»[78]. На этом переговоры были прерваны, однако ненадолго. Нужда в деньгах, очевидно, побудила Эдуарда I забыть нанесенную ему «обиду». На третий день после этого происшествия он, «следуя совету своих приближенных, отправился в большой зал Вестминстерского дворца в городе Лондоне; там, собрав духовенство и всех магнатов (primatoribus), он всей своей властью подтвердил мир и закон королевства и приказал прочитать перед всеми присутствующими текст Великой хартии, столь давно ожидаемой, со всеми дополнительными статьями сначала на официальном, затем на родном языке (prius litteraliter, deinde patria lingua)[79].

27 марта король разослал в графства распоряжение об избрании в каждом из них трех рыцарей, которые должны были явиться в Йорк для обсуждения и решения вместе с королем вопроса о гарантиях соблюдения Великой и лесной хартий с новыми дополнениями[80]. 28 марта было официально опубликовано Подтверждение хартий, а 15 апреля дополнительные статьи, известные под названием статута Articuli super carta[81], которые было предписано опубликовать и регулярно зачитывать во всех графствах[82]. Еще ранее, 1 апреля, были назначены 6 комиссий, которые должны были, наконец, провести пересмотр границ королевских лесных заповедников. Взамен всех этих уступок парламент лишь подтвердил свое обещание разрешить королю сбор $^1/_{20}$, как только последнее мероприятие будет проведено в жизнь.

Таким образом, парламент одержал полную победу. Его успех в столкновении с королем был, очевидно, обусловлен двумя причинами: во-первых, финансовой нуждой короля, которую парламент отказывался удовлетворить, пока не будут удовлетворены его просьбы; во-вторых, единодушным выступлением всего парламента, против которого Эдуард I оказался бессилен. В самом деле, хотя роль вождей оппозиции, как и в предшествующие годы, выполняли прелаты и бароны, но несомненно, их поддерживали и представители общин в парламенте и прежде всего рыцари графств и стояв-

[78] Ibidem.
[79] Rishanger. Ibidem, p. 405.
[80] P. W., vol., p. 87.
[81] Statutes, vol. I, p. 136 ets.
[82] Приказ шерифам. Foedera, vol. I, part II, p. 919.

шая за ними фригольдерская верхушка. Это ясно из содержания самих выдвинутых требований [83].

О коалиционном характере действий парламента 1300 г. говорит и то, что если бы представители общин не сочувствовали выступлениям баронов, то Эдуард I, вероятно, сумел бы сыграть на разногласиях между ними, как он и пытался сделать, начав сепаратные переговоры с отдельными магнатами. Его поражение в этом маневре, очевидно, было следствием единодушия в данном случае всех основных элементов парламента. Вот почему этот сравнительно длительный конфликт, продолжавшийся с 6 по 20 марта 1300 г., может рассматриваться как продолжение в новых парламентских условиях политической борьбы, происходившей внутри класса феодалов. Расстановка социальных сил в этом парламентском конфликте была совершенно такой же, как в 1297 г. При формальном лидерстве феодальной аристократии требования коалиции в основном определялись интересами массы господствующего класса и фригольдерской верхушки и лишь отчасти высших слоев городского населения.

Так же как столкновение 1297 г., этот первый «парламентский» конфликт окончился взаимным соглашением внутри господствующего класса, которое временно удовлетворило все стороны.

Такой же характер носили столкновения, происходившие между королем и парламентом в следующем, 1301 г., в которых еще более заметен коалиционный характер оппозиции парламента против королевской политики.

Эдуард I и на этот раз попытался избавиться от некоторых взятых на себя в 1300 г. обязательств. Если он не мог отменить изданный им статут Articuli super carta, который к тому же в общем не противоречил его политической линии (см. ниже), то он всячески стремился сорвать результаты пересмотра лесных границ. Комиссии, созданные для этой цели, продолжали работу в течение всего 1300 г., но королю, очевидно, не нравились результаты их деятельности.

Еще 25 сентября 1300 г. в письме к одному из комиссаров Эдуард I писал, что результаты, к которым пришли комиссии, прежде чем войдут в действие установленные новые границы, должны быть переданы на рассмотрение короля и обсуждены им с магнатами королевства [84]. Целью предполагаемого совещания, как писал король, хотя и в туманных выражениях, было определить, насколько вновь установленные границы со-

---

[83] Об этом см. гл. VIII.
[84] P. W., vol. 1, p. 88.

ответствуют правам короля и его короны. Объясняя, почему он не может обойтись без совета баронов в этом деле, Эдуард I указывал на то, что «они (бароны. — *Е. Г.*) также связаны клятвой, как и мы, в отношении соблюдения и поддержания прав короны и королевства»[85]. Дальше в этом же письме король приводит и другие причины своего желания совещаться с баронами: их заинтересованность в установлении границ и свое желание поскорее провести это дело и с наибольшим успехом. Но, очевидно, главной целью задержки введения в жизнь новых границ было стремление короля освободиться от данного им обещания путем ссылки на то, что предложения комиссии противоречат «правам» короны. Такова была, по-видимому, и скрытая цель созыва Линкольнского парламента 1301 г.

Парламент собрался в Линкольне 21 января 1301 г. и сразу же все его элементы оказались в конфликте с короной. В первый же день королевский советник Рожер Брабазон попросил от имени короля у парламента субсидию $^1/_{15}$ вместо обещанной прежде $^1/_{20}$. Кроме того, он же или кто-то другой передал прелатам и баронам от имени короля любопытный документ под названием: «просьба к прелатам и магнатам от имени господина короля, поданная в парламенте» (billa liberata praelatis et proceribus ex parte domini rege in parliamento).

Этот «билль» касался границ заповедников. Король просил «добрых людей, приехавших на парламент», ознакомиться с результатом работы комиссий и выяснить, каким способом и какими средствами должен быть произведен пересмотр границ заповедников. Далее он призывал их именем «их оммажа и феодальной клятвы, которой они обязаны ему и его короне», высказать свое мнение по поводу того, соответствуют ли выработанные комиссиями планы сокращения заповедников интересам короля, его короны и его народа «и можно ли утвердить эти планы, не нарушая его (короля. — *Е. Г.*) коронационной присяги и не лишая корону ее прав, и чтобы они смело посоветовали бы ему»[86].

---

[85] Ibidem.

[86] Ibidem, p. 104, «Quant a la puralee faire voet li rois q'ele soit monstree as bones gentz qe sunt venutz a ceo parliament. Et qant ils averoit examine et bien entendu coment et en queu manere e par queux moevementz daprises de remembrance et de reisons ele est fait en touz pointz et par tout ensemblement ove les evidences qe li rois entent avoire pour ly, si il voillent sur seo dire sur leur homage, e la foy kil deivent a ly e a la coroune q'ele est bien e loiaument et par suffisantz avisementz et aprises croiables faite et chevauchee pur le Roy pur la couroune et pur le peuple, e q'il le peut affirmer saunz blemir son serment et saunz la corounne desheriteer k'ils l'osent conceiller...».

Король явно рассчитывал на то, что прелаты и бароны, к которым он обращался, сочтут предложенный план сокращения заповедников несовместимым с правами короны и коронационной клятвой короля (son serment). В конце «билля» он обещал без промедления исправить и улучшить по их совету все, что они найдут нужным и наиболее удобным способом. Если же принятый королем путь не понравится им, он изыщет другой, более подходящий способ [87].

Апеллируя к магнатам, Эдуард I, очевидно, рассчитывал сначала склонить их к отказу от сокращения заповедников по плану, предложенному комиссией, а затем уже как-нибудь договориться с общинами, ссылаясь на поддержку магнатов. Однако эти маневры короля не имели успеха. В ответ на требование $^1/_{15}$ в парламенте начался всеобщий ропот «как из-за частых взиманий налогов на движимость, так и из-за несоблюдения и отсрочки выполнения неоднократно подтверждавшейся Старой хартии»,— замечает Ришанжер [88]. Узнав об этом, Эдуард поспешил обещать, как и в 1300 г., что он никогда больше не будет с них требовать денег, если они дадут теперь $^1/_{15}$ [89]. Однако подобные обещания давно уже никому не внушали доверия и не дали никакого результата.

Рассчитывая все же добиться субсидии, Эдуард продлил парламент до начала четыредесятницы, то есть не менее чем до 10 февраля. Однако за это время прелаты и бароны успели окончательно сговориться и, «согласившись на одном», не только вновь потребовали подтверждения Старой хартии со всеми дополнениями и лесной хартии, но приняли, по словам Ришанжера, «вздорное и нескладное решение», потребовав от короля признания за «общиной королевства» права контролировать назначение высших должностных лиц — канцлера, юстициария и казначея [90].

На этом же парламенте Эдуарду I была подана «парламентская» петиция уже не от имени одних прелатов и баронов, как первое требование, но и от представителей общин, как это видно из ее названия — «петиция прелатов и лучших людей королевства, переданная господину королю от имени

---

[87] Ibidem.

[88] W. Rishanger. Annales regis Edwardi Primus. R. S., No. 28, p. 454.

[89] Ibidem.

[90] Ibidem, p. 460. По версии Langetoft'a, бароны просили только сместить казначея королевства, угнетавшего их незаконными поборами, и назначить нового с «общего согласия».

«Li prient en amur celuy remuer,
Et par commun assent un altre ordeyner
Ky puse cel office salvement guyer»,
(Pierr Langetoft. R. S., No. 47, vol. II, p. 328.)

всей общины в Линкольнском парламенте»[91]. Общепарламентский характер этой петиции очевиден также и потому, что подателем ее был не кто-либо из магнатов, а рыцарь Генрих Кейли (Keileygh), представитель одного из графств. Петиция была ответом на упоминавшийся выше запрос короля о возможности проведения сокращения границ заповедников без ущерба короне. От имени «общины королевства» петиционеры в начале этого документа заявляли, «что в отношении двух способов, предложенных им королем (по поводу проведения в жизнь сокращения лесных заповедников. — *Е. Г.*) они не желают ни в коем случае давать ответ и не осмеливаются взять на себя ответственность относительно формы осуществления этих двух способов ввиду опасностей, которые могут от этого произойти»[92]. Этой туманной фразой парламент в целом выразил несогласие с предложением короля рассмотреть представленные комиссией планы сокращения заповедников с точки зрения прав короны, хотя и уклонился от прямого отрицательного ответа. Вместо этого в дальнейших своих статьях петиция выдвинула ряд требований к королю, явно показывающих нежелание парламента согласиться на отмену сокращения заповедников или на какие-либо уступки в этом вопросе.

Ниже (гл. VIII) мы подробно рассмотрим эту первую дошедшую до нас в подлиннике «парламентскую» петицию с точки зрения ее социального содержания. Забегая вперед, отметим, что в ней не было ничего принципиально нового по сравнению с требованиями 1298, 1299, 1300 гг. Все те же просьбы о соблюдении Великой и лесной хартий и о сокращении границ лесных заповедников.

Однако петиция 1301 г. интересна в двух отношениях. Во-первых, тем, что это первый письменный документ парламентской оппозиции, который, очевидно, был составлен совместными усилиями всех групп, представленных в парламенте, и совершенно недвусмысленно стремился навязать королю определенную политическую программу. Это тем более знаменательно, что парламент выступил столь единодушно, вопреки планам и желанию короля, который в вопросе о заповедниках апеллировал только к магнатской части парламента. Во-вторых, тем, что он открыто использует для давления на короля угрозу отказа в субсидии. И в прежних столкновениях парламент и совет магнатов, как мы видели,

---

[91] P. W., vol. I, pp. 104—105 — «Billa praelatorum et procerum regni liberata domino regi ex parte totius communitatis in parliamento Lincolniae».

[92] Ibidem.

стремились часто использовать денежные затруднения короны в своих целях. Но сведения об этом мы можем почерпнуть только из глухих и неясных сообщений хроник, которые не всегда согласуются друг с другом. В заключительных статьях петиции 1301 г. мы видим предельно ясное выражение этой тенденции. «Как только все изложенное будет установлено, утверждено и выполнено, — гласит ст. 9 «билля», — народ этого королевства разрешит ему (королю. — *Е.Г.*) собрать $^1/_{15}$ вместо $^1/_{20}$, обещанной ему ранее [93], в случае, если все указанные требования будут выполнены к ближайшему празднику св. Михаила. Иначе же он ничего не сможет собрать» [94].

В дополнение к этой весьма недвусмысленной угрозе лишить короля обещанной субсидии ст. 10 петиции напоминала королю о событиях 1297 г., когда он не смог собрать обещанную ему субсидию (сначала $^1/_8$, затем $^1/_9$) до тех пор, пока не осуществил требований оппозиции: «И пусть король соблаговолит припомнить субсидию в $^1/_9$ движимости, не так давно разрешенную ему за выполнение таких же требований» [95]. Характерно, что требование о контроле за назначением высших должностных лиц, о котором говорят хроники, в эту петицию включено не было. Скорее всего оно было отвергнуто при составлении петиции представителями общин, которые, как уже отмечалось выше, всегда, и до и после возникновения парламента, весьма подозрительно относились к политическим проектам магнатов.

Встретив столь решительную и единодушную оппозицию, Эдуард I, по-видимому, снова попытался ее расколоть. Магнатам он прочел резкую отповедь, в которой отрицал за кем-либо право вмешиваться в назначение высших сановников королевства [96]. При этом он, однако, прибавил, что если кто-либо из его судей или других чиновников нанес им оскорбление или обиду, чтобы они сообщили ему об этом. «И если эта несправедливость не будет исправлена — тогда можете роптать», — милостиво разрешил он магнатам [97]. При этом, по словам Лан-

[93] Обещание, данное еще в 1300 г., но до 1301 г. не реализованное ввиду того, что король все время откладывал пересмотр границ заповедников.

[94] «Le pueple du reaume ensy que toles les choses suzdiles se facent et seent establement afermez et acompliz, ly granta de $^1/_{15}$ en luy dé $^1/_{20}$ enz ces hours grantée, issint ke tote les choses suzdites entre sy e la Sein Michel prochein suant se facent. Autrement qe rien ne seit levee». (P. W., vol. 1, p. 105).

[95] «E qe il voille aver regard al nevieme done nadgares pour mesmes les choses avoir» (ibidem).

[96] W. Rishanger. Annales regis Edwardi primi. R. S., No. 28, p. 460, а также P. Langetoft. R. S., No. 47, vol. II, p. 330.

[97] W. Rishanger. Ibidem, p. 460.

гетофта, он наотрез отказался подтвердить хартию и произвести сокращение заповедников на том основании, что это ущемляет права короны[98]. Что касается требования магнатов о контроле над назначением высших сановников, то, получив столь резкий отпор от короля, они от контроля немедленно отказались.

Ришанжер объясняет это тем, что они увидели тщетность и нелепость этих требований[99]. Однако столь легкая победа короля в этом вопросе скорее объяснялась тем, что требование о контроле парламента за назначением высших должностных лиц не нашло поддержки у представителей общин. Хотя магнаты требовали это право для всей «общины королевства», на самом деле они, по-видимому, имели в виду сохранить эту привилегию за собой, как и во всех других случаях, когда они выдвигали подобные претензии. Представителям общины это должно было быть ясно.

Что касается второго спорного вопроса — о Подтверждении хартии и проведении пересмотра границ заповедных лесов, — то здесь Эдуарду I не удалось так просто разделаться с оппозицией.

О том, что произошло дальше, подробно сообщает только одна хроника Лангетофта. Согласно ей, Эдуард I снова предложил парламенту обсудить вопрос о возможности провести в жизнь сокращение заповедников и создать для этого комиссию из 26 опытных (discrez) людей в качестве арбитража. В результате долгого обсуждения, которое, по-видимому, велось только прелатами и баронами без участия представителей общин, комиссия, по словам Лангетофта, дала королю следующий твердый ответ: «Государь! Не годится королю или князю нарушать свои обязательства или ставить под вопрос исполнение того, что продано за столь дорогую цену. Было бы лучше для тебя править своим народом милостиво, чем действовать по своему произволу или полагаться на решение тех, кто не является твоими пэрами. Отдай нам то, что ты должен, и мы будем любить и уважать тебя и служить тебе как своему сеньеру и оказывать тебе помощь против твоих врагов»[100].

В этих словах заключался намек на неоднократные нарушения королем своих обязательств, данных взамен субсидий,

[98] P. Langetoft. R. S., No. 47, vol. II, Ibidem, p. 330.
«...La Charte
de frauchises et du puraler
defrount ma corune si jeo
les day graunter...».

[99] P. Rishanger. Op. cit. R. S., No. 28, p. 461; «...Cum videssent magnates postulationes eorum vanas et incompositas extitisse, humiliaverunt se domino regi, veniam postulantes de tanta praesumptione.

[100] P. Langetoft. R. S., No. 47, vol. II, p. 332.

и на то, что он руководствуется дурными советами своих приближенных советников, не являющихся его «пэрами», и обещание денежной и военной помощи в случае, если король образумится.

Однако Эдуард I снова попытался сопротивляться. Он дал отрицательный ответ: «...не пожелал облегчить свой народ за свой счет», — пишет Лангетофт. Парламент же со своей стороны, как было обещано в билле (см. выше), отказал ему в разрешении на сбор какого-либо налога [101].

Но парламент не был распущен, так как король крайне нуждался в деньгах, а собрание продолжало упорствовать. В конечном итоге Эдуард I вынужден был уступить почти по всем спорным вопросам. На полях вышецитированной парламентской петиции какой-то клерк сделал краткие пометки, на какие ее статьи король дал согласие, а какие отверг. Король выразил согласие (оно отмечено на полях словами «Placet expresse» или просто «placet») почти на все требования петиции, касающиеся соблюдения хартий, контроля над их выполнением, проведения сокращения заповедников и даже на те условия гарантии $^1/_{15}$, которые были цитированы нами.

Тем более характерно, что он выразил несогласие с тем пунктом петиции, в котором содержалось требование передать наказание всех нарушителей хартий исключительно в руки специальных чиновников (auditores), которые бы «не вызывали подозрения у прелатов и баронов страны (que ne soient pas suspecions de prelatz contes et barons de la terre...)». Заметка на полях против этого пункта гласит: «Господин король желает изыскать другое средство против этого, но не желает таких аудиторов» [102]. Даже в таком частном вопросе Эдуард I ревниво оберегал свою прерогативу назначать всех высших должностных лиц и, делая уступки в других вопросах, категорически отказался от них в этом случае.

Столь же категорически он отверг последнюю статью петиции в той части, где констатировалось, что прелаты в силу запрещения папы (буллы clericis laicos) не смеют согласиться на гарантию $^1/_{15}$ в пользу короля даже в случае, если он даст согласие на все требования парламента. Против этого места на полях имеется любопытная запись, свидетельствующая о том, что по этому вопросу соглашение не было достигнуто: «Король этого не желает, но община магнатов согласилась на это» [103].

---

[101] Ibidem.

[102] P. W., vol. 1, p. 104: «Dominus rex vult providere aliud remedium super hoc, sed non per tales auditores».

[103] Ibidem: «Non placuit regi sed communitas procerum approbavit».

По всем остальным вопросам соглашение все же было достигнуто. Королю была уступлена $^1/_{15}$ в обмен на обещание нового подтверждения Великой и лесной хартий [104]. 30 января рыцари графств были отпущены по домам, а 14 февраля были еще раз опубликованы вновь подтвержденные хартии [105].

Таким образом, в результате напряженной борьбы, продолжавшейся в общей сложности более трех недель — с 20 января по 14 февраля [106],— король и парламент пришли к соглашению, пойдя взаимно на некоторые уступки. Королю удалось парировать очередную попытку магнатов установить контроль за органами центрального управления, но он вынужден был принять более общие требования парламента, который взамен повысил давно обещанную субсидию с $^1/_{20}$ до $^1/_{15}$. Была создана новая комиссия из 24 рыцарей, которые принесли присягу и должны были вновь разграничить «новые» и «старые» заповедные леса, с тем чтобы те из них, которые были включены в заповедники после первой коронации Генриха II, сейчас же были выделены из заповедной территории [107].

Лангетофт объясняет неожиданную уступку короля после долгого упорства милостью бога, внушившего ему добрые мысли [108]. Ришанжер дает ей более рациональное объяснение — желание короля снискать благодарность своих магнатов. При этом он замечает, что король подтвердил хартии «с ясным взором» и «по собственной воле» (vultu sereno et spontanea promisit voluntate). В действительности же, как это ясно из всего вышеизложенного, Эдуард I принужден был пойти на соглашение под нажимом парламента, все участники которого единодушно выступили против правительства по основным спорным вопросам. Встреча в парламенте дала возможность сговориться прелатам и баронам, а также тем и другим с представителями общин, выработать общие требования и, используя нужду короля в деньгах, принудить его к очередному соглашению.

Однако Эдуард I не считал такое решение окончательным и подчинился ему временно, по необходимости. Он считал вмешательство парламента, и прежде всего представителей общин, в вопрос о лесных заповедниках совершенно неправо-

---

[104] P. Langetoft. R. S., No. 47, p. 332.

[105] W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. II, London, 1875, p. 151.

[106] Хотя рыцари графств и горожане разъехались 30 января, но магнатская часть парламента, по-видимому, не разъезжалась до официального подтверждения хартий. Об этом косвенно свидетельствует указание Ришанжера, что парламент был продлен до начала четыредесятницы.

[107] W. Rishanger. Annales regis Edwardi primi. R. S., No. 28, p. 461.

[108] P. Langetoft. R. S., 47, vol. II, p. 332.

мерным и незаконным. Ведь он обратился с этим вопросом к прелатам и баронам, а они для подкрепления своей позиции апеллировали к общинам. Эдуард I считал это первое политическое выступление общин в парламенте незаконным и подчеркнул это, приказав арестовать подателя парламентского билля ланкаширского рыцаря Генриха Кейли. Интересно, что приказ об аресте был издан только 10 июня 1301 г., то есть через четыре месяца после описанных событий. Очевидно, сразу после столь бурного парламента король не решился этого сделать. Но он не забыл нанесенного ему оскорбления и только отложил месть на несколько месяцев. Арест был мотивирован тем, что Кейли — «тот самый человек, который передал нам петицию (billa) от имени архиепископа Кентерберийского и других [лиц], которые теснили нас недавно на парламенте в Линкольне». Король приказал держать его в тюрьме до тех пор, пока «мы не узнаем, что он раскаялся в своем поступке» [109].

Естественно, что и данные парламенту обещания король тоже рассматривал как насильно ему навязанные и постарался от них избавиться при первом удобном случае. Хотя с 1301 г все время производилось постепенное сокращение заповедников и все новые и новые территории выделялись из их состава, но в 1305 г. Эдуард вдруг издал, без согласия и обсуждения парламента, ордонанс о лесах, целью которого было фактически свести на нет результаты пересмотра границ заповедников.

Этот ордонанс предписывал: 1) «чтобы люди, земли которых оказались вне заповедников в результате этого расследования о лесных границах (perambulatio), исполняли все повинности, как это полагалось прежде, хотя бы эти повинности взимались не на правильных основаниях; 2) чтобы лица, земли которых оказались вне заповедников, не имели права претендовать на пользование общинными угодьями в пределах лесной территории, на тех своих землях, которые остались в лесу. Напротив, те, кто, имея право выделить свои земли из королевских заповедников, добровольно пожелает остаться в их пределах, будут по-прежнему пользоваться здесь общинными угодьями» [110].

Таким образом, формально не отменяя постановления о проведении perambulatio, Эдуард I пытался свести ее результаты на нет, поставив лиц, выделивших свои земли из заповедников, в более невыгодные условия в отношении платежей

---

[109] Письмо казначею от 10 июня 1301 г., опубликованное Стеббсом в «Constitutional history of England», vol. II. London, 1874, p. 151, примечание 1.

[110] Statutes, vol. I, p. 144.

и пользования общинными пастбищами, чем лиц, добровольно оставшихся в пределах заповедной территории.

Не довольствуясь этим, 28 мая 1306 г. Эдуард издал новый ордонанс о лесах, который под прикрытием длинного и проникнутого явной демагогией вступления отменял все лесные мероприятия 1300—1305 гг. Ордонанс освобождал от наказаний за лесные правонарушения, совершенные в то время, когда часть лесов была выделена из заповедника (ст. 5), и предписывал уничтожить все канавы и изгороди, сделанные в этот период (ст. 5). Владельцам этих прежде выделенных участков земли разрешалось продать срубленный уже лес, но запрещалось продавать лес на корню (ст. 5). Ордонанс полностью восстанавливал в прежних границах лесную юрисдикцию и возвращал общинные права землевладельцам, вновь вернувшимся в заповедную территорию [111].

Формальным основанием для отмены лесных мероприятий, с таким трудом вырванных у короля в 1300 и 1301 гг., было полученное Эдуардом I в 1305 г. от папы Климента V разрешение от клятвы в соблюдении подтвержденных хартий. Однако, как справедливо заметил еще Стеббс, Эдуард использовал это разрешение только для нарушения лесной хартии и прекращения сокращения заповедников. Подтверждение Великой хартии он не решился отменить, очевидно, опасаясь сопротивления парламента. Что же касается лесного вопроса, то в 1305 г., когда война в Шотландии временно прекратилась и не было столь острой нужды в деньгах, Эдуард I не побоялся нарушить данные обязательства. Любопытно, что он издал этот ордонанс в промежутке между двумя парламентами — февральским 1305 г. и майским 1306 г. Любопытно также, что последний из этих парламентов никак не реагировал на столь явное нарушение лесной хартии, как будто бы забыв, с каким трудом в 1301 г. он добился проведения ее в жизнь.

Таким образом, победы, одержанные парламентом в столкновениях с королем в 1300 и 1301 гг., имели значение не столько в смысле осуществления отдельных конкретных требований парламента (король сплошь и рядом нарушал данные обещания), сколько в смысле окончательного утверждения практики подачи парламентских петиций. После 1301 г. Эдуард I уже не мог никогда игнорировать «парламентские» петиции или рассматривать их подачу как незаконные действия парламента, как это было еще в 1298 и 1299 гг. Если он затем и не выполнял принятые на себя обязательства, то только вне парламентов, административным путем, используя для этого удобную политическую ситуацию.

---

[111] Ibidem, pp. 148—149.

Утверждение практики подачи коллективных «парламентских» петиций, которая оформилась в процессе упорных столкновений с короной, было вторым успехом парламента, если первым считать утверждение его права разрешать основные виды налогов, которого он добился с 1297 г.

Со временем подача таких «парламентских» петиций превратилась в одну из важнейших функций парламента. Однако, в отличие от участия в разрешении субсидий, которое рассматривалось короной уже в конце XIII в. как законная и наиболее существенная функция парламента, подача коллективных парламентских петиций первоначально не входила в круг дел, намеченных для парламента королевской властью, и развитие этой функции в XIII в. и в значительной мере в первой половине XIV в. происходило как бы «захватным» путем, часто вопреки планам и желаниям правительства. Со времени возникновения парламента и его превращения в постоянно действующее учреждение парламентские петиции и связанные с ними споры, возникавшие между королем и баронами, королем и общинами, или баронами и общинами, превратились в дополнительное средство политической борьбы и соглашений между различными группировками господствующего класса. Столкновения, происходившие в парламентах, являлись продолжением той борьбы, которая прежде разрешалась вооруженными конфликтами, а теперь все чаще и чаще заканчивалась соглашениями после более или менее бурных обсуждений в парламенте.

И, конечно, нельзя считать случайностью тот факт, что только после рассмотренной выше петиции 1301 г. и связанной с ней борьбы в архиве парламента начали появляться первые парламентские петиции уже не только по поводу Подтверждения хартий, но и по ряду других, более частных, повседневных вопросов. Так, в материалах весеннего парламента 1305 г. мы находим сразу несколько таких коллективных «парламентских» петиций, поданных от различных слоев населения, представленных в парламент. Такие петиции могли возникать только в парламенте или во всяком случае во время сессий парламента, когда представители различных графств или съехавшиеся туда прелаты и бароны могли встретиться вместе, обсудить свои общие нужды и оформить их в виде петиции от имени той или иной социальной группы.

На парламенте 1305 г. королю была представлена петиция, которую и по существу и по форме можно назвать «парламентской». Она исходила от всех участников парламента, за исключением прелатов, которые не могли подписать эту петицию, направленную косвенно против папы и поддерживаемых им иностранных монашеских конгрегаций.

Петиция имела целью пресечь финансовые вымогательства главы цистерцианского, клюнийского и других иностранных монашеских орденов по отношению к находящимся в Англии монастырям этих конгрегаций и была подана от имени «эрлов, баронов и общины королевства Англии» [112]. Содержание ее вкратце сводилось к следующему. Петиционеры жаловались на то, что хотя цистерцианские монастыри в Англии первоначально основывались предками короля, эрлов и баронов для всякого рода религиозных целей и, в частности, для поддержания бедных, в настоящее время религия в этих монастырях низко пала благодаря деятельности их верховных аббатов, так что служение богу встречает там постоянные препятствия, а монахи так разорены, что не могут существовать сами. Все это происходит потому, что «верховный аббат цистерцианского ордена, который постоянно облагает поборами свои английские аббатства, требует, чтобы аббаты Англии и Уэльса раз в два года, а аббаты Ирландии и Шотландии раз в три года лично бы являлись к нему и привозили ему указанные приношения и поборы. А если кто-нибудь из этих аббатов (английских монастырей. — *Е. Г.*) не явится или не привезет этих поборов, то верховный аббат уличенного в таком нарушении навсегда отрешает от должности, а приор и помощник приора и все другие должностные лица этого монастыря отрешаются от должности до тех пор, пока требуемая фирма не будет уплачена или лично или через купцов. И общая сумма таких сборов по Англии, Уэльсу, Ирландии и Шотландии в этом году составила 4000 марок» [113].

Кроме того, петиционеры жаловались на то, что по приказанию верховного аббата ордена, вопреки обычному правилу, печать каждого монастыря находится в руках аббата, и капитулы не допускаются к ней. Благодаря этому аббаты самовольно продают имущество своих монастырей и заключают всякого рода сделки без ведома капитулов [114]. В заключение они просили короля принять меры против всех этих злоупотреблений и притом не только в отношении цистерцианского ордена, но и других иностранных монашеских конгрегаций [115].

Петиция эта, как и все устные и письменные петиции 1298—1301 гг., рассмотренные нами выше, затрагивала интересы относительно широких слоев населения. Хотя формально она была направлена только против деятельности иностранных монашеских конгрегаций, но фактически шла гораздо дальше

---

[112] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 313.
[113] Ibidem.
[114] Ibidem.
[115] Ibidem.

и имела своей целью вообще положить предел вымогательствам вселенской церкви и непосредственно папы, который вытягивал из Англии и прямо и через посредство монастырских объединений огромные суммы денег. Папские вымогательства в равной степени раздражали и светских магнатов, и рыцарство, и свободное население графств и городов, так как в форме различных платежей в пользу римской церкви из Англии ежегодно утекали огромные суммы денег, собираемые церковными учреждениями. Эти деньги или часть их во всяком случае могли быть использованы на внутренние нужды феодального государства. Церковные поборы тем более раздражали все слои населения Англии, что после 1296 г. английское духовенство упорно отказывалось участвовать в уплате субсидий королю, ссылаясь на известную буллу Бонифация VIII — clericis laicos, запрещавшую духовенству уплачивать светские налоги без разрешения папы. Отказ духовенства участвовать в субсидиях, естественно, повышал долю участия в них и баронов, и рыцарства, и городов, что вызывало всеобщее возмущение духовенством. Всех раздражало, что, располагая, как сословие, огромными богатствами, духовенство не желало участвовать в содержании феодального государства, защищавшего также и его сословные и классовые интересы.

Будучи, таким образом, выражением интересов различных социальных групп свободного населения Англии, петиция эта, однако, в отличие от петиций 1298—1301 гг., вполне отвечала также и интересам короны и, возможно, была даже инспирирована ею. Король не меньше, если не больше, баронов или рыцарства был заинтересован в том, чтобы монастырские доходы не утекали за границу в форме всякого рода приношений,— в пользу ли монашеских орденов, или поборов в пользу папы,— и чтобы хотя бы какая-то часть их поступала в королевскую казну. Естественно поэтому, что ответ на эту парламентскую петицию был дан самый положительный. После обсуждения в парламенте было принято решение об издании специального статута, запрещавшего на будущее время английским монастырям вывозить деньги за границу, а верховным аббатам этих монастырей требовать с них каких-либо платежей под угрозой конфискации их английских владений [116]. Текст этого решения лег затем в основу Карлейльского статута 1307 г., принятого на Карлейльском парламенте [117]. Этот статут почти дословно повторяет петицию 1305 г.

---

[116] Ibidem.

[117] Статут был опубликован не в 1305 г., а в начале 1307 г. по некоторым дипломатическим соображениям. Незадолго до начала парламента умер папа Бенедикт XI, и с опубликованием статута решено было ждать до начала нового понтификата.

Так в данном случае парламент в целом и король оказались солидарными в борьбе против вселенской католической церкви.

Другая судьба постигла следующую «парламентскую» петицию, поданную в Карлейльском парламенте 1307 г. На этот раз вопрос о вымогательствах вселенской церкви стал в несколько ином аспекте, и после ряда колебаний Эдуард занял позицию, враждебную парламенту, хотя и постарался, как всегда, скрыть это, дав парламенту любезные обещания на этот счет. Петиция, о которой идет речь, была подана королю, как и петиция 1305 г., от имени эрлов, баронов и всей общины страны и была направлена уже прямо и недвусмысленно против вымогательств римской курии, которые, как гласит этот документ, приводят «к ослаблению веры в бога, ухудшению положения церкви в королевстве и к разорению и ущербу короля и его короны и других добрых людей королевства и к нарушению законов страны» [118]. В частности, петиционеры жаловались на то, что римская курия незаконно присвоила себе право патроната и опеки в тех аббатствах, которые были основаны предками короля или магнатами Англии, и что на все должности в этих монастырях, как и на должности епископов, назначаются иностранцы, никогда не жившие в Англии. «И если это будет продолжаться,— гласит далее петиция,— то скоро в Англии не будет ни одной церковной должности, которая не была бы занята иностранцем» [119].

Петиционеры обвиняли папского эмиссара Вильяма Теста в том, что он при разборе дел о завещаниях незаконно требует с душеприказчиков подробного перечисления всех передаваемых наследникам владений; указывали, что клирики захватывают в свою пользу оставшиеся без наследников имущества, вместо того чтобы употреблять их на добрые дела; обвиняли духовных лиц в том, что они по всей стране скупают просроченные долговые обязательства и взыскивают с должников деньги в свою пользу через церковные суды и, вступая в незаконные сделки с кредиторами, вымогают у них часть долга за то, чтобы помочь им взыскать всю сумму. Римской церкви в целом ставилось в вину, что она захватывает в свою пользу светские лены прелатов в ущерб короне и светским лордам — их сеньерам, что все имущество умерших клириков поступает в пользу церкви и ничего не остается для уплаты их кредиторам; в петиции отмечалось, что римская курия получает доходы первого года со всех церквей, лишая священников средств к существованию, что папские эмиссары неправильно

[118] R. P., vol. I, pp. 219—220.
[119] Ibidem, p. 220.

собирают так называемый денарий св. Петра, который раньше налагался на всю страну огулом, а теперь незаконно взимается с определенной земельной единицы, причем количество таких единиц ежегодно увеличивается [120].

Петиция 1307 г. еще ярче, чем петиция 1305 г., отражает процесс формирования в Англии широкой оппозиции против папской курии, которая окончательно сложилась ко второй половине XIV в. Она очень ясно и наглядно указывает на самые разнообразные методы вымогательств, применявшиеся «святыми отцами» и так или иначе затрагивавшие интересы самых различных слоев населения. От них страдали, хотя, конечно, в разной степени, и светские крупные феодалы, терявшие в пользу церкви свои права патроната, опеки над церковными владениями и часть своих светских ленов, и бедные люди, с которых церковники взыскивали просроченные обязательства, и купцы-ростовщики, терявшие деньги, данные ими в долг, или часть их благодаря махинациям клириков, и приходские священники, у которых римская курия отнимала доходы первого года, и все население Англии, вынужденное платить, да еще в повышенном размере денарий св. Петра, наконец, даже английские прелаты, которые устранялись от высших церковных должностей в пользу иностранцев — ставленников папы. При таких обстоятельствах нетрудно поверить тому, что петиция 1307 г. действительно выражала пожелания всех социальных групп, представленных в парламенте, а вероятно, даже и еще более широких кругов.

Тем не менее петиция 1307 г., в отличие от петиции 1305 г., так и не превратилась в статут, натолкнувшись на сопротивление короны. Сначала, правда, король пошел навстречу петиционерам. Папский эмиссар Вильям Теста, в лице которого в тот момент персонифицировались все злоупотребления курии, был вызван на парламент, где «с согласия господина короля и всего совета в указанном парламенте» было принято решение о запрещении вымогательств и злоупотреблений, перечисленных в петиции. Ему и его помощникам было запрещено собирать деньги в пользу курии и вывозить из королевства то, что было уже собрано [121]. В то же время было решено послать коллективное письмо к папе Клименту V, которое действительно было составлено в парламенте. В нем подробно были перечислены все злоупотребления церкви, указанные в петиции, но заканчивалось оно униженной просьбой к папе «своею милостью устранить их» [122].

---

[120] Ibidem.
[121] Ibidem, p. 221.
[122] Ibidem, p. 207.

Однако как только парламент был распущен, Эдуард I резко изменил свою политику. По просьбе папского легата кардинала Петра Сабинского король запретил канцлеру и казначею издавать приказ по принятому в парламенте постановлению и, напротив, разослал всем своим бейлифам письма с приказанием не чинить никаких препятствий Вильяму Теста и его помощникам в отправлении их обязанностей, а особым «открытым письмом» разрешил им беспрепятственно собирать их «доходы первого года (fructus primi anni) со всех церковных бенефициев, **не взирая** на запрещения, принятые в нашем парламенте» [123]. Эмиссарам папы было поставлено только одно условие: чтобы собранные ими деньги не вывозились из Англии в виде английских денег, а переправлялись в Рим при помощи кредитных операций через итальянских купцов [124].

Итак, в данном случае Эдуард I отступил от принятого курса, который как будто бы отвечал и политическим интересам королевской власти. Это «отступление», очевидно, объяснялось тем, что в данный момент королю не хотелось ссориться с новым папой. Одно дело было решительно выступить против руководства цистерцианского или клюнийского монашеских орденов, другое дело — поссориться с самим римским папой. Поставленный лицом к лицу с дилеммой — отказать парламенту или поссориться с папой, Эдуард I принял, как обычно, компромиссное решение. Успокоив общественное мнение временными мерами, он после роспуска парламента отменил принятое ранее, с его собственного согласия, решение и восстановил в правах все махинации папских сборщиков [125].

Рассмотрев достаточно подробно деятельность парламента, связанную с разного рода петициями, можно сделать некоторые общие выводы.

Подача частных петиций, хотя массовый их приток и был связан с сессиями парламента, ни в коей мере не может считаться главной целью его созыва, или одной из специфических функций этого учреждения, как утверждали Мэтланд, Поллард и Паске. Не может считаться сколько-нибудь важной его функцией и разбор этих частных петиций, который производился или лично королем, или в других центральных учреждениях — в канцелярии, казначействе, в различных судебных органах. Подача петиций или дача объяснений по ним

---

[123] Ibidem, p. 222.

[124] Это постановление имело целью помешать утечке английских монет за границу.

[125] Характерно, что когда продолжающиеся вымогательства Вильяма Теста вскоре снова вызвали ропот в стране, Эдуард I специальным приказом от 27 июня 1307 г. снова запретил сбор доходов первого года с церковных бенефициев.

отдельными участниками парламента была лишь побочным и случайным их делом, и отнюдь не определяла основных политических функций парламента в целом.

Гораздо большее место в деятельности парламента занимали коллективные «парламентские» петиции. Как бы ни были они малочисленны и робки по содержанию в изучаемый период, но уже одно их наличие свидетельствует о том, что подача королю такого рода коллективных петиций с начала возникновения парламента являлась одной из обычных его политических функций, свойственных ему, как особому политическому учреждению. Так же как никакой другой орган английского феодального государства не мог заменить парламент в деле разрешения налогов, так же точно ни королевский совет, ни Палата шахматной доски, ни королевская канцелярия никогда не брали на себя роль выразителей «общественного мнения», роль, в которой с самого начала выступал парламент при помощи своих коллективных петиций. Поэтому выступление с такого рода петициями, так же как и участие в разрешении налогов, может считаться одной из самых важных и постоянных политических функций парламента с первых лет его существования.

Как уже было отмечено выше, эта специфическая функция парламента развивалась и укреплялась в упорной мелочной повседневной борьбе с королем, который долго не желал признавать законность «парламентских» петиций и рассматривал их как превышение парламентом его полномочий, предписанных ему королевской властью. И все же уже к концу царствования Эдуарда I право подачи коллективных «парламентских» петиций de facto было признано за парламентом в качестве одной из основных его функций. Такое признание было в конечном итоге неизбежным, ибо парламент, возникший в результате длительной политической борьбы внутри господствующего класса, сразу же стал той ареной, на которой развивалось продолжение этой борьбы. Здесь спорные вопросы решались уже не силой оружия, но путем подачи петиций, которые подкреплялись отказами разрешить королю сбор очередной субсидии, что и вынуждало в конечном итоге короля иногда идти на уступки и фактически признавать практику «парламентских» петиций.

Право парламента подавать коллективные петиции в дальнейшем, в XIV и XV вв., налагало известные ограничения на действия короля и постепенно фактически превратилось в право законодательной инициативы парламента. Однако в изучаемый нами ранний период ограничительная роль «парламентских» петиций не имела большого практического значения. Как было показано выше, петиции увенчивались успехом

только в тех случаях, когда они не шли вразрез с намерениями короны, как это было с петицией 1305 г., легшей в основу Карлейльского статута, или в тех случаях, когда они сопровождались решительным отказом парламента вотировать новую субсидию, как это было в 1300, 1301 гг. Но даже и в этих случаях нужно было упорное и настойчивое повторение одних и тех же требований в течение ряда лет, чтобы сломить упорство короля. Если он не решался отказать парламенту прямо, то пускался на обходные маневры, отделываясь от петиционеров обещаниями, которые затем не приводились в исполнение.

* *
*

§ 3. Прочие политические функции английского парламента

Помимо разрешения налогов и обсуждения и подачи коллективных петиций, парламент уже в конце XIII в. нередко привлекался к выполнению и других политических функций: время от времени он давал санкцию на издание нового закона, или выступал в качестве высшего, наделенного особыми полномочиями суда; иногда ему предлагалось решить тот или иной вопрос внешней политики или во всяком случае высказать свое мнение по этому вопросу. Однако все эти функции в изучаемый нами период еще не превратились в специфические функции парламента как сословного представительства. Наряду с парламентом они выполнялись другими органами феодального государства: советом магнатов, узким королевским советом, различными королевскими судами, казначейством, наконец, лично королем как главой феодального государства. Во всех своих политических функциях, кроме разрешения налогов и подачи коллективных петиций, парламент в конце XIII и начале XIV в. дублировал деятельность всех перечисленных учреждений. Это в равной степени подчеркивает, с одной стороны, неустановленность, неопределенность границ компетенции парламента в изучаемый период, с другой стороны, его тесную и органическую связь со всем аппаратом феодального государства.

Если в деле разрешения налогов и при подаче коллективных петиций парламент вступал иногда в противоречия с королем, то при выполнении им законодательных, судебных и совещательных функций по общеполитическим вопросам на первый план выступала обычно другая сторона его деятельно-

сти — полная безоговорочная поддержка короля по всем наиболее важным вопросам общей политики феодального государства. Это единодушие парламента с королем, граничившее порой с рабской покорностью, и давало повод, например, Полларду рассматривать парламент изучаемой эпохи, как безгласный «привесок» короны, безропотно проводивший в жизнь все ее предначертания.

Уже самое беглое знакомство с законодательством изучаемой эпохи достаточно ясно показывает, что роль парламента как сословно-представительного собрания в издании законов в XIII в. была совершенно ничтожна. Из 35 правительственных постановлений Эдуарда I (содержащихся в издании статутов) только 2 были приняты при участии и с согласия представителей общин, 20 были приняты по просьбе или с согласия магнатов, 13 обсуждались только на узком королевском совете. Ясно, что парламент как целое не только не имел никаких законодательных «прав», но и фактически не принимал сколько-нибудь заметного участия в законодательстве.

В самом деле, оба случая участия парламента в издании новых законов скорее свидетельствуют о полном подчинении парламента воле короля в вопросах законодательства, чем об его сколько-нибудь активной роли в издании этих законов. С согласия полного парламента были приняты I Вестминстерский статут 1275 г. [126] и Карлейльский статут 1307 г. [127]. Хотя эти статуты совершенно различны по своим целям и задачам (первый касается внутренних судебно-административных вопросов, второй скорее затрагивает вопросы церковной и внешней политики английского феодального государства), но по ряду причин и в первом и во втором случае король был особенно заинтересован в том, чтобы придать своим постановлениям особенно торжественный характер, скрепить их поддержкой общественного мнения, выразителем которого до известной степени и являлся парламент.

В 1275 г. это стремление короля было продиктовано, очевидно, тем, что подготовленный им на основании расследова-

---

[126] Вводная часть к статуту гласит: «Вот статуты короля Эдуарда, сына короля Генриха, принятые в Вестминстере на его первом общем парламенте, после его коронации в первый понедельник после пасхи третьего года его царствования, **его советом** и с согласия архиепископов, эрлов, баронов и общины (de la Communauté), приглашенных туда» (Statutes, vol. I, p. 26).

[127] Вводная часть к статуту гласит: «Король по совету эрлов, баронов, магнатов, лучших людей и прочих знатных и общины своего королевства, на своем парламенте в Вестминстере, в воскресенье, ближайшее после праздника св. Михаила, на 35-й год своего царствования, приказал и постановил...» (Statutes, vol. I, p. 26).

ния 1274 г. статут был первым законом его царствования, который должен был упорядочить и вновь упрочить систему суда и администрации, расшатанную во время гражданской войны, указать место феодальной аристократии в государственном управлении и наметить основные линии последующей внутренней политики короля. Только что вернувшись в Англию после долгого отсутствия и стремясь снискать популярность себе и своей политике в более или менее широких кругах населения, Эдуард I, очевидно, счел полезным для будущего успеха своего нового закона получить санкцию на его издание от всех тех социальных слоев, которые были представлены в парламенте 1275 г. Очевидно, к этому его отчасти толкнуло и содержание самого статута, в ряде своих статей явно направленного против политических привилегий и притязаний феодальной аристократии. Опасаясь, быть может, протестов с ее стороны, Эдуард I, используя опыт «баронской войны» и Симона де Монфора, обратился за санкцией на издание этого статута не только к прелатам и баронам, но и к представителям общин. Возможно, что некоторую роль в этом обращении сыграло и то, что, ожидая от представителей общин согласия на новое повышение пошлины на шерсть и кожу (см. выше), Эдуард I рассчитывал легче склонить их к этому, обратившись к ним за советом по поводу нового статута.

В дальнейшем не менее важные постановления, как II Вестминстерский статут, Винчестерский и Глостерский статуты, принимались без участия полного парламента, что никогда не вызывало никаких протестов ни с чьей стороны. Но вот Карлейльский статут 1307 г. снова оказался санкционированным парламентом. Более того, в этом случае инициатива издания статута исходила формально не от короля, а от парламента, который еще в петиции 1305 г., рассмотренной выше, просил короля изыскать средства против вымогательств иностранных монашеских конгрегаций. Таким образом, в этом случае законодательная инициатива исходила от парламента. Однако ряд обстоятельств издания этого статута наводит на мысль о том, что, в сущности говоря, и петиция и статут были инспирированы королем, который в этом важном акте, косвенно направленном против самой римской курии, хотел опереться на решение парламента — на авторитет «всенародного» волеизъявления.

С другой стороны, ни один из многочисленных законов, изданных Эдуардом I, не встречал никаких возражений со стороны парламента в целом или отдельных его групп. Все это убедительно показывает, что парламент с представительством общин, как единое целое, фактически был устранен от законодательства в изучаемый период и использовался коро-

лем только в тех случаях, когда он хотел придать своим постановлениям характер «всенародного» волеизъявления и тем самым обеспечить им большую популярность и авторитет.

Иную роль в законодательстве эпохи играли представители феодальной аристократии в качестве магнатской части парламента или самостоятельного органа — совета магнатов. Все наиболее важные законы Эдуарда I, характеризующие основные направления его политики и прочно вошедшие в фонд английского феодального общего права, были приняты им с согласия или даже по просьбе и требованиям прелатов и баронов [128]. Последние не только пассивно санкционировали те законы, которые предлагались им королем, но и нередко сами высказывали свои пожелания, а иногда прямо требовали издания нужных им законов.

В тех случаях, когда пожелания магнатов совпадали с интересами короны, как это было в случае со статутом Quia emptores, вопрос решался очень легко и ко всеобщему удовольствию. В тех же случаях, когда законодательная инициатива, исходившая от магнатов, наталкивалась на сопротивление короны, происходили столкновения, которые нередко решались в пользу магнатов. Так было, например, с постановлением об изгнании евреев. Эдуард I не очень спешил с его принятием, так как ему не хотелось лишиться важного источника доходов, каким являлись для него ростовщические и торговые операции еврейских купцов и банкиров. Поэтому он долго затягивал принятие решения и торговался с парламентом, а затем с магнатами об условиях, на которых он может пойти на эту меру. В результате этих длительных переговоров было достигнуто соглашение, по которому за изгнание евреев из Англии

[128] На совете магнатов обсуждался и был принят Глостерский статут 1278 г. (Statutes, vol. I, p. 45 etc.) и статут о мертвой руке 1279 г. (Statutes, vol. I, p. 51), Уэльсский статут 1284 г. (Statutes vol. I, p. 55 etc.), распространявший на только что завоеванный в это время Уэльс действие английского общего права и английскую административную систему. На собрании магнатов весной 1285 г. был принят II Вестминстерский статут (Statutes, vol. I, p. 71 etc.), а осенью того же года на совете магнатов был принят Винчестерский статут (Statutes, vol. I, p. 96 etc.). Под давлением магнатов и по их настойчивой просьбе в 1290 г. было принято Эдуардом I постановление об изгнании евреев (Th. Wykes. Chronicon. R. S. No. 36, vol. IV. London, 1869, p. 326). По настоянию магнатов королевства на собрании магнатов в 1290 г. был принят и статут Quia emptores, в издании которого, как указывалось выше, в равной мере были заинтересованы и король и крупнейшие землевладельцы Англии (Statutes, vol. I, p. 106). С «общего согласия прелатов, эрлов и баронов» был принят в 1299 г. на совете магнатов «Статут о фальшивой монете», запрещавший употребление в Англии неполноценных, иностранных монет (Statutes, vol. I, p. 131). Выше подробно рассматривалась борьба, приведшая к изданию статута Articuli super carta, 1300 г., инициатива издания которого исходила отнюдь не от короля, а от магнатов и отчасти представителей общин.

королю было обещано разрешение на сбор субсидий — $^1/_{15}$ движимых имуществ. Это видно из того, что субсидия была разрешена парламентом, собравшимся в июле 1290 г., а постановление об изгнании евреев было принято позднее на совете магнатов в сентябре — октябре 1290 г. Хроникер Th. Wykes по этому поводу пишет, что «хотя доходам королевского фиска изгнание евреев нанесло некоторый ущерб, но король гораздо бóльшее вознаграждение получил с королевства в виде достойной сожаления $^1/_{15}$, которую он собрал с католиков: так за врагов христовых были безжалостно наказаны католики» [129]. Еще более ясно связь между сбором $^1/_{15}$ и изгнанием евреев подчеркнута Ришанжером, который прямо пишет: «На этом же парламенте (июля 1290 г.— *Е. Г.*) за изгнание евреев королю была уступлена народом $^1/_{15}$ часть движимости» [130].

Так в этом случае магнатам, которых в данном вопросе, несомненно, поддерживали и горожане и рыцарство, враждебно настроенные по отношению к ростовщическим и торговым операциям евреев, удалось добиться издания этого постановления. Удалось им настоять на своих требованиях и в 1300 г., когда дело, как мы видели, не обошлось без серьезной борьбы. Однако такие случаи столкновений между королем и советом магнатов на почве законодательства были очень редки. В большинстве случаев между ними существовало полное единодушие. Магнаты, так же как и парламент в целом, не опротестовали ни один закон, предложенный королем. Характерно, что даже Глостерский статут, резко направленный против феодальных иммунитетов, был принят советом магнатов без всяких возражений. Не вызывали их и многочисленные статьи I и II Вестминстерских статутов, преследовавшие те же цели. Предлагая совету магнатов обсудить тот или иной предполагаемый закон, Эдуард I мог быть почти уверен в том, что он не встретит препятствий. В то же время санкция совета магнатов сообщала вновь принятому закону дополнительную силу, скрепляла его согласием наиболее влиятельных и могущественных людей страны. Именно этим и объяснялось то, что все самые важные свои постановления Эдуард I обычно принимал на совете магнатов.

Но в то же время король имел полную возможность обходиться и без парламента и без совета магнатов при издании новых законов. Обращаясь к тому или другому, он лишь делал то, что казалось ему более удобным и выгодным. Вообще законы, принятые королевским советом без согласия парла-

[129] Th. Wykes. Chronicon. R. S., No. 36, vol. II, p. 327.
[130] Rishanger. Chronica et Annales. R. S., No. 28, p. 118.

мента или совета магнатов, имели в XIII — начале XIV в. формально такую же силу, как и принятые с их согласия. Выше было указано, что 13 постановлений Эдуарда I из 35 были приняты именно таким образом. Правда, как правило, это были менее существенные постановления, имевшие большей частью административный характер, дополнявшие и разъяснявшие ранее изданные законы. Но самый факт издания этих законов показывает, что, в сущности говоря, король абсолютно не был ограничен в области законодательства ни парламентом, ни даже советом магнатов [131]. В большинстве случаев участие и того и другого в законодательстве сводилось к совещательным функциям и выражению согласия на тот или иной закон, предложенный им королем. Это нашло выражение и в обычной для всех законов этой эпохи формулировке, которая неизменно указывает на то, что «король постановил», «король уступил, разрешил и постановил», или «мы предписываем, постановляем и приказываем».

Эта категорическая, личная форма присутствует как в постановлениях, принятых королевским советом, так и в тех законах, которые принимались «с согласия графов, баронов и общины страны» или «с согласия прелатов, эрлов, баронов и прочих верных нашего королевства».

Все приведенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что ни парламент в целом, ни магнатская его часть не играли в конце XIII и начале XIV в. решающей самостоятельной роли в законодательстве. Они привлекались к изданию законов в качестве совещательных органов, да и то только тогда, когда королю по особым причинам желательно было скрепить тот или иной закон «всенародным» волеизъявлением парламента или санкцией наиболее влиятельного социального слоя страны — представителей феодальной аристократии. При обычных обстоятельствах законодательная инициатива исходила только от короля и его совета [132].

---

[131] В этом разделении законов на более важные, которые принимались с согласия парламента и совета магнатов, и менее существенные, утверждавшиеся на узком королевском совете, можно видеть начало того различия между статутами и ордонансами, которое в более рельефной форме выступает в конце XIV в.

Как известно, статутами в XIV в. назывались постановления, принятые по инициативе и с согласия парламента, а ордонансами — законы, изданные лично королем.

[132] Это, конечно, вовсе не значит, что законодательство Эдуарда I «висело в воздухе» и не было связано с классовыми интересами феодалов. Напротив, как мы старались показать выше, вся политика этого короля и, в частности, его законодательство как нельзя более ярко выражала насущные нужды и интересы различных группировок класса феодалов и феодального государства. В этом отношении Эдуард I был чутким регистратором всех изменений, происходивших в социально-политической жизни Англии.

Все это убеждает нас в том, что, во-первых, законодательство нельзя считать особой специфической функцией парламента, а во-вторых, что в области законодательства парламент в первые десятилетия своего существования не мог налагать никаких ограничений на политику королевской власти. Скорее, напротив, в парламенте и в его магнатской группе, выступала ли она как часть парламента или как отдельный совет магнатов, король всегда находил поддержку своим законодательным мероприятиям. Санкция парламента или совета магнатов могла лишь придать им дополнительный вес как внутри страны, так и вне ее пределов.

Столь же скромная, несамостоятельная и даже подчиненная роль отводилась парламенту в целом и в области судебной. Дошедшие до нас протоколы судебных разбирательств, сохранившиеся в Парламентских свитках, показывают, что в большинстве случаев собрания, в которых происходили эти разбирательства, не могут быть названы парламентами в принятом нами смысле слова. Из 11 собраний, от которых сохранились такие протоколы, только четыре (весенний парламент 1300 г., осенний 1302 г., весенний 1305 г. и Карлейльский 1307 г.) были парламентами с представительством от общин. Остальные являлись собраниями магнатов совместно с королевским советом [133], а в некоторых случаях узкими заседаниями королевского совета.

Текст самих протоколов убеждает, что в большинстве случаев судебные дела рассматривались не на собрании магнатов, а именно на заседании королевского совета, и решения, принятые по ним, фиксировали личную волю короля и его совета [134]. (Лишь отдельные из дошедших до нас протоколов содержат указания на то, что дело рассматривалось на совете магнатов. Но об этих случаях мы скажем ниже.) Об этом же свидетельствует и тот факт, что в источниках XII в. суд «парламента» выступает как высшая апелляционная инстан-

---

Материалом для его законов служили различные судебно-административные расследования, петиции, материалы судебных процессов по гражданским делам, происходившим в королевских судах. Однако эти социальные влияния в изучаемую эпоху редко концентрировались в парламенте, который еще не стал подлинным выразителем общественного мнения господствующего класса в силу своей неоформленности, неопределенности своих функций и пассивности своей позиции по отношению к короне. В изучаемый период, как мы видели, только закладывались основы будущих политических полномочий парламента и в области налогообложения, и в деле подачи парламентских петиций, и в вопросах законодательства.

[133] В январе 1290 г., сентябре — октябре 1290 г., январе 1292 г., декабре 1293 г., в июле 1294 г., в августе 1295 г., в июле 1302 г.

[134] R. P., vol. I, pp. 24—25 — разбор дела Джона де Уолес на парламенте 1290; Ibidem, vol. I, p. 81 — разбор дела Теобальда де Вердун в 1291 г.; Ibidem, p. 93 — разбор дела графа Серри в 1293 г.

ция, в компетенцию которой, в частности, входит исключительное право выдачи новых беспрецедентных приказов о возбуждении исков. Это последнее право было признано за парламентом уже II Вестминстерским статутом 1285 г., в 24 ст. которого мы читаем: «И вообще, когда впредь случится у канцлера, что в одном случае имеется готовая форма приказа, а в другом аналогичном случае, подпадающем под действие того же закона и требующем таких же средств, нет готовой формы приказа, то клерки канцелярии должны договориться о том, чтобы составить текст приказа или дать истцу отсрочку до ближайшего парламента и записать дела, по которым они не могли сговориться, и доложить их в ближайшем парламенте, и с согласия законоведов должен быть изготовлен новый приказ» [135].

Следовательно, судебная деятельность «парламента» рассматривалась в конце XIII в. в связи с деятельностью сравнительно узкого круга законоведов,— очевидно, судей и советников короля, которые считались высшими экспертами в области права, а поэтому и выступали как высшая апелляционная инстанция в королевстве. Едва ли вопрос о выработке новых форм приказов мог обсуждаться на широком совещании магнатов или на полном парламенте, далеко не все члены которых могли быть компетентными в вопросах права. Да и сам характер судебных дел, разбиравшихся в «парламенте», подчеркивал чисто бюрократический характер этого суда, ничего общего не имевшего с представительным собранием, или даже с советом магнатов в качестве суда пэров.

Суд пэров предполагал в первую очередь рассмотрение таких дел, которые непосредственно были связаны с интересами и судьбой представителей феодальной аристократии [136]. Суд пэров, как это было позднее в XIV в., должен был прежде всего быть гарантией против судебного произвола короны и ее судебных органов по отношению к прелатам и баронам. Между тем судебные дела, поступавшие на рассмотрение «парламента», скорее восходят к компетенции обычного королевского чиновничьего суда. Они делятся на четыре основные группы: 1) иски, затрагивавшие владельческие права короны (конфликты из-за наследования земли, выморочных имуществ, права патроната, опеки и т. д.), возникавшие меж-

[135] Statutes, vol. I, p. 84. Цит. по русскому переводу, данному мною в изд. Вестминстерские статуты. М., 1948, стр. 66.

[136] Достаточно вспомнить Judicium parium 39 статьи Великой хартии, которая прежде всего имела в виду защиту судебных привилегий английской феодальной аристократии от посягательств чиновничьего королевского суда.

ду королем и крупными феодалами; 2) апелляции на решения других низших судебных инстанций; 3) дела по обвинению в оскорблении короля, нарушении прав короны или королевского мира; 4) наконец, те дела, которые не имели прецедентов в предшествующей судебной практике и требовали новых разъяснений к существующим законам, то есть именно те случаи, которых касается вышеприведенное постановление II Вестминстерского статута [137].

Таким образом, «парламенты», на которых разбирались судебные дела, очевидно, не являлись парламентами в нашем понимании этого слова, и их нельзя даже считать советами магнатов. Это были главным образом заседания узкого королевского совета.

Вопрос о судебных функциях парламента, а в значительной мере совета магнатов, в XIII в. в сущности является плодом недоразумений и неоднократно отмечавшейся путаницы в терминологии (см. выше стр. 333). В этом вопросе в целом можно признать правильной точку зрения Мэтланда, который считал, что парламент, фигурирующий как судебная инстанция в Парламентских свитках и других источниках того времени, это не парламент в смысле сословного представительства и даже не совет магнатов, а новый, только еще формировавшийся в конце XIII в. судебный орган, стоявший над судом Королевской скамьи, который являлся прежде самой высокой в стране судебной инстанцией. Этот новый высший суд отличался от других королевских судов тем, что он должен был происходить в присутствии короля «coram rege». Можно согласиться с Мэтландом и в том, что этот новый суд представлял собой не что иное, как судебные заседания узкого королевского совета, который, как мы видели, в конце XIII в. иногда также назывался «парламентом» [138].

Мэтланд, однако, ошибается, когда на этом основании утверждает, что парламент в этот ранний период не имел никакого самостоятельного значения, группируясь, как вокруг своего ядра, вокруг этого узкого королевского совета. То обстоятельство, что парламент с представительством от общин не являлся судебным органом, вовсе не доказывает еще, что

---

[137] Характерен в этом отношении случай с делом некоего Вильяма Ботилье, возбудившего иск против Вальтера Хоптона, с которым ранее судился его недавно умерший брат. Между судьями суда скамьи возник спор. Одни считали, что Вильям Ботилье как несовершеннолетний не имел права возбуждать иск, другие настаивали на том, что он имеет это право и должен получить breve le transgressione. Дело было передано для окончательного решения в «парламент», где оно и было решено в пользу истца (R. P., vol. I, p. 79).

[138] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98. London, 1893, Introduction, p. LXXX etc.

он не имел никакого самостоятельного значения, являясь лишь придатком короны и ее узкого совета, который располагал весьма широкими судебными правами. Парламент, как мы видели, имел другие, только ему присущие функции.

Однако бывали отдельные случаи, когда король в силу особо важных для него обстоятельств привлекал парламент в целом, и особенно прелатов и баронов, к отдельным судебным разбирательствам, имевшим какое-либо общеполитическое значение. Такие случаи очень малочисленны в нашем материале, но в то же время они очень интересны и показательны для характеристики взаимоотношений между королем и парламентом в изучаемый период, поэтому мы рассмотрим их подробнее.

Единственным примером судебного процесса, к участию в котором по политическим мотивам был привлечен весь парламент, включая представителей от общин, является торжественный суд, организованный Эдуардом I в 1283 г. над Давидом — князем Уэльсским, который после неудачного уэльсского восстания этого года, оказался пленником английского короля. Для того чтобы осудить на смерть Давида, последнего отпрыска уэльсского княжеского дома, бывшего помехой к захвату Уэльса Англией, Эдуард I специально собрал в октябре 1283 г. парламент в Шрузбери, на который пригласил не только магнатов, но и представителей графств и городов. В пригласительном письме, разосланном прелатам и баронам по этому поводу, Эдуард I выдвигал суд над Давидом как единственную причину созыва парламента и не пожалел красок на описание обид и оскорблений, нанесенных якобы ему Давидом и уэльсцами вообще. Вместо обычного сухого официального приглашения на парламент мы находим здесь исполненные пафоса жалобы на уэльсцев, которые изображаются как волки, напавшие на невинную овечку—английского короля [139].

Высокопарный слог приглашений и самый созыв полного парламента для суда над князем Уэльса преследовали, несомненно, вполне определенную политическую цель — продемонстрировать законность притязаний Эдуарда I на захват Уэльса и санкционировать этот захват решением парламента. Расправиться с Давидом и даже казнить его как нарушителя феодальной клятвы и оммажа, как своего неверного вассала Эдуард I мог бы и не прибегая к решению парламента. Но Эдуард I не собирался ограничиваться наказанием Давида. Он хотел использовать этот случай для окончательного захвата Уэльса, который подготовлялся им с момента вступле-

[139] P. W., vol. I, p. 10.

ния на английский престол [140]. Однако он хотел придать этому захвату видимость законности в глазах самих уэльсцев, а также внешнего мира — папы, французского короля, с которым ему приходилось считаться. Для этого ему необходимо было получить прежде всего законную санкцию парламента на казнь Давида Уэльсского. Такая санкция должна была превратить казнь из акта королевского произвола в акт «всенародного» волеизъявления и тем самым обеспечить и «законный» захват Уэльса как конфискованного, выморочного имущества неверного вассала. Другими словами, Эдуард I хотел разделить ответственность за казнь уэльсского князя и захват его владений не только с магнатами, но и с представителями графств и городов [141].

Трудно сказать, какую роль фактически играли магнаты и «общины» в этом «политическом процессе» XIII в. Скорее всего от первых требовалось лишь принципиальное решение судьбы пленного врага, вторые же просто присутствовали на этом судилище и, может быть, давали кое-какие свидетельские показания. Но судил Давида Уэльсского, по-видимому, специально назначенный трибунал, заседавший, вероятно, в присутствии парламента. Так по крайней мере говорит об этом Ришанжер: «После праздника св. Михаила в Шрузбери заседал парламент, на котором Давид был осужден **специально назначенными для этого судьями и повешен**» [142]. Под специально назначенными судьями едва ли можно понимать здесь совет магнатов или, тем более, полный состав парламента.

Так или иначе, Эдуард I беспрепятственно добился того, к чему он стремился. Последний князь Уэльса был торжест-

---

[140] Уже в период 1274—1277 гг. между Эдуардом I и князем Уэльса Левелином разыгрался длительный конфликт по поводу упорного отказа уэльсского князя принести оммаж и феодальную клятву английскому королю. Эдуард I пять раз посылал Левелину приказ явиться в Англию для принесения оммажа, стремясь, таким образом, подчинить Уэльс своему верховному влиянию, и в конце концов в 1276 г. начал войну против Уэльса, которая окончилась частичной победой. В 1277 г. побежденный Левелин принес оммаж, обязался уплатить контрибуцию 50 000 ф. и уступить Англии четыре пограничных графства. Однако эта полупобеда не удовлетворила полностью агрессивных планов Эдуарда I. Он ждал только нового случая для того, чтобы полностью аннексировать Уэльс, который и представился в 1283 г. Левелин поднял восстание, нашедшее поддержку уэльсцев, населявших пограничные территории — марки и терпевших от притеснений английских феодалов-завоевателей. Во время начавшейся затем войны Левелин был разбит и убит, а Давид попал в руки Эдуарда I.

[141] Факт приглашения на парламент для суда над Давидом также представителей общин свидетельствует о том, что это отнюдь не был для Давида «суд пэров», в позднейшем значении этого понятия.

[142] W. Rishanger. Chronica et Annales. R. S. No. 28, p. 104.

венно осужден на полном парламенте и казнен в Шрузбери. Его голова, отсеченная от тела, была передана лондонским депутатам на парламенте, доставившим ее в Лондон, где она была выставлена для всеобщего обозрения на Лондонском мосту. Уэльс был навсегда захвачен Англией.

Так Эдуард I апеллировал к парламенту, ища его поддержку, и получил ее в одном из важнейших своих внешнеполитических мероприятий. Эта поддержка, несомненно, была обусловлена прежде всего тем, что широкие слои английских феодалов, как феодальная верхушка, так мелкопоместные и средние феодалы, были непосредственно заинтересованы в захвате Уэльса, неизменно поддерживали короля в его войнах с Уэльсом, и многие из них рассчитывали на получение новых земельных владений, населенных зависимыми крестьянами во вновь захваченных областях. Поэтому король был заранее уверен в том, что он найдет полную поддержку у парламента и не встретит в нем никакого противоречия.

Однако в то же время этот случай очень убедительно показывает, что «судебные полномочия» парламента носили экстраординарный характер и всецело зависели от воли короля. Само собой понятно, что этот единственный случай, когда парламент в полном составе использовался как место судебного разбирательства, никак не может служить доказательством наличия у него судебных полномочий.

Несколько чаще привлекались к решению судебных дел магнаты в совете магнатов. Очень характерен в этом отношении процесс, возбужденный епископом Даремским, в 1293 г. против архиепископа Йорского по обвинению в том, что в то время, как он (епископ Даремский) находился в войске короля, архиепископ незаконно отлучил его от церкви за то, что по приказу епископа были арестованы прибывшие в Дарем служители архиепископа. Разбирательство по этому делу происходило в декабре 1293 г., по-видимому, на собрании магнатов вместе с королевским советом, как явствует из текста принятого по этому делу решения, которое гласит: «...эрлами, баронами, судьями и всеми прочими членами совета господина короля единодушно решено, что вышеупомянутый архиепископ должен быть заключен в тюрьму за вышеупомянутое оскорбление и правонарушение» [143].

Таким образом, как будто бы частный спор между двумя крупнейшими и влиятельнейшими прелатами Англии был предложен рассмотрению совета магнатов, а не обычного королевского суда. Причину этого надо искать вовсе не в том, что

[143] R. P., vol. I, p. 104.

разбирательство этого спора подлежало суду пэров этих прелатов, как может показаться с первого взгляда, но в том, что сам король в данном случае занял позицию заинтересованного лица и выступил в качестве истца против архиепископа Йорского. Отлучение от церкви своего ближайшего советника и вассала епископа Даремского король воспринял как пренебрежение к правам и достоинству короны и не только поддержал иск епископа, но и выступил главным обвинителем по нему. Как гласит протокол этого судебного разбирательства, отлучение от церкви епископа Даремского было совершено архиепископом «к оскорблению короля и его короны и к ущербу для его достоинств и против уважения, должного господину королю в таких случаях... Вследствие чего король не желает пропускать безнаказанно и сносить подобное нанесенное ему оскорбление и неуважение...» [144].

Стремление опереться на решение совета магнатов побудило Эдуарда I передать на его рассмотрение также иск некоего шотландского барона Макдульфа против короля Шотландии Джона Бальёля. Дело это разбиралось в 1293 г., через два года после избрания Джона Бальёля королем Шотландии, при поддержке Эдуарда I. Спор шел по поводу одного манора в Шотландии и, казалось бы, вовсе не требовал такого торжественного разбирательства. Но для Эдуарда I разбор и вынесение приговора по этому делу было вопросом принципа, ибо Джон Бальёль упорно отказывался явиться на суд в Англию весной 1293 г., а затем, когда, наконец, явился после праздника св. Михаила, то заявил, «что он сам является королем Шотландии и не решается отвечать по делу вышеупомянутого Мокдульфа, ни по какому-либо другому делу, касающемуся его королевства без совета лучших людей своего королевства» [145].

Эдуард усмотрел в этой ссылке на совет шотландских магнатов попытку шотландского короля ускользнуть от верховной юрисдикции английского короля, своего сюзерена, и тем самым ущемление своих верховных прав на Шотландию. В ответ на претензию Джона Бальёля королевский представитель в суде ответил от имени короля, что «король Шотландии является его вассалом (английского короля.—*Е. Г.*) по указанному королевству Шотландии, за которое приносит ему оммаж и феодальную клятву» [146], и, следовательно, дол-

[144] «...in regis contemptum et coronae Regie et dignitatis lesionem et contra reverentiam Regis in hac parte debitam... Propter quod idem Rex tantum contemptum et tantum irreverentiam sibi transire impunitam sustinere non volens...» etc. R. P., vol. I, p. 102.

[145] Ibidem, p. 113.

[146] Ibidem.

жен отвечать в суде английского короля как в верховной инстанции.

Таким образом, Эдуард I заботился вовсе не о защите прав Макдульфа, а об утверждении своих верховных судебных прав по отношению к Шотландии. Естественно, что в этом важном политическом деле, которое должно было послужить прецендентом на будущее в пользу или против верховных прав английского короля, он апеллировал к более широкому судебному собранию, чем обычный суд, и хотел заручиться поддержкой своих магнатов. Как и во всех предыдущих случаях, постановление магнатов было в пользу короля. Как сообщает протокол, «после тщательного обсуждения и совещания с архиепископами, епископами, эрлами, баронами, казначеем и баронами Палаты шахматной доски, судьями и прочими светскими и духовными членами королевского совета, тогда присутствовавшими, было решено, что расследование по основному иску сохраняется за господином королем и что указанный король Шотландии остался неоправданным перед Макдульфом» [147].

Исходя из этого решения и опираясь на него, суд постановил, что Джон Бальёль должен возместить Макдульфу все причиненные ему убытки, уплатить штраф королю и что дальнейшее расследование этого дела будет производиться королем. В наказание же за «неподчинение» и «оскорбление» господина короля совет магнатов постановил взять в руку короля (Эдуарда I. — *Е. Г.*) три его главных замка в Шотландии вместе с городами, в которых они находятся, и не возвращать их Джону Бальёлю до тех пор, пока он не удовлетворит Эдуарда I за причиненное оскорбление и неповиновение [148].

Такой же ярко выраженный политический характер носил процесс, происходивший на парламенте 1305 г. по иску самого Эдуарда I против некоего королевского вассала Николая Сергрев. Эдуард I обвинял Сергрева в государственной измене по следующим мотивам: «Находясь в войске короля в Шотландии, Николай Сергрев поссорился с другим рыцарем, тоже вассалом короля, Джоном Крэмбуэллом, и вызвал его на поединок. Джон принял этот вызов, однако заявил, что необходимо получить разрешение на дуэль в королевской курии». Вместо того чтобы дождаться этого разрешения и апеллировать к Эдуарду I, Николай Сергрев покинул войско и вызвал своего противника на суд в курию французского короля, как гласит обвинение, «подчиняя тем самым высшую

---

[147] Ibidem.
[148] Ibidem.

власть короля и королевства Англии власти короля Франции» [149].

Такой поступок своего вассала Эдуард I рассматривал не только как нарушение им вассальных обязательств, но и как прямую государственную измену, тем более, что он всегда особенно остро реагировал на всякое напоминание о своих ленных отношениях к французскому королю. Для того чтобы подчеркнуть важность преступления Сергрева и пресечь на будущее время подобные поступки, он постарался предать этот процесс гласности и подкрепить свое решение по этому делу авторитетом полномочного собрания, во всяком случае включавшего в свой состав магнатскую часть парламента. Как и во всех выше рассмотренных случаях, им руководило не столько стремление апеллировать к пэрам обвиняемого, сколько желание заклеймить его проступок решением максимально авторитетного собрания и создать видимость, что наказание вынесено не по произволу короля, а с согласия наиболее влиятельных лиц в королевстве. Сергрев поэтому был судим «в полномочном парламенте (im pleno parliamento) в присутствии самого короля, архиепископа Кентерберийского и многих епископов, эрлов, баронов и членов королевского совета» [150], уличен в предъявленном ему обвинении и посажен в тюрьму. Однако окончательно его судьба не была решена, дело было отложено, и Эдуард I обратился с настойчивой просьбой ко всем участникам этого судилища, «чтобы они на основании оммажа, клятвы верности и вассальных обязательств по отношению к королю (ligiantia) тщательно и верно обсудили, какое наказание полагается в таком случае» [151]. Посовещавшись, магнаты вынесли Сергреву смертный приговор, которого и добивался Эдуард I.

Во всех этих случаях инициатива постановки судебных дел на советах магнатов или на парламенте (суд над Давидом Уэльсским) исходила, по-видимому, от короля и диктовалась прежде всего его стремлением придать авторитетную законную санкцию тому или иному важному для него решению. В тех случаях, когда король не был в этом заинтересован, он даже самые важные судебные дела предпочитал разбирать на узком заседании королевского совета, не привлекая к этому разбирательству широкие круги магнатов.

Характерным примером в этом отношении является уже описанный выше процесс между эрлами Герфордским и Гло-

---

[149] «...subjiciens et submittens dominium Regis et regni Angliae subjectioni dominii Regis Franciae». (Ibidem, vol. I, p. 172).
[150] Ibidem, p. 173.
[151] Ibidem.

стерским, о вооруженных столкновениях, происходивших между их людьми в Уэльсской марке [152]. Казалось бы, желая примерно наказать двух виднейших представителей английской феодальной аристократии за игнорирование королевских распоряжений, король также должен был передать это дело на совет магнатов. Однако на этот раз Эдуард I ограничился, как мы видели, назначением специального трибунала из трех высших должностных лиц королевства, которые вели расследование при помощи больших комиссий присяжных, назначенных из числа рыцарей и свободных держателей графств, граничивших с владениями провинившихся эрлов [153].

Это значит, что в тех случаях, когда королю было нужно, он мог спокойно обходить судебную компетенцию магнатов, не встречая никаких возражений. Характерно, что даже в этом процессе между двумя эрлами, когда магнаты, по-видимому, были недовольны мерами короля, они не осмелились открыто потребовать рассмотрения этого дела в суде пэров. Да и вообще в наших источниках нет ни одного случая, когда парламент в целом или магнатская его часть выдвинули бы претензию на разбор какого-либо судебного дела в суде пэров [154].

Так же как и в отношении законодательства, парламент в качестве верховного суда играл пассивную роль и полностью был подчинен воле короля, который как бы наделял его (или его магнатскую часть) судебными полномочиями только в особо экстраординарных случаях, когда он нуждался в политической поддержке парламента. Так же как и в вопросах законодательства, в этом вопросе роль общин была совершенно незначительна по сравнению с ролью представителей феодальной аристократии, однако и эта последняя только спорадически и по специальной инициативе короля допускалась к судебным разбирательствам.

Таким образом, парламент не только делил свои судебные полномочия с различными королевскими судами, начиная от суда скамьи и кончая судебными заседаниями королевского совета, но и занимал в этом отношении одно из самых неопределенных мест в судебной системе английского феодального государства. Ясно, что для конца XIII и начала XIV в. нельзя говорить даже о регулярных судебных полномочиях магна-

---

[152] См. гл. IV, стр. 274—275.

[153] Такая осторожность короля, очевидно, объяснялась тем, что он в этом случае не был вполне уверен в сочувствии совета магнатов тем крутым мерам, которые он собирался принять по отношению к воинственным эрлам.

[154] 39 ст. Великой хартии вольностей, прокламировавшая создание суда пэров, таким образом, оставалась нереализованной в политической практике до конца XIII в.

тов в парламенте, тем более приписывать им в парламенте или в совете магнатов роль суда пэров, как это делал Гнейст, считавший совет магнатов по преимуществу судебным учреждением [155].

Но если судебные функции нельзя считать нормальной функцией парламента как сословно-представительного собрания и даже совета магнатов, то совершенно неправ Макильвейн, утверждавший, что парламент в конце XIII — начале XIV в. являлся по преимуществу высшим судом в королевстве (high court of parliament), все функции которого исчерпывались отправлением юрисдикции [156]. Макильвейн в данном случае просто переносит на парламент функции королевского совета, для которого действительно характерна была роль высшего суда, используя неясность терминологии XIII— начала XIV в. для того, чтобы отождествить парламент с узким королевским советом.

Из приведенных выше фактов ясно также, что ни парламент, ни совет магнатов в изучаемую эпоху не только не ограничивали судебный произвол короны, но, напротив, поддерживали, как правило, все судебные постановления королевских судов, угодные королю, еще более усиливая их авторитет и укрепляя политическое влияние королевской власти в стране.

Такой же непостоянный и экстраординарный характер носило участие парламента в решении других вопросов внешней и внутренней политики. Если не считать тех случаев, когда парламент в целом или магнаты — члены парламента — выступали против финансовых вымогательств или против лесных злоупотреблений короны, они по своей инициативе очень редко пытались воздействовать на внутреннюю политику короны. Обращение к парламенту или к совету магнатов за получением того или иного совета в обычных условиях зависело всецело от воли короля и, так же как в области суда и законодательства, определялось особыми условиями каждого данного момента.

В области внутренней политики такая апелляция к парламенту была особенно редкой. Уже то обстоятельство, что большинство важнейших законов изучаемой эпохи было принято без согласия парламента, показывает, что определение

---

[155] Р. Гнейст. История государственных учреждений Англии. М., 1885, стр. 374. Полномочия суда пэров верхняя палата английского парламента приобретает значительно позднее, уже к концу XIV в.

[156] C. H. McIlwain. The High court parliament. New Haven, 1910, passim.

общей линии внутренней политики Эдуарда I далеко не зависело от парламента.

Гораздо чаще такие случаи имели место во внешней политике Эдуарда I, где он чувствовал себя значительно менее уверенным и больше нуждался в поддержке парламента. Ниже мы рассмотрим подробно все подобные случаи, которые чрезвычайно характерны для «парламентской» политики Эдуарда I. Но прежде необходимо указать, что в большинстве своих внешнеполитических мероприятий Эдуард I действовал единолично, не считая нужным советоваться с парламентом и далеко не всегда обращаясь даже к совету магнатов.

Эдуард I вел широкую внешнюю политику в течение всего своего царствования. Он стремился захватить Уэльс и Шотландию, используя для этого как чисто военные, так и дипломатические средства. Находясь в состоянии почти непрерывного конфликта с Францией, который привел в конце концов к длительной войне между Англией и Францией 1294—1303 гг., он постоянно был занят подготовкой коалиций против нее, состоял в переписке со многими государями Европы (графом голландским, германскими князьями, германским императором), которым он предлагал союзы, используя для этой цели всевозможные брачные комбинации с участием его многочисленных сыновей и дочерей. В то же время он постоянно вел переписку с самим Филиппом IV через своих послов, усыпляя бдительность французского короля изъявлениями преданности и вассальной верности. Не довольствуясь этими чисто практическими задачами своей внешней политики, которые диктовались ему интересами господствующего класса Англии, Эдуард претендовал также и на роль международного арбитра, носителя «международной справедливости», роль, которую несколькими десятилетиями раньше стремился играть Людовик IX. Со времени своего первого пребывания на континенте в 1273 г., когда он возвращался из крестового похода, Эдуард I неоднократно выступал как посредник между различными европейскими державами по спорным вопросам и заключал союзные соглашения со многими из них. В 1286 г. он усердно посредничал при заключении мира между Францией и Арагонским королевством в спорах, возникших по поводу захвата Карлом Анжуйским Сицилийского королевства [157]. В 1276 г. он торжественно

---

[157] Foedera, vol. I, part. II. London, 1816, p. 670.

обещал кастильскому королю военную помощь против мавров [158].

В 1286 г. норвежский король Магнус перед смертью поручил заботам английского короля своих малолетних сыновей [159], и Эдуард I долгое время разыгрывал роль опекуна молодого короля Эрика Норвежского, ведя оживленную переписку с Норвегией. В 1286 г. после переговоров с Францией было достигнуто соглашение о возобновлении мирного договора, подписанного еще Людовиком IX и Генрихом III [160]. В 1289 г. Эдуард I подписал соглашение с Эриком Норвежским и шотландскими магнатами о признании наследственных прав Маргариты Норвежской на шотландскую корону [161]. В 1294 г. им был заключен союзный договор с Германским императором, направленный против Франции [162]. Наконец, 20 мая 1303 г. после бесконечных переговоров был заключен мирный договор с Францией, ратифицированный затем 2 июня 1303 г. в Лондоне [163]. На протяжении всего царствования английский король вел оживленную переписку с римской курией по самым различным поводам. Вторично «приняв крест» после своего возвращения из неудачного крестового похода 1270—1272 гг., Эдуард в течение всего своего царствования разыгрывал роль крестоносца, преемника Людовика IX, и много раз обманывал папу лживыми обещаниями отправиться, наконец, в крестовый поход, вымогая у римской курии под этим флагом разрешение на сбор в свою пользу крестоносной десятины. В последние годы царствования оживленная переписка между английским королем и римской курией происходила по более важному для Англии вопросу—о сюзеренитете Эдуарда I над Шотландией, который оспаривался в Риме.

Вся эта обширная дипломатическая переписка и международные соглашения, большинство которых содержатся в упоминавшемся выше сборнике «Federa, conventiones, litterae etc.», изданном Раймером, наглядно свидетельствует о том, что внешняя политика Англии всецело и безоговорочно находилась в руках короля. Не только письма к различным государям Европы подписаны лично королем без всяких ссылок на решение магнатов и парламента, но и международные договоры не содержат в себе никаких следов широкого их обсуждения на парламенте. Более того, ратификация их про-

---

[158] Ibidem, vol. I, part. II, p. 540. Правда, эта помощь не была оказана из-за восстания в Уэльсе.
[159] Ibidem, p. 579.
[160] Ibidem, pp. 672—673.
[161] Ibidem, p. 721.
[162] Ibidem, p. 812.
[163] Ibidem, pp. 957, 958.

изводилась лично королем без всякого обсуждения после заключения договора [164]. Даже вопрос о начале войны, затрагивавший интересы всех слоев населения Англии, никогда за весь изучаемый период не ставился на парламенте и не обсуждался им. Первая война с Уэльсом в 1276 г. была санкционирована советом магнатов, так же как и война с Францией в 1294 г. На совете магнатов в августе 1295 г. кардиналы-легаты папы Бонифация VIII предлагали Эдуарду I посредничество в заключении мира с Францией.

Таким образом, и в вопросах внешней политики роль магнатов была несравненно больше роли представителей общин, так же как и в других вопросах. Однако, в сущности говоря, и их роль была очень незначительна. Это видно как из того, что большинство дипломатических вопросов решалось без их участия, так и из того, что их отдельные попытки контролировать внешнюю политику короны и ставить ей преграды в этом отношении обычно терпели поражения.

Единственным и очень характерным исключением в этом отношении являются уже неоднократно рассматривавшиеся события 1297 г., когда баронская оппозиция, опиравшаяся на более или менее широкую коалицию свободных сословий, наряду с рядом требований, касающихся внутренней политики короля выдвинула требование отмены военной экспедиции во Фландрию, что было равносильно прекращению войны с Францией. От имени «общины Англии» бароны заявили королю, что «ей (общине.—*Е. Г.*) не кажется, чтобы это было ко благу короля, чтобы он направился во Фландрию, не будучи уверен за себя и свой народ в отношении жителей Фландрии, также из-за Шотландии, которая начинает уже восставать, даже пока он находится в стране; и они считают, что шотландцы сделают еще худшее, когда узнают, что он уехал за море. И не только из-за Шотландии, но и из-за других земель, которые еще до сих пор должным образом не упрочены» [165]. Бароны и общины, таким образом, выступали против войны во Фландрии и не только потому, что они не хотели ехать за море, а все слои населения не хотели терпеть бесконечных военных поборов короля, но и потому, что они были

[164] Так, документ о ратификации англо-французского договора 1303 г. гласит: «Nos Edward le roy d'Engleterre, al honeur de dieu pour peas et tranquilite de la crestianite et pur avancement de la busoigne de la terre sainte, les avendites peas, ratifions, agreons et approvomes en l'alme de nous les avons fait jurer a garder et firmemant tenir et par ces presentes lettres confirmons. En tesmoignance de quel chose nous avons fait faire cestes vos lettres ouvert». (Foedera, vol. I, part. II, p. 957.)

[165] W. Rishanger. Chronica et Annales. R. S., No. 28, p. 175. Цит. в переводе Д. М. Петрушевского по кн. Памятники истории Англии. М., 1936, стр. 217.

принципиально против войны с Францией, пока еще не были освоены Шотландия и Уэльс, в присоединении которых были, как указывалось выше, заинтересованы и баронство и рыцарство [166]. Однако этот единодушный протест, исходивший от разных слоев его свободных подданных и в том числе от баронов, не смог отклонить Эдуарда I от принятого им курса внешней политики. Вопреки петиции баронов, несмотря на угрозу вооруженного выступления баронов и рыцарства, он все же отправился в намеченный поход, и прервал его только тогда, когда действительно начался открытый мятеж в Шотландии. Так, даже в момент кризиса магнатам не удалось изменить курс внешней политики короля. Тем менее могли они влиять на нее в обычных обстоятельствах.

И все же в ряде важных вопросов внешней политики Эдуард I считал удобным для себя обращаться за советом и подкреплением своих мероприятий не только к совету магнатов, но и к представительному парламенту. Первым примером такого обращения может служить рассмотренный выше случай, связанный с присоединением завоеванного в 1283 г. Уэльса. Но еще гораздо более интересно и показательно для политики Эдуарда I его обращение к парламенту по вопросу о судьбах Шотландии в 1291 г.

Шотландский вопрос в течение всего царствования Эдуарда I всегда являлся одним из важнейших и животрепещущих вопросов его внутренней и внешней политики. С первых лет своего царствования, он, по-видимому, строил планы присоединения Шотландии к своим английским владениям и использовал для этой цели все случаи и возможности. К этому побуждали его прежде всего интересы английских феодалов как крупных, так средних и мелких, которые мечтали о приобретении новых земель и новых подданных. Выше уже отмечалось, что английский класс феодалов в целом охотно поддерживал войны Эдуарда I в Шотландии и ждал от них

---

[166] Согласие, полученное Эдуардом I на войну с Францией в сентябре 1294 г. от совета магнатов, очевидно, объяснялось тем, что они в этот момент опасались прямого нападения Франции на Англию, как это изображалось в официальном объяснении причин войны (см. приглашение на ноябрьский парламент 1295 г. прелатам, в котором говорится, что король Франции, не довольствуясь захватом Гаскони, собрав «для завоевания нашего королевства огромный флот и огромное множество воинов, с каковыми уже сделал враждебное нашествие на королевство наше и на жителей этого королевства, вознамерился совсем истребить с лица земли язык английский» и т. д. (P. W., vol. I, p. 30). Когда же война приняла наступательный характер и должна была быть перенесена во Фландрию, те же бароны, опасаясь восстаний в Уэльсе и Шотландии и под давлением общего недовольства в стране, выступили против продолжения этой войны, в данный момент не сулившей им особых выгод, но лишь огромные расходы.

больших выгод, так же как и от присоединения Уэльса. Кроме того, существование на северных границах Англии самостоятельного и сравнительно сильного государства само по себе казалось опасным Эдуарду I. Во-первых, между Англией и Шотландией постоянно происходили пограничные военные столкновения, ввиду запутанности вассальных отношений пограничных шотландских лордов, многие из которых одновременно являлись вассалами и шотландского и английского короля. Во-вторых, Шотландия представляла угрозу в том отношении, что шотландские короли и магнаты в XIII в. часто и охотно поддерживали мятежи английских баронов против их короля, как это было, например, во время борьбы за Великую хартию, или во время гражданской войны 1258—1265 гг. Наконец, самостоятельная Шотландия была опасной и как потенциальный союзник Франции, всегда готовый пойти на союз с ней против английского короля, как это в конце концов и случилось в 1297 г. Все это заставляло Эдуарда стремиться к ликвидации самостоятельности Шотландии, тем более, что часть южношотландских магнатов в борьбе с шотландскими королями также непрочь была опереться на помощь извне. Однако эту свою политику, направленную на присоединение Шотландии, Эдуард вел очень осторожно, с оглядкой на общественное мнение в Англии и Шотландии, а также на Францию и Римскую курию.

В 1289 г. представился удобный случай для реализации этих планов, когда умер, не оставив прямых наследников, шотландский король Александр Бальёль. Ближайшей его наследницей оказалась малолетняя дочь норвежского короля Эрика Маргарита, приходившаяся внучкой Александру Бальёлю по дочери. Эдуард I немедленно воспользовался этим случаем и предложил в мужья Маргарите своего старшего сына, наследника английского престола, будущего Эдуарда II. Права Маргариты на шотландскую корону были признаны особым соглашением, подписанным между Эдуардом I, Эриком Норвежским и шотландскими магнатами в 1289 г.[167]. За принцессой было отправлено посольство в Норвегию. Тем временем Эдуард I энергично обрабатывал шотландских феодалов в пользу своего брачного проекта, который означал на деле личную унию Англии и Шотландии в будущем. Ему удалось склонить на свою сторону значительную часть шотландских магнатов, которые может быть, рассчитывали, что власть «далекого» английского короля будет им более выгодна и

[167] Foedera, vol. I, part. II, p. 721.

удобна, чем власть своего шотландского короля [168]. В августе 1290 г. соответствующий договор был подписан в Бригхеме (Brigham) между представителями шотландских магнатов и представителями Эдуарда I — епископом Даремским Антони Бек и епископом Карлейльским.

Из «открытого письма», опубликованного по этому поводу Эдуардом I, мы знаем, однако, что шотландские феодалы обусловили свое согласие на «английский брак» рядом пунктов, которые должны были обеспечить и на будущее время относительную независимость шотландских магнатов от Англии. Шотландцам было обещано, что английский король и его наследники «уступают и закрепляют за ними все права, законы, привилегии и обычаи указанного королевства Шотландии как церковные, так и светские, которыми они пользовались до сих пор». В частности, в договоре было указано, что «королевство Шотландии останется самостоятельным, отдельным и свободным без всякого подчинения Англии, со своими порядками, областями и марками, как это соблюдалось из древности до сих пор» [169]. Оговаривалось, что непосредственные держатели шотландского короля не обязаны будут являться в Англию для принесения оммажа, и что никто из жителей Шотландии не будет вызываться в королевский суд за ее пределами. Далее, английский король торжественно обещал, что «никакое собрание, касающееся королевства Шотландии или марок или положения жителей этого королевства, не будет созываться за пределами Шотландии или марок» [170], и что «никакая талья, вспомоществование, войско или другие повинности не будут требоваться с вышеуказанного королевства или налагаться на его жителей, кроме как для совершения дел, касающихся этого королевства и в тех случаях, в каких шотландские короли имели обычай их испрашивать» [171]. Таким образом, договор предусматривал политическую и финансовую самостоятельность Шотландии, на которую Эдуард I временно согласился, чтобы склонить на свою сторону шотландских магнатов. Дальнейшие события, однако, помешали осуществлению этого договора и оказались крайне благоприятны для замыслов Эдуарда I.

---

[168] О том, что некоторая часть шотландских баронов поддерживала этот план, свидетельствует письмо, направленное Эдуарду I в 1290 г. от имени «общины Шотландии» и подписанное 14 шотландскими епископами, 12 эрлами, 23 аббатами, 12 приорами и 48 баронами, в котором они просят Эдуарда I женить своего сына Эдуарда на будущей королеве Шотландии. (Ibidem, vol. I, part. II, p. 730).

[169] Ibidem, p. 735.

[170] Ibidem, p. 736.

[171] Ibidem.

По пути в Англию принцесса Маргарита умерла, и шотландский престол снова оказался вакантным. Это обстоятельство побудило некоторых шотландских крупных феодалов, считавших себя ближайшими родственниками угасшего дома Бальёлей, выдвинуть свои притязания на шотландскую корону. Так как таких претендентов в самой Шотландии оказалось несколько, то междоусобная феодальная война в Шотландии казалась неизбежной. Роберт Брюс, один из первых претендентов на шотландскую корону, и ранее не желавший признавать новую королеву, явился к месту, назначенному для ее встречи, «с большими военными силами для того, чтобы каким-то образом вмешаться в это дело (cum magna potentia ad interpellationem quorundem), а эрлы марки и эрл аттольский также стали собирать войско» [172]. Автор этих сообщений, шотландский епископ St. Andrea, принадлежавший, очевидно, к проанглийской группировке шотландских магнатов, писал Эдуарду I в связи с этими событиями: «поэтому здесь опасаются начала всеобщей войны и больших кровопролитий, если всемогущий бог при помощи вашего старания и распорядительности не пошлет быстрого спасения (от этого)» [173]. В качестве такого средства спасения епископ, очевидно, от имени проанглийски настроенных магнатов советовал английскому королю немедленно двинуться с армией по направлению к Шотландской марке с тем, чтобы шотландские бароны могли нерушимо соблюдать принесенную ему клятву (по брачному договору) и передать на его решение вопрос о том, кто по праву должен наследовать шотландскую корону [174]. Таким образом, «добыча» сама шла в руки Эдуарда, благодаря усилиям части шотландских феодалов, которые добровольно признали за ним право решать вопрос о престолонаследии. Эдуард I немедленно воспользовался этим советом или, может быть, сам без всякого совета подготовил свой план действий.

16 апреля 1291 г. он разослал приглашения баронам явиться в полном вооружении в Норхем — на границу Англии и Шотландии, а также приказал шерифам направить туда же всех обязанных военной службой рыцарей [175]. Однако Эдуард I вовсе не собирался идти походом на Шотландию. Армия на границе нужна была ему скорее в виде военной демонстрации, чтобы сделать шотландцев более сговорчивыми. Свое право верховного сюзерена Шотландии он хотел

---

[172] Ibidem, p. 741.
[173] Ibidem.
[174] Ibidem.
[175] Ibidem, p. 755.

утвердить не силой оружия, а торжественным его признанием со стороны баронов, рыцарства и горожан Шотландии и Англии.

Как и во всех важных политических мероприятиях, в которых он чувствовал шаткость своих притязаний, Эдуард I и здесь постарался заручиться поддержкой парламента или собрания, напоминающего парламент, чтобы показать всем своим противникам в Англии, Шотландии и на континенте Европы, что на его стороне «общественное мнение» обоих королевств. В данном случае импульсы Эдуарда I и весь ход его дипломатической игры выступают особенно отчетливо, ибо источники сохранили нам подробное описание всех его действий. 30 апреля 1291 г. канцелярия Эдуарда I разослала приглашения магнатам и общинам Шотландии на парламент в Норхеме [176] «для того, чтобы обсудить некоторые дела, касающиеся вышеупомянутого королевства». Однако этим дело не ограничилось. На парламенте, который заседал сначала в Норхеме, а затем в Бервике, присутствовали также английские бароны, прелаты, рыцари и свободные держатели, которые, если и не составляли обычный полный представительный парламент, то во всяком случае представляли собой собрание, очень напоминающее парламент.

Как неоднократно подчеркивает сохранившийся протокол этого обширного англо-шотландского собрания, на нем присутствовали шотландские и английские магнаты, а также представители общин — «простых людей» (populares) обоих королевств. Так, в описании начала заседаний этого своеобразного парламента мы читаем: «В город Норхем Даремского епископства, по прибытии туда господина короля Эдуарда, съехались также епископы, прелаты, эрлы, бароны, рыцари и множество простого народа, (militibus multisque popularibus) как духовных лиц, так и мирян из королевства Англии и Шотландии» [177].

Этот оригинальный англо-шотландский парламент с перерывами заседал с 10 мая 1291 г. по 17 ноября 1292 г. За это время было проведено 15 отдельных заседаний, которые были обставлены очень торжественно. О том, что происходило на этих собраниях, мы узнаем из подробного описания, состав-

---

[176] Ibidem, p. 755.

[177] Ibidem, p. 762. На такой же состав собрания указывает список присутствующих на первом заседании, помещенный в конце протокола этого дня (Ibidem, p. 763). В протоколе 3-го заседания указано, что все претенденты на престол Шотландии признали право короля решать вопрос о престолонаследии в присутствии episcoporum, prelatorum, comitum, baronum, magnatum et communitatum utriusque regni ibidem presentium (Ibidem, p. 764).

ленного одним из очевидцев и участников его Джоном де Кадамо («Instrumentum publicum super processu Scotiae, factum per magistrum» J. de Cadamo) [178]. На первом заседании этого «парламента» 10 мая 1291 г. выступил королевский советник судья Роберт Брабазон, который от имени Эдуарда I заявил о том, что английский король считает себя в праве решать вопрос о судьбе шотландской короны, так как он является «высшим и непосредственным господином указанного королевства», а затем потребовал от присутствующих шотландцев выражения их «благосклонного согласия и признания его верховенства и непосредственного сюзеренитета», указав при этом, что король желает «пользоваться их советами во всем, что касается отправления и осуществления правосудия» [179]. Шотландские магнаты, растерявшись от столь неожиданного требования, которое не соответствовало предполагаемым условиям англо-шотландской унии (см. выше), попросили время для обсуждения этого вопроса, и им была дана отсрочка до 2 июня, то есть на три недели [180].

2 июня, они, однако, не смогли представить никаких аргументов, опровергающих притязания Эдуарда I на сюзеренитет над Шотландией. Он же, напротив, по-видимому, за это время собрал все свидетельства в пользу того, что шотландские короли еще с англо-саксонских времен якобы являлись вассалами английских королей [181]. Вооружившись этими аргументами, Эдуард I приказал Роберту Брабазону сообщить присутствующим, что так как «с их стороны в назначенный день ничего не было представлено и показано, что воспрепятствовало бы осуществлению и отправлению его вышеуказанного права верховенства и сюзеренитета» [182], то король считает возможным начать разбор спора о короне между претендентами. После этого Роберт Брабазон начал опрашивать всех претендентов по отдельности, согласны ли они признать высшие судебные права короля Англии. Последним ничего не осталось делать, как согласиться, и они подписали следующий любопытный документ: «Мы, по нашей доброй воле без всякого принуждения или насилия, желаем передать и даровать (королю Англии) право законного решения как верховному сюзерену страны» [183].

---

[178] Ibidem, p. 763 etc.
[179] Ibidem, p. 763.
[180] Ibidem.
[181] Была специально составлена длинная опись всех случаев принесения шотландскими королями оммажа, вероятно, состоявшая в значительной части из ложных и непроверенных данных (Ibidem, pp. 769—770).
[182] Ibidem, p. 764.
[183] Ibidem.

Так Эдуард I без всякого серьезного сопротивления одержал первую и самую важную победу — добился признания своего сюзеренитета над Шотландией, на что, он, по-видимому, не имел никаких законных прав. Причем добился этого он не силой оружия, а «парламентским путем», на глазах у своего англо-шотландского парламента и с его согласия. После этого Эдуард уже лично обратился ко всем присутствующим с длинной речью на французском языке, которую Джон де Кадамо дает в латинском переводе. Речь эта представляет собой образец демагогии Эдуарда I. Получив только что право свободно распоряжаться шотландской короной, английский король пустился в рассуждения о том, что «наше намерение таково, чтобы, уничтожив причину беспорядков и несогласий и охраняя мир и спокойствие в указанном королевстве Шотландии и между его жителей, ни у кого ничего не захватывать в этом королевстве, никого не лишать правосудия, или иным способом замедлять его (действие), никого не лишать привилегий, а также никому не препятствовать в их осуществлении, никому не причинять вред без закона и каждому воздавать по его правам, как подобает высшему и непосредственному сюзерену». Король также обещал «хранить нерушимо добрые и установленные законы и обычаи этого королевства» [184].

Подсластивши таким образом горькую пилюлю, которую пришлось проглотить шотландцам, Эдуард I, посовещавшись с английскими и шотландскими магнатами, принял следующую процедуру судебного разбирательства о правах претендентов на корону Шотландии: было решено, что суд, который будет разбирать это дело, будет составлен из 104 человек: 40 будет выбрано претендентом Джоном Бальёлем, 40— другим претендентом, Робертом Брюсом, 24 будут назначены самим королем. 6 июня эти судьи постановили собраться для разбора исков претендентов 2 августа 1291 г. в Бервике. До истечения этого срока Эдуард I, пользуясь только что утвержденным за ним правом сюзеренитета над Шотландией, назначил регентов королевства Шотландии [185], которые 13 июня принесли королю торжественную публичную присягу. На этом закончился первый и наиболее важный с политической точки зрения этап этого своеобразного судебного процесса.

Основная политическая цель, поставленная Эдуардом, была достигнута. Он получил санкцию шотландского и ан-

---

[184] Ibidem. p. 765.

[185] Регентами Шотландии были назначены епископ St Andreas, епископ Глазго Роберт, Джон Комин, Якоб, сенешал Шотландии. Ibidem, p. 768.

глийского парламентов на верховный сюзеренитет над Шотландией, что означало первый шаг по пути ее присоединения к Англии. Согласие, без труда полученное Эдуардом у этого покорного англо-шотландского парламента, поставило его в положение, о котором он мог только мечтать в 1289 и 1290 гг., когда заключал соглашение о браке между принцессой Маргаритой и принцем Эдуардом. Едва ли английский король мог бы добиться силой оружия того, чего он добился ловким дипломатическим маневром, играя на противоречиях в среде шотландских баронов и разыгрывая роль миротворца, защитника обычаев и поборника парламентских методов управления. Теперь новый «сюзерен» Шотландии спешил закрепить одержанную победу.

Немедленно, 13 же июня 1291 г., по всем графствам и городам Шотландии было разослано оповещение о том, что король Англии признан верховным господином Шотландии [186]. Регентам Шотландии было приказано немедленно потребовать феодальной клятвы верности новоявленному сюзерену от епископов, эрлов, всех знатных людей и свободных держателей, обязанных ему феодальной клятвой. Присягу велено было принять также от жителей всех островов, принадлежавших Шотландии. Те, кто, явившись на приглашение регентов, откажутся принести присягу, должны быть арестованы и содержаться в тюрьме, пока не согласятся на это. Те, кто вообще не явятся по неизвестной причине, будут лишены своих владений до тех пор, пока не принесут присягу [187]. Если прибавить к этому, что еще раньше Эдуард I взял в свою руку все замки, принадлежавшие претендентам на шотландскую корону [188], то станет совершенно очевидно, что он уже чувствовал себя полным хозяином в стране. Так, под прикрытием громких фраз об умиротворении Шотландии и защите ее старинных законов и обычаев, Эдуард I при поддержке парламента начал фактически прибирать к рукам соседнее королевство, осуществляя таким образом давно намеченные планы. Дальнейшее решение судьбы шотландской короны и всего королевства в Шотландии зависело теперь исключительно от воли короля Англии. Тем не менее он продолжал упорно придерживаться раз принятого курса, точно соблюдая все процедурные формальности, выдавая свои решения за решения англо-шотландского парламента.

В назначенный срок 2 августа 1291 г. собрание в том же составе, в каком оно заседало в Норхеме, собралось в Бер-

---

[186] Ibidem, p. 768.
[187] Ibidem, p. 774.
[188] Ibidem, p. 756.

вике [189]. Сюда же явились десять претендентов на шотландский престол и предъявили свои иски 104 судьям, избранным в Норхеме [190]. Выслушав их претензии, Эдуард I назначил им явиться для нового разбирательства 1 июня 1292 г. в тот же Барвик. На этом заседании, рассмотрев все представленные ему судьями материалы о правах претендентов, Эдуард I «по желанию и с согласия всех претендентов и по совету прелатов, магнатов и лучших людей (procerum)» приказал, чтобы прежде всего был решен вопрос о правах Джона Бальёля и Роберта Брюса, которых он, по-видимому, считал наиболее серьезными претендентами [191]. Это распоряжение короля не встретило никаких возражений, и началось судебное разбирательство.

Джон де Кадамо делает любопытное замечание, которое отчасти проливает свет на поведение Эдуарда I. «Хотя,— говорит он,— господин король мог бы вести расследование и принимать решения по этому делу, основываясь на своем собственном праве, он все же для того, чтобы все это было сделано как можно более законно и надежно, предложил вышеупомянутым членам суда от Шотландии (auditoribus de Scottiae) принести присягу в том, что они верно посоветуют ему, какие законы и обычаи должны быть применены в этом судебном разбирательстве» [192]. Другими словами, Эдуард I снова сделал широкий жест, отказавшись якобы от права верховного арбитра в данном вопросе в пользу шотландских судей. Он мог сделать этот жест без всякого риска, ибо шотландские члены суда немедленно ответили, что они не знают таких законов и обычаев и не осмеливаются ничего советовать королю без совещания с 24 английскими судьями [193]. Это совещание тоже ни к чему не привело, и заседание было еще раз

---

[189] Джон де Кадамо следующим образом описывает это собрание: «Convenientibus in Castro de Berewyk super Tuedam egregio principe, domino Edwardo, dei gratia Rege Angliae illustri et superiore et directo domino Regni Scottiae nec non episcopis, praelatis, comitibus, baronibus, militibus, multisque etiam popularibus, tam clericis quam laicis regnorum Angliae et Scottiae.....» (Ibidem, vol. I, part II, p. 774).

[190] Эти претенденты были следующие: граф Голландский, Роберт де Брюс (шотл. магнат), Джон Бальёль (шотл. магнат), Давид де Гастингс (английский магнат), Джон до Комин (шотл. магнат), Патрик де Дэмбер (шотл. магнат), Джон де Беси, за своего отца Николая де Соуле, Вильям де Рос, а также король Эрик Норвежский. Главными из них, как показало разбирательство, Эдуард I считал Джона Бальёля и Роберта Брюса, ближайших родственников последнего шотландского короля Александра Бальёля.

[191] Джон Бальёль был внуком Александра Бальёля, а Роберт Брюс его племянником.

[192] Foedera, vol. I, part II, p. 777.

[193] Ibidem.

отложено на 14 октября с тем, чтобы к этому сроку король мог вызвать из Англии людей более компетентных по данному вопросу [194]. Когда эти дополнительные эксперты собрались в назначенный срок, король обратился к ним с вопросом, следует ли решать дело по законам Англии или Шотландии и надо ли решать вопрос о Шотландии так же, как о вассальных графствах и барониях или как-либо иначе. Ответ английских экспертов был, очевидно, предрешен заранее. Они ответили, что хотя следует судить по законам обоих королевств, но «если нельзя найти определенных законов и обычаев на этот счет, указанный господин король может и должен создать новый закон по совету своих лучших людей и магнатов», и прибавили, что «об указанном королевстве следует судить в отношении права наследования так же, как о наследовании графств, бароний и других неделимых держаний» [195].

Таким образом, Эдуард I при помощи ловкого маневра подменил решение шотландских судей решением своих английских экспертов, которые фактически утвердили за ним право произвольно решать вопрос о шотландской короне, хотя формально он ничем не нарушил прав шотландских феодалов и законов и обычаев Шотландии.

Руководствуясь обычным в Англии правом наследования графств и бароний, Эдуард I с согласия всех английских и шотландских магнатов, своего совета и назначенных судей в заседании 6 ноября 1292 г. вынес, наконец, решение, что Джон Бальёль имеет более прав на шотландскую корону, чем Роберт Брюс, так как первый является потомком Александра Бальёля по прямой нисходящей линии, а второй, хотя и ближе по степени родства, является отпрыском боковой линии. Наконец, 17 ноября 1292 г. на последнем заседании суда «в присутствии 24 судей, назначенных от Англии, 80 избранных, назначенных от Шотландии, знатных людей и при огромном стечении народа обоих королевств» было объявлено решение в пользу Джона Бальёля. Иски других претендентов даже не рассматривались. Так закончилось это торжественное судебное разбирательство, затянувшееся больше чем на полтора года (с 10 мая 1291 г. по 17 ноября 1292 г.).

Мы так подробно остановились на описании этого любопытного процесса потому, что он как нельзя более ярко иллюстрирует сущность взаимоотношений между королем и парламентом в изучаемую нами эпоху. Правда, собрание, на котором происходило это своеобразное судебное разбирательство, не было обычным парламентом, во-первых, потому, что оно

[194] Ibidem.
[195] Ibidem, p. 778.

состояло из шотландских и английских представителей; во-вторых, потому что мы не знаем точно, по какому принципу оно конструировалось в своей английской части, то есть были ли на нем представлены все города и графства Англии, как это имело место в отношении шотландской части этого собрания. Но вместе с тем мы можем с полным основанием считать, что это собрание было значительно шире совета магнатов и что оно в какой-то степени включало представителей общин. Самое же главное, что та роль, которую оно было призвано играть в деле присоединения Шотландии, очевидно, соответствовала роли английского парламента в аналогичных случаях. В самом деле, вышеприведенное описание заседаний этого «парламента» обнаруживает резкое несоответствие между формальной процедурой происходившего на этом парламенте суда и действительными пружинами, двигавшими всеми происходившими событиями.

С формальной стороны Эдуард I действовал с самого начала как верный защитник шотландских законов и обычаев, покорный воле созванного им парламента. Все желательные для него постановления он провел с согласия если не всего парламента, то во всяком случае английских и шотландских магнатов. Они, а затем и весь парламент, санкционировали его якобы искони существовавшее право сюзеренитета над Шотландией. Они же затем добровольно отдали в его руки решение вопроса о шотландской короне, хотя он «великодушно» предоставил им и, в частности, шотландцам по существу решать этот вопрос самим. Во всем поведении Эдуарда I в этом вопросе чувствуется стремление подчеркнуть, что он опирается на согласие широких слоев населения обоих королевств, представленных в этом парламенте. Такова внешняя форма его поведения. По существу же с первого и до последнего заседания он вел себя как повелитель и диктатор, которому повиновались не только его английские подданные, но и шотландские магнаты.

За время процесса он не встретился ни с одним протестом или возражением. Все, что ему было угодно, он проводил через свой покорный англо-шотландский парламент. Покорность последнего не удивительна. Его английская часть была вполне солидарна с королем и охотно оказывала ему поддержку в деле утверждения его верховных прав на Шотландию, так же как прежде английский господствующий класс и английский парламент поддерживали его войны с Шотландией. Что касается шотландцев, то они не были едины. Часть шотландских магнатов, а может быть и общин, предпочитала арбитраж английского короля феодальной усобице, которая угрожала бы Шотландии в случае отказа от

этого арбитража. Другая часть, поддерживавшая Бальёля, была покорна английскому королю, так как рассчитывала на его помощь. Третья часть магнатов во главе с Робертом Брюсом и другими претендентами, может быть, враждебная политике Эдуарда I, была, очевидно, парализована в своих действиях расколом в среде самих шотландцев, а также прямой угрозой со стороны Англии. Мы уже отметили, что прежде чем Эдуард I собрал свой англо-шотландский парламент в Норхеме, он созвал туда большое военное ополчение, которое должно было послужить гарантией покорности шотландских магнатов. Под непосредственным воздействием этой готовой к войне армии и было принято в Норхеме решение о сюзеренитете Эдуарда I над Шотландией.

Но если сговорчивость парламента и судей в Норхеме и Бервике, таким образом, легко объяснима, то возникает вопрос, зачем понадобилось английскому королю в течение полутора лет разыгрывать эту комедию на шотландской границе?

Ситуация была такова, что он мог или просто оккупировать Шотландию и тем самым утвердить свою верховную власть над ней, или, используя угрозу войны и раскол в среде шотландских феодалов, попросту договориться с ними об этом. Но Эдуард I предпочел получить на это санкцию широкого собрания парламентского типа, которое в глазах шотландцев, англичан и всей Европы должно было казаться представительством народов Англии и Шотландии. Английский король хотел обставить захват Шотландии так, чтобы ни французский король, ни папа, претендовавшие на «защиту» Шотландии, не могли придраться к законности его действий.

Он счел необходимым собрать парламент 24 мая 1298 г. в Йорке и перед очередным военным походом в Шотландию [196], чтобы получить санкцию на этот поход, хотя в других случаях решение войны и мира зависело или лично от короля, или выносилось советом магнатов. На этот раз он обратился к парламенту потому, что, как и в 1291 г., ему нужна была торжественная законная санкция на окончательный захват Шотландии, санкция, которая укрепила бы его позиции в этом вопросе перед Францией и папской курией, всегда враждебно относившимися к его шотландской политике.

Апеллировал Эдуард к парламенту и в 1301 г. по поводу очередного столкновения с римским папой. Вопрос был

---

[196] В 1296 г. Джон Бальёль, заключив союз с Францией, отказался от своего оммажа Эдуарду I, что привело к открытой войне между Англией и Шотландией, одним из этапов которой был поход 1298 г.

опять-таки связан с Шотландией. Бонифаций VIII неоднократно выражал неудовольствие шотландской политикой Эдуарда и, в частности, в ряде своих посланий решительно протестовал против войны, начатой Эдуардом I в 1298 г. против Шотландии. Летом этого года он направил английскому королю особую буллу, в которой различными аргументами доказывал, что Шотландия не является леном английского короля и увещевал его не начинать войну против Шотландии, а передать спорные вопросы на решение римской курии. При этом главным аргументом буллы против притязаний Эдуарда I на Шотландию было то, что «королевство Шотландия из древности по полному праву находилось и до сих пор, как известно, находится под сюзеренитетом вышеупомянутой церкви (то есть римской церкви.— *Е. Г.*), и поэтому, как мы узнали, оно никогда не было вассальным по отношению к твоим предкам, королям Англии, и не является вассальным по отношению к тебе»[197]. Так Бонифаций VIII, отрицая сюзеренитет Эдуарда I над Шотландией, пытался присвоить его себе. В 1298 г. Эдуард I не придал значения этому протесту и начал войну с Шотландией, которая продолжалась успешно в течение нескольких лет.

Однако протесты папы продолжались, вызывая тем большее раздражение английского короля, что они подрывали законность его верховных прав на Шотландию в глазах шотландцев и тем самым оказывали им моральную поддержку в войне с Англией. Поэтому в 1301 г. Эдуард I счел необходимым ответить Бонифацию VIII на его протесты, с тем чтобы прекратить его вмешательство в шотландские дела. Естественно, что такое письмо должно было быть максимально авторитетным и опираться не только на личное мнение короля, но и на «волеизъявление» более или менее широких кругов английского общества. И на этот раз в важном для него общеполитическом вопросе Эдуард I апеллировал к парламенту. Как свидетельствует это письмо, на заседании Линкольнского парламента был публично зачитан ряд посланий папы, а текст ответного письма, адресованного папе, по-видимому, обсуждался если не всем парламентом в целом, то во всяком случае на каком-то широком собрании: «На торжественном парламенте,— читаем мы в начале письма,— созванном недавно нашим светлейшим государем Эдуардом, милостью божьей королем Англии, в Линкольне, наш господин король приказал показать и изложить нам некие апостолические письма, полученные им от Вас по поводу шотланд-

[197] Foedera, vol. I, part II, p. 908.

ских дел... После тщательного обсуждения этих Ваших посланий было решено с общего и единодушного согласия всех и каждого...»[198]. Затем следует текст письма, направленного папе от имени парламента.

Трудно точно сказать, обсуждалось ли это письмо при участии представителей общин или только прелатами и баронами. Оно датировано 12 февраля, тогда как представители общин были распущены еще 30 января 1301 г. Под ним стоит 170 подписей, принадлежащих прелатам, баронам и личным советникам короля. Однако в конце письма имеется специальная оговорка о том, что присутствующие подписали письмо и приложили свои печати «как за себя, так и за всю общину королевства Англии»[199].

Эти слова позволяют предположить, что, хотя письмо было составлено и отредактировано после отъезда представителей общин, основные его положения обсуждались в их присутствии или во всяком случае на них была получена формальная санкция. Но даже если эта приписка имеет чисто формальный характер, интересно уже то, что составители письма, и в том числе сам Эдуард I, постарались особенно подчеркнуть солидарность с ним не только магнатов, но и всей общины Англии. В данном случае Эдуард I, очевидно, хотел выставить напоказ полное единодушие всех своих подданных, представленных в парламенте.

Само собой понятно, что письмо это полностью отвечало пожеланиям короля и было, вероятно, составлено в его канцелярии. В нем выражалось удивление, что папа протестует против верховных прав английского короля на Шотландию, которые якобы осуществлялись с незапамятных времен. По мнению парламента, английский король имеет право верховной юрисдикции в Шотландии и не обязан извещать римского папу о своем вмешательстве в шотландские дела. Письмо заканчивалось внешне вежливым, но весьма твердым заявлением. «Мы не позволим и никогда не позволяли и не можем и не должны позволить тому, кто пожелает или попытается каким-нибудь способом сделать это, совершить столь необыкновенные незаконные и неслыханные несправедливости по отношению к вышеуказанному нашему королю... и поэтому мы с уважением и униженно просим Ваше Святейшество, поскольку это касается нашего господина короля

---

[198] P. W., vol. I, p. 102.

[199] «In cujus rei testimonio sigillas nostras tam pro nobis quam pro tota communitate praedicte regni Angliae praesentibus sunt appensa». (Ibidem, pp. 103—104).

(который среди других католических государей показал себя наиболее преданным сыном римской церкви), чтобы Вы позволили ему мирно пользоваться благами его вышеуказанных прав, вольностей, обычаев и законов, без их нарушения и беспокойства и без всякого их умаления»[200].

Так парламент еще раз поддержал короля в одном из его внешнеполитических актов. Эдуард I, обращаясь к парламенту с этим делом, заранее мог рассчитывать на такую поддержку, так как в данном вопросе сочувствие всех элементов парламента было на его стороне: во-первых, речь шла о правах английского короля на Шотландию. Признание этих прав было выгодно тем слоям населения Англии, которые были представлены в парламенте и, как мы неоднократно подчеркивали, были заинтересованы в захвате Шотландии. Во-вторых, папская курия не пользовалась в Англии особой популярностью еще со времен Генриха III, и парламент, как мы видели, всегда охотно поддерживал Эдуарда I в его отдельных попытках ослабить финансовое и судебное влияние римского папы в Англии.

Этими немногочисленными случаями исчерпывается участие парламента изучаемой эпохи в решении общеполитических вопросов. В большинстве случаев, как указывалось выше, король решал эти вопросы самостоятельно в своем узком совете, не спрашивая даже мнения парламента. Сам парламент никогда не претендовал на участие в решении этих вопросов. В то же время он неизменно поддерживал короля в тех случаях, когда тот обращался к нему за советом. Инициатива передачи такого рода общеполитических вопросов на рассмотрение парламента всегда исходила от самого короля и имела целью не столько выяснить мнение парламента, сколько подкрепить соответствующим постановлением этого представительного учреждения то или иное решение короля для придания ему большего авторитета внутри страны и за границей. Так же как судебные и законодательные полномочия парламента, эта сторона его деятельности носила как бы необычный, экстраординарный характер и не может поэтому рассматриваться в качестве одной из главных функций этого учреждения. Значительно чаще эта совещательная функция выполнялась советом магнатов или узким королевским советом, которые имели полное право и практическую возможность действовать без всякого вмешательства парламента в эти дела, не вызывая этим никаких протестов с его стороны.

---

[200] Ibidem, pp. 102—103.

* *
*

Рассматривая в настоящей главе повседневную деятельность парламента, мы могли убедиться, что он выступал в политической жизни Англии в XIII в. в двух разных аспектах. Поскольку он действовал как орган, разрешавший взимание новых налогов, особенно налогов на движимость, парламент играл совершенно особую роль, которую не мог взять на себя ни один из других органов феодального государства. Такой же специфической, присущей только ему функцией являлось постепенно отвоеванное им в борьбе право подачи коллективных «парламентских петиций». В выполнении этих функций парламента прямо (в разрешении налогов) или косвенно (в составлении и подаче парламентских петиций) принимали участие не только прелаты и бароны, но и представители общин.

Осуществляя эти свои функции, парламент играл наиболее активную роль в политической жизни всей страны. Отстаивая свое право разрешать новые налоги и подавать коллективные петиции, он нередко далеко выходил за рамки задач, ставившихся перед ним королем, который желал видеть в нем совещательный орган, во всем покорный королевской власти. В этих случаях парламент иногда вступал в столкновения с ней и превращался в арену открытых политических конфликтов.

С возникновением парламента политическая борьба, потрясавшая Англию на протяжении XIII в., стала принимать новую форму парламентской борьбы, в основе которой лежали те же внутриклассовые противоречия, которые до возникновения парламента выливались в вооруженные столкновения и междоусобные войны. Таким образом, в этом аспекте своей деятельности, английский парламент уже в XIII в. выступал как самостоятельное политическое учреждение, претендовавшее отчасти на ограничение королевской власти, главным образом в вопросах обложения.

Но поскольку парламент привлекался к участию в законодательстве, в судебных разбирательствах и к решению отдельных вопросов общей политики феодального государства, он выступает перед нами в другом аспекте. Ни парламент в целом, ни отдельные его части, как правило, никогда не претендовали на участие в делах такого рода. Все эти вопросы отнюдь не принадлежали к исключительной компетенции парламента, и, принимая участие в их рассмотрении, он делил эти функции с другими органами феодального государства: советом магнатов, королевским советом, Палатой

шахматной доски, королевскими судами. В решении всех этих вопросов, если они выносились на парламенты, преобладающую роль всегда играли прелаты, графы и бароны. Представители общин если и привлекались к их обсуждению, то главным образом с целью создать видимость «всенародного» волеизъявления и тем самым придать бо́льший авторитет мероприятиям правительства и лично короля.

При исполнении этих функций специфические особенности парламента как бы отступали на задний план, и он терял свой облик самостоятельного учреждения. В то же время действуя в качестве законодательного судебного или совещательного органа, он всегда и неизменно выступал как послушное орудие королевской власти, поддерживающее все ее мероприятия в этих направлениях. Когда мы рассматриваем деятельность парламента со стороны этих его функций, то он выступает скорее как верный защитник и опора королевской власти, чем как ее политический противник, налагающий на нее какие-либо ограничения.

Итак, в политическом положении парламента изучаемой эпохи, в его отношениях с королем и другими органами феодального государства мы можем заметить известную двойственность и как будто бы противоречивость. Такое неопределенное положение парламента нашло отражение и в неясности и неустойчивости формулировок в приглашениях, посылавшихся представителям общин, на которую мы указывали выше. Эта двойственность политических позиций парламента, очевидно, и давала возможность историкам в зависимости от их политических симпатий столь по-разному оценивать характер основных его функций. Но эта же двойственность и сложность позиции парламента вскрывает необоснованность и натянутость построений тех буржуазных историков, которые пытались выдвинуть на первый план какую-либо одну функцию парламента, затушевав в угоду своим политическим взглядам все другие. Не говоря уже о том, что некоторые из них приписывали парламенту в качестве основных такие функции, которые выполнялись им очень редко и случайно, следует заметить, что само по себе такое выдергивание отдельных функций парламента и возведение их в ранг «главных» только уводит от правильного понимания действительной политической роли парламента в изучаемую эпоху. Еще более неверными являются те решения, которые даются историками как буржуазно-либерального, так и «критического» направления по вопросу о взаимоотношениях между парламентом и королевской властью.

Если исходить из реальных фактов парламентской исто-

рии, а не только из формально-юридических рассуждений, становится ясно, что парламент в разных случаях выполнял различную политическую роль, то несколько ограничивая произвол короны в отдельных вопросах, то, напротив, действуя в качестве его послушного орудия. Это противоречие реальной действительности буржуазные историки неизменно пытались устранить путем искусственных логических построений. Одни делали это, пытаясь свести политическую роль парламента к отправлению судебно-административных функций в помощь другим государственным органам (Мэтланд, Поллард, Паске, Рис, Макильвейн). Другие, признавая в известной мере сложность и противоречивость роли парламента, пытались видеть в этом доказательство «гармонии», якобы существовавшей в средневековой Англии между королем и «народом», которая и воплощалась, по их мнению, в деятельности парламента (Стеббс, Гнейст, Петрушевский и др.).

В свете рассмотренных нами данных обе эти концепции представляются неправильными. Первая потому, что она собственно вообще снимает вопрос о парламенте как специфическом политическом учреждении, характерном для английского феодального государства на определенной стадии его развития.

Вторая концепция хотя и учитывает специфику парламента и сложность его политической позиции, дает порочную, идеалистическую трактовку как королевской власти, которая с возникновением парламента якобы пошла на добровольное самоограничение в пользу «народа», так и парламента, который изображается ею как орган «народного» представительства. В действительности, как мы показали на многих примерах, парламент далеко не всегда действовал в полной «гармонии» с королем. Но даже в тех случаях, когда между ними действительно царило согласие, оно отнюдь не означало «гармонии» между королем и «народом». Неубедительным, с нашей точки зрения, является тот вариант теории гармонического сочетания интересов короля и «народа», которую выдвигает в наше время Уилкинсон, пытаясь объяснить противоречия в политической позиции парламента. Введенное им формальное разграничение всех политических вопросов на «negotia regni», подведомственные решению парламента, и «negotia regis», которые не подлежали его компетенции, является совершенно искусственным и не может объяснить сложных двойственных отношений между королем и парламентом в изучаемый период.

Мы видели, что в этот период многие вопросы, затрагивающие интересы всей страны,— вопросы войны и мира, принятие новых законов, установление новых пошлин, сплошь и

рядом решались королем без участия парламента, тогда как многие дела, касавшиеся лично короля, в частности его взаимоотношения с вассалами, нередко выносились на суд если не парламента, то совета магнатов. Еще в XIV в. ордонансы, издававшиеся лично королем в его совете, регулировали важнейшие вопросы управления. Таким образом, сторонники теории политической «гармонии» в Англии XIII—XIV вв. совершают ту же основную методологическую ошибку, что и представители «критического» направления, отрывая деятельность парламента от социальных отношений и социальной борьбы изучаемой эпохи и рассматривая парламент как надклассовый орган народоправства. Но здесь мы вплотную подходим к вопросу о социальных функциях и социальном назначении парламента, которому посвящена последняя глава нашей работы и без решения которого нельзя до конца понять и политическую роль парламента в изучаемый период и, в частности, противоречивость его политической позиции.

Конечно, отчасти эта позиция объяснялась тем, что к началу XIV в. парламент еще не сложился окончательно, что еще не определились полностью ни его состав, ни его функции, ни его отношения с другими органами феодального государства. Но едва ли это «хронологическое» объяснение можно считать исчерпывающим. Ведь и на протяжении всего XIV в. политическая позиция парламента носила на себе печать некоторой двойственности, ибо и в этот период парламент выступал одновременно и как орган, контролирующий корону, и как ее активная опора. Следовательно, эти противоречия были заложены в самой сущности парламента и прежде всего в его социальной природе, которая, очевидно, и определяла его взаимоотношения с королем и всеми другими органами феодального государства. Зная социальный состав парламента и круг основных его политических функций, мы перейдем теперь к анализу общих социальных тенденций его деятельности, что позволит нам окончательно решить вопрос о социальной и политической роли этого учреждения в английском феодальном обществе и государстве XIII—XIV вв.

ГЛАВА VIII

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

Как было замечено во введении, и историки вигской школы и их критики без всякой серьезной аргументации пытались изображать парламент в качестве учреждения, которое действовало в интересах всего общества. Представители первого направления исходили при этом из того, что парламент был «общенародным» представительством, а их критики — из того, что он был проводником политики королей, которая была направлена на благо всего народа [1]. Робкую попытку пересмотреть традиционную точку зрения на социальную роль сословно-представительных собраний вообще, как было отмечено, сделали русские ученые М. М. Ковалевский и Н. И. Кареев, подчеркивавшие, что народные массы не были представлены в парламенте, который действовал исключительно в интересах высших сословий [2]. Однако ни Н. И. Кареев, ни М. М. Ковалевский в сущности не пытались серьезно аргументировать этот тезис об антинародном характере деятельности парламента и не всегда (особенно М. М. Ковалевский) последовательно отстаивали его применительно к ранней истории этого учреждения.

В советской историографии по истории средневековой Англии, которая при оценке социальной роли парламента исходит из марксистско-ленинского учения о надстройке и базисе и о классовой природе государства, это учреждение рассматривается как часть политической надстройки английского феодального общества. Так, академик Е. А. Кос-

[1] См. Введение.
[2] Там же.

минский видит в нем результат компромисса между различными группировками класса феодалов, состоявшегося при участии городской верхушки[3]. Органом господствующего класса считает парламент и прогрессивный английский историк А. Мортон[4]. Однако и Косминский, и тем более Мортон затрагивают интересующий нас вопрос лишь мимоходом, не занимаясь им специально. Настоящая глава посвящена исследованию данной проблемы.

Источники, которыми мы располагаем для этой цели для конца XIII — начала XIV в., в основном те же, которыми мы пользовались для анализа политических функций парламента[5]. К ним добавляются документы, связанные с парламентским обложением: королевские распоряжения о порядке сбора очередных налогов — formae taxatiae — и о назначении сборщиков этих налогов[6]. Ввиду лаконичности и фрагментарности парламентских документов этого периода мы фактически лишены возможности сколько-нибудь подробно показать социальные тенденции деятельности парламента во всех ее многочисленных аспектах. Источники, которыми мы располагаем, позволяют составить более или менее ясное представление об этих тенденциях лишь в области наиболее важных специфических функций парламентской деятельности — в области финансов, в вопросах, связанных с обсуждением групповых и парламентских петиций, и лишь отчасти в области парламентского законодательства.

§ 1. Социальная направленность налоговой политики парламента в XIII — начале XIV века

Мы видели, что фискальная и, в частности, налоговая политика короны до возникновения парламента строилась таким образом, что основная тяжесть государственных поборов ложилась на крестьянство и города.

Парламент наложил, как было показано, известные ограничения на политику королей в этом вопросе. Для того чтобы выяснить истинный характер этих ограничений, нужно установить, какое участие в разрешении налогов принимали различные группы депутатов парламента, представлявшие в нем прелатов и баронов, рыцарей графств и горожан, а также, какие изменения внесло существование парламента в регуляр-

---

[3] Е. А. Косминский. Исследование... М., 1947, стр. 326.
[4] А. Мортон. История Англии. М., 1950, стр. 88—92.
[5] Парламентские и частные петиции, различные хроники XIII в. статуты, принимавшиеся с согласия парламента.
[6] Опубликованы в издании Parliamentary writs, vol. I.

ность, размеры и организацию налогообложения для различных социальных слоев населения Англии.

Начнем с первого вопроса.

Участие крупных феодалов — прелатов и баронов, заседавших в парламенте, в разрешении налогов на движимость совершенно бесспорно. Даже до возникновения парламента, еще при Генрихе III, почти все налоги на движимость собирались лишь после формального разрешения Великого совета (magnum consilium), который при этом давал согласие на новый налог не только за себя, но и за всех прочих жителей королевства, хотя ни вилланы, ни даже рыцари и представители городов не участвовали в этих обсуждениях[7]. Понятно, что и при Эдуарде I прелаты и бароны активно осуществляли этот контроль, в некоторых случаях выступая так же, как совет магнатов, независимый от парламента (так было, например, в 1288, а также 1294 и в 1302 гг. при разрешении aid pour fille marier).

В буржуазной историографии даже существует мнение, что «правом» разрешения налогов вплоть до начала XIV в. пользовались только прелаты и бароны как непосредственные держатели короны, тогда как рыцарство и свободные держатели, не говоря уже о горожанах, были лишены этого «права»[8].

Ближайшее рассмотрение фактов показывает, однако, ошибочность этого взгляда в отношении рыцарей графств, которые уже в конце XIII в. играли довольно существенную роль в деле разрешения налогов. После гражданской войны 1258—1267 гг. и правления Симона де Монфора, когда, как мы видели, впервые проявилась самостоятельная политическая активность мелких феодалов-рыцарей, стало очевидно, что невозможно обеспечить регулярный и беспрепятственный сбор налогов, если они не будут санкционированы не только баронами и прелатами, но и рыцарями графств. Поэтому, Эдуард I обычно старался заручиться согласием рыцарей графств на каждый новый налог на движимость. Во всех 9 случаях, когда парламент давал согласие на такие налоги, рыцари графств участвовали в решении этого вопроса. На это указывают и тексты приказов о сборе разрешенных налогов, которые направлялись обычно в графства после роспуска парламента. Так, в приказе от 1283 г. после парламента в Нортгемптоне мы читаем: «Ввиду того, что недавно **вы, через**

---

[7] См. распоряжение сборщикам налогов по графствам от 1232 г. (Select charters. Oxford, 1874, p. 360), в сопоставлении с данными хроники Матвея Парижского (Ibidem, p. 325).

[8] D. Pasquet. Op. cit., pp. 208, 210; L. Riess. Op. cit., pp. 11—13.

четырех рыцарей, присланных от имени общины указанного графства в Нортгемптон, любезно разрешили нам собрать вспомоществование по случаю нашей теперешней войны с Уэльсом...» и т. д.[9]. Ссылки на согласие рыцарей графств имеются в подобных приказах от 14 октября 1297 г.[10], 4 декабря 1294 г., 16 декабря 1296 г., 30 июня 1297 г. и 22 июня 1306 г.[11].

Тщательное перечисление в вышеприведенных приказах всех тех общественных групп, представители которых дали разрешение на сбор налога, показывает, что согласие каждой из них, и в том числе рыцарства, рассматривалось королем и его должностными лицами как важная гарантия благополучного сбора субсидии, а следовательно, как необходимая законная санкция.

Еще более убеждают в этом те события, которые разыгрались в Лондоне летом кризисного 1297 г. Мы уже останавливались на этих событиях в главе о политической борьбе XIII в. Напомним, что когда в июне 1297 г. парламент, на котором присутствовали бароны и рыцари, отказался санкционировать сбор $^1/_8$ и бароны демонстративно покинули Вестминстер, Эдуард I не решился собрать налог без разрешения, хотя деньги нужны были ему до зарезу. Для того чтобы придать видимость законности этому побору, он наспех собрал в своих покоях в Вестминстере весьма неопределенное по составу сборище, которое хронист Матвей Вестминстерский называет «народом» или «толпой» (plebs) и которое ничего общего не имело с регулярным парламентом. Это собрание и разрешило королю собрать $^1/_8$[12].

Такая апелляция к случайному сборищу со стороны короля, который никогда не останавливался ни перед какими насилиями и вымогательствами по отношению ко всем слоям населения для осуществления своих агрессивных планов, свидетельствует о том, что для успешного и беспрепятственного сбора налога Эдуард I считал необходимым официальную санкцию хоть какого-нибудь собрания. В то же время он, очевидно, считал возможным обойтись в этом случае без согласия баронов и ограничиться разрешением фиктивного представительного собрания.

---

[9] P. W., vol. I, p. 13.

[10] Ibidem, p. 63.

[11] Ibidem, pp. 45, 51, 53, 178.

[12] «Quo viso rex, instinctu unitatis confovendae suasque victoriae adquirendae, articulos in praedictis cartis contentos innovari insuper et observari mandavit, exigendo pro hac concessione ab incolis $^1/_8$ denarium sibi dari, qui mox concessus est a plebe in sua tunc camera circumstante». (Цит. по кн. «Памятники истории Англии XI—XIII вв.», стр. 215).

И в других случаях — осень 1297 г., в 1300 и 1301 гг.— рыцари графств играли наряду с баронами активную роль в разрешении субсидий [13]. Наконец, активная роль рыцарей графств в разрешении налогов косвенно подтверждается и данными «Modus tenendi parliamentum». В разделе этого трактата «О вспомоществовании королю» автор пишет: «И пусть будет известно, что если должно быть разрешено такого рода вспомоществование, то следует, чтобы все пэры [14] парламента дали на это свое согласие, и два рыцаря, которые явились в парламент от графств, имеют больший голос в парламенте в деле согласия или возражения на субсидию, чем самый могущественный граф Англии»[15].

Правда, как мы уже упоминали, трактат этот был написан в 20-х гг. XIV в. и отражает более поздние порядки и взгляды на парламент. Но если уже через 20—25 лет после смерти Эдуарда I автор трактата, как **о само собой понятном деле,** упоминает о **ведущей роли** представителей графств в разрешении субсидий, то мы вправе считать, что в интересующую нас эпоху они по крайней мере были равноправны в этом вопросе с прелатами и баронами.

Однако участие рыцарей графств в разрешении налогов далеко еще не означало, что над королем в финансовых вопросах осуществлялся контроль со стороны «народа» или «нации», как утверждали историки буржуазно-либерального направления и утверждают их современные последователи [16].

Прежде всего от участия в разрешении налогов были, конечно, совершенно устранены те широкие слои населения, которые не были представлены в английском парламенте,— массы крепостного крестьянства, подавляющее большинство свободного крестьянства и низшие слои городского населе-

---

[13] См. гл. VII.

[14] Термин «пэр» или «пэры» (pares) употребляется автором трактата на всем его протяжении в своеобразном значении. В начале XIV в., когда писался трактат, институт наследственного пэрства еще не сложился и анонимный автор трактата не мог употреблять этот термин для обозначения наследственных членов будущей палаты лордов. «Пэрами» он называет членов всех сословных групп, представленных в парламенте (прелатов, баронов, рыцарей, графств, горожан), а иногда употребляет это слово в еще более широком значении — членов парламента вообще. Такой смысл оно имеет, в частности, в данном контексте.

[15] Select charters. Oxford, 1874, p. 512.

[16] Из современных историков эту неверную точку зрения особенно настойчиво развивает мисс M. V. Clarke в своей работе «Medieval representation and consent», где она доказывает, что участие парламента в разрешении налогов являлось выражением отвлеченного принципа «согласия», который существовал извечно и в XIII в. осуществился в английском парламенте, где все слои населения давали согласие на обложение налогами (M. V. Clarke. Medieval representation and consent. London, 1936, p. 231).

ния. А между тем именно эта часть английского общества составляла подличный народ, массу производителей, трудом которых жили эксплуататоры деревни и города и стоявшее на страже их интересов феодальное государство. Они, и прежде всего многочисленное английское крестьянство, составляли основные кадры налогоплательщиков, на которые падала главная тяжесть государственных налогов. Парламент, состоявший в основном из классовых врагов крестьянства, совместно с главой феодального эксплуататорского государства — королем — решал, таким образом, один из важнейших вопросов крестьянского существования, совершенно не считаясь с его интересами.

Но согласие парламента, и в частности рыцарей графств, на налогообложение никак не означало и «согласие» горожан, представленных в нем. Городские представители были далеко не равноправны с баронами и рыцарями в деле разрешения налогов. Хотя городское сословие и особенно его средние и низшие слои на протяжении всего XIII в. выступали как активные и преданные союзники рыцарства в его борьбе против финансовых вымогательств и административных злоупотреблений короны и магнатов, они получили гораздо меньше, чем рыцарство, в результате одержанной совместными усилиями победы. Мы уже отмечали, что вплоть до 1297 г. они приглашались в парламент менее регулярно, чем представители графств, и долгое время как бы не считались обязательной составной частью представительных парламентов. Точно так же и в деле налогообложения Эдуард I часто старался по возможности обойти их согласие или заменить общее согласие городских представителей в парламенте согласием отдельных городов.

Это неравноправное подчиненное положение городских представителей в парламенте и, в частности, в решении важнейшего для них вопроса о налогах отражало подчиненное неравноправное положение городского сословия в феодальной Англии по сравнению с различными группами господствующего феодального класса. Как мы уже имели случай убедиться, городское сословие рассматривалось и королем, и магнатами, а отчасти и рыцарством прежде всего как объект финансовых вымогательств. Интересы городов защищались феодальным государством лишь постольку, поскольку ему было выгодно обеспечить их дальнейшее экономическое процветание и оградить их от чрезмерного произвола королевских и сеньериальных чиновников. Поэтому в минуты острой финансовой нужды Эдуард I не всегда считал нужным испрашивать у них разрешение на поборы, а бароны и рыцари никогда не были особенно склонны поддерживать

горожан в этом вопросе против короля, так как чем больше давали города, тем меньше должны были платить они сами.

Неравноправное положение городского сословия в деле разрешения налогов проявлялось уже в том, что наиболее ненавистный и тяжелый для городов налог — талья — оставался, как мы показали, в сфере произвольного налогообложения. Уже это одно позволяло королю чувствовать себя более независимым по отношению к городам и в случае необходимости обходиться без городского представительства в парламенте.

Подчиненное положение городов в парламенте сказывалось и в том, что даже налоги на движимое имущество далеко не всегда получали санкцию городских представителей в парламенте. Такая санкция была получена только в 1283, 1295, 1296, 1301 и 1306 гг., когда городские представители, приглашенные в парламент и решавшие вопрос о субсидии одновременно с другими его участниками, дали свое официальное согласие на нее. В остальных случаях — на осеннем парламенте 1275, 1290, 1294 и 1297 гг. — налоги на движимость были разрешены парламентом без участия городских представителей.

Трудно точно сказать, распространялись ли на города субсидии 1275 и 1290 гг. (в обоих случаях $^1/_{15}$), утвержденные парламентами при отсутствии городских представителей. Приказы сборщикам налогов, направленные по этому поводу в графства, говорят только о налоге со всех движимых имуществ, не выделяя, как обычно, городское население[17]. Возможно, что городское население не подлежало этим налогам, если судить по тому, что был установлен единый процент обложения, тогда как обычно города облагались тяжелее[18]. Впрочем, это только предположение, из которого отнюдь нельзя выводить общее правило, что налоги, не разрешенные городскими представителями, не распространялись на города.

Напротив, два следующих случая — 1294 и 1297 гг. показывают как раз обратное. Ноябрьский парламент 1294 г., на котором отсутствовали представители городов, разрешил

---

[17] Приказ о сборе налога 1275 г. гласит: «Cum praelati, comites, barones, et alii de regno nostro quintamdecimam de omnibus bonis mobilibus ad relevationem status nostri nobis concesserint graciose, assignavimus vos, etc...» (P. W., vol. I, p. 3). Почти в таких же выражениях составлен приказ сборщикам и в 1290 г.

[18] Это предположение допустимо еще и потому, что в обоих этих случаях города незадолго до разрешения субсидии подверглись тяжелым поборам со стороны короны: на весеннем парламенте 1275 г. они дали согласие на сильное повышение экспортных пошлин на шерсть, а в 1288 г., за два года до 1290 г., они были обложены очень тяжелой тальей.

королю субсидию в размере $^1/_{10}$ движимых имуществ, как сообщают «открытые письма» (letter patent), отправленные от имени короля в графства. В этих письмах упоминается о разрешении субсидии, но ничего не говорится специально о разрешении городов[19]. Это же подтверждается хроникой Коттона, где, однако, также ничего не говорится о субсидии с доменов и городов[20]. Между тем два других хроникера — Ришанжер и Лангетофт, сведения которых обычно довольно достоверны, утверждают, что королю была уступлена не только $^1/_{10}$ со всех светских владений, но $^1/_6$ с городов и бургов и $^1/_2$ от движимости духовенства[21]. Духовенство дало свое согласие на конвокации, происходившей в августе 1294 г.[22], бароны и рыцари — на парламенте. Что касается $^1/_6$, то согласие на нее было получено, очевидно, путем частных переговоров с отдельными городами. Это видно из письма, которое Эдуард I направил из Вустера 25 ноября, через 11 дней после открытия парламента, «своим возлюбленным и верным гражданам и всей общине своего города Лондона». В этом письме король благодарит лондонцев за разрешение собрать субсидию и обещает в благодарность «за верность и сердечное отношение, проявленное ими в столь тяжких для него обстоятельствах, помогать им во всех делах, которые будут представлены на его усмотрение и которые он сочтет соответствующими их интересам»[23].

Столь необычное для Эдуарда I изъявление благодарности свидетельствует на наш взгляд о том, что субсидия была разрешена ему по специальной договоренности с Лондоном и, вероятно, с другими городами. По каким-то, неизвестным нам, причинам король предпочел такой способ обложения обсуждению субсидии на парламенте с представителями городов.

Таким же образом поступил Эдуард I и в 1297 г., когда ему понадобилось собрать с городов сначала $^1/_5$, а затем $^1/_9$,

---

[19] «Cum comites, barones, milites et omnes alii de regno nostro in subsidium guerre nostre nobis decimam de omnibus bonis suis mobilibus curialiter concesserunt et gratentur etc». (Открытое письмо общине Кэмберленда. P. W., vol. I, p. 27).

[20] R. S., No. 16, p. 254.

[21] «De citesayn et burges le sesyme dene aurait, li barne (barons) pur le pople la disyme le grauntait» (L a n g e t o f t. R. S., No. 47, vol. II, p. 212). Лангетофт здесь ошибается. Субсидия была гарантирована не только баронами, но и рыцарями, присутствовавшими на парламенте. То же самое сообщает W. Rishanger: «Hoc anno concessa est Regi in subsidium werre suae medietas a clero, sexta a civibus, et a reliquo populo decima pars bonorum» (Chronica. R. S., No. 28, p. 143).

[22] B a r t. C o t t o n. Historia Anglicana. R. S., No. 16, p. 248.

[23] Foedera, vol. I, part II, p. 815.

не санкционированную городскими представителями в парламенте. Как мы отмечали выше, сбор $^1/_8$ в июле 1297 г. был разрешен ему каким-то случайным собранием, на котором не было регулярного представительства от городов. Тем не менее через две недели Эдуард I разослал в графства письма с сообщением, что все миряне, живущие вне бургов, городов и доменов, уступили ему $^1/_8$, а жители бургов, городов и доменов — $^1/_5$[24]. Так как на сборище, где была получена фикция парламентского согласия на $^1/_8$, не было и речи об $^1/_5$, то очевидно, что он или просто выдумал согласие городов на субсидию, или договорился о сборе $^1/_5$ с отдельными городами. Вернее, очевидно, первое, ибо, как показали дальнейшие события, ему так и не удалось собрать ни $^1/_8$, ни $^1/_5$ из-за упорного сопротивления всех слоев населения, не желавших признать законность этого по сути произвольного побора. После подтверждения хартии на парламенте 10 октября 1297 г. собравшиеся там бароны, прелаты и рыцари, наконец, разрешили королю долгожданный налог — $^1/_9$ движимых имуществ. Представителей городов на этом парламенте также не было, и, как сообщает королевское письмо от 14 октября 1297 г., адресованное жителям графств, этот налог распространялся только на жителей сельских местностей, расположенных вне королевских доменов[25]. Однако принц Эдуард поспешил распространить налог и на города, воспользовавшись для этого откровенно жульническим маневром. Он добился, вероятно путем угроз, согласия на налог у лондонцев, а затем на этом основании предписал соответственно обложить и все остальные города. На полях вышеупомянутого письма от 14 октября 1297 г. имеется заметка, которая открывает эту несложную махинацию: «После того, как граждане (cives) и вся община города Лондона,— говорится там,— уступили нам $^1/_9$ часть своего движимого имущества, **нашим советом** постановлено, как указано ниже, чтобы сборщики налогов в каждом графстве Англии обложили бы и собрали бы $^1/_9$ деньгу в каждом самоуправляющемся городе и бурге и в королевских доменах таким же образом, как и субсидию, ранее уступленную нам с общего согласия»[26].

Это распоряжение проливает свет и на рассмотренные нами аналогичные обстоятельства 1294 г. и июля 1297 г., когда согласие Лондона или нескольких наиболее крупных городов использовалось для обложения всех городов вообще.

---

[24] P. W., vol. I, p. 54.
[25] Ibidem, p. 63.
[26] Ibidem. p. 64.

Игнорируя по существу городское представительство во всех этих случаях, Эдуард I тем не менее настойчиво стремился каждый раз сослаться на согласие хотя бы Лондона, чтобы придать некоторую видимость законности своим действиям. Это наглядно свидетельствует о том, что и обложение городов уже также становилось на путь подчинения парламентскому контролю. Переход к парламентскому обложению городов был, в конечном итоге, неизбежен. Как справедливо заметил К. Маркс, «представительство горожан в парламенте было особенно важно потому, что {с ростом своего богатства они становились все более важным} *элементом налогоплательщиков*»[27].

Однако все приведенные выше факты показывают, что роль городских представителей в парламенте в деле разрешения налогов в конце XIII в. была далеко не так определенна и постоянна, как роль магнатов и рыцарства. Горожане стояли на более низкой ступени общественной лестницы и в некоторых отношениях противостояли господствующему классу феодалов, который эксплуатировал их экономические ресурсы и не спешил предоставить им решающий голос в финансовых вопросах. Понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы согласие городских представителей на новые налоги стало бы таким же обязательным, как согласие баронов, прелатов и рыцарей.

Известным показателем неполноценности, ограниченности финансовых полномочий городских представителей в парламенте является их фактическое недопущение в этот период к контролю за экспортными и импортными таможенными пошлинами. Хотя в этом контроле в XIII—XIV вв. были так или иначе заинтересованы все представленные в парламенте слои населения, однако, несомненно, больше всего этот спорный вопрос затрагивал интересы горожан, поскольку непосредственными плательщиками этих пошлин оказывались английские купцы (наряду с иностранными), представлявшие города в парламенте. Но от произвольного повышения пошлин страдали и другие слои городского населения, как вследствие неизбежно связанного с ним повышения цен на импортные товары, в том числе на некоторые виды сырья, так и вследствие понижения цен на сельскохозяйственные продукты, в частности, на шерсть и кожу, которое снижало покупательную способность деревни и тем самым затрудняло сбыт для городского ремесла. Устраняя парламент и в том числе участвовавших в нем городских представителей от контроля над пошлина-

[27] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 356—357.

ми, корона тем самым ущемляла весьма важные материальные интересы всей массы городского населения.

Итак, на основании всего вышеизложенного мы можем констатировать далеко не равное участие различных составных элементов парламента в отправлении его финансовых полномочий. Согласие феодальной аристократии и рыцарства было обязательным условием взимания налогов на движимость[28]. Но городские представители, хотя иногда и санкционировали эти налоги, во многих случаях устранялись от решения этих вопросов. Городское обложение до 1297 г. не было полностью освобождено от произвола короля. Что же касается тех слоев населения страны, которые не были представлены в парламенте,— крепостного и большинства свободного крестьянства и низших слоев городского населения,— то они по-прежнему были лишены какого бы то ни было участия в деле разрешения налогов на движимость, которые сохраняли для них свой произвольный характер.

* *
*

Теперь перейдем к рассмотрению второго вопроса, связанного с финансовыми полномочиями парламента. Изменило ли наличие парламента количество, размеры и организацию государственного обложения? Мы отмечали, что парламентское обложение не только не сократило размеры налогов, но даже значительно их повысило. Правда, в последней трети XIII в. общее количество взимавшихся правительством налогов сократилось по сравнению с более ранним периодом. До 1272 г. налоги разных типов взимались примерно раз в полтора — один год, а после 1272 г. — раз в три года. Однако значительно возрастали размеры налогов при каждом очередном обложении, так как сокращение общего количества налогов сопровождалось учащением и увеличением размеров налогов на движимость.

Нам предстоит теперь выяснить, как это общее увеличение налогов в период возникновения парламента затрагивало интересы различных слоев населения, для кого из них оно было менее, для кого более обременительным.

К сожалению, на материале наших источников, в котором почти полностью отсутствуют данные налоговых списков изучаемого периода, мы лишены возможности дать сколько-нибудь точную картину роста обложения различных социальных

[28] Разрешение магнатов в конце XIII в. требовалось и на некоторые феодальные поборы, например на aid pour fille marier.

слоев феодальной Англии. Однако в нашем распоряжении имеются некоторые косвенные данные, по которым мы попробуем сделать все же кое-какие выводы по интересующему нас вопросу.

Начнем с крестьянства — класса основных производителей. Посмотрим, в какую сторону повлияло возникновение парламента на его обложение. Едва ли можно сомневаться в том, что упорядочение и более регулярные сборы налогов на движимость в связи с возникновением парламента не сократили, а скорее увеличили долю крестьянства в государственном обложении. Теперь регулярному обложению в пользу государства подлежали все, а не только земледельческие доходы крестьянства. Если учесть при этом, что в течение последней трети XIII в. время от времени практиковались еще сборы тальи и щитовых денег, частично тоже падавшие на крестьянство, и сохранялись все местные платежи в пользу государства, о которых говорилось выше, то становится совершенно очевидным, что доля крестьянства в государственном обложении значительно повысилась.

При этом общее увеличение государственных налогов ложилось на крестьянство значительно более тяжелым бременем, чем на представителей господствующего класса. Дело в том, что парламент не только не сократил объектов обложения движимости в крестьянском хозяйстве, но, напротив, расширил их по сравнению с допарламентскими налогами на движимость. Королевские приказы о сборе налогов, посылавшиеся в графства до возникновения парламента, свидетельствуют о том, что в этот период из оценки исключалась часть движимости вилланов, как и свободных крестьян. Так, при сборе $^1/_{15}$ 1225 г. из оценки вилланского имущества исключалось, согласно королевскому приказу, «оружие, относительно которого они принесли присягу, их инструменты (utensilia), мясо, рыба и напитки, не предназначенные на продажу (quae non sunt ad vendendum), а также сено и корм для скота, если они не для продажи»[29]. Что касается свободных крестьян, то они в льготах по налогообложению приравнивались к рыцарям и клирикам. Из оценки их имущества исключались, согласно тому же приказу 1225 г., верховые, упряжные и вьючные лошади, всякое вооружение, драгоценности, сосуды, инструменты, содержимое винного погреба и мясной кладовой (lardariis, cellariis) и сено, а также и зерно, закупленное для снабжения замков[30]. В приказе о сборе $^1/_{30}$ 1237 г. также оговорено, что из оценки имущества всех налогоплательщиков исключается

[29] Select charters. Oxford, 1874, p. 356.
[30] Ibidem, p. 355.

золото и серебро, верховые лошади, вьючные животные, породистые кони, пригодные для сражений, и простые лошади, оружие, инструменты и кубки. Облагались налогом, как уже отмечалось выше, только «зерно, плуги, овцы, коровы, свиньи, упряжные лошади для плуговой запряжки и прочий скот и добро»[31].

Последнее упоминание о льготах по налогообложению для крестьян мы находим в приказе о сборе $^1/_{30}$ 1283 г., где говорится, что из оценки имущества «всех добрых людей королевства, кроме горожан и купцов (as prodes hommes del reume ke ne sunt burges ne marchans), исключаются драгоценности, верховые лошади, постельные принадлежности, одежда, посуда, инструменты, яйца, каплуны, куры, хлеб, вино, пиво и все виды пищи, как уже приготовленной, так и в запасах»[32].

Однако эта последняя льгота, по-видимому, уже не распространялась на вилланов, а только на свободных крестьян, так как по обычной терминологии XIII века определение «prodes hommes» едва ли могло относиться к крепостному крестьянству. В последующих дошедших до нас приказах и инструкциях о сборе налогов на движимость ни вилланы, ни свободные крестьяне не фигурируют в числе лиц, пользовавшихся какими-либо льготами при обложении движимости[33]. Это заставляет думать, что имущество свободных и крепостных крестьян после 1283 г. подлежало полной оценке в противоположность феодалам всех рангов (gentis hommes), из оценки имущества которых и при последующих таксациях исключалось большое количество дорогостоящих предметов (см. ниже). Следовательно, в хозяйстве крестьян должны были облагаться зерно, скот, рабочий инвентарь (инструменты), одежда, посуда, пищевые продукты, одним словом, все, что можно было найти «в поле и дома» по выражению инструкций о сборе налога. Между тем до 1283 г. из оценки крестьянского имущества обычно исключались рабочие инструменты, одежда, а также готовые предме-

---

[31] Select charters. Oxford, 1874, p. 366.

[32] «...forpris tresor, chivauchure, liz, robes, vesseles, ustis, owes, chapuns, gallines, payn, vyn. cerveyse et tute maniere de viandes preste et purvues as prodes hommes del Reume, ke ne sunt burges ne marchans». P. W., vol. I, p. 12. Слово «viand», в современном французском языке означающее «мясо», до начала XV в. не имело этого специального значения и употреблялось для обозначения всякой пищи вообще (См. F. Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue francaise du IX on XV s., vol. 10, p. 858; A. D. Dauzat. Dictionnaire etymologique. 1938, p. 749).

[33] Согласно форме таксации 1297 г., льготы по обложению касались только имущества феодалов и их жен (P. W., vol. I, p. 54). Такой же порядок обложения устанавливают инструкции 1305 г. (P. W., vol. I, p. 179), 1306 г. (Ibidem, p. 190), 1307 г. (Ibidem, vol. II, p. 15), 1309 г. (Ibidem, pp. 38—39), 1314 г. (Ibidem, pp. 117—118).

ты питания и корм для скота, если они не предназначались для продажи. Таким образом, «преимущество» парламентского обложения для широких масс крестьянства сказалось прежде всего в том, что парламент прелатов и баронов, рыцарей и верхушки горожан упразднил даже те скромные ограничения в обложении крестьянского имущества, которые практиковались до возникновения парламента, превратив эти льготы в исключительную привилегию класса феодалов.

Американский историк Виллард пытается опровергнуть эти данные официальной документации. Противопоставляя им сведения, содержащиеся в налоговых списках и отчетах сборщиков, он утверждает, что на практике правительственные инструкции не соблюдались и крестьянство пользовалось многочисленными льготами по обложению, о которых ничего не упоминается в этих инструкциях [34]. Эти льготы, по мнению Виллардa, значительно облегчавшие реальное обложение крестьянской движимости, заключались в следующем. Во-первых, в оценку крестьянского имущества при обложении никогда не включался рабочий инвентарь крестьянина, в частности плуги и другие сельскохозяйственные орудия [35]. Во-вторых, обложению подлежало лишь то зерно, которое предназначалось на продажу, тогда как зерно, непосредственно потреблявшееся в крестьянском хозяйстве, как и все продукты питания — мясо, рыба, молочные продукты, не включались в оценку крестьянской движимости [36]. В-третьих, рента, уплачиваемая крестьянином в пользу лорда в натуральной и денежной форме, включалась в оценку движимости лорда, а не крестьянина [37]. В-четвертых, оценщики имущества обычно занижали стоимость крестьянской движимости, расценивая ее ниже средних рыночных цен, что также очень облегчало налоговые тяготы, крестьянства [38]. Наконец, в-пятых, Виллард особенно охотно подчеркивает факт освобождения от налогов лиц, имущество которых по оценке не превышало определенного установленного правительством минимума, в чем он видит благодетельную заботу парламента о бедняках [39].

Все эти соображения, высказанные американским историком, имеют целью подчеркнуть, что в Англии XIII—XIV вв. государственное и, в частности, парламентское обложение не являлось серьезной тяготой для крестьянских масс, ибо оно

---

[34] J. F. Willard. Parliamentary taxes on personal property, 1290—1334. Cambridge (Massachusets), 1934, pp. 75—80.
[35] Ibidem, p. 79.
[36] Ibidem, pp. 80—85.
[37] Ibidem, p. 78.
[38] Ibidem, pp. 140—141.
[39] Ibidem, pp. 87—88.

затрагивало лишь те продукты крестьянского хозяйства, которые шли на продажу, то есть ту часть избыточного продукта каждого крестьянина, которая оставалась у него после уплаты ренты феодалу. По мнению Вилларда, таким образом, налоги на движимость совершенно не касались продукта необходимого труда крестьянина — его средств существования, его средств производства и его прибавочного продукта — феодальной ренты. Более того, он настойчиво проводит в своей работе мысль о том, что в сущности никакого различия в принципах обложения крестьянства и феодалов не существовало. И тем и другим государство одинаково обеспечивало минимум необходимых жизненных средств — первым в виде рабочего инвентаря и продуктов питания, вторым — в виде их вооружения и верховых лошадей. «Исключение из налоговых списков,— пишет он,— плугов и станков, так же как оружия и верховых лошадей, очевидно, имело общие причины: те предметы, в которых каждый человек нуждался для своей повседневной работы, каковы бы они ни были, не подлежали оценке в целях обложения» [40].

При такой постановке вопроса налоговая политика английского феодального государства, и в частности парламента, по отношению к крестьянству получает в целом неверное освещение, которое не может не вызвать у нас возражений. Несмотря на то что Виллард выступает под прикрытием как будто бы объективного анализа источников, его аргументация во многих случаях сомнительна и натянута.

Уже первое утверждение Вилларда о безусловном освобождении от обложения рабочего инвентаря крестьянина представляется по меньшей мере сомнительным. Во-первых, Виллард ни разу не указывает конкретно, какие предметы являлись объектом обложения при сборе всех тех налогов, о которых сохранились налоговые списки; во-вторых, материал налоговых списков, на которые он ссылается, носит фрагментарный и локальный характер, так как эти списки относятся к отдельным графствам и далеко не ко всем налогам. Поэтому делать на основании этих источников общий вывод о том, что рабочий инвентарь крестьянина **везде** и **всегда** исключался из оценки крестьянской движимости, едва ли возможно. Сам Виллард, при наличии в его распоряжении некоторого количества налоговых списков, отмечает значительные вариации в объектах обложения по разным графствам в разные годы, указывая, например, что иногда облагались телеги, железо, уголь, пищевые продукты, шерсть и т. д., которые в других случаях не подлежали обложению. Следовательно, мы

[40] Ibidem, p. 80.

вправе предполагать, что в других графствах и в другие годы обложению подлежали плуги и другие орудия, хотя данных об этом не сохранилось. Возможно, что исключения крестьянского инвентаря из обложения были связаны с какими-либо местными условиями и не могут рассматриваться как общепринятое по обычаю правило. Рассмотренные нами инструкции 1225 и 1283 гг. были действительно составлены в таких выражениях, которые допускали такого рода изъятия. Под понятие utensilia, вероятно, подводились и сельскохозяйственные орудия, в частности плуги, если не оговаривалось особо, что они включаются в оценку, как это было в 1232 и 1237 гг.[41].

Этим объясняется то, что в 1283 г., как это ясно из налоговых списков сотни Blackbourn, которыми мы пользовались, плуги и другой сельскохозяйственный инвентарь действительно не облагались[42]. Однако исчезновение подобной оговорки относительно utensilia из последующих инструкций свидетельствует о стремлении правительства и парламента покончить с такого рода изъятиями и подчинить обложению все виды движимости крестьян. Возможно, что это стремление далеко не всегда реализовалось на практике, и в отдельных случаях плуги продолжали исключаться из оценки крестьянского имущества.

Возводя это противоречие практики с инструкциями в общий принцип, Виллард объясняет его в связи с обычаем защиты wainagium'a, то есть плуговой запряжки крестьянина, согласно которому, как мы видели, запрещалось отнимать у крестьянина его плуговую запряжку за недоимки, долги или в качестве штрафа за какие-либо правонарушения. В освобождении от обложения плугов Виллард видит защиту крестьянства со стороны парламента. Возможно, что в тех случаях, когда плуги освобождались от обложения, это действительно делалось по аналогии с правилом о wainagium'е, хотя, быть может, не меньшую роль здесь играло опасение сопротивления со стороны крестьянства. Но, во-первых, само это правило, как мы показали выше, нельзя рассматривать как защиту вилланских интересов (см. гл. II). Во-вторых, мы не можем считать защитой крестьянства исключение из обложения в отдельных случаях его рабочего инвентаря еще и потому, что рабочий скот — лошади и быки, также составлявшие элемент wainagium'a, как вынужден признать и сам Виллард, **всегда** включались в оценку движимости крестьянина. А это значит,

---

[41] В приказах о сборе $^1/_{40}$ 1232 г. и $^1/_{30}$ 1337 г. плуги фигурируют в числе предметов, подлежащих обложению (Select charters. Oxford, 1874, pp. 360, 366).

[42] E. Powell. Suffolk hundred in the year 1283. Cambridge, 1910, passim.

что, вопреки его утверждению, значительная часть орудий производства крестьянина всегда и безоговорочно подлежала обложению. Таким образом, тезис Вилларда не может быть принят в отношении всей Англии и общих принципов налогообложения движимости.

Второй тезис Вилларда о том, что обложению подлежало в доме крестьянина лишь зерно, предназначенное для продажи, неприемлем вообще, ибо он основывается на неточном истолковании источников. По данным налоговых списков, относящихся к разным годам и разным деревням, расположенным в разных графствах, Виллард производит выборочный подсчет, чтобы установить, сколько в среднем зерна по оценке налоговых сборщиков приходилось на каждое крестьянское хозяйство. У него получается, что в среднем это количество зерна не превышало 30 бушелей, а обычно было гораздо ниже.

Считая, согласно данным Вальтера Хенли, что в среднем годовая потребность крестьянской семьи в зерне исчислялась в конце XIII в. в 30—40 бушелей, Виллард безапелляционно делает вывод о том, что столь низкое среднее количество зерна на семью, в налоговых списках, может быть объяснено лишь тем, что оценивались не все запасы зерна крестьян, но только излишки, которые шли на продажу [43].

Однако метод средних цифр, принятый Виллардом для установления размеров подлежащего обложению зерна, совершенно не применим к английской деревне XIII и XIV вв., расслоение которой зашло уже достаточно далеко. В XIII в. почти в каждой деревне имелись зажиточные крестьяне кулацкого типа, особенно среди свободных, у которых запасы зерна по оценке налоговых списков значительно превышали норму в 30—40 бушелей, крестьяне-середняки, у которых едва ли оставались большие излишки для продажи, и, наконец, крестьянская беднота — коттеры, у которых хлеба не хватало не только для продажи, но и для собственного потребления.

Ясно, что в тех деревнях, где процент бедноты был высок, среднее количество учтенного по оценке зерна на семью должно было быть значительно ниже. Ясно поэтому, что эти низкие средние цифры никак не могут служить доказательством того, что в них входили только хлебные излишки крестьян. В лучшем случае они лишь иллюстрируют факт значительного имущественного расслоения крестьянства в данной деревне. Это тем более очевидно, что сам Виллард приводит по отдельным деревням такие средние цифры, которые значительно превышают норму в 30—40 бушелей — 70, 60, 56, 52 бушеля на семью, что, несомненно, свидетельствует о наличии в этих де-

[43] J. F. Willard. Op. cit., pp. 81—82.

ревнях большой прослойки более зажиточных хозяев. Наконец, низкие средние цифры по отдельным графствам в различные годы могли определяться местными условиями, неурожаями, общими и местными, преобладанием скотоводческого хозяйства в некоторых областях и другими причинами.

Чувствуя слабость и неубедительность своих выкладок, Виллард пытается подкрепить их ссылками на те же правительственные инструкции, которые сам он объявил не соответствующими практике обложения. Сопоставив инструкцию 1225 г. с инструкцией 1283 г., он пускается в такого рода рассуждения: в 1225 г. из оценки имущества вилланов исключались мясо, рыба, сено и фураж, не предназначенные на продажу (см. выше); в 1283 г. из оценки имущества всех сельских жителей были исключены хлеб, вино, пиво и все виды пищи (tut manier de viandes), под понятие которой он произвольно подводит также и зерно. На этом основании Виллард полагает, что «при вольном толковании инструкции, как она обычно, вероятно, и толковалась, зерно, сохранявшееся для потребления семьи, а не для продажи, не включалось в движимое имущество, подлежащее оценке»[44].

Нам трудно судить о том, насколько «вольно» средневековые оценщики и сборщики трактовали правительственные инструкции, но, несомненно, что сам Виллард очень вольно толкует цитируемые им источники. Во-первых, у нас нет никаких оснований включать в понятие «все виды пищи» также и зерно. Во всех инструкциях до 1283 г. конкретно перечисляются те предметы питания, которые подлежали исключению из оценки, и среди них ни разу не упомянуто зерно. Эти исключения касаются лишь мяса, рыбы, напитков, печеного хлеба, то есть уже готовых пищевых продуктов, или таких запасов, как соленое и копченое мясо или рыба, которые, вероятно, не имели большой ценности и не могли существенно повлиять на результаты оценки.

Непонятно, почему при таком тщательном перечислении всех подлежащих исключению предметов, инструкции не упоминают зерно, составлявшее главную ценность в крестьянском хозяйстве. Если бы инструкция 1283 г. имела в виду освободить от обложения зерно, предназначенное для потребления крестьянской семьи, то она, несомненно, поименовала бы и его, а не ограничилась бы глухим указанием на «все виды пищи»; во-вторых, в инструкции 1283 г. вовсе нет оговорки о том, что освобождаются от налога «все виды пищи», **«не предназначенные для продажи»**. Автоматически распространять эту оговорку 1225 г. на 1283 г., как это делает Виллард, у нас нет ника-

[44] Ibidem, pp. 84—85.

ких оснований. Без этой же оговорки толкование Виллларда приводит нас к совершенному абсурду, так как выходит, что зерно, включенное им в понятие «всех видов пищи», вообще освобождалось от обложения. Между тем, в действительности, как показывают налоговые списки, в частности и те, на которые ссылается сам Виллард, основную часть облагаемой движимости всегда составляло именно зерно. Наконец, совершенно произвольным является перенесение этих неудачно скомбинированных по инструкциям 1225 и 1283 гг. выводов на последующие налоги, при сборе которых, как было отмечено выше, крестьяне не пользовались по инструкциям льготами даже в отношении пишевых продуктов, не говоря уже о зерне.

Итак, аргументация Виллларда в этом вопросе совершенно неубедительна, даже с чисто формальной, методической точки зрения. Тем более она не выдерживает критики с точки зрения общеизвестных фактов аграрной истории Англии XIII в. Учитывая значительное расслоение английского крестьянства в этот период, едва ли можно думать, что у крестьянской бедноты, да и у крестьян среднего достатка, регулярно оставались хлебные излишки для продажи, сверх того, что шло на потребление его семьи и на уплату ренты феодалу. Выдвигая свою «теорию» обложения излишков, Виллард тем самым допускает предположение, что подавляющее большинство крестьянства, за исключением сравнительно небольшой зажиточной прослойки, не подлежало государственному обложению.

Однако такое предположение совершенно противоречит всем известным нам фактам. Изученные нами налоговые списки сотни Blackbourn свидетельствуют о том, что значительную часть налогоплательщиков каждой деревни составляли держатели мелких и мельчайших земельных участков от 1 до 5 акров. Причем среди оцененного имущества этих держателей постоянно фигурирует разного сорта зерно, хотя и в небольшом количестве [45]. Очевидно, что владельцы столь мелких держаний, как правило, не могли располагать излишками продажного зерна, и зерно, включенное в оценку их имущества, составляло все их зерновые запасы.

Малоубедительно аргументирует Виллард и свой третий вывод о том, что рента, причитавшаяся феодалу, не подлежала обложению в крестьянском хозяйстве. Свое доказательство по этому вопросу Виллард строит на одном из пунктов инструкции о сборе налога 1307 г., согласно которой, как он утверждает, «рента, уплачиваемая в натуре вилланом его лорду, исключалась из принадлежащего ему имущества до начала

---

[45] S. A. Powell. Op. cit. Налоговые списки по виллам, passim.

оценки, так как она подлежала обложению в качестве части движимости лорда» [46]. Не считая нужным даже процитировать эту инструкцию, Виллард распространяет этот свой вывод на всю практику налогообложения, как до, так и после 1307 г.

Между тем, тот пункт инструкции 1307 г., на который он ссылается, можно правильно понять лишь в связи с общим контекстом всей инструкции. В ней идет речь о порядке обложения духовенства и указывается, что церковные доходы духовенства не подлежат обложению в данном случае в силу того, что оно недавно уплатило королю $^1/_{10}$. Подлежат обложению лишь те владения духовных лиц, которые они получили по наследству или купили [47]. Непосредственно за этим следует абзац, на который ссылается Виллард: «Также,— гласит инструкция,— имущество вилланов, принадлежащих прелатам, монахам и другим клирикам, должно быть обложено этим налогом. Так, однако, чтобы ренты и другие повинности, которые эти вилланы несут в пользу своих лордов, были исключены из обложения имуществ вилланов, а с остального взята одна двадцатая» [48].

Из этого абзаца, во-первых, явствует, что эта льгота касалась не вилланов вообще, а только вилланов духовных лиц и что ее следует рассматривать как облегчение скорее не для вилланов, а для их лордов в связи с другими перечисленными в той же инструкции льготами. Это тем более очевидно, что, вопреки утверждению Вилларда, в инструкции ни слова не сказано о том, что ренты вилланов будут облагаться вместе с движимостью лордов. По-видимому, ренты вилланов вообще освобождались от обложения в виде специальной льготы для духовенства

Инструкция 1307 г., скорее, напротив, свидетельствует о том, что обычно все крестьянство в целом вынуждено было платить налоги, исходя из оценки движимости, включая ренту, так как в противном случае не было бы нужды делать в инструкции 1307 г. подобную специальную оговорку. Это подтверждается также и тем, что ни в одной из предшествующих инструкций мы не встречаем подобных льгот даже для вилланов духовных лиц.

То, что рента в натуральной форме облагалась, как правило, в составе крестьянской, а не помещичьей движимости, подтверждается и другими данными. Подавляющее большин-

---

[46] J. F. Willard. Op. cit., p. 78.

[47] P. W., vol. II, part II, p. 15.

[48] «Ensement les biens de villains as prelats, gentz de religion et outres clercs soient taxez en cest taxation. Issint que rents et outres services que mesme les villains font a leur seigneurs soient sustretz en la taxation de biens de villains et de remenant ventieme leve». Ibidem, p. 15.

ство инструкций устанавливает срок оценки имущества на 29 сентября — день св. Михаила. Как известно, этот день считался в средневековой Англии концом хозяйственного года. К этому дню далеко не все вилланы успевали уплатить феодалу ренту. Таким образом, рента облагалась обычно не в помещичьем, а в крестьянском хозяйстве. Только один раз в 1306 г. срок оценки был назначен на 30 ноября (день св. Андрея Апостола), когда основная часть ренты после сбора урожая могла находиться уже в амбаре помещика.

Вообще обычный срок оценки — 29 сентября — был крайне невыгоден для крестьянства. Это был как раз тот момент, когда после уборки урожая в его доме концентрировалось наибольшее количество движимости и, в частности, зерна, которое затем частично продавалось, частично отдавалось лорду, частично потреблялось в семье. Оценщики, таким образом, учитывали максимальные размеры движимости крестьянина, тогда как в дальнейшем в течение всего года его действительное имущество было гораздо меньшего размера. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает, что правительство отнюдь не заботилось о выгодах крестьянства при сборе каждого очередного налога.

Итак, за исключением особых случаев и специальной категории вилланов, натуральная рента крестьян, если она не была передана в усадьбу лорда в момент оценки, подлежала обложению как часть движимости крестьянства. Таким образом, и в этом отношении феодальное государство старалось облегчить обложение феодалов за счет крестьянства.

Что касается рассуждений Вилларда о заниженной оценке крестьянской движимости, то они также довольно спорны. Он, конечно, совершенно прав в том, что оценка производилась на глазок, без точного учета оцениваемого имущества. Однако когда он начинает сопоставлять оценку отдельных видов зерна и скота по налоговым спискам разных лет и по разным графствам со средними ценами, вычисленными Роджерсом для соответствующих десятилетий, то эти сопоставления ничего не доказывают. По-видимому, цены очень варьировали в разных частях Англии, и оценщики, конечно, исходили из местных рыночных цен, а не из «средних цен» по всей Англии. Поскольку в Англии XIII в., вероятно, отсутствовала статистика цен, эти оценщики и не могли руководствоваться столь отвлеченными критериями. Не зная точно конкретных рыночных цен **каждого данного года в данной местности**, невозможно судить о том, занижали сборщики оценку движимости или нет.

Наконец, последний довод Вилларда относительно освобождения от налогов бедных людей также нуждается в некоторых поправках и разъяснениях.

Действительно, из обложения, как правило, исключались бедняки, имущество которых по оценке было ниже определенной нормы. Минимум движимого имущества, подлежавшего обложению, устанавливался отдельно каждой новой инструкцией. В 1283 г. он был установлен в 6 ш. 8 п.[49], в 1297 г.— в 5 ш.[50], в 1307 г.— 15 ш.[51], в 1309 г.— 10 ш.[52]. Однако эти льготы касались, очевидно, лишь самых беднейших слоев крестьянства, к которым принадлежали лица, обладавшие движимостью (не ежегодным доходом, а именно движимостью) столь низких размеров. Это были нищие или близкие к ним по своему положению люди, с которых нечего было взять. Само собой понятно, что такая свобода от обложения не распространялась на основную массу крестьянства. Как мы уже отмечали, на материале налоговых списков сотни Blackbourn видно, что налог 1283 г. касался большого количества мелких и мельчайших свободных крестьян, держания которых часто не превышали 1, 2, 3 акров.

Все приведенные факты показывают, что парламентское обложение движимости было организовано таким образом, что в смысле объектов, сроков и размеров обложения оно ложилось на крестьянские массы гораздо тяжелее, чем на представителей господствующего класса, в чем также сказалась классовая направленность налоговой политики парламента.

Сказывалась эта классовая направленность и в самой организации сбора налогов на движимость. В этом отношении появление парламента не внесло существенных изменений в порядки, установившиеся еще при Генрихе III. Оценка имущества населения графств, установление размера обложения и сбор причитающихся денег, и до и после возникновения парламента, производились королевскими сборщиками при помощи рыцарства и зажиточных фригольдеров данного графства. При Генрихе III и в первые 20 лет царствования Эдуарда I главные сборщики в графствах обычно назначались королем из числа его чиновного окружения. К моменту их прибытия в графства шериф должен был организовать избрание четырех рыцарей в каждой сотне, которые должны были установить размеры движимого имущества всех ее жителей. Сбор денег, а отчасти и оценка имущества в каждой деревне производились четырьмя «лучшими и полноправными людьми деревни вместе со старостой», которые передавали деньги рыцарям сотни, а те главным сборщикам[53].

---

[49] P. W., vol. I. p. 12.
[50] Ibidem, p. 55.
[51] P. W., vol. II, part II, p. 16.
[52] Ibidem, pp. 38—39.
[53] Такая процедура была установлена приказом о сборе $^1/_{15}$ в 1225 г.

С1297 г. установился новый порядок. Теперь главные сборщики не назначались королем, а выбирались в собрании графства из числа рыцарей или держателей сержентарий, которые должны были быть обязательно жителями и землевладельцами графств [54]. В остальном процедура оставалась неизменной. Для массы крестьянского населения эта реформа не имела существенного значения. Ему было в общем безразлично, обирает ли его королевский чиновник или соседний рыцарь-землевладелец. И в том, и в другом случае оценка имущества, раскладка и сбор налогов находились в руках представителей господствующего класса, на снисхождение которых ему едва ли приходилось рассчитывать. Рыцари графств допускали при сборе налогов такие же злоупотребления, как и королевские чиновники.

О широком распространении такого рода злоупотреблений свидетельствуют сами приказы о сборе налогов. В этих приказах обычно оценщики и сборщики предостерегаются от попыток сокрытия имущества налогоплательщиков, от заниженной их оценки. Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, они должны приносить торжественную присягу в том, что будут соблюдать все предписанные правила. Однако все это, очевидно, очень мало помогало. В очередном приказе о сборе $^1/_{18}$ и $^1/_{12}$ от 1319 г., например, прямо говорится о вымогательствах сборщиков: «Так как при сборе всех налогов,— читаем мы в этом приказе,— мирно разрешенных королю, сборщики, их помощники и клерки всегда брали, прятали и удерживали в своих руках треть и более из того, что собиралось с народа, в чем многие из них были уличены... король и его совет постановили на этом парламенте, чтобы избежать подобного ущерба и вымогательств, чтобы никто из главных сборщиков и их клерков ни сами, ни через других лиц, ни у кого под предлогом этого налога не брали бы принадлежащих им вещей, так, чтобы король никоим образом не терпел ущерба, а народ притеснений, под угрозой тяжких штрафов и тюремного заключения по воле короля» [55].

Если через 30—40 лет после начала регулярного парламентского обложения королевский приказ констатировал подобные злоупотребления, то, очевидно, что они имели самое широкое распространение. Конечно, королевские приказы, борясь с этими злоупотреблениями, имели в виду прежде всего интересы казны. Но ясно, что злоупотребления сборщиков но-

---

[54] Приказ о сборе $^1/_8$ 1297 г. (P. W., vol. I, p. 54); приказ о сборе $^1/_9$ 1297 г. (P. W., vol. I, pp. 62—63); приказ о сборе $^1/_{15}$ 1301 г. (Ibidem, p. 105).

[55] Ibidem, p. 212.

сили такой же классовый характер, как и злоупотребления других чиновников. Понятно, что больше всего от всех этих злоупотреблений страдало именно крестьянство, как крепостное, так и в значительной мере свободное, которое не могло ни защищаться само от злоупотреблений сборщиков, ни соперничать с лордами и сельскими богатеями во взятках. Таким образом, и в отношении организации сбора налогов парламент заботился лишь о том, чтобы облегчить эту процедуру для представителей класса феодалов, нисколько не беспокоясь о крестьянстве.

Рассматривая последствия парламентского обложения движимости для крестьянства, мы, в сущности говоря, выяснили уже в значительной мере и его последствия для класса феодалов. Ведь все те тяготы, которые эта новая форма обложения несла с собой крестьянским массам, имели своей оборотной стороной фискальные льготы для господствующего класса в целом. К сожалению, наши источники не дают возможности проследить, существовали ли какие-либо существенные различия в оценке и обложении разных слоев класса феодалов [56], но они дают очень ясное представление о постоянном стремлении правительства и, в частности, парламента, облегчить налоговое бремя господствующего класса в целом.

Из оценки имущества феодалов и до и после 1283 г. исключались все вещи, имеющие наибольшую ценность. В 1283 г. из оценки их имущества, как имущества всех «добрых людей королевства» (см. выше), исключались драгоценности, вооружение, постели, одежда, посуда, яйца, каплуны, курицы, хлеб, вино, пиво, кожа и все виды пищи [57]. В форме таксации 1297 г. и последующих приказах все эти льготы оговаривались уже только специально для феодалов и их жен (as chivalers et gentiz hommes e de leur femmes) [58]. Другими словами, от обложения движимости фактически освобождались все накопления помещичьего хозяйства, образующиеся в нем из года в год. Очевидно, парламент, разрешая каждый очередной налог, выговаривал значительные льготы для всех представителей господствующего класса, перекладывая еще бóльшую долю налога на плечи крестьянских масс. Но парламентское обложение движимости благоприятствовало феодалам и в некоторых других отношениях.

[56] Мы можем здесь выделить лишь обложение церкви (см. ниже).

[57] P. W., vol. I, p. 12.

[58] Ibidem, pp. 54—55 ... «Et fet asevoir q'en ceste taxation serount forpris armeure mounteure, jueux, e robes as chevaliers et gentiz hommes e de leur femmes et leur vessels de ore et dargent, et darein». Такая же оговорка имеется в приказе 1305, 1306 гг. (Ibidem, p. 179), 1307 г. (P. W., vol. II, part II, p. 15), 1309 г. (P. W., vol. II, part II, pp. 38—39), 1314 г. (P. W., vol. II, part II, pp. 117—118).

Мы говорили выше о том, что в практике королевской фискальной политики были обычны всякого рода частные льготы и освобождения от государственных налогов отдельных представителей класса феодалов (см. гл. IV). Парламентское обложение не только не упразднило этой практики, но даже облегчило ее проведение. Правда, оно исходило из общего принципа, что все феодалы, как и прочие жители королевства, подлежат налогам на движимость, но на практике делались многочисленные отступления от этого правила. Так, от уплаты налогов на движимость часто освобождались феодалы, участвовавшие в момент сбора налога в походах с королем. В 1283 г., например, согласно форме таксации, от обложения освобождались все крупнейшие феодалы Англии (hauz hommes), находящиеся с королем в Уэльсе на войне, а также их вилланы, однако их свободные держатели подлежали обложению [59]. Любопытно при этом, что в приказе оговаривалось, что те феодалы, которые находятся в войске короля на его счет, не должны освобождаться от налога [60]. Очевидно, льгота распространялась преимущественно на магнатов, но не на мелких и средних феодалов, в большинстве случаев содержавшихся за счет казны. Такую же льготу по обложению $^1/_{10}$ получили в 1294 г. феодалы, находившиеся в войсках короля в Уэльсе и Шотландии. Правда, им была дана только отсрочка до конца войны, и имущество их подлежало оценке, но затем многие из них получили полное освобождение от налога для себя и своих вилланов [61]. Среди них главным образом фигурировали также магнаты Англии. Аналогичные довольно массовые освобождения имели место в 1295 и 1296 гг. [62]. К этому надо добавить, что формально от уплаты налогов на движимость в изучаемый период были освобождены палатинаты Честерский и Даремский. Вернее, они платили налоги, но обычно по особым соглашениям с королем [63]. Характерно, что хотя никакие иммунитетные привилегии формально не освобождали феодалов от налогов на движимость, но практически, в силу реального соотношения сил в графствах, лорды-иммунисты имели часто возможность уклоняться от уплаты налога или затягивать ее до бесконечности [64].

---

[59] P. W., vol. I, p. 12.

[60] Ibidem.

[61] J. F. Willard. Op. cit., pp. 111—113.

[62] Ibidem, pp. 112—113. По материалам не доступных нам Казначейских свитков.

[63] Ibidem. Op. cit., p. 29.

[64] Дж. Виллард приводит ряд фактов недопущения сборщиков налогов на территории иммунитетов Эдмунда Корнуольского (1291), Эдмунда Мортуомари (1293), Алана эрла Арундель, эрла Ланкастерского (1319 г.) и ряда других. Ibidem, p. 29.

Особыми льготами, сверх упомянутых выше, пользовались церковные феодалы и церковь в целом. Прежде всего, духовные магнаты, заседавшие вместе со светскими баронами, давали санкцию лишь на обложение светских ленов церкви, то есть лишь тех церковных земель, которые держались на праве баронии от короля, или вообще своих светских держаний (temporalia). Что касается всех прочих владений церкви — церковных бенефициев, пребенд, держаний в «вечной и свободной милостыне» и т. д., то они могли облагаться королем только с согласия общеанглийских или провинциальных конвокаций. Таким образом, значительная доля церковных земель оставалась как бы за пределами парламентского обложения. Такого рода оговорки встречаются в формах таксации 1283 [65], 1297 [66], 1302 [67], 1307 гг.[68] и, очевидно, имели силу и во всех других случаях парламентского обложения движимости [69]. Однако, в отличие от льгот, предоставляемых светским феодалам, эти освобождения не распространялись на имущество вилланов и свободных держателей церкви, что также настойчиво оговаривалось в этих приказах [70].

Все эти льготы в обложении представителей господствующего класса, очевидно, являются результатом тех соглашений, которые совершались в парламенте при каждом очередном разрешении налога. Хотя мы не располагаем никакими протокольными записями о том, что происходило на заседаниях парламента, но у нас есть все основания предполагать, что каждое такое разрешение нового налога сопровождалось рядом условий, которые затем находили отражения в королевских приказах о сборе налогов.

Феодалы, и в частности бароны и прелаты, использовали парламент в своих финансовых интересах и в другом направле-

---

[65] P. W., vol. I, p. 12.

[66] Ibidem, p. 54.

[67] Ibidem, p. 110.

[68] Ibidem, vol. II, part II, pp. 14—15.

[69] Виллард отмечает, что в 1290 г. $^1/_{15}$ была взята только с temporalia, тогда как spiritualia были обложены $^1/_{10}$ по решению конвокации (J. F. Willard. Op. cit., pp. 96—102). В 1294 г. конвокация разрешила $^1/_2$ доходов со spiritualia, а temporalia были обложены $^1/_{10}$ по разрешению парламента (Ibidem). Такой же порядок обложения церковных земель имел место в 1295 г. (Ibidem).

[70] P. W., vol. I, p. 12. «... mes le biens lur franc tenaunts et de leur vyleyns tuz seyt fete taxacioun e trentieme levee». P. W., vol. I, p. 54. «...E ensement soient taxez en ceste taxation les biens as vileins de arcevesques, evesques, religieux e de touts outres clerks qui quil seient». P. W., vol. II, part II, p. 15. «...Eusement les biens de villains as prelates, gent de religion et autres clerks soient taxez en cest taxation». Правда, как отмечалось выше, в этом единственном случае рента вилланов не подлежала оценке и обложению (см. стр. 523).

нии — в отношении тальи и щитовых денег. С появлением парламента они получили возможность организовывать коллективные петиции королю по вопросам, которые прежде требовали индивидуального разрешения в каждом отдельном случае. Если прежде каждый крупный феодал лично обращался к королю с просьбой разрешить ему обложение тальей городов и земель старинного домена, находившихся в его владении, когда король облагает свои домены, то теперь, как это было, например, в 1305 г. (см. ниже), архиепископы, епископы, эрлы и бароны могли обращаться к королю с коллективными петициями по этому вопросу [71]. То же относится к коллективной просьбе магнатов Англии в 1305 г., лично участвовавших в войне с Шотландией, разрешить им сбор щитовых денег со своих держателей [72]. И в том, и в другом случае парламент использовался магнатами Англии для того, чтобы добиться у короля санкции на взимание экстраординарных поборов с их держателей.

Во всех вышеприведенных случаях все эти льготы и привилегии в обложении (кроме общих льгот при оценке имущества), утверждаемые парламентом, распространялись преимущественно на представителей феодальной аристократии. Однако было бы неверно на этом основании считать, что возникновение парламента было выгодно в первую очередь именно этому слою феодалов. Оценивая значение парламента для различных группировок класса феодалов, нельзя не учесть того, что с возникновением этого учреждения именно низшие и средние слои господствующего класса получили возможность контролировать государственное обложение, чего они были совершенно лишены прежде. Представители же феодальной аристократии практически имели такую возможность и раньше — в советах магнатов. Поэтому возникновение парламента и закрепление за ним права разрешать налоги на движимость прежде всего было в интересах низших и средних слоев класса феодалов — рыцарства.

Итак, в вопросах налогообложения парламент, так же как королевская власть до его возникновения и в полном контакте с ней, проводил политику, враждебную крестьянству и направленную к выгоде его антагониста — класса феодалов. Естественно, что льготы по налогообложению для феодалов покупались в значительной мере за счет усиленного фискального нажима на крестьянство. Но, может быть, в еще большей степени они окупались фискальной эксплуатацией городов, кото-

---

[71] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 54.
[72] Ibidem, pp. 123, 126.

рая не ослабела, но в некоторых отношениях еще усилилась с возникновением парламента.

Прежде всего с появлением городского представительства общегосударственные налоги с городского населения становятся не реже, а чаще. За 56 лет правления Генриха III города облагались всего 11 раз (десять раз тальей и один раз в 1224/25 г., налогом на движимость)[73], то есть в среднем — раз в 5 лет. За 35 лет правления Эдуарда I, в последние годы которого участие городских представителей в парламенте становится более или менее постоянным, города облагались 10 раз (8 раз налогом на движимость и 2 раза тальей), то есть примерно раз в три с половиной года[74].

Кроме того, размеры городского обложения движимости, даже при наличии парламентской санкции, с конца XIII и на протяжении всего XIV в. были почти всегда значительно выше, чем размеры обложения сельских жителей, как феодалов, так и крестьян, и были приравнены к размерам обложения земель королевского домена.

Так, в 1294 г. со всех светских владений была взята $^1/_{10}$, а с доменов и городов — $^1/_6$; в 1295 г. со светских владений — $^1/_{11}$, а с доменов и городов — $^1/_7$; в 1296 г. со всех владений — $^1/_{12}$, а с доменов и городов — $^1/_8$. Только в 1283, 1301, 1305 и 1306 гг. горожане были обложены в том же размере, что и все прочие слои населения. Относительная тяжесть городского обложения объяснялась отчасти тем, что с городов, являвшихся важными центрами накопления, можно было выжать больше средств, а отчасти тем, что над ними все еще тяготела традиция произвольного обложения. По-видимому, в новых городских налогах на движимость постепенно исчезала старинная талья, произвольный характер которой отразился в повышенном размере этих налогов. На это указывает, в частности, тот факт, что, несмотря на свое «право» собирать талью, Эдуард I собрал ее всего два раза, предпочитая налоги на движимость, разрешенные парламентом или отдельными городами. Однако, даже отказываясь от тальи в пользу новой формы обложения, он продолжал рассматривать города как часть домена и требовал с них значительно более высоких платежей. Таким образом, доля городов в государственном обложении движимости была выше не только доли феодалов, но даже доли вилланов[75].

[73] B. J. H. Ramsay. Op. cit., vol. I, pp. 363—364.

[74] Ibidem, vol. II, p. 87.

[75] Облагая вилланов, феодальное государство вынуждено было отчасти считаться с интересами лордов с тем, чтобы налоги на движимость не препятствовали последним получать с крестьян ренту в обычном размере. В отношении же городов и своих домениальных земель король мог ни с кем не считаться и поэтому облагал их тяжелее.

При этом городские представители в парламенте и до и после 1297 г. не сумели добиться формального упразднения тальи, угроза которой постоянно тяготела над городами. В тех случаях, когда королю это было почему-либо выгодно или если он не рассчитывал добиться согласия городских представителей в парламенте, он и теперь мог собирать и собирал талью, как это имело место в 1288 и 1304 гг. Таким образом, наличие парламента не спасало на первых порах горожан от произвольной тальи, так же как оно не спасало их от уплаты фирмы и прочих феодальных поборов в пользу короля или других сеньеров. Очевидно, парламент не мог пойти на отмену этих платежей, так как это было невыгодно верхушке господствующего класса.

Наконец, городское представительство в парламенте ни в XIII, ни в начале XIV в. не смогло добиться никаких ограничений в смысле объектов обложения городской движимости. Со времени первых налогов на движимость из оценки имущества горожан, как гласит форма таксации 1225 г., исключалось «оружие, инструменты, находящиеся в их домах, содержимое погреба и кладовой, предназначенное для питания[76]. В первый период существования парламента эти ограничения оставались в силе, как это явствует из формы таксации 1283 г.[77].

Однако к концу изучаемого периода характер этих ограничений изменился не к выгоде горожан. Согласно форме таксации 1297 г., из оценки имущества горожан (en citez, burges villes marchandes) сборщикам предписывалось исключать только «одно нарядное платье для мужчины и одно для женщины, одну кровать для обоих, одно кольцо, одну пряжку из золота и серебра и одну перевязь из сукна, которой они пользуются ежедневно, а также одну серебряную или деревянную чашу, из которой они пьют»[78]. Другими словами, инструменты ремесленника и все продукты питания, находящиеся в его доме, становились теперь объектом обложения. Однако даже эти скромные ограничения к концу изучаемого периода постепенно ликвидировались. Форма таксации 1305—1306 гг., например, предписывала, чтобы при сборе $^1/_{10}$ этого года «такого рода исключения из оценки имущества (какие предписывались для феодалов.— *Е. Г.*) не имели места в городах и бургах и других поселениях в отношении имущества горожан (marchands), но

---

[76] Select charters. Oxford, 1874, pp. 355—356.

[77] P. W., vol. I, p. 12. «Mes tuz les bens e les moebles de marchans e de burgees seyent taxes et prissez sicut autre feez soleyent kaunt ayde fu grante as auncestres le Rey».

[78] Ibidem, pp. 54—55. Аналогичный приказ был дан при сборе $^1/_{15}$ 1307 г. с горожан. P. W., vol. II, part II, p. 15.

чтобы они облагались без всяких ограничений»[79]. Слово «marchands», очевидно, означает здесь не только купцов, но и вообще городских жителей, для обозначения которых оно постоянно употреблялось в XIII в.

Приказ 1305—1306 гг. не был случайным явлением, исключением. Это ясно видно из того, что еще до 1305 г. при сборе налогов на движимость в городах имущество горожан всех рангов оценивалось без каких-либо исключений. Об этом ясно свидетельствуют налоговые списки города Колчестера за 1296 и 1301 гг. И в том, и в другом случае в описи имущества лиц, подлежащих обложению, фигурировали зерно, рабочий, молочный и транспортный скот, телеги, деньги, инструменты (в зависимости от специальности налогоплательщика — топоры, пилы, карды, гребни для чесания шерсти, чаны для пивоварения, дубления кожи, лодки, рыболовные снасти), сырье, вспомогательные материалы (квасцы, ртуть), топливо (каменный уголь, дрова), товары для продажи, предметы кухонного обихода, мебель (кровати, табуреты), постельные принадлежности[80].

В 1301 г., кроме того, оценке подлежали одежда, драгоценности, металлическая посуда[81], хотя, как мы видели, эти предметы частично исключались из оценки по приказам 1297 г. Таким образом, в оценку имущества горожан, по существу, входили все их богатства: и орудия производства, и сырье, и готовая продукция, и накопления в виде денег и драгоценностей, и необходимые предметы домашнего обихода, и заготовленные продукты и скот[82]. В то же время феодалы, жившие в Колчестере и его предместьях, хотя их имущество оценивалось

---

[79] P. W., vol. I, p. 179. «...E ceste forprise ne deit tenir leu en cites burghs ne en autre ville de bens as marchandz mes quant que eus ont deit estre taxez sanz rien forprendre».

[80] R. P., vol. I, pp. 228—238 and pp. 243—265.

[81] Ibidem, pp. 243—265.

[82] Например, в описи 1296 г. мы читаем: «Джон Стэнуэй имеет 1 квартер пшеницы, 2 квартера муки, 3 квартера ячменя, 1 квартер овса, недубленую кожу, инструменты для дубления, 4-х свиней, одно платье, одну постель, 1 металлический сосуд, 4 серебряные ложки, три фунта шерсти, один кусок сукна, медный котел, связку хвороста — всего имущества на 7 ф. 8 ш. 10 п. (R. P., vol. I, p. 228). У красильщика Джона, согласно тем же налоговым спискам, оценивается следующее имущество: 1 квартер пшеницы, 4 квартера ячменя, 2 коровы, 1 кусок сукна, 4 фунта шерсти, квасцы, 1 платье, 1 постель, серебряные ложки, медный котел (ibidem, p. 229). По налоговым спискам 1301 г. у кожевника Уильяма Сертрино оценивается следующее имущество: 1 кольцо, 1 платье, 1 постель, медный котелок, рукомойник, таз, в дубильне кожи и чаны для дубления (ibidem, p. 243). У кузнеца Джона оценивается 18 п. деньгами, 1 платье, 1 постель, 1 телка, 1 свинья, наковальня и другие инструменты в кузнице, 1 треножник (ibidem, pp. 228, 257).

одновременно и теми же оценщиками, были поставлены в совершенно другие условия. Из их имущества оценивались только скот, зерно и другие сельскохозяйственные продукты [83].

По-видимому, и до 1305—1306 гг., когда все ограничения при оценке городской движимости были отменены, практически все, или почти все, имущество городских жителей, занятых ремеслом и торговлей, подлежало оценке и обложению.

Парламент не внес ничего нового в обложение городов и в смысле его организации. Главные сборщики, независимо от того, назначались ли они королем или выбирались в графствах, являлись представителями класса феодалов и отнюдь не были заинтересованы в облегчении обложения городов. Так же, как при обложении крестьянства, они чинили и в городах всевозможные злоупотребления. Эти злоупотребления были настолько велики, что многие города уже в период «парламентских разрешений» налогов на движимость предпочитали договариваться с казначейством об единовременной уплате в счет «разрешенного налога» определенной суммы денег. Такие «композиции» заключались с целью избежать процедуры оценки и раскладки налогов королевскими сборщиками [84].

Так, с появлением парламента и, в частности, городского представительства в нем, доля участия горожан в государственных налогах не только не уменьшилась, но, по-видимому, еще значительно возросла.

Правда, после 1297 г. городские представители в парламенте получили право официально давать от имени всего городского сословия согласие на каждый очередной налог с движимости. Но, во-первых, фактически это право принадлежало только представителям городской верхушки, заседавшим в парламенте, но отнюдь не массам городского населения; во-вторых, это право на практике давало, как мы видели, очень мало, и скорее служило к выгоде правительства, чем горожан. Как подчеркнул К. Маркс в своем конспекте на работу Грина «История английского народа»: «*Преимущества этой реформы* (приглашения в парламент городских представителей.— *Е. Г.*) *для короны сказались немедленно*» [85]. Эти преимущества, как отметил еще Дж. Грин, сводились к тому, что субсидии, даваемые городскими представителями в парламенте, оказались более выгодными для казначейства, чем прежние вымогатель-

---

[83] R. P., vol. I, p. 253.

[84] В 1301 г., например, такие частные соглашения с королем заключили Лондон, Йорк, Нортгемптон, Оксфорд, в 1306 г. — Лондон (J. F. Willard: Op. cit., p. 131).

[85] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 356.

ства, и что пропорционально они обычно превышали субсидии других сословий [86]. Таким образом, городское представительство в парламенте было выгодно, очевидно, не столько для самих горожан, сколько для феодального государства.

Итак, финансовые полномочия парламента имели определенную классовую направленность и притом такую же, как и вся финансовая политика феодального государства в период до возникновения парламента. В отправлении этой одной из наиболее важных своих политических функций парламент прежде всего и во всем преследовал интересы господствующего класса в ущерб интересам эксплуатируемого класса крестьянства, а отчасти и горожан.

Мы видели, что крепостные и подавляющее большинство свободного крестьянства, лишенные представительства в парламенте, обрекались последним фактически на произвольное обложение со стороны правительства, ибо феодалы за спиной крестьянства договаривались в парламенте с королем о количестве и размерах государственных налогов с крестьян. Естественно при этом, что представители феодалов, заседавшие в парламенте, санкционировали налоги на выгодном им уровне, тогда как крестьянство вынуждено было молчаливо подчиняться каждому очередному соглашению. Между тем, учитывая, что доходность помещичьего хозяйства, лучше организованного и обладавшего часто бóльшей интенсивностью, чем мелкое крестьянское хозяйство, была значительно больше, не приходится сомневаться в том, что установленные парламентом поборы ложились пропорционально гораздо тяжелее на крестьянина, чем на феодала. К тому же в хозяйстве среднего крестьянина, особенно виллана, ощущалась постоянная нехватка денег, делавшая для него особенно тяжелой уплату налога в одинаковом с феодалами размере.

Непропорциональность и тяжесть налогов на движимость, как и вообще растущих в XIII в. налогов, для крестьянства усугублялась, как уже было отмечено (гл. II), во-первых, тем, что рост государственных налогов в XIII в. происходил одновременно с ростом феодальной ренты крестьян в пользу их лордов, и по мере интенсификации крестьянского хозяйства возрастала и общая доля прибавочного труда в избыточном труде крестьянской семьи; во-вторых, тем, что возраставшие государственные налоги шли на содержание феодального государства, политика которого в основных ее проявлениях была враждебна крестьянству. Одновременное возрастание феодальной ренты и государственных налогов, взимавшихся с крестьянст-

[86] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 356.

ва (которые представляли собой централизованную форму феодальной ренты), сокращало или даже полностью поглощало ту часть избыточного продукта, которую при стабильности феодальной ренты крестьянин мог бы использовать для повышения доходности своего хозяйства [87].

К крестьянскому хозяйству протягивали ненасытные руки «три дольщика — бог, царь и господин», три феодальных хищника, каждый из которых старался захватить побольше. И парламент в этом случае стоял всецело на страже интересов «царя» и «господина»-лорда, ни в чем не ограничивая их финансовый нажим на крестьянство [88].

При этом, однако, нельзя забывать, что между крестьянским и помещичьим хозяйством в Англии XIII в. существовали еще очень тесные экономические связи. Доходы феодала-помещика в Англии XIII в. непосредственно зависели еще от экономических возможностей и доходов его крестьян-держателей и тогда, когда они отправляли барщину на домене, и даже тогда, когда отработочная рента частично коммутировалась в денежную. Феодал поэтому был отчасти заинтересован в том, чтобы крестьянское хозяйство располагало необходимым инвентарем и рабочей силой, которые бы обеспечивали крестьянину хотя бы полуголодное существование, а феодалу — получение установленной ренты. Особенно же ревниво он следил за тем, чтобы феодальное государство при помощи судебных штрафов и других поборов не отнимало у крестьянина часть его необходимого продукта, который обеспечивал нормальное воспроизводство крестьянского хозяйства. Этим объяснялись и робкие попытки законодательства XIII в. защитить основной инвентарь виллана от разорительных штрафов государства и, может быть, отмеченное выше частичное освобождение рабочих инструментов крестьянина от государственного обложения. Вероятно, и при разрешении налогов в

---

[87] Конечно, феодальная рента, включая и государственные налоги, не всегда полностью поглощала весь избыточный продукт крестьянина. В противном случае крестьянское хозяйство было бы лишено возможности дальнейшего развития. Этому препятствовало прежде всего упорное классовое сопротивление крестьянства, на которое наталкивались попытки лордов повысить ренту в XIII и XIV вв. Однако все же класс феодалов в целом и выразитель его интересов — феодальное государство — все время стремились повысить норму эксплуатации крестьянства. И это им отчасти удавалось. По словам Маркса, даже при господстве денежной ренты «не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли» (К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1949, стр. 811).

[88] Что касается платежей крестьянства в пользу церкви, то они не зависели от решения парламента, поскольку речь шла о поборах типа десятины. В отношении же рент, поступавших в пользу духовных лордов с их крестьян, то они пользовались такой же защитой государства, как и ренты, поступавшие в пользу светских лордов.

парламенте представители класса феодалов сознательно или бессознательно в какой-то степени должны были считаться с платежеспособностью крестьянского хозяйства таким образом, чтобы правительственные поборы не разоряли его в ущерб интересам их лордов.

Феодальное государство, с одной стороны, и отдельные феодалы — с другой, были заинтересованы в том, чтобы захватить в свою пользу возможно бóльшую долю прибавочного продукта эксплуатируемых крестьян, то есть бóльшую долю при разделе их феодальной ренты. В условиях усиленного нажима на вилланов со стороны их лордов, происходившего в XIII в., неограниченное государственное обложение могло привести к стабилизации феодальной ренты, уплачиваемой отдельным лордам, за счет неумеренного роста централизованной ренты, поступавшей в пользу феодального государства. Фиксируя на определенном уровне налоги на движимость, класс феодалов через своих представителей в парламенте не только ограждал свои личные доходы, но и отчасти ограничивал притязания феодального государства на долю в эксплуатации своих крестьян-держателей. Это обстоятельство нашло свое отражение, например, в том, что крестьяне, как и феодалы, платили пониженную долю налогов на движимость по сравнению с горожанами [89].

Само собой понятно, что это стремление феодалов несколько оградить прибавочный продукт крестьянина, или, вернее, извлекаемую из него феодальную ренту, от чрезмерных захватов феодального государства нельзя рассматривать как защиту крестьянства со стороны их господ-феодалов. Скорее в нем можно видеть попытку феодалов защитить свой приоритет перед феодальным государством в эксплуатации крестьянства. Этот приоритет в отношении вилланов сохранялся, вероятно, до конца XIV в. [90].

---

[89] Это, конечно, не значит, что эксплуатация горожан в целом была тяжелее, чем эксплуатация крестьянства. Несколько пониженное государственное обложение крестьян компенсировалось господствующему классу за счет феодальной ренты. В городах, где непосредственная феодальная эксплуатация, как мы видели, была слабее, в силу наличия городских привилегий, она в основном выступала в форме всевозможных поборов в пользу государства, которые в целом однако были значительно ниже общей суммы ренты (включая централизованную ренту), уплачиваемой феодально зависимым крестьянством.

[90] Мы лишены возможности точно определить соотношение между рентой в пользу лорда и централизованной рентой в вилланском бюджете. Если судить по налоговым спискам 1283 г., при сборе $^1/_{30}$ максимальный размер налогов, падавших на вилланов, не превышал 4 ш. (Powell. A suffolk hundred in the year 1283, passim). Даже если налог взимался в размере $^1/_{15}$, то и тогда максимальный размер обложения в этой сотне едва

В отношении свободного крестьянства дело обстояло иначе. Даже учитывая нерегулярность налогов по сравнению с ежегодной рентой, можно предполагать, что для свободных крестьян размеры государственных налогов и ренты, уплачиваемой лорду, были примерно равны между собой или перевес последней был очень незначителен [91].

Это различие в соотношении двух видов ренты у вилланов и свободных крестьян вполне закономерно. Естественно, свободное крестьянство, феодальная эксплуатация которого со стороны лорда была несколько слабее, имело несколько большие возможности для развития своего хозяйства, чем крепостное крестьянство. Однако излишки, создававшиеся благодаря этому в его хозяйстве, которые феодал не мог у него отнять при помощи обычных средств внеэкономического принуждения, в значительной части отнимало в свою пользу феодальное государство. Именно поэтому доля последнего в феодальной ренте свободного крестьянства оказывалась выше, чем доля феодала [92].

Итак, парламент, в котором не были представлены ни вилланы, ни широкие массы свободного крестьянства, в финансо-

---

ли превышал 8 ш. Между тем, по данным Е. А. Косминского, средний размер ренты с вилланской виргаты в XIII в. составлял 20 ш. (Исследования, стр. 212). Следовательно, налог на движимость при каждом обложении достигал не более $^1/_2$ ежегодной ренты. При этом надо иметь в виду, что налоги на движимость собирались не ежегодно, а в среднем примерно 1 раз в 3—$3^1/_2$ года.

[91] По данным этих же налоговых списков сотни Blackbourn видно, что у многих свободных крестьян, даже держателей мелких участков, размеры $^1/_{30}$ 1283 г. значительно превышали ежегодную ренту в пользу лорда. Напротив, лишь в очень редких случаях рента намного превышала размеры $^1/_{30}$. А ведь при сборе $^1/_{15}$ или $^1/_{10}$ налог соответственно должен был возрасти в 2 или 3 раза (S. A. Powell. Op. cit., passim).

[92] Это особенно заметно для XIV и XV вв., когда все бóльшее количество вилланов превращалось в лично свободных людей, что затрудняло повышение ренты, уплачиваемой ими в пользу лордов. Зато параллельно с этим росли государственные налоги, то есть доля государства в получении феодальной ренты. В эту более позднюю эпоху государственные налоги становятся важнейшим источником доходов не только для короля и его аппарата, но и для класса феодалов в целом. Но уже и в изучаемый, более ранний период, часть государственных налогов, как мы видели, возвращалась в руки феодалов в качестве всякого рода денежных пожалований, подарков и т. д. Тенденция к повышению налогов в XIV в. проявилась, в частности, в попытках правительства, активно поддержанных парламентом, перейти от налогов на движимость к подушному обложению населения. Эта новая форма налога означала еще большую непропорциональность обложения, основное бремя которого теперь уже совершенно открыто переносилось на трудящиеся слои населения. Не случайно введение этого нового налога послужило одним из поводов к восстанию Уота Тайлера.

вом вопросе никогда не считался с их интересами и в конечном итоге санкционировал рост налогов, ложившихся на крестьянство, и непропорциональность налогового обложения.

Горожане, хотя и были представлены в парламенте и отчасти допускались к тому торгу по финансовым вопросам, который происходил в нем, но оставались на положении, далеко не равноправном с феодалами. Их санкция на каждый очередной налог была далеко не обязательной вплоть до 1297 г., и парламентское обложение для них часто тоже оказывалось произвольным. Несмотря на наличие парламента, сохранялась произвольная талья. Пропорционально налоги на движимость с горожан были всегда значительно выше, чем с сельских жителей и в смысле доли обложения и в смысле объектов обложения. Таможенные пошлины, вплоть до середины XIV в., оставались совершенно произвольными. При этом горожане, хотя они и получали некоторую защиту от феодального государства, в целом все же платили за нее значительно дороже, чем она того стоила. Поэтому для них, как и для вилланства, парламентские поборы объективно были тяжелей, чем для представителей класса феодалов. Надо иметь также в виду, что разрешение налогов городскими представителями, если и приносило некоторые выгоды горожанам, то только незначительному их высшему слою, который собственно и был представлен в парламенте.

И только господствующий класс феодалов, как бароны, так и рыцарство, получили с возникновением парламента значительные облегчения в финансовом вопросе. Все перечисленные выше выгоды парламентского обложения для феодалов создавали условия, при которых государственные налоги на движимость ложились на представителей господствующего класса значительно легче, чем на другие социальные слои феодальной Англии.

С точки зрения интересов различных группировок класса феодалов финансовые полномочия парламента наибольшие выгоды принесли низшим и средним его слоям. Церковь как феодальная корпорация фактически отказалась от использования парламента в целях финансового контроля за правительством и предпочла закрепить право на этот контроль за специфическим церковным собранием — конвокацией. Что касается крупных светских и духовных феодалов — прелатов и баронов, то они фактически и раньше пользовались правом разрешать налоги на движимость и феодальные поборы на советах магнатов. И только рыцарство, получив доступ во вновь созданный парламент, главный образующий элемент которого, наряду с городами, оно составляло, впервые получило право

некоторого контроля за финансовой политикой правительства, а вместе с тем и за всеми остальными сторонами его политики. Парламент корректировал и ограничивал финансовую политику короны в интересах господствующего класса и лишь отчасти городской верхушки, вступая иногда на этой почве в конфликты с королем. Впрочем, как правило, он в конечном итоге соглашался на финансовые требования короны за какую-либо очередную уступку в пользу этих слоев общества (как это было в 1297, 1300 и 1301 гг.) и поэтому отнюдь не сокращал размеров государственного обложения в целом. Напротив, санкционируя каждый очередной налог своим авторитетом сословного собрания, парламент как бы поддерживал финансовые требования короля в отношении основной массы налогоплательщиков, укрепляя тем самым финансовый аппарат и финансовую систему феодального государства.

§ 2. Социальная направленность петиционной и законодательной деятельности парламента в конце XIII — начале XIV века

Теперь нужно выяснить, какова была роль различных классов и социальных групп, как представленных, так и не представленных в парламенте, в подаче и обсуждении петиций, и каково было социальное содержание наиболее важных общепарламентских петиций.

Что касается частных петиций, исходивших от отдельных лиц и подававшихся на имя короля и его совета, то они не представляют особого интереса для выяснения социального облика парламента, так как они и подавались и решались обычно в индивидуальном порядке и помимо парламента. Гораздо интереснее коллективные петиции, исходившие от более или менее значительных групп населения и отражавшие их насущные нужды и социальные интересы. Хотя эти петиции так же подавались на имя короля и ответы на них давались без каких-либо обсуждений в парламенте, но многие из них подавались в парламенте и, как мы покажем далее, являлись результатом каких-то обсуждений и соглашений между всеми его участниками или какой-либо их частью. Среди них мы почти не встречаем коллективных петиций от имени вилланов. За весь период 1272—1307 гг. мы нашли всего 3 таких петиции: 2— в 1290 г. и 1 — в 1305 г. Все они исходят от вилланов старинного королевского домена и содержат жалобы на их лордов, нарушивших привилегии вилланов-сокменов[93]. Очевидно, для крепостного крестьянства сессии парламента не

[93] R. P., vol. I, pp. 46, 60; Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 141.

представляли каких-либо преимуществ в смысле подачи петиций на имя короля.

Гораздо более активно пользовались новыми политическими условиями городские общины. За этот же период они подали во время парламентских сессий 46 петиций, в которых отразились различные нужды разных слоев городского населения. Петиции были поданы от 20 городов Англии, среди которых имеются и более значительные и более мелкие города. Эти городские петиции содержат и жалобы на бесчинства соседних феодалов, и просьбы о восстановлении конфискованных королем муниципальных привилегий, и просьбы об изменении размеров фирмы, и о разрешении пользоваться общинными угодьями, и, наконец, жалобы «бедных» горожан на притеснения городских богачей. Все основные вопросы городской жизни нашли довольно яркое отражение в этих петициях. Это указывает на то, что горожане в конце XIII в. достаточно ясно осознавали свои местные нужды, а следовательно, и те выгоды, которые им могли принести коллективные апелляции к королю. Но в то же время в городских петициях XIII в., подававшихся на имя королевского совета или короля, еще совершенно отсутствуют петиции общесословные — от всего городского сословия, требовавшие коллективных, согласованных действий не только в рамках отдельных городов, но и со стороны представителей разных городов. Очевидно, горожане в этот период еще не пытались использовать парламент для таких коллективных воздействий на короля в пользу всего городского сословия.

Само собой понятно, что коллективными петициями на имя короля широко пользовались и представители господствующего класса, как бароны, так и рыцарство. За указанный период, помимо огромного количества индивидуальных петиций, поступивших от феодалов, было подано 19 петиций коллективного типа — 10 от прелатов и баронов и 9 от рыцарей. Причем следует заметить, что эти коллективные петиции заметно отличались от городских петиций и представляли собой уже как бы зародыши парламентских петиций, хотя исходили еще не от всего парламента, а лишь от отдельных представленных в нем групп. Значительная часть этих петиций выражала интересы не отдельных локальных групп класса феодалов (хотя были и такие), но нужды и требования целых сословных группировок в масштабе всей страны. К ним относятся петиции 1285 и 1290 гг., поданные королю от имени магнатов Англии по вопросу о новом подтверждении и точном фиксировании в казначействе всех условий иммунитетных хартий [94]. Такой же характер носила петиция 1292 г.

[94] R. P., vol. 1, pp. 79—80, 225.

от имени всех непосредственных держателей короля (comites, barones et coeteri magnates, milites et alii qui de domino Rege tenent) с жалобой на то, что их принуждают платить недоимки за щитовые деньги, давно ими выплаченные [95]. К этим петициям можно отнести также просьбу лордов-иммунистов, поданную королю и его совету в 1293 г., дать разъяснение по вопросу о том, можно ли отчуждать без особого разрешения короля вместе с землей иммунитетные права на кроличьи садки, рыбные ловли и рынки [96]. Наконец, такой же тип петиций представляют собой три петиции 1305 г.

Первая из них была подана королю от имени «архиепископов, епископов, прелатов, эрлов, баронов и других добрых людей страны». Петиционеры просили у короля разрешения обложить тальей находившиеся в их владении земли старинного домена ввиду того, что сам он незадолго перед тем обложил тальей свои домениальные земли [97]. Такая просьба опиралась на прочно установившийся обычай, согласно которому крупные магнаты Англии, державшие в своих руках части старинного домена короны, имели право облагать тальей эти земли, когда король облагал свои домениальные владения. Как сама эта просьба, так и перечисление петиционеров свидетельствует о том, что эта петиция исходила от крупнейших феодалов Англии, в руках которых, как правило, находились земли так называемого старинного домена, в свое время отчужденные королями в качестве земельных пожалований своим вассалам.

Вторая петиция 1305 г. перекликается с первой по своему содержанию и по составу петиционеров. В ней «епископы, аббаты, эрлы, бароны и прочие люди королевства» просят короля, чтобы он разрешил им собрать щитовые деньги с их держателей ввиду того, что они лично несли военную службу в Шотландской войне в 1300 и в 1303 гг. [98]. Другими словами, петиционеры просили разрешения собрать в свою пользу налог, который должен был бы перейти в королевскую казну, если бы они не участвовали в походах лично, а ввиду их личной военной службы покрыл бы их издержки, произведенные на войне. Ясно, что петиционеры, или во всяком случае подавляющее их большинство, и на этот раз принадлежали к верхушке класса феодалов, ибо едва ли у мелкопоместных землевладельцев-рыцарей могло быть много держателей, которых можно было обложить щитовыми деньгами.

---

[95] Ibidem, p. 80.
[96] Ibidem, p. 98.
[97] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 54. Tallagium с королевских доменов был собран в 1304 г.
[98] Ibidem, p. 127.

Одновременно от имени эрлов, баронов и прочих людей, лично отправлявших военную службу за свои феоды во время войны в Шотландии, была подана еще одна петиция по поводу щитовых денег. Податели этой петиции жаловались королю на то, что хотя они частично лично выполнили военную повинность, которой они обязаны королю, частично уплатили соответствующее денежное вознаграждение по соглашению с королем (finem) вместо военной службы, тем не менее королевские чиновники из Палаты шахматной доски требуют со всех их феодов щитовые деньги так, как будто бы они не выполнили своей военной службы.

Все эти петиции отличаются от городских петиций тем, что они являются плодом каких-то коллективных обсуждений, происходивших в парламенте, совете магнатов или во всяком случае в кулуарах того или другого. Для того чтобы обращаться к королю с подобной петицией, всем заинтересованным лицам надо было как-то сговориться, выработать какие-то просьбы. В противном случае такая коллективная петиция не имела бы никакого смысла, и петиционеры, как в допарламентский период, могли обратиться к королю по всем этим вопросам в индивидуальном порядке. То, что они во всех этих случаях предпочли коллективные петиции, свидетельствует о первых попытках использовать парламент или совет магнатов, поскольку речь идет о крупных феодалах, для коллективного воздействия на короля. Несколько позднее к такой же форме групповых петиций стали переходить и мелкие феодалы.

До 1305 г. мы не встречаем таких групповых коллективных петиций от их имени. Среди петиций этого периода преобладают локальные петиции от общин отдельных графств [99].

Но в 1305 г. впервые в парламенте королю была подана петиция другого рода от имени «бедных людей королевства Англии». Петиционеры просили, «чтобы король изыскал

---

[99] Так в 1290 г. «бедные и средние» (pauperes et mediocres) люди графства Норфольк просили, чтобы их тяжба в королевском суде разбиралась не в Вестминстере, а в графстве, так как у них нет средств для поездок в Лондон (R. P., vol. I, p. 52). В 1305 г. «Община графства Ланкашир» просила прислать разъездных судей для расследования дел различных нарушителей мира в графстве (Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 21). Община графства Кэмберленд жаловалась на шерифа графства, который, вопреки распоряжениям короля в отношении сокращения заповедных лесов, продолжает их притеснять всякими вымогательствами (ibidem, p. 89), а также на то, что шериф взял у них в 1304 г. в счет поставок королю мясные продукты (lardariam) и скот, ничего им не заплатил и не желает засчитывать этот долг в счет их платежей (ibidem).

средства в отношении людей, назначаемых в расследования, комиссии присяжных и ассизы, которые обычно бывают настолько развращены подарками богатых людей, что при их помощи никак невозможно выяснить истину...». Далее они жаловались на епископов и других духовных лиц, «которые, вопреки интересам короны, стараются вести (в церковных судах.—*Е. Г.*) расследования по искам о долгах и другим делам, относящимся к компетенции королевских судов, и берут по этим делам штрафы и возмещения по своему произволу» [100]. Эта петиция очень интересна и по содержанию, и по форме. В отличие от трех рассмотренных выше петиций 1305 г., она несомненно отражает нужды и чаяния гораздо более широких слоев населения — мелких феодалов и той части свободного крестьянства, которая так или иначе была причастна к судебным разбирательствам в королевских судах. В то же время петиция, несомненно, направлена против крупных светских и духовных феодалов, которых она обвиняет в притеснениях, чинимых по отношению к нижестоящим слоям свободного населения. Эта петиция послужила только началом для такого рода групповых петиций со стороны низших слоев феодального класса, опиравшихся в этом вопросе, очевидно, и на поддержку верхушки свободного крестьянства.

В 1314 г. и в 1315 г. на парламент были поданы от имени всей общины Англии (de Communaute de la terre) две петиции, носившие одинаковое название — «о лицах, состоящих в тайных сговорах» (de conspiratoribus). Обе они составлены почти в одних и тех же выражениях и содержат жалобы на то, что «во всех городах, бургах, сотнях и ваппентеках по всей Англии такие заговорщики (conspiratores) дают под клятвой обязательство поддерживать и помогать неправой стороне против закона и права и склоняют на свою сторону многих членов жюри, ассиз и присяжных», которые говорят все по их воле, «к великому ущербу и разорению бедных людей страны, которые судятся в королевских и других судах». Далее в петиции указывалось, что «они (conspiratores) угрожают адвокатам в королевских судах и избивают тех, которые защищают своих клиентов против тех, кого поддерживают эти заговорщики, так что они из-за этих угроз не осмеливаются защищать своих клиентов, согласно закону страны, как они обязаны» [101].

Как и рассмотренная выше петиция 1305 г., эти две петиции являлись протестом против ужасающих злоупотреблений, царивших в судебном аппарате феодального государства. Из

---

[100] Memoranda de parliamento. R. S., No. 98, p. 305.
[101] R. P., vol. I, p. 299.

контекста всех трех петиций, однако, не совсем ясно, чьи же интересы имеют в виду эти петиции. Если судить по их содержанию, то можно думать, что они имеют в виду в первую очередь интересы мелких и средних феодалов и высших слоев свободного крестьянства, которые, как неоднократно подчеркивалось, были наиболее заинтересованы в правильном функционировании правительственных судов. Но этому толкованию как будто противоречит то, что петиционеры во всех трех петициях называют себя «бедными людьми страны». Это как будто бы указывает на то, что петиции выражали пожелания более широких слоев населения — массы свободного крестьянства и горожан. Однако четвертая петиция, близкая к этим по тону и содержанию, полностью подтверждает наше первое предположение.

Петиция эта, поданная также на парламенте 1314 г. королю от имени «общины народа его королевства» (De la communaulte du people de son roialme) чрезвычайно любопытна. Податели ее жалуются на притеснения, которые терпят жители королевства от того, что король слишком часто разрешает проводить в графствах сессии выездного уголовного суда, так называемые сессии суда oir et terminer. Притеснения эти происходят следующим образом, как объяснено в петиции: «Когда магнат (graunt seigneurs) или какой-нибудь влиятельный человек (home de poer) желает утеснить кого-нибудь, он ложно обвиняет его в преступлении против закона или начинает поддерживать другого человека, против которого якобы было совершено преступление, и добивается разрешения на комиссию oir et terminer, состоящую из лиц, милостивых к нему и подозрительных по отношению к его противнику, которые готовы делать все, что он прикажет» [102]. Далее петиционеры пишут, что такие могущественные люди нарочно назначают день суда так, что шериф не успевает известить ответчика, или извещает слишком поздно, и когда тот не является в суд, его штрафуют на 20 ф. 20 м. или 10 ф. Когда же ему назначают следующий день, то он не осмеливается явиться, так как ему грозит арест или смерть. Если же он не является вторично, то на него налагается новый штраф в 120 ф. или 100 м. Если же он решится явиться, то его или арестовывают, или принуждают заключить с истцом соглашение на сумму, которая превосходит стоимость всего его имущества, или жюри составляется из людей, которые уличают его, хотя бы

---

[102] «Car la un graunt seigneurs ou home de poer volt honir un homme, il forge trespas vers luy ou se donne a meyntenir autre a qi trespas ets fait et purchace comission d'oir et terminer as gents favorable a li et suspectes a l'adverse partie qi se dorront a fair tut ce qil voet». R. P., vol. I, p. 290.

он не был виновен, и все издержки и «причиненный ущерб» он возмещает по воле своего противника. Так, за самое ничтожное правонарушение, возмещение за которое не должно превышать 20 ш., он вынужден платить 200 или 400 ф., а иногда 1000 м. В случае же неуплаты осужденный сажается в тюрьму и содержится там, пока не уплатит всю сумму [103].

Петиция производит очень странное впечатление. Если судить по ее началу, то можно предположить, что речь идет здесь о притеснениях, чинимых крестьянской бедноте со стороны крупных и мелких феодалов. Но последующая шкала штрафов показывает полную несостоятельность подобного предположения. Какой мелкий свободный крестьянин, даже виргатарий, был в состоянии уплатить в качестве штрафа 20 или даже 10 ф., не говоря уже о 120 ф. второго штрафа? Если бы он продал все свое имущество и всю свою землю, то и тогда бы он едва ли наскреб нужную сумму. Ведь в 20 ф. исчислялся в XIII в. годовой доход с рыцарского феода. Следовательно, даже землевладельцу рыцарского типа очень трудно было уплатить такие колоссальные штрафы. Если даже размеры этих вымогательств были несколько преувеличены авторами петиции, то и в этом случае подобные злоупотребления имели в виду очевидно не свободную крестьянскую мелкоту, а более крупную добычу, с которой было чем поживиться любителям легкой наживы — крупным магнатам, не брезговавшим никакими источниками доходов.

Эта любопытная парламентская петиция, следовательно, меньше всего имела в виду интересы крестьянства. Она, очевидно, имела своей целью оградить от притеснений баронской верхушки средние и низшие слои феодального класса, то есть являлась одним из проявлений борьбы за землю, доходы и политическое влияние, происходившей внутри класса феодалов. Об этом недвусмысленно свидетельствует вторая часть петиции, где прямо говорится, что магнаты (les graunt seigneurs) поддерживают тяжбы, так что **«те, кто располагает меньшим могуществом»** (ceux gue sont de moyndre poare), не в состоянии добиваться своих прав. Кроме того, петиционеры жалуются, что магнаты, проезжая по стране, заезжают в **маноры** других лиц и берут там все, что они хотят, ничего за это не платя, а если им не дают, берут силой и избивают манориальную администрацию [104].

Совершенно очевидно, что речь здесь идет не о свободном крестьянстве, а о феодалах, владельцах маноров, которые

[103] Ibidem, p. 290.
[104] Ibidem.

терпят притеснения от своих более могущественных собратьев по классу.

Эта петиция отчасти бросает свет и на рассмотренные выше петицию 1305 г. и петиции «de Conspiratoribus» 1314 и 1315 гг. и позволяет предположить, что фигурирующие в них «бедные люди страны» скорее всего принадлежали к рыцарству и верхним слоям свободного населения графств, примыкавшим к нему. Так вслед за крупными феодалами представители этого слоя феодалов также начали переходить от индивидуальных или коллективных местных петиций на имя короля к групповым, коллективным петициям, которые требовали, очевидно, каких-то широких совещаний в парламенте или во время заседаний парламента и представляли собой одну из первых форм парламентских петиций.

Итак, уже в характере петиций, подаваемых на имя короля во время сессий парламентов и советов магнатов представителями разных классов и социальных групп, можно видеть значительные различия, характеризующие их отношения с этим учреждением.

Этому различию в характере петиции соответствовало и различие в отношении к ним со стороны правительства. Если петиции, подаваемые от имени вилланов и горожан, вливались в поток бесчисленных индивидуальных петиций и направлялись для решения в различные судебные и другие инстанции, то коллективные парламентские петиции феодалов обычно немедленно получали ответ по решению короля и его совета. При этом король делал известные различия между петициями, исходившими от крупных феодалов и от «бедных людей» Англии. Что касается перечисленных петиций магнатов, то все они были немедленно удовлетворены Эдуардом I [105].

Иначе обстояло дело с петициями, исходившими от низших слоев господствующего класса. Петиция 1305 г. «бедных людей королевства» была встречена далеко не так благоприятно. Король, отвечая на эту петицию, ограничился фактически формальной отпиской и рекомендовал петиционерам в случае подкупа присяжных возбуждать против них иск по breve de attincte [106] в обычном порядке, а в случае незаконных реше-

[105] Ibidem, p. 225; Ibidem, pp. 79, 86 (ответ на петиции 1285, 1290, 1292 гг.) in Memoranda de parliamento. R. P., No. 98, p. 54 (ответ на петицию о сборе тальи 1305 г.). R. P., vol. I, p. 80 (ответ на просьбу об освобождении магнатов от уплаты щитовых денег); ответ на петицию 1305 г. о разрешении магнатам собрать щитовые деньги с их держателей был таков: «Rex vult quod omnes tam clerici, quam laici, qui fecerunt servitium etc. habeant ut continentur in hac petitione, ita tamen, quod tractatur coram consilio de taxatione sicut etc...» (Memoranda de parliamento, R. S., No. 98, p. 123).

[106] Breve de attincte — иск, возбуждавшийся в отношении присяжных по обвинению их в лжесвидетельстве.

ний епископских судов возбуждать также обычный иск de prohibitione[107]. Никаких особых мер против перечисленных в петиции злоупотреблений король не пожелал принять[108].

Формальность этого ответа и нежелание правительства что-нибудь изменить в существующей судебной практике в пользу низших слоев класса феодалов и свободного крестьянства совершенно очевидна, ибо возбуждение дополнительных исков de attincte и de prohibitione только осложняло и удорожало ведение основного иска, а право вчинять такие иски имел каждый свободный человек независимо от милостивого разрешения короля.

Столь же уклончив был ответ Эдуарда II на петиции 1314 и 1315 гг. (de conspiratoribus). С одной стороны, король приказал шерифам впредь не назначать в жюри и ассизы и не допускать к исполнению общественных функций в собраниях графств и сотен лиц, уличенных в поддержке незаконных исков, но, с другой стороны, особо оговорил, что им не запрещается судиться по своим личным искам[109], то есть фактически оставил виновных без наказания. Устранение из жюри и ассиз в XIII в. считалось скорее выгодным делом, чем наказанием.

Такое различие в отношении короля к этим двум группам петиций, очевидно, объясняется тем, что, во-первых, петиции магнатов касались частных, и к тому же материальных, вопросов и не вносили ничего принципиально нового в практику королевской политики. Напротив, все петиции, исходившие от рыцарства, имели в виду более или менее серьезные изменения в системе судопроизводства и тем самым как будто бы вмешивались в компетенцию короля. Во-вторых, королю были более привычны коллективные петиции магнатов, чем такие выступления представителей общин, которые казались Эдуарду I неправомерными и нарушающими престиж короля.

Однако для характеристики социальной направленности всей деятельности парламента гораздо больший интерес представляют собственно «парламентские» петиции, то есть те петиции, которые составлялись и представлялись королю от имени всего парламента в результате каких-то совместных совещаний и в некоторых случаях (хотя и довольно редких в XIII в.) превращались в статуты.

---

[107] Breve de prohibitione — иск против церковных судов по обвинению их во вторжении в компетенцию светской юрисдикции.

[108] Memoranda de parliamento, R. S., No. 98, p. 305.

[109] R. P., vol. 1, p. 299.

Выше мы уже вкратце познакомились с историей возникновения и развития этих «парламентских» петиций и борьбы, которая происходила в связи с ними между парламентом и правительством и была по сути дела продолжением той политической борьбы, которая потрясала Англию на всем протяжении XIII в.

В петициях и статутах 1297 г., как уже отмечалось, совершенно игнорировались интересы крепостного крестьянства, специфические крестьянские интересы массы свободного крестьянства, насущные нужды городской бедноты. Мы отметили также, что в этих петициях слабо были представлены интересы городов вообще. В той части, в которой эти интересы отражены в петициях и в статуте Подтверждение хартии 1297 г., они или сильно ограничены в пользу короля и феодалов, как это заметно в вопросе о разрешении налогов, или включены в эти документы ввиду наличия общих интересов с представителями феодального класса, как это было в вопросе о пошлинах. В целом в этих документах отражены главным образом интересы класса феодалов, и в первую очередь рыцарства и примыкающих к нему слоев мелких и средних вотчинников. В этом смысле события и связанные с ними документы 1297 г. как бы продолжали линию усиления политического влияния рыцарства в центре и на местах, наметившуюся еще в 60-х гг. XIII в.

В период с 1297 по 1301 гг. столкновения между парламентом и королем, а следовательно, и «парламентские» петиции вращались вокруг все тех же вопросов — о Подтверждении хартии, о лесных заповедниках, о пошлинах. Естественно, поэтому, что и социальная направленность этих парламентских петиций и статутов была в основных чертах такой же, как и в 1297 г.

Покажем это на некоторых конкретных примерах. У нас нет достаточных данных, чтобы анализировать социальную направленность петиций 1298 и 1299 гг. (см. гл. VII). Нам известно только, что и в том и в другом случае они были поданы или высказаны в парламенте и совете маганатов эрлами Норфокским и Герифордским и требовали нового Подтверждения хартии (в 1298 и 1299 гг.) и пересмотра границ лесных заповедников с целью их сокращения (1299 г.). Уже эти основные положения петиций показывают, что, как и петиции 1297 г., они имели в виду интересы не одной только феодальной верхушки, но и широких слоев класса феодалов и высших слоев фригольдеров. Однако специфические городские интересы в этих петициях, очевидно, не получили отражения. Такой же характер, по-видимому, носила петиция, поданная в парламенте 1300 г. архиепископом и эрлом Норфокским. Хотя

опять-таки лидерами парламентской оппозиции оказались прелаты и бароны, но сами петиции имели такой же социальный смысл, что и все предшествующие «парламентские» петиции. Архиепископ от имени клира потребовал подтверждения Старой хартии с дополнениями (Veteram cartam cum contentis diu concupitam), а эрл Маршалл от имени баронов потребовал того же (suppliciter eandem petitionem replicavit) [110].

Содержание этих «дополнений» к старой хартии мы частично можем узнать из статута Articuli Super Carta, который был издан в результате этой петиции и разгоревшейся вокруг нее борьбы в парламенте. Прежде всего этот статут, изданный по настоянию парламента, отнюдь не повторяет Подтверждения хартии 1297 г. и содержит совершенно новые «дополнения» к ней, о которых не было речи в петиции 1297 г. Часть этих дополнений сводится к повторению ряда правительственных постановлений XIII в. и в том числе Великой хартии вольностей.

Таковы ст. 2 статута, повторяющая запрещение Великой хартии и I Вестминстерского статута кому-либо, и в том числе королевским сборщикам, брать у населения графств какое-либо имущество без немедленной оплаты [111]; ст. 11, запрещающая в соответствии со II Вестминстерским статутом королевским чиновникам и судьям принимать иски для судебных разбирательств на условии получения какого-либо имущества от тяжущихся [112]; ст. 14, повторявшая неоднократно издававшиеся в XIII в. запрещения отдавать королевские сотни и балливики на откуп за слишком высокие суммы, «из-за чего народ переобременяется уплатою контрибуций по таким фирмам» [113]; ст. 16, запрещавшая, согласно ст. 39 I Вестминстерского статута, давать ложные ответы на приказы короля [114]. Наконец, ст. 12 статута повторяла пресловутое правило о wainagium'е, выраженное в ст. 20 Великой хартии и ст. 6 I Вестминстерского статута, с той лишь разницей, что относила его не только к вилланам, но ко всем людям вообще и оговаривала, что упряжку земледельца нельзя брать у него за долги только в том случае, «если человек может представить что-нибудь другое» [115].

Все эти статьи нового статута в общем выражали уже известную нам тенденцию в пользу низших и средних слоев

---

[110] См. стр. 445.
[111] Statutes, vol. 1, p. 137.
[112] Ibidem, p. 139.
[113] Ibidem, p. 140: «...per quei le people soit greve ne charge per contribuciones fere a teles fermes».
[114] Ibidem.
[115] Ibidem.

класса феодалов и зажиточной фригольдерской верхушки, характерную для королевского законодательства второй половины XIII в. Они могли быть изданы и без вмешательства парламента, как неоднократно издавались аналогичные постановления, и едва ли составляли главное содержание петиции, предъявленной королю в парламенте.

Но в статуте были статьи, явно навязанные королю петиционерами. То, что статут был принят под давлением парламента, видно уже из его преамбулы, в которой подчеркивается, что многие статьи Великой хартии вольностей и лесной хартии постоянно нарушались, и что король снова их возобновил и подтвердил «по просьбе своих эрлов и баронов» [116]. Еще более наглядно это заметно в заключительных словах статута, которые явно выражают вынужденный характер всех содержащихся в нем постановлений: «И несмотря на это, — гласит это заключение, — во всех этих вышеперечисленных вопросах и король и его совет и все, кто присутствовали при издании этого ордонанса, желают и имеют намерение, чтобы права и прерогатива его короны сохранялась за ним впредь во всех делах» [117]. Эта оговорка, очевидно, была внесена в статут по настоянию короля, видевшего в нем угрозу своей прерогативе.

Об этом же говорят и некоторые статьи статута. Ст. I не просто подтверждала обе хартии, но по примеру Оксфордских провизий и французской версии Вестминстерских провизий предписывала для контроля над ее соблюдением создать в графствах комиссии, выбранные с общего согласия «общины каждого графства» (per la comune de meisme le conte), в составе 3 «честных людей» (prodes hommes), рыцарей, или наиболее полноправных и хорошо осведомленных людей (loiaux et avises), которые должны судить всех нарушителей Великой хартии, как королевских должностных лиц, так и всех прочих, и наказывать их по всей строгости закона [118]. Ст. 3 ограничивала права королевских коронеров на территории королевских иммунитетов в пользу обычных коронеров графств, которым предписывалось отправлять свою должность и на территории королевских владений [119]. Ст. 4 категорически запрещала суду казначейства впредь разбирать тяжбы, подсудные суду общих тяжб [120]. Ст. 8, как уже отмечалось выше, разрешала свободным жителям графств свободно выбирать себе шерифов [121], а ст. 13 оговаривала, что эти шерифы не должны обременять

[116] Ibidem, p. 136.
[117] Ibidem, p. 140.
[118] Ibidem, p. 137.
[119] Ibidem, p. 139.
[120] Ibidem.
[121] Ibidem.

население и не должны выбираться из числа людей, часто выезжающих из графства, бедных людей и духовных лиц. Эта же статья запрещала шерифам назначать ниже стоящих должностных лиц за взятки и подкупы [122].

Ст. 17, констатируя плохое соблюдение постановлений Винчестерского статута о борьбе с разбоями, предписывала для его лучшего выполнения в будущем создать в каждом графстве еще по одной комиссии из трех рыцарей, чтобы они могли исправлять нарушения статута [123].

Все эти постановления совершенно недвусмысленно были направлены к дальнейшему усилению политической роли рыцарства и фригольдерской верхушки в графствах и к упорядочению суда и администрации на местах в интересах этих слоев населения.

Что касается специфических городских интересов, то они нашли в статуте лишь очень слабое отражение. Они отчасти отразились в ст. 2, которая специально оговорила запрещение королевским чиновникам производить захваты товаров (prises) без оплаты на ярмарках и рынках, если у них нет на это специальных полномочий ведомства королевского гардероба и точного списка вещей, подлежащих изъятию [124]. При этом тут же статут добавлял, что «король и его совет не намерены из-за этого статута уменьшать королевские права на древние призы, должные по обычаю, как-то: на вино и другие товары, но что это право должно быть сохранено за ним во всех пунктах» [125]. Кроме того, в статуте имелась особая статья, регулирующая отношения между констеблем Дувра и жителями Пяти портов к выгоде последних. Констеблю запрещалось вести в своем суде тяжбы по делам, касающимся жителей чужих графств, и принуждать жителей Пяти портов судиться вне их городов и иным способом, чем это оговорено в их хартиях.

Непосредственные интересы крупных феодалов, выступивших в 1300 г. с петицией, нашли отражение только в одной 19 ст. статута. Она констатировала частые случаи разорения земель, взятых в руку короля исчиторами и предписывала, вопреки прежде существовавшему порядку, чтобы в случае незаконного взятия земли в королевскую руку, потерпевшему возвращалась не только земля, но и все доходы, извлеченные из нее за то время, пока она находилась в руке короля. Так как речь шла о выморочных землях, или землях, взятых в

---

[122] Ibidem, p. 140.
[123] Ibidem.
[124] Ibidem, p. 138.
[125] Ibidem.

опеку королем как сеньером своих вассалов, то в основном эта статья имела в виду интересы непосредственных держателей короны, то есть крупнейших феодалов Англии.

Что же касается крепостного крестьянства и свободной крестьянской бедноты, то статут Articuli super carta так же, как, очевидно, и петиция, по которой он был принят, не имел ничего общего с их интересами. Ведь нельзя же считать серьезной защитой крепостного крестьянства запрещение отнимать плуговую запряжку у земледельца, сформулированное еще глуше и туманнее, чем аналогичные постановления предшествующего периода.

Но петиция 1300 г. имела, как мы видели, и другие последствия. В графствах были назначены комиссии для проведения пересмотра заповедных лесов с тем, чтобы сократить их [126]. Таким образом, парламент добился своей петицией не только общего подтверждения лесной хартии, но и конкретных мер к облегчению лесных обычаев и законов. Но и эти меры, как уже отмечалось выше, в основном имели в виду интересы всех групп класса феодалов, преимущественно же мелких и средних феодалов, и лишь отчасти верхушки фригольдеров.

Таким образом, в целом политические документы 1300 г. имели ту же общую тенденцию, что и рассмотренные выше петиции и статуты 1297 г. Здесь, как и там, превалировали интересы и требования класса феодалов — преимущественно светских, и притом мелких и средних, феодалов. Лишь мимоходом учтены были интересы зажиточного свободного крестьянства в той части, в которой они совпадали с интересами рыцарства. Очень слабо и несамостоятельно отразились интересы городов — преимущественно городской верхушки, и совершенно не нашли отражения интересы крепостного и низших слоев свободного крестьянства.

Еще более ярко и определенно эти тенденции сказались в парламентской петиции 1301 г., поданной Эдуарду I на Линкольнском парламенте. Обстоятельства, сопровождавшие подачу этой петиции, мы рассмотрели подробно выше, здесь же попытаемся выяснить социальный смысл этой петиции и всех связанных с ней событий. Прежде всего, она отличалась от всех предшествующих петиций тем, что хотя и была подана королю от имени прелатов и баронов, но в заголовке ее было точно указано, что петиция имела в виду интересы «всей общины», то есть всех других элементов общества, представленных в парламенте (billa praelatorum et procerum regni liberata domini regi ex parte totius Communitatis) [127]. Таким образом,

[126] См. королевские приказы от 27 марта 1300 г. (P. W., vol. I, p. 87), 10 мая 1300 г. и 25 сентября 1300 г. (Ibidem, p. 88).

[127] Ibidem, pp. 104—105.

в этой петиции явно обнаружилась та заинтересованность в ней рыцарства и отчасти городской верхушки, которую мы констатировали и в более ранних петициях, но которая там как бы скрывалась за спиной официальных лидеров оппозиции — прелатов и баронов. На этот раз «община Англии» заявила о своем участии в составлении петиции не только ее содержанием и не только тем, что она была упомянута как заинтересованная сторона в заглавии петиции, но и тем, что подателем петиции оказался не эрл Мершалл и не архиепископ, а рыцарь Генри Кейли (Keigly). Тем самым представители «общин» в парламенте впервые взяли на себя инициативу подачи парламентской петиции королю, изменив утвердившемуся обычаю, по которому все оппозиционные выступления в парламенте возглавлялись лидерами прелатов и баронов.

Что касается содержания петиции, то оно вращалось вокруг тех же вопросов, которые были предметом предыдущих «парламентских» петиций. Петиционеры просили, чтобы все пункты Хартии вольностей и лесной хартии отныне полностью соблюдались и все противоречащие им постановления были бы отменены (ст. 2) [128], чтобы по совету прелатов графств и баронов в графствах были назначены специальные судьи для наблюдения за выполнением Великой и лесной хартий (ст. 3) [129]. В отношении пересмотра границ заповедников петиционеры требовали немедленного и тщательного проведения сокращения заповедных лесов, согласно границам, установленным специальной комиссией, назначенной в 1300 г. с тем, чтобы «община» сейчас же получила в свое распоряжение эти выделенные из заповедников земли (ст. 4) [130]. Ст. 5 петиции выдвигала требование немедленного прекращения всех нарушений хартий королевскими должностными лицами и незаконных несоразмерных и неоплачиваемых захватов, в нарушение статута, изданного в Вестминстере во время минувшей войны (имеется в виду, очевидно, Подтверждение хартии. — *Е. Г.*) [131]. Все подобные правонарушения, совершенные должностными лицами короля, должны быть исправлены и виновники наказаны специально назначенными для этого судьями, «которые не должны вызывать подозрения у прелатов и баронов» (ст. 6) [132]. Петиционеры просили также, что-

[128] Ibidem.

[129] Ibidem... «E par le conseil de prelatez contes barons soit mis en certain le poer des justices assignez en les countez pur les chartres garder».

[130] Ibidem.

[131] Ibidem.

[132] Ibidem... «Et ce ke mespris est per nul ministere soit amende solon ce ke le trespas le demaunde, per auditours a ceo assignez qe ne soient pas suspicinus de Prelatz et Barons de la terre. Solon ceo kil mesme ainz ces houres ad fet e que le seit meintenant mis en oevre».

бы отныне шерифы точно отчитывались о своих доходах, как это делалось в правление Генриха III, так как они пользуются этими доходами к «величайшему разорению народа» (a grant apoverissment du pueple) (ст. 7) [133], и чтобы пересмотр лесных границ там, где он еще не закончен, был завершен не позднее ближайшего праздника св. Михаила [134].

Все эти конкретные требования петиции по существу в основном выражали интересы большинства класса феодалов — мелких и средних феодалов, наиболее заинтересованных, как мы видели, и в соблюдении хартий, и в скорейшем проведении сокращения лесных заповедников, и в ограничении злоупотреблений шерифов, и в прекращении произвольных захватов и конфискаций. Отчасти эти требования отражали интересы баронской верхушки, хотя последняя была заинтересована в этих мерах значительно меньше, и небольшой наиболее зажиточной части свободного крестьянства, поскольку она имела общие интересы и находилась в одинаковом правовом положении с рыцарством.

Однако политическая сторона петиции носит на себе явные следы влияния баронской верхушки. В петиции выдвигается требование, чтобы судьи для наблюдения за выполнением хартий назначались по совету прелатов и баронов (ст. 3) так, чтобы эти судьи «не вызывали у них подозрения» (ст. 6). В этих претензиях баронской верхушки на контроль над соблюдением хартий можно видеть бледное отражение более далеко идущих притязаний на контроль за назначением казначея, юстициария и канцлера, которые, если верить Ришенжеру и Лангетофту (см. выше), были выдвинуты ими на Линкольнском парламенте (см. выше).

Мы не знаем, какие дебаты предшествовали выработке «билля» 1301 г. Однако можно предположить, что требование прелатов и баронов о передаче им права контроля над назначением королевских советников, если оно действительно выдвигалось, как сообщают хронисты, не встретило сочувствия у представителей рыцарства, которые едва ли не больше опасались господства баронской олигархии, чем произвола со стороны короля. В виде уступки баронам, в поддержке которых они в данный момент нуждались, представители общин пошли, видимо, лишь на глухое упоминание о праве баронов и прелатов назначать в графствах судей для наблюдения за выполнением хартии и наказания ее нарушителей. Бароны со своей стороны выразили свою солидарность с требованиями

---

[133] Ibidem.

[134] Ibidem... «E ke la ou puralles mie parfeté ne uncour ore chevauchee se face entre si e la Sein Michel prochein suant».

общины, признав, что эта петиция подается королю и от их имени. Таким образом, можно думать, что петиция 1301 г., так же, впрочем, как и все предшествующие, представляет собой результат соглашения между крупными феодалами и мелкими и средними феодалами, достигнутого в ходе политической борьбы в парламенте.

Более общий характер имели, как отмечалось выше, парламентские петиции 1305 и 1307 гг. и принятый по первой из них Карлейльский статут 1307 г. Поскольку обе эти петиции и статут были направлены против папских вымогательств по отношению к английским монастырям и церковным учреждениям, а петиция 1307 г. поднимала также вопрос о многочисленных злоупотреблениях римской курии в области церковной юрисдикции, патроната над монастырями, основанными светскими феодалами, в отношении имуществ умерших клириков и ростовщических операций церковников (см. выше) и т. п., то они, несомненно, выражали в какой-то мере недовольство самых различных слоев населения слишком наглым и постоянным вмешательством римской курии в английские дела. В этом смысле обе петиции и Карлейльский статут отличались наиболее «общесословным» характером среди всех прочих петиций и статутов, рассмотренных нами.

Но как бы ни широка была социальная база всех этих антиримских документов, нетрудно заметить, что и здесь ведущую роль в организации и сплочении антипапской оппозиции в парламентах 1305 и 1307 гг. играли представители господствующего класса, и именно от них, в первую очередь, зависел характер этих выступлений. Несомненно, они опирались на широкую оппозицию папским притязаниям как внутри парламента, так и за его пределами. Но само по себе выступление парламента с подобными петициями, которые, сначала во всяком случае, и в 1305 г. и 1307 г. были поддержаны королем, нужно рассматривать как продолжение в новой форме той борьбы между светскими и духовными феодалами, которая была обычным явлением в политической истории Англии XIII в., и прежде проявлялась в борьбе между королем и вселенской церковью во главе с папой. Следовательно, в основе этого столкновения лежала борьба внутри господствующего класса, в которой все прочие общественные слои играли в этот период еще пассивную роль.

Впрочем, и все рассмотренные выше «парламентские» петиции, и та борьба, которая происходила в связи с ними внутри парламента и между парламентом и королем, в основном продолжали в новых условиях и новыми средствами ту борьбу, которая до возникновения парламента и в первые годы его существования — до 1297 г. — происходила в феодальной

Англии. Приведенные факты достаточно ясно показывают, что и расстановка сил в событиях 1298, 1299, 1300 и 1301 гг. была примерно такой же, как и в событиях 1215, 1258—1265 и 1297 гг. Основными участниками борьбы здесь, как и там, являлись различные группировки господствующего класса: крупные духовные и светские феодалы, мелкие феодалы-рыцари и королевская власть со своим аппаратом управления, лавирующая между ними. Здесь, как и там, рыцари, а в тех случаях, когда они выступали вместе, и бароны пользовались поддержкой городской верхушки и наиболее зажиточной части свободного крестьянства. Здесь, как и там, формальное лидерство оппозицией все еще сохранялось за представителями феодальной аристократии.

Но в то же время была и некоторая разница между этой «парламентской» борьбой конца XIII в. и более ранними вооруженными конфликтами внутри английского господствующего класса. Она заключалась главным образом в том, что лидерство магнатов в этих парламентских столкновениях становится чем дальше, тем более формальным, поскольку оппозиционные требования, содержащиеся в парламентских петициях конца XIII в. с каждым разом все слабее отражают узкогрупповые интересы феодальной аристократии и все больше внимания уделяют повседневным нуждам основной массы класса феодалов — мелких и средних феодалов.

Итак, в своей петиционной деятельности, а следовательно, и в тех немногочисленных актах парламентского законодательства в XIII в., которые мы рассмотрели, парламент, как и в своей финансовой деятельности, главным образом преследовал интересы класса феодалов, лишь в очень слабой степени — городов и свободного крестьянства и совершенно игнорировал интересы основной части трудящегося населения феодальной Англии.

Поскольку в области законодательства (за исключением рассмотренных случаев), суда и внешней политики парламент в конце XIII — начале XIV в. действовал не столько как представительное собрание, сколько как совет магнатов или даже более узкий совет королевских приближенных, безоговорочно и беспрекословно поддерживавший все мероприятия короны, то очевидно, что в этой сфере своей деятельности он был абсолютно солидарен с королевской политикой, социальную сущность которой мы уже выяснили. Это освобождает нас от необходимости отдельно рассматривать социальную направленность действий парламента в этих вопросах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение парламента не внесло никаких изменений в классовую природу феодального государства, сохранив в полной неприкосновенности его феодальную эксплуататорскую основу. Изменилась лишь его политическая форма. Рядом с королевской властью и созданными ею в предшествующий период центральными правительственными учреждениями появился новый политический орган — парламент, с самого начала обладавший определенными специфическими политическими функциями, несвойственными другим государственным учреждениям Англии того времени. Эти изменения в политической структуре феодального государства отражали экономические и социальные сдвиги, происходившие в XII—XIII вв. в английском обществе, и то новое соотношение социальных сил, которое сложилось в нем к концу этого периода.

Парламент возник в ходе длительной политической борьбы между отдельными группировками господствующего класса феодалов, в которой в качестве союзников борющихся партий выступали также горожане и верхушка свободного крестьянства.

Политическая борьба XIII в. была отражением борьбы, происходившей внутри господствующего класса Англии за раздел феодальной ренты и за политическое влияние в центральном и местном государственном управлении. Поэтому столкновения между участвовавшими в ней политическими силами неизменно заканчивались соглашениями.

Парламент возник как итог этой борьбы и этих неоднократных соглашений. Это был как бы постоянный орган для осуществления подобных соглашений, необходимый классу феодалов для его дальнейшей консолидации, для укрепления его социальных и политических позиций по отношению к эксплуатируемому классу и растущему городскому сословию. Соглашение, достигнутое в парламенте, покоилось на гораздо бо-

лее прочных основах, чем все предшествующие соглашения этого рода — Великая хартия вольностей, Оксфордские провизии и др.,— во-первых, потому, что оно вырабатывалось под угрозой серьезных народных волнений, во-вторых, потому, что решающую роль в нем сыграло рыцарство и его союзники — горожане и фригольдерская верхушка. Оба эти обстоятельства расширяли социальную базу вновь достигнутого компромисса и обеспечивали его устойчивость.

Основной политический эффект перестройки, совершившейся в структуре феодального государства в связи с возникновением парламента, заключался, таким образом, в консолидации господствующего класса, а следовательно, в усилении его политических позиций в отношении крестьянства, а отчасти и городского населения.

При этом, хотя возникновение парламента в какой-то мере отвечало интересам и баронства и короля, участвовавших в этом соглашении, наибольшие политические выгоды это новое учреждение все же обеспечивало рыцарству, которое впервые получило через него доступ к контролю над действиями правительства. С другой стороны, возникновение парламента явилось некоторым политическим успехом и для городского сословия. Появление городских представителей в парламенте отразило тот факт, что к концу XIII в. горожане в масштабе всей Англии оформились в особое сословие. При всем подчиненном положении городских депутатов, уже само их присутствие в парламенте означало признание за городским сословием определенного места в политической системе феодальной Англии. В парламент теперь стали переноситься конфликты, возникавшие периодически между королем и городами, представители которых получили возможность договариваться там о совместных действиях. В XIV в. эта возможность реализовалась все чаще и чаще, усиливая воздействие городского элемента на позицию парламента. Кроме того, с возникновением парламента горожане получили новые возможности для укрепления их политического союза с рыцарством. Этот союз, стихийно сложившийся еще в допарламентский период, политически оформился в 30-е годы XIV в. в палате общин и затем обеспечил рыцарству и горожанам решительный перевес над крупными феодалами в парламентах конца XIV века.

Как политическая борьба, предшествовавшая возникновению парламента, так и связанная с ним политическая перестройка отразили, в первую очередь, рост экономического и социального влияния рыцарства, горожан и зажиточной фригольдерской верхушки в стране. Поскольку эти слои населения в условиях еще достаточно прочного феодального строя являлись носителями прогрессивных экономических тенденций

и активными сторонниками государственной централизации, то возникновение парламента и его последующую деятельность в XIII—XIV вв. в целом нужно расценивать как прогрессивное явление в политической жизни феодальной Англии. Направляя политику королевской власти в интересах этих слоев населения, затрудняя королям проведение чисто личной политики и в то же время ограничивая олигархические претензии магнатов, парламент, в общем, содействовал дальнейшему экономическому развитию английского феодального общества до той поры, пока феодальные производственные отношения давали возможность такого развития.

Изменения, внесенные парламентом в политическую жизнь Англии, привели к окончательному оформлению феодального государства нового типа — относительно централизованной феодальной монархии с сословным представительством, или, как ее обычно называют, «сословной монархии».

В связи с этим возникает вопрос о месте парламента в этом новом государстве и о его роли в процессе государственной централизации. Отвечая на эти вопросы, можно, наконец, разрешить и тот бесконечный спор, который в течение многих десятилетий ведется по этому поводу между представителями буржуазно-либерального направления и их современными последователями, с одной стороны, и историками «критического» направления — с другой.

Последние глубоко ошибаются, утверждая, что парламент, будучи созданием королевской власти, не налагал на нее никаких ограничений и был покорным орудием в ее руках. Являясь результатом соглашения между королем и различными группировками класса феодалов, парламент неизбежно должен был обеспечить этим последним возможность направлять и корректировать политику правительства в своих интересах. Ведь этого, хотя и по разному и с различной целью, добивались и бароны и рыцарство в политической борьбе XIII в. Этой цели служили в интересах феодалов и финансовые полномочия парламента и его право законодательной инициативы, выросшие из права подачи парламентских петиций.

Но, с другой стороны, эти ограничения были крайне скромны и с формально-юридической и особенно с социальной точки зрения. Они ни в коей мере не соответствовали тому высокому представлению об ограничительных функциях парламента, которое характерно для историков либерально-буржуазного направления и которое основывается главным образом на знаменитой формуле приглашения прелатов в «образцовый» парламент 1295 г. Эдуарда I: «...то, что касается всех, должно быть одобрено всеми». Даже в вопросах обложения, которые более всего «касались всех», Эдуард I далеко не всег-

да испрашивал «всеобщего согласия» и иногда по целым годам обходился без него. В вопросе о лесных заповедниках, который тоже «касался всех», во всяком случае всех слоев общества, представленных в парламенте, он также упорно отказывался руководствоваться принципом общего согласия. В вопросах законодательства и внешней политики и Эдуард I и его преемники сплошь и рядом действовали без всяких совещаний с парламентом. Следовательно, на практике английские короли, особенно в первые 100 лет существования парламента, могли вовсе не считаться с ним в целом ряде вопросов. Но гораздо важнее то, что, даже когда они обращались за «согласием» к парламенту, это согласие ни в коей мере не являлось «всеобщим», но лишь согласием представителей эксплуататорских слоев общества — преимущественно феодалов. Что касается широких трудящихся масс деревни и города, им решения короля, санкционированные парламентом, преподносились как готовые и не подлежащие обсуждению.

Следовательно, парламент ограничивал короля лишь в пользу немногочисленной эксплуататорской верхушки общества, преимущественно в пользу феодалов всех рангов, но оставлял ему полную свободу действий в отношении подавляющего большинства населения страны. Общий удельный вес этих ограничений в политической жизни страны был невелик. Не случайно именно Эдуард I, который слывет в буржуазной историографии первым «конституционным» монархом Англии, был охарактеризован К. Марксом как самый отъявленный деспот и вымогатель. «Как и *Филипп IV Французский,*— пишет о нем К. Маркс,— он исчерпал все *возможные* при феодальной системе *средства вымогательства*; повышал в десять раз *налог на шерсть*, в то время *главный предмет торговли англичан,* нередко отнимал во время войны *все имеющиеся в графствах зерно и скот.* Был вообще деспотом: *приговаривал к смерти и к другим наказаниям одной только полицейской властью; на такие меры в то время едва ли отважился бы какой-нибудь правитель в Германии...*»[1]. То, что именно этот коронованный деспот первый из английских королей стал регулярно обращаться к парламенту, нельзя, конечно, объяснить его искренней приверженностью пресловутой формуле: «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми». Им руководили совершенно другие побуждения. Дело в том, что те весьма скромные и условные ограничения, которые парламент время от времени налагал на короля, компенсировались для последнего многими преимуществами. Если иногда парламент требовал от короля некоторых уступок в пользу материаль-

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса,. т. V, стр. 306—307.

ных и политических интересов класса феодалов, то всегда и неизменно он поддерживал и скреплял своей санкцией все мероприятия королевской власти в отношении эксплуатируемых масс деревни и города, а в вопросах обложения даже и в отношении городского сословия в целом. Парламент поддерживал своим авторитетом важные внешнеполитические мероприятия правительства, такие, как присоединение Уэльса или установление английского верховенства над Шотландией, — когда король считал нужным получить на них санкцию. Санкционируя такого рода рискованные предприятия, парламент как бы разделял с королем ответственность за их принятие и проведение в жизнь и усиливал позиции короля на международной арене. Парламент укреплял политические позиции королевской власти еще и потому, что он способствовал постоянному мирному урегулированию противоречий между разными слоями феодалов и верхушкой городского сословия.

Наконец, наличие парламента, где король мог постоянно наблюдать столкновения политических интересов рыцарства, баронства и горожан, позволяло ему, используя противоречия, существовавшие между ними, опираясь то на одних, то на других, проводить нужные ему мероприятия. Парламент, таким образом, являлся для королевской власти важным политическим барометром и одновременно удобным местом для организации тех или иных политических комбинаций.

Выгоды, которые давал королю парламент, несомненно, превышали в его глазах некоторые неудобства этого учреждения. Этим, очевидно, и объясняется тот с первого взгляда парадоксальный факт, что учреждение, возникшее в политической борьбе феодалов с королем, как результат реакции со стороны феодалов на быстрое усиление королевской власти, в течение каких-нибудь 30—40 лет превратилось в постоянно действующий орган центрального правительства, который регулярно созывался по инициативе самого короля. Потребность в политической поддержке парламента, то есть широких кругов класса феодалов и верхушки городского сословия, а отнюдь не добровольное «самоограничение» в пользу «народа», побуждало Эдуарда I и его преемников все чаще и чаще обращаться к парламенту.

Итак, возникновение парламента в целом не только не ослабляло, но скорее усиливало центральную власть. Это нашло свое выражение в том, что королевская власть и парламент, за исключением редких моментов, мирно сосуществовали друг с другом, проявляя полное единодушие во всех основных направлениях своей политики. Причина этого единодушия заключалась, конечно, не в том, что в парламенте осуществлялась «гармония» между королем и его «народом», как

считали историки вигской школы, и не в том, что парламент был безгласным орудием королевской власти, как думали историки «критического» направления. Источником единства действий этих двух, казалось бы, столь различных органов общественной власти была их одинаковая классовая природа, то, что они — каждый по-своему — выражали и защищали интересы господствующего класса и поэтому легко приходили к соглашению даже в моменты самых острых конфликтов.

В том, что возникновение парламента было одним из проявлений процесса государственной централизации, убеждает не только характер его взаимоотношений с королевской властью, но и весь ход его формирования, и вся его структура и организация. Парламент складывался и развивался одновременно и параллельно с другими органами феодального государства — центральными судами, казначейством, канцелярией, особенно же с королевским советом, — в развитии которых проявлялся процесс государственной централизации. Правда, парламент впервые возник в борьбе с королевской властью, как будто направленной против ее чрезмерного усиления. Но, во-первых, его дальнейшая судьба оказалась неразрывно связанной с действиями королей, превративших его в постоянный орган; во-вторых, в этой борьбе за парламент и в самой его организации отразилась относительно высокая степень государственной централизации, достигнутая Англией к этому времени. В частности, возникновение парламента отразило процесс складывания в стране общегосударственных сословий и сословных групп — баронства, рыцарства, горожан — и кристаллизации их сословных интересов. А процесс складывания сословий тоже являлся показателем сравнительно высокого уровня развития феодализма и централизации страны. Поэтому и в возникновении парламента и в образовании других органов центрального аппарата Англии в одинаковой мере проявился один и тот же прогрессивный процесс объединения страны. Разница заключалась в том, что рост центрального аппарата отражал стремление английских королей объединить страну, унифицировать управление, сломить политическое влияние крупных феодалов сверху; в складывании же парламента как сословно-представительного собрания, общего для всей страны, проявилось настойчивое стремление к упорядочению и укреплению этого централизованного управления со стороны широких кругов господствующего класса и наиболее влиятельных элементов городского сословия.

Столкновение этих по внешности противоречивых стремлений, которые по сути дела имели одну общую тенденцию к дальнейшей централизации феодального государства, и привело к возникновению новой формы феодального государст-

ва — монархии с сословным представительством. Эта форма феодального государства наиболее соответствовала уровню развития феодальных отношений, достигнутому Англией к концу XIII — началу XIV в., когда еще не было реальных экономических и социальных предпосылок для полного объединения страны в рамках абсолютной, ничем не ограниченной монархии. Хотя английским королям к этому времени удалось лишить крупнейших феодалов Англии в значительной мере их политических привилегий в их владениях, но господствующий класс в целом еще не был вынужден отказываться от известной доли политической власти и полностью отдать ее в руки короля, как это фактически случилось позднее, при абсолютизме. Не только крупнейшие феодалы, но и более широкие слои господствующего класса в XIII—XIV вв. претендовали на участие и в местном и в центральном управлении страной, домогались хотя бы контроля над действиями короля. Парламент значительно усиливал феодальное государство. Но в этот период оно не могло быть полностью поглощено личностью короля.

Возникновение парламента означало своеобразный «раздел власти» между королем как главой феодального государства и, пользуясь выражением В. И. Ленина, выборными «от помещичьего общества»[2]. Такое «распределение власти» внутри класса феодалов обеспечивало в сложившихся условиях королю прочную поддержку широких и наиболее прогрессивных слоев класса феодалов и растущего городского сословия. Оно гарантировало устойчивость политической власти в стране и временное смягчение политических конфликтов в среде господствующего класса, которые всегда мешали укреплению этого класса и его государства. В то же время этот раздел власти в общем до известного времени не мешал усилению центральной власти, ее фискального аппарата, необходимого классу феодалов для извлечения централизованной феодальной ренты и концентрации средств внеэкономического принуждения, в которой нуждались все его слои. Характеризуя английский парламент и его взаимоотношения с другими органами феодального государства, мы в сущности уже охарактеризовали также и возникшую вместе с ним новую политическую форму — феодальную монархию с сословным представительством, или, как ее обычно называют, «сословную монархию».

Как парламент не был собранием народных представителей, так и английская так называемая сословная монархия, да и сословная монархия вообще, никогда не являлась «сою-

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 445.

зом между королем и народом», или между «обществом и государством», как она обычно трактовалась в буржуазной либеральной историографии. Это было феодальное государство, весь аппарат которого, как и в допарламентский период, был направлен на то, чтобы защищать интересы класса феодалов от эксплуатируемых масс крестьянства как крепостного, так отчасти и лично свободного. Складывание «сословной монархии», вопреки мнению буржуазных исследователей, отнюдь не превратило Англию в «правовое государство». Ибо в действительности защита прав в этом государстве гарантировалась только ничтожному меньшинству населения — представителям класса феодалов, купцам-богатеям немногих городов и немногочисленной фригольдерской верхушке.

Неточным и неполным является, применительно к Англии, как и к другим странам средневековой Европы, также определение сословной монархии как «союза трех самостоятельных сословий под главенством короля», широко распространенное в буржуазной историографии начала XX в. Такое определение сословной монархии служит буржуазным историкам для затушевывания социальной сущности этой политической формы, так как предполагает распределение власти в государстве между тремя (или большим количеством) равноправными сословиями, или сословными группами. Между тем в действительности «союз сословий» в этой форме государства был далеко неравноправным для городского сословия, а реальная политическая власть в какой-то мере делилась только между королем и представителями господствующего класса. Столь же неточным и допускающим различные толкования является определение «сословной монархии» вообще и применительно к Англии в частности как такой формы государства, при которой королевская власть ограничивается в равной степени в пользу всех сословий, представленных в сословных собраниях. Оба эти определения создают неверное представление о «сословной монархии», во-первых, потому, что изображают ее в той или иной мере как демократическую форму государства, во-вторых, потому, что неправильно рисуют взаимоотношения между сословиями, допущенными в сословные собрания, в виде мирного, равноправного и ничем ненарушимого содружества.

В действительности, так называемая сословная монархия, как мы видели, представляла собой отнюдь не простой союз трех сословий под главенством короля, налагавший на него некоторые ограничения в пользу этих сословий, но политическое соглашение, в основном имевшее в виду интересы различных группировок класса феодалов и направленное против крестьянских масс. Представители горожан, даже допущенные

к этому соглашению, занимали в нем второстепенное положение и, в сущности говоря, не делили с феодальными сословиями выгод от тех ограничений, которые налагались на короля. Если существовали ограничения короля, то только в интересах господствующего класса. Поэтому эти ограничения отнюдь не носили демократического характера. Несомненно, рост городов, городского сословия и необходимость привлечения последнего в широком масштабе к государственному обложению были важным фактором в развитии этой новой формы государства. Но это обстоятельство не было единственной причиной образования «сословных монархий» как в Англии, так и в других странах Европы, и горожане были не единственной главной действующей силой в этом процессе. Основу этого общеевропейского процесса составляли те изменения, которые происходили в экономическом базисе феодальной Европы в связи с появлением там товарного производства и развитием внутреннего рынка. Но проявлялись они не только в экономическом и политическом росте городов и городского сословия, но и в существенных сдвигах, происходивших в феодальной деревне и толкавших значительную часть класса феодалов на путь активной поддержки процесса государственной централизации.

Не случайно даже в тех странах, где города и городское сословие были сравнительно слабы, как в Польше, Венгрии, Дании, Швеции, мы видим все же складывание «сословных монархий» на определенной стадии развития феодализма. Что касается городского сословия, даже самых высших его слоев, то оно получило от сословной монархии ровно столько выгод, сколько ему было необходимо, чтобы существовать и накапливать богатства. Но эти скромные выгоды горожанам приходилось оплачивать очень дорого.

Все сказанное выше о социальной природе так называемой «сословной монархии» заставляет усомниться в правильности этого термина, введенного в употребление буржуазной историографией. Правда, в советской медиевистике, которая тоже пользуется этим термином, в него вкладывается совсем иное содержание. Однако именно потому, что он допускает столь различное толкование, этот термин на наш взгляд нуждается в пересмотре. Нужно найти более точное определение для этой формы феодального государства, которое не скрывало бы, а, напротив, ясно подчеркивало бы его классовую сущность и политическую специфику. Таким более точным определением нам кажется то, которое мы неоднократно употребляли выше в нашем исследовании, — «феодальная монархия с сословным представительством».

Буржуазные исследователи всех стран Европы потратили

немало времени и сил, чтобы доказать, что средневековые феодальные монархии с сословным представительством являлись прообразом ограниченных конституционных монархий и буржуазного парламентаризма XIX—XX вв. и основой, на которой они выросли. Главным звеном в их аргументации, преемственной связи между современной и средневековой «демократией» неизменно являлась история английской средневековой монархии с ее парламентом.

Тщетные попытки этих историков представить средневековый английский парламент начиная с 1265 г. как народное представительство, а английскую феодальную монархию с сословным представительством как демократическое государство находятся в явном противоречии с историческими фактами и источниками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА*

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 3.
Маркс К. Капитал, т. I. Госполитиздат, М., 1949.
Маркс К. Капитал, т. III. Госполитиздат, М., 1949.
Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии». Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв., т. I. Госполитиздат, М., 1955.
Маркс К. Конспект работы Грина Д. Р. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII. М., 1946.
Маркс К. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. М., 1938.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, М., 1952.
Энгельс Ф. Ответ Фридриха Вильгельма IV депутации гражданского ополчения. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 5.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв., т. II. М., 1952.
Ленин В. И. О государстве. Соч., т. 29
Ленин В. И. Социал-демократия и избирательные соглашения. Соч., т. 11.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1.
Ленин В. И. Конституционный кризис в Англии. Соч., т. 20.
Ленин В. И. Речь о парламентаризме. Соч., т. 31.

ИСТОЧНИКИ

1. Документация, связанная с деятельностью парламента

Rotuli Parliamentorum; ut et petitiones, et placita in parliamento (1278—1503), vol. 1. London, 1832.
Rotuli Parliamentorum Angliae hactenus inediti 1279—1373. London, 1935 (Royal hist. Soc. Camden. 3. ser., vol. 51).

---

* В этот список вошли лишь те источники и та литература, на которые в данной монографии имеются ссылки.

Memoranda de parliamento. Records of the Parliament at Westminster in 1305, edit. F. W. Maitland. Roll. Series, № 98. London, 1893.
Parliamentary writs and writs of military summons, edit. F. Palgreve, vol. 1. London, 1827, vol. 2. London, 1834.

2. Законодательные памятники и правительственные распоряжения

Statutes of the Realm, 1101—1713. Edit. A. Luders. T. E. Tomlins, vol. I. London, 1810.
Вестминстерские статуты. Перевод с латинского и старофранцузского Е. В. Гутновой. Юриздат, М., 1948.
Calendar of the Close Rolls of the reign of Edward I, 1272—1288, vol. 1—5. London, 1900—1902.
Close rolls of the reign of Henry III, 1227—1272, vol. 1—14. London, 1902—1938.
Calendarium rotulorum patentium in turri Londoniensi asservatorum. London, 1802.
Rotuli litterarum clausarum in turri Londinensi asservati, 1204—1227, vol. 1—2. London, 1833—1844.
Rotuli litterarum patentium in turri Londinensi asservati, 1201—1216. London, 1835.
Rotuli de liberate ac de misis et praestitis, regnante Johanne. London, 1844.
Foedera, conventiones, literae et cujuscunque generis Acta publica... (1101—1654). Edit. Th. Rymer, vol. I part II, edit. 2. London, 1816.

3. Протоколы королевских и сеньериальных судов

Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum Abbreviatio temporibus regum Ric. I, Henr. III, Edw. I, Edw. II. London, 1811.
Placita de quo warranto temporibus Edwardi I, II, III. London, 1818.
Select cases concerning the law merchant, a. d. 1270—1638, vol. 1—2. London, 1908.
Select pleas in monorial and other seignorial courts reigns of Henry III and Edward I. Edit. F. Maitland. Selden society publications, vol. 2. London, 1889.
Select bills in Eyre, edit. Bolland, 1292—1333. Selden society publications, vol. 30. London, 1914.
Year books of the reign of King Edward I, edited and translated by A. I. Horwood, Roll. Series, № 31, vol. 1—3. London, 1863—1866.
Leet jurisdiction in the city of Norwich during XIII and XIV centuries. Selden society publications, vol. 5. London, 1892.
Bracton's note book. A collection of cases decided in the King's Courts during the reign of Henry the third, annotated by a lawyer of that time, seemingly by Henry of Bratton, edited by F. Maitland, vol. 1—3. London, 1887.

4. Юридические и политические трактаты XIII и XIV вв.

Bracton H. De Henrici de Bracton de legibus et consuetudinibus Angliae. Edited by T. Twiss. Roll Series, № 70. vol. 1—6. London, 1878—1883.
Modus tenendi parliamentum, Extracts; In: Select charters and other illustrations of english constitutional history. Edited by W. Stubbs. Oxford, 1874.
Fleta seu commentarius juris Anglicani... London, 1735.

5. Правительственные расследования

Rotuli hundredorum temporibus. Henrici III & Edwardi I, vol. 1—2. London, 1812—1818.
Calendarium inquisitionum post mortem sive escaetorum temporibus

Henrici III — Richardi III. Edit. by J. Caley and J. Bayley, vol. I. London, 1806.
Calendar of inquistitions post mortem, vol. 2—4. London, 1906.
Testa de Nevill sive Liber feodorum temporibus. Hen. III et Edw. I. London, 1807.
A Lincolnshire assize rolls for 1298 (Lincoln record society, vol. 36). London, 1944.
Taxatio ecclesiastica Angliae et Walliae auctoritate papae Nicholai IV circa a. d. 1291. London, 1802.
A Suffolk hundred in the year 1283. Edit by E. Powell. Cambridge, 1910.

6. Городские хартии и публикации городских архивов

British borough charters 1042—1216. Cambridge, 1913.
British borough charters 1216—1307. Cambridge, 1923.
Liber Albus in: Munimenta Gildhallae Londoniensis, Roll. Series No. 12, vol. I, part 1—2. London 1859—1862.
Liber Custumarum in: Munimenta Gildhallae Londoniensis, Roll. Series, No. 12, vol. 2, part 1—3. London, 1860.
Memorials of London and London life in the XIII-th, XIV-th and XV-th centuries; being a series of extracts local, social and political from the early archives of the City of London. A. d. 1276—1419. London, 1868.
Record of the borough of Leicester 1103—1603, vol. I (1103—1327). Cambridge, 1899.
Cambridge gild records; edit. by Bateson M. London, 1903.
Cambridge borough documents, edit. by W. H. Palmer. Cambridge, 1931.

7. Хроники и политическая поэзия конца XIII начала XIV в.

The political songs of England from the reign of John to that of Edward II. London, 1839.
Annales de prioratu Dunstapliae; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. III. London, 1886.
Annales Londonienses (1194—1330); in: Chronicles of the reigns of Edward I and Edward II. Roll. Series. No. 76, vol. I. London, 1882.
Annales de Burtonie; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. I. London, 1864.
Annales Wawerlaya; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. II. London, 1860.
Annales Wigornia; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. IV. London, 1869.
Annales de Wintoniae; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. II. London, 1865.
Annales Osney; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. IV. London, 1869.
Annales Theokesberiae; in: Annales monestici, Roll. Series, No. 36, vol. I. London, 1864.
W. Rishanger. Annales Angliae et Scotiae. Chronica regis Edwardi primi; in: W. Rishangeri quondam monachi Sancti Albani Chronica et Annales, Roll. Series No. 28, vol. II, London, 1865.
Bartolemei de Cotton Monachi Norwicensis historia Anglicana, Roll. Series, No. 16. London, 1859.
The Chronicle of Pierre de Langetoft in french verse from Brutus to 1307, Roll. Series, No. 47, vol. II. London, 1868.
Johannis de Trokelowe et Henrici de Blaneforde Annales; in: Chronica monasterii Sancti Albani. Roll. Series. No. 28, vol. I. London, 1866.

Matthei Parisiensis monachi Sancti Albani Historia anglorum sive, ut vulgo dicitur, Historia minor 1066—1253. Roll. Series, No. 44, vol. II—III. London, 1866—1869.
Matthei Parisiensis monachi Sancti Albani Chronica majora 1216—1259. Roll. Series, No. 57, vol. III—V. London, 1877—1880.
Wykes Th. Chronicon vulgo dictum Chronicon Thomas Wykes. 1066—1289; In: Annales monastici. Roll Series, No. 36, vol. IV. London, 1869.

8. Сборники документов

Select charters and other illustrations of english constitutuonal history from the earliest times to the reign of Edward the first, arranged and edited by William Stubbs. Oxford, 1874.
Памятники истории Англии XI—XIII вв. Перевод и введение Д. М. Петрушевского. М., 1936.

ЛИТЕРАТУРА

1. Специальная литература на русском языке

Авдеева К. Огораживания общинных земель в Англии XIII в. Сб. «Средние века», вып. VI. М., 1955.
Барг М. А. Эволюция феодального землевладения в Англии в XI—XIII вв. «Вопросы истории», № 11, 1953.
Барг М. А. О некоторых факторах разложения светского вотчинного землевладения в Англии XII—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.
Барг М. А. Вилланы старинного домена. Сб. «Средние века», вып. XI, М., 1958.
Барг М. А. Фригольд центральной Англии в XII—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. IX. М., 1957.
Виноградов П. Г. Господство права. Лекция. М., 1911.
Геллертов А. П. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII в. (1258—1267). Автореферат канд. дисс. Горький, 1954 (Горьковск. ун-т).
Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. Перевод с нем. под ред. С. А. Венгерова. М., 1885.
Грановский Т. Н. Записи публичных лекций по сравнительной истории Англии и Франции. ГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 133.
Грин Д. Р. Краткая история английского народа, вып. I. Перевод с англ. Богучарского. М., 1897.
Гутнова Е. В. Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, 1947, № 6.
Гутнова Е. В. Проблема происхождения и ранней истории английского парламента (XIII—XIV вв.) в буржуазной историографии. «Вопросы истории», № 11, 1948.
Гутнова Е. В. Городское представительство в английском парламенте конца XIII и начала XIV в. Сб. «Средние века», вып. IV. М., 1953.
Гутнова Е. В. Экономические и социальные предпосылки централизации английского феодального государства в XII—XIII вв. Сб. «Средние века», вып. IX. М., 1957.
Гутнова Е. В. К вопросу об иммунитете в Англии XIII в. Сб. «Средние века», вып. III. М., 1951.
Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков, изд. 2. СПб., 1909.
Ковалевский М. М. Английская конституция и ее историк. М., 1880.

Ковалевский М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880.
Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений, т. 1—3. М., 1906.
Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947.
Левицкий Я. А. Проблема раннего феодального города в Англии и Книга страшного суда. Сб. «Средние века», вып. III. М., 1951.
Левицкий Я. А. Ремесленные гильдии в Англии в ранний период их истории. Сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.
Мортон А. Л. История Англии. Перевод с англ. М., 1950.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. СПб., 1903; изд. 4. М., 1937.
Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в Англии XIII в. М., 1918.
Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1927 и 1937.
Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. Перевод с франц. М., 1938.
Чернышевский Н. Г. Рецензия на работу Маколея «История Англии». Соч., т. VI. М., 1931.

2. Специальная литература на иностранных языках

Adams G. B. The origin of the English constitution. New Haven, 1912.
Adams G. B. The constitutional history of England. New Haven, 1920.
Baldwin J. F. The King's council in England during the Middle ages. Oxford, 1913.
Baldwin J. F. Antiquities of the King's Council. — «English historical review», 1906, vol. 21, Jan.
Bennett H. S. Life on the English manor. A study of peasant conditions 1150—1400. Cambridge, 1938.
Cam H. M. The hundred and the hundred rolls. An outline of local government in medieval England. London, 1930.
Cam H. M. Studies in the Hundred rolls. Some aspects of the thirteeth century administration (Oxford studies in social and legal history, edited by P. Vinogradoff, vol. 6, No. XI. Oxford, 1921).
Cam H. M. Liberties and communities in medieval England, collected studies in local administration and topography. Cambridge, 1944.
Cam H. M. Medieval representation in theory and praxice. «Speculum», April, 1954, part 2.
Cam H. M. England before Elizabeth. London, 1956.
Cam H. M. A Marongiu, G. Stökle — Recent works and present views on the origins and development of representative assamblies; in: Relazioni Comitato internationale di Scienze Storiche X congresso internationale di Scienze Storiche. Roma, 1955.
Clarke M. V. Medieval representation and consent. A study of early parliaments in England and Ireland with special reference to the Modus tenendi Parliamentum. London, 1936.
Chrimes S. B. An introduction to the administrative history of Medieval England. Oxford, 1952.
Coulton G. C. The medieval village. Cambridge, 1925.
Cox H. Antient parliamentary elections. A history showing how parliaments were constituted and representatives of the people elected in ancient time. London, 1868.

Denholm-Young N. Seignorial administration in England. London, 1937.
Dietz F. C. An economic history of England. New York, 1942.
Edwards J. G. The personnel of the commons in parliament under Edwards I and Edward II. Essays in Medieval history presented to Thomas Frederick Tout. Manchester, 1925.
Edwards J. G. William Stubbs. London, 1952.
Ehrlich L. Proceedings against the Crown 1216—1377. (Oxford studies in social and legal hist. Ed. dy P. Vinogradoff, vol. 6, No. 12). Oxford, 1921.
The english government at work 1327—1336, vol. I. London, 1940.
Freeman E. A. The growth of the English constitution from the earliest times. London, 1872.
Green J. K. Town life in the fifteenth century, vol. 1—2, London, 1894.
Gross Ch. The gild merchant. A contribution to British municipal history, vol. 1—2. Oxford, 1890.
Guizot F. P. G. Histoire des origines du gouvernement representative en Europe, vol. 1—2. Paris, 1851.
Hallam H. A. View of the state of Europe during the Middle ages, vol. 1—2. London, 1818.
Haskins G. L. The growth of english representative government. Philadelphia, 1948.
Hilton R. H. Peasant movements in England before 1381. The Economic History Review, second Series, vol. II, No. 2, 1949.
Holdsworth W. A history of english law. (1066—1485). Vol. I. London, 1903; vol. II—III, London, 1909.
Hoyt R. Recent publications in the United States and Canada in the history of representatives institutions before the french revolution. «Speculum», April, 1954, part. 2.
Joliffe J. E. Angevin Kingship. London, 1955.
Joliffe. J. E. The Constitutional history of Medieval England from the english settlement to 1485. London, 1937.
Jacob E. F. Studies in the period of baronial reform and rebellion 1258—1267. (Oxford studies in social and legal history, vol. 8, No. XIV). Oxford, 1925.
Jenkinson C. H. The first Paliament of Edward I. — «English hist. review», vol. 25, April, 1910.
Keeney B. C. Military service and the development of nationalism in England, 1272—1327. «Speculum», Oct., 1947, vol. 22, No. 4.
Knowels D. The Religious orders in England, vol. I. Cambridge, 1950.
Knowels D. and Handcock R. N. Medieval religious houses Englands and Weles. London, 1953.
Lapsley G. T. Crown, community and parliament in the latter Middle ages. Oxford, 1951.
Lipson E. The economic history of England, vol. I. The middle ages. London, 1937.
McIlwain C. H. The high Court of parliament and its supremacy. New Haven, 1910.
Mc Ilwain C. H. Constitutionalism ancient and modern. Jtacka — New York, 1940.
McKizack M. The parliamentary representation of the English boroughs during the Middle ages. London, 1936.
Madox T. Firma burgi or an historical essay, concerning the cities and towns and boroughs of England taken from records. London, 1726.
Maitland F. W. The constitutional history of England. A course of lectures. Cambridge, 1908.
Maitland F. W. The suitors of the county court.— «English historical review», 1888, No. 3.

Morris W. A. The Date of the Modus tenendi parliamentum, «English hist. review», No. 195, July 1934.
Morris J. E. The Welsh wars of Edward I. London, 1901.
Painter S. Studies in the history of the English feudal barony. Baltimore, 1943.
Palgrave F. The rise and progress of the English Commonwealth, vol. 1—2. London, 1832.
Pasquet D. Essai sur les origines de la Chambre de la Communes. Paris. 1914.
Petit-Dutaillis Ch. Studies and notes supplementary to Stubbs Constitutional history of England. Transl. by W. E. Rhodes and T. Waugh., vol. 1—2. Manchester, 1911.
Plucknett T. F. T. Legislation of Edward I. Oxford, 1949.
Pollard A. F. The evolution of parliament. London, 1920.
Pollock F. and Maitland F. W. History of English law before the time of Edward I, vol. 1—2. Cambridge, I ed — 1898; 2 ed. 1923.
Poole A. L. Obligations of society in the XII and XIII-th centuries. Oxford, 1946.
Power E. F. The wool trade in English medieval history. Oxford, 1942.
Powicke F. M. King Henry III and the lord Edward. The community of the realm in the thirteenth century, vol. 1—2. Oxford, 1947.
Ramsay of Bam J. H. A history of the revenues of the kings of England 1066—1399, vol. 1—2. Oxford, 1925.
Reich A. M. The parliamentary abbots to 1470. A study in English constitutional history. Losangelos, 1941.
Reyner D. The Form and Machinery of the «Commune petition» in the fourteenth Century. «English hist. review», No. 222, 224. London, 1941.
Richardson H. G. The Origin of parliament. «Transaction of royal hist. society», 4-th ser. London, 1928.
Richardson H. G. and Sayles G. O. Early records of the english parliament. «Bull. of institute of historical research», vol. 129, VI. 71.
Richardson H. G. and Sayles G. O. The king's ministers in parliament 1271—1377. «English hist. review», XLVI, 1931.
Riess L. Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter. Leipzig, 1885.
Round J. H. Feudal England. Historical studies on the XI-th and XII-th centuries. London, 1895.
Sanders J. Y. Feudal military Service in England. A study of the constitutional and military powers of the barons in medieval England. London, 1956.
Sayles G. O. The Medieval foundation of England, ed. 2. London, 1952.
Schanz G. English Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. Leipzig, 1881.
Stubbs W. The constitutional history of England in its origin and development. Vol. 1—3, ed. 1. Oxford, 1874—1878, ed. 2, 1891.
Tait J. The medieval english borough. Manchester, 1936.
Tout T. F. Chapters in the administrative history of medieval England. The Wardrobe, the Chamber and the small seals. Vol. 1—2. Manchester, 1920—1929.
Tout T. F. Edward the First. London, 1896.
Tout T. F. History of England from the access of Henry III to the death of Edward III. London, 1905.
Treharne R. F. The baronial plan of reform 1258—1263. Manchester, Univ. press, 1932 (Publ. of the Univ. of Manchester, No. 221).
Treharne R. F. Knights in the period of reform and rebellion 1258—1268, «Bull. of institute of hist. research», No. 62, 1946.

The Victoria history of the counties of England. Графства: Cornwall, vol. I; Cumberland, vol. II; Derby, vol. II; Dorset, vol. II; Gloster, vol. II, Warwick, vol. II.
Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1892.
Wilkinson B. The constitutional history of Ergland 1216—1399 with select documents, vol. 1—2. London, 1948—1952.
Wilkinson B. Studies in the english constitutional history of the thirteenth and fourteenth centuries. Manchester, 1937.
Wilkinson B. The political revolution of the thirteenth and fourteenth centuries in England. — «Speculum», 1949, vol. 24, Oct.
Wilkinson B. English politics and politicians of the 13 and 14 century «Speculum», January, 1955.
Willard J. F. Parlamentary taxes on personal property, 1290—1334; a study in mediaeval English financial administration. Cambridge — Mass, 1934.
Wood S. English monasteries and their patrons in the 13-th century. London, 1955.

Важнейшие сокращения

R. H. — Rotuli hundredorum, изд. Record Comission, 2 тома. London, 1812—1818.
P. W. — Parliamentary writs and writs of military summons, изд. Record Comission, 2 тома. London, 1827—1834.
P. Q. W. — Placita de quo warranto, изд. Record Comission. London, 1818.
Pl. Abbr. — Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum Abbreviatio. London, 1811.
BBCh — British borough charters, vol. I (1042—1216). Cambridge, 1913. vol. II (1216—1307). Cambridge, 1923.
R. P. — Rotuli parliamentorum; ut et petitiones et placita in parliamento (1278—1503), vol. 1—2. London, 1832.
R. S. — Roll series — Rerum britanicarum medii aevi scriptores — многотомная серия публикаций английских средневековых источников.
E. H R. — English historical review.
T. H. S. — Transaction of historical society.
B. I. H. R. — Bulletin of institute of historical research.
Statutes — Statutes of the Realm Rec. Comission. London, 1810.
Foedera — Feodera conventiones litterae et cujuscunque generis Acta publica, ed. Rymer, vol. I, part. II. London, 1816.
м. — марка
ф. — фунт стерлингов
ш. — шиллинг
п. — пенс

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Рост государственной централизации Англии в XII—XIII веках 44

Глава II. Политика королевской власти по отношению к крестьянству в XIII — начале XIV века 95

§ 1. Позиция законодательства, общего права и королевских судов по отношению к вилланству и классовой борьбе в деревне в XIII веке 104

§ 2. Процесс государственной централизации и «полноправие» вилланов в XII — XIII веках 137

§ 3. Позиция законодательства, общего права и королевских судов по отношению к свободному крестьянству . . . 144

§ 4. Судебно-административный аппарат феодального государства и крестьянство 167

Глава III. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII — начала XIV века 187

Глава IV. Политика королевской власти по отношению к классу феодалов в XIII — начале XIV века 230

§ 1. Политика королевской власти и общеклассовые интересы феодалов 233

§ 2. Роль феодального государства в борьбе за землю и доходы между крупными феодалами (баронством) и мелкими и средними (рыцарством) 254

Глава V. Основные этапы социальной и политической борьбы в Англии XIII века 280

Глава VI. Социальный состав и сословная структура английского средневекового парламента (конец XIII — начало XIV века) 334

§ 1. Социальная характеристика прелатов и баронов в парламенте конца XIII — начала XIV века 335

§ 2. Социальный облик представителей от графств в английском парламенте конца XIII — начала XIV века . . . 363

§ 3. Представители городов в парламенте конца XIII — начала XIV века 388

Глава VII. Политические функции английского парламента в конце XIII — начале XIV века 418

§ 1. Участие парламента в разрешении налогов (финансовые полномочия парламента) 425

§ 2. Роль парламента в подаче и обсуждении частных и «парламентских» петиций 436
§ 3. Прочие политические функции английского парламента . 465
Глава VIII. Социальная направленность деятельности парламента в XIII — начале XIV века 504
§ 1. Социальная направленность налоговой политики парламента в XIII — начале XIV века 505
§ 2. Социальная направленность петиционной и законодательной деятельности парламента в конце XIII — начале XIV века 540
Заключение 558
Источники и литература 569
Важнейшие сокращения 577

Евгения Владимировна Гутнова

* * *

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

* * *

Ред. С. А. Пустовойт
Техн. ред. М. С. Ермаков

Сдано в набор 11/VII-1959 г. Подписано к печати 29/III-1960 г. Л. 90241. Фор. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 36,25. Пр. п. л. 36,25. Уч.-изд. л. 37,96. Изд. № 351. Тираж 1500. Заказ 574. Цена 25 руб.

Издательство Московского университета,
Москва, Ленинские горы.

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
13	2 снизу	Itacta	Ithaca
21	11—12 снизу	rescerch	research
33	4 сверху	III в.	XIII в.
68	2 снизу	развитии	возникновении
69	4 снизу	развитии	возникновении
92	8 снизу	1772—1773 гг.	1172—1173 гг.
128	3 снизу	Timemuth	Tinemuth
140	7 снизу	sexaginata	sexaginta
149	17—18 сверху	перемещены	переменить местами
165	6 снизу	thirelnth	thirteenth
173	2 снизу	Hunded	Hundred
255	6 снизу	развитии	возникновении
306	3 снизу	otissimum	potissinum
306	2 снизу	perditos	perditis
340	17 снизу	Taxtio	Taxatio
340	18 снизу	Taxtio	Taxatio
395	8 снизу	Cild	Gild
409	13 снизу	qild	gild
570	21 сверху	literal	litteral
573	3 снизу	antient	ancient
574	17 снизу	Weles	Wales
574	10 снизу	Jtacka	Jthaca

З. 579.